

МИР В ВОЙНАХ

ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Анатолий Уткин

МИР В ВОЙНАХ

ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Анатолий Уткин

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2000

УДК 93/99 [947+957]

ББК 63.3 (2) 524

У 84

Серия основана в 1998 году

Уткин А. И.

У 84 Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. – Смоленск: «Русич», 2000 – 640 с. – (Мир в войнах).

ISBN 5-8138-0136-7

С тех пор прошло уже более восьми десятилетий... Однако история первой мировой войны до сих пор таит много белых пятен и ставит вопросы, на которые нельзя ответить однозначно. В чем кроются истоки одной из самых кровавых войн в истории человечества? Каковы причины трагедии, обрушившейся на Россию в начале века? Почему союзники – страны Антанты – бросили Россию на произвол судьбы? Верна ли сегодняшняя политика сближения России с Западом, или, быть может, у нас свой путь? На эти вопросы и пытается аргументированно ответить автор в своей книге.

УДК 93/99 [947+957]

ББК 63.3 (2) 524

ISBN 5-8138-0136-7

© Текст. А. И. Уткин, 2000

© Составление, разработка серии. «Русич», 2000

ВВЕДЕНИЕ

Период первой мировой войны был одним из важнейших рубежей мировой истории. В кратчайшее время произошли поистине революционные изменения в индустрии, в технологии, в средствах массовой коммуникации, в организации национальной экономической жизни, в системе внутренних социальных отношений. Первая мировая война с колоссальной силой «высветила» национальный вопрос, дала современную форму националистическим движениям. Она же в конечном счете вывела на арену истории те массы народа, которые как бы «спали до этого историческим сном». Общественное мнение до этой войны и после — два разных явления. Но даже на фоне глобального сдвига изменения, произошедшие в России, были особенными.

В истории отношений России и Запада на протяжении тысячелетнего существования русского государства отчетливо проявлялись две противоположные по направленности тенденции. Одна — открытие в направлении Запада, сближения с ним, создания того, что сейчас бы назвали «единым европейским пространством». Вторая — вынужденное или сознательное отстояние от Запада, стремление отгородиться стеной, создать самодовлеющий мир, оборотиться к степи и Сибири, к необозримым просторам вплоть до Тихого океана, Амура, Тянь-Шаня и Гиндукуша — своего рода центробежная по отношению к Европе тенденция. Первая тенденция преобладала на протяжении двух больших исторических периодов: во времена Киевской Руси и при правлении династии Романовых. Вторая тенденция была первоначально генерирована монгольской неволей, но сохранила свою инерцию и в эпоху собирания русских земель, в века «третьего Рима», смутного времени и в семидесятилетие советской истории. Между господством первой, а затем второй из этих тенденций в XX веке лежит главным рубежом русской истории первая мировая война.

При первой встрече с Западом в XVII в. удачей России было то, что ее непосредственные западные соседи — шведы и поляки — вступили в полосу государственного упадка, а немцы еще не поднялись. Но эти благоприятные обстоятельства были временными, и Россию неизбежно ждали, если она желала

сохранить саму себя, суровые испытания. Именно в это время страну возглавил жестокий и гениальный вождь, имевший мудрость понять, что сохранение России зависит от степени способности восприятия ею западной технологии — военной и социальной. Это был (в то время) первый случай, когда потенциальная жертва Запада сознательно поставила перед собой цель овладения материальной техникой Европы ради самосохранения. (Потом по той же дороге пойдут Османская империя, Япония и другие). Удача Петра заключалась в том, что Европа еще не вступила в эпоху «национальных войн», и ему хватило ограниченного числа (каких-нибудь шестидесяти тысяч) обученных западными специалистами войск, чтобы выстоять при Полтаве и победить в Северной войне. У императора Петра хватило энергии для создания прозападной элиты и вручения ей армии и административной системы государства. Это была жестокая трансформация, но она сохранила традиционную Россию почти на три столетия. Петр Великий не осуществил синтеза Запада и России, не трансформировал «русский дух», но он создал щит, за которым страна могла расти, развиваться, не изменяя своей эмоциональной, умственной, психологической природе, не отвергая опыт исконной Руси.

Россия показала блестящую способность развивать военную систему государства по западному образцу, она явила всему миру примеры гениальной оригинальности в литературе, она меньше преуспела в административном искусстве и уж совсем зашла в тупик, стараясь привить западную — «фаустовскую» психологическую модель на всем пространстве от Бреста до Владивостока. При всей огромности империи и блеске петербургского авангарда, ее политическая система отставала от требований времени. Государственная система имперской России в начале двадцатого столетия представляла собой неустойчивое соотношение сил — небольшую вестернизированную элиту и огромную массу автохтонного населения, живущего в собственном мире, в доиндустриальной эпохе. В России двумя нациями были носители западной цивилизации, с одной стороны, и приверженцы Византии — Азии, оторванные от Киевской прародины, массы — с другой.

Правящий класс императорской России не обладал уверенностью в себе, ясным пониманием ситуации, энергией патриотического спасения, которая позволила, скажем, британской аристократии образовать союз с нарождающейся буржуазией, создать жесткую

и прочную основу нации, не потерявшей самоуважения и в то же время восприимчивой к ценностям технической цивилизации. Аристократическая элита устремилась не к союзу с буржуазией, а за царем-самодержцем, делая для русской буржуазии дело реформирования России едва ли не безнадежным. И никогда в России не было создано основательного «среднего класса» — гаранта стабильности, противника революций. Хранить и защищать святую Русь предоставили не авангарду ее народа, а государству, западное происхождение которого вызывало едва ли не естественное отчуждение. Россия ко времени решающего вхождения в период испытаний сохранила в себе как подлинную часть национального существования не только собственные национальные традиции, но и традиции Византии и Золотой Орды.

Гордость России — ее интеллигенция — никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась — прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей свое отчуждение от народа как естественное состояние. Космополитическая, в лучшем смысле этого слова, она дала миру глубоко национальных гениев от Пушкина до Чехова, каждый из которых шел вровень с идейным миром Запада. Интеллектуально их родиной был Запад, хотя эмоционально, разумеется, горячо любимая Россия. Блеск этого русского «века Перикла» почти заслоняет тот факт, что основная масса народа жила в другом мире, из которого прозападная сила виделась часто враждебной. 1914 год сделал предположение правилом, предчувствие — аксиомой. Для 18 миллионов одетых в шинели русских их западная граница стала границей глубоко (и жестоко) враждебного мира. Это и привело к советской изоляции.

Зыбкое реформирование, сопровождаемое контрреформами, возможно, со временем и дало бы искомый результат — сближение двух частей одного народа, но прозападная элита бросилась в авантюры, против которых выступали лучшие государственные деятели России — Витте и Столыпин. Прозападные вожди как бы забыли трагическую особенность России, ее особый путь избавления от политического доминирования Запада. Раскачивание внушительного по виду российского корабля дало жестокие результаты в ходе войны 1904—1905 гг. с Японией. Но это не отрезвило тех, кто не понимал смысла русской истории и того факта, что управлять в России, считая, что она просто часть Запада, — это сидеть на вулкане.

Именно тогда, когда в двадцатилетие 1892—1914 гг. российская индустрия сделала феноменальный бросок вперед, славянофильство уходит из поместий бар и купеческих особняков в скромные городские квартиры и унылые деревенские дома народников, породивших в XX веке мощную политическую партию социал-революционеров. Одной из главных целей крупнейшей русской партии (трагически впоследствии сошедшей на нет) было сохранение русских особенностей и чрезвычайный критицизм в отношении иностранного. Французское — жестокое, искусственное, абстрактное, отчужденное. Испанское — фанатичная гордыня, предрассудки, холодный аристократизм. Германское — излишне рационалистическое, плоское, лишенное возвышенного. Американское — шокирующий материализм, примитивный рационализм, подчиненность легальной системе.

До 1914 г. существовала надежда, что либеральные, прозападные тенденции развития России постепенно трансформируют ее социальную структуру, внутренний политический климат и политические установления. Россия 1914 года была очень далека от России 1861 года. Она сумела пройти, может быть, большую дорогу, чем большинство европейских наций. У нее наладилось эффективное финансовое хозяйство, никто не мог отрицать ее промышленного прогресса. Всеобщее образование планировалось ввести в 1922 году. Эволюция правительства в демократическом направлении шла медленно, но трудно было оспаривать ощутимость этого движения.

На растущее место России в Европе стали указывать демографические показатели. В середине семнадцатого века четырнадцатимиллионное население России составляло лишь половину совокупного населения Франции и Англии (27 миллионов человек). К 1800 г. соотношение изменилось в пользу России (36 миллионов против 39 миллионов Англии и Франции). Соотношение еще более изменилось в пользу России к началу нашего века (129 миллионов против 79 миллионов). Уступая в индустриальном развитии, Россия стала равной всему Западу по населению, если в него включать Англию, Францию и США.

Размеры России, ее население, экономический потенциал и военная мощь сделали ее великой мировой державой, и, ко меньшей мере, в одном случае — на Берлинском конгресс-

се в 1878 г. — практически весь мир объединился, чтобы ограничить рост влияния рвущегося вперед гиганта. Но могущество России не имело достаточно прочного фундамента. Главной причиной слабости России явился специфический характер ее внутреннего развития — чреватый потрясениями переход от традиционного общества к индустриальному, болезненная абсорбция новых идей и институтов.

Разумеется, Россия очень отличалась от Запада по позиции своего населения. Прежде всего, она была более обширной страной. Во Франции на одну квадратную милю территории приходилось 200 человек, в Англии — 600 человек. В России — 60 человек. Во Франции городское население составляло половину всей нации, в Англии — 70 процентов. В России из 150 миллионов населения (ценз 1912 года) в городах жило 16 миллионов человек. Два с половиной миллиона промышленных рабочих были безусловным меньшинством в своей преимущественно сельскохозяйственной стране. Несколько сот больших заводов и несколько тысяч промышленных предприятий были островом среди двенадцати миллионов крестьянских домов.

В период, когда три последних царя из династии Романовых рсшили войти в индустриальную эпоху на основе ограниченного заимствования западного технологического опыта при сохранении «исконно русской» системы правления (т.е. самодержавия), вопрос о союзе России с Западом приобрел действительно судьбоносное значение. Славянофилы настаивали на том, что Россия — это особый мир, западники на том, что лучшее в этом мире принесено с Запада Петром и Екатериной. В царствование Николая Второго в правящем слое утвердилась некая «срединная» идея: экономические перемены неизбежны и они желательны, так как Россия принадлежит к европейскому центру мирового развития; но при этом приобщении к мировой технологической культуре России следует сохранить свое уникальное внутреннее своеобразие перед напором западных идей индивидуализма, денежных отношений и демократии.

Ключевое противоборство двух тенденций русской истории, как и пик сближения России с Западом, приходится на 1914—1917 годы, когда был создан военный союз, противостоящий притязаниям Германии на гегемонию в Европе. Но в эти критические годы высшего испытания оказалась сла-

бость дела, осуществленного Петром. Во всей трагической отчетливости проявилось, что династия Романовых создала лишь тонкий слой вестернизированной аристократии, той в основном военной элиты, признание которой народом зависело от непосредственных практических результатов. И когда эти результаты оказались плачевными, во весь рост и во всем критическом звучании встал вопрос *о двух народах внутри одного*, о двух культурах в пределах одной нации. Небольшая прозападная элита сама увидела, сколь мала ее внутренняя база, сколь далеки огромные массы народа, живущие собственной жизнью, от блестящих «граждан мира» из двух столиц. Стало прискорбно ясно, что царю Петру и его наследникам не удалось найти «синтеза» духа Запада, покоящегося на идее самореализации, на абсолютной убежденности в своем праве, на абсолютном самоутверждении? и русского духа, склонного к созерцательности, преданного идее посвоему понимаемой справедливости.

Россия, в случае победы в первой мировой войне, должна была войти в Центральную Европу, в Средиземноморье и принять непосредственное участие в создании в Европе такого политического порядка, при котором треугольник «Россия — Британия — Франция» определял бы развитие всего евразийского континента. Залогом «окончательного» завершения интеграции России в Европу стал союз с европейским Западом, с Парижем и Лондоном — невиданный доселе эксперимент в дипломатической истории русского государства.

Начался безумный европейский раскол, стоивший ей в целом — и каждому великому национальному государству в отдельности — места центра мировой мощи, авангарда мирового развития. Блестящая плеяда дипломатов слишком уверовала в незыблемость Европы как мировой оси, точки отсчета мирового развития. Европа поплатилась за свое самомнение, за узость мыслительного горизонта. Оказалось непрочным мировое равновесие, тонка пленка цивилизации, горькими стали последствия небрежного отношения к нуждам европейских народов. Нам нужно это осмысление, если мы всерьез решили возвратиться в Европу. В новой Европе рубежа нового тысячелетия мы не должны повторить ошибку, с легким сердцем сделанную летом 1914 года. От этого зависит наше будущее.

Быть немцем и чувствовать себя представителем Запада — было практически невозможно всегда, вплоть до середины XX века. Германия имела по отношению к Западу нечто общее с Россией. В Германии и России отсутствовал положительный опыт века Просвещения, столь осязаемый на Западе; в обеих странах не было либерально-гуманитарных традиций, столь счастливо доставшихся Западу от Ренессанса и Просвещения. Ф. Ницше писал о «враждебности немцев Просвещению»¹. То же с полным основанием можно сказать о России. Ницше еще питал надежду, что «обскурантистский, преисполненный энтузиазма атакистический дух», обусловивший отчуждение Германии от Запада, со временем потеряет силу. Но будущее показало, что отчуждение Германии от Запада лишь углублялось, достигнув до своего пика при Гитлере.

Если немцы и смотрели на Запад, то желали усматривать некоторое родство только с «германской Британией», чьи корни традиционной свободы немцы видели в старых традициях англосаксов. Но и Англия воспринималась как страна ложных принципов. Вспомним лишь, как Гейне в 1830 г. писал об «инфернальной Англии, в которой невозможно жить»². Поэт, которого даже в англосаксонском мире воспринимали как величайшего наследника Гете, полагал, что антизападная традиция Пруссии навязет Германии отчуждение от Запада, что и случилось.

Один из наиболее известных германских экономистов — В.Зомбарт — доказывал в книге «Торговцы и герои», что торговцы Запада имеют мало общего с героями Германии. «Германская мысль и германское чувство проявляют себя в единодушном протесте против всего, что может хотя бы отдаленно называться английской или западноевропейской мыслью и чувством. С величайшим отвращением, с отчаянием и возмущением германский дух восстает против идей восемнадцатого века — английских по происхождению. Каждый германский философ и даже каждый немец, думающий по-немецки, всегда решительно отвергают весь этот утилитаризм и эвдемонизм. Все, что в западных идеях связано с коммерциализмом, недостойно нас».

Складывается впечатление, что начало эры несчастий России лежит в неверном дипломатическом выборе, предпо-

лагавшем союз с Францией и противостояние Германии. Порочными были изначальные посылки. Ныне, в конце века, напрашивается вывод, что России нужен был союз с обеими странами: с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе), но и с Германией — лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы назвали бы менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей неконтролируемых ею политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие руки.

* * *

Современная история России началась в 1914 г. Многие из того, что происходит сейчас в развитии нашего государства — попытка (по возможности, менее болезненного) сращения с европейскими тканями, отторгнутыми в 1914—1918 гг. Первая мировая война открыла новый пласт нашей национальной истории, создала предпосылки революции, гражданской войны, построения социализма и многих десятилетий разобщения с Европой. Эта война служит водоразделом между преимущественно эволюционным, упорядоченным развитием и, с другой стороны, спазматической — со взлетами и падениями — революцией нашей страны. Наш век прошел под знаком-внутриевропейского противостояния, фактической европейской гражданской войны между 1914 и 1991 гг. с ее долговременным эпилогом в виде «холодной войны», угасшей на наших глазах лишь в последние годы.

Планам сближения России с Западом не суждено было сбыться. Потерпев серию военных поражений, потеряв внутреннее равновесие, Россия заключила Брест-Литовский мирный договор — она вышла из своего союза с Западом. Прежние союзники, боясь победы Германии, предприняли против нее интервенцию, усугубившую братоубийственную борьбу русских. В результате тяга двух предшествующих столетий к сближению с Западом иссякла — вперед в России вышли носители иных представлений о характере прогресса российского общества и об отношении России к западной цивилизации.

В этой книге мы обращаемся к ключевому эпизоду за-

канчивающегося-века — Первой мировой войне. Эта война особенно значима для России. Падение престижа правящего слоя, крушение веры в прогресс при наличной политико-экономической структуре, явились результатом внутренней деморализации, безразличия большинства, резкого ожесточения воинствующего меньшинства. Деморализованная Россия позволила провести над собой невиданный социальный эксперимент. Планам сближения России с Западом не суждено было сбыться.

Но здравый смысл народов России в конечном счете должен победить идейную энтропию. Однажды английский автор Б.Лиддел Гарт написал, что «подлинной задачей историка является дистилляция опыта как медицинского предупреждения будущим поколениям, а не дистиллирование самого лекарства. Выполнив свою задачу в пределах своих способностей и честности, он достигнет своей цели. Но он будет бесшабашным оптимистом, если поверит, что следующее поколение обеспокоит себя обращением к его предупреждению. История учит историка, по крайней мере, этому уроку»³.

История свидетельствует, как трудно извлекать пользу из горького опыта. Довольно неожиданно окунувшись в гласность, мы рискуем дойти до презрения к любому опыту, до агностицизма. Но, кроме размышлений о прошлом, у нас нет другого учебника. И если мы сумеем осмыслить удивительный и трагический опыт нашего отторжения от Европы, нашего уникального изоляционизма (начавшегося с траншей 1914 года), нам будет легче извлечь уроки и построить жизненно важную систему взаимоотношений с бурно меняющимся миром, все тревожения которого мы должны встретить в составе великой Европы — нашей матери во всех мыслимых смыслах.

1) Kohn H. The Mind of Germany. The Education of Nation N.Y., 1960, p. 12.

2) Zombart W. Handler und Helden. B., 1915, S.73.

3) Captain Liddel Hart B H The real war 1914-1918. Boston, 1920, p 304.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Было ли что-то не так с нашей цивилизацией и с ценностями, в которые мы так верили? Великая война давала ужасный ответ.

Лорд Грей, 1925.

Относительное единство правящего класса

Запад и Россия приняли в Лондоне 4 сентября 1914 г. решение не заключать сепаратного мира и консолидировать отношения России и Запада в тесный военный союз (который дополнился в дальнейшем еще двумя великими западными державами Италией и США). Россия тем самым была укреплена вовне, но критическим обстоятельством оказалось ее внутреннее развитие.

Вступление в войну, которая сокрушила миллионы судеб и не принесла желаемого ни одной стране-участнице, произошло необычайно легко. Словно мир решил забыть об ответственности. Английский историк Г. Крейг пишет о начале войны: «Это была необычайная смесь нереализованного патриотизма, романтической радости по поводу возможности участия в великом приключении, наивного ожидания того, что тем или иным способом этот конфликт разрешит все прежние проблемы. Большинство немцев верило так же ревностно, как и большинство англичан и французов, что их страна стала жертвой brutального нападения; выражение «мы этого не хотели, но теперь мы должны защищать свое отечество» стало общей формулой и вело к

впечатляющей национальной консолидации. Русская мобилизация разрешила сомнения тех, кто критически относился к довоенной политике Германии».¹

Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией и основываясь на подспудном желании остановить Германию на пути к гегемонии в Европе. Согласно Сазонову, главной целью союзников было сокрушение мощи Германии, «ее претензий на военное и политическое доминирование»². Ведь в случае победы Германии, полагал Сазонов, «Россия теряла прибалтийские приобретения Петра Великого, открывшие ей доступ с севера в западноевропейские страны и необходимые для защиты ее столицы, а на юге лишалась своих черноморских владений, до Крыма включительно, предназначенных для целей германской колонизации, и оставалась таким образом, после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и на Балканах, отрезанной от моря в размерах Московского государства, каким оно было в семнадцатом веке».³ Как минимум, Россия хотела ослабить германское влияние внутри страны. Какими бы разными ни были цели России и Запада, в одном они были едины — следует подорвать силы германского *империализма* (именно этот термин употребили все три главных союзника — Британия, Франция и Россия).

Союз с Западом рассматривался в Петрограде как долговременная основа русской политики, а не только как инструмент ведения данной конкретной войны. Именно исходя из этого стратегического курса, Россия не готовилась требовать от Германии, в случае ее поражения, многого. Члены русского правительства разделяли опасения относительно введения в состав Российской империи новых германских подданных. Петроград видел гарантии от германского реванша в тесном союзе с Западом. С началом войны в правящем классе России абсолютно возобладали сторонники европейского Запада.

(Относительно небольшая группа тех, кого считали

подверженными германскому влиянию, называлась «партией двора», и их лидером общественное мнение чаще всего называло императрицу Александру Фёдоровну (прежнюю принцессу Гессен-Дармштадтскую) — кузину германского императора. Вождями этой партии в Государственном совете и в Государственной Думе были князь Мещерский, министр Щегловитов, барон Розен, депутаты Пуришкевич и Марков. Они оправдывали свою, в той или иной мере ориентированную на союз с германским императором позицию соображениями внутренней политики — солидарностью монархов, опасностью союза с демократиями, стратегической бессмысленностью отторжения Германии как экономической и научно цивилизующей Россию силы).

Большие дискуссии вызвала новая, продиктованная войной позиция России в польском вопросе. 13 августа 1914 г. император Николай решил даровать Польше широкую автономию. Запад приветствовал этот шаг, так как раздел Польши всегда был основой русско-германского сближения. Западные послы говорили Сазонову об укреплении сил России вследствие объединения двух славянских народов под скипетром Романовых. Расширение германизма на восток будет остановлено, все проблемы в Восточной Европе примут, к выгоде славянства, новый вид. Россия видела в этой инициативе надежду на примирение поляков и русских в лоне великой славянской семьи.

Призыв царя, на который возлагали надежды в Петрограде, в Польше не дал особых результатов. Реалистический взгляд на вещи говорил об опасности присоединения западных польских территорий — оно означало изъятие германских земель. Эту угрозу Германия ощутила мгновенно. Немцы тотчас же обратились к католическим епископам Познани и других польских городов, расположенных внутри рейха, напомнили о преследовании царем католиков и потребовали от своих польских подданных исполнения долга перед фатер-

ляндом. 16 августа 1914 г. австрийские власти стимулировали создание Йозефом Пилсудским польского легиона, руководимого Высшим национальным комитетом в Кракове, и приготовились к маршу на Варшаву. Уже в сентябре 1914 года русское Верховное Командование особо отметило участие поляков, живших на территории русской Польши, в боях на стороне австрийцев и немцев.

Прокламация, касающаяся украинцев, была издана царским правительством 24 августа 1914 г., когда русские войска вошли в Галицию. В ней обещалось уберечь Восточную Галицию от посягательств Польши. Русское правительство не употребило слово «украинский», считая, что для всех восточных славян, великороссов и малороссов, существует одна родина — Россия. «Нет сил, которые могут остановить русский народ в его стремлении к единству». Украинцам Австро-Венгрии напоминали, что они являются наследниками «Святого Владимира, земли Ярослава Мудрого, князей Даниила и Романа». Их призывали отбросить иноземное иго и поднять знамя великой и неделимой России, «завершить дело великого князя Ивана Калиты».

Русский консул в Праге еще в апреле 1914 г. обсуждал возможность создания широкой панславянской федерации, возглавляемой Россией. Русское правительство рассчитывало в этом на помощь колонии чехов, живших в Петрограде, Москве и Киеве. 4 августа 1914 г. чехи обратились к русскому правительству с предложением о создании Чехословацкого легиона в составе русской армии. «Чехи, дети общей славянской матери, удивительным образом выжившие как часовые на Западе, обращаются к тебе, Великий Суверен, с горячей надеждой и требованием восстановления независимого чешского королевства, чтобы дать возможность славе короны Святого Вацлава сиять в лучах великой и могущественной династии Романовых». Были созданы специальные воинские подразделения, в которые вна-

чале входили только чехи, жившие в России, а затем и военнопленные австро-венгерской армии. Сазонов обещал: «Если Бог даст решающую победу русскому оружию, восстановление полностью независимого Чешского королевства будет совпадать с намерениями русского правительства».

Немцы? Их национальное единство в августе 1914 г. было впечатляющим. Кайзер заявил 4 августа: «Я больше не различаю партий, я вижу только немцев».⁴ Далеко не крайние из них считали войну путем к освобождению от британских цепей и шагом к европейскому и мировому возвышению. Историк Ф. Майнеке писал осенью 1914 г.: «Наши оппоненты приписывают нам военные планы создания новой Римской империи — но деревья не растут до небес так быстро... Мы должны, прежде всего, сокрушить Британию до такой степени, чтобы она признала нас равной себе мировой державой, и я верю, что наша мощь для достижения этой цели достаточна».⁵ Граф Пурталес, германский посол в Петербурге, постоянно сообщал в Берлин, что ослабленная революционным движением Россия не сможет выступить вместе с Францией. Военный атташе — капитан Эгелинг — характеризовал русскую мобилизацию как прелюдию к тактике 1812 г. — отступлению в глубину российской территории. Кайзер, подверженный эмоциональным порывам, делился с окружением: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их».⁶ Кайзер читал телеграммы от своих дипломатов из Петербурга, в которых говорилось, что в российской столице царит «настроение больного кота». (Как знаем мы сейчас, «больным котом» был сам кайзер. Получив сообщение о мобилизации в России, он впал в панику: «Мир захлестнет самая ужасная из всех войн, результатом которой будет разгром Германии. Англия, Франция и Россия вступили в заговор, чтобы уничтожить нас»). Но кайзер Вильгельм плыл в русле имперской политики, где

минуты его слабости покрывались общей агрессивностью правящего класса страны. На кайзера, в частности, влияли взгляды его университетских однокашников — канцлера Бетман-Гольвега и министра иностранных дел фон Ягова.

В этот час страшного национального выбора у Германии, возможно, был еще шанс избежать истребительной войны на два фронта. Бетмана убеждали, что именно сейчас следует предоставить давно обещанную автономию Эльзасу в пределах Германской империи. Двумя неделями ранее могущественная Французская социалистическая партия именно таким способом согласна была решить судьбу потерянного Эльзаса. Пойди Германия на этот шаг — и Париж вынужден был бы начать обсуждение немецкой инициативы.

В то же время германская верхушка сомневалась в единстве и твердости республиканской Франции. Историк Г. Дельбрюк публично усомнился в том, что «страна, сменившая 42 военных министра за 43 года, способна сражаться эффективно». Но в Берлине победили воинственные силы. Даже не стремясь предпринять действий по обеспечению французского нейтралитета, германское правительство отправило Парижу ультиматум, требуя в качестве гарантии нейтралитета передачу крепостей Верден и Туль. Даже с точки зрения германского посла во Франции барона фон Шена, это было «наглое требование». Посол Шен пошел на невероятное нарушение субординации и, предъявляя французскому руководству ноту своего правительства, не упомянул о крепостях (французы, однако, уже расшифровали ноту Берлина и знали о всех требованиях немцев).

Посол Шен не мог объяснить для себя, зачем Германия делала такую глупость — сама объявляла войну Франции в тот момент, когда следовало всеми силами стараться избежать войны на два фронта.

Это была ошибочная оценка потенциального противника. Франция не только была едина в решимости

сражаться с обидчиками 1870 г. Даже социалисты без оговорок вотировали военные бюджеты. Она восприняла в национальном масштабе как заклинание, как род общенационального помешательства доктрину «войны до крайних пределов», а *outrance* как главный и желанный путь к решающей битве, которая, согласно Клаузевицу, является «главным актом войны». Французский генеральный штаб уволил из армии всех сторонников оборонительной войны. Согласно популярному тогда полковнику Гранмезону, «только наступление соответствует темпераменту французского солдата». Французский устав 1913 г. начинался следующим постулатом: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления». Наступление, захват инициативы, высшая воля сражаться, неиссякаемая жизненная сила — *elan vital* — стали своего рода священным национальным заклинанием. Высшая военная академия во главе с генералом Фошем все планы строили на афоризме «воля к победе есть первое условие победы». Воля наступать до крайних пределов стала психологической базой не только армии, но и нации в целом.

Франция выдвинула несколько военных администраторов и военных вождей, которые с уверенностью смотрели в то будущее, в котором Франция возвратит себе две утраченные в 1870 г. провинции — Эльзас и Лотарингию — и восстановит лидирующую роль Парижа, привычную для Европы на протяжении многих веков ее истории. Сорокалетний военный министр Массими после 1911 г. удвоил, согласно закону 1913 г., армию военного времени и способствовал возвышению генералов, на которых пало бремя, слава и позор решений грядущей мировой войны: молчаливый генерал инженерных войск Жофр, прославившийся в колониальных войнах Галиени, галантный генерал Дюбай, однорукий генерал По. Особое благоволение Массими вызвал начальник службы тыла, коренастый, белоусый

генерал со спокойным взглядом голубых глаз — 59-летний представитель инженерных войск Жозеф Жофр — «хладнокровный и методичный работник с гибким и точным умом». Жофр не имел дипломов «обязательного» Сен-Сира и Военной академии, но его спокойствие, выдержка, здравый смысл и жизненная сила подкупали. В ответ на сделанное ему в 1911 г. предложение возглавить французскую армию Жофр сказал: «Я буду сражаться и одержу победу. Мне всегда удавалось все, за что я брался».

Одного только не сумел осуществить Массими. Во время балканских войн стало ясно, что серая форма болгар защищает их от снайпера больше, чем разноцветье прочих национальных униформ. Но законопроект, предусматривавший ношение мундиров серо-зеленого и серо-голубого цвета, вызвал едва ли не всеобщее отторжение французов, отбивших покушение на красные рейтузы своих пуалю, своих солдат. Массими тогда заметил: «Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов будет иметь жестокие последствия»⁷.

Немцы неверно оценивали и Британию. Их посол в Лондоне Лихновский был ярым англоманом: он ревностно имитировал все английское и стремился избежать отчуждения двух германских стран. (В этом он был не одинок; по-английски в Берлине говорила вся верхушка, начиная с канцлера Бетман-Гольвега и адмирала Тирпица). Многие видные немцы были женаты на англичанках. Но постоянное возвышение Берлина уже породило плеяду британских государственных деятелей, непреклонно стремившихся избежать германского доминирования на континенте.

Возглавлявший английский штабной колледж генерал Вильсон свободно говорил по-французски и дружил со своим французским коллегой, главой Высшей военной школы Франции — генералом Фошем. Приглашенный в Лондон, Фош близко сошелся с военным министром Холдейном. Генерал Вильсон задал Фошу

наиболее существенный с его точки зрения вопрос: сколько английских войск хотела бы видеть Франция на своей территории в случае войны? «Одного англичанина, а мы позаботимся, чтобы он сразу погиб». Вильсон и его коллеги на велосипедах объехали границу Франции с Германией. А в кабинете Вильсона во всю стену висела карта Бельгии. У Вильсона была программа из трех пунктов: «Первое, — мы должны объединиться с французами. Второе, — мы должны провести мобилизацию в один день с Францией. Третье, — мы должны отправить шесть дивизий». На специально созванном премьером Асквитом 23 августа 1911 г. совещании Вильсон прикрепил к стене большую карту Бельгии и в течение двух часов «развешал множество иллюзий, объяснив, что Германия, рассчитывая на медленную мобилизацию России, направит основную часть своих сил против французов, используя преимущество в живой силе. Он правильно раскрыл сущность немецкого плана охвата правым крылом»⁸. В 1913 г. генерал Вильсон каждый месяц посещал французский генеральный штаб, а весной 1914 г. было завершено создание франко-британского плана прибытия во Францию британского экспедиционного корпуса. Он был выработан в строжайшей тайне: о нем знали лишь десять офицеров.

Последней попыткой правящего класса Британии найти «модус вивенди» с Германией была миссия Холдейна, который пытался приостановить гонку вооружений. Его финальный вывод был однозначным: «Познакомившись с германским генеральным штабом, я понял, что, как только немецкая военная партия прочно сядет в седло, война будет вестись не просто за захват Франции или России, а за достижение мирового господства». Такой вывод известного германофила оказал большое воздействие на правящую либеральную партию, да и на всю читающую публику в целом.

В решающий момент, когда Германия предъявила ультиматум Франции (дав на размышление всего лишь несколько часов), — 1 августа министр иностранных дел сэр Эдуард Грей дал обещание поддерживать нейтралитет Франции только при условии, что Берлин пообещает хранить нейтралитет как по отношению к Франции, так и России. Кайзер неверно понял телеграмму Лихновского — как обещание развязать руки Германии на Востоке: «Теперь мы можем начать войну только с Россией. Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!» Но в 11 часов вечера от посла Лихновского пришла уточняющая телеграмма: «Позитивного предложения Англии в целом ожидать не следует». Разочарованный кайзер обратился к высокому, грузному, лысому Мольтке (прибывшему в спешке во дворец в неподобающем виде — в военной шинели, накинутой на ночную рубашку): «Теперь вы можете делать все, что хотите».

Мощь России

В отношении массы наличных войск Антанта имела несомненное численное превосходство над коалицией Центральных держав. Особое уважение вызывали безграничные ресурсы России. Сэр Эдуард Грей пишет в апреле 1914 г.: «Каждый французский политик находится под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства». Сам сэр Эдуард, при всем природном скептицизме, разделял это восхищение, о чем сказал, обращаясь к президенту Франции Пуанкаре: «Русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России».

В начале войны, в августе 1914 г., у России было уже 114 боеготовых дивизий, а у ее главного военного

союзника Франции — 62 дивизии, к которым присоединилось 6 британских дивизий. Германия выставила в первый месяц войны 78 дивизий, а ее главный союзник Австро-Венгрия — 49 дивизий.

Как утверждают русские военные (в частности, генерал-квартирмейстер Данилов, написавший свое исследование в эмиграции), Россия в течение пяти лет после войны с Японией была в военном отношении беспомощна. Реформа армии началась лишь в 1910 г., но через четыре года она еще не была готова к войне. Военным министром стал генерал В. А. Сухомлинов — низкого роста, с аккуратными усами и бородой, обладал природным умом, сметкой, хорошей памятью и в то же время был склонен к интригам. Он предпринял ряд мер: сокращение трехнедельного периода мобилизации; техническое оснащение армии; искоренение «маньчжурского синдрома» — деморализующей памяти о злосчастных поражениях; организация запасов и системы подкреплений. В отставку были отправлены 341 генерал и 400 полковников. Часть реформ была успешной. Рекрутирование войск отныне осуществлялось строго по территориальному принципу. Были уменьшены гарнизоны крепостей (это дало дополнительные шесть дивизий), увеличена численность офицерского корпуса, улучшено питание и обмундирование солдат, увеличена численность пулеметов. Основную массу военного оборудования Россия производила сама. В целом, нет сомнений в том, что русская армия 1914 г. была много сильнее армии десятилетней давности. И все же армии в 1914 г. не хватало 3000 офицеров, несмотря на улучшения в денежном обеспечении и в системе продвижения по службе.

Новые — коричнево-зеленые — гимнастерки были перехвачены широким ремнем, ноги были обуты в сапоги. Дневной рацион составлял четыре тысячи калорий, приходившиеся преимущественно на черный хлеб, щи, кашу, чай и огромное — по западным понятиям —

количество сахара. Солдаты были вооружены пятизарядной винтовкой калибра 7,62 мм, которую такие специалисты, как полковник Нокс, охарактеризовали как «полностью надежную». Вместе со всегда привинченным в боевых условиях штыком эта винтовка весила примерно четыре килограмма. Общий вес боевого снаряжения составлял примерно тридцать килограммов.⁹

Противостоящий германский солдат образца 1914 г. был хорошо подготовлен. Одетый в зелено-серую форму, он нес на себе 26 килограммов, куда входили винтовка, патроны, гранаты, ранец; шанцевый инструмент, котелок, тесак, продовольственный паек, фляжка со шнапсом. Офицеры носили на шее бинокль и планшет с картами. На остроконечных шлемах красной краской обозначен был номер полка. Штабные офицеры передвигались на автомобилях. Полевые кухни, по некоторым свидетельствам, были позаимствованы у русской армии. Иностранцы отмечали совершенство оборудования, отлаженность германской военной машины.

Книга Нокса о русской армии 1914 г. полна восхищения перед ее могучей боевой силой. Поражительным для Нокса был природный оптимизм солдат и офицеров, спасавший их в невыносимых ситуациях невероятной по жестокости войны (о первых же днях которой немецкий генерал Гофман, действовавший в Восточной Пруссии, записал в дневнике: «Такой войны еще не было и никогда, вероятно, больше не будет. Она ведется со звериной яростью»). Но Нокс не близорук: он видит и героизм, и поражительные черты ущербности. Он описывает «бессмысленные круговые вращения через песчаные поля и грязь», запоздалые приказы, непростительную слабость в деле организации тылового снабжения, отсутствие телефонной связи, упорное нежелание допрашивать пленных офицеров, слабость коммуникаций и слабую, бесконечно слабую организацию войск — особенно в сравнении с безупречной машиной, управляемой прусскими офицерами». Б.Такман пишет о «пло-

хой разведке, пренебрежении маскировкой, разглашении военных тайн, отсутствии быстроты, неповоротливости, безынициативности и недостатке способных генералов».¹⁰ Во время мобилизации русского солдата надо было перебросить в среднем на тысячу километров — в четыре раза дальше, чем германского солдата.

Слабые стороны русской армии обнаружились довольно быстро. Прежде всего, они отражали факт бедности основной массы населения России, неграмотность половины ее населения. Малообразованные солдаты, при всей их природной храбрости, плохо ориентировались на местности, трудно овладевали техникой, терялись в сложной обстановке. Русская армия имела 850 снарядов на каждое орудие, в то время как в западных армиях приходилось от 2000 до 3000 снарядов. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, а германская — 381 батарею. В июле 1914 г. всего лишь один пулемет, который так быстро и жестоко покажет свою значимость, приходился на более чем тысячу солдат. (Только после грандиозных поражений — в июле 1915 г. — генеральный штаб России заказал 100 тысяч автоматических ружей и 30 тысяч новых пулеметов¹¹).

В течение первых пяти месяцев войны военная промышленность России производила в среднем 165 пулеметов в месяц (пик производства был достигнут в декабре 1916 г. — 1200 пулеметов в месяц). Русские заводы производили лишь треть автоматического оружия, запрашиваемого армией, а остальное закупалось во Франции, Британии и Соединенных Штатах; западные источники предоставили России 32 тысячи пулеметов. К сожалению, почти каждый тип пулемета имел свой собственный калибр патрона, что осложняло снабжение войск. То же можно сказать о более чем десяти типах винтовок (японские «Арисака», американские «Винчестеры», английские «Ли-Энфилд», французские «Грас-Кропачек», старые русские «Берданы» использо-

вали разные патроны). Более миллиарда патронов было завезено от союзников. Еще хуже было положение с артиллерией. Более тридцати семи миллионов снарядов — два из каждых трех использованных — были завезены из Японии, Соединенных Штатов, Англии и Франции. Чтобы достичь русской пушки, каждый снаряд в среднем проделывал путь в шесть с половиной тысяч километров, а каждый патрон — в четыре тысячи километров. Недостаточная сеть железных дорог делала снабжение исключительно сложным, и к 1916 г. напряжение стало весьма ощутимым.¹²

В своих «Воспоминаниях» бывший военный министр Сухомлинов утверждает, что царь знал его мнение о слабостях русской армии. Хотя военные реформы 1909—1914 гг. и сделали русскую армию более мощной, чем во время войны с Японией, силой, она так никогда и не достигла уровня, сопоставимого с уровнем основного противника — с германским. Россия не породила военных гениев, ее армия отражала слабости страны в политической, социальной и культурной сфере. Никто не отказывал русским в мужестве и упорстве, но никто не может отрицать, что огромные людские силы часто использовались военными командирами бездарно. Неэффективная организация порождала дефекты снабжения во всем — вооружении, амуниции, средствах связи, медицинском оборудовании. В России отсутствовало главное, необходимое для войны индустриального века условие — честное и компетентное экономическое планирование. Бездумно мобилизовывались квалифицированные рабочие. Невойенные отрасли промышленности рухнули довольно быстро, озлобляя страдающее население. Отсутствие промышленных товаров лишало стимула сельскохозяйственных производителей.

В общем и целом, по мнению британского исследователя России, «ни одна из участвовавших в войне стран не была хуже подготовлена к войне, чем Россия. После поражения в войне с Японией некоторый про-

гресс был достигнут в реорганизации и техническом вооружении армии, в создании военно-промышленного потенциала. В последний момент большой кредит был взят из Франции для железнодорожного строительства в стратегически важных западных областях. Но интервал для восстановления сил был слишком кратким. Впрочем, даже если бы передышка была продолжительнее, русская система управления исключала возможность надежной подготовки к войне, учитывая, что предполагаемым противником была в высшей степени технически передовая Германия. Россия так и не смогла сражаться на равных со своим главным врагом. Превосходство в людской силе не могло компенсировать отставания в производстве вооружений и недостатков военного руководства».¹³

Война в опасной степени замедлила внутреннее реформирование России. Как пишет британский историк Х.Сетон-Уотсон, «пока Россия защищала себя от германских армий, не виделось возможным осуществлять земельную реформу или вводить автономию, не говоря уже о федеральной системе отношений для нерусских. В этом свете кадеты и даже умеренные социалисты, настаивавшие на том, чтобы отложить земельный и национальный вопросы до созыва конституционной ассамблеи, казались массам саботажниками перемен, которые пропаганда давно уже обещала народу».¹⁴

Стратегия

Стратегическое планирование России и Запада было согласовано в ходе конференций 1911–1913 гг., на которых французскую сторону представляли генералы Жоффр, Дюбай и Кастельно. В 1913 г., как уже говорилось, генерал Жоффр пообещал выставить полто-

ра миллиона солдат на десятый день войны и начать активные боевые операции на одиннадцатый день.

Согласно плану русского генерального штаба, в случае поворота Германии к России как к первому (хронологически) противнику, две группы русских армий (против Германии и против Австро-Венгрии) должны были отступить к линии, примерно проходящей к северу и югу от Бреста, а возможно и далее, оставляя всю Польшу, отступая за Припятские болота. В крайнем случае предвиделось нечто, напоминающее кампанию 1812 года. Но, если Германия бросалась, прежде всего, на Францию, против основного противника, которым признавалась Австро-Венгрия, выставлялось 48,5 дивизии, а против Германии — 30 дивизий.

Напомним о многонациональном характере австрийской армии: 25% австрийцев, 23% венгров, 17 % чехословаков, 11 % сербов, хорватов и словенцев, 8 % поляков, 8 % украинцев, 7 % румын, 1 % итальянцев. Лояльность многих из них была сомнительной, учитывая при этом и то, что 75 % офицеров и унтер-офицеров были австрийского происхождения. Существовал особый военный язык — *восемьдесят* немецких слов, которые должны были понимать солдаты разноплеменной армии. Офицеры профессиональной армии были храбрыми воинами, половина из них погибла, и заметить этих профессионалов было весьма трудно хотя бы потому, что новые офицеры испытывали языковые трудности. Главнокомандующий Конрад лично знал семь языков, но в некоторых словацких частях говорили по-английски (!) — единственный взаимопонимаемый язык офицеров и тех вчерашних крестьян, которые надеялись переселиться в Америку. В ряде случаев общепонятным оказывался русский язык.

По мнению российских (советских) исследователей, «выбор австро-венгерского фронта, как главного, был правильным, так как в случае успеха можно было отделить Венгрию от Австрии, в то же время русские

армии приблизились бы к восточной области Германии — Силезии, потеря которой для Германии имела несравненно большее оперативное и экономическое значение, нежели потеря Восточной Пруссии. В силу таких соображений русскому командованию следовало иметь против австрийцев, по крайней мере, полуторное превосходство в силах — план же предусматривал равенство в силах с противниками».¹⁵

Но произошло не усиление южного фронта, а нечто противоположное. Генерал Жилинский дал обещание выставить на тринадцатый день войны 800 тысяч солдат только лишь против одной Германии. С целью демонстрации союзнической солидарности, Россия пообещала раннее наступление не на юге против Австро-Венгрии, а на севере, против Германии. Это означало, что немцам трудно будет противостоять русской армии силами 5—6 корпусов. Такой перевес в Восточной Пруссии удовлетворял французов. Устраивало ли смещение боевой инициативы Россию? На этот счет высказываются серьезные сомнения: «Обязательство начать решительные действия против Германии на 15-й день мобилизации является, в полном смысле слова, роковым решением, — отмечал генерал Н. Н. Головин. — Преступное по своему легкомыслию и стратегическому невежеству, это обязательство тяжелым грузом легло на кампанию 1914 г.»¹⁶

Итак, одна группировка русских войск выдвигалась в Восточную Пруссию, вторая начинала наступление в Галиции. В Пруссии Северный фронт на 21-й день после мобилизации окружает отступающие за реку Ангерап немецкие войска западнее Мазурских озер. Немцы вынуждены еще более ослабить свой контингент в Восточной Пруссии в свете высадки через Ла-Манш британских войск. Численность русских войск здесь определялась в 208 батальонов, а немецких — в 100 батальонов. Затем обе группировки встречались к востоку от Варшавы и совместно начинали движение

на Берлин. Так выглядел оптимистический наступательный вариант действий русской армии.

Французы окончательно выработали свой стратегический план лишь в апреле 1913 г. — последующие восемь месяцев были посвящены реорганизации армии в соответствии с этим планом. К февралю 1914 г. план был готов для рассылки в войска. Его главным инициатором был будущий генералиссимус Фош. Главной идеей плана за номером 17, которым руководствовались французы (и вместе с ними английский экспедиционный корпус), была максимально быстрая концентрация войск на центральном участке фронта с целью нанесения противнику упреждающего удара. Французы, отобилизовав свои корпуса, должны были броситься в аннексированные сорок лет назад Германией Лотарингию и Эльзас. Фош так излагал суть этого плана: «Мы должны попасть в Берлин, пройдя через Майнц». В отличие от «плана Шлиффена», семнадцатый план не был оперативным планом, что оставляло большой зазор для инициативы военачальников. Все генералы были ознакомлены с общей директивой в пять предложений, не подлежащей обсуждению. Французское наступление будет состоять из двух кампаний — южнее и севернее германского укрепленного района Мец-Тионвиль.

Второе бюро — французская разведка — представляло данные о возможном охвате французского фронта с севера. В 1904 г. офицер германского генерального штаба, всегда во время встреч замотанный бинтами, передал за немалую сумму один из ранних вариантов «плана Шлиффена». Тогдашний начальник французского генштаба Ланрезак пришел к выводу, что эти сведения достоверны — «полностью совпадают с существующей в немецкой стратегии тенденцией, предполагающей широкий охват». Однако все коллеги Ланрезака усомнились в истинности полученных данных: у немцев, мол, нет достаточно средств для столь масштабного маневра. Представить себе, что Германия бес-

пardonно обойдется с бельгийским нейтралитетом; рискуя при этом антагонизировать Британию, французские генералы поверить не могли. Скорее всего, немцы предпочтут броситься на Россию. Если же они обратятся на Запад, то выступят против Франции через Лотарингию. Не менее важной ошибкой французов было неверие в боевую силу германских резервистов. Без резервистов у немцев могли быть всего лишь 26 корпусов — недостаточно для броска через Бельгию. Второе бюро собрало данные об использовании немцами резервистов. В 1913 г. разведка добыла заметки генерала Мольтке, доказывающие активное использование резервистов. Но и эти данные встретили скепсис французских генералов. 17-й план сохранил свое главенствующее значение. Оборона границы Франции с Бельгией опять лишилась всякой обороны. На сообщения об усилении правого крыла немцев генерал Кастельно удовлетворенно обронил: «Тем лучше для нас!»

«Элан виталь» — неукротимый порыв — должен был привести храбрых французов к победе. Французские генералы попросту надеялись на совместные с Россией усилия и не верили, что две великие страны могут проиграть немцам. Здесь был немалый элемент иррационального. Наполеон едва ли гордился бы планом, в основу которого был положен фактор безудержной атаки и ничего более.

В Британии в момент крайнего ослабления России под Мукденом в 1905 г. поняли необходимость создания генерального штаба. Так называемый «Комитет Эшера» создал имперский комитет обороны. Одним из первых интеллектуальных упражнений британского генштаба была теоретическая игра, предполагавшая германское вторжение в Бельгию. Англичане сделали вывод, что в этом случае немцев можно будет остановить лишь с помощью высадившихся на континенте британских войск. Премьер Бальфур затребовал данные, сколько времени необходимо для транспортировки четырех

дивизий в Бельгию. Отныне англичане планировали в случае своего участия в войне высадить на континенте экспедиционный корпус в составе четырех дивизий, блокировать подступ к северным портам Франции, а в дальнейшем реализовать континентальную блокаду Германии.

Англичане предусматривали десант в «десятимильной полосе твердого песка» в Восточной Пруссии — в 150 километрах от Берлина. Именно тогда штабной колледж возглавил бригадный генерал Генри Вильсон (известный среди коллег неизменным бегом трусцой вокруг Гайд-парка с газетой под мышкой, знанием французского языка, кипением идей). Тогда и началась его дружба с генералом Фошем. Высокий Вильсон и маленький Фош могли часами беседовать на любые темы. И однажды Вильсон задал роковой вопрос о том, сколько войск Британии необходимо французам на континенте. К марту 1911 г. был составлен график: все пехотные дивизии грузятся на транспорты на 4-й день мобилизации, кавалерия — на 7-й, артиллерия — на 9-й. Общая численность войск — 150 тысяч плюс 67 тысяч лошадей. Полностью готовыми эти войска будут к 13-му дню мобилизации.

Германия противопоставила России и Западу «План Шлиффена». Шлиффен был начальником генерального штаба с 1891 по 1906 г., фанатически преданным своему делу профессионалом, предполагавшим концентрацию германских войск на бельгийской границе, удар через Бельгию с выходом в Северную Францию, серповидное обходное движение во фланг укрепленной французской границы, взятие Парижа и поворот затем на юг и даже восток, с тем чтобы уничтожить основные французские силы примерно в районе Эльзаса. Согласно «плану Шлиффена» немцы не намеревались сдерживать основные силы французов, позволяя им продвигаться в глубину германского предполя, ожидая, что они неизбежно остановятся в Арденнах — лесистой и

холмистой территории, представлявшей сложность для ведения наступательных действий.

В соответствии с «планом Шлиффена» Мольтке оставил на своем левом фланге только 8 корпусов (320 тысяч человек), которые едва ли были способны сдерживать основную массу французских войск. Да это от них и не требовалось. Напротив, отступая, они должны были удлинить линии коммуникаций ударных сил французов, осложнить их взаимодействие в гористой местности, завлечь максимальное число французов в зону, ничего не решавшую в общем ходе войны. В германском центре находилось 11 корпусов (400 тысяч человек); овладев Люксембургом, они прикрывали свой правый фланг. Именно последний, имея 16 корпусов (700 тысяч человек) должен был проделать главную работу — пересечь Бельгию, сокрушить на пути две величайшие крепости — Льеж и Намюр, перейти реку Маас, взять на открывшейся равнине Брюссель на девятнадцатый день мобилизации и пересечь бельгийско-французскую границу на двадцать второй день. Затем следовал разворот налево, на юг, с выходом к Парижу со стороны севера на тридцать девятый день. Мольтке сказал Конраду, что на сороковой день германская армия отправится на помощь Австрии, и совместными усилиями они быстро сокрушат русского колосса.

Немцы не собирались сдавать Восточной Пруссии с родовыми гнездами юнкеров, землю «тихих вод и темных песков» с Кенигсбергом, где с 1701 г. короновались прусские короли, объединившие Германию. Во времена Шлиффена опасений было меньше — Россия агонизировала на Дальнем Востоке. Русским сектором германского генштаба при Шлиффене заведовал подполковник Макс Гофман — именно ему было поручено планировать действия против России. Высокий крепыш с очень короткой стрижкой, Гофман следил за русской армией еще в 1898 г., когда полгода был в

России переводчиком; в ходе русско-японской войны он был наблюдателем от Германии. По некоторым данным, один из офицеров русского генерального штаба передал ему за деньги один из вариантов рождающегося плана русской армии. Собственно, считает Гофман в мемуарах, поведение русской армии в Восточной Пруссии было довольно легко предсказуемо: попытка наступать по обе стороны Мазурских озер. Гофман обдумал основные варианты русского вторжения и к августу 1914 г. был готов встретить наступающую армию. Он всегда помнил знаменитую максиму Шлиффена: «Нанести удар всеми имеющимися силами по ближайшей русской армии, находящейся в пределах досягаемости».¹⁷

Немцы использовали игнорирование французами новых факторов современной технологии: пулеметов, тяжелой артиллерии, колючей проволоки (многое из этого внимательные немецкие наблюдатели впервые увидели на первой войне современного типа — русско-японской войне десятью годами раньше).

Австрийский план предполагал концентрацию войск за реками Сан и Днестр, опору на крепость Перемышль и Краков и решительное наступление на восток от карпатских гор. Главнокомандующий австрийцев генерал Конрад считал готовность своей армии на двенадцатый — тринадцатый день мобилизации решающим обстоятельством. Начальник германского генерального штаба Мольтке успокаивал Конрада: «Если русские предпримут преждевременные наступательные действия против Восточной Пруссии, это значительно облегчит наступление австро-венгров против России».

С точки зрения ведущих военных специалистов эпохи, война должна была длиться примерно шесть месяцев. Предполагалось, что она будет характерна быстрыми перемещениями войск, громкими сражениями, высокой маневренностью; при этом едва ли не решающее значение приобретут первые битвы. Ни один гене-

раальный штаб не предусмотрел затяжного конфликта. Перед глазами у всех были балканские войны и русско-японский конфликт с их быстрыми перемещениями, с высокой мобильностью войск.

При этом Петербург, Париж и Лондон полагали, что германо-австрийцы не выдержат одновременного давления с Востока и Запада русской и французской армий. Немцы верили в «план Шлиффена» даже после Марны — они все укрепляли свой правый фланг даже тогда, когда прорыв на севере Франции был уже нерелевантен. Эта иллюзия держалась долго. Вплоть до конца 1914 г. (то есть примерно пять месяцев) государственные деятели и стратеги обеих сторон жили в мире непомерных ожиданий. Британское и французское правительства верили в неукротимый «паровой коток», движущийся на Германию с Востока, русские полководцы ждали прорыва в Австрию, а немцы разделились между сторонниками решающей битвы на Востоке (восточники) и на Западе (западники). Ошибка в предвидении в данном случае имела последствия колоссальных пропорций. Пока же главные столицы ожидали успехов своих войск.

Ход боевых действий

Согласно подписанной царем всеобщей мобилизации, на тринадцатый день в действующей армии было 96 пехотных и 37 кавалерийских дивизий — 2, 7 млн. человек в дополнение к миллиону резервистов и войск крепостей. В русской армии было 6720 орудий, и их общая численность достигла пяти миллионов. На шестнадцатый день войны главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич — разместил свою ставку близ небольшого города Барановичи, избранного по той причине, что здесь железнодорожная линия Москва-Брест пересекалась с линией, соединяющей Вильну

с Ровно. Сам великий князь, начальник штаба генерал Янушкевич и приданные им двадцать пять офицеров размещались и работали в вагонах первого класса. Около сорока военных атташе, криптографов и обслуживающий персонал располагались в довольно жалких домах горожан.

Английский генерал Нокс (которого военный министр Сукоминнов однажды назвал самым талантливым из иностранных наблюдателей) отмечает пасторальный характер мозгового центра русской армии: «Мы жили посреди очаровательного слового леса, и все вокруг казалось спокойным и мирным».¹⁸ Необычайное спокойствие в ставке удивительно, учитывая невероятную драму многомиллионных армий. Все было преисполнено «монастырской простоты». На все дверные проемы были прибиты бумажки, чтобы огромного роста великий князь не забыл нагнуть голову. Главнокомандующий был очень живым человеком, он любил отвлекаться от темы войны, но дважды в день трудолюбивый генерал-квартирмейстер Иванов возвращал всех к военным реалиям, делая доклад о состоянии дел на фронтах. Эти доклады отражали грандиозную драму, разворачившуюся на просторах Европы.

Август 1914 г. был полон надежд у всех вступивших в битву сил. В начале месяца русское командование официально запросило западных союзников, не намереваются ли они наступать непосредственно в глубины Германии. Грей, несколько смутившись, заметил, что вопрос нужно адресовать французам — именно их армии составляют основу наземной мощи Запада. Французы, чьи армии отступали из Северной Франции на юг, ответили, что ситуация на фронте делает задачу ведения боевых действий на германской территории весьма сложной. Со своей стороны посол Палеолог информировал Париж 21 августа 1914 г. относительно планов верховного главнокомандующего Николая Николаевича: «Великий князь полон решимости наступать

на полной скорости на Берлин и Вену, особенно на Берлин, пролагая свой путь между крепостями Торн, Познань и Бреслау». ¹⁹

На первый взгляд, такие предположения имеют свой резон. Огромный польский выступ приближал русские армии к Берлину — менее трехсот километров равнины, которую не разделяли ни горы, ни широкие реки. Как пишет Уинстон Черчилль, «окрашенные будки посто-вых, надписи на разных языках, различие в широте железнодорожного полотна, военные и политические решения ушедших поколений, история враждующих рас — вот что разделяло три великие державы». ²⁰ Почти миллионная Варшава, второй после Москвы железнодорожный узел страны, была главным складом и опорным пунктом русской армии в ее потенциальном наступлении на собственно германские города. Для похода русских на Берлин требовалось одно условие — поход французов на Кельн. Но на Западном фронте у французов быстрее, чем у других, возникли большие сложности.

Удар французов в районе Арденн не принес желанных результатов. Здесь немцы быстро построили оборонительные сооружения и применили пулеметы — страшное оружие первой мировой войны. В течение 4-дневной битвы у границы погибло 140 тыс. французов. Так лопнула идея XVII французского плана: французы не встретили основные силы немцев там, где ожидали.

6 августа началось огромное по масштабам перемещение германских войск. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов. По мосту Гогенцоллерна в Кельне на протяжении первых двух недель войны поезд шел каждые десять минут — шедевр военной организации.

На пути германской армии в Бельгии встала крепость Льеж. Ее форты оказались неприступными для фронтальных атак германской пехоты, и срок выхода

вперед 1-й армии фон Клюка уже был перенесен с 10-го на 13-е августа. Немцы обратились к тяжелой артиллерии. Одним из наиболее охраняемых секретов Германии была 420-миллиметровая пушка фирмы «Крупп», произведенная в 1909 г. Трудность в обращении с ней представляла транспортировка: разобранное на две части гигантское чудовище с трудом перевозилось по железной дороге. Заменить ее могла лишь 305-миллиметровая австрийская пушка фирмы «Шкода». Оба орудия стреляли бронебойным снарядом со взрывателем замедленного действия.

Из крупповской столицы Эссена две черные осадные мортиры были 9-го августа погружены на железнодорожные платформы и на следующий день отправлены в Бельгию. До Льежа оставалось 18 километров, когда разрушенный тоннель заставил везти орудия по шоссе. Два дня продолжалось это непредвиденное перемещение монстров. 12 августа одно из орудий было направлено на форт Понтисс, и окружающий мир содрогнулся от ужасающего грохота (артиллеристы находились в 300 метрах от орудия). Через 60 секунд снаряд с высоты 1200 метров обрушился на бетон. Над фортом поднялся столб дыма. Корректировщики направляли артиллеристов с аэростатов и колоколен. Рушились потолки и галереи; огонь, дым и оглушительный грохот наполнили казематы; солдаты доходили до «истерики, обезумев от ужасного чувства ожидания следующего выстрела».²¹ После 45 выстрелов форт Понтисс был 13 августа захвачен. На следующий день пали и другие форты. К 16 августа Льеж пал. Армия Клюка выступила вперед — на север. Весь мир думал, что немцы нарушили свой знаменитый график на две недели. На самом деле «план Шлифена» был нарушен лишь на два дня.

Мольтке писал Конраду фон Хотцендорфу: «Конечно же, наше наступление носит зверский характер, но мы боремся за нашу жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем пути, должен подумать о последствиях».

Отступая на своем левом фланге, немцы, связав французов в гористой местности на подходах к Рейну, сосредоточили основные силы на правом фланге, бросив все свои основные силы на север Франции через Бельгию. 17 августа, преодолев сопротивление крепостей Льеж и Намюр, 1-я армия ветерана войны 1870 г. фон Клюка, 2-я армия фон Бюлова и 3-я армия фон Хойзена начали стратегически важнейший марш на северо-запад. Яркий выраженный бронет. Клюк казался моложе своих 68 лет, а его коллега, его сверстник Бюлов, выглядел старше. Армия Бюлова была ударной силой мощного кулака немцев. Три дня и три ночи 320 тысяч солдат Клюка шли через Брюссель. Как пишет Б. Такиен, «марш германских войск через Бельгию был подобен нашествию южноамериканских муравьев, которые периодически неожиданно выходят из джунглей, пожирая все на своем пути, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Армия фон Клюка шла с севера от Льежа, а армия фон Бюлова к югу от города, вдоль долины Мааса».²²

Оккупация Брюсселя отозвалась в Берлине звоном колоколов. Немецкие войска шли вперед с пением солдатских песен. Этот рев уставших солдат звучал в ушак бельгийцев устрашающе. Французов на этом этапе подвела разведка. Они оценивали силы немцев к западу от Мааса в 17 дивизий, в то время как на самом деле их было 30. И в первых столкновениях французов с немцами первые не знали, какой мощи кулак опускается на них. Еще хуже было то, что, заикнувшись на наступлении, французы медленно учились обороняться. Они пока еще не умели того, чему военная практика, искусство выживания их скоро научит: окапываться, ставить проволочные заграждения, выдвигать пулеметные гнезда.

16 августа германский генеральный штаб переехал из Берлина на Рейн, в Кобленц, в 130 километрах от центра германского фронта. Шлиффен мечтал, что его

план будет реализовывать его наследник, германский командующий «из просторного дома, где под рукой были бы телефон, телеграф и радио, а около него — целый флот ожидающих приказа автомобилей и мотоциклов. Здесь, в удобном кресле, у большого стола, современный главнокомандующий наблюдал бы за ходом боя по карте. Отсюда он бы передавал по телефону вдохновляющие слова, и здесь бы он получал донесения от командующих армиями и корпусами, а также сведения с воздушных шаров и дирижаблей, наблюдающих за маневрами противника».

Здесь Мольтке пришел к выводу, что французы концентрируют свои главные силы для наступления через Лотарингию между Мецем и Вогезами. Мольтке насторожился, но уже 17 августа он не считал концентрацию французских сил в Лотарингии угрожающей, и «план Шлиффена» снова стал главной стратегической схемой.

22 августа Клюк рванулся к Монсу, пересекая канал, ускоряя движение на север. 23 августа противостоявший немцам на Маасе генерал Ланрезак, стоявший во главе 5-й армии, отступил. Перед фон Клюком (160 тысяч) стоял британский экспедиционный корпус (70 тысяч), о существовании которого Клюк узнал 20 августа из газет. Немцы порядочно устали — 240 километров за 11 дней, — и их силы были растянуты по бельгийским дорогам. В результате первый день участия английской армии в боевых действиях показал решимость англичан, но он же продемонстрировал физическое превосходство немцев. Девятичасовое сражение задержало продвижение фон Клюка на день. Жофр, при всем своем крестьянском упорстве, должен был признать 24 августа, что армия «обречена на оборонительные действия». К чести Жофра нужно сказать, что он достаточно быстро начал учиться искусству обороны. К этому времени французская армия в бесмысленных наступлениях в Лотарингии — да и повсюду на Западном

фронте... потеряла уже 140 тысяч солдат из общего числа 1250 тысяч. Президент Пуанкаре записал в дневнике: «Мы должны согласиться на отступление и оккупацию. Так исчезли иллюзии последних двух недель. Теперь будущее Франции зависит от ее способности сопротивляться». Именно в этот день немцы почувствовали огромный прилив самоуверенности. На севере они вступили на территорию Франции. Вера в «план Шлиффена» никогда не была более абсолютной.

Немцы вышли во фланг основным силам французов на 120-километровом фронте на севере Франции. Миллионные силы вторжения ворвались в Северную Францию и начали движение с севера к Парижу, где и разыгрались решающие события. Париж был под ударом. Запад призвал Петроград изменить согласованные сроки и максимально ускорить выступление русских войск.

Восточный фронт

Возникший в короткие августовские дни Восточный фронт простирался на полторы тысячи километров между Мемелем на Балтике и Буковиной в предгорьях Карпат. В начавшейся войне с колоссом Германией и пятидесятидвухмиллионной Австро-Венгрией Россия должна была либо ликвидировать свой уязвимый огромный польский выступ, либо перехватить инициативу у эффективных немцев. Две страшные угрозы ждали русскую армию: выдвинутая на восток Восточная Пруссия с севера и галицийские укрепления австро-венгерской армии на юге. Не блокировав эти две угрозы, русская армия находилась под постоянной угрозой удара с флангов.

Главнокомандующий русскими войсками — великий князь Николай Николаевич — убедился, что Германия концентрирует свои силы против Франции к 6 августа.

Французское правительство теперь уже не просто ожидало заранее согласованных действий — оно прямо обратилось к России предпринять все возможные действия против Германии. «История должна признать интенсивные лояльные усилия, предпринятые царем и его генералами с целью осуществить наступление с величайшей возможной силой».²³ 10 августа ставка приказывает Северо-Западному фронту: «Германия направила свои главные силы против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил. Необходимо в силу союзнических обязательств поддерживать французов ввиду готовящегося против них главного удара германцев... Армиям Северо-западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, освободив себя крестным знаменем, перейти в спокойное и планомерное наступление».²⁴

Первостепенной целью русского наступления стала Восточная Пруссия — страна озер и болот, ставшая пашней Германии, благодаря удивительному трудолюбию немцев, применивших искусный дренаж и опоясавших эту страну туманов и лесов сетью дорог. Военной особенностью Восточной Пруссии была линия выдвинутых вперед укреплений, получивших название «линии Ангерап». За ней подлинным щитом Берлина были четыре германские крепости — Кенигсберг, Торн, Позен и Бреслау, в каждой из которых после мобилизации было до сорока тысяч войск. Соединяющие их дороги были памятником железнодорожного искусства — эти дороги позволяли перемещать большие контингенты войск в кратчайшее время.

Изменение русского стратегического плана — ускорение развертывания войск — противоречило мнению профессионалов. Приказ о наступлении в Восточной Пруссии издал командующий северо-западным фронтом генерал Жилинский (которого британский генерал Айронсайд охарактеризовал как «скорее штабного офицера, чем полевого командира»²⁵ и чей дальневосточ-

ный опыт не впечатлял никого). (Повторим: данный приказ был результатом рискованного обещания, данного Жилинским генералу Жофру во время визита в Париж в 1913 г.: Россия выставит на пятнадцатый день войны 800 тысяч солдат для наступления против Германии. Окружавшие Жилинского эксперты выступали тогда против столь определенного обещания). Французскому военному атташе генералу Лагишу Жилинский в сердцах сказал: «История проклянет меня, но я отдал приказ двигаться вперед».²⁶

Итак, Жилинский изначально сам считал, что неподготовленное наступление в Восточной Пруссии обречено на верную неудачу, потому что русские войска были разбросаны и перемещение с целью их концентрации встретит много препятствий. Местность была пересечена лесами, реками и озерами, «разжавшими» кулак наступающих армий. Армия еще не была организована, а местность, с ее лесами и болотами, была своего рода губкой, вплывающей в себя войска. Начальник штаба русской армии генерал Янушкевич разделял мнение Жилинского и отговаривал великого князя Николая Николаевича от наступления.

Но перед Россией стоял высший вопрос сохранения солидарности с Западом, и Россия принесла жертву. Вот мнение британского посла Бьюкенена. «Если бы Россия считалась только со своими интересами, это не был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план был соответствующим образом изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, армии генералов Ренненкамппа и Самсонова начали наступление на Восточную Пруссию... Россия, — пишет Бьюкенен, — не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого оказалась под угрозой».²⁷

Под общим командованием генерала Жилинского, чей штаб находился в Белостоке, русские: первая (Ренненкампф) и вторая (Самсонов) армии — вступили на германскую территорию 17 августа силой 410 батальонов, 232 кавалерийских эскадронов и 1392 пушек против 224 батальонов пехоты, 128 эскадронов и 1130 пушек немцев. Идея заключалась в том, чтобы двумя огромными клещами, создаваемыми первой и второй русскими армиями, окружить войска генерал-полковника фон Притвица, защищавшего Восточную Пруссию. Первая армия Ренненкампфа выступила прямо на запад — сквозь любимые кайзером охотничьи угодья Роминтернского леса прямо в центр юнкерской Пруссии, а Самсонов должен был проделать серповидное движение и сомкнуться с ней с юга примерно в районе Мазурских озер. Тогда дорога на Берлин была бы открыта.

Это был весьма смелый замысел, но он требовал четкой координации всех участвующих в нем сторон. Однако Жилинский, столь блестящий в придворном окружении и служивший больше за столом начальника, а не в полевых условиях, не знал, как вести наступательные бои. Он оказался бесталанным и беспечным организатором и сразу же допустил несколько грубых ошибок. Прежде всего, он не обеспечил надежную связь с обеими выступившими армиями. Он оставил артиллерию в безнадежно устаревших крепостях. Дивизии резерва никак не были связаны с вступившими в боевое соприкосновение войсками. Немцы знали, что войска Ренненкампфа превосходят их по численности, но они также знали, что у русских нет под рукой готовых к бою резервов.

Тогдашние генералы не предполагали, что 70% потерь в наступившей войне будет приходиться на оружейный огонь. В состав русской дивизии входили шесть батарей легких орудий, а в состав германской дивизии — 12 батарей (из них 3 батареи тяжелых орудий). «Огневая сила германской пехотной дивизии в среднем

равнялась основной силе более чем полутора русских пехотных дивизий».²⁸

Оба генерала — Ренненкампф и Самсонов — были избраны по критерию компетентности, опыта и энергии. Оба воевали в Маньчжурии и представляли собой лучшие кадры русской армии. Ренненкампф происходил из старинной остзейской немецкой семьи, известной своей лояльностью Романовым. Кавалерист с внушительными усами, он имел немалый военный опыт. Генерал Гурко охарактеризовал его как обладающего «огромной смелостью, решительностью и решимостью».²⁹ Годы командования Вильненским округом, видимо, притупили его таланты. По мнению Нокса, он «мог быть Мюратом, если бы жил сотней лет раньше. Но в двадцатом веке он был анахронизмом».³⁰ Его вера во всепокрушающую силу кавалерии, безразличие к постоянной разведке, неумение наладить снабжение наступающей армии, слепая жажда увидеть врага и броситься на него — сыграли дурную службу. В то же время, отступая, Притвиц с самого начала стал позволять русским армиям оторваться от своих баз снабжения.

Русское командование знало, что германские силы в этом регионе невелики и шансы на успех весьма значительны, несмотря на их тактическую и стратегическую слепоту. Первые августовские столкновения позволили противникам оценить друг друга. «Как хорошо эти русские научились стрелять после японской войны!» — воскликнул пленный немецкий офицер. Немцы отметили высокие воинские качества своего противника. «20 августа, впервые после полутора столетий, в большом сражении встретились пруссаки и русские. Русские показали себя как очень серьезный противник: Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в закрытом размеще-

нии артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг за другом окопов». ³¹

Выдвигая свои войска, Ренненкампф докладывал Жилинскому с высокой степенью оптимизма: «Там, где немцам удастся использовать свое превосходство в технике, они наносят нам большой урон, но в непосредственной стратегии, в моральном состоянии у них нет превосходства над нами». ³² По мнению И. Вацеттиса, «8-я германская армия от 12 до 19 августа съехала в стратегическом мешке». ³³

Выдвижение русских армий в Восточную Пруссию вызвало замешательство в стане немцев. Главнокомандующий германскими войсками в Восточной Пруссии генерал Притвиц не смел полагаться на свои четыре корпуса и начал готовиться к отступлению за Вислу. Проблема для немцев заключалась в том, что, обратившись против одной из русских армий, они рисковали получить удар в тыл со стороны второй. Во время телефонной беседы с главной штаб-квартирой в Кобленце Притвиц впал в истерику — он не только предположил возможность потери всей Восточной Пруссии, но поставил под сомнение свою способность защитить даже рубеж по реке Висла «ввиду ее мелководья».

Стресс оказал дурную услугу. Генерал Мольтке сам был в состоянии высшего напряжения. Ближайшие дни должны были показать реальную цену «плана Шлиффена». Все его внимание было на правом фланге стремящейся обойти французский фронт армии, когда раздался звонок от Притвица, чей тон говорил о панике. Мольтке: «В любом случае вы должны любой ценой удержать оборонительную линию по Висле». Притвиц ответил, что не может гарантировать выполнение этого приказа.

Притвиц не успел опустить телефонную трубку, а

судьба его была уже решена. В квартиру отставного генерала Гинденбурга в Ганновере «в 3 часа пополудни 22 августа пришла телеграмма из императорской штаб-квартиры! Готов ли Гинденбург к немедленному осуществлению обязанностей? — Я готов».³⁴ Для отражения наступления русских армий, бросившихся на Восточную Пруссию, германское командование назначило начальником штаба Гинденбурга генерал-майора Людендорфа, оказавшегося лучшим германским стратегом этой войны. Оба военачальника никогда не были фаворитами высшего командования. До сорока восьми лет Людендорф так и не сумел получить в командование полк; и лишь война открыла его исключительный талант. Мольтке написал ему, назначая на Восточный фронт: «Вы можете предотвратить худшее. У вас трудная задача, но она вам по плечам».³⁵ Людендорф отбыл на Восток через пятнадцать минут после получения приказа, «преисполненный почти нечеловеческой способностью работать и несокрушимой решимостью».³⁶

Они встретились на хорошо освещенном вокзале Ганновера. С прибытием дуэта Гинденбург-Людендорф в штаб Восточного фронта начинается «научная» война германского командования против храброго, но лишённого стратегического видения и организации русского воинства. «Посылка Людендорфа на восточный фронт, — пишет английский историк М. Гилберт, — означала, что в германской калькуляции была ошибка: прежде чем стремиться к решающей победе на Западе, следовало вести войну со всей серьезностью на Востоке».³⁷

В штабе Людендорфа относительно спокойным в отношении русских был полковник Гофман, скрывавший под непритязательной внешностью подлинный талант. В свое время он был германским военным атташе в Санкт-Петербурге, и никакая глупость со стороны русского военного руководства не могла его удивить. Другие удивлялись, а он принял как должное то, что русский командующий армией по радио клером —

открытым текстом — ставил задачи своим командирам корпусов; другие сомневались, а у него, знающего, не возникало сомнений; он же убедил Людендорфа, что Ренненкампф не будет спешить на помощь Самсонову — два генерала не разговаривали друг с другом, а их дуэль во время японской войны предотвратил лишь царь. Гофман убедил Людендорфа, что русские послания подлинны и что Ренненкампф не прибывает вовремя на помощь Самсонову.

Поздним вечером 26 августа 1914 г. полковник Герхард Таппен, начальник оперативного отдела верховного главнокомандования, сообщил начальнику штаба восточного фронта Людендорфу, что в Восточную Пруссию направляются с запада три корпуса и кавалерийская дивизия. Людендорф помнил о «главном» в плане фон Шлиффена — ни при каких обстоятельствах не ослаблять правый фланг германской армии, делающей серповидное движение через Бельгию и Северную Францию к Парижу. Поэтому он ответил, что его восьмая армия не нуждается в подкреплениях. В любом случае они придут слишком поздно, чтобы повлиять на исход разворачивающейся битвы. Упомянутые корпуса должны крепить правый фланг бросившихся на Францию войск. Таппен заверил, что особой надобности в этих корпусах не существует.

Удача в данном случае способствовала западным союзникам. Возможно, именно этих корпусов не хватило Германии на пути к Парижу, и в этом смысле смелое вхождение в Пруссию Ренненкампфа и Самсонова изменило конечный итог войны.

Поражение русской армии

В последовавшей битве горько обозначилось несчастье России — отсутствие координации, хладнокровного рационализма, научного подхода к делу. Жи-

линский, Самсонов и Ренненкампф недооценили возможности немецкой армии в Восточной Пруссии. Относясь с очевидной симпатией к русской армии, Черчилль всё же не мог удержаться от вопросов: «Почему стратегический русский план предусматривал наступление двух отдельных армий, что очевидным образом давало преимущества немцам, использовавшим раздельные свойства озёр и фортификаций, равно как и густую сеть своих железных дорог? Почему Россия не увидела преимущества движения единой армией, продвижения к югу от Мазурских озёр на более широком и мощном фронте? Не могли ли они оставить открытой территорию между Ковно и границей, открытой с тем, чтобы заманить немцев в ловушку? Один лишь удар со стороны Варшавы-Белостока в направлении Вислы перерезал все коммуникации, все железные дороги, сминал все германские планы».³⁸

Вместо этого пять корпусов Самсонова шли без отдыха девять дней по песчаным дорогам в удушающую жару. Жилинский требовал максимального продвижения вперед, не видя, что он завлекает эти элитные части в западню. Голодные, уставшие воины шли к своей голгофе, не видя стратегической цели, не пользуясь превосходными германскими железными дорогами. А пока Самсонов спешил, Ренненкампф безмятежно отдыхал. Имея пять кавалерийских дивизий, он сумел «потерять» немецкую армию, позволяя немцам совершить классический маневр — оторваться от одной армии, чтобы окружить вторую. Отсутствие у русских войск телеграфа и любой сигнальной связи, чудовищное прямодушие открытых сообщений по радио о том, что собирается и чего не собирается делать Ренненкампф, сделали храбрую русскую армию жертвой своих вождей. Жилинский связывался с Самсоновым удивительным способом. Адьютант раз в день на автомобиле отвозил его телеграммы на Центральный почтамт Варшавы, а потом снова отправлялся за отве-

том за сотню километров от штаб-квартиры Жилинского.³⁹

«Благодаря сообщениям по радио клером, — пишет Гофман, — мы знали силу русских войск и точное назначение каждой из задействованных русских частей». ⁴⁰ А Самсонов издал благодушный приказ, что, в свете неадекватных коммуникаций, его командиры должны просто приходить на помощь друг другу. А. В. Самсонов был моложе и, по общему впечатлению, серьезнее Ренненкампа. Он работал в Генеральном штабе с двадцати пяти лет и в сорок три стал генералом. Он командовал Туркестанским военным округом и приобрел всеобщее уважение. Генерал Гурко говорит о безупречных моральных качествах Самсонова, о «блестящем уме, укреплённом хорошим военным образованием». ⁴¹ Но он неважно знал местность, и его ввели в заблуждение установки Жилинского об отступлении германской восьмой армии. И его система снабжения оказалась абсолютно недостаточной: быстро движущаяся вперед армия резко оторвалась от своих баз. У солдат не было хлеба, у лошадей — овса.

Генералы Гинденбург и Людендорф действовали согласно правилам немецкой военной науки. Войска их восьмой армии немедленно сели в поезда. Они бросили свои силы между двумя большими, растянувшими тылы русскими армиями, окружили одну из них у Танненберга, а через две недели овернее окружили вторую у Мазурских озер. И, в то время, когда Гинденбург и Людендорф бросили все без исключения силы против Самсонова, потерявший всякую ориентацию Жилинский сообщал тому, что «перед вами противник оставил лишь незначительные силы». ⁴² Превосходная разведка Гофмана точно знала о расположении войск Самсонова. ⁴³ А Ренненкампф замедлил свой ход, чтобы позволить Самсонову окружить как можно больше немецких частей. Русские генералы не понимали того, что происходит перед ними.

Наиболее ожесточенным было сражение у деревни Танненберг, где пятьсот лет назад, в 1410 году, поляки и русские остановили движение немцев на восток. Двадцати дивизиям Ренненкампа и пятнадцати дивизиям Самсонова противостояли 14 германских дивизий под командованием Гинденбурга. Именно эти 14 дивизий уничтожили цвет русской армии в самом начале войны. Неужели Ренненкампа не видел, что правый фланг Самсонова находится под угрозой полного поражения, что угроза его левому флангу усиливается с каждым часом? — изумляется Гинденбург.⁴⁴ Как мог Самсонов не ощутить 27 августа нависшую над ним смертельную опасность? «Естественным, — пишет Черчилль, — был бы приказ отступить. Но темный дух фатализма — характерно русского, — казалось, лишил сия обреченного командующего... лучше погибнуть, чем отступить. Завтра, может быть, поступят хорошие новости. Ужасающая психическая летаргия опустилась на генерала, и он приказал продолжать наступление. По выражению Гинденбурга, «эти войска жаждали уже не победы, а самоуничтожения».⁴⁵ Германский командующий пишет о «героизме, который спасал честь армии, но не мог решить исхода битвы».⁴⁶ Германский генерал пишет: «Русские сражались, как львы».⁴⁷

28 августа британский связной офицер при штабе русской второй армии Нокс присоединился к командиру Самсонову, близ дороги изучавшему в кругу офицеров карту местности. Внезапно Самсонов вскочил на коня и отправился в направлении 15 корпуса, запретив Ноксу сопровождать его. Если даже случится худшее, это все равно не повлияет на конечный исход войны. Офицеры вокруг говорили: «Сегодня удача на стороне противника — завтра она будет нашей».⁴⁸ Этот фатализм порастил Нокса не менее всего прочего. А происходило страшное и непоправимое. К 30 августа окруженная армия Самсонова была разбита. Русский исследователь признает: «Русские были слабее немцев,

артиллерия немцев была могущественнее... У них не было хорошо укрепленных позиций, а имелось лишь местами налицо преимущество более раннего развертывания». ⁴⁹

В истории участвовавшего в сражении немецкого полка читаем: «С рассветом длинная колонна противника медленно начала выходить из леса, не имея никакого прикрытия и представляя собой мишень, подобную которой никто не видел даже на мирных маневрах. К сожалению, огонь был начат взволнованными стрелками слишком рано; затем последовал общий огонь обоих батальонов и пулеметной роты. Он велся из всех шести стволов. Более устрашающий результат трудно себе представить. Русские пытались скрыться в лесу, бросая повозки и лошадей. Перепуганные животные бесцельно метались по полю, повозки опрокидывались, вокруг был дикий хаос. Некоторые части пытались занять позиции на окраине леса, но уже вскоре начали поднимать привязанные к штыкам белые платки, показывая тем самым, что они считают дальнейшую борьбу бессмысленной». ⁵⁰

Русский генерал Мартос описывает, как его, пленного, доставили в «маленькую грязную гостиницу в городе Остероде». Людендорф как всегда был груб, а Гинденбург проявлял рыцарственность. Видя мое отчаяние, он долго держал мои руки и просил успокоиться. «Как достойному противнику, я возвращаю вам вашу золотую саблю. Желаю вам более счастливых дней в будущем». ⁵¹

Обращаясь к своему штабу, Самсонов горестно сказал: «Император верил мне. Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?» Еще три дня назад в его руках была четверть миллиона элитных войск России. Жестоко страдая от астмы, посерев от несчастья, генерал отошел от семерых сопровождавших его офицеров и застрелился в лесу. Группа немцев нашла в чаще седовласого генерала с простреленной головой

и револьвером в руке. Доклад германского генерального штаба гласит: «Невозможно отрицать настойчивости и энергии, с которыми он командовал своей армией, но задача, данная ему, находилась за пределами его возможностей».⁵² Русский исследователь битвы размышляет: генерал Самсонов «был, несомненно, честным и brave солдатом». Но для военной истории генерал Самсонов — прежде всего командующий армией. Не требует особых доказательств оценка его самоубийства как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли. Для простого человека такой поступок, конечно, не бесчестен, но для командующего армией уход из жизни свидетельствует лишь о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможностей погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы генерал Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он с боем вышел из окружения, хотя бы с одним полком своей армии, если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, — история могла бы сказать: да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение, к тому было много глубоких причин, но она все же имела достойного командующего. Но так не случилось, и так история указать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать генерала Самсонова и его действия единичными в русской армии; нет, и он и его действия являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии... Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли — все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях ген. Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы».⁵³

Английский генерал Айронсайд назвал эту битву

«одним из величайших поражений данной войны». 30 тысяч русских солдат было убито, а 130 тысяч попало в плен. В Германию отправились 60 поездов с трофеями.

А армия Ренненкампа спокойно выжидала. Она вошла в Пруссию без тяжелых осадных орудий, и первая же небольшая немецкая крепость Летцен стала для нее непреодолимой преградой. Людендорф выставил против Ренненкампа восемь дивизий — легких, мобильных, связанных между собой. А генерал Жилинский был уверен, что Самсонов продолжает осуществлять фланговый охват и Ренненкампу нет резона спешить ему навстречу. Легкую тревогу Жилинский начал ощущать лишь после 27 августа.

Генерал Гинденбург задает обращенный к русскому генералитету вопрос: «Почему Ренненкампа не использовал время нашей величайшей слабости, когда войска были истощены и сбились вместе на поле Таненберга, чтобы броситься на нас? Почему он дал нам время восстановить свои силы, заново сконцентрироваться, отдохнуть и получить подкрепления?»⁵⁴ Ведь войска Ренненкампа были свежими и отдохнувшими.

В последующие дни пораженный Жилинский осознал меру обрушившегося несчастья. 30 августа он пишет Ренненкампу слова предупреждения: «Генерал Самсонов потерпел полное поражение, и противник сейчас обладает свободой выступить против вас. Вы должны предпринять все меры для того, чтобы пересечь железнодорожные пути, которые противник может использовать для переброски войск».⁵⁵ 30 августа 1914 года министр иностранных дел Сазонов поверил под большим секретом Палеологу: «Армия Самсонова уничтожена... Мы должны были принести эту жертву Франции, которая показала себя такой верной союзницей».

Но и тогда, слепой из-за плохой работы разведки, командующий северо-западным фронтом не сделал верных выводов. 4 сентября Жилинский пришел к заклю-

чению, что после победы над Самсоновым немцы бросятся на Варшаву, и приказал окапывающемуся Ренненкампу 14 сентября начать наступление. Жилинский не знал, где находятся немцы и где стоят его собственные войска. А немцы спокойно читали приказы Жилинского — они были поражены объемом секретной информации, оказавшейся в их руках. Активные, осведомленные, поверившие в свое превосходство, быстро передвигающиеся немцы и полагающиеся неведомо на кого русские. И это были лучшие генералы, которых могла выставить Россия. Заманив Ренненкампа в глубь лесистой местности, немцы предприняли решительную атаку. В выкопанных глубоких траншеях русские войска сумели пересидеть артиллерийскую подготовку немцев, но о наступлении уже не могло быть и речи.

В конечном счете Ренненкампф принял единственно возможное решение — он начал общее отступление. Войска проходили за сутки по семьдесят километров. Но немцы были уже в тылу у них. Скорость стала решающим обстоятельством. А Жилинский пребывал в неизвестности — Ренненкампф не удосужился оповестить его об отступлении. Потеряв 145 тысяч человек и более половины транспортных средств в течение месяца,⁵⁶ Ренненкампф сумел оберечь значительную часть войск. Но это было плохим утешением для общего итога первой кампании русской армии.

Так действовал цвет кадровой русской армии. Командующий обвинил Ренненкампа в несчастьях русской военной машины, действия которой он сам не согласовал. Военная слава России была запятнана в Мазурских озерах. Немцы же переживали триумф. «С меньшим количеством войск, — пишет Гофман, — мы нанесли поражение пятнадцати армейским корпусам русской армии и восьми кавалерийским дивизиям». Две русские армии потеряли 310 тысяч человек, оставили всю свою артиллерию — 650 пушек и огромное количество броневиков.

В войне умов немцы превзошли восточного противника, разгадав русский военный шифр, что позволяло им читать секретные русские телеграммы, из которых выявился «гигантский план» великого князя Николая Николаевича, — нанести главный удар между Неманом и дорогой на Гумбинен-Инстербург, опрокинуть восьмую германскую армию между Плавой и Вислой, вступить в Восточную Пруссию. Возникает вопрос: готова ли была Россия воевать с индустриальным и научным чемпионом Европы?

Посол Бьюкенен считал, что «русские руководящие круги в своем стремлении облегчить напряжение на западе зашли слишком далеко для сложного механизма своей армии. России приходилось очень тяжело. Ей нужно было перебрасывать войска на огромные расстояния по скверным дорогам, а в Польше, которую немцы заняли в начале войны, ей приходилось сражаться, имея с обоих флангов враждебную территорию». В «Мировом кризисе» — истории первой мировой войны — Черчилль написал: «Нужно отдать должное русской нации за ее благородное мужество и лояльность к союзникам, с которой она бросилась в войну. Если бы русские руководствовались лишь собственными интересами, то они должны были бы отводить русские армии от границы до тех пор, пока не закончится мобилизация огромной страны. Вместо этого они одновременно с мобилизацией начали быстрое продвижение не только против Австрии, но и против Германии. Цвет русской армии вскоре был положен в ходе сражений на территории Восточной Пруссии, но вторжение в Восточную Пруссию пришлось как раз на решающую фазу битвы за Францию».

Фортуна была более благосклонна к русским на австрийском фронте. Семь армий, два миллиона воинов сошлись в страшном поединке. Командующий штабом австрийской армии Франц Конрад фон Гетцендорф «был невротически чувствителен к падающей

роли Австрии в Центральной Европе». ⁵⁷ Победы Гинденбурга и Лидендорфа вдохновляли его. Он рассчитывал нанести русским поражение между двадцатым и тридцатым днями после начала русской мобилизации. Он пишет в дневнике, не зная еще, что впереди крушение надежд: «Начало радостнее и желаемое, но я знаю, что это только начало... Базовой идеей было найти решение между Бугом и Вислой — отразить удар, угрожающий Львову с востока и северо-востока, остановить русских на пути к Бродам». ⁵⁸ Австрийские войска выступили против России 23 августа на фронте шириной 250 километров. Под влиянием примитивной доктрины о том, что наступление является единственной формой ведения боевых действий, австрийцы не знали удержу. Их неуклонное стремление двигаться вперед сослужило им дурную службу. Между отдельными частями возникали зазоры, артиллерия не поспевала за атакующими колоннами. В районе небольшого городка Красник быстрое перемещение австрийской конницы было остановлено русской пехотой и пулеметами.

В отличие от аристократов Жилинского и Ренненкампа, седовласый, бородатый и битый жизнью Н. И. Иванов — командующий Юго-Западным фронтом — встретил противника со спокойным разумением. Нокс вспоминает его как «простого и без претенциозности командира, любимого своими подчиненными». ⁵⁹ Он позволил растянувшимся едва ли не на сорок километров колоннам воссоединить силы. А в лице Рузского и Брусилова Иванов имел ревнительных командиров. На тридцатый день мобилизации Иванов командовал 53 пехотными дивизиями и 18 дивизиями кавалерии — миллион с четвертью человек на фронте от Вислы до румынской границы. После первых схваток оба противника нашли противоположную сторону сильнее ожидаемого. На берегах двух притоков Днестра — Гнилой и Золотой Липы — восемь корпусов Руз-

кого и Брусилова медленно и спокойно начали обходить наступающую австрийскую армию с юга.

Дорогу на Львов запрудили отступающие австрийские войска. В те самые дни, когда воины Самсонова гибли в восточно-пруссских лесах, австрийцы (28 августа) увидели призрак поражения. 30 августа артиллерия Брусилова нанесла удар по позициям австрийцев и сокрушила фронт двенадцатого австрийского корпуса. Австрийский генерал Больфрас пишет императору Францу-Иосифу: «Что сравнивать наши успехи с немецкими — их победы достигнуты за наш счет. Вся огромная мощь русской армии брошена против нас, находящихся, помимо этого, в войне с Сербией и Черногорией».⁶⁰ Конрад упоминает о «превосходной русской артиллерии». К первому сентября русские войска вошли во Львов. В отличие от германского фронта в русской ставке знали, что происходит с войсками и где сосредоточена австрийская армия.

Великий князь Николай Николаевич повернул все армии, начиная от румынской границы, — Брусилова, Рузского направо, севернее, оказывая помощь генералу Плеве, на которого обрушились главные австрийские силы. Конрад пытался с севера зайти в тыл русской армии между Плеве и Рузским, а Рузский, со своей стороны, угрожал тылам движущихся с севера австрийцам. Решающий удар нанес кавалерийский корпус генерала Драгомирова, обошедший с севера наступающего на Плеве Ауффенберга. Вовсе не дезорганизованные, а готовые к бою части Плеве ринулись за Драгомировым. В битве при Раве Русской 9 сентября 1914 г. было самым кровавым днем. Брусилов пишет домой: «Все поле битвы на расстоянии почти ста верст покрыто трупами, и австрийцы с большим трудом подбирают раненых. Невозможно обеспечить страдающим людям даже воду и пищу — это горькая изнанка войны».⁶¹

И здесь имел место идиотизм открытого выхода в

эфир, указывающий австрийцам направление движения русских армий. Но худшее (чем у немцев) качество австрийских войск и их приверженность схеме принесла успех русской армии. В то самое время, когда Мольтке признал свое поражение при Марне, Конрад 11 сентября отдал приказ австрийской армии отступать. Это отступление во многом деморализовало австрийскую армию. Был задан тон противоборству, в котором русская армия психологически не ощущала второсортности. 16 сентября австрийская армия отступила за реки Сан и Дунаец (двести километров к Западу от Львова), оставляя русскому окружению превосходную крепость Перемышль. Австрийская официальная история говорит, что «русские не преувеличивают, когда сообщают, что их противник потерял 250 000 убитыми и ранеными, взяв 100 000 пленными».

Будущий философ, а тогда рядовой австрийской армии Людвиг Витгенштейн пишет в дневнике о тридцати часах непрерывного австрийского отступления. Первый Георгиевский крест был вручен царем рядовому — еврею русского происхождения Яхву Оснасу. Как полагает английский историк Мартин Гилберт, своей отвагой Оснас «дал свободу евреям в России; он дал своей расе легальную возможность становиться офицерами в русской армии и военно-морском флоте, прежде им не предоставлявшуюся. Он настолько восхитил русское правительство, что оно провозгласило право евреев во всей империи пользоваться всеми гражданскими правами». Напомним, что четверть миллиона евреев служило в русской армии.

Развивая первоначальный успех, русская армия приближалась к собственно Австрии, а отдельные казачьи части вошли на венгерскую территорию. «Дела плохи у австрийцев, — записывает в дневнике генерал Гофман. — Они сэкономили на армии в течение двадцати лет и теперь платят за это». 17 октября 1914 года австрийцы в Южной Польше отступали перед напором русских

армий. Теперь Россия могла угрожать даже германскому промышленному району в Силезии.

Марна

В правительстве царя паника. Во главе парижского укрепленного района встал ветеран 1870 г. Галиени: человек неукротимого любопытства (он постоянно учил языки и читал книги) и необычной энергии. В правительстве произошли существенные перемены. Военным министром стал сангвиник Мильтеран, министром иностранных дел — Делькассе, в новый кабинет вошли Аристид Бриан и Александр Рибо. Униженный Массими пошел капитаном в действующую армию, где до 1918 г. дослужился до чина бригадного генерала.

Итак, семьдесят французских и пять британских дивизий пытались остановить германский поток с севера. В сводке германского штаба за 27 августа говорится: «Германские армии с победными боями вступили на территорию Франции от Камбре до Вогез. Враг, разгромленный на всех участках фронта, отступает и не может оказать серьезного сопротивления наступающим германским войскам». 28 августа Клюк ликовал по поводу императорской благодарности 1-й армии. Пишет француз-очевидец: «Подъехал автомобиль. Из него вышел офицер с надменной и величественной осанкой. Он прошел вперед один; офицеры, стоявшие группами перед входом в дом, уступали ему дорогу. Высокий, важный, с чисто выбритым лицом и шрамах, он бросал по сторонам жесткие и пугающие взгляды. В правой руке он нес солдатскую винтовку, а левую руку положил на кобуру револьвера. Он несколько раз повернулся кругом, ударяя прикладом о землю, и наконец застыл в театральной позе. Никто, как казалось, не осмеливался к нему приблизиться — он, действительно, вызывал ужас». ⁶² Это был фон Клюк.

Реальность была несколько прозаичнее: Германские войска проходили от двадцати до сорока километров в день, ночуя на обочинах дорог, теряя связь с тылами. Реагируя на усталость войск и «забыв» завещание Шлиффена, немцы ослабили свое правое крыло, заужая петлю, предназначенную для охвата французской армии. Главное: немцы нанесли поражение французам, но не сломили боевой силы их армии. В лице Жофра они нашли человека необычайной стойкости. В отличие от Людендорфа, Притвица, Самсонова, Мольтке, Френча и Хейга, он не поддавался панике в самых неблагоприятных условиях. Клаузевиц писал по такому поводу: «Обычные люди приходят в состояние депрессии от ощущения опасности или навалившейся на них ответственности; если же эти условия придают крылья уму, укрепляют его, то тогда проявляется необычное величие души». Фош встретил Жофра 29 августа и изумился: «Удивительное спокойствие». Это было в те часы, когда Жофф приказывал минировать мосты через Сену и Марну, когда впервые германские «Таубе» бомбили Париж и разбрасывали листовки: «Вам остается лишь сдаться», когда на столе у него лежало страшное радиосообщение: «Вторая русская армия больше не существует».

29 августа Галиени получил под свое управление 30-километровую зону вокруг Парижа. Он реквизировал весь транспорт, подходы к городу перекрыли баррикады.

В воскресенье 30 августа лондонская «Таймс» заглавила свой репортаж с фронта так: «Самая жестокая битва истории». Военный цензор Ф. Смит (близкий друг Черчилля) колебался некоторое время: следует ли так травмировать публику. Публикация откровенных данных не поколебала англичан — она укрепила их. В понедельник молчаливые очереди образовались у пунктов рекрутирования армии. Чувство долга не изменило и этому поколению англичан.

Скептический ипохондрик Мольтке не разделял рас-

пространяющейся эйфории. Он помнил правило своего шефа Шлиффена: «Победа на поле боя не имеет большого значения, если она не приводит к прорыву или окружению. Отброшенный назад противник вновь появляется на других участках, чтобы возобновить сопротивление, от которого он временно отказался. Кампания будет продолжаться». 30 августа его штаб переместился из Кобленца в Люксембург, на расстояние 15 километров от французской границы. Шел тридцатый день войны, которая по немецкому плану должна была завершиться победой на 39-й день. Мольтке более всего волновало отсутствие главного признака близящейся победы — потока пленных.

Повернув с севера к Парижу, немцы не сумели сделать главного — окружить отступающую французскую армию. Обеспокоенный адмирал Тирпиц записал в дневнике: «Нам не удалось завлечь в западню и заполучить в плен большие массы войск; французская армия, используя сеть железных дорог, постоянно перемещается на новые позиции». Германский устав давал командующим армиями весьма широкие полномочия. Клюк воспользовался ими для сокращения дуги своего пути с севера. Париж его волновал меньше, чем отступающая франко-британская армия. После уничтожения войск плоды победы сами упадут к ногам победителя. Его солдаты без отдыха шли от Льежа уже семнадцать дней. Предстояло последнее усилие. 31 августа колонны снова отправились в путь, несмотря на голод, стертые ноги и общую усталость. 2 сентября германский офицер заносит в дневник: «Наши люди дошли до крайности. Солдаты валяются от усталости, их лица покрыты слоем пыли, мундиры превратились в лохмотья... Солдаты шли с закрытыми глазами и пели, чтобы не заснуть на ходу. И только уверенность в предстоящем триумфальном марше в Париже поддерживала в них силу».⁶³

2 сентября президент Пуанкаре пережил «самый

печальный момент в моей жизни». Было принято осуществить переезд правительства в Бордо. Ночью, чтобы не стать мишенью насмешек парижан, министры устремились к специальному поезду.

«Немцы растянули свои силы: Германская армия устремилась за французскими войсками, минуя Париж и обнажая свой правый фланг. Французская разведка захватила портфель офицера армии Клюка, где были расписаны все основные цели немцев. Стало ясно, что германская армия не собирается штурмовать Париж и движется юго-восточнее; чтобы сокрушить французскую оборону.

6 сентября 1914 г. французы нанесли удар по этому флангу. Военный губернатор французской столицы Галлиени посадил два полка тунисских зуавов на парижские такси и бросил их на помощь фланговой контратаке. Командующий первой армией немцев генерал Клюк записал: «Был лишь один генерал, способный, вопреки всем правилам, осмелиться действовать так далеко от своих баз — и этим человеком был Галлиени».⁶⁴

В битве на Марне, которая длилась четыре дня, участвовали 12775 тысяч немцев, миллион французов и 125 тысяч англичан. Сэр Альфред Нокс записал в дневнике утешительную для себя мысль: «Время перестало работать на немцев. 7 сентября 1914 года стала черным днем в германской военной истории. 9 сентября немцы были вынуждены отступить за реку Марну, на сто километров восточнее.

На ход и исход битвы подействовало ошеленное союзниками России обстоятельство. В период вступления боевых действий на Западном фронте в решающую фазу нервы германского генерального штаба определенно дрогнули. Начальник германского генерального штаба фон Мольтке (племянник победителя французов в 1870 г.) допустил отклонение от плана, действуя более осторожно, чем завещал фон Шлиффен. Он направил на север Франции на 20% меньше войск, чем того требовал план

Шлиффена, и, соответственно, на 20% увеличил численность войск, стоявших на восточных германских границах. Возможно, что это изменение было фатальным для германского наступления. 25 августа два корпуса германской армии были отправлены из Франции на восток. 31 августа лорд Китченер телеграфировал командующему английским экспедиционным корпусом сэру Джону Френчу первое ободряющее сообщение текущей войны: «32 эшелоны германских войск вчера были переброшены с западного фронта на восток, чтобы встретить русских». Возможно, их и не хватило Фалькенгайну в начале сентября на Марне. Фактор России сыграл свою спасительную для Запада роль.

Движение немцев на Западе было ослаблено посылкой войск в Восточную Пруссию. «Сократившие» дугу немецкие войска повернули на юг и подставили свой фланг войскам парижского района. В знаменитой битве на Марне, где в боевое соприкосновение вошли более 2 млн. человек, фельдмаршал Клюк должен был отойти и окопаться. Произошло «чудо на Марне», хотя и большой ценой — одних только французов погибло более 200 тыс.

Генерал Мольтке писал супруге: «Ужас охватывает меня, когда я думаю о том, сколько крови пролито за месяц боёв». А командующий британским экспедиционным корпусом ээр Джон Френч в тот же день написал своей жене, что «приливная волна германского вторжения, по-видимому, остановлена... Я склонен думать, что немцы исчерпали свою силу, не достигнув своей цели».⁶⁵ Военного министра Китченера Френч просил не недооценивать противника. «Их не может остановить никто, кроме высокоподготовленных войск, руководимых лучшими офицерами... Все их действия отмечены исключительным единством цели и взаимоподдержки, чтобы преодолеть нестерпимую усталость, они следуют жесточайшей дисциплине».

Начало войны и первые кровавые битвы вызвали к

жизни новое чувство реализма. 19 сентября восходящая звезда британской политики Дэвид Ллойд Джордж обратился к публике в Лондоне: «Огромный поток богатства, заполнившего нашу страну, уходит под воду, и проявляется новая Британия. Впервые мы видим фундаментальные перемены в жизни, процессы, прежде невидимые из-за тропического роста богатства». В России выразилось похожее чувство. Социал-демократы в Думе после начала войны предсказали, что «посредством атаки на поле боя братство российских народов будет укреплено, и сквозь ужасные внутренние беды возникнет общее желание видеть свою страну свободной».⁶⁶

Главным итогом битвы было то, что «план Шлиффена» потерпел решительное поражение. Теперь никакая «одноразовая» операция не могла решить исход войны. Война стала позиционной.

Развенчанные иллюзии

Наступил первый промежуточный финиш, когда можно было подвести некоторые итоги. Французы отбили нападение немцев, немцы отбили наступление русских, русские отбили атаку австрийцев. Погибли лучшие воины — самые подготовленные профессионалы военного дела. Кровопролитие в мировой, невиданной доселе войне оказалось просто невероятным.

Запад верил в «паровую катуку» России, способный раздавить Германию. Фактом является, что Россия была растущей военной державой до 1914 г., но она не достигла состояния самодостаточности. И у нее были колоссальные внутренние изъяны, которые мировая война безжалостно выявила. Англичане совершенно очевидно стремились заполнить вакуум, созданный в результате обрыва экономических связей России с Германией. Но удовлетворение непосредственных военных потребностей России происходило медленно. В своих

«Военных мемуарах» британский министр вооружений Д. Ллойд Джордж многократно отмечает, что за свою черствость и безразличие к военным нуждам России союзникам пришлось заплатить страшную цену. в результате чего запад начал терять важнейшего восточного союзника: «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, впоследствии потерянных на Западе, и одну пятую пушек, стрелявших ими, не только было бы предотвращено поражение России, но по немцам был бы нанесен жестокий удар». Но такие умозаключения не были сделаны. В России же начала угасать вера в благоразумие полагаться на Запад.

Горестные вопросы встают перед всяким, кто пытается понять причины первой огромной русской трагедии в XX веке. Разве не знал русский генеральный штаб, что немцы в Восточной Пруссии будут, защищая свою землю, сопротивляться отчаянно и русской армии следует предпринять максимальные меры предосторожности? Почему немцы послали в небо свои «Таубе», а русских аэропланов-рекогносцировщиков над восточно-прусской равниной не было? Почему немцы лучше русских изучили итоги русско-японской войны, почему они знали особенности русских командующих, твердо знали, как поступит Ренненкампф и Самсонов, знали о ссоре и личной вражде этих русских генералов, а русские ничего не знали о Людендорфе? Кто позволил Ренненкампфу и Самсонову клером сообщать о передвижении своих войск, даже о планах на будущее? Неужели в русских военных училищах не слышали о Каннах и не изучили итогов Мукдена? Почему лучшие русские военные теоретики позволили разделить русские военные силы надвое и при этом лишили обе части взаимодействия, что поставило под удар обе эти части, дав Людендорфу единственный шанс, которым он не преминул воспользоваться?

Страшна судьба русской аристократии, погибшей в годы войны, гражданского геноцида и эмиграции. Того

самого дворянства, которое дало лучшее, чем гордится Россия. Но не в исторической ли ее безответственности лежат корни трагедии тех, кто не сумел с умом воспользоваться двенадцатимиллионной русской армией, кто шел впереди своих батальонов под пули, но не смог выиграть битву умов в состязании с Германией? Если русская дипломатия повинна в формировании союза против единственной страны, которая повышала экономически-цивилизационный уровень России, то русские офицеры виноваты в теоретической и организационной отсталости армии, созданной Петром и Суворовым. Запальчивость вместе с обидчивостью плохо способствовали постижению горьких уроков крымской и японской войн. Страшна трагедия русского дворянства, но исторической истины ради ему следовало бы признать и свою вину.

И разве неправда то, что в дни, когда германские войска молниеносно перемещались с фронта на фронт благодаря железным дорогам, русские войска месили грязь непролазных дорог. В это же время специальные составы доставляли из Крыма свежие цветы в будуар императрицы Александры Федоровны — и это тогда, когда каждый паровоз был на счету.⁶⁷ Русские власти с большой энергией взялись искоренять западноукраинское униатство в дни, когда страна нуждалась в консолидации военных усилий. Гинденбург бросал свои войска на Лодзь, а из русского тыла слали пастырей. Именно в эти дни Николай Николаевич вскричал: «Я ожидаю грузовые поезда с боеприпасами, а они шлют мне поезда со священниками!».⁶⁸

Иллюзии меркли и у других участников войны, но они быстрее находили противоядие.

Немцы быстрее других совершили замены в руководстве. Крах реализации «плана Шлиффена» привел к тому, что генерал Мольтке был снят со своего поста 12 сентября. (Официально он заболел). Ему на смену пришел относительно молодой, известный своим умом

и обаянием военный министр Фалькенгайн. Английский историк Палмер описал его как «культурного, чувствительного солдата, который в свободное время любил играть на скрипке, читал Гете и Метерлинка, интересовался укрепляющими веру учениями христианских ученых».⁶⁹ Фалькенгайна многие в Германии считали самым способным военачальником страны. Он был нестигаемым «верующим» в «план Шлиффена» и объяснял неудачи во Франции отсутствием пунктуальности в его реализации. На своем новом посту он немедленно перевел шестую и седьмую германские армии с их боевых позиций в Эльзасе и Лотарингии на крайний правый фланг германского фронта. По его предложению были набраны четыре корпуса молодых добровольцев. Но укреплять правый фланг было уже поздно: противостоящие армии застыли в обтянутых колючей проволокой окопах. Прибывшие на север немцы встретили посланные симметрично французские части. К концу сентября этот бег к Северному морю был завершен на побережье, и Фалькенгайн окончательно понял, что «план Шлиффена» стал достоянием истории. После 20 октября 1914 года Фалькенгайн уже не думал о дуге, нависающей на Париж с севера; он стал пытаться пробить фронт франко-англо-бельгийских союзников в центре, в районе Ипра и Армантьера. Ожесточенные атаки здесь ничего не дали. К середине ноября и Фалькенгайн и кайзер признали факт стабилизации фронта от Швейцарии до Северного моря. Обе стороны не знали о планах друг друга.

На Восточном фронте немцы стояли перед задачей привести в порядок австрийскую армию. Гинденбург и Людендорф послали в прекрасном немецком порядке по железной дороге четыре корпуса восьмой германской армии, которые отныне стали девятой германской армией, которая встала заслоном к югу от Познани и востоку от Кракова.

Россия приходила в себя. На огромном фронте мил-

лион с четвертью войск южного фланга одержали большую победу. На северном фланге почти миллион русских войск был разбит и унижен. 22 сентября главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич — собрал в Холме своих командиров. Было решено переместить пятую армию Плеве на север, чтобы прикрыть Варшаву и укрепить Северо-Западный фронт. Началась стабилизация фронта на Востоке. По железной дороге и пешком корпуса подтягивались на север, закрывая все возможные бреши. Новый миллион с четвертью солдат встал вокруг Варшавы, готовый и отразить наступление на нее и, если судьба будет милостива, начать движение к германским центрам.

30 сентября 1914 г. записная книжка погибшего германского офицера обнажила тот факт, что в Восточной Пруссии остались лишь два корпуса германских войск. Куда ушли остальные четыре? Так в русской ставке узнали, что немцы бросили свои войска южнее, на усиление австрийцев. Немцы уже приготовились к удару в центре, но на этот раз карта убитого русского офицера показала, что русский центр резко усилен. Гинденбург предположил, что «намерением противника является блокировать наши войска вдоль Вислы, нанеся тем временем решающий удар со стороны Варшавы. Это был величайший из всех планов великого князя Николая Николаевича».⁷⁰

Авантюрный дух овладел немцами, и они предприняли наступление в центре, зная об исключительном превосходстве русских армий. Вирус абсолютного превосходства вошел в германскую кровь. 12 октября 1914 г. четыре дивизии Макензена были в двадцати километрах от Варшавы, держа в руках важнейший железнодорожный узел. Гинденбург восхищался наивностью русских незашифрованных телеграмм. «Благодаря радиосообщениям противника, мы знали все не только о диспозиции противника, но и о его намерениях».⁷¹ И немцы просчитались. Гофман пишет о том, как не ожи-

данно упорно сражались за Россию кавказцы, как самодовольство победителей при Танненберге начало уступать место более трезвым оценкам. Гинденбург и Людендорф, располагавшиеся в Радоме, должны были распрощаться с иллюзиями относительно Варшавы, и 17 октября последовал приказ о всеобщем отступлении немецкого кулака. Германская армия потеряла в этом броске к Варшаве 40 тысяч человек. Но и русская армия еще раз убедилась, какой силы противника она имеет перед собой на севере своего фронта.

Россия медленно, но верно теряла Польшу. Людендорф повернул к югу свою девятую армию, стоявшую между Познанью и Краковом, напротив российской Лодзи, и нанес удар. Чтобы защитить Лодзь — текстильную столицу Восточной Европы, русские войска были вынуждены остановить движение в Силезию. Именно в эти дни против русских войск начали сражаться (21 октября) польские войска Пилсудского под общим командованием австрийцев.

В условиях пата на Западе Гинденбург и Людендорф решили на свой страх и риск начать наступление против русской Польши в тот самый момент, когда основная масса русских войск начала продвижение на запад в направлении Силезии. 11 ноября девятая германская армия под командованием Макензена неожиданно начала наступление с севера, со стороны Торна, во фланг наступающим русским войскам. Он прошел по левому берегу Вислы, «как по балюстраде» (выражение Черчилля), и в течение трех дней ввел в замешательство левый фланг русской армады, взяв двенадцать тысяч пленных. Макензен сделал то, что не удавалось никому на Западном фронте — он прошел в отвратительную зимнюю погоду сквозь плотные ряды русской армии, создавая хаос и сумятицу по всем направлениям. К концу дня 18 ноября Лодзь была почти окружена, внутри незамкнутого кольца находились сто пятьдесят тысяч русских войск. По мнению

очевидца — генерала Нокса, — назревал второй Седан или Танненберг.⁷² Сражение шло в масштабах, ведомых на Западном фронте. Людендорф предвкушал победу, более значительную, чем при Танненберге. (А генерал Данилов уже подал вагоны для немецких военнопленных). Но значительная часть русских войск вышла из города. «Колоссальная людская масса, которую немцы пытались отбросить, подавалась лишь ненамного и оставалась твердой в своей неподвижности. Боевой дух обеих армий обнаружил свой предел, унесенный поражениями, битвами, суровостью страны болот; мороз крепчал, дул ледяной ветер, температура опустилась значительно ниже нуля. Приближающаяся зима парализовала активность как русских, так и немцев»⁷³. За битву при Лодзи Гинденбург получил звание фельдмаршала. Среди этого смятения, совершенно непредвиденных страшных событий, «будучи постоянно битыми значительно меньшим числом немцев, — пишет Уинстон Черчилль, — мозг русского верховного командования продолжал функционировать ясно и решительно». Собрав немалые резервы, русская армия завладела контролем над единственным выходом из лодзинского мешка. Это был тот необычный случай, когда русские стояли спиной к России, а немцы спиной к Германии. Командующий Северо-западного фронта Рузский выделил «группу Ловича», которая зашла в тыл окружающим Лодзь немцам. Вместо жесткого окружения Лодзи немцы сами попадали в окружение. Слухи о великой победе русской армии уже достигли Петрограда. Сазонов поздравляет Палеолога. Начальник штаба русской армии генерал Беляев сообщает по секрету: «Мы одержали победу, большую победу... Я работал всю ночь, чтобы обеспечить транспортом 150 000 военнопленных».⁷⁴ Зря работал. Макензен понял, что второго Танненберга не будет и приказал своим войскам отступать ближайшим возможным путем. Черчилль, чей комплимент русской

ставке мы привели выше, в данном случае приводит старую поговорку: «Крепкий нож разрежет дерево».⁷⁵ Воздушная разведка с этих дней помогла немцам. С рассветом 23 ноября немцы смело и умело рванулись на север. За ними следовала пятая русская армия. Нокс описывает виденное: «Командир первого корпуса умолял войска двигаться вперед, но все замерли в глубокой пассивности. Они — или, возможно, командующий и его штаб — были лишены резерва моральных сил для того, чтобы продолжать действовать. Командующий колебался в отношении преследования и в конечном счете запросил армейское командование».⁷⁶ Разумеется, то тоже начало колебаться. Моральный террор германского военного превосходства был столь велик, что и войска и военачальники русской стороны впадали в своего рода ступор. «Полностью окруженные ордами противника, немцы пробивались вперед, не потеряв ни одного орудия, ни одного пленного, прошли сквозь все опасности, неся с собой всех раненых».⁷⁷ Двести пятьдесят тысяч немцев в этой битве противостояли шестистам тысячам русских войск. Немцы потеряли тридцать пять тысяч убитыми — русские вдвое больше. Но что важнее всего стратегически: теперь никто уже — ни в Париже, ни в Петрограде — не помышлял о наступлении на германскую Силезию. Говоря о сложностях текущей войны, британский военный атташе полковник Нокс записал в дневнике 25 ноября: «Я боюсь, что в России забыли о необходимости компенсировать пополнениями огромные потери текущей войны; с приходом зимы наши потери утроятся. Несколько человек уже замерзли в траншеях этой ночью». В русской армии был отдан приказ поить людей горячим чаем, но русский офицер сказал Ноксу: «Такие приказы легко издать, но трудно выполнить — люди, несущие обед, гибнут едва ли не ежедневно».

Череда австрийских поражений привела молодого

Витгенштейна к печальным обобщениям. «Я размышлял о прискорбном положении германской расы. Мне кажется определенным, что мы не можем выиграть у Англии. Англичане — лучшая раса в мире — *не может* проиграть. Мы же можем — и проиграем, если не в этом году, то в следующем».⁷⁸

Немецким профессиональным военным не хотелось верить в ложность своих теорий. В конечном счете война на истощение оборачивалась против них. 14 ноября они начали массированное наступление с ипрского выступа на правом фланге своего Западного фронта. 22 дивизии, возглавляемые прусской гвардией, бросились вперед, предваряя атаку самым страшным до сих пор артиллерийским огнем. И все же семь британских и пять французских дивизий выстояли.

Генерал фон Плессен, чьей обязанностью было информировать кайзера о происходящих военных операциях, записывает в дневнике: «Его Величество находится в депрессивном состоянии. По его мнению, наступление на Ипр провалилось, и он в печали. Он потрясен докладом генерала Фалькенгайна о шестидневном запасе боеприпасов... Посетивший нас канцлер (Бетман-Голвег) обеспокоен огромными потерями при Ипре. Просит меня использовать все влияние для остановки наступления. Я придерживаюсь той же точки зрения. Фалькенгайн же не остановит наступления на Ипр до того, как выпустит последний снаряд».⁷⁹

Значительные события произошли на Черном море. Ранним утром 29 октября 1914 года два германских ультрасовременных корабля под турецким флагом — «Гебен» и «Бреслау» — бомбардировали Одессу и Николаев, а затем выбросили мины на самых важных российских морских путях. Следующими целями вступившей в войну Турции вместе с ее немецкими союзниками стали Севастополь, Феодосия и Новороссийск. Месть за русские потери несли в основном англичане. 1 ноября они бомбардировали турецкий порт Акаба.

Германские идеи

Чтобы как-то ответить на враждебные чувства нейтралов и общественности воюющих стран, девяносто три представителя немецкой интеллигенции: поэты, историки, ученые, священники и музыканты — выпустили в октябре 1914 г. «Манифест цивилизованному миру»: «Мы будем вести эту борьбу до самого конца как цивилизованная нация, следующая традициям Гете, Бетховена и Канта».

Ощущая интеллектуальный конфликт, даже кайзер присоединился к войне идей: «Я безусловно убежден, что страна, которой Бог дал Лютера, Баха, Вагнера, Мольтке, Бисмарка и моего деда, будет еще призвана для великих свершений ради блага человечества».

Не все немецкие таланты разделяли патриотический пыл указанного манифеста. В пик им профессор физиологии Берлинского университета Георг Фридрих Николаи обратился с призывом после окончания войны объединить интеллектуальные усилия Европы и создать политически единую Европу: «Этот шаг должны сделать все те, кто действительно ценит культуру Европы — те, кого Гете пророчески называл «хорошими европейцами». Этот манифест подписало меньшинство светил научного и культурного мира Германии. Но среди них были такие имена, как Альберт Эйнштейн.

В ноябре 1914 г. оказавшийся неудачливым полководцем Мольтке-младший произнес лекцию в Немецком обществе. Главная идея лекции: ни европейский Запад, ни Россия по разным причинам не могут взять на себя бремя культурного лидерства в мире. «Латинские народы прошли зенит своего развития — они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отстали в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Евро-

па обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий».⁸⁰

Планы Германии

Группа левых социалистов, осмысливая начало войны 1914 г., объявила Германию лидером мировой революции против плутократического Запада⁸¹. Германские интеллектуалы снова писали: «Германия опять стоит перед задачей стать посредником между Востоком и Западом». На протяжении всей войны Германия считала союз России с Западом неестественным. Она неустанно повторяла, что слепое единение Британии и Франции с Россией приведет к самым плачевным для Запада результатам. Казаки войдут в Копенгаген, Стамбул и Кувейт, и тогда Лондон и Париж пожалеют о крахе Германии. Запад отвечал в 1915–1917 гг. приблизительно следующим образом: именно пруссианизм прерывает плавную европейскую эволюцию; что же касается России, то она методично повторяет фазы развития Западной Европы.

Что думали немцы делать с Западом и Россией в случае победы? Относительно того, что ждало Запад в случае победы «блока Центральных держав», с полной откровенностью говорит великий английский историк А. Тойнби: в этом случае Германия низвела бы Запад до состояния хаоса «вооруженного грабежа, неизвестного нам со времен «столетней войны» и подвигов Карла Лысого; она смела бы начисто работу четырех столетий, уничтожила бы не только «национальное самоуправление», введенное английской и французской революци-

ями, но и предваряющую самоуправление национальную консолидацию, проведенную Людовиком XI и Генрихом IX.⁸²

Историк Ф. Майнеке ощутил рост аппетита в германской элите. «Я помню характерную беседу в доме Гинце с национально известным экономистом Шумахером. Я сказал, что нечто вроде мира в Губертусбурге (мир, которым в 1763 г. завершилась Семилетняя война. — А. У.) будет уже немалой победой для нас. «О, — воскликнул Шумахер с ликующим видом, — мы можем надеяться на значительно большее!». ⁸³ Уничтожение Франции как великой державы, ликвидация британского влияния на континенте и фактическое изгнание России из Европы — вот планируемые основания установления в Европе германской гегемонии. Такую цель можно было достичь *лишь* силой. Германское лидерство, писал канцлер Бетман-Гольвег 16 сентября 1914 г., «не может быть достигнуто на основе соглашения об общих интересах — оно создается только вследствие политического превосходства». ⁸⁴

В германском руководстве сформировалось две линии — линия канцлера Бетман-Гольвега и линия военно-морского министра Тирпица. Главная цель первого лежала на Востоке: *ослабить Россию* как фактор европейской политики. «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы всегда сможем договориться, с Россией — никогда». ⁸⁵ На Западе Бетман-Гольвег после войны хотел договориться о «культурном союзе» Германии и побежденных Франции и Британии против «варварской России». Россия должна была быть вычеркнута из европейского контекста.

21 августа 1914 г. Бетман-Гольвег впервые достаточно отчетливо определил цели своей страны в борьбе с союзом России и Запада. «В охватившей весь вечер беседе речь шла о Польше и возможности привлечения других государств к Империи — центрально-европейс-

кой системе дифференцированных тарифов. Великой Германии, включающей в себя Бельгию, Голландию, Польшу как непосредственные протектораты и Австрию как опосредованный протекторат».⁸⁶

Бетман-Гольвег изложил свои мирные планы уже 9 сентября 1914 г. Политическая карта Европы должна измениться. Запад и Восток должны подчиниться Центру Европы — такова идея, которая с теми или иными вариациями была положена в основу стратегического планирования Германии. Самым конкретным результатом идейной работы в Германии 1914–1915 гг. стало понятие «Миттельойропа». В канцелярии канцлера пришли к выводу: «Вся Юго-Восточная Европа является лежащей у наших дверей культурной колонией».⁸⁷ Ведущий германский либерал Ф.Науманн опубликовал в октябре 1915 года книгу «Миттельойропа», в которой предусматривалась такая европейская политическая архитектура, предпосылкой которой был разрыв связей Запада и России.

Основой концепции «Миттельойропы» был экономический и таможенный союз Германии и Австро-Венгрии. «Франция должна быть ослаблена, чтобы сделать ее возрождение в качестве великой державы невозможным на все времена. Россия должна быть отброшена назад настолько далеко, насколько это возможно от германской восточной границы, а ее доминирование над нерусскими вассальными народами должно быть сокрушено»⁸⁸. Главное: «Мы должны создать центральную европейскую экономическую ассоциацию посредством единого таможенного договора, который включал бы в себя Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию, Польшу и, возможно, Италию, Швецию и Норвегию. Эта ассоциация не будет иметь какой-либо единой конституционально оформленной высшей власти, и все ее члены будут формально равны, но на практике будут находиться под германским руководством и должны стабилизировать германское экономическое доминирование над Миттельойропой».⁸⁹

Наряду с решающим ослаблением России эта концепция предполагала геополитическое ослабление Франции, у которой следовало отобрать железорудные копи Лонгви-Брийе. После поражения Антанты следовало предложить Франции пакт об обороне и помощи — ее нужно «приласкать», приближая к Германии в ее борьбе против России и Британии. У канцлера были мощные союзники. Эту идею разделяли кайзер Вильгельм Второй, влиятельные министры, такие, как Ягов. Канцлер Бетман-Гольвег предлагал довольно мягкие условия мира для Франции и не склонялся к расчленению или полному подчинению Франции (это позволит Германии и Австро-Венгрии сосредоточиться на экспансии на Востоке).

Канцлер, министр иностранных дел Ягов и бывший посол в Лондоне Лихновский выступили за примирительную позицию в отношении Британии. Начальник генерального штаба фон Мольтке шел даже дальше — он считал, что после победы на континенте Берлину следует наладить дружественные отношения с Лондоном.

За пределами правительства такое видение будущего разделялось влиятельными политическими силами Германии. В сентябре 1914 г. выходит определение военных целей Общегерманским союзом: «Абсолютно императивным является требование, чтобы Миттель-Европа, включая регионы, полученные Германским Рейхом и Австро-Венгрией в качестве призов победы, образовывали одну единую экономическую общность; Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария будут присоединены к этому ядру постепенно и исходя из принуждающей к такому сближению необходимости».⁹⁰ Что касается России, то, согласно идеям Всегерманского союза, она должна была быть «насилованно обращена назад, на восток, ее границы должны быть уменьшены примерно до границ государства Петра Великого. Главное — разрушить союз России и Запада, обратить

течение истории вспять, вернуть Россию в допетровское состояние. «Лицо России должно быть силой повернуто на восток снова, она должна быть загнана в границы, существовавшие до Петра Великого»; центральная Европа должна признать главенство Германии; в Миттельойропу войдут в дополнение к Австро-Венгрии Нидерланды, Швейцария, Норвегия, Финляндия, Италия, Болгария, Румыния и обширные завоеванные территории России.⁹¹ Крупн и прочие крупные промышленники поддержали меморандум Класа.

Партии центра расходились с правыми в акцентах. «Кровавая борьба делает настоятельным, чтобы победа была использована для достижения Германией военного превосходства на континенте на все времена и обеспечила германскому народу мирное развитие по меньшей мере на сто лет вперед... Вторая цель — ликвидация британского опекуинства при решении вопросов мировой политики, нетерпимого для Германии; третья цель — сокрушение русского колосса».⁹² Представляя партию центра М. Эрцбергер указывал, что Россия должна быть отброшена от обоих морей — Черного и Балтийского. Он предусматривал создание польского государства под германской опекой, отделение от России Украины и Бессарабии.

Германских промышленников представил А.Тиссен: «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа».⁹³ Он предусматривал создание «великого центральноевропейского таможенного союза, который включал бы в себя Голландию, Францию, Данию, Швейцарию, Австро-Венгрию и Балканские страны... Германия должна воспользоваться ситуацией, которая может не возникнуть вновь еще столетия. Только тогда Германия могла бы говорить на равных с Америкой и Британской империей». На Востоке группа рурских промышленников требовала балтийские провинции и Украину вплоть до Дона, а также Крым и Кавказ. Мень-

шее не позволило бы обеспечить сырьем Центральную Европу, в которой Тиссен считал абсолютно необходимым создание широкого таможенного союза.

Основным элементом почти германских футурологических построений этого направления было такое ослабление России, чтобы она никогда не стала угрозой для Миттель Европы. Мы нигде не находим планов инкорпорации России в Европе. Все планировщики второго райха думали только о том, как отбросить Россию от европейского центра. Прежде всего, роль бастиона Миттель Европы против «Московии» предназначалась находящейся под германским протекторатом Польше. Поляков в Силезии и Пруссии предполагалось переселить на восточные земли Польши по линии Барта-Марев, откуда следовало выселить всех евреев. На этот «германо-польский вал» позднее нужно было, согласно немецким планам, поселить немцев из немецких областей Поволжья. Мы видим, как старый прусско-германский национализм превращается в германский расизм, крушащий все восточноевропейские границы ради германской гегемонии в Европе.

Когда стало ясно, что окопы сильнее атакующих средств, что германский военно-морской флот не может покинуть свои гавани, немцы начали поиски фокуса своей идейной деятельности и нашли его в стремлении разомкнуть союз России и Запада. В конце 1914 — начале 1915 года германские идеологи начинают выдвигать идеи союза Западной и Центральной Европы против России. М. Шелер в книге «Гении войн» объявляет, что единственной подлинной целью Германии является объединение всего континента против России. Запад должен понять, что только могущественная Германия, вставшая между Балтикой и Черным морем, может защитить его от растущей мощи России.

Бетман-Гольвег намеревался добиться своих целей за счет раскола России. Канцлер Германии желал развала Российской империи. Он намеревался создать из

русской части Польши буферное польское государство. Немцы начали активную пропагандистскую работу среди финнов, русских евреев и кавказских народов. Инструментом была избрана революция и использование национализма. Немцы начали оказывать помощь украинским националистам — в этом виделся едва ли не решающий шаг к расширению германского влияния на Востоке. Целью этой фракции было создание контролируемой Германией зоны от Пиренеев до Мемеля, от Черного моря до Северного, от Средиземноморья до Балтики, что позволило бы Германии конкурировать с Соединенными Штатами в борьбе за мировое экономическое первенство.

В записях канцлера от 11 августа 1914 г. ставились следующие цели: 1) использовать подрывные действия для общего ослабления России; 2) создать нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией в качестве средства ослабления давления русского колосса на Центральную и Западную Европу, для «отбрасывания России назад, на восток, так далеко, как это только возможно»;⁹⁴ 3) ликвидация слабых «якобы нейтральных» государств на германских границах. Конкретно говорилось об «освобождении от гнета московитов» нерусских народов, осуществляемом под германским военным контролем. Австро-Венгрия должна была быть расширена за счет Украины, Румынии и Бессарабии. Бетман-Гольвег отверг как абсурдное лишь предложение превратить Санкт-Петербург в германскую крепость.

Но восстания, на которые возлагали надежды сторонники сокрушения России, не материализовались в августе-сентябре 1914 г. ни в Польше, ни в Финляндии, ни на Украине.

Вторая концепция внешнеполитического планирования исходила из того, что не Россия, а *владычица морей Британия стоит на пути германского развития*. В интересах же Германии было бы допустить выход Рос-

сии в Средиземное море, поскольку это неизбежно приведет ее к конфликту с Британией.⁹⁵ В том же духе в сентябре 1914 г. представитель промышленной группировки Тиссена М.Эрцбергер поставил перед правительством рейха задачу элиминирования «нетерпимой опеки» над Германией со стороны Британии в основных вопросах мировой политики.

Гинденбургу Фалькенгайн посчитал нужным объяснить причины своего упорства именно на Западном фронте: «Наш самый опасный враг находится не на Востоке, этот враг — Англия — организатор всего заговора против Германии. Мы сможем нанести ей ущерб только в случае выхода к морю. Францию Германия может сдержать, лишь поддерживая нынешние позиции на Западе. Подъем французских надежд проявил себя после нашего отступления в сентябре, главной причиной которого было ослабление Западной армии в пользу Восточной».⁹⁶

Фон Тирпиц, вся военно-морская партия в целом считали именно Британию, а не Россию врагом рейха номер один. И кайзер и фон Мольтке поддерживали идею оказания помощи антианглийским элементам в Индии, Египте и Южной Африке. Тирпиц и его адмиралы выступали за осуществление блокады Британии. Линия Тирпица заключалась в определении в качестве главной цели Британии и в заключении после победоносной войны союза с Россией. Он хотел завершить войну с Россией возможно скорее. Тирпиц видел будущее Германии в укреплении ее мировых промышленных торговых позиций.

Эта фракция выступила за полную и жесткую оккупацию Франции и Бельгии с тем, чтобы быть в состоянии оказывать необходимое влияние на несговорчивую Британию, сохраняя при этом дружественность восточноевропейского, русского тыла. Сторонники этой концепции предлагали быть жестче с западным союзником Британии — Францией. Значительная часть гер-

манских банкиров выступила за взимание с Франции крупных репараций и за захват французских колоний, но не резкое ослабление ее в Европе. Император Вильгельм Второй в августе и сентябре 1914 г. требовал очистить индустриальные районы Франции, и Бельгии от местного населения и заселить их «достойными людьми». ⁹⁷ Влиятельный промышленник Август Тиссен полагал, что Франция должна была быть ослаблена за счет передачи Германии департаментов Нор и Па-де-Кале с Дюнкерком и Булонью, департамента Мерт-э-Мозель с цепью крепостей и на юге департаментов Вогезы и От-Саон с Бельфором. Бельгия инкорпорировалась в Германию. Германские промышленники (как и правительство) хотели лишить Францию залежей железной руды, с тем чтобы обеспечить ее полную зависимость от Германии.

Фон Тирпиц противопоставлял эти взгляды сугубо антироссийской политике. Первое столкновение его взглядов со взглядами канцлера произошло в штаб-квартире в Кобленце 19 августа 1914 г. Тирпиц яростно отстаивал свою точку зрения. (В частности, в двухчасовой прогулке он как будто убедил кайзера Вильгельма в правоте своего стратегического видения). Однако дальнейшее развитие событий показало, что линия канцлера стала доминирующей. Германскому военноморскому флоту было отказано в активных действиях против Британии. (Бетман-Гольвег хотел сберечь флот как один из козырей в послевоенных переговорах с Британией после поражения Франции).

21 декабря 1914 г., когда масштабы русского поражения в Восточной Пруссии были определены, генерал фон Сект (который в будущем возглавит рейхсвер и выступит упорным сторонником отрыва России от Запада, сторонником германо-русского союза) писал: «Решающим является вопрос, какая нация может быть нашим лучшим союзником в борьбе против Англии? Ответ, по моему мнению, будет иметь решающее зна-

чение в проведении нашей политики в будущем... Францию следовало бы приветствовать в качестве союзника, и с географической точки зрения такой выбор сделать легко. Но Франция, в любом случае, будет слабым союзником, даже если она и в стойле? Итак, в качестве потенциального союзника можно рассматривать лишь Россию. У нее есть то, чего нет у нас».⁹⁸ Сходные же позиции стал занимать В. Ратенау, которому многое на данном направлении пришлось совершить в будущем. Позже, в 1916 г., в письме Секту Ратенау утверждал, что германо-русское согласие «сделает все балканские страны, включая Турцию, зависящими от этих двух стран, даст им выход в Средиземное море и заложит основание общей будущей политики в отношении Азии. Без русской помощи германская политическая активность и экспансия на Ближнем Востоке и на Балканах будет жалким и неудовлетворительным суррогатом».⁹⁹

Планы России и Запада.

С первых же дней войны Запад интересовался русской позицией в отношении будущего Германии. Царь и его министры хотели бы, чтобы после войны Британия и Франция доминировали на Западе войны, а Россия — в Восточной Европе. Между ними лежала бы буфером слабая Германия. Петроград выступал за возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции, восстановление Польши, увеличение за счет Германии территории Бельгии, восстановление независимости Ганновера, передачу Шлезвига Дании, освобождение Чехии, раздел между Францией и Англией всех немецких колоний. Одного только Сазонов твердо обещал не делать в отношении Германии — он обещал не провоцировать в ней революции. «Революция никогда не будет нашим оружием против Германии». К 14 сентября 1914 г.

Сазонов подготовил проект единых военных целей России, Франции и Британии из двенадцати пунктов.

1. Три державы нанесут удар по германской мощи и претензиям на военное и политическое доминирование.
2. Территориальные изменения должны быть осуществлены, исходя из принципов прав национальностей.
3. Россия аннексирует нижнее течение реки Неман и восточную часть Галиции. Она присоединит к королевству Польши восточную Познань, Силезию и западную часть Галиции.
4. Франция возвратит себе Эльзас и Лотарингию, добавив, если она того пожелает, часть Рейнской Пруссии и Палатинат.
5. Бельгия увеличит свою территорию.
6. Шлезвиг — Гольштейн будет возвращен Дании.
7. Государство Ганновер будет восстановлено.
8. Австрия будет представлять собой состоящую из трех частей монархию — Австрийская империя, королевство Богемия и королевство Венгрия.
9. Сербия аннексирует Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию.
10. Болгария получит от Сербии компенсацию в Македонии.
11. Греция и Италия разделят южную Албанию.
12. Англия, Франция и Япония разделят германские колонии.

Нетрудно представить себе, что Сазонов надеялся на зависимость урезанной Австро-Чехо-Венгрии от России. В этом случае уменьшившаяся Германия едва ли могла претендовать на господство в огромной России, имея перед собой объединенную Польшу, славянизированную Дунайскую монархию и трио благодарных России государств — Румынии, Болгарии и Сербии.

Правители России в 1914—1917 гг. желали видеть Россию после войны играющей в Европе роль, которую в 1870—1914 годах играла в ней Германия — роль культурного и индустриального центра, лидирующего в науках и искусстве.

Официально русское правительство — ни при царе, ни в период Милюкова-Керенского — не оглашало своих

целей в войне. Более или менее были известны цели России, касающиеся Османской империи, но что Россия собиралась делать в случае победы на своих западных границах известно меньше. Возможно, имеет смысл указать на «максимальные возможные притязания России. На южной границе — расширение пределов империи за счет турецкой Армении и Курдистана, овладение проливами, русский контроль над Константинополем. На западной границе — присоединение к русской части Польши австрийской и германской ее частей с превращением Польши в автономное государство в пределах российской империи. Трудно представить себе участие России в распаде Австро-Венгрии, в случае которого новорожденные чешское и словацкое государства были бы включены в состав империи Романовых (или России Милюкова). Россия заняла бы место Германии и Австрии в Центральной Европе. Кадеты во главе с Милюковым придерживались примерно тех же взглядов за исключением особой позиции по Польше и Финляндии. В первом случае, Польше предоставлялась независимость, а та заключала «вечный союз с Россией». Во втором — Финляндия укрепляла свою автономию. Более сложным было отношение буржуазных партий (кадетов, в первую очередь) к будущей политической структуре России. Расходясь между собой и конфликтуя, теоретики предусматривали ту или иную степень федерализации России с представлением отдельным частям империи большего представительства в федеральных органах и, возможно, некоторых прав на региональную автономию. Десять лет спустя после революции Сазонов писал: «Ни для императора Николая II, ни для меня, как министра иностранных дел, не было более ясной и справедливой задачи, чем политическое возрождение чехов».

21 ноября 1914 г. император Николай посчитал, что наступило время подумать о послевоенном порядке (представить себе, что война будет длиться еще четыре года, император, разумеется, просто не мог). Он был настроен

достаточно решительно: «Я настаиваю, чтобы условия этого мира были выработаны нами тремя — Францией, Англией и Россией, только нами одними. Следовательно, не нужно конгрессов, не нужно посредничества. Мы продиктуем Германии и Австрии нашу волю... Главное — уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить — через некоторое время будет новая война... Вот как я представляю себе результаты, которых Россия вправе ожидать от войны и без достижения которых мой народ не понял бы необходимости понесенных им трудов. Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии. Мой генеральный штаб желает, чтобы это исправление достигло берегов Вислы... Познань и часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достигнуть своих естественных пределов — Карпат... В Малой Азии я должен буду заняться армянами — их нельзя оставлять под турецким игом... Я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через проливы... Австро-венгерский союз потерпел крах. Венгрии, лишенной Трансильвании, будет трудно удерживать хорватов. Чехия потребует, по меньшей мере, автономии — и Австрия, таким образом, сведется к старым наследственным владениям: к Немецкому Тиролю и к Зальцбургской области... Франция возвратит Эльзас-Лотарингию и распространит свою власть, быть может, на рейнские провинции. Бельгия получит приращение в области Аахена. Франция и Англия поделят германские колонии. Шлезвиг, включая район Кильского канала, будет возвращен Дании. Воссоздав Ганновер между Пруссией и Голландией, мы бы укрепили будущий мир». В ответ французский посол Палеолог сказал: «Это конец германской империи». Император Николай согласился: «Пруссия должна стать простым королевством». Предусматривая

кардинальное изменение карты Европы, русский император предусматривал будущее развитие России лишь в союзе с Западом. Этот союз должен сохранить единство на долгие годы вперед. Антанта и после войны должна остаться сплоченной.

Французская позиция была вчерне определена на состоявшемся в Бордо 20 сентября 1914 г. заседании совета министров под председательством президента Пуанкаре. Министр иностранных дел Делькассе информировал посла Извольского об отсутствии у России, Франции и Британии оснований для разногласий. Главная цель — сокрушение лидерства Пруссии в Германии. Шлезвиг и Гольштейн вернутся к Дании. Англия получит германские колонии. Россия — гарантии свободного прохода в черноморских проливах. Франция возвратит Эльзас и Лотарингию. Цели, преследуемые Россией и Францией, идентичны и будут реализованы, как только французские и русские войска сомкнут руки в центре Германии. Извольский отметил симпатию Франции к Австро-Венгрии, основанную на «ложном», по его мнению, восприятию якобы имеющегося у нее стремления к независимости от Германии. Можно было предположить, что французы желали увеличить буфер между будущей Восточной Европой, возглавляемой Россией, и Западом.

В *Британии* с начала войны активно обсуждали возможности глобального передела, в ходе которого Россия получит сушу, а Британия — моря, когда двум империям, русской и британской, суждено будет править миром. Первым шагом двух империй навстречу единству в послевоенном мире стала видеться координация планов при разделе Османской империи. Если Россия получит выход в Средиземноморье, а Британия укрепитесь в Персидском заливе, будут созданы главные условия их прочного союза. Как раздел Польши долгие годы служил русско-германскому согласию, так раздел Ближневосточной Порты послужит союзу Петрограда и

Лондона в наступившем веке. 4 сентября 1914 года Грей послал Сазонову меморандум о решимости правительства Его Величества сражаться до победного конца. Британский министр отказывался детализировать британскую позицию, и русский посол — граф Бенкендорф — в конечном счете прислал в Петроград собственную оценку британских целей: овладение частью германских колоний; нейтрализация Кильского канала; передача Шлезвига (без Гольштейна) Дании; получение основной части германского флота Британией; компенсация Бельгии за счет Голландии, а той за счет Германии (Германская Фризия). На Германию налагались тяжелые репарации «для нейтрализации ее мощи». Франции предназначались Эльзас и Лотарингия, а также некоторые из германских колоний. России передавались польские провинции Пруссии и Австрии, а также русские (украинские) регионы в Галиции и на Буковине. Вопрос о Турции оставался открытым.

В целом Запад, хотя и вел достаточно активную политику на Балканах, отдавал пальму первенства здесь России. Дело было не только в территориальной близости России и ее давних связях с регионом, роли в славянских делах, но и в том, что гигантская отмобилизованная мощь России позволяла ей вмешательство здесь (в случае нужды), в то время как французы полностью задействовали свои ресурсы на Западном фронте, а Британия еще не сформировала сухопутную армию. Никто не смог бы диктовать России линию поведения на Балканах. В то же время позиции Запада были сильнее в подходе к Италии — здесь вступал в действие фактор британского морского могущества и французской близости.

Изоляция

Мировая война почти герметически закрыла России ворота в западный мир: она оборвала связи, кото-

рые всегда были для России живительными. Единственный путь между Россией и Западом проходил через Норвегию и Швецию — с пересечением Ботнического залива — в Финляндию. Но германская военно-морская блокада сделала этот путь опасным (несмотря на чрезвычайно смелые маневры русских кораблей и подводных лодок, а также закладку мин у Киля и Данцига, совершенные под талантливым руководством русских флотоводцев Эссена и Колчака). Ведущие русские политики и экономисты довольно скоро оценили разрушительный эффект русского изоляционизма. В январе 1915 года член русского кабинета М. Харитонов пришел к следующему выводу: «Изоляция нашей страны является одним из наиболее болезненных и опасных аспектов текущей войны».¹⁰⁰ Уже в начале войны царь Николай получил меморандум, созданный в недрах министерства внутренних дел и министерства юстиции, в котором говорилось о необходимости завершить военные действия на фронтах в ближайшее возможное время, поскольку союз с западными демократическими державами представляет для России смертельную опасность,¹⁰¹ как стимулирующий революционно-прозападные круги. (Содержание этого меморандума в конечном счете стало известным в Думе).

Министр иностранных дел Сазонов: «Изолированное положение наблюдалось с растущей тревогой правительством и общественным мнением по мере того, как становилось все ощутительнее наше одиночество. На почве тревоги за исход войны легко развивается и растет чувство всеобщего недовольства и падает то обаяние властью, без которого не может держаться никакая государственная организация, достойная этого имени... Россия была лишена главного элемента успеха, давшего ее союзникам победу: тесное слияние и сплочение между собой и общность материальных средств».¹⁰²

Отчетливое понимание негативного влияния изоляции мы видим в дневнике посла Палеолога. «До войны врожденная склонность к странствиям периодически толкала русских на Запад; высший круг раз или два в году съезжался в Париже, Лондоне, Биаррице, Каннах, Риме, Венеции, Баден-Бадене, Карлсбаде. Более скромные круги — интеллигенты, адвокаты, профессора, ученые, доктора, артисты, инженеры — ездили учиться, лечиться и для отдыха в Германию, в Швейцарию, в Швецию, в Норвегию. Одним словом, большая часть как высшего общества, так и интеллигенции, по делу или без дела, но постоянно, иногда подолгу, общалась с европейской цивилизацией. Тысячи русских отправлялись за границу и возвращались с новым запасом платья и галстуков, драгоценностей и духов, мебели и автомобилей, книг и произведений искусства. В то же время они сами, возможно, того не замечая, привозили с собой новые идеи, некоторую практичность, более трезвое и более рациональное отношение к жизни. Давалось им это очень легко, благодаря способности к заимствованию, которая очень присуща славянам и которую великий «западник» Герцен называл «нравственной восприимчивостью». Но за время войны между Россией и Европой выросла непреодолимая преграда, какая-то китайская стена... Русские оказались запертыми в своей стране, им приходилось теперь вариться в собственном соку, они оказались лишенными ободряющего и успокаивающего средства, за которым они отправлялись раньше на Запад, и это в такую пору, когда оно им оказалось всего нужнее».¹⁰³

Немцы хорошо понимали значение изоляции России. Начальник генерального штаба фон Фалькенгайн пишет: «Если бы проливы между Средиземным и Черным морями не были закрыты для прохода кораблей Антанты, надежды на успешное ведение войны уменьшились бы значительно. Россия освободилась бы от

изоляции, которая давала более надежную, чем военные успехи, гарантию того, что рано или поздно колеблющиеся силы почти автоматически покинут этого Титана. Если такой строго дисциплинированный организм, как Германия, привыкший на протяжении столетий к сознательной работе и имеющий в своей распоряжении неистошимую мощь умелых, организованных сил своего народа, едва был способен решить огромную, заданную войной задачу, то было ясно, что русское государство, значительно менее сильное внутренне, не выдержит испытания. Насколько это было в человеческих силах предвидеть, Россия была не в состоянии ответить на запросы такой борьбы и в то же время осуществить реконструкцию всей своей экономической жизни, что стало необходимым для нее в свете неожиданной изоляции от внешнего мира». ¹⁰⁴

Царь Николай — это была одна из не очень многих его удачных идей — еще в начале царствования запланировал создание порта и в районе Мурманска. Через несколько месяцев после начала войны (1 января 1915 года) через Мурманск был проложен кабель, соединивший Колюшкин полуостров с Шотландией, сделавший возможным информационный обмен между Западом и Россией. Понадобились чрезвычайные усилия, чтобы завершить прокладку железнодорожной магистрали Петроград-Мурманск, чтобы Россия и Запад создали канал, хотя и узкий, взаимного сообщения. Разумеется, этот канал лишь несколько смягчал общий, чрезвычайно негативный эффект изолированности России.

Подрывная стратегия немцев

На рубеже 1914—1915 гг. задача детализации германской политики на Востоке была поручена губерна-

тору Франкфурта-на-Одере Ф. фон Шверину. Вырабатываются планы Литвы и Курляндии с заселением их германскими колонистами из Германии и России. В Германии спланируется круг людей, чьей профессиональной целью стало «расчленение России и отбрасывание ее к границам, существовавшим до Петра Первого, с последующим ее ослаблением».¹⁰⁵

Во главе этой подрывной деятельности становится энергичный заместитель государственного секретаря Циммерман, направивший основную работу из Берлина. Украинская часть задачи была поручена балтийскому немцу Рорбаху, который еще до войны специально обследовал отдельные районы России на предмет раскольнической деятельности. Группы балтийских немцев, живших в Германии — Теодор Шиманн, Иоханнес Халлер и др., — профессионально занимались тем, как сокрушить Россию изнутри и вернуть ее в допетровское состояние. Украина называлась всеми ими целью номер один.

Конкретная задача мобилизации националистов и революционеров с целью откола богатейшей части России — Украины — была поручена в 1915 г. Диего фон Берену. Его фаворитами были радикальные социалисты. Оценку другому активному профессиональному противнику российского единства — фон Визендонну — мы видим из письма лидера «Лиги инородческих народов России» балтийского барона Экскюля от 8 мая 1915 г.: «Германский рейх должен воздвигнуть два монумента в признание ваших заслуг: один — на северной оконечности Финляндии, другой — на крайней южной точке Кавказа».¹⁰⁶ Тремя конкретными руководителями подрывной работы против России были три карьерных дипломата: Фрайхер фон Ромберг в Берне, граф Брокдорф-Ранцау в Копенгагене и Фрайхер Люциус фон Штедтен в Стокгольме. Национализм и неблагоприятные социальные последствия быстрой индустриализации в России были той питательной средой, на которой империалистическая Германия строила свои планы.

Уже 3 августа 1914 г. Циммерман телеграфировал инструкции германскому посольству в Константинополе: следует поднять против России Кавказ. 6 августа канцлер Бетман-Гольвег инструктировал посла в Стокгольме фон Рейхенау обещать финнам создание «автономного буферного государства. То есть в течение первой недели после объявления войны начался: подрыв внутренних связей России на просторах от Баренцева до Черного моря. В первые же дни конфликта в Финляндии начали распространяться, согласно приказу Бетмана-Гольвега, брошюры с обозначением целей Германии в войне: «освобождение и обеспечение безопасности для народов, поработанных Россией; русский деспотизм должен быть отброшен к Москве».

Согласно инструкциям от 11 августа 1914 г., изданным министром иностранных дел Яговым, целями германской политики назывались следующие: «Очень важна реализация революции не только в Польше, но и на Украине:

1. Как средство ведения военных действий против России.

2. В случае благоприятного для нас завершения войны создание нескольких буферных государств между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией, с другой, желательно как средство ослабления давления русского колосса на Западную Европу и для отбрасывания России на восток настолько, насколько это возможно».

Мы видим, что создание независимого украинского государства и прочее было выдвинуто германским руководством не в результате военного истощения и отчаяния, а уже в первые дни войны. Не некие эстремисты-пангерманцы, а официальное руководство Рейха поставило перед собой задачу раскола России. Уже на второй неделе войны выделение Украины было названо официальной целью германской политики — и это идет вплоть до Брест-Литовска.

Австрийский канцлер Берхтольд говорит 17 октября 1914 г.: «Наша главная цель в этой войне — ослабление России на долгие времена, и с этой целью мы должны приветствовать создание независимого украинского государства». Матиас Эрцебергер в сентябре 1914 г. ставит цель: «Освобождение нерусских народов от московского ига и реализация самоуправления каждого народа. Все это под германским верховенством и, возможно, в рамках единого таможенного союза». Общая характеристика предлагаемой политики — «отрезать Россию от Балтийского и Черного морей».

Сэр Бернард Пейрс писал: «Неудивительно, что эта война является для России религиозной войной. Война дала надежду неким чудом осуществить все дорогие мечты, одним ударом предотвратить всю прежнюю работу Германии в деле реализации задачи доминирования в России». Русское правительство, начиная в октябре 1914 г. работу по ликвидации поместий, принадлежащих лицам враждебных национальностей, указывало: «Война создает особо благоприятные условия для окончательного решения проблемы германского влияния в России».¹⁰⁷ Барон Б.Нольде вспоминает: «Всеобщим принципом стало: «Свобода от германского ига!».¹⁰⁸ Этот лозунг вскоре же стал очень популярным».

Военные и военно-морские лидеры Германии быстрее, чем их гражданские коллеги, пришли к выводу о практической невозможности победы в войне на истощение. 15 ноября 1914 г. начальник германского генерального штаба Фалькенгайн в продолжительной беседе с канцлером Бетман-Гольвегом обосновал следующие идеи: «До тех пор пока Россия, Франция и Британия держатся вместе, у нас нет возможности добиться достойного мира. Более вероятно, что мы медленно начнем терять силы. Следует исключить из борьбы либо Россию, либо Францию». Итак, войну против троих выиграть невозможно, а если так, то нужно сосредоточить усилия в одном направлении. Бетман-Гольвег

полагал, что следует сконцентрироваться на России: «Ценой того, что мы установим с Россией те же в своей основе границы и условия, которые существовали до войны, мы сможем позволить себе реализацию тех условий на Западе, которые кажутся нам необходимыми. Одновременно будет dokonчено с Тройственной Антантой».¹⁰⁹ Ради сепаратного мира с Россией канцлер был готов отказаться от экспансионистской программы августа-сентября 1914 г.

Но в отличие от по-военному прямолинейного Фалькенгайна канцлер не мог попросту послать России мирные предложения — это могло иметь катастрофические последствия в самой Германии. Он вынужден был действовать осторожно и, помимо прочего, ждать сигналов из России. Пока таких сигналов не следовало. В целом, ориентация на сближение с Россией было ярким проявлением антибританских обертонов, и это сближало линию канцлера с линией военно-морского министра Тирпица. И пользовалась влиянием в меру популярности антибританских эмоций.

Эта мера имела свои пределы. Одним из наиболее влиятельных противников политики примирения с Россией стал «сильный человек» министерства иностранных дел Циммерман и все те, кто считал ожидание сепаратизма России пустой тратой времени. Да и сам канцлер Бетман-Гольвег увлекся идеей сепаратного мира лишь на время. Новые ожесточенные битвы и стоическое молчание Петрограда ослабляли релевантность курса на поворот России: В Берлине начались поиски новых стратегических замыслов — у Германии действительно не было роскоши сколь угодно долгого ожидания.

Рассматривались различные варианты. Лидер сионистского движения в Германии Макс Боденхаймер предлагал создать буферное многонациональное государство между Германией и Россией, управляемое немцами и евреями. Нужно сказать, что такой германо-еврейский союз против славян не получил поддержки

германского руководства — полное отчуждение всех славян не входило в планы Берлина. Да и само сионистское движение, после того как осенью 1914 г. обнаружилось примерное равновесие противостоящих сил, объявило о своем нейтралитете. Обращение к подрывной деятельности стало видаться все более неизбежным.

В Прибалтике подрывная стратегия Германии значительно отличалась от германских подрывных усилий на украинском, транскавказском и еврейском (не говоря уже о Польше и Финляндии) направлении. Германия твердо полагалась на остзейских немцев, которым и предстояло реализовать миссию германизации Прибалтики. Литва абсолютно не рассматривалась как поле возбуждения местного национализма. В ней немцы видели уже готовую часть будущего Рейха. Больше внимания уделялось Курляндии, Лифляндии и Эстонии, но, прежде всего, с точки зрения нахождения способа консолидации местного населения под руководством остзейцев. Курляндия (как и Литва) виделась частью будущей Великой Германии.

Стабилизация фронта

Подавленность и безумные надежды быстро сменяли друг друга. Даже после поражения Самсонова и Ренненкампа в Восточной Пруссии командующий британскими войсками уверенно полагал, что русские будут в Бреслау (на полпути к Берлину) к 15 октября 1914 г. Мы видим, что с самого начала войны Россия и Запад не имели адекватного представления о проблемах друг друга, о реальном положении дел на союзном фронте. Если бы западные союзники в полной мере оценили значение Танненберга, где погиб цвет кадровой российской армии, они не упрекали бы русских осенью 1914 г. в безынициативности (как это делал,

скажем, Китченер, обращаясь к русскому послу в Лондоне Бенкендорфу). Впрочем, неясность на Восточном фронте была во многом результатом сознательного умолчания русских властей. Как часто бывало в русской истории, здесь строилась новая «потемкинская деревня».

Среди союзников более всего беспокоились скептические англичане. 4 октября 1914 г. фельдмаршал Китченер телеграфировал послу Бьюкенену в Петроград: «Наиболее важным является получение достоверной информации относительно состояния боевых действий на восточной границе Германии — от этого будут зависеть критические решения, которые мы должны принять в отношении посылки войск». Тупик на Востоке приведет «к попытке стремления германских войск осуществить высадку в Англии, что создаст для нас ситуацию не только критическую, но фатальную». Выживание Франции и Англии ставилось в зависимость от развития событий на Восточном фронте.

Испытывая сомнения в своих источниках, Китченер и Грей в октябре 1914 г. обращаются за более точной оценкой происходящего на Восточном фронте к французам. Но и те, доверяя русскому оптимизму и не имея собственной службы информации в России, ничем не могли помочь. Один из членов британского кабинета министров записал 14 октября 1914 года: «Или наш атташе в России чрезвычайно некомпетентен, или русские не позволяют ему сообщать нам то, что он знает. В любом случае, и мы и французы пребываем в неведении».

В последние месяцы 1914 г. государственные деятели практически потеряли контроль над ведением войны, предоставив право решений профессиональным военным. На Западе на огромном расстоянии — от границы Швейцарии на юге до Остенде на севере — осенью 1914 г. были вырыты окопы, и колючая проволока вкупе с пулеметами остановила продвижение войск.

Концентрация войск была необычайной: на каждые двенадцать сантиметров фронта приходился один солдат. Мобильность в движении войск исчезла, и надолго наступил тупик. Отныне более чем четыре года огромные армии стояли друг против друга, применяя отравляющие газы, используя в массовом количестве пулеметы, увеличивая армады аэропланов и закопавшись в траншеях.

Последующие огромные битвы назывались сражениями, но, по существу, это были осады без особого перемещения линии фронта. Согласно статистике, в среднем в течение одного дня боев на Западном фронте с обеих сторон погибали 2 тыс. 533 человека; 9 тыс. 121 получали ранения и 1 тыс. 164 человека исчезали безвестно. Черчилль описывал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Случилось так, словно армии внезапно и одновременно объявили забастовку и заявили, что должен быть найден какой-то иной способ разрешения спора»: Политики как бы начали «уставать» от этой ситуации. Британский премьер-министр Асквит записал 30 декабря 1914 г.: «Я глубоко разочарован и ничего не ожидаю от ближайшего будущего. Война является гигантской тратой жизни и средств».

Более трезвое отношение к России

Посол Британии во Франции Берти отмечает 20 октября «жалобы на медленный прогресс русских». Только к концу октября 1914 г. в сознание западных союзников проникает представление о том, что русские приложили огромные усилия и понесли чрезвычайные потери. Ожидать от них чего-то сверхъестественного в ближайшее время не стоит. Китченер стал более всего бояться концентрации России на более слабом противнике — Австро-Венгрии, что позволило бы всей пре-восходной германской мощи обрушиться на Запад. Весь

октябрь и ноябрь 1914 г. он просит русских не ослаблять давления на германском направлении. Но время шло, и «русские, — как пишет английский историк Чемберс, — начали чувствовать, что они воюют не человек против человека, а умение против умения, и в глубине своего сердца они не могли забыть, что русские в своих знаниях и в своем вооружении не могут сравниться с западной армией. Успехи в Галиции против менее сильной державы не могли компенсировать губительную для морали беззащитность, которую русские стали ощущать после каждого крупного столкновения с немцами».

Как оказалось, напрасными были многие надежды России и Запада. С русской стороны иллюзия заключалась в безусловной вере в то, что Запад предоставит ей практически неограниченные военные припасы и необходимые займы. В конечном счете и Россия и запад пришли к взаимному глубокому разочарованию. Запад, действительно, был технологическим, финансовым и торговым центром мира, но различные обстоятельства помешали рациональному совмещению его возможностей с потенциалом России. Сказалось незнание России, незнакомство с работой ее социального и индустриального механизма, с менталитетом ее правящего слоя. В конечном счете взаимное непонимание привело к взаимному разочарованию в ходе первых сорока месяцев конфликта между августом 1914 и декабрем 1917 г.

Проявлением выхода этого отчаяния на поверхность явилась суровая критика союзного Запада, обладавшего (в отличие от русской армии) превосходной артиллерией и тем не менее замершего неподвижно в окопах. Медленно, но верно в России получает все более широкое распространение ксенофобия. Недостатки внутренней русской организации начинают объяснять происками немецких агентов или враждебных русскому делу евреев. С каждым месяцем войны создаются все

более стойкие предпосылки пагубного изоляционизма последующих десятилетий.

Внутреннее положение усложнилось. *С одной стороны*, с провозглашением четвертой Государственной Думой национального единства казалось, что «священный союз» внутри страны достигнут. Россия — не Австро-Венгрия. Основами союза были общие экономические и политические интересы, общая история, общие надежды на общее будущее. Всякий сепаратизм стал рассматриваться как не оправдавшая себя теория.

С другой стороны, индустриальная мобилизация требовала планомерного перевода промышленности на военные рельсы; она требовала, по выражению Г. Уэллса, «умения вести сражения, вооружившись наукой, эффективно используя экономику, вооружившись машинами и мыслью против разрушений и раскола».¹¹⁰ Но нигде, Россия не была так слаба по отношению к центральным и западным державам, как в планомерной организации. Проблема транспорта и невозможность организовать огромную крестьянскую массу подрывали мощь России. Железнодорожная система страны — ее единственная транспортная надежда — выдержала лишь первый год войны. В дальнейшем мастерские железнодорожного ремонта были превращены в фабрики по производству вооружений. Ее единственные в той или иной степени открытые внешнему миру порты — Архангельск, Владивосток, а позднее Мурманск — были недостаточно оборудованы для приема импорта. Отметим, что изгнание огромной колонии немцев из промышленности и торговли привело к приходу на ключевые посты малокомпетентного состава.

Как справедливо пишет барон А. Мейендорф, «наивно было ожидать, что русская гениальность в деле самообороны и самоутверждения проявит себя таким образом, что удивит весь мир и будет достаточной для организации и координации деятельности на просторах половины континента... Военные вожди, будь то импе-

ратор или Временное правительство, не могли изменить характер своего народа, характер бюрократии, не смогли даже обеспечить лояльности всех частей образованных классов, с тем чтобы мобилизовать всю силу нации».¹¹¹

Россия все же приложила колоссальные усилия. Специалист по данному периоду академик Струмилин указывает, что производственный потенциал России увеличился между 1913 и 1917 гг. почти на 40 % (затем наступил резкий спад). Объем производства и число работающих в промышленности изменялись следующим образом.

Год	Производимая продукция (в млн. золотых руб.)	Индекс	Численность рабочих (млн. чел.)	Индекс
1913	5621000	100	2518000	100
1916	6831000	121	2926000	113
1917	4344000	77	3024000	116
1920-21	961000	17	1480000	57

Доля иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений составила, по мнению Дж. М. Кейнса, примерно половину.¹¹²

Пытаясь уже в ходе войны исправить положение с транспортом, русское правительство в срочном порядке начало строить 5000 километров новых железнодорожных путей, но к 1917 г. сумело завершить строительство лишь половины из них.¹¹³ Самой важной была Мурманская железная дорога, соединившая железнодорожную систему России с единственным незамерзающим портом на Баренцевом море.

Окончание года

Военные советники англо-французов в ставке и дипломаты Антанты в посольствах стали ощущать эту

новую, крайне неприятную для себя ноту: отчетливое понимание критического значения России для судеб мирового конфликта, в ходе которого решалась судьба Запада. Главнокомандующий английским экспедиционным корпусом на континенте сэр Джон Френч 15 ноября 1914 г. писал личному секретарю короля Георга: «Фактом является, что *все зависит от России* — мы можем держаться, но мы недостаточно сильны, чтобы начать энергичное наступление» (подчеркнуто в оригинале. — А. У.). В западных столицах начинают опасаться того, что их русский союзник, не выдержав давления суровых обстоятельств, начнет в своих действиях исходить из собственных интересов, а не из союзнической лояльности. Тогда Запад погиб. Именно в эти дни (1 ноября 1914 года) фельдмаршал Китченер уведомил президента Пуанкаре, а также генералов Фоша и Жоффра, что Британия сможет довести свой экспедиционный корпус во Франции до миллиона человек лишь в июле 1915 года. «До этой же даты не рассчитывайте на нас». В этой ситуации все более уверенно возглавлявшая Запад британская дипломатия стала опасаться пассивности России. И это сказалось на межсоюзнических отношениях. *Во-первых*, Грей попросил Сазонова перенести центр русских усилий с Австро-Венгрии на Германию. *Во-вторых*, он потребовал от своих западных коллег и союзников предоставления русским более ощутимых стимулов, более привлекательных целей в конфликте, оказавшемся суровой войной на истощение. Чтобы сделать Россию надежным союзником Запада, следовало привлечь ее к долгосрочному планированию.

Удачей командующего Юго-Западным фронтом Иванова (его достоинством была рассудительность) было назначение начальником его штаба генерала Алексева (которому принадлежит немалое место в истории данной войны). 28 ноября в Вене началась паника, связанная со слухами, что русские подошли на расстояние 15 километров от Кракова. Но в последующей семнадца-

тидневной битве у Лиманова русская армия понесла тяжелые потери и вынуждена была отступить. Через две недели русские оставили завоеванный с таким трудом перевал Дукла — дорогу в Венгрию. Только в это время Россия начинает признаваться союзникам, что набираемые в глубинах российских провинций дивизии не имеют вооружения. Первой среди союзников, к которой обратилась Россия, была Англия. Именно тогда были подписаны контракты, согласно которым Британия в течение двух лет продала России тысячу аэропланов и авиационных моторов, 250 тяжелых орудий, 27 тысяч пулеметов, миллион винтовок, восемь миллионов гранат, 200 тысяч тонн взрывчатых веществ.¹¹⁴ Ожесточение войны поднялось на новую, неизведанную высоту, когда 21 ноября три британских самолета поднялись с аэродрома французской крепости Бельфор и осуществили бомбардировку ангаров германских цепелинов в Фридрихсхафене. Один из самолетов был сбит, и летчикам пришлось спасаться от ярости немцев — гражданских лиц — с помощью германской полиции. Отныне и далее в истории двадцатого века расчет на то, что удары с воздуха деморализуют гражданское население не оправдался: он вызвал массовое ожесточение противника. Через несколько дней немцы снабдили свои самолеты радиосвязью. Теперь германские наблюдатели с воздуха могли наблюдать за приготовлениями противника и координировать сверху свои действия. Самая организованная армия в мире получила новое средство овладеть обстановкой. Впрочем, действовали и старые методы — с самолетов еще метали металлические дротики. Одно такое простое металлическое копье поразило германского генерала, гордо восседавшего на коне. В России 1 декабря 1914 года вышел указ о мобилизации российских студентов. Значительная доля прозападного населения оказалась поглощенной войной — процессом, никак не укреплявшим западнические иллюзии. Но гораздо более быстрое

разочарование во всяком гуманизме охватило многие десятки, сотни тысяч русских военнопленных, оказавшихся в плену противника. Первые смерти среди них были зафиксированы скрупулезными немцами в лагере близ Виттенберга, в пятидесяти километрах к юго-западу от Берлина. Ежедневный рацион военнопленных состоял из ста граммов хлеба на человека и похлебки. Трое военнопленных спали на одном узком матрасе, брошенном на земляной пол неотапливаемого барака. Русские, в отличие от англичан и французов, не получали продовольственных посылок из дома. 3 декабря 1914 г. капитан первого ранга А.В.Нелин, ответственный в русском министерстве иностранных дел за перспективное планирование, представил Сазонову меморандум о будущей политике России в отношении Балкан и Проливов. В нем говорилось, что немцы, видящие в славянах лишь рабочую силу, опасаются возрождения южных и западных славян. Но «рука судьбы» оттесняет Австро-Венгрию и Турцию с мировой арены, и это ставит перед Россией новые задачи. «Россия всегда ясно видела важность своих политических позиций на Балканах и в Проливах, требующих обращения «Царьграда» и к Востоку и к Западу. Лучшие из русских государственных деятелей никогда не сомневались в том, что Турция рано или поздно лишится своих мировых позиций и ее место займет новая мощная Восточная Империя, которую возглавит правительство нашего Отечества. Только утвердившись твердо на Босфоре и Дарданеллах, может Россия завершить свою историческую миссию формирования единого государства всех народов Восточной Европы и части Азии, примирения между ними, умиротворения их и передачи им европейской культуры». Лишь сокрушив Германию и Австро-Венгрию, полагал Нелин, Россия положит конец «эксцессам милитаризма» 1904–1914 гг. Французы дойдут до Рейна, а русские до Одера, и тогда Стамбул станет Константинополем. На Сазонова, видимо, этот

меморандум произвел впечатление, и он запросил 21 декабря 1914 г. мнение начальника генерального штаба Янушкевича в отношении Проливов.

Война на истощение

У скептиков появлялось все больше оснований для беспокойства. Первые месяцы войны показали, что к долговременному конфликту индустриального века Россия не готова. На что же полагались государственные умы из блестящей петербургской элиты? Складывается впечатление, что их главной внутренней опорой была вера в то, что (как это ни парадоксально) сама примитивность экономической системы России, преобладание крестьянского населения и крестьянского хозяйства в экономической системе страны явится защитой ее в грядущей борьбе экономик. Самодовлеющее крестьянское хозяйство, мол, обеспечит фактическую автаркию страны, сделает ее нечувствительной к колоссальной трансформации внешнего мира. Эта точка зрения оказалась трагическим заблуждением.

Ошибочным было также представление о бездонности людских ресурсов России. Уже среди первых пяти миллионов новобранцев 1914 г. было много квалифицированных рабочих, на которых держалась стремящаяся достичь уровня производительности Запада русская промышленность. Отток этих специалистов имел самые негативные последствия для русской индустрии.

Выше мы уже говорили, что самые разрушительные последствия для развития России имела установившаяся впервые за многие десятилетия почти герметическая блокада России. Два главных «окна в Европу» — Балтийское и Черное моря — потеряли свое значение каналов обмена. Немного понадобилось времени, чтобы сказалась губительная отрезанность России от науки и промышленности Запада. Швеция сократила поток

товаров и людей между Россией и Западом в ответ на британскую блокаду. В результате рухнула внешняя торговля страны. Импорт сельскохозяйственной техники с Запада прекратился — это ударило по значительной массе русского населения. Уже на второй год войны цены на самые простые инструменты, даже такие как лопаты и топоры, выросли многократно. Обеспечение же национальных нужд средствами местной промышленности оказалось делом трудным.

Здесь мы приближаемся к ключевому моменту драмы. Мировая война должна была дать ответ на вопрос: стала ли Россия за столетие между Наполеоном и кайзером самостоятельной экономической величиной. Напомним, что конец самонадеянности Николая Первого был положен Крымской войной, и, начиная с 60-х г. XIX в., Россия интенсифицировала свои усилия. Она приняла, в частности, программу достижения самообеспеченности в сфере производства вооружений и боеприпасов. Помочь создать России такую промышленность могли лишь ведущие производители военного оборудования на Западе. Царское правительство пригласило в Россию гигантов военного производства — английские «Виккерс» и «Джон Браун», французский «Шнайдер-Кредо». Мировая война послужила экзаменом сделанному в предшествующие десятилетия. Результаты этого экзамена такие ведомства, как Главное артиллерийское управление, ощутили достаточно быстро. Здесь, а не в чем другом царизм, прежде всего, потерпел поражение. Он не обеспечил военную систему страны, и за это предстояла историческая расплата.

Русская система управления народным хозяйством нуждалась, как минимум, в выделении и росте еще одного поколения инженеров, управляющих, промышленных рабочих, чтобы встать на уровень, сопоставимый с германским, британским, французским, американским. Неподготовленной к войне индустриального века оказалась система управления Россией. Прими-

тивная система управления аграрной страной не годилась для борьбы с отлаженным военно-промышленным механизмом Германии.

Петр Первый, сконструировавший сверхцентрализованную систему управления империей, не нашел в своих потомках создателей более гибкой, более приближенной к основной массе населения, к провинциям и губерниям, более инициативной и мобилизующей местные ресурсы системы управления. Царю непосредственно подчинялся Совет Министров, Имперский совет, министерства, суды, полиция, губернаторы и все прочее. Будь Николай Романов Наполеоном Бонапартом или Юлием Цезарем, он всё равно не смог бы управлять эффективно империей от Балтики до Тихого океана из одного центра. При этом мечтающая о более современном уровне развития страны совещательная Дума думала, прежде всего, о борьбе за власть, а не о мобилизации национальных ресурсов — для чего она, собственно, не имела полномочий. Комитеты Думы могли жаловаться или выступать с остро критических позиций, но они не выступили генератором общественной энергии в великой войне на выживание. Усилия городских управ и земств заслуживают самых лучших слов, но они были лишь вспомогательным инструментом, не менявшим общей, закосневшей, неготовой к планомерным многолетним усилиям системы.

Возобладал ли патриотизм над узкопартийной борьбой? Наблюдая за русской политической сценой, англичанин Д. М. Уоллес не переставал удивляться различию в политической культуре России и Запада. К примеру, он обратился к одному из лидеров партии кадетов (наиболее прозападной) со следующим: «Вместо того чтобы сохранять атмосферу систематической и бескомпромиссной враждебности к министерству, партия могла бы сотрудничать с правительством и посредством этого постепенно создать нечто подобное английской парламентской системе, которой вы так

восхищаетесь; этого результата можно было бы достичь в течение восьми-десяти лет. Услышав эти слова, мой друг внезапно прервал меня и воскликнул: «Восемь или десять лет? Мы не можем ждать так долго!» — «Хорошо, — ответил я, — вы, должно быть, знаете ваши обстоятельства лучше, но в Англии мы должны были ждать в течение нескольких столетий».¹¹⁵

Нельзя, видимо, назвать удачным и осуществленное с началом войны разделение страны на две зоны — военную, подчиняющуюся ставке, и тыловую, оставшуюся под контролем императорского правительства. Трудно себе представить, но это факт: для перемещения из одной зоны в другую специалистам требовалось особое разрешение, что в конечном счете создало водораздел между двумя зонами. Любое число шпионов не могло бы принести больше вреда, чем разделение ресурсов в решающее время, отсутствие концентрации усилий, отсутствие общей картины военного снабжения армии и прифронтовой полосы. Потребовалось немного времени, чтобы противоречия перешли на персональный уровень. Довольно скоро главнокомандующий великий князь Николай Николаевич уже не мог терпеть военного министра Сухомлинова (и наоборот).

Русские военачальники основывали свои расчеты на опыте скоротечной русско-японской войны. Они не создали крупных военных запасов. Во время балканского кризиса посол Бьюкенен спросил у видного члена государственной Думы, «готова ли Россия к европейской войне. — Нет, — был ответ. — Но она никогда не будет готова». Он был прав. Российская промышленность была еще в слишком отсталом состоянии: у нее не было достаточного количества фабрик и заводов, а на тех, которые существовали, не хватало необходимых машин и нужного числа квалифицированных рабочих».

Повторяем, все было очевидным образом рассчитано на короткую по времени войну. Военные запасы к первым кампаниям у России были не меньше, чем у

Запада, но у России не было такой отлаженной системы сбора информации, не было системы гибкого реагирования в экономической сфере, того, что ныне называли бы менеджеристским аппаратом, механизмов быстрого переключения на новые исторические нужды.

Долгосрочное планирование

На Западе, решая проблему снабжения войск, французский посол в Лондоне Поль Камбон уже 5 августа 1914 г. предложил создать англо-французский орган для снабжения французских армии. Последовавшие двухнедельные дискуссии привели к созданию Россией и Западом Международной комиссии по снабжению (МКС). Российское руководство проявило преступную нерасторопность. В деле закупок вооружения была продемонстрирована типичная российская беспечность и, если выразиться щадяще, слабость организации. Русские представители в Международной комиссии по снабжению не знали нужд отдельных российских ведомств, у них отсутствовал единый план снабжения войск, им не было дано четкого наказа правительства. Бестолковость, беспечность, ставка на знаменитое русское «авось» вызвали непонимание англичан, французов и американцев, незнакомых с русским менталитетом. В западных столицах воспринимали поведение русских представителей как отражение, с одной стороны, достаточно благополучного состояния дел с боеприпасами, с другой стороны, как желание сохранить независимость.

Еще в пылу поражения на Марне маршал Жоффр спросил у русских представителей, достаточны ли русские запасы снаряжения, и в ответ получил сугубо успокоительное заверение в его достаточности. Но через три месяца грянул гром. 18 декабря начальник штаба русской армии заявил британскому послу и фран-

цузскому посланнику, что у России вполне достаточный запас людей, способных возместить колоссальную убыль на фронте, но русской армии не хватает стрелкового оружия, истощились запасы артиллерийских снарядов. С легкостью переходя от беспечности к панике, русский генштаб признал, что перспективы не обнадеживают. Несмотря на предпринимаемые меры внутри страны и заказы за рубежом, в ближайшие месяцы положение со снабжением русской армии не улучшится. По свидетельству посла Дж. Бьюкенена, «это был удар грома среди ясного неба».¹¹⁶ Такой оборот событий оставил неизгладимый шрам на межсоюзнических отношениях. Запад в конечном счете так и не смог простить русским чиновникам той «потемкинской деревни», которая была преступно возведена в деле производства вооружений. Однажды генерал Нокс заметил, что русские страдают от «самоубийственного желания представить существующее положение в фальшиво благоприятном свете».¹¹⁷ В приливе откровения великий князь Николай Николаевич внезапно признался навестившему ставку послу Палеологу, что «артиллерийские снаряды выпущены все до одного». Палеолог был поражен — в течение всех последних месяцев военный министр Сухомлинов множество раз доказывал, что нет оснований для серьезного беспокойства относительно положения с вооружениями в русской армии».¹¹⁸ Это прозвучало в воскресенье, 17 декабря 1914 г., как гром среди ясного неба. Послу сообщили, что русская артиллерия не имеет больше снарядов. А на следующий день обеспокоенный посол узнал, что в тылу русской армии сформирован почти миллион солдат, готовых выйти на передовую, но у них нет ружей. Преодолевая почти «детскую» преступную беспечность, западные дипломаты наконец-то получили первые реальные цифры. Как оказалось, в начальные месяцы войны русская армия нуждалась в 45 тысячах снарядов в день, а заводы России давали лишь 13 тысяч. Экст-

ренные меры приняты не были. Увеличение к февралю 1915 г. планировалось совершенно незначительное — до 20 тысяч снарядов в день — вдвое меньше нормы. Лишь помощь Запада позволяла надеяться, что к маю 1915 г. у армии будет до 40 тысяч снарядов ежедневного запаса — внушительный объем, но меньше, чем того требовала более компактная армия осени 1914 г. «Недостаток офицеров, снарядов, винтовок, даже обуви и униформ на протяжении уже первых недель Великой Войны показал, как тяжело было России поддерживать современные военные усилия... Как только наступила первая зима, критическим вопросом стало: останутся ли граждане России твердыми в своей лояльности царю и стране? Ни одна из мыслей не была излишне авантюристичной и героической теперь, когда террор битвы унес миллион молодых жизней России».¹¹⁹ Поэтесса Зинаида Гиппиус написала в сентябре 1914 г.: «Острая мгла повисла над Россией летом. С приходом осени этот туман приобрел красный оттенок и стал еще более горьким... Общая беда не объединяет, а только делает ее более горькой».¹²⁰ Для масштабных закупок на Западе финансовая система России нуждалась в кредитах. Первая попытка русского правительства получить кредит у Англии относится к началу сентября 1914 года (запрошено было 15 миллионов фунтов стерлингов). Залогом служили золотые резервы Русского государственного банка и русские финансовые бумаги, находившиеся в Английском банке. Осенью 1914 г. узкий круг британских политиков и финансистов обсуждал проблему финансирования вооружения России, оказавшейся, если судить трезво, неготовой к долговременной войне, показавшей — при всех своих гигантских природных и людских ресурсах — неспособность выступить в качестве самодовлеющего мирового центра. Это был горький вывод для российских патриотов, это был горький вывод для союзников России на Западе. Напряжение войны требовало колоссальных расхо-

дов Запада. Помощь России ложилась дополнительным бременем.

В кругу финансистов Сити (центра тогдашней мировой финансовой системы) начались горячие споры. В конечном счете возобладали взгляды двух экспертов — Бэзила Блэкета и сэра Джорджа Пейджа: Россию следует финансировать, следует помочь ей делать закупки в Европе, США и повсюду, где это возможно. Но необходимы гарантии — для получения кредитов нужно перевезти часть русского золота в Лондон и постараться избежать гонки за заказами в Америке. Неупорядоченные заказы американской промышленности создают хаос — это работает против союзников. Министр финансов Д. Ллойд Джордж потребовал от своего русского коллеги П. Барка доставить русское золото в Лондон — обменный курс фунта зависел от его золотого обеспечения. Англичане отклонили возражения насчет того, что опасно везти золото через морские просторы в условиях войны. 26 октября 1914 г. соглашение вступило в силу.

Конец иллюзий

В начале декабря 1914 года Россия начала второй раунд переговоров о займах в Британии. Потребности войны, вполне очевидно, потрясли российскую финансовую и промышленную систему. На этот раз в Лондоне отношение к восточному союзнику было более сложным. Часть правящей элиты Запада относилась к финансовой помощи России благожелательно. Сторонники такого подхода исходили из того, что Россия несет свою долю союзнических усилий и ее резкое ослабление губительно для Запада. Из донесений советника британского посольства в Петрограде О'Бейрна значилось, что Россия расходует на войну примерно один миллион фунтов стерлингов в день, а общие финансовые ресурсы составляют 245,7

млн. фунтов стерлингов. Соответственно, к концу 1914 года сокращение финансовых ресурсов России позволит ей рассчитывать на ведение полнокровных боевых действий в течение всего лишь двух месяцев. О'Бейрн писал из Петрограда личному секретарю Грея сэру Уильяму Тиррелу 8 декабря 1914 года: «Финансовый вопрос приобретает здесь экстренное значение».

О'Бейрн полагал, что в сложившейся критической ситуации Лондону не следует настаивать на доставке в Британию русского золота, «потому что это требование называет величайшее возмущение русских». В распространенном среди британской элиты меморандуме О'Бейрна приводились слова министра финансов России Барка: «Если Британия не даст денег, он (Барк) откажется продолжать войну». Посол Бьюкенен поддержал мнение своего финансового эксперта и написал в Форин-оффис Николсону, что Британия должна смягчить условия финансирования русских военных усилий. На карту поставлена судьба всей антигерманской коалиции. Лондон попросил конкретизировать запросы Петрограда, и 15 декабря 1914 года Россия пояснила свою позицию в отношении займа. Из запрашиваемых 100 млн. фунтов стерлингов около 30 млн. пойдут на оплату западного оборудования для русской военной промышленности, примерно столько же — в счет погашения прежней русской задолженности, на 15–20 млн. фунтов стерлингов предполагалось разместить русские заказы в Британии. С запросом такого масштаба Ллойд Джордж немедленно ознакомил Военный кабинет. Он довольно жестко охарактеризовал русские запросы: 30 млн. — в уплату долгов и только 40 млн. фунтов «на войну». Министерство финансов желало иметь дело лишь с последней цифрой, да и то под 5–6 процентов годовых. Любая сумма, израсходованная за пределами Британии, потребовало министерство финансов, должна быть обеспечена минимум на 40 процентов золотом, доставленным в Британию.

Британское правительство, вставшее перед перспек-

тивной долгосрочной войны, нуждалось в создании собственной армии многомиллионной численности. Поэтому оно подходило к любым финансовым запросам весьма жестко. Британия не желала терять свое положение мирового финансового центра, а такая опасность обозначилась явственно — пока на ведении войны наживались лишь Соединенные Штаты. Пожалуй, это был один из наиболее важных моментов в межсоюзнических отношениях. 18 декабря 1914 г. Бьюкенен сообщил, что русское наступление в Силезии остановлено из-за недостатка в военных припасах. В Петроград из Лондона пришла телеграмма, в которой английское правительство отказывалось удовлетворить русские пожелания. Лондон стремился избежать потери финансового могущества. Но, упорствуя в этом стремлении, он мог потерять все.

Сможет ли Россия, вступив в полосу критических испытаний, выстоять? Возможно, острее других чувствовал и русскую неподготовленность, и британскую ошибку фельдмаршал Китченер. Он информировал коллег по кабинету 21 декабря 1914 г., что в России складывается чрезвычайная ситуация: «Для нас существенно важно знать намерения русских в данной ситуации». Как далеко они могут отступать, сколько германских дивизий может быть перемещено на Запад, смогут ли русские связать значительные силы немцев во время битвы в Польше? От ответов на эти вопросы будет зависеть не только отношение Запада к России, а нечто большее — собственно судьба Запада.

Китченер призывал избавиться от иллюзий. Ситуация грозит резким осложнением для Запада. Если немцы возьмут Варшаву, они перебазируют на Западный фронт сорок своих дивизий. Угроза повлияла на коллег по кабинету — они ощутили угрозу и поручили фельдмаршалу Френчу обсудить с французами проблему союзных поставок России.

До британского правительства уже доходили сообщения о росте в России ксенофобии, о горьких упреках

в адрес союзников, о горечи русских, часто перелагающих собственную вину на других. Бальфур отметил, что среди русских распространяется мнение, что «вся тяжесть войны — кровь и деньги — падают на Россию... и что Англия ведет себя неблагодарно в отношении России». Но было бы преждевременно полагать, что Запад потерял веру в своего восточного союзника. Верный своим убеждениям Николсон писал 24 декабря Бальфур: «Меня не смутили события в России. Хотя ее наступление отложено и она страдает от анемии в некоторых частях своего организма, эта болезнь не фатальна, и я все еще верю, что она сыграет свою роль к нашему удовлетворению. Мы должны быть готовы к неожиданностям в этой великой войне, где нам противостоит такой мощный противник. Что касается духа русского народа, то у меня нет на этот счет сомнений». Поддерживали пока такое умонастроение и телеграммы главного военного эксперта англичан в России. Нокс в своих сообщениях с Восточного фронта в конце декабря 1914 г. высоко оценил боевой дух и опыт русской армии. По мнению Нокса, в уходящем году «русская армия проявила себя настолько хорошо, насколько все, кто знал ее, мог надеяться. Ее недостатки и встреченные ею трудности можно было предусмотреть».¹²¹

Французская точка зрения была выражена в самом конце 1914 г. и звучала оптимистично: немцы даже при самом благоприятном для них повороте событий в ходе кампании в России не смогут добиться здесь быстрого решения. Решающим обстоятельством всей войны, борьбы двух коалиций станет способность французов и англичан выстоять. Маршал Жоффр обещал помочь русской армии оружием и боеприпасами; он заключил, что перебой с вооружением у русских временные.

Оптимистические заявления еще играли свою роль, но общий итог 1914 г. был достаточно печален. В геополитическом уравнении «Россия — Запад» выявилось истинное соотношение сил сторон. Увяли пред-

ставления о скоротечной войне (максимум 6 месяцев), победно осуществленной с двух сторон. Рухнуло представление о русском «паровом катке», сметающем на своем пути кайзеровскую Германию. Даже французы, которые всегда были более высокого мнения о русских, чем скептические англичане, стали терять веру в русскую военную машину — так записал в дневнике британский посол в Париже Берти 6 января 1915 г. Но при этом также стало ясно, что русские боеспособны, что они могут выдержать выпавшие на их долю испытания и сделают это тем успешнее, чем больше будет помощь индустриальных стран Запада. С каждым месяцем войны понимание важности России как союзника все больше овладевало лидерами Запада. Параллельно возникает настороженность в отношении того, что Россия под давлением горьких обстоятельств может пренебречь союзнической лояльностью. 28 декабря 1914 г. Бальфур писал Николсоу: «Война не может быть завершена в нашу пользу, если западные союзники не будут иметь Россию полностью на своей стороне до конца».

В России также начался процесс критического осмысления своих возможностей в условиях демонстрации поразительного военного потенциала и организационной силы, проявленных Германией. Для России испытание, которым явилась мировая война, потребовало исключительного внутреннего напряжения сил. Правящим кругам страны стало ясно, что России следует готовиться к мобилизации всех внутренних ресурсов, что ей нужно создавать запас материальных и моральных сил, подобно тому как снаряжают корабль для очень опасного и очень долгого плавания. Союз России с Западом в условиях военного времени стал требовать мощных внутренних перемен. Это стало особенно очевидным, когда выяснилось, что готовая к жертвам русская армия, несмотря на подвижность и готовность к потерям, не может возобладать над научно-организованной военной машиной немцев.

Стало ясно, что союз России с Западом, омывший в 1914—1917 г. кровью, был политическим и военным союзом социально и культурно разнородных организмов. Разумеется, правящий класс обеих частей находил общий язык — он рос в условиях общей европейской цивилизации. Но в свете военного напряжения высветился тот факт, что, как общество, Россия не является частью западной цивилизации. Месяцы и годы войны показали более отчетливо, чем прежде, что Россия ни по внутренней структуре, ни по менталитету населения не является западной страной. Теперь на фоне кризиса, грозящего национальной катастрофой, вставал вопрос: а может ли она в будущем в принципе претендовать на то, чтобы стать частью Запада? Является ли путь слияния с Западом единственным для нее путем прогресса? Да и нужно ли ей стремиться быть западной страной? Возник внутринациональный спор, базировавшийся на традиционных идеях славянофилов и западников. Теперь прежние славянофилы (а ныне реалисты справа) говорили: посмотрите, наш национальный характер противоречит западным политическим и техническим методам. В результате прозападная императорская власть начала вступать в конфронтацию с народными массами, на которые пали невообразимые тяготы войны.

После учреждения в 1905 г. Думы прозападный правящий слой и народные массы сделали некоторые шаги навстречу друг другу. Но движение было медленным, а война это движение практически остановила. Более того, она усилила в русском обществе социальное напряжение. Союз городов и Союз земств, будучи национальными русскими патриотическими организациями, отражая логику растущей конфронтации, стали все более противостоять царской администрации. Министр земледелия России Кривошеин определил опасность обозначившегося противостояния в простой формуле: «Будущее России останется непрочным, пока правительство и общество будут упорно смотреть друг на друга, как два противопо-

ложных лагеря, пока каждый из них будет обозначать другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», указывая на всю совокупность русских».

Отсутствие согласия между обществом и правительством, не сумевшим подготовить Россию к войне (и ввиду этого ответственным за поражения в ней), подорвало позиции России в союзе с Западом. Однако царское правительство, вместо того чтобы на патриотической основе консолидировать общество, не желало признавать неэффективность и слабость своего правления. Оно предпочитало прибегать к наивным утверждениям вроде того, что германцы обязаны своим превосходством проволочным заграждениям. Более глубокие причины не были определены, и, может быть, именно этим правительство обрекало себя. Первый удар колокола — гибель армии Самсонова в Восточной Пруссии. Второй — кризис со снарядами и винтовками. Третий — великое отступление, начавшееся в феврале 1915 года и продолжавшееся до осени.

Уже в первые месяцы войны С. Ю. Витте получил доказательства правоты своего убеждения в губительности для России конфликта с Германией. Во французском и английском посольствах сразу же ощутили это мнение возглавляемой им политической фракции. В начале ноября 1914 г. Палеолог в беседе с Сазоновым указал, что царю следует принять меры против возглавляемой Витте кампании, принимавшей, по словам французского посла, «угрожающие размеры». Его английский коллега Бьюкенен поднял (если цитировать его слова) «брошенную перчатку», выступая в Английском клубе накануне нового 1915 года: «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести все ее тяготы. Эти господа постоянно спрашивают нас: «Где ваш флот? Что делает ваша армия?» Перечислив немалый вклад, внесенный англичанами в коалиционную борьбу, посол подчеркнул, что именно Англия «германские по-

эты посвящают свои гимны ненависти, именно на Англию германские профессора обрушивают потоки своей ярости, зная, что путь к владычеству над всем миром им преграждает, прежде всего, Британская империя».

(16 марта 1915 г. известный своим безупречным тактом император Николай поступил, в общем-то, нехарактерно для себя. С блеском иронической радости в глазах он спросил посла Палеолога, не слишком ли тот опечален смертью графа Витте? Посол заключил свое мнение в одной фразе: большой очаг интриг погиб вместе с ним. Формула Палеолога чрезвычайно понравилась Николаю, и он дважды повторил ее гостям. Между тем, если бы стратегия Витте, стратегия союза Париж-Берлин-Петербург была реализована, император имел бы шанс умереть на троне и своей смертью. Ослепление коалиционным мышлением и ложный расчет погубили императора. И его иронический смех оказался иронией истории).

Германская военная машина поворачивает к России

После западного сражения у Ипра и восточного сражения у Лодзи завершился первый этап войны. Западные союзники испытывали огромное чувство облегчения: они выстояли против пяти шестых германской армии. Теперь время должно потечь в пользу союза Запада и России; блокада Центральных держав должна сказать свое слово; мобилизация огромной Британской империи явится растущим фактором.

В Германии фанфары первых месяцев утихли. О «плане Шлиффена» следовало забыть. Берлин скалькировал, что стабилизовавшийся на Западе фронт не сулит благоприятных перспектив. Франция вынесла удар 1914 г. Да, германские войска стояли на чужой территории, но на кого работает время? По большому счету,

немцы сражались уже не за победу, а за почетное окончание войны. Италия и Румыния начали вести тайные переговоры с Антантой. Оттоманский союзник был отрезан от Центральных держав. 14 декабря 1914 г. генерал фон дер Гольц пишет из Константинополя Фалькенгайну, что войну решит то, к кому присоединятся малые балканские государства. От того, на чьей стороне они выступят, зависит судьба Австро-Венгрии и Оттоманской империи. 27 декабря Конрад телеграфирует Фалькенгайну: «Полный успех на восточном театре является решающим фактором для всей ситуации — это чрезвычайно экстренное обстоятельство... Быстрое решение и быстрое исполнение этого решения абсолютно необходимы для предотвращения выступления против нас нейтралов».

Все это предполагало изменение направленности германских действий, убедившихся в неожиданном упорстве французов в обороне. На Востоке еще не было сплошной окопной линии от Карпат до Балтики. Здесь маневр значил многое. Берлин стал благосклоннее к тем, кто приносил победные известия. Канцлер Бетман-Гольвег и министерство иностранных дел встало на сторону героев Танненберга.

Наступает черед России. Главнокомандующий австрийскими войсками Конрад фон Гетцендорф телеграфировал 27 декабря 1914 г. начальнику генерального штаба германской армии Фалькенгайну: «Полный успех на восточном театре является решающим условием для улучшения общей ситуации. Быстрое принятие решения и его немедленное исполнение необходимы для предотвращения выступления нейтралов, и наступление должно быть начато не позднее начала марта». Судьбы войны сместились на Восток. Гинденбурга и Людендорфа — героев Танненберга — не нужно было убеждать в значении Восточного фронта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕСЧАСТНЫЙ ГОД РОССИИ

Фатализм и покорность являются самой сутью русского духа. Для огромного большинства их Бог — не более чем теологический синоним судьбы.

М. Палеолог, 1921

Армия без оружия

К началу 1915 г. Россия потеряла 1 млн. 350 тыс. убитыми, ранеными и военнопленными из первоначальной пятимиллионной кадровой армии. Военный министр Сухомлинов еще давал полные оптимизма интервью, генеральный штаб в Петрограде убеждал, что «расходы боеприпасов не дают никаких оснований для беспокойства», но русские батареи уже молчали, потому что не хватало снарядов и многих видов вооружений. Чтобы произвести 156 деталей, составляющих современную винтовку, требовалось 1424 операции, 812 замеров, достаточно сложное производство (которое Россия, собственно, в полном объеме наладила лишь во вторую мировую войну). Русские заводы производили менее тысячи винтовок в день, в то время как ежедневные потери винтовок русской армией были в три-шесть раз больше. К лету 1915 г. Артиллерийский департамент заказал на русских заводах девять тысяч пушек, а получил только 88.¹²² Техническая культура производства оказалась недостаточной.

Россия вступила в полосу своих несчастий. И наиболее пронизательные из представителей Запада увидели грозные признаки. Вопреки браваде петроградских газет, британский военный представитель Нокс уже в конце 1914 г. предсказал возможность распада России.

Из докладов Нокса, адресованных тем, кто не хотел сознательно закрывать глаза на суровую реальность, открылась страшная беда России — неумение использовать наличные ресурсы и неукротимое при этом стремление приукрасить ситуацию. Не желая видеть мир в реальном свете, русское правительство скрывало степень поражения и всячески старалось прикрыть августовскую катастрофу в Восточной Пруссии сообщениями о победах на южном и на юго-западном фронте. Но спустя полгода поражения русской армии приняли такой масштаб, что скрыть их было уже невозможно. Современный американский историк жестко оценивает ситуацию: «Неожиданный коллапс фронта Иванова в середине мая, легкость, с которой Гинденбург и Людендорф выдвинули «армию Неман» к балтийскому побережью, отражала более сложные русские проблемы, чем просто превосходство Германии в артиллерии. Ощущая нехватку оружия, амуниции и запасов, Россия к середине 1915 г. начала еще и испытывать сложности в замещении боевых потерь, составивших почти 150 000 человек в месяц».¹²³

Германия поворачивается к Востоку

В канун наступающего 1915 г. маршал Жоффр мог думать только о потерянных гренадцати департаментах — вся его психика была скована присутствием немцев неподалеку от Парижа. Как и Фалькенгайн, он полагал, что судьба войны решится на Западном фронте, а все остальное лишь отвлекает от главного. Австрийцы отходили от галицийских поражений, от ужаса оставления Львова. Для Конрада не было задачи важнее возвращения Галиции. В Англии еще не полностью осознали значимости поражения русских войск у Танненберга и тщеты надежд на русский «паровой каток». На столе у Китченера и Черчилля ежедневно лежали

20—30 сообщений стратегической разведки о перемещении войск в Европе, и разобраться в относительной важности каждого сообщения было непросто. 1 января министр финансов в военном кабинете Ллойд Джордж распространил меморандум, предостерегающий от самоуспокоения: военная машина России не имеет необходимых производственных мощностей. В Петрограде прошел первый шок от восточнопрусских поражений, появилась вера в победы над австрийцами, произошло общее успокоение. Присутствие в коалиции, помимо Франции, могучей Британии с доминионами успокаивало царя и его военачальников. В то же время немцы стояли насмерть. 15 января 1915 г. корреспондент лондонской «Таймс» Стэнли Уошборн беседовал с немецкими пленными неподалеку от Варшавы. «Чем больше беседуешь с немцами — а эти даже ниже среднего уровня, — тем больше чувствуешь, что прежде чем сокрушить исполненных решимости людей, нужно будет пройти очень длинную дорогу». В Германии, в штаб-квартире Восточного фронта, формируется могучее трио, в котором Гофман олицетворяет мысль, Людендорф — энергию, а Гинденбург — престиж и самообладание. Это трио приходит к мысли, что Западный фронт неизбежно будет заморожен примерным равенством сил, и атакующая сторона будет лишь терять свои силы. В первый день 1915 г. Фалькенгайн и Конрад встретились в Берлине. Третьим был Людендорф. Фалькенгайн являлся «западником» — он считал войну в огромной России пустой тратой времени и сил. Озлобление его противников — настроенных на Восток генералов — было таково, что Гинденбург дал совет канцлеру убрать Фалькенгайна. Гинденбург и Людендорф оповестили кайзера, что они полностью на стороне Конрада; собственно, они уже нарушили субординацию и без согласования с Фалькенгайном послали на помощь Конраду несколько германских дивизий. По германским законам верховным военным вождем был кайзер. В данном

случае он презрел субординации — он не мог устоять перед напором героев Танненберга. На Восточный фронт были посланы четыре корпуса. Согласно планам Людендорфа-Гофмана, огромные клещи, отстоящие друг от друга на 600 км, должны были охватить русские вооруженные силы. Южными «клещами» руководил Конрад, северными — испытанные прусские военачальники. Небрежность русских в обмене информацией открыла немцам «грандиозный план» великого князя Николая Николаевича: удар по Восточной Пруссии со стороны Торна. Главное преимущество восточной стороны было в численности. Но у русского командования уже не было былой уверенности. Заметим в данном месте, что каждая германская пехотная дивизия имела вдвое больше легкой артиллерии, чем русская. В области тяжелой артиллерии соотношение сил было еще менее благоприятным: 60 тяжелых орудий у русских, 381 — у немцев. Столь же велико было превосходство германской дивизии в пулеметах. Русская авиация была в фазе эксперимента, а немцы владели зрелой авиацией с опытными пилотами. Характерно наличие у немцев разведывательных самолетов, до которых русским было еще далеко.¹²⁴ В России иссякают запасы вооружений, и это сказывается на боеспособности русской армии. «Русские проявляют исключительную виртуозность в крушении всех своих начинаний»,¹²⁵ — пишет посуровевший посол Палеолог. Как оценивает ситуацию Черчилль, «безграничные массы покорных крестьян, как только прибывала униформа, оружие и амуниция, заполняли понесшие потери части. Россия не испытывала недостатка в людской силе... Не хватало обученных офицеров, образованных руководителей и чиновников всех сортов, которые должны были управлять огромной массой солдат. Более того, не хватало орудий различных калибров, не было в достатке простых винтовок. Хотя великий князь, Рузский и Иванов обдумывали наступательные операции, они мучительно осознавали,

что боевая мощь России после первых битв войны значительно ослабла. И все же Иванов доказывал в ставке возможность выхода на венгерскую равнину, а Рузский, чье мнение великий князь ценил очень высоко, предпочитал удар со стороны Польши на северо-запад по германской территории. Однако все эти дискуссии были прерваны неожиданным германским наступлением». ¹²⁶ Кайзер назвал эту операцию германских войск «Зимней битвой за Мазурию». В ходе дебатов в русской ставке не заметили быстрого перемещения в Восточную Пруссию четырех новых корпусов. 5 и 6 февраля 1915 г. снегопад и метель, казалось, останавливали все живое в Восточной Пруссии. Только казалось. 7 февраля немцы начали непрерывное движение, которое позволило трем немецким корпусам за полтора дня продвинуться глубоко за линию русских укреплений. 10 февраля двадцать первый германский корпус перерезал железную дорогу из Ковно на восток. Десятая русская армия генерала Сиверса начала отступать через Августовский лес к Неману. Торжествующий кайзер посетил захваченный городок Лик, поздравляя свои атакующие в снегу войска. Гинденбургу происходящее «напомнило знаменитую победу при Седане в 1870 году». ¹²⁷ Армия Сиверса сражалась отчаянно. Все сжигая на оставляемой земле, она карабкалась на восток — 350 тысяч солдат видели спасение только в скорейшем выходе из-под огня неукротимого неприятеля. И хотя немцы взяли много пленных, основная масса русских войск рвалась к спасению. Все признают, что арьергард армии сражался с редкостным самоотвержением, что в конечном счете и спасло армию. В середине февраля жестокий мороз уступил место неожиданной оттепели, принесшей с собой распутицу. Но основная масса русских войск сумела пересечь Августовский лес, выйдя за пределы германских клещей в окрестностях Гродно. Немцы сзади окружили Августовский лес со всеми, кто отстал от основной массы

войск — 110 тысяч человек и немалое число неожиданно освобожденных германских военнопленных. Не меньшее число погибло на поле брани или замерзло в полях. Даже далекий от сантиментов Гинденбург был поражен тем, что он назвал «тишиной смерти»: «Когда думаешь об этой битве, возникает лишь один вопрос, «могут ли смертные существа содействовать все это, или все это призрачное видение, страшный рассказ? Не являются ли эти марши зимними ночами, эти лагеря в ледяные штормы и эта последняя фаза битвы в Августовском лесу — столь ужасная для противника — плодом фантазии?» И германский полководец делает честный вывод из собственной операции: «Несмотря на огромный тактический успех... мы проиграли стратегически». ¹²⁸ Никакие трофеи не могли скрыть того обстоятельства, что, на севере русская армия, несмотря ни на что, сохранила свою боевую мощь.

Обстоятельства великой битвы побудили великого князя Николая просить западных союзников возобновить наступление во Фландрии, чтобы ослабить давление немцев на Россию.

Соглашение о Босфоре

Председатель Государственной Думы М.В.Родзянко начал парламентские дебаты 9 февраля 1915 г. предсказанием, что русская армия «с крестом на груди и в сердце мудро воспользуется наследием царей и откроет России путь к решению исторической задачи утверждения на берегах Черного моря». Ставилась задача укрепления русских позиций и на севере Балкан. Вожди основных политических партий России видели в выходе к Средиземноморью закрепление европейских позиций России. Лидер конституционных демократов Миллюков восславил союз с Британией и Францией — «двумя наиболее развитыми демократиями современ-

ного человечества». Будущий премьер Львов говорил о важности освободиться от «культурных и некультурных варваров» — немцев и турок. Октябрист Шидловский определил войну как столкновение двух мировоззрений, в котором русская армия воюет против идеологии «раздела мира на господ и рабов».

Комментируя дебаты в русской Думе, британский министр вооружений Ллойд Джордж 2 марта 1915 г. назвал Россию мирной нацией в отличие от милитаристской Германии. В «строю Запада» англичане в целом были более благосклонны к русским планам, чем французы. Министр иностранных дел Делькассе не считал безусловным благом закрепление России на азиатской стороне Проливов — он склонялся к их нейтрализации. Ощувив «холодность» французов в этом вопросе, Сазонов 15 марта 1915 г. попросил Палеолога передать своему правительству, что, если России не будут гарантированы Проливы, он уйдет в отставку. Он просил передать, что к власти может прийти такой русский деятель, который постарается восстановить Союз трех императоров.

Это была серьезная угроза. Сазонов знал, сколь велик его престиж на Западе. И все же понадобилось тридцать семь дней переговоров, прежде чем Запад гарантировал России Константинополь. Со своей стороны, Британия получила зону влияния в Персии, в Греции и Малой Азии, а Франция утвердила за собой Киликию, Сирию и Палестину. Помимо желания стимулировать русских, существовали по меньшей мере два объяснения согласия Запада на просьбу России. *Первое* — Париж желал тем самым обезопасить Запад от возникновения у России своих интересов собственно на Балканах, что нарушало, по мнению французов, континентальный баланс сил. *Второе* объяснение — Лондон полагал, что нужно предоставить русским Константинополь и Проливы для отвлечения их от Южной Персии, от выхода к Персидскому заливу.

Думающие русские неизбежно должны были задать

себе вопрос, как Россия, ее далекое от эффективности правительство, с трудом прокладываящее дорогу прогрессу на необъятных просторах империи, собирается распорядиться одновременно и новой отдаленной провинцией Турции, и мусульманским центром, каковым являлся Стамбул? Не слишком ли много новых проблем для перегруженного российского корабля? На фоне отступления, которое производило в обществе ужасное впечатление, царь постарался приободрить армию и народ указанием на цели, ради достижения которых стоило вынести неизбежные лишения. Он указал 3 марта 1915 года французскому послу на необходимость придать смысл жертвам, величина которых начала превосходить все мыслимое. «Я не признаю за собой права навлекать на мой народ ужасные жертвы нынешней войны, не давая ему в награду осуществление его вековой мечты. Поэтому мое решение принято, господин посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов». Царь указал, пишет в воспоминаниях Бьюкенен, что после всех жертв, понесенных его народом, он «должен без промедления узнать у своих союзников, дают ли они определенное согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы».

В свою очередь, Николай заверил западных послов, что они могут полагаться на Россию в отношении решения проблем, которые встанут перед ними после войны. Франция и Англия получали своего рода карт-бланш. В частности, Палеологу император указал, что желает видеть Францию вышедшей из войны максимально укрепившейся. Он заранее соглашался со всеми французскими пожеланиями. (Подразумевался, прежде всего, контроль над частями Османской империи — Сирией, Киликией, Палестиной).

Через пять дней, согласно телеграмме, которую Палеолог получил от министра иностранных дел Делькасса, русское правительство было уведомлено о том, что вопрос о проливах должен быть решен сообразно жела-

нию России. Солидарность проявила и Британия. Для нее это был непростой выбор. Черчилль предлагал лишь «выразить симпатию» с русскими пожеланиями и пока этим ограничиться. Противники передачи Константинополя, скажем, Бонар Лоу, стояли на той точки зрения, что, «если Россия будет иметь все, что она желает, результатом явится отчуждение Италии и балканских государств». Грей ответил, что Британия не может далее игнорировать этот вопрос: Россия, прилагая огромные военные усилия, желает знать мнение союзников. Возникает угроза непоправимой ошибки. Если английское правительство не поддержит пожелания России, то этим может воспользоваться Германия, стремящаяся к сепаратному миру с Россией. Сэр Эдуард Грей смотрел слишком далеко в будущее, а на текущем этапе мировой войны он поддержал требование России в отношении проливов: «Абсурдно, что такая гигантская империя, как Россия, обречена иметь порты, перекрываемые льдами на протяжении значительной части года, или такие порты, как на Черном море, которые закрыты в случае любой войны». В конечном счете Бальфур и Холдейн поддержали Грея. Британский кабинет пришел к мнению, что требование России получить проливы следует удовлетворить. В свою очередь, Британия сможет потребовать другие части Османской империи (премьер Асквит: «Мы и Франция взамен должны получить значительную часть всего каркаса Турецкой империи»). Ллойд Джордж изменил первоначальному скептицизму и довольно уверенно поддержал Россию: «Русские настолько стремятся овладеть Константинополем, что будут щедры в отношении уступок во всех прочих местах».

Все помнили, что в 1854 г. Британия ради предотвращения захвата Россией Константинополя высадилась в Крыму армией. В 1878 г. британский флот вошел в Дарданеллы, чтобы предотвратить русское вторжение в турецкую столицу. И вот теперь, когда британские вой-

ска, высаживаясь в Галлиполи, пытались закрепиться в Дарданеллах, Лондон согласился с выходом России к Проливам.

Тогда Запад не знал, в какой мере Петроград исполнен решимости овладеть проливами. Как сейчас ясно, некоторые русские дипломаты ради достижения этой цели готовы были едва ли не переменить союзническую коалицию. Так, князь Трубецкой, русский посол в Сербии, писал Сазонову 9 марта 1915 г.: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных. Если мы потерпим поражение в этом вопросе, вся Россия спросит нас, за что наши братья проливают кровь». Разумеется, это была крайняя (и нехарактерная) точка зрения. Россия твердо сохраняла союзническую лояльность, и далеко не все в России так рьяно стремились овладеть Константинополем. Более того, восходящая звезда русской стратегии — генерал Алексеев — даже в значительной мере склонялся к заключению сепаратного мира с Турцией ради высвобождения Кавказской армии для решающей битвы против Германии. Россия и Запад должны были либо сокрушить Германию, либо погибнуть. «Любая другая цель, — писал Алексеев, — мираж; гораздо важнее возвратить Курляндию, чем завладеть Проливами».

В середине марта (13-го) 1915 г. британский посол лично сообщил царю, что британское правительство готово дать необходимые гарантии относительно Константинополя при условии установления там свободы прохода для всех торговых кораблей и транзитных товаров, перевозимых из нерусских государств, прилегающих к Черному морю. Помимо этого, Россия должна была обещать оказать все возможное влияние, чтобы стимулировать вступление в войну Румынии и Болгарии.

Размышляя над будущим, британский посол сказал царю, что после войны Россия и Англия будут самыми

могущественными державами мира. Они должны заранее добиться гармонии в отношениях между собой. С решением персидского вопроса исчезает последний источник трений между ними — их согласие создаст новый мировой порядок. Царь согласился приложить все силы для установления такого порядка. Он попросил передать в Лондон, что принимает английские условия и что его лояльность союзу неизменна.

Союзническая близость на самом высоком уровне дала свои результаты. 20 марта 1915 г. британское правительство подписало секретное соглашение с Петроградом; оно соглашалось на аннексию Россией Константинополя, владение Босфором и Дарданеллами, половиной турецких владений в Европе.¹²⁹ В ответ на российское согласие на любой желательный Лондону вариант раздела оттоманских владений.

Но прежде чем делить оттоманское наследство, следовало сокрушить мощь Центральных держав. В день подписания секретного соглашения по Константинополю генерал Брусилов предпринял наступление против австрийских войск. 22 марта пала важная австрийская крепость — Перемышль. Невероятный снегопад не остановил русского порыва — они захватили 120 тысяч австро-венгерских солдат, девять генералов и семьсот пушек. В штаб-квартире кайзера падение Перемышля было психологически компенсировано ударом по англичанам в Дарданеллах. Адмирал Тирпиц записал в дневнике: «Одно событие ослабило эффект другого, но русские атакуют неукротимо и неизменно наносят поражение австрийцам; у нас начинают сдавать нервы. Гинденбург, видимо, дошел до предела». Пиком успехов Брусилова стал захват 25 марта Лупкова перевала — теперь русская армия стояла у границ Венгрии. Австрийское командование оценило моральное состояние своих войск как находящееся «ниже нулевой отметки».¹³⁰

Но если на юге русским войскам сопутствовал успех, то севернее, в русской Польше, немцы также не-

укротимо продвигались по территории Российской империи. На встрече в Шантийи в конце марта 1915 г. англо-французы решили, что лучшей помощью России будет наступление на Западном фронте в конце апреля — начале мая. Маршал Жоффр выразил удовлетворение улучшением контактов между ним и русским главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем.

Союзная дипломатия

Вечером 19 января 1915 г. немцы осуществили свой первый рейд цеппелинов против Британии. Война приобрела определенные контуры в воздухе, на суше, море и под водой. Как ни странно видеть это сейчас, но к весне 1915 г. на Западе возобладавало оптимистическое представление о том, что события движутся в желаемом направлении, что у германского блока время уносит шансы. В Париже и особенно в Лондоне рассчитывали на результаты блокады Центральных держав — здесь недооценили возможности германских подводных лодок. Этот оптимистический прилив достиг пика в середине марта. Западные правительства начинают закрытые обсуждения того, какими должны быть требования держав — победительниц. Так, Эдуард Грей считал важным произвести хорошее впечатление на мусульманских подданных британских колоний созданием независимого мусульманского государства в прежних турецких провинциях Аравии, Сирии и Месопотамии. Военный министр Китченер настаивал на британском контроле над Меккой, как центром исламского мира. Китченер полагал, что пассивность западной дипломатии более всего соответствует интересам России — именно она воспользуется слабостью Османской империи, и эвентуально «святые земли Палестины» окажутся под русским протекторатом. Политические деятели Запада уже задумы-

вались над перспективами европейского баланса сил после поражения Германии — они боялись в погоне за сиюминутными выгодами упустить фундаментальные стратегические позиции. К примеру, британский министр Холдейн указал, что «мы не должны сокрушать немцев в конце этой войны. Наполеон так и не сумел сокрушить эту нацию, а Германия, начиная с 1870 г., не сумела подорвать национальный дух Эльзаса и Лотарингии. Исторический опыт говорит, что постоянный мир не может быть достигнут односторонними преимуществами». В поисках оптимального решения лорд Бальфур пришел к выводу, что следует выработать особые критерии политического устройства для Европы и отдельные для Азии. В Европе раздел территорий должен быть осуществлен в соответствии с национальным принципом, но в Азии возможен более жесткий подход. Здесь должны главенствовать геостратегические соображения великих держав. Британия должна рассчитывать на турецкие территории к югу от Малой Азии. Наиболее умудренные геополитики боялись ухода на периферию, ухода в слепую погоню за безжизненными пространствами Азии и Африки с одновременной утерей интереса к геостратегическому центру планеты — Европе. Возглавивший министерство вооружений Ллойд Джордж предупредил, что, в случае излишнего ослабления Германии, в Европе исчезнет противовес растущему русскому преобладанию.

В области дипломатии Запад более всего изумляло фактическое безразличие, с которым русское правительство относилось к подключению к Антанте новых союзников. Речь конкретно шла об Италии и Греции. В феврале 1915 г. Грей прислал Сазонову пожелания Италии, готовой вступить в войну против Германии. Русский министр усомнился в большой значимости Италии как военного союзника. Бальфур с удивлением писал Ллойд Джорджу, что русские «не только индифферентны к привлечению в Антанту новых государств.

Более того, им положительно не нравится это. Такое отношение было бы абсолютно понятным, если бы они обладали превосходящей силой в виде хорошо оснащенных армий; но поскольку мы знаем, как плохо они оснащены, их уверенность действительно изумительна!» Полагаем, такая оценка несколько упрощена. В Лондоне полагали (ошибочно), что итальянское выступление будет решающим обстоятельством мирового конфликта. Россию не очень привлекало обхаживание Италии по совершенно реалистической причине — Петроград видел в Риме конкурента Белграда. Переговоры с Италией осложнялись ее претензиями, задевавшими интересы Сербии — традиционного союзника России. Протезируя Италии, Лондон мог оказать воздействие на Белград только через Петроград. Мы видим возникновение очага противоречий — Россия явно способствовала образованию Балканского блока. Предпосылкой создания такого блока она видела русские победы на юго-западном фронте.

Англичане не согласились с Россией относительно малой военной значимости Италии, но в конечном счете отнеслись с уважением к русской позиции. Асквит: «Важно избежать всего, что могло бы привести к противоречиям с Россией или к действиям, которые могут побудить Россию к сепаратному миру». Грей, соответственно, отказался поддержать все требования Италии и игнорировал инспирируемые итальянцами намеки на опасность «чрезмерного» влияния России на Балканах. Лондон и Париж пришли к выводу, что главная задача дня — поддержать моральный дух России и сохранить Восточный фронт, а особые пожелания Запада можно будет обсудить позже.

«Подвешенность» итальянской проблемы продолжалась недолго. В начале апреля 1915 г., когда наступление русских войск в Карпатах было остановлено, Сазонов пошел на уступки в итальянском вопросе. Взаимопонимание с Западом относительно условий

итальянского вступления в войну была достигнута. Договор о союзе Италии с Англией, Францией и Россией был подписан в Лондоне 26 апреля 1915 г. Однако триумф дипломатии Антанты был омрачен весьма скоро. Сообщения с самого протяженного фронта войны стали неутешительными.

Отступление из Польши

В феврале 1915 г. начинается полоса несчастий русской армии в Польше. Германское наступление поставило западных союзников перед мрачной перспективой того, что немцы закрепятся на завоеванных в русской Польше рубежах, а затем со всей мощью обратятся к Западному фронту, куда еще не успели прибыть формируемые англичанами армии. Чтобы скрыть прибытие германских войск на южный австрийский фланг, германские разведгруппы были одеты в австрийскую униформу. Это позволило внести элемент внезапности. Офицеры германских штабов взбирались на самые высокие холмы и горы, обзорева лежащие перед ними, как на карте, русские позиции. Отличие от Западного фронта было довольно значительным: широкая «ничейная земля», один укрепрайон обороны. Все местное население было эвакуировано немцами, чтобы противостоящие войска генерала Димитриева пребывали в безмятежности. 25 апреля Димитриев все же обнаружил немецкое присутствие, но не запросил подкреплений. Генерал Данилов дает удручающую картину русской неготовности. «Русская армия находилась на пределе своих возможностей. Непрекращающиеся схватки в Карпатских горах стоили ей многих потерь. Недостача оружия и боеприпасов была катастрофической. В этих обстоятельствах мы могли еще сражаться с австрийцами, но не могли выдержать серьезного давления энергичного и решительного врага». 1 мая 1915 г. германо-австрийские войска начали совместное наступ-

ление против русской армии в Карпатах. Под командованием генерала Макензена немцы пошли вперед после четырехчасовой артиллерийской подготовки (700 тысяч снарядов) — здесь была самая большая концентрация артиллерии за всю Первую мировую войну.¹³¹ Гаубицы сокрушили русскую оборону. Нокс: «Немцы выпустили десять снарядов на каждый шаг своей пехоты».¹³² Германские штурмовые группы ждали своего часа для скоростного броска. После недельных боев армия генерала Димитриева перестала существовать. «Доблесть русских, — пишет Б. Линкольн, — значила мало на протяжении последующих двух недель, когда молот армии Макензена крушил третью армию с неумолимой brutalностью».¹³³ Это открыло наступающим немцам стопятидесятикилометровую полосу наступления. Русская армия, неся тяжелые поражения, начала кровавое отступление — через сутки из Горлицы, через пять дней — из Тарнова. Окончился девятимесячный период российских побед на австрийском фронте. В течение недели русская армия потеряла почти все, что было завоевано в Карпатах; тридцать тысяч солдат попали в немецкий плен. После овладения южногалицийским городом Стрый было заявлено о 153 тысячах русских военнопленных. В Вене австрийский министр иностранных дел граф Чернин пришел к выводу, что наступает момент, когда становится возможным начало сепаратных переговоров с Россией на основе отказа России и Центральных держав от всех территориальных приобретений. (После окончания войны он скажет, что то был единственный момент во всем ходе войны, когда Россия, возможно, согласилась бы с мирными предложениями, учитывая то обстоятельство, что «русская армия бежала и русские крепости падали как картонные домики»). Но в Берлине горели надеждой полностью уничтожить всю русскую армию и только после этого хотели предъявить России ультиматум. Немцы впервые применили на восточном фронте отравляющие газы (в районе русской Польши), что привело к гибели тысячи

русских солдат. Германские дивизии подошли к Варшаве. Чтобы эвакуировать военные припасы из Варшавы, требовалось более двух тысяч поездов,¹³⁴ которых у России, естественно, не было. Все эти крепости — Ивангород, Ново-Георгиевск, Ковно, Гродно, Осовец, Брест, построенные в предшествующую эпоху, — потеряли свое значение в век мобильности. 19 мая Макензен заставил русских оставить их самый большой прежний приз — крепость Перемышль, завершив вытеснение русских войск из Галиции. Австрийские войска вошли во Львов и приготовились к выходу на долины русской Волыни. Британский представитель при третьей русской армии сообщил в Лондон: «Эта армия ныне представляет собой безвредную толпу».¹³⁵ Янушкевич просил военного министра об одном: «Дайте нам патронов». А Сухомлинов говорил о недостатке талантливых людей в военном производстве.¹³⁶ Если бы Россия между августом 1914 и концом 1917 г. мобилизовала такую же долю своего населения, как Франция за то же время, то ее армия составила бы 60 миллионов человек, но встает вопрос — как вооружить такую армию? В результате Россия не смогла вооружить и четверть указанного количества.¹³⁷

3 июня 1915 г. состоялась имперская военная конференция немцев в замке Плесс с участием кайзера, Фалькенгайна, Гинденбурга, Людендорфа, Гофмана, Макензена, Конрада. Обозревалась вся военная обстановка. Людендорф и Гинденбург требовали продолжения давления на Востоке, Фалькенгайн настаивал искать решение на Западе. Макензен получил командование над несколькими австрийскими армиями. Но главным было оглашение амбициозных планов Гинденбурга и Людендорфа: окружить врага между Ковно и Гродно, прервать жизненно важную для русских железную дорогу между Вильно и Петроградом, затем повернуть на юг и, замыкая кольцо у Брест-Литовска и Припятских болот, уничтожить все основные боевые соединения противника.

Политическая фаза развития событий, связанная с

поражениями на Восточном фронте, началась летом. 14 июня 1915 г. Хенсбери Смит (представитель Англии при русской ставке) сообщил Китченеру, что Варшава, Рига и Львов могут быть удержаны лишь в том случае, если немцев «связать на Западе, и они не получают на Восточном фронте новых подкреплений». Нокс пришел к самому пессимистическому выводу: ситуация на восточном фронте хуже, чем когда-либо с начала войны; русские явно рассчитывают на то, что англо-французы сделают вывод из постигших русскую армию неудач (ведь крах западного фронта ненадолго «пережил» бы поражение на Востоке». Но в Париже и Лондоне руководство союзников пришло к выводу, что в свете незавершившейся подготовки резервов решительные действия следует отложить на 1915 г. До этого времени — «активная оборона» (слова Бальфура). Для русских это означало, что им предлагают сражаться едва ли не один на один с Германией и Австрией. Летом 1915 г. на Восточном фронте было вдвое больше германских и австрийских дивизий, чем на западном фронте. (К сожалению, Запад не полностью воспользовался предоставившейся возможностью — стратегической переориентацией Центральных держав). Россия призвала в ряды своей армии к лету 1915 г. десять миллионов человек, и германское наступление захлебнулось кровью русских солдат. Потери по двести тысяч человек в месяц — таков страшный счет 1915 г., счет, к сожалению, не оплаченный Западом. И все же возрождаемое русское военное искусство сказалось в том, что отступающая армия была спасена. Немцам, при всех их огромных успехах, так и не удалось добиться главного — окружить русскую армию.

Немцы применяют газы

Немцы на участке фронта в семь километров применили новое оружие — отравляющие газы. Французы

от перебежчиков знали о странных цилиндрах еще в конце марта. 13 апреля немецкий дезертир рассказал о «контейнерах, содержащих удушающий газ, в батареях по двадцать цилиндров на каждые сорок метров фронта».¹³⁸ 22 апреля 1915 года, в пять часов вечера, тяжелые снаряды обрушились на бельгийский город Илр и окружающие деревни. «В траншеях к северу от Ипра возникли два особенных призрака зелено-желтого дыма, движущегося вперед вплоть до превращения в бело-голубой туман. Этот дым повис над участком фронта, охраняемым двумя французскими дивизиями, одной алжирской, одной — территориальных войск, которые присоединились к англичанам... Вскоре пораженные офицеры за британской линией фронта увидели человеческий поток. Африканцы, ближайшие к англичанам, кашляли и указывали на свои глотки... Французские орудия еще стреляли, но в семь часов вечера они замолчали».¹³⁹ Немцы продвинулись вперед примерно на три километра. «Сотни людей, — пишет британский главнокомандующий сэр Джон Френч военному министру Китченеру, — впали в коматозное состояние, и часть из них умирает».¹⁴⁰ Наступающие немцы применили грубые респираторы, оказавшиеся эффективными. Но они сами не ожидали шокирующего эффекта от применения отравляющих газов. Германское верховное командование не верило в его эффективность. «Фалькенгайн пытался лишь испытать воздействие газа для подготовки использования этого средства против русских».¹⁴¹ Отсутствие необходимых резервов не позволило немцам развить успех.

На протяжении всего лета и осени 1915 г. русская армия пыталась сдержать натиск всей австрийской и сорока германских дивизий. Черчилль с горечью и симпатией описывает этот период худших русских поражений: «Уже ослабленные в отношении качества и структуры нанесенными ударами, находясь в худшей фазе недостатка оружия и боеприпасов, армии царя на 1200-километровом фронте удерживали позиции от последо-

вательных германских ударов то здесь, то там, осуществляя глубокий и быстрый отход. Следующие на всех направлениях удары поставили под вопрос само существование русской армии. Это было зрелище германского воинства, действующего с удивительной энергией и близкого к тому, чтобы обескровить русского гиганта... Это была сага одной из ужасающих трагедий, неизмеримого и никем не описанного страдания. Учитывая состояние их армий и их организации, русское сопротивление и твердость достойны высшего уважения. Стратегия и поведение великого князя среди бесконечных несчастий, рушащихся фронтов, прерванных коммуникаций, развала тыла и прочих бед, которых обычно лишены большинство военачальников, представляет собой ту главу военной истории, на которую с благодарностью будут смотреть будущие поколения русских. Он терял провинции, уступал города, одна за другой сдавались линии укреплений по рекам. Он был изгнан из Галиции; его вытеснили из Польши; на севере его оттеснили на русскую территорию. Он вынужден был отдавать прежде завоеванное: он сдал Варшаву, он сдал все свои крепости. Весь обороняемый фронт рухнул под ударами молота. Все железные дороги перешли в распоряжение врага. Почти целиком население бежало в ужасе от надвигающейся грозы. Когда наконец осенние дожди превратили дороги в грязь и зима раскрыла свой щит над измученной нацией, русские армии, избегнув опасности, стояли во все той же непрерывной линии от Риги на Балтике до румынской границы — перед ними лежало будущее, не лишенное надежд на конечную победу».¹⁴² Министр сельского хозяйства Кривошеин стонет: «Почему бедной России уготовано пройти сквозь такую трагедию?»¹⁴³ Императрица Александра Федоровна в обстановке неизбежной истерии предупреждает супруга, что «в штаб-квартире есть шпион, и этот шпион не кто иной, как генерал Данилов — хотя он может казаться очаровательным и

честным, но он смотрит все телеграммы и встречается с важными людьми». ¹⁴⁴ Окончательно снятый со своего поста Сухомлинов дал показания Особой комиссии, открывшие неприглядную картину неготовности России к продолжительной войне. Министр оказался в Петропавловской крепости (откуда его без лишнего шума царь освободил — по просьбе царицы — в 1916 году ¹⁴⁵). Зинаида Гиппиус видела корень всех бед в «темных массах народа, который не понимает, куда его гонят, который способен лишь выполнять приказы свыше, подчиняясь слепой инерции». ¹⁴⁶ Генерал Нокс беседует с русским солдатом: «Мы отступим до Урала, и армия преследователей сократится до одного немца и одного австрийца. Австрийца, как заведено, возьмем в плен, а немца убьем». ¹⁴⁷ Выступая на заседании Совета министров, генерал Поливанов сказал в начале августа, что верит «в необозримые пространства, непролазную грязь и милость Святого Николая Чудотворца, покровителя Святой Руси». ¹⁴⁸ Страшным для страны обстоятельством становится то, что крестьянин, мужик, впервые начинает изменять вековой привычке бестрепетно сражаться за царя и отечество. Вывод американского историка: «Впервые в русской истории ее солдаты-крестьяне лишились желания сражаться за царя и страну, которые не давали им ничего взамен. Жизнь на фронте больше не приносила славы — она означала лишь смерть». ¹⁴⁹ Обеспокоенный Янушкевич пишет из ставки царю: необходимо пообещать каждому солдату-крестьянину шестнадцать акров земли за верную службу. «Я прошу простить мою назойливость, но, как утопающий хватается за соломинку, я пытаюсь найти любые способы выхода из сложившегося положения». ¹⁵⁰

На Западе надежды перемежались с почти паническим восприятием происходящего. С одной стороны, в войну против Центральных держав 23 мая 1915 г. вступила Италия. С другой стороны, с тревогой наблюдали за кризисом на Востоке, где собственно территории

России впервые после Наполеона стал угрожать противник. (Фалькенгайн удовлетворенно занес в дневник: «Угроза Венгрии полностью ликвидирована»¹⁵¹). Запад не был просто наблюдающей стороной. Так, производство снарядов в России зависело от деталей, поставляемых британскими фирмами, а задержка этих поставок ослабляла русскую сопротивляемость. К примеру, в марте Петроград запросил 5 миллионов трехдюймовых снарядов, но британская фирма «Виккерс» не сумела выполнить контракт. Возможно, официальный, правительственный Лондон не сумел вовремя подстегнуть основных военных производителей из-за того, что посол Бьюкенен сообщал (24 февраля), что русская армия будет готова к наступлению лишь через несколько месяцев — именно тогда ей и понадобятся британские снаряды. Острее других чувствовал грядущую беду Ллойд Джордж. В начале марта 1915 г. он потребовал создания специальной союзной организации, координирующей всю военную промышленность Запада.

Во всей остроте встает перед Россией и Западом вопрос военного оснащения гигантских людских масс России. Русской армии были необходимы винтовки и пушки. Сменивший Сухомлинова на посту военного министра генерал Поливанов записывает в дневнике: «Винтовки сейчас дороже золота».¹⁵² Для того чтобы западная помощь была эффективной, следовало, во-первых, определить нужды России. Во-вторых, закупки в Британии и Соединенных Штатах требовали жесткой централизации: они требовали единоначалия, по меньшей мере, для того, чтобы русские закупщики не конкурировали между собой. Китченер попросил великого князя Николая Николаевича прислать в Англию артиллерийского специалиста с «диктаторскими» в отношении закупок полномочиями. 8 марта 1915 г. Китченер заказал для русской армии в США у фирмы «Вестингауз» один миллион винтовок, а у фирмы «Бетлехем стил» пять миллионов трехдюймовых снарядов. Зияю-

щим местом русско-западных отношений стал провал в выполнении русского заказа британской компании «Виккерс». (Эта фирма задолго до 1914 г. заняла совершенно особое место в военном оснащении России, получив фактическую монополию на производство орудий для русской армии. В 1911 г. она активно участвовала в создании военно-морской базы в Николаеве, а двумя годами позже помогла в создании Царицынского артиллерийского завода. Русское правительство официально определило «Виккерс» как «единственную фирму, способную дать совет и осуществить руководство в создании русской индустрии вооружений от начала до конца»). Но даже масштабного приложения ресурсов этой крупной фирмы оказалось недостаточно для подготовки многолетней войны на выживание. Следовало думать о мобилизации собственных возможностей. В начале 1915 г. под руководством великого князя Сергея Михайловича (бывшего генерального инспектора артиллерии) была создана Особая распределительная комиссия по артиллерийской части. Перед ней официально была поставлена задача: покончить с неэффективностью работы промышленности и «ликвидировать конфликт» между фронтом и тылом. Обстановка в Комиссии была почти панической. Из заказанного Китченером миллиона винтовок первая половина должна была поступить в Россию лишь к маю 1916 г. Не дали результата и попытки найти «диктатора снаряжений». Генерал Тимченко-Рубай, посланный в Лондон, с одной стороны, имел ограниченные полномочия; а с другой — не проявил необходимой твердости характера и расторопности.

Обратившись к «Виккерсу», Китченер убедился, что фирма находится на грани перенапряжения. Требования к ней превосходили ее возможности. Она снабжала быстро растущую британскую армию, и выполнение заказа восточного союзника было для нее в текущей конъюнктуре за пределами возможного. Во второй по-

ловине марта великий князь Сергей Михайлович окончательно пришел к следующему выводу: нужно покупать на Западе производственные мощности — сами заводы — и производить вооружение в самой России. Реализация этой идеи была возложена на генерала Манниковского, ставшего в июне 1915 г. руководителем Главного артиллерийского управления.

Немалые усилия привели к тому, что ежедневное производство снарядов достигло 35 тысяч. Русские заводы стали производить в месяц 67 тысяч винтовок, заграничные поставки составляли 16 тысяч единиц в месяц — общее число 83 тысячи. А немцы между тем усиливали давление на фронте. Если «Виккерс» не поставит (как было прежде условлено) снаряды в марте, писал великий князь Китченеру, русская армия не сможет устоять летом 1915 г. Дефицит вооружений пришелся на период самого жесткого напряжения на русско-германском фронте.

Признание слабости

6 августа на заседании Совета министров Поливанов был необычайно молчалив. Его тик головы и плеча усилились еще более. Председатель Совета министров Горемыкин попросил его осветить положение на фронтах. Поливанов говорил короткими рублеными фразами, стояла леденящая тишина. «Непоправимой катастрофы можно ожидать в любую минуту. Армия больше не отступает, она просто бежит, и вера в ее силу разрушена».¹⁵³ Этот доклад был нижайшей точкой поражения России в 1915 г. Начался процесс падения удельного веса России в коалиции с Западом.

После тяжелых поражений русской армии царь Николай впервые лично признал страшное несовершенство русской военной машины: Россия могла поставить под ружье дополнительные 800 тысяч человек, если Запад

сможет вооружить эту массу. В европейских столицах, видя отступление русских армий и смятение в Петрограде, постарались наметить меры помощи России. Напомним, что уже в первую неделю войны Россия позаимствовала у Британии миллион фунтов на военные закупки. Через год этот долг достиг 50 млн. фунтов. И англичанам ничего не оставалось, как пообещать еще 100 млн. фунтов стерлингов. Посланный с миссией в Россию английский полковник Эллершоу пришел к выводу о чрезвычайной серьезности положения, требующего централизации усилий не только русских, но и их западных союзников. По его предложению, ответственность за снабжение России боеприпасами перешла от частного британского бизнеса к правительству. Отныне на протяжении более двух с половиной лет руководство военными связями России и Запада британское правительство возложило на так называемую Русскую закупочную комиссию (РЗК):

Запад не сразу осознал степень катастрофы, постигшей русских. Лишь 14 мая 1915 г. Китченер, основываясь на донесениях разведки из России, сообщил кабинету, что Германия нанесла России «самый серьезный из всех имевших на этой войне место ударов». Западу было трудно осознать глубину понесенного русскими поражения, но фельдмаршал Френч уже предупреждал, что, в случае развития немцами их успехов на Восточном фронте, ход их действий будет таким: они стабилизируют фронт в России, а затем можно ожидать их победоносного обращения к Западу и даже высадки на Британских островах.

19 мая 1915 г. в ставке русского командования полковник Эллершоу заключил с великим князем Николаем Николаевичем соглашение, по которому фельдмаршал Китченер признавался лицом, руководящим русскими закупками в Британии и Соединенных Штатах. Желаемая англичанами централизация была достигнута. Но разворачивание необходимых мощностей на Западе требовало времени. Китченер пишет послу

Бьюкенену, что существуют пределы способности Запада оказать помощь России в ближайшие месяцы. Французский президент Пуанкаре в личной беседе с русским министром финансов П. Барком выразился еще жестче: «Я хотел бы Вам напомнить, что ни текст, ни дух нашего союза не позволяли предположить, что Россия будет просить у нас новые кредиты». Барку ничего не оставалось, кроме как напомнить, что Россия может просто оказаться не в состоянии продолжать войну. Эта страшная угроза сработала мгновенно — Пуанкаре согласился кредитовать новые закупки.

Запад значительно расширил свои функции арсенала Востока. В начале войны русские закупки в Америке составляли довольно скромную сумму — 35 млн. долларов в год, но давление военного времени быстро привело к их росту — до 560 млн. долларов к лету 1917 г. В середине июня 1915 г. Китченер разместил в Соединенных Штатах заказ на 12 млн. артиллерийских снарядов для России. Примерно таким же был масштаб увеличения американских инвестиций в России. Лидерами американского вторжения на русский рынок были компании «Зингер» и «Интернешнл Харвестер». В результате первого года войны Россия оказалась должна Британии 757 млн. фунтов и 37 млн. фунтов Америке.

В портовых центрах, прежде всего в Архангельске, строились огромные хранилища. В них складировались поступившие из Британии, купленные российским военным ведомством под английские кредиты 27 тысяч пулеметов, миллион ружей, восемь миллионов гранат, триста самолетов, 650 авиационных моторов, два с половиной миллиарда патронов. Вывезти все это к войскам составляло проблему. Военный представитель Британии при русской армии полковник Нокс видел в Архангельске в октябре 1915 г. «огромные запасы на складах в порту — медь, свинец и алюминий, резина и уголь, не менее 700 автомобилей в деревянных каркасах». Чтобы расширить пропускные возможности Архангельска, ан-

гличане работали на железной дороге. На строительство железной дороги к Петрограду нанялись тридцать тысяч строителей из волжских районов, пять тысяч из соседней Финляндии. Но реализовать строительные планы в суровом северном краю стало возможно лишь с прибытием 10 тысяч китайцев и 15 тысяч пленных немцев. Дорога была построена за полтора года.

Нижайшая точка

5 августа 1915 г. германские войска вошли в Варшаву — впервые после 1815 г. русские войска оставили польскую столицу. Их отступление на Восток продолжалось. Но немцам снова не удалось окружить основные русские войска — они отступали, сохраняя порядок. Видя несчастья России, лидеры Запада пришли к выводу, что промедление грозит катастрофой. Китченер с солдатской прямоотой заявил, что «мы можем потерять и Россию и Францию». В конце августа Китченер уведомил русских, что англичане и французы при первой же возможности начнут наступление на Западном фронте. С сентября 1915 г. Запад отбрасывает «альтернативную» стратегию — удары по периферии (имеется в виду, прежде всего, попытка захватить Константинополь после высадки на Галлиполийском полуострове). Он начал искать пути к успеху не на балканском или других фронтах, не ожидая чудес с Восточного фронта, а увеличивая активность собственно на Западе, в Северной Франции.

Россия тем временем начала терять земли восточнее Польши. Уступая основные крепости (что было правильно) практически без боя, Николай Николаевич сделал исключение крепостям Ковно, Новогеоргиевск и Брест — была определена задача стоять до конца. 17 августа эта крепость (чьи стены не могли устоять перед 420-мм гаубицами немцев) пала после артилле-

рийского обстрела 1360 пушками, выпустившими 853 тысячи снарядов. Командующий крепостью генерал Григорев бежал за день до сдачи крепости. Обычно русские не наказывают за поражение, но на этот раз найденный жандармерией в виленском отеле «Бристоль» Григорев был приговорен к 15 годам каторжных работ.¹⁵⁴ В Ковно находились грандиозные запасы русской армии — теперь ими пользовались немцы. Второй оставленный в глубине форт русского сопротивления — крепость Новогеоргиевск (расположенная при слиянии Вислы и Буга) — затормозил германское продвижение. Но австрийские гаубицы оказались мощнее валов и стен, видимо, огромной крепости с орудиями и боеспособным гарнизоном в 90 тысяч солдат, тридцать генералов и 700 орудий, оставленной беззащитной — без связи с полевой армией. 20 августа Новогеоргиевск капитулировал перед неприятелем. Южнее пала Брестская крепость, что позволило германской армии пересечь реку Буг. В плену у немцев уже находились 727 тысяч русских солдат и офицеров, в австрийском плену еще 700 тысяч — общее число составило почти полтора миллиона. Никакого сравнения с Западным фронтом: к этому времени в плену находились 330 тысяч французов, англичан и бельгийцев — несоизмеримо меньше массы русских военнопленных.

Следующим своим призом кайзер наметил Финляндию. 8 августа по его приказу был создан двухтысячный финский батальон для участия в боях на Восточном фронте. В обстановке секретности в русской Финляндии рекрутировались добровольцы для борьбы против русской армии. Тайными тропами они переправлялись в Германию. Через девять месяцев финский батальон уже участвовал в боях.

Поражения 1915 г. стоили России 15 % ее территории, 10 % железнодорожных путей, 30 % ее промышленности. Одна пятая населения российской империи либо бежала, либо попала под германскую оккупацию.

Общий отход русской армии сопровождался бегством огромных масс населения, миллионы беженцев загромодили со своим скромным скарбом дороги. Основной поток пришелся на дороги между Варшавой и Брест-Литовском. Генерал Гурко пишет: «Люди, воевавшие в нескольких войнах и участвовавшие во многих кровавых битвах говорили мне, что никакой ужас битвы не может сравниться с ужасным зрелищем бесконечного исхода населения, не знающего ни цели своего движения, ни места, где они могут отдохнуть, найти еду и жилище. Находясь сами в ужасном положении, они увеличивали проблемы войск, особенно транспорта, который должен был двигаться по дорогам, заполняя все дезорганизованной человеческой волной... Только Бог знает какие страдания претерпели они, сколько слез пролили, сколько человеческих жизней было принесено ненасытному Молоху войны».¹⁵⁵

Толпы эвакуированного населения создали новую опасность — ее среди постигших Россию несчастий выделил министр сельского хозяйства Кривошеин: «Из всех суровых испытаний войны исход беженцев является наиболее неожиданным, самым серьезным и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника... Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны... Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти пищу... Будучи членом совета министров, я утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию во мрак революции». Число беженцев достигло в 1915 г. десяти миллионов человек. А на фронте в этом страшном году погиб миллион русских воинов и 750 тысяч были взяты в плен.

Ветер дул в германские паруса. 18 сентября 1915 г. их войска вошли в Вильнюс (еще 22 тысячи русских пленных). В октябре германское командование Восточ-

ного фронта перевело свою штаб-квартиру в Ковно, на те самые берега Немана, где Наполеон столетием ранее наблюдал за переправой своих войск, направляющихся к Москве. С падением Ковно линия фронта, резко оттесненная на восток, стала почти прямой линией, проходящей от Риги до румынской границы через Ковно, Гродно и Брест-Литовск. Переводя штаб в Ковно генерал Людендорф сообразовывался не только с необходимостью быть ближе к действующей армии. Сбылась давнишняя мечта прусских юнкеров: впервые за два столетия после Петра появлялась возможность вытеснить Россию из прибалтийских провинций. Людендорф позднее писал: «Я был полон решимости восстановить на оккупированной территории цивилизаторскую работу, которой немцы занимались здесь многие столетия. Население, представляющее собой такую смесь рас, не может создать собственную культуру — оно поддается польскому доминированию». Чтобы избежать этого, Литва и Курляндия должны управляться германским принцем и быть колонизованы германскими фермерами. Сама же Польша «должна признать германское главенство».¹⁵⁶

Назначенный генерал-интендантом оккупированных земель Эрнст фон Айзенхарт-Роте организовал собственную систему управления завоеванными землями. Господствовал суд военного трибунала, политическая деятельность была запрещена, собрания объявлены вне закона. Учителями могли быть лишь немцы, а языком обучения — немецкий язык. Некогда царь Александр Первый учредил в Вильне польский университет. Людендорф запретил любое высшее образование на любом языке, кроме немецкого.

20 августа 1915 г. германское правительство получило в рейхстаге все затребованные на войну деньги. Лишь один депутат — Карл Либкнехт — голосовал против военных ассигнований. Депутаты в то время не знали, что на гробне военных успехов германское пра-

вительство предложило России заключить сепаратный мир. Разумеется, он был основан на идее сохранения германских территориальных приобретений на Востоке. Истекая кровью, Россия все же ответила, что мир невозможен до тех пор, пока на российской земле находится хотя бы один немец. В русскую армию были призваны еще два миллиона солдат, но они нуждались в подготовке, для этого требовалось время. А пока пал Белосток, сдан Луцк, еще несколько тысяч русских солдат попали в германский плен.

На Западе начали ощущать трагизм происходящего. 15 июля 1915 г. Эдуард Грей поведаль канадскому премьер-министру Роберту Бордену: «Продолжение войны приведет к низвержению всех существующих форм правления». 18 августа 1915 г. лорд Китченер посетил штаб-квартиру британского экспедиционного корпуса во Франции, чтобы сказать генералу Хейгу: с русскими на Восточном фронте «обошлись жестоко», русским грозит серьезное общее поражение, им следует помочь. Черчилль видел Китченера в эти дни: «Он смотрел на меня со странным выражением на лице. Казалось, что он хочет поведать некую тайну. После многозначительного молчания он сказал, что согласен с французами — необходимо «большое наступление во Франции». 21 августа на конференции в Маргейте было решено начать наступление в конце сентября.

Крах прежнего единства

Поражение в войне нанесло удар по установившемуся в августе 1914 г. относительному политическому единству в России. 27 июля 1915 г. американский посол в Берлине Джеймс Джерард доложил в Вашингтон, что немцы «рекрутируют из русских военнопленных революционеров и либералов, снабжают их деньгами, фальшивыми паспортами и прочими документами,

а затем посылают их обратно в Россию с целью стимулировать революцию». В Петрограде военный министр Поливанов 30 июля предупредил своих коллег по совету министров: «Деморализация, уход в плен и дезертирство принимают огромные пропорции». ¹⁵⁷ Началось противопоставление косной монархической системы и недопущенных к управлению прогрессивных сил — то был пролог к 1917 г. 14 августа 1915 г. кадет Аджемов, выступая в Думе, так обозначил наметившееся в обществе противостояние: «С самого начала войны общественное мнение поняло характер и громадность борьбы; было понято, что, не организовав всю страну, мы не добьемся победы. Но правительство отказалось понимать, правительство отвергло с презрением все предложения о помощи».

Военное министерство заключало военные подряды внутри своего семейного круга, работала обычная система привилегий и предпочтений. Министерство не сумело организовать всю страну, более того — своими действиями оно помогло создать устрашающий хаос. Впервые прозвучало обвинение, которое спустя полтора года сделало внутринациональное сосуществование государственных и общественных структур почти невозможным.

В нейтральной Швейцарии в первой половине сентября состоялась конференция европейских социал-демократов, выступающих против продолжения войны. Среди российских делегатов выделялись В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Итоговый манифест конференции призывал к немедленному миру и «войне классов» по всей Европе. Эти идеи разделяли довольно широкие круги пацифистов. Но они же разделяли и широко распространенный скептицизм. Живший в Швейцарии Альберт Эйнштейн поделился с приехавшим из Франции Роменом Ролланом: «Победы в России оживили германское высокомерие и аппетит. Наилучшим образом немцев характеризует слово «жадные». Их почитание

силы, их восхищение и вера в силу, их твердая решимость победить и аннексировать новые территории очевидны».

После страшных поражений 1915 г., когда русская армия впервые подключилась к тому, что уже давно стало рутинной на Западе — к окопной позиционной войне, в России стало вызревать чувство, что Запад косвенно предаст своего союзника, что Запад пользуется людской массой русских, что Россия одна несет на себе бремя настоящей войны. Впервые часть общественного мнения России стала прямо или косвенно выражать ту идею, что Запад будет вести войну до последней капли русской крови. Именно в это время главная патриотическая газета «Русский инвалид» печатала сообщения вроде того, что на Западном фронте союзники в течение дня боев захватили дерево. Растущие антивоенные чувства неизбежно стали частью «национального мятежа» против союзного Запада. Русский капитализм стал мишенью народного возмущения отчасти и потому, что он был самым вестернизированным элементом русского общества.

Славянская душа снова показала необычайную легкость перехода от восторга к подозрению. Вчерашние братские объятия были забыты довольно быстро. В России, пишет посол Бьюкенен, «негативные чувства против нас и французов распространились столь широко, что мы не можем терять времени — мы должны представить доказательства того, что мы не бездействуем в ситуации, когда немцы переводят свои войска с Западного на Восточный фронт». Именно в это время начальник британского генерального штаба генерал Робертсон заявил, что, если англичане и французы не выступят на западе, русские придут к идее сепаратного мира; эти опасения стал разделять и король Георг Пятый.

Далеко не все наблюдатели июньского (1915 г.) погрома в Москве против немцев понимали, что это было начало большого исторического «погрома» против Запа-

да, против всего иностранного. Вышедшее наружу национальное чувство уже не разбиралось, где «дурной германизм, а где хороший Запад». Осуществленный в эпоху отчаянного отступления русской армии в Польше, этот погром знаменовал начало новой эпохи: светлые корабли Петра тонули в темной ненависти к иностранной силе, оказавшейся столь расчетливо более могучей и истребительной. Возможно, одним из первых ощутил начало новой эпохи посол Палеолог, писавший, что «русские начали терять свою привычную «моральную восприимчивость», что они готовы к бунту против всего, лежащего за их западными границами».¹⁵⁸ Русская нация стала приходить к выводу, что союз с Западом не может быть оплачен такой огромной кровью.

Между тем западные союзники постарались ослабить германское давление на Россию. 25 сентября 1915 г. французские дивизии начали наступление в Шампани, а английские — севернее, у Лооса. Англичане впервые применили газ, удушив шестьсот германских солдат. Но германские пулеметы еще раз посрамили мнение генерала Хейга, высказанное пятью месяцами ранее Британскому военному совету: «Пулемет является переоцененным видом оружия, и двух пулеметов на батальон вполне достаточно». Теперь германские пулеметы косили элитные британские части, поля были усеяны мундирами цвета хаки. Редьярд Киплинг, потерявший в эти дни единственного сына, вопрошал: «Кто вернет нам сыновей?» А на Восточном фронте англичанка Флоренс Фармборо, служившая санитаркой в русской армии, записала в свой дневник: «Все в беспорядке и смятении. На город недавно совершил налет германский цеппелин, около железнодорожной станции разрушены два или три дома, а в самом городе панику вызвали зажигательные бомбы». В эти же дни пять цеппелинов нанесли удар по Лондону.

Осень 1915 года оказалась несчастливой для всей антигерманской коалиции. В течение первого года вой-

ны в плен попали миллион семьсот сорок тысяч солдат и офицеров Антанты. Но даже страшной ценой потерь России не удалось удержать свои польские провинции. Южнее австрийцы вернули себе Черновцы. Только в конце ноября 1915 года русским войскам удалось стабилизировать свой фронт.

Англичане гибли у Лооса (60 тысяч погибших), французы в Шампани (почти 200 тысяч погибших)¹⁵⁹, не достигнув никаких видимых результатов. Новый западный союзник России — Италия — получила жестокое боевое крещение на реке Изонцо. А через Адриатику 5 октября началась массированная артиллерийская подготовка австро-германского вторжения в Сербию. И хотя французы и англичане немедленно высадились на севере Греции — в Салониках, военное счастье отвернулось от Антанты и ее союзников и здесь. Орудия союзников не помешали немцам и австрийцам переправиться через Дунай, вынудив сербов 9 октября покинуть Белград. Австрийцы в тот же день пересекли границу Черногории, а через два дня к Центральным державам присоединилась Болгария. Ее войска преградили дорогу французам, и войска Центральных держав начали добивать войска антантовских стран поодиночке. С практическим исчезновением сербского фронта австрийский главнокомандующий генерал Конрад увидел возможность заключения сепаратного мира с Россией, о чем доложил императору Францу-Фердинанду в меморандуме от 22 октября. Но Вена упустила эту единственную, видимо, возможность спасти свою многонациональную империю.

Набрался высокомерия и кайзер. Американского посла Джеймса Джерарда он предупредил от поставок подводных лодок англичанам и счел нужным высказаться по поводу будущего: «Я не потерплю никаких глупостей от Америки после окончания этой войны». Вождей Центральных держав можно понять — их войска одерживали победы буквально на всех фронтах. В

ноябре австрийцы опрокинули итальянцев у Изонцо. Французы отступили в Шампани. Англичане потерпели сокрушительные поражения в Галлиполи (Дарданеллы) и в Месопотамии. Англичанам удалось уговорить французов эвакуировать фронт в Северной Греции (Салоники). Но царь Николай послал премьеру Асквиту телеграмму с сожалением по поводу этого решения. Китченер и Грей возвратились во Францию и аннулировали прежнее решение. Китченер: «Добрые чувства между союзниками были восстановлены».

Но не чувства тех, кто видел недостатки стратегов союзных держав. Дэвид Ллойд Джордж выразил чувства многих, когда «взорвался» в палате общин: «Слишком поздно двигаться там, слишком поздно отправляться здесь. Слишком поздно мы пришли к этому выводу, слишком поздно мы начали свои операции, слишком поздно их готовили! В этой войне движения союзных войск прошли под этим издевательским знаком «слишком поздно», и, если мы не ускорим наши движения, проклятие падет на наше святое дело, которому отдано так много крови храбрецов».¹⁶⁰ Под давлением Жофра было выработано совместное решение о наступлении на Западном фронте летом 1916 года одновременно в северном и южном течении реки Соммы, на фронте в шестьдесят километров. (Жоффр полагал, что немцы подходят к пределу своих возможностей, их резервы иссякают. В то же время создаваемая Китченером новая британская армия и нарастание артиллерийской мощи союзников позволяет надеяться на то, что на Сомме судьба войны будет все же решена).

Британия создает армию

На втором году войны у Британии появилась относительная свобода выбора. В стране формировалась значительная наземная армия, и теперь в Лондоне

прикидывали, где применить заново экипированные дивизии. Обозначились две главные возможности. *Первая* — концентрировать пополнения во Франции и решать исход войны прорывом Западного фронта. Этот вариант после годичного опыта уже воспринимался скептически. В Лондоне уже не верили в способность Жофра и Френча пробить германский фронт. *Вторая* возможность — оторваться от стратегии лобового удара, совершить обходной маневр, нанести удар во фланг. Напрашивалось решение предпринять операцию в Средиземноморском бассейне, чтобы стимулировать создание Балканской конфедерации, которая выступила бы против Центральных держав с юга. (Часть британских политиков полагала, что в случае краха Восточного фронта такая конфедерация могла бы послужить своего рода заменой России, чья судьба в 1915 г. подверглась жестоким испытаниям). Но после многомесячных усилий завладеть Галлиполи и выдвинуться к Стамбулу на Западе вынуждены были признать неудачу и фланговой средиземноморской стратегии. Высадившиеся на Галлиполийском полуострове союзные части не смогли пробиться к столице Османской империи; турки при помощи немцев оказались близки к тому, чтобы сбросить их в море. В конечном счете Лондон «возвращается» на Западный фронт, где до осени 1918 г. одна атакующая волна сменяет другую, не принося желаемого результата — прорыва германского фронта. Чтобы Россия не разуверилась в Западе и не посчитала его списывающим ее со счетов, лорд Китченер в начале августа 1915 г. посылает Грею пространный меморандум с детальной оценкой британских усилий по военному снабжению России. В руки посла Бьюкенена были даны аргументы, отмечающие обвинения в пренебрежении судьбой России. Грей поступил достаточно тактично, когда, пересылая Бьюкенену этот меморандум, он изъял из него ту часть, где говорилось, что подлинной причиной русского отступления является «неспо-

способность русских официальных лиц обеспечить необходимые военные припасы». В меморандуме довольно определенно проводилась мысль, что Британия прежде не была связана обещанием снабжать Россию и в течение войны предоставила ей гораздо большую помощь, чем та, на которую она могла рассчитывать.

На Западе в этот трудный для России час образуется фракция политиков, которые осознают губительность поражения России. Среди них своей энергией начинает выделяться английский министр вооружений Ллойд Джордж. 18 августа 1915 г. он ставит перед правительством двуединую задачу: создать британскую армию в 100 дивизий и обеспечить адекватную помощь России. Обе задачи одинаково приоритетны. Возник вопрос: как помочь России оружием в условиях возрастающей потребности в нем на Западе для разворачивающейся многомиллионной британской армии? В предстоящем 1916 г. ее нужды едва ли не целиком покрывали возможности британской военной промышленности. Американская промышленность также работала на военные заказы Запада. Поставки в Россию могли осуществляться лишь в случае сокращения Британией и Францией своих заказов в США. В конце сентября 1915 г. на Запад для участия в финансовой конференции союзников прибыл министр финансов России Барк. Он старался привнести в дело долю оптимизма. Так, министру вооружений Ллойд Джорджу он сказал, что русской армии для контрнаступления необходимо лишь стрелковое оружие. Выявилась необходимость создания единой союзнической программы. Китченер в связи с этим заявлением пообещал осуществить поиск требуемого оружия в Италии и Китае. Ллойд Джордж также предлагал поставить на службу России японскую промышленность, речь пока шла о 60 тысячах японских винтовок. Бальфур, возглавивший адмиралтейство, выступал за передачу России всех возможных запасов. Запад выделил России 300 тысяч винтовок итальянско-

го и совместного англо-японского производства. Речь зашла о самых экзотических вариантах, одним из которых было обращение к Японии с просьбой мобилизовать свою военную индустрию. Именно на этом этапе англо-французы договорились не конкурировать с русскими закупками в Америке.

При этом министр финансов Маккенна убеждал русских и французів в том, что в сопоставлении со своими союзниками британская нация «прилагает большие национальные усилия». Финансы страны — результат столетних усилий — поставлены на службу коалиции. Для дальнейшего сохранения статуса банкира Антанты Лондон потребовал предоставить Английскому банку русское золото. Нежелание российского правительства платить понятно: русская финансовая система тоже зависела от наличного золотого запаса. Встал вопрос: какую часть золота Россия может передать своему банкиру. В конечном счете Барк предложил отправить в Лондон золота на 40 млн. фунтов стерлингов в обмен на увеличение британского кредита, идущего на закупку оружия. Согласно англо-русскому финансовому соглашению от 30 сентября 1915 г. Британия предоставила России кредит в 25 млн. фунтов стерлингов, а Россия выпустила облигации министерства финансов, купила облигации Английского банка (держа наготове золота на 40 млн. фунтов для оплаты экспорта из США). Получаемые Россией кредиты полностью использовались для оплаты контрактов в сделках с Британией, Соединенными Штатами, Канадой, а также, частично, с Японией. Россия обещала не использовать в биржевой игре кредиты, полученные у Франции.

В ходе выработки этого соглашения англичане приняли самую мощную за военное время попытку овладеть контролем над русскими финансами. Закупки России должны были производиться назначенной русским правительством группой экспертов, заседающей в Лондоне и в обязательном порядке согласовывающей

свои решения с английскими коллегами. В условиях ослабления России Барк не мог настаивать на иных вариантах.

Личностный момент всегда играл большую роль в отношениях России и Запада. Мы уже говорили, что в начале войны дипломатия Англии и Франции, как и их военные руководители, искренне преследовали цель глобального союза Запада с Россией. Тяготы войны вели к ослаблению позиций тех политиков, которые недвусмысленным образом руководствовались таким подходом. В сентябре-октябре 1915 г. ослабевает влияние благожелательного по отношению к России лорда Китченера. 22 сентября 1915 г. воссоздается противовес военному министру — генеральный штаб во главе с сэром Арчибалдом Мерреем. Оценки штаба ставят отношение к России в зависимость от планов немцев. Генштаб представил Военному кабинету программу, из которой следовало, что у Германии есть два выбора: 1) остановиться в своем восточном наступлении на Висле, зафиксировать достигнутое и быстро повернуть на Запад или 2) постараться продолжить наступление и достичь стратегически важной Двины. Второй вариант отвлекал от Запада немецкие ресурсы на значительно более долгое время и объективно был более желателен. Меррей был категорически против авантюры типа дарданелльской, против поисков «ахиллесовой пяты» Центральных держав — он был за концентрацию всех ресурсов на Западном фронте.

Китченер думал о будущем Британской империи и выступал за сохранение в полном объеме военного присутствия Британии на Ближнем Востоке, по всему периметру глобальных британских коммуникаций — а это обязывало искать благорасположение России. События на фронтах, напряжение, порождаемое внутренними усилиями, подгоняли Запад в выборе главной точки приложения усилий. Роскошь выбора сужалась. Германия сумела возобладать на Балканах, и фортуна, как

стало казаться, была на ее стороне. 14 октября Болгария объявила войну Сербии, отрезанной и от России и от Запада. Из России Блейр сообщал о катастрофической нехватке вооружения, что практически исключало возможность контрнаступления. Поднимаясь к более масштабным обобщениям, посол Бьюкенен писал об общем, проявившемся ко второму году войны, внутреннем напряжении в Российской империи. Только Нокс «обнадеживал». По его мнению, к осени 1915 г. немцы выдохлись и в текущем году не смогут более продвинуться на Восточном фронте. Но такой оборот событий возможен лишь в том случае, если русские получат военную помощь. Именно в это время русский посол Бенкендорф снова просит Ллойд Джорджа о помощи военным снаряжением. Симпатизирующие России чиновники Форин-оффиса рекомендовали своему правительству подождать с вооружением британской армии, давая оружие уже сформированным, готовым к бою русским дивизиям.

Русский вопрос стал центральным во время заседания Военного кабинета 6 ноября 1915 г. Премьер Асквит высказался в том духе, что России следует перенести центр усилий на южный фланг, на участок фронта рядом с Румынией. Для Ллойда Джорджа подобный обмен идеями носил академический характер. Для него вопрос был не в том, где русским наступать, а где им достать винтовки. Ллойд Джордж предлагал поставить этот вопрос на конференции союзников в Лондоне в конце ноября 1915 г. Подталкиваемая Западом Россия более точно определила свои военные потребности в артиллерии: 1400 гаубиц калибра 4.8 дюйма, 54 гаубицы калибра 12 дюймов.

Запад не мог выполнить в полном объеме грандиозных пожеланий своего восточного союзника, и это порождало трения. При этом в дело вчешался и личный мотив. Ллойд Джордж видел впереди пост премьера и знал при этом, что его карьера зависит от

успеха возглавляемого им министерства военных снабжений в деле экипировки именно английской армии. Это определило основную направленность потока британских вооружений. Британия вначале, союзники потом. Англичане и французы, пораженные масштабом русских запросов, обещали предоставить 200—300 гаубиц к весне 1916 г.

В ноябре 1915 г. Россия и Запад пытались спланировать, по существу, единственную крупную совместную операцию. Речь шла о Южных Балканах. 22 ноября представлявший Британию в русской Ставке Хенбери Уильямс предложил осуществить совместный удар: англо-французов из Салоник в северном направлении, а русских из Бессарабии — в южном. Предполагалось, что в ходе этой операции англо-французы оккупируют Сербию, а затем совместно с русскими войдут в Венгрию. Это открыло бы итальянцам дорогу на Вену. Этот план был подорван окончательным поражением западных союзников на Галлиполийском полуострове. Теснимые турецкими войсками, западные союзники решили полностью эвакуировать Галлиполи. План захвата Константинополя провалился окончательно. Но англо-французы не спешили уходить, потому что, как сказал лорд-хранитель печати Керзон, уход с Дарданелл «произведет самое неблагоприятное впечатление на русскую армию и народ, у которых и без того возникают подозрения в отношении нашей честности». Однако маршал Жоффр и лорд Китченер не видели возможности восстановить здесь фронт, да к тому же они считали Дарданеллы и Салоники второстепенным театром военных действий. Они не желали распылять силы. 27 декабря британский кабинет эвакуировал последние силы, оставшиеся на Галлиполийском полуострове. Попытка захватить Проливы с Запада была отставлена полностью.

Англичане, создавая грандиозную наземную армию, реформируют военное руководство. 19 декабря сэр Дуглас Хейг сменил сэра Джона Френча на посту глав-

нокомандующего британской армии во Франции. (В тот же день немцы применили против британских войск фосген, в десять раз более токсичный, чем применяемый прежде хлорин). 23 декабря 1915 года начальником британского генерального штаба становится генерал Робертсон. С наступлением «века Робертсона» Китченер в значительной степени лишается своего всемогущества, а Россия теряет в его лице стратега, который всегда высоко ценил союзническое значение России. Робертсон был более жестким национальным стратегом, менее склонным к союзнической дипломатии, и это предопределило определенное обострение разногласий, связанное, помимо прочего, с уходом великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего русской армии.

В России горечь поражений питала мысль, что союз с Британией и Францией не дает непосредственных и быстрых результатов. Разумеется, союз с Западом еще не ставился под вопрос, лояльность союзникам преобладала безусловно, но за поражения на фронтах нужно было по старой русской традиции искать виновника. Ничего удивительного, что стал расти критицизм в отношении адекватности существующего политического строя запросам и нуждам попавшей в тяжелую беду России. На Западе не без тревоги отметили этот факт; здесь стали задаваться вопросом: что думает о будущем России русская буржуазия, как относится она к исторической релевантности императорской власти? В дипломатических представительствах Запада всегда с большим интересом слушали одного из самых рассудительных (по мнению западных дипломатов) промышленников России — Путилова (у которого имелся и государственный опыт — он был одним из четырех промышленников, заседавших в Особом Совещании по снабжению, учрежденному при военном министерстве). Его оценки служили контрастом неиссякаемому оптимизму ставки и дворянского слоя. Он одним из первых

указал на закамуфлированный процесс постепенного упадка, подтачивающий здание России.

Летом 1915 г. в его прорицаниях появилась нота обреченности. 2 июня 1915 г. он указал представителям Антанты на неизбежность революционного взрыва. Поводом послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того что образованный класс в России являет собой незначительное меньшинство населения. Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Величайшим преступлением царизма, утверждала устами Путилова русская буржуазия, является то, что он не создав иного очага политической жизни, кроме бюрократии. Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая, что спасают Россию. Но от буржуазной революции Россия тотчас же перейдет к революции рабочей, а немного позже к революции крестьянской. Начнется ужасающая анархия длительностью в десятки лет. Такая футурология казалась тогда сугубо фантастической. Но западные наблюдатели не могли игнорировать первостепенного носителя западного сознания — успешного промышленника и финансиста. К тому же они были уверены, что так думает не только просвещенный фабрикант, не желающий носить розовые очки.

Запад в лице своих представителей в Москве и Петрограде стал отмечать, что по вопросу о войне оппозиция вызревает и в недрах самого правящего класса. В июле 1915 г. группа влиятельных лиц — министр внутренних дел Маклаков, обер-прокурор синода Саблер и министр юстиции Щегловитов — начала открыто доказывать императору Николаю, что Россия далее не может продолжать войну (только в ходе майских боев

на реке Дунайце число пленных, захваченных немцами, составило триста тысяч человек). Но и те, кто стоял за безусловное продолжение войны, изменили тон. Теперь они считали, что войной должны руководить другие люди. 19 июня 1915 г. в Москве собрался съезд Земского союза и Союза городов. Уже на открытии князь Львов вынес приговор правящей олигархии: «Задача, стоящая перед Россией, во много раз превосходит способности нашей бюрократии. После 10 месяцев войны мы еще не мобилизованы».

То был первый удар грома, и Запад этот удар не расслышал. Была ли в том вина его дипломатов? Едва ли: Множество русских было уверено в незыблемости старого порядка, в несокрушимости пирамиды царской власти. Бьюкенен и Палеолог беседовали с передовыми умами русского общества, советовали не беспокоиться о конечной судьбе русского монолита. Так, издатель «Нового времени» Суворин характеризовал вызванные московским съездом ожидания абсолютно эфемерными: «Я знаю свою страну. Этот подъем не продлится долго — и мы вновь погрузимся в апатию. Сегодня мы нападаем на чиновников; мы обвиняем их во всех тех несчастях, которые случились с нами, но мы не можем без них обойтись. Завтра, по лености, по слабости, мы опять отдадим себя в их когти». Посол Палеолог, ищущий, где же правда русской жизни, слышит такой комментарий: «Тургенев, знавший нас в совершенстве, пишет в одном из своих рассказов, что русский человек проявляет необыкновенное мастерство исключительно ради того, чтобы провалить все свои предприятия. Мы собираемся взлезть на небо. Но, отправившись в путь, быстро приходим к выводу, что небо ужасно высоко. Тогда мы начинаем думать только о том, как бы упасть возможно скорее и ушибиться как можно сильнее».

Но объективный анализ положения был все же возможен. С исчезновением представлений о скоротечности войны, она (война) стала испытанием на кре-

пость российского государственного устройства, на степень солидарности народа, на способность ставить перед собой реалистические цели. Критически мыслящие русские в 1915 г., когда стало ясно, что война продлится долгие годы, справедливо усмотрели опасность в том, что перед русским народом, подвигнутым на жертвы, нет ясной цели. Если от русских мужиков в шинелях требуют жертв, необходимость которых они не понимают, их патриотический порыв обречен.

Потеря к августу 1915 г. Польши сделала ощутимыми зачатки социального разложения и национального распада. Армия еще была полна героизма, но она все меньше верила в победу, ощущая, что ее приносят в неоправданную жертву. За упадком героического воодушевления стала видна грань, за которой наступал упадок духа, пассивная покорность судьбе. На дальнем горизонте встал вопрос о том, кто ответственен за пуск корабля в плавание, к которому он не был готов.

Важное движение мысли обнаруживается в русском руководстве по мере того, как война показала действительную силу могучей Германии. Первоначальная уверенность в возможности коренным образом ослабить Германию уступает место сомнениям. Сазонов и его министерство иностранных дел были последними в еомнениях о возможности европейской жизни «сейчас и в будущем». После поражений 1915 г. Сазонов уже не тот, что прежде. В мемуарах он уже пишет, что Германия, ввиду своих ресурсов, индустриального потенциала, образованности населения и географического положения, в любом случае останется великой державой. Союз с Западом в свете этого становится не проблемой выбора, а делом абсолютной необходимости. Раненая Германия будет смертельно опасна — такова новая подспудная линия размышлений русских политиков. (Сазонов с горечью признает в меморандуме императору в апреле 1916 г.: «Мы должны быть готовы к тому, что германский вопрос будет актуален на протяжении

многих десятилетий... Я не предвижу препятствий к достижению согласия с союзниками по вопросу о демаркации русско-германской границы... Мы должны провести границу с Германией правильно в политическом смысле, мы должны создать такую границу Польши, которую Европа могла бы успешно защищать от новых посягательств Германии на установление своей политической гегемонии»¹⁶¹.

Одним из инструментов, обеспечивающих надежный союз с Западом, по мысли Сазонова, должно было стать совместное управление Китаем. В Лондоне Э. Грей в конечном счете согласился с ним.¹⁶² Учитывая интересы России в Европе, Сазонов убеждал председателя Совета министров Горемыкина в необходимости договориться на Дальнем Востоке с Японией.¹⁶³

Немцы ищут рычаг

Разумеется, немцы возлагали надежду на то, что неудачи войны ослабят союз России и Запада. В Берлине надеялись, что у противников войны с Германией возобладает следующая логическая схема: цели России связаны с Турцией и Австро-Венгрией; зачем же двум династиям, Романовым и Гогенцоллернам, вести яростную братоубийственную войну, ослабляя друг друга и радуя соседей? Такие ожидания становились все более обоснованными. Впервые с начала войны в среде правящего класса России получает хождение тезис, что мир с Германией является условием русского развития, что она не должна бросать свою армию на германские пулеметы, если все мыслимые национальные цели России связаны вовсе не с поражением Германии. В глубине России, стараясь не касаться огнеопасного вопроса союзнической лояльности, возникает оппозиция страшному и бессмысленному взаимострелблению русских и немцев. Было бы верхом наивности связывать

возникновение оппозиции войне только происками немцев. Но организованное германское воздействие на русские умы тоже имело место. В июле 1915 г. Альберт Баллин, известный судовладелец, сообщил Бетман-Гольвигу, что Россия готова заключить мир и что она сражается только под давлением Британии и Франции. Довольно неожиданно претендовать на роль примирителей России с Центральными державами взялись японцы. Их посол в Стокгольме Усида заявил, что в будущем его страна будет вынуждена пересмотреть систему своих союзов. (Речь шла, естественно, о японо-британском договоре, срок действия которого истекал в 1921 году).¹⁶⁴ Инициативой японцев постарались воспользоваться прежде германские военно-морские круги. Адмирал Тирпиц предложил Бетман-Гольвегу подумать над идеей союза между Германией, Россией и Японией, главная направленность которого была бы против Британии и, возможно, Соединенных Штатов.¹⁶⁵ Германские представители Стиннес и Люциус предприняли попытку выяснить: не может ли японское правительство призвать русское правительство послать своих представителей (тайно, возможно, лишь одного человека) на переговоры с немцами в Стокгольме? Усида обнадежил своих собеседников: союз с Британией не представляет собой препятствия для переговоров о союзе между Германией, Россией и Японией. (В качестве предварительного условия он требовал отказа Германии от своих островов в Тихом океане и от зоны Киаочао в Китае). Стиннес был давним сторонником союза с Россией против Запада — только этот союз обеспечит Германии необходимые ей границы на Западе и гарантирует ей конечное преобладание здесь.

Ключевой фигурой в данной игре оказался министр иностранных дел Ягов — но он не был настроен столь решительно решать германские проблемы на Западе при помощи России. Он позволил своему послу в Швеции Люциусу осторожно прощупать возникающие

возможности. (Собственно, фон Ягов хотел лишь договоренности о нейтралитете России, а не о союзе с ней). Но Ягов вполне понимал глобальную значимость японских увертюр и вполне использовал предложенный японцами вариант в своих размышлениях о будущем. Ягов объяснял свой скептицизм в отношении союза с Россией тем, что эта страна слишком ослаблена внутренними распрями и в качестве союзника значительно интереса не представляет. Германии нужна нейтральная Россия.¹⁶⁶ «Я не принадлежу к тем, кто хотел бы союза с Россией любой ценой лишь для того, чтобы нанести сокрушительный удар Британии. Россия — слабый партнер».

Более того, Ягов в сентябре-октябре 1915 г. был энергичным и откровенным сторонником аннексии русских территорий на северо-западе. Он послал тайного советника М. Серинга с инспекцией этих территорий. Доклад Серинга послужил основой для последующей выработки германской политики в отношении России на этом участке. В нем предлагалось провести границу между двумя государствами по линии — озеро Пейпус-Дрина-Ровно-река Збруч (что почти буквально совпадает с установленными в 1920 г. границами России). Главными целями германского освоения должны были, по мнению Серинга, стать Литва и Курляндия. Серинг был уверен, что десяти процентов немецкого населения (уже проживавшего здесь) будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело, а там, где возникнут трудности, поможет поток германских переселенцев, которых следовало расселять на землях русской короны, в имениях крупных русских землевладельцев, на землях русской церкви. Серинг также рассчитывал на два миллиона германских колонистов во внутренней России, которых он выделял как этническую группу с самым высоким уровнем рождаемости в Европе. Через два-три поколения Курляндия станет полностью германской.

Труднее будет проходить германизация Литвы — здесь Серинг верил в привлечение на сторону Германии наиболее производительных крестьян, которым допуск на германский рынок давал многое. Поляков отсюда следовало депортировать.

Наиболее видным идеологом раздела России в 1915—1916 гг. становится Т. Шиман, полагавший, что русское государство не является продуктом естественного развития, а конгломератом народов, удерживаемых вместе искусственно монархией, которая дегенерировала в деспотию.¹⁶⁷ Первое же историческое испытание сокрушит Россию. Он требовал легитимизации права каждого народа на сепарацию. Его взгляды получили значительное распространение среди военных и части германского общества. Возглавляемая Шиманом группа ученых, публицистов и идеологов (Я. Хадлер, П. Рорбах, Клас, Лезиус) требовало управления западными землями России «на римский манер». Такие историки как Ф. Майнеке, Х. Дельбрюк, Д. Шефер выступили адвокатами колонизации России.

Административная система управления оккупированными русскими землями получила в ноябре 1915 г. обозначение «Оберост» — ее высшими руководителями стали Гинденбург и Людендорф.¹⁶⁸ Эта администрация проявила чрезвычайную энергию и подлинно прусский дух в осуществлении германизации восточных земель. Официальным языком стал немецкий, система обучения вводилась немецкая. Людендорф изучал демографическую статистику как боевые сводки. В 1915—1917 годах в Берлине проводились конференции по колонизации западных областей России.¹⁶⁹ «Фёлькиш — народные компоненты германской политики выделились очень явственно в процессе колонизации... Идея репатриации русских немцев возникла в рейхсканцелярии уже в декабре 1914 г... Если бы эти идеи были реализованы, результатом был бы «оборонительный вал» Германии против восточно-центральной Европы».¹⁷⁰

Новый главнокомандующий русской армии

На Западе продолжали считать, что союз с Россией нерасторжим. Историк А. Тойнби указывал в 1915 г.: «Россия присоединилась к битве на стороне свободы наций. Если ее усилия в совместной с Западными державами борьбе решат ее исход в пользу нашего общего дела и мы осуществим столь желаемое переустройство Центральной Европы на национальной основе за счет германского и венгерского шовинизма, у России не будет ни воли, ни силы далее сдерживать процесс приведения в порядок собственного дома... Россия положила свои руки на плут истории, и она уже не может избежать своей участи».¹⁷¹

В то же время «единство Российской империи соответствует интересам почти всех национальностей, составляющих ее». Тойнби указывал и на главную угрозу: «Малороссийский элемент образует почти треть всей расы, и, если он будет оторван от основной массы и создаст собственную орбиту притяжения, это в критической степени ослабит всю систему... братоубийственная борьба ослабит силу обоих фрагментов и повредит концентрации их энергии». Результатом будет, в худшем случае, крушение Российской империи, в лучшем — продолжительный политический паралич. Чтобы избежать этой катастрофы, малороссы должны отбросить свой партикуляризм и абсорбироваться в неделимой общности «Святой России».¹⁷²

Проантантовские силы в России в самые тяжелые дни отступления русских армий создали широкую политическую коалицию, которую олицетворял в Думе «Прогрессивный блок» — союз основных политических партий ради достижения победы. Царь произвел ряд персональных перемещений. Как уже говорилось, в середине июня 1915 г. военным министром вместо Сухомлинова стал инициативный генерал Поливанов. Создаваемые по всей России Военнопромышленные комитеты — их число превысило 220 — явились, по

существованию, последней попыткой России достичь самодостаточности в условиях войны индустриального века. 20 июня 1915 г. создается Особое совещание по обороне, которое мобилизует силы русской буржуазии для создания базы производства вооружений на русской земле. Был поставлен исторический вопрос: достаточны ли эти силы?

Союз с Западом поставил под вопрос и древнейшее русское установление — монархию. В этот час поражения император Николай Второй совершил шаг, против которого его уговаривали все министры и в пользу которого безоговорочно выступала лишь его супруга. Он принял личное командование над русской армией. На заседании Совета министров Сазонов со всей страстью выступил против этой идеи. «Это настолько ужасно, что в моем сознании полный хаос. Россию толкают к краю пропасти». Министр Кривошеин: «Россия переживала и более тяжелые времена, но никогда не было времени, когда бы все возможное было бы сделано для усложнения уже невозможной ситуации... Мы сидим на бочке с порохом. Нужна единственная искра, чтобы все взлетело в воздух... Принятие императором командования армией — это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал».¹⁷³

Царь Николай объяснил этот свой шаг крайностью положения и исторической ответственностью монархии. И «да будет на то воля Господня, — так прокомментировал он свое решение перед императрицей и Вырубовой. — Новая страница открывается, и только Господь Всемогущий знает, что будет на ней написано».¹⁷⁴ Нужно отдать должное его пониманию национальной жертвы, ставящей вопрос об ответственности верховного правителя. Но рассуждения его в эти дни никак не могли вызвать радужных надежд и оптимизма у западных послов: «Быть может, для спасения России необходима искупительная жертва. Я буду этой жертвой». Такая постановка вопроса пронизана обреченно-

стью. В донесениях посла Палеолога мы читаем такие строки: «Когда мистицизм заменяет собой государственный разум, положение становится безнадежным. Отныне я готов ко всему». Он впервые шлет в Париж пессимистический прогноз развития событий в России: «До самого последнего времени можно было верить, что раньше конца войны не следует ожидать революционных беспорядков. Я не мог бы утверждать этого теперь. Вопрос отныне заключается в том, чтобы знать, будет ли в состоянии Россия выполнять действенным образом свое назначение как союзница».

Англичан тоже беспокоило принятие царем функций верховного командования армией. Беседуя с царей, посол Бьюкенен заметил, что разделяет опасения совета министров по поводу этого решения царя. В случае неудач русской армии династия будет поставлена под удар. К тому же «совмещение обязанностей самодержца великой империи и верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека».¹⁷⁵

Немцы были удовлетворены уходом князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего — они считали его жестким, умелым противником, обладающим железными нервами. Некоторые его стратегические идеи Людендорф оценивал как в высшей степени смелые и блестящие. Немцы справедливо не рассчитывали встретить подобную стратегическую мысль у занявшего критически важный пост царя Николая.

Осторожные иностранцы, критикующие царское решение, не знали характера императрицы Александры Федоровны. Мистицизм совмещался в ней с твердой убежденностью в том, что долг обязывает монарха быть твердым, даже демонстративно твердым. Императрица не только не разделяла опасения послов, но, напротив, полагала, что ее супругу следовало взять на себя главнокомандование с самого начала войны. Западные представители по достоинству оценили волевой порыв императрицы. Она демонстрировала большую твердость,

чем супруг. Бьюкенен предполагал, что в результате обращенности императора к военным делам царица Александра Федоровна станет «фактически управлять Россией». Впрочем, она и не скрывала своих новых амбиций. «Царь, к сожалению, слаб, — имела смелость публично утверждать она, — но я сильна, и буду такой и впредь».

«Так началось, — пишет Б. Линкольн, — роковое партнерство двух родившихся не под счастливой звездой суверенов, которые не ощущали ни собственной ограниченности, не исключительной сложности захватившего их политического течения. На фронте Николай, не получивший надлежащего образования стратег и неумелый администратор, командовал русскими армиями, в то время как Александра, убежденная в том, что проницательность в государственных делах «исходит не от мудрости, а от некоего инстинкта, даруемого Богом», играла роль самодержца в Петрограде».¹⁷⁶

На четырнадцатом месяце великой войны Николай Второй прибыл в Могилев. В недоброе время взялась царская чета за прямое управление Россией. Страна потеряла Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии. Подошел к концу государственный ресурс, что-то надломилось в русском государстве. Именно тогда Брусилов написал, что, став главнокомандующим, «царь нанес последний удар по себе».¹⁷⁷ Генерал Алексеев подсчитал, что лишь семеро из десяти воинов на линии фронта имели ружья. Армия нуждалась во всем — в телефонах, телефонном проводе, противогазах, гимнастерках, сапогах. Свое место в рабочем вагоне император занял со слов о милости Божьей.

Начиная с 5 сентября, царь Николай, этот деликатный и внимательный человек, живет в скромном вагоне стоящего в тупике поезда, передоверяя основные военные решения подлинному таланту этих грустных дней — генералу Алексею. Рядом губернский город Могилев, где в губернаторском доме жил столетием

ранее наполеоновский маршал Даву; некоторые дома помнят полководцев Стефана Батория, где Петра Первого встречали с хлебом и солью и где Екатерина Вторая повстречалась с австрийским императором Иосифом Вторым. Николай Второй писал о «прекрасном виде на Днепр и на окрестные дали».¹⁷⁸

Теперь Бьюкенен уже не говорил царю лестных слов о русских и англичанах, как о грядущих хозяевах земли и моря. Напротив, обеспокоенные поражениями своего союзника, западные державы стали указывать на слабые места своего восточного партнера. Во время аудиенции 5 ноября 1915 г. речь шла о базовой некомпетентности русского экономического механизма. Британский посол говорил царю, что «передаваемые ранеными солдатами рассказы о поражениях и колоссальных потерях, вызванные отсутствием снаряжения — следствие некомпетентности и коррупции чиновников — произвели большое впечатление и распространили недовольство».¹⁷⁹ Царь Николай находился во власти надежд на организуемые приготовления, — он предпочитал говорить с солнечной стороне явлений. Он утверждал, что нация сохранила сплоченность, и у него «нет страха внутренних волнений». Раздраженный этим самоослеплением, Бьюкенен позволил себе довольно дерзкий вопрос о будущем: «Я слышал очень откровенные высказывания о невозможности сохранения того порядка вещей, который привел Россию на грань катастрофы». Осознает ли царь опасность для трона; будет ли он и в будущем защищать систему, которая в годину кризиса оказалась неспособной служить русским интересам?

Волнующий характер переживаемого момента, видимо, подействовал на императора Николая. Никогда не позволял он себе делиться сомнениями с иностранцем. Но Россия и Запад сплели свои судьбы, и, повинаясь, видимо, порыву, в редкий момент откровенных сомнений царь поделится с послом своими опасениями. «Если Россия потерпит внутренний крах, Германия

воспользуется предоставившейся возможностью, чтобы восстановить потерянное влияние — она будет пытаться посеять раздор между нами, восхваляя автократию в Петрограде и демократию в Лондоне». Как видим, опасения царя касаются опасности разлада союза России и Запада. Более жестокий оборот событий еще не приходил на ум императору Николаю.

Ритм жизни в ставке был размеренным и неспешным. Николай вставал в девять утра и отправлялся в вагон Алексева, где начальник штаба докладывал ему об изменениях, происшедших за ночь — передвигал маленькие флажки на большой карте. Между одиннадцатью и часом он принимал иностранных послов, министров, советников — всех посетителей. Обед был простым; с обязательной рюмкой водки с предшествующими закусками; длился он примерно час. После обеда император возвращался в свой кабинет. В три пополудни подавали его «Роллс-Ройс», и он в компании четырех-пяти человек объезжал окрестности. Во время двухчасовой поездки император останавливался для прогулок в лесу или по берегу реки. Ужин подавали в семь, по окончании которого Николай — страстный любитель прогулок на свежем воздухе — прогуливался снова. Если погода не сопутствовала, царь слушал музыку, смотрел кино, читал легкую (преимущественно английскую) литературу.

Царь находил свою походную кровать слишком жесткой, но тут же укорял себя — тысячи воинов спят прямо в поле на траве, в траншейной грязи. Все поведение монарха не слишком отличалось от привычек его ранних офицерских лет в Красном Селе.¹⁸⁰ В могилевской штаб-квартире не ощущалось страшного напряжения, характерного для штаб-квартиры Фалькенгайна или Людендорфа, где жестокое дело войны пронизывало воздух, где высшая сосредоточенность была условием жизни.

Император мог жить размеренной жизнью только потому, что ему в высшей степени повезло с выбором

начальника штаба. Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев вышел из гуши народа и своим продвижением был обязан исключительно трудолюбию и стратегическому таланту. Пятидесятисемилетний генерал знал одну страсть — защитить отечество; и он работал не покладая рук. Невысокого роста, худощавый, он держал в своей голове всю систему военной обороны России. В тяжелое время принял он командование: армия летом 1915 г. отступала на всех фронтах; упорно и методично Алексеев старался сохранить ее боевую мощь, готовил к новым боям в ожидании лучшего. Отступая в Польшу и восточнее, он не допустил нового Танненберга и сохранил мощь русской армии. Полный решимости восстановить место России в коалиции, противостоящей Центральным державам, он день за днем восстанавливал боевую силу русоких дивизий. Он отошел от неимитируемых манер великого князя Николая Николаевича и практически перестал встречаться с сановитыми посетителями и иностранными гостями. Им владела одна страсть. Битвы 1915 г. унесли более двух с половиной миллионов людей, а пополнение едва превысило два миллиона.¹⁸¹ Но Россия больше не отступала.

Находившийся рядом генерал Лемке заносит в дневник: «Гигантская сила находилась в руках этого человека среднего роста, единственным желанием которого было служить отечеству умом и сердцем».¹⁸² Временно замещавший его Гурко отмечает «необычайную скромность, доступность и простоту одаренного умного командира».¹⁸³ Англичанин Нокс описывает Алексева как человека «простых, непритязательных манер». У него не было харизматической ауры Николая Николаевича. Лишь демонстрируя свой стратегический талант, мог Алексеев подлинно впечатлить русского генерала и иностранного гостя.¹⁸⁴ Императрица также любила Алексева — но лишь до того момента, когда он категорически отверг всякую возможность визита в ставку старца Григория.

Итак, императору Николаю по-своему нравилось

его новое место. «Мой мозг отдыхает здесь — нет министров, нет беспокоящих вопросов, требующих осмысливания. Я полагаю, что это хорошо для меня».¹⁸⁵ Николай заверял императрицу, что его воля стала тверже и что он в ставке окреп. Умный Алексеев создал такой распорядок и такие условия, которые соответствовали наклонностям монарха. Ему нравилось принимать парад, рассматривать военные карты и иметь дело с дисциплинированными людьми. Он чувствовал себя комфортно на скромных церемониальных обедах, при раздаче наград, во время аудиенций.

Новая фаза

Русское командование попыталось изменить хотя бы концовку трагического 1915 г. В середине декабря оно предприняло двухнедельное наступление в Галиции, подержанное тысячей орудий. Австрийцы, однако, устояли на своих новых рубежах. Да что там локальная операция — весь второй год войны оказался, по существу, потерян для России и Запада. Сербия была оккупирована, Бельгия и Польша оказались полностью под германским контролем. Оставление союзниками Галицийского полуострова отодвигало мечту о Царьграде и депрессивно действовало на русское общественное мнение (об этом свидетельствуют западные послы). Со всех сторон теперь слышалось (пишет Палеолог): «Ну, теперь вопрос решен — нам никогда не видать Константинополя... Из-за чего же дальше воевать?»

Во взаимоотношениях Запада и России наступает новая фаза. Наученные поражениями прошедшего года, обе стороны коалиции приходят к пониманию важности координации взаимных усилий. С запозданием, но союзники начинают координацию своих военных планов. 5 декабря 1915 г. была предпринята первая серьезная попытка синхронизировать действия союзников.

В штаб-квартире Жофра собрались руководители французской, британской, бельгийской и итальянской армий, а также военные представители России и Японии. Речь шла об одновременном выступлении в 1916 г. Одновременно финансовое соглашение от 30 сентября 1915 г. позволяет говорить о более стабильной основе экономических взаимоотношений. Лондонская ноябрьская конференция 1915 г. «большой четверки» (Англия, Франция, Италия и Россия) положила начало — хотя и запоздалому — но более упорядоченному распределению военных мощностей и наличных вооружений. Происходит своего рода отрезвление относительно взаимных возможностей. Россия с ее многомиллионной армией более не рассматривается «затормозившим паровым катком» великой коалиции. Происходит некоторое понижение ее коалиционной значимости.

На дипломатическом фронте Россия была активнее на втором году войны в балканских делах. Она пыталась помочь своим балканским союзникам. 2 декабря 1915 г. Бенкендорф представил Грею ноту, в которой русское правительство указывало на опасность попадания балканских государств — одного за другим — в орбиту Германии. В том же духе начальник генерального штаба Алексеев обратился к Жофру. Но историческая тенденция реализовывалась вопреки пожеланиям вождей Антанты. Речь зашла не об усилении активности на Балканах, а на ее сворачивании. На англо-французской конференции в городе Кале англичане (Асквит, Бальфур, Китченер) выступили вовсе не за увеличение контингента союзных войск в Греции, а за эвакуацию Салоник и уход с Балкан. Французы не были готовы с такой легкостью отказаться от балканского варианта. Во французской делегации премьер Бриан и военный министр Галиени высказались в пользу русской позиции, против ухода с Балкан. Россия не участвовала в этой конференции, и нет сомнения, что то был признак ослабления ее позиций.

Разумеется, мировой баланс был всегда умозрительен.

Но ослабление позиций России отражало прискорбные изменения реальных обстоятельств. Если в начале мирового конфликта Россия воспринималась как мощная самостоятельная величина, едва ли не способная собственными силами разделаться с Германией (уже упоминавшийся русский «паровой каток»), то по прошествии года русские генералы начали просить о помощи в военном оборудовании и оснащении. Гиганта наземных армий — Россию 1914 г. — никто и не пытался сравнивать с практически ничего не значащей в наземной силе Британией. Но через год ситуация изменилась — у Лондона возникла двухмиллионная армия, а русский порыв на фронтах угас — они просили винтовок и снарядов. Разумеется, западные союзники помнили об огромной, развернутой от Малой Азии до Скандинавии русской армии. Но общие результаты действий этой армии повлияли на оценку России как союзника.

К концу первого года войны Антанта уже не представляет собой союз равных. Ослабление России (и Франции) давало Британии шанс возглавить Антанту. Сошлемся на представленный правительству в июне 1915 г. меморандум Черчилля, в котором определялось политическое значение поражений французских и русских армий, создававших Лондону новые возможности. Британия, добавлял Черчилль, «владеет морями, в ее руках находится кошелек коалиции, она становится важнейшим арсеналом производства вооружений». У обеих сторон коалиции, России и Запада, возникали новые вопросы.

Возможная альтернатива

И все же в практическом плане союзнические отношения были достаточно равными; оба фронта решали одну — германскую задачу, и внешне наблюдалась гармония. Правда, время от времени союзники получали уко-

лы, подобные тому, который зафиксировал генерал Нокс, беседуя за рюмкой с русским генералом: «Россия не пожалела ничего для победы, тогда как Англия свободно раздавала деньги, но не жизни людей».¹⁸⁶ Но для думающих русских дело было не в чем-то умысле. «Многие русские, — пишет Б. Линкольн, — пришли к заключению, что жизнями своих соотечественников они платят за индустриальную отсталость, в то время как их союзники развили индустриальную мощь и этим прикрыли свое население».¹⁸⁷ Палеолог задумывается над тем, какие политические силы могли бы прийти на смену царскому правительству. В союзных посольствах собирали досье на ярких оппозиционеров, хотя и не прочили им, собственно, будущей государственной ответственности. Союзники признавали наличие талантливых политиков, в частности, в среде конституционно-демократической партии. Имелись в виду, прежде всего, М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и А. И. Шингарев — цвет русских либералов, люди несомненной честности, представители высокой культуры. Чиновники французского и английского МИДа менее всего видели в них революционеров. Был широко известен их политический идеал — конституционная монархия. Палеолог и Бьюкенен помнили, как во время думского заседания Милюков, подражая нравам «матери парламентов» — британской палаты общин — сказал дипломатам: «Мы не являемся оппозицией его величеству — мы оппозиция его величества».

Насколько ответственна была оппозиция, насколько она преследовала конструктивные цели, способна ли она укрепить Россию, вовлеченную в страшную схватку? На Западе отмечали и беспечный радикализм, и бесшабашную для военных лет риторику, неблагоприятные для себя черты в программных заявлениях кадетов. Тревогу вызывала общая внешнеполитическая ориентация кадетов. Здесь не закрывали глаза на то, что кадетская партия — невероятно, но факт — даже в условиях войны весьма

сдержанно относилась к союзу с Францией и Британией. Насколько можно проследить, эта традиция брала начало с 1905 г., когда после войны с Японией (и последовавшей революции) произошло явное ослабление российского государства, что сделало как никогда актуальным вопрос о зарубежном кредите. В апреле 1906 г. французское правительство дало согласие предоставить заем в два миллиарда двести пятьдесят миллионов франков, но оно предоставило этот заем непосредственно царскому правительству, а не Думе, где заглавную скрипку играли кадеты. Французы особенно и не скрывали геополитического подтекста своих действий — они желали укрепления той России, которая была их военным союзником. Укрепление царского правительства возвышало Россию, но ослабляло оппозицию, и кадеты этого не забыли. С тех пор гласно и негласно кадеты, будучи, безусловно, патриотами, все же воспринимали Антанту (и прежде всего Францию), как своего рода гарантов царизма в России, гаранта того строя, который конституционно-демократическая партия считала неадекватным национальным русским задачам и который она, не прячась особо, стремилась заменить.

Кадеты стремились как минимум преобразовать абсолютную монархию в конституционную. Были ли кадеты более деловиты, более конструктивны, чем царские чиновники, которых они готовились заменить? Западные эксперты сомневались. Лидеры конституционных демократов, как и прочие корифеи русского либерализма, были слишком умозрительными, слишком теоретиками, слишком книжными для людей действий. Понимание общих идей и знание политических систем недостаточно для управления человеческими делами: здесь необходим практический смысл, интуитивная оценка возможного и необходимого, быстрота принятия решений, четкость плана, понимание страстей, обдуманная смелость — все те качества, которых, по мнению западных дипломатов, конституционные

демократы были лишены. Будучи на дружеской ноге с русскими либералами, западные дипломаты стремились не поощрять того, что им казалось политическим безрассудством, призывали лидеров кадетов к ответственности и осторожности. Посол Палеолог советовал помнить слова руководителей «монархической оппозиции» во время французской революции 1848 года: «Если бы мы знали, насколько тонки стены вулкана, мы бы не стремились вызвать извержение». И кадеты, и их «западные коллеги», разумеется, не осознавали насколько близкими к практике российской жизни скоро станут подобные исторические аналогии.

Либерально-буржуазная среда — где демократы Запада чувствовали себя «в своей тарелке» — была не единственным сегментом русского общества, где Запад пытался определить контуры русского будущего. Послы Запада пробовали почву и в других слоях, в частности, среди рабочих партий. Именно отсюда к ним впервые пришли сведения о растущей популярности лидера большевистской фракции социал-демократов Ленине. Однажды возникнув, эта фамилия уже не исчезала. На вопрос, не является ли Ленин немецким провокатором, французским послом был получен ответ, что «Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение. — В таком случае, — пришел к выводу М. Палеолог, — он еще более опасен». На левом фланге политического спектра стала набирать силу и влияние политическая партия, руководство которой считало главной задачей дня прекращение кровопролития.

Разумеется, это сразу же делало всех социал-демократов (кроме «оборонцев») политическими противниками Запада. Но не единственными. В консервативных кругах под влиянием военных разочарований и ощущения предела мощи России тоже стало чувствоваться брожение. Здесь зрело недовольство «слепыми поклонниками Антанты», кадетами, в первую очередь. С точки зрения

консерваторов наиболее опасными для политической стабильности российского государства являлись монархисты-либералы и конституционные демократы. По мнению правых, именно эти группы — прогрессисты, кадеты, октябристы, имели общую политическую доминанту — они вольно или невольно готовили крах режима и вели общество к революции. Эта революция, полагали правые, унесет либералов в пучину в первые же дни, поскольку революционный процесс пойдет значительно дальше, но в этом мало утешения — погибнет Россия. В грядущей революции, считали правые «реалисты», преемниками либералов будут не только социалисты. За дело в конечном счете возьмется огромная крестьянская масса. А когда мужик, у которого обычно такой кроткий вид, спущен с цепи, он становится диким зверем. Снова наступят времена Пугачева, и это будет ужасно.

В уютных кабинетах западных дипломатов подобные оценки звучали еще экстравагантностями, но у послов Запада оставалось все меньше контраргументов. В Париж и Лондон шли сообщения, что, по мнению правого фланга русской политической арены, русский народ, по видимости, столь покорный, не способен управлять собою: «Когда у него ослабевает узда, малейшая свобода его опьяняет. Изменить его природу нельзя — есть люди, которые пьяны после стакана вина. Может быть, это происходит от долгого татарского владычества. Но ситуация именно такова. Россия никогда не будет управляться английскими методами. Парламентаризм не укоренится у нас», — цитировалось в дипломатической почте, идущей на Запад.

Ожесточение

Особенностью сложившейся в ходе мировой войны ситуации было то, что Британия и Франция не могли выдвинуть в качестве реалистической перспективы сепар-

ратные переговоры с противником. Для Британии это было невозможно потому, что перемирие означало согласие с доминированием Германии в Европе, что означало конец британской империи. Франция не могла помышлять о сепаратных переговорах ввиду того, что ее северо-западные департаменты были оккупированы. Россия, гипотетически рассуждая, в отличие от своих западных союзников, могла пойти на такие переговоры. Польша могла стать превосходным полем территориальных маневров (это уже было своеобразной традицией русско-германских отношений), которые принесли бы успех дипломатии сепаратного мира. Опасность такого поворота событий поневоле делала Запад своего рода «заложником» России. Разумеется, там доверяли России и ее правительству, но в Лондоне и Париже должны были учитывать то обстоятельство, что партия мира, уйдя в политическое подполье, все же существует в Петрограде. Со своей стороны, немцы, не сумев осуществить «план Шлиффена», потеряв шансы выиграть войну в одной битве, вынуждены были искать точки опоры среди сторонников сепаратного русско-германского урегулирования за линией фронта. Запад учитывал этот вариант — он никогда не покидал умственного горизонта западных политиков. Потому-то Лондон и Париж поспешили весной 1915 г. пообещать России Константинополь и проливы. Войдя в догворременный этап примерного равновесия сил на фронтах, Запад явственно осознавал, что его выживание зависит от России. Это же осознавали и в Берлине. Секрет успеха здесь стали все более видеть в расколе коалиции.

В Берлине спешили «капитализировать» ситуацию германских побед на русском фронте. В июле 1915 г., на пике германских побед в России, даже противник России канцлер Бетман-Гольвег пришел к выводу, что лучшего времени для заключения мира с Россией может не представиться. В течение 1915 г. Германия стала прилагать силы, чтобы «оторвать» Россию от Запада. Действия ос-

новывались на трех базисных установках: 1) Гогенцоллерны и Романовы должны побеспокоиться о сохранении своих династий; 2) Германия может помочь России там, где у нее особые интересы (прежде всего, Польша и Проливы); 3) дружба двух монархий исключительно выгодна России политически и экономически. Нам важно отметить, что обещалось России в случае договоренности: сохранение Польши, «за исключением «исправления стратегической границы». В случае же насильственного решения вопроса Польше предстояло быть связанной с Германией и Австрией военным союзом. Был ли русский царь восприимчив к аргументам Берлина? У Запада в общем и целом никогда не возникало сомнений в лояльности императора Николая Второго как союзника по мировой коалиции. Царь сделал выбор, он определил для себя две главные задачи своего царствования: ликвидировать зависимость от Германии в экономике; найти способ примирения с главным антагонистом предшествующего столетия — Британией. Решение этих двух задач было необходимо, по его мнению, для развития огромных ресурсов России. Испытание ужасающей войной не поколебало эти идеи — он никогда в годы войны не отступил от этой схемы. Но немцы решили попробовать. Согласно выработанной в Берлине концепции, если бы мир был заключен в 1915 г., то это означало бы восстановление предвоенного положения. Россия сохранила бы примерно позиции середины 1914 г. По согласованию со своим послом в Константинополе, германский канцлер начал доводить до мнения правящих кругов России ту точку зрения, что русские союзники — Британия и Франция — просто не в состоянии решить стратегическую задачу России — овладение Проливами. Только Германия может гарантировать свободный проход русских судов через Босфор и Дарданеллы, может обеспечить России особый статус в Константинополе. Чтобы «подготовить Россию» к повороту в сторону Германии, канцлер Бетман-Гольвег оказал давление на Турцию, и та в конечном счете согла-

силась гарантировать России «право экономического и военного использования Проливов». Взамен она потребовала отмены знаменитых «капитуляций», ограничивавших ее суверенитет над собственной территорией.

Бетман-Гольвег стремился передать царю, что, с одной стороны, территориальные требования Германии минимальны; с другой стороны, что продолжение войны грозит для династии Романовых революцией и потерей короны. Еще дальше немцев в середине 1915 года пошли австрийцы. Верховный главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф после возвращения Галиции и захвата Варшавы стал считать необходимым не только предложить России сепаратный мир, но и военный союз. Каналами передачи русским этой важной для них информации служили такие аристократы, как великий герцог Гессенский, граф Эйленбург, княжна Васильчикова, промышленники Фриц Вартбург и Андерсен.

Неизвестно, испытывал ли царь сомнения, но известно его отношение к попыткам прогерманских элементов увести его с этого пути. Союзная дипломатия зафиксировала, по меньшей мере, две такие попытки. Обе они пришлись именно на конец 1915 г., когда русская армия едва сохранила способность сопротивляться. Первая попытка пришлась на начало декабря, когда министр царского двора граф Фредерикс получил письмо от своего берлинского друга графа Эйленбурга с предложением «положить конец недоразумению между двумя государствами». Когда Фредерикс — воплощение дояльности династии Романовых — начал читать это письмо, Николай, видимо, ощутил опасность для самых дорогих для него замыслов. Он прервал Фредерикса: «Читайте по-русски, я не понимаю по-немецки». Прослушав письмо, царь подчеркнул то место, где говорилось о «старой дружбе», и написал на полях: «Эта дружба умерла и похоронена». Царь отказался представить какую-либо форму ответа, так как таковой мог быть истолкован как начало диалога, а этого он хотел избежать в любом случае.

Вторая попытка найти каналы германо-русского примирения последовали через несколько дней. В Петроград из Германии прибыла родовитая аристократка Васильчикова с просьбой германской стороны уговорить царя заключить мир. Великим герцогом Гессенским ей было поручено сообщить симпатизирующим русско-германскому сближению элементам русского общества, что император Вильгельм готов гарантировать России самые выгодные условия мирного урегулирования. Чтобы усилить притягательность германских предложений, сообщалось, что Англия якобы уже предлагала Германии сепаратный мир. Главная линия аргументации сводилась к тому, что примирение между Германией и Россией необходимо для спасения двух династий в наступающую эпоху невиданного социального брожения. Немцам и австрийцам пришлось ожидать недолго. Царь и Сазонов, которым были переданы два письма с указанным содержанием, не видели еще угрозы трону и не восприняли германской аргументации. Чтобы не подвергнуть сомнению свою лояльность союзу с Западом, они полностью игнорировали письмо Васильчиковой. Более того, царь сослал Васильчикову в ее поместье, косвенно обвинив ее в измене. Но проблема от этого не исчезала — нужно было либо побеждать, либо сдаваться. Россия, русское общество хуже всего переносили именно срединное положение, когда требовался не жертвенный героизм, а будничная выдержка.

3 августа царь Николай в третий раз за время течения войны твердо сказал «нет» на предложения Центральных держав. Посредник Андерсен объяснял Бетман-Гольвегу в Берлине 9 августа 1915 г., что русские не ощущают себя побежденными, что огромная территориальная глубина России позволяет ей с меньшим трагизмом смотреть на потерю Польши и Курляндии. По мере того как стало ясно, что царь и его окружение не пойдут на сепаратный мир, германская сторона с разочарованием отставила династический подход — фактор дружбы двух императоров. Пожалуй, это был

последний случай, когда машина германского правительства с Бетман-Гольвегом во главе энергично попыталась найти пути примирения с Россией. Поражение июльско-августовских попыток выхода на мирный рубеж привело Бетман-Гольвега к выводу, что выбор у Германии один — не брезгуя ничем, следует ослабить неговорчивых восточных славян. Теперь он лишился надежды на обоюднo-обусловленный договорный мир и стал стремиться всеми способами создать положение, при котором этот мир можно будет продиктовать.

«Нет» царя привело к тому, что Бетман-Гольвег написал 11 августа 1915 г. императору Вильгельму: «Если развитие военных операций и события в России сделают возможным отбрасывание Московской Империи на восток и лишение ее западных провинций, тогда наше освобождение от этого восточного кошмара будет целью, достойной усилий, великих жертв и исключительного напряжения этой войны».¹⁸⁸

Решительный отказ царя скорректировать свои геополитические интересы, поставил перед Германией вопрос о выживании. Впервые его условием стало расчленение России. Отныне акцент в германской политике стал переноситься на новый элемент российской реальности — на революционные элементы. В Берлине впервые стали размышлять о позитивной стороне дезинтеграции России. Здесь стали изучать «позитив» подрывных действий: коллапс России создать в Восточной Европе гряде мелких государств, подвластных германскому влиянию. В истории России, устремленной Петром на Запад, наступает новая глава.

«Необходимость не знает законов»

Идея окончательного ослабления России завладевает фон Яговым, еще одним (наряду с Циммерманом) сильным человеком в аппарате германской внешней

политики, всегда полагавшим, что неевропейский характер огромной России представляет первостепенную угрозу для Германии. 2 сентября 1915 г. он представляет императору и правительству пространный меморандум о восточной угрозе. «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние Западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за ним, фундаментально византийско-восточная культура отделяет русских от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной по отношению к германо-латинским народам Запада».¹⁸⁹ Панславизм, выступивший в виде протеста против Запада, подорвал «традиционную дружбу династии» с Германией. На полях меморандума Вильгельм Второй добавил: «И французские деньги».

Стараясь оторвать Россию от Запада, немцы стали ставить на внутренний раскол. Как сказал канцлер Бетман-Гольвег по другому поводу, «необходимость не знает законов». Этой необходимостью для немцев стало уничтожение русского государства. Созданная при благожелательном отношении России Германская империя в роковой для себя час отринула идейное наследие Бисмарка и поставила на уничтожение России любым способом. Германский посол в Дании Брокдорф-Ранцау пришел в декабре 1915 г. к выводу: «Германии смертельно грозит русский колосс, кошмар полуазиатской империи московитов. У нас нет альтернативы попытке использовать революционеров, потому что на кону находится наше существование как великой державы». Пользуясь растущим в Берлине влиянием группировка во главе с министром иностранных дел фон Яговым начала занимать ту позицию, что династия Романовых решительно предала дружбу с Гогенцоллернами,

и поэтому династические соображения потеряли всякий смысл. Нельзя сказать, что немецкие дворяне не боялись социальных сдвигов. Так, Ранцау видел риск в провоцировании революции, но полагал, что социальную революцию можно будет контролировать, что самые жесткие проявления социальной стихии можно будет сдержать. После внутренней борьбы в конечном счете идея революционного отрыва России от Запада была поддержана самими кайзером Вильгельмом Вторым, канцлером Бетман-Гольвегом, Яговым, Циммерманом и будущими канцлерами Михаэлисом и Гертлингом.

Среди военных эту идею после колебаний поддерживали действительные вожди Германии — Мольтке, Фалькенгайн, Гинденбург и Людендорф. Германия встала на свой крестный путь и готова была использовать любые средства для спасения. Реализация действия в этом направлении была возложена на посла Ранцау в Дании, посла Ромберга в Швейцарии, Вангенхайна в Турции, Люциуса в Швеции. Так, благородные революционные идеи стали разменной картой германского империализма.

Параллельно с подготовкой социального взрыва в России Берлин обратился к потенциалу национализма в многонациональной Российской империи. В конечном счете вопрос о создании буферных государств, выделенных из территории России, стал основой немецкой политики в отношении восточного противника. В отношении сохранения трона в России позитивным было мнение кайзера, который в 1915 г. еще склонен был сохранить династию Романовых «против правительств, состоящих из адвокатов, правящих Западом». Становящийся одним из главных организаторов подрывной работы против России немецкий посол в Дании Брокдорф-Ранцау, в отличие от Вильгельма, уже в декабре 1915 г. потребовал свержения Романовых: «Было бы катастрофической ошибкой ныне придавать серьезный вес нашей традиционной дружбе с Россией, то есть с династией Романовых».¹⁹⁰ С его точки зрения, Романовы выказали Германии черную

неблагодарность в отношении поддержки, оказанной России в борьбе с Японией. И потом, стоял вопрос о самом существовании Германии. Если она не расколет фронт своих противников, то будет задвлена. Единственный способ избежать этой смертельной опасности — дестабилизировать Россию: «Если мы вовремя сумеем революционизировать Россию и тем самым сокрушить коалицию, то призом победы будет главенство в мире». И так, если военной мощи окажется недостаточно, Германия должна ликвидировать русскую мощь посредством революции.¹⁹¹ В конце 1915 г. германское министерство иностранных дел и министерство финансов выделили дополнительно сорок миллионов марок для революционной борьбы в России до января 1918 г. Копенгагенский штаб состоял из восьми человек, еще десятеро объезжали революционные центры России.

С сепаратистскими планами приступили немцы и к Средней Азии. Немецкой точкой опоры был Тегеран — отсюда они вели подрывную работу и пропаганду. С немецкой методичностью были начаты усилия по стимулированию прежде не проявлявшего себя сепаратизма Закавказья и Средней Азии. Более желанная цель Германии лежала ближе — Грузия. В Константинополе был создан фонд, целью которого было поднять Грузию против России. В Германии жил ряд грузинских эмигрантов, рассчитывавших на помощь кайзеровского правительства в процессе отделения ее от России. Берлин готов был, ради помощи со стороны грузинских националистов, заранее признать независимость Грузии от России, но в данном случае турецкое правительство выступило резко против. Немцам пришлось немало выкручивать руки своим турецким союзникам, прежде чем те летом 1915 г. подписали документ, обещающий грузинам автономию (нужно отметить, что и этот документ подписал не великий визирь, а второстепенный турецкий чиновник).

Берлинские грузины в сентябре 1914 г. предлагали следующее: Грузия становится королевством во главе с

центральноевропейским принцем, армянские и азербайджанские территории возглавляются турецкими принцами, и все вместе они составляют т. н. Кавказскую федерацию. По германской инициативе на турецкой территории (в Трапезунде) был создан Грузинский легион во главе с германским капитаном — графом фон дер Шуленбергом. Германские подводные лодки высадили грузинских агентов близ Батуми. Их призывы изменить России пока не имели массового успеха.

Но главным призом немцев, конечно же, являлась Украина. Наиболее привлекательным стало видеться отделение от России ее кровной сестры, второй по величине и значимости части страны. Бетман-Гольвег и Ягов начиная с 1915 г. стали использовать в целях реализации сепаратистской сецессии украинский национализм, направляя усилия из Бухареста, Константинополя и Берна. Они твердо полагали, что выделение Украины лишит Россию статуса мировой державы. Так началась операция по разъединению двух народов-братьев. Германский и австрийский штабы готовили крупную акцию, предполагающую помощь украинским сепаратистам. Именно на Юге они хотели нанести России решающий удар. Во главе подрывной работы на Украине стоял германский генеральный консул во Львове Хайнце.¹⁹² Но основную работу под его началом в первый период войны проводили австрийцы. Германский исследователь пишет, что униатский архиепископ во Львове поддерживал эту активность сепаратистов в надежде разрушить связи тридцати миллионов украинских православных с Москвой и привести их в лоно униатской церкви, подчиняющейся римскому папе.¹⁹³

С началом военных действий группа украинских националистов создала под руководством Хайнце «Лигу освобождения Украины». Германия стала оказывать этой лиге постоянную финансовую помощь. Украинские крестьяне получали написанные в педантичном германском стиле описания того, сколь великой была Украина во

времена гетманов. Но те чувствовали себя частью славянской семьи, и эта пропаганда, как признавали сами западноукраинские вожди сепаратизма, успеха не имела. Эти сепаратисты подсказали немцам, что нужно сосредоточиться на земельном вопросе, а не на полусказках о прежнем величии. Социальный агент, однако, не нравился австрийцам, и они охладели к Лиге. Дело раскола двух славянских народов полностью взяли в свои руки немцы. Именно они с начала 1915 года полностью финансировали деятельность Лиги, чьи отделения работали под прикрытием германских посольств в Константинополе и Бухаресте, откуда агенты засылались в Одессу и другие черноморские порты. Известный ренегат российской социал-демократии Гельфанд в исследовании, подготовленном в марте 1915 года, определял активизацию украинского национализма как главное орудие раскола Российской империи. Немцы начали отделять военнопленных украинцев от русских и подвергали их методической индоктринации, чтобы сделать из них борцов за украинское отделение. Под руководством регирунгспрезидента Шверина был создан особый штаб для контактов с украинцами. На немецком языке была создана целая библиотека литературы о значении Украины и ее экономических возможностях. Такие деятели кайзеровской Германии, как Пауль Рорбах и Альберт Баллин, встали во главе «украинской партии» среди немцев, утверждая, что в Киеве лежит ключ к общеславянской победе Германии.

Австрийцы тоже старались не упустить своего шанса. Поражение русских в Польше и Галиции привело к тому, что австрийский посол в Берлине Гогенлоэ стал всерьез рассматривать проект создания вассального украинского государства в составе Двусединой монархии — для этого нужно было вызвать лишь дезинтеграцию России. После украинцев в лагерях военнопленных начали отделять также грузин, финнов, мусульман. Особое внимание вызвал у Хайнце польский и еврейский вопросы. Последний был

назван «третьим по значению после украинского и польского». Германский историк Фишер считает, что в Германии «евреи России рассматривались как квазигерманский элемент, возможно, учитывая их идиш». ¹⁹⁴ Немцы учитывали эффект погромов. В первые же дни войны (17 августа) было дано официальное благословение для создания в Германии «Комитета освобождения евреев России», работу которого возглавлял берлинский социолог профессор Франц Оппенхаймер. В обращении к русским евреям, подписанном Верховным командованием германской и австрийской армий, содержится призыв к вооруженной борьбе против России. Русским евреям обещались «равные гражданские права для всех, свободное отправление религиозных обрядов, свободный выбор места жительства на территории, которую оккупируют в будущем Центральные державы». В направляемых в Россию листовках обещалось изгнать «москалей» из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. «Свобода идет к вам из Европы!» ¹⁹⁵

Теперь, полагал Ягов, следует превратить Польшу — славянское государство без монгольского элемента — в буферную зону. Теперь, «когда мы отбрасываем русский кошмар на восток, по меньшей мере, линия Митау-Буг должна рассматриваться как желательная военная цель».

Дезинтеграция России: социальный аспект

Особое значение правители Германии придали революционным силам, способным, по их все более влиятельному мнению, сокрушить государственный строй России. Они использовали известного русского революционера (ставшего финансовым экспертом турецкого правительства) Парвуса — Гельфанда. Его воззрения оказались чрезвычайно близкими идеям канцлера Бетман-Гольвега. Гельфанд: «Русская демократия может реализовать

свои цели только посредством полного сокрушения империализма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется полного успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров». ¹⁹⁶ Так германский империализм пришел к идее сокрушить Россию посредством комбинации социальной и национальной революций.

Идеи Гельфанда были однозначно поддержаны Бетман-Гольвегом, Яговым и Циммерманом. Канцлер Бетман-Гольвег назначил для связи с Гельфандом свое доверенное лицо — Курта Рихтера. Вскоре Гельфанд был приглашен в Берлин, и ему было предложено письменно изложить свои идеи. Пространный меморандум Гельфанда был завершен в марте 1915 года. Главной идеей было обоснование необходимости организации в России массовой политической забастовки под лозунгом «Свободы и мира». Центральным пунктом забастовочной борьбы должен был стать Петербург как центр оборонной промышленности, железнодорожных коммуникаций и доков. Гельфанд рекомендовал способствовать созыву конференции русских социалистов всех политических оттенков для начала «энергичной борьбы с абсолютизмом». Он считал такое объединение возможным, так как лидер радикальных социалистов Ленин сам выдвинул идею всеобщего сотрудничества социалистов. Поскольку влияние германских социал-демократов было наиболее сильным среди меньшевиков, то представлялось возможным создание основы для русской социалистической консолидации. Гельфанд полагал, что, безусловно, можно будет заручиться поддержкой и социал-революционеров, если и не в деле организации всеобщей забастовки, то для оказания влияния на крестьян. Особенно важной Гельфанд считал революционизацию Сибири, поскольку ее представители

в Думе были социалистами. Он считал перевод ссыльных революционеров из Сибири в Европу лишь вопросом денег; он полагал, что таким образом можно будет заручиться поддержкой тысяч «в высшей степени эффективных агитаторов». Возвращение ссыльных окажет должное влияние на центр широкого спектра русских социалистов и заложит прочную основу их единого фронта.

В случае с Украиной Гельфанд считал необходимым полагаться на аграриев и требование автономии — крестьяне будут требовать раздела поместий, которыми владеют выходцы из Центральной России. На Кавказе Гельфанд рекомендовал требовать от турецкого правительства стимулирования сотрудничества мусульман с их христианскими соседями — армянами и грузинами. Гельфанд считал, что именно христиане послужат авангардом борьбы с царским правительством. Свой меморандум Гельфанд заключил так: «Объединенные армия и революционное движение в России сокрушат колоссальную русскую централизацию, представляемую царской империей, которая будет оставаться угрозой мира в мире до тех пор, пока существует. Так падет главная крепость политической реакции в Европе». Меморандум произвел чрезвычайное впечатление на германское руководство. Министерство иностранных дел сразу же выдало Гельфанду два миллиона марок, а вскоре еще двадцать миллионов, которые предполагалось истратить на подрывную работу против России. Центром подрывной работы был обозначен Копенгаген. Слабым местом программы Гельфанда было то, что лидеры меньшевиков — начиная с Плеханова — оказались патриотами. Представляя большевиков, Ленин в сентябре 1915 года выставил условия, на которых он согласен заключить мир с Германией в случае своего прихода к власти в России: республика, конфискация латифундий, восьмичасовой рабочий день, автономия национальностей. В случае реализации этой программы Ленин обязался заключить мир без согласования с союзниками России. Посредник — финансист демократ Кес-

мюла — указал лидеру большевиков, что должно быть дано право отделения от России пограничных территорий. Сам Коскюла был, разумеется, патриотом, но его родиной была Эстония. Вожди Германии задумались. Только в ноябре 1915 года император Вильгельм исключил для себя мир с Россией: «Теперь я не согласен на мир. Слишком много германской крови пролито, чтобы все вернуть назад, даже если есть возможность заключить мир с Россией».¹⁹⁷

Германская Миттельойропа

В Берлине в конце августа 1915 г. пришли к выводу, что недавние поражения России привели к необратимым для нее последствиям. Там отметили пассивность Запада в дни величайших испытаний России. Следовало обратиться к «позитивному» планированию, в основе которого было создание германо-австро-турецкого блока, привлечение на свою сторону Скандинавии и Голландии, консолидация Миттельойропы. Бетман-Гольвег разделял эти планы, но считал, что создание федеративного союза в ходе ведения боевых действий нецелесообразно; оно, в частности, может поставить под угрозу чрезвычайно важную для Германии торговлю с нейтралами. Но он уже считал аксиомой, что в будущем планировании Германии «следует высвободить балканские государства от русского влияния», обратить их в германскую зону влияния.

13 и 15 октября 1915 г. канцлер Бетман-Гольвег и главнокомандующий Фалькенгайн окончательно решили свои разногласия по поводу будущей Центрально-европейской федерации, основанной на базе германо-австро-всигерского союза с вовлечением территории Бельгии и Польши плюс русские территории на северо-востоке. 30 октября министр иностранных дел Ягов согласился с выработанной схемой. Он оценил возникающую в Евро-

не обстановку следующим образом: «В ходе столкновения германского и славянского миров панславянские тенденции в России будут укрепляться и традиционные династические связи между нами и Петербургом будут окончательно похоронены, а Россия останется нашим врагом и в будущем. Следует решить вопрос: не диктует ли необходимость выдворения калужанской московитской империи за Буг рассматривать как императивно необходимую, поскольку нынешний поворот истории обязывает нас, как представителей западной культуры, отбросить славян за Эльбу, Одер и Вислу.

Идея «Миттельойропы» получила свое законченное воплощение в ходе переговоров канцлера Бетман-Гольвега и министра иностранных дел Австро-Венгрии Бурианна 11 ноября 1915 г. Оба политика исходили из предпосылки, что державы Антанты, даже в случае их поражения, будут неизменно враждебны по отношению к центральным державам. «Только посредством формирования непобедимого Центральноевропейского блока» Германия может гарантировать себя от нападения трех своих противников — России, Британии и Франции. Главное — внутренняя интеграция центрально-европейских народов против России и Запада.

Анализ Антанты

Стабилизация положения на фронтах предрасполагала к анализу мировой ситуации не только Центральные державы, но и Антанту. Запад и Россия обсуждали макропроблемы мировой стратегии на конференции в Шантийи 6–8 декабря 1915 г. У каждой из трех главных держав коалиции было свое видение происходящего и свой список приоритетов в грядущей борьбе. Французы полагали, что при примерном равенстве сил двух коалиций сложилась довольно стабильная комбинация сил. Стало ясно, что Германия не может быть сокрушена

посредством фронтальных атак. Французский проект на будущее был таков: Россию с ее переизбытком людской силы следует снабдить оружием — именно русская людская масса станет ударной. Западный фронт, понесший значительные потери, выступит на решающей стадии. Русское наступление предварит западное. Плацдарм в Северной Греции следует сохранить ради предотвращения укрепления Германии на Ближнем Востоке. Салоники защищают Египет, куда отступили войска с Галлиполи. Судя по стремлению перенести центр основных операций из Северной Франции, подтекст французских планов был ясен: избежать устрашающего уровня потерь уходящего года, выступить на решающей стадии мирового конфликта. Позиция русской стороны (которую представлял генерал Жилинский) была такой: не сдерживать себя предвзятой схемой, а предоставить находящейся в тисках блокады Германии выбор основного направления боевых действий. При этом, когда один из союзников подвергнется атаке, «другие должны выступить на своих фронтах, чтобы помочь атакуемой стороне, даже если они не осуществили все военные приготовления». Ясно было, что Россия более всего боялась повторения 1915 г., когда все тяготы германского удара пришлось на русскую сторону, в то время как союзники отказались от генерального наступления, ссылаясь на свою неготовность. Британия к тому времени уже стала могучей наземной военной силой, экипируя одну за другой свои дивизии. Этот процесс вооружения как бы застилал англичанам горизонт — они предпочитали не связывать себя заведомой жесткой схемой. Британская сторона заняла ту позицию, что «невозможно потерпеть поражение в войне из-за того, что у тебя слишком много пушек и снарядов, но легко проиграть войну в случае недостатка боеприпасов» (слова Ллойд Джорджа). Это означало безусловный приоритет вооружения британских частей. Да, русские армии были уже сформированы, но судьбы войны переменчивы и следовало обезопасить, прежде всего, Западный фронт. Заме-

ститель Ллойд Джорджа в министерстве боеприпасов Аддисон писал: «Бессмысленно утверждать, что оборудование русских армий обладает той же степенью приоритетности для нас, что и вооружение наших и французских частей по эту линию фронта».

Откровенность, — всегда достоинство, но теперь, спустя восемь десятилетий, такое несогласование национальных стратегий предстает изъяном, а не достоинством союза России и Запада. Даже полуторагодовые жертвы не сумели снять препятствий на пути рационального объединения усилий. В результате два фронта — Восточный и Западный — были вооружены по-разному и придерживались собственной, отнюдь не скоординированной друг с другом стратегии. Эта нездоровая ситуация грозила взрывом. Понадобилось еще более четырех месяцев бессмысленной бойни, прежде чем весной 1916 г. дипломатическую инициативу по скреплению оси Россия — Запад предприняла Франция (миссия Вивiani и Тома).

В канун Рождества Фалькенгайн и Конрад обсуждали события минувшего года. Они благодушествовали. Ситуация их устраивала. Россия разбита. Восточный фронт переместился глубоко на русскую территорию, оставляя Центральным державам крепости, железные дороги, оборонительные линии по текущим продольно рекам. «Огромные армии, — пишет Черчилль, — которые год назад грозили вторжением в Восточную Пруссию, Силезию и Венгрию, претерпели ужасающее побоище и потерпели поражение. Австрия возвратила свои территории и была теперь способна не только играть свою роль против России, но полностью могла уделить внимание отражению итальянского наступления. Опасность создания враждебной балканской конфедерации исчезла. Сербия была уничтожена и как военный фактор, и как государство. Болгария, убежденная германскими победами, стала союзником. Дорога в Турцию стала открытой. Двадцать дивизий турецкой армии, освободившись от бремени Галлиполий-

ской операции, могли теперь угрожать Египту, изменить соотношение сил в Месопотамии, оказать давление на русских на Кавказе и в Галиции... На Западе баланс сил сместился в пользу Германии — примерно до 40 дивизий немецкого преимущества. Но словам австрийского историка Цуппика, «1915 год начался мрачно, но окончился зрелищем военных успехов такого масштаба, которого Европа не видела со времен Наполеона».¹⁹⁸

Руководивший германской военной машиной Фалькенгайн определил в качестве главного врага Британию. «История английских войн против Нидерландов, Испании, Франции и Наполеона повторяется. От этого противника Германия ожидать милости не может до тех пор, пока у нее есть хотя бы малейший шанс на успех». Надежда Германии покоится на том, что Британия все делает чужими руками, а в этом отношении первые полтора года войны изменили ситуацию в пользу Германии — Россия парализована, Италия неспособна изменить всю стратегическую ситуацию. «Остается Франция... Но Франция почти достигла предела своих ресурсов. Если французский народ овознает, что в военном смысле ему не на что надеяться — будет достигнута решающая точка, и лучший меч Британии будет выбит из ее рук».¹⁹⁹ Нужно просто найти такую точку во французской обороне, которую французы ни при каких обстоятельствах не были бы согласны отдать и начать за нее битву. Отсюда лежала прямая дорога к Вердену, на который Фалькенгайн поставил в 1916 году.

А в Ковно, в своей штаб-квартире, Гинденбург и Людендорф размышляли об опыте 1915 г. и старались не предаваться иллюзиям. Россия оставалась перво-классной военной державой; ее армия представляла собой грозную силу; кризис ее снабжения был смягчен, а ее тылом была самая большая территория мира, населенная жертвенным и терпеливым народом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОЖЕСТОЧЕНИЕ ВОЙНЫ. 1916 ГОД

Беспечная, чарующая, доводящая до ярости Россия, где женщины, которым нечего есть, носят ожерелья из бесценных жемчугов. Россия, где при двадцатиградусном морозе не существует крытых повозок

Граф Луи де Робриан, 1920

Начало нового 1916 г. несколько укрепило моральное состояние России — войска под командованием генерала Юденича осуществили прорыв на Закавказском фронте и к середине февраля вошли в город Эрзерум, захватив до десяти тысяч военнопленных. Но на немцев большее впечатление произвела забастовка на военной базе в Николаеве, за которой последовала забастовка 45 тысяч рабочих петроградских доков.

На Западном фронте англичане 29 января начали испытания нового оружия — танков. В течение года хранилось в тайне это детище Черчилля (деньги выделило его адмиралтейство вопреки косности армии), формировался его дизайн и военные характеристики. Сумеет ли танк преодолеть ненавистную траншейную войну? Немцы же открыли год первым в истории потоплением корабля посредством бомбардировки с воздуха.

Первые сомнения Запада

Возможно, что, если бы России удалось еще лет десять прожить без войны и осуществить земельную реформу 1906 г., если бы финансам страны была дана возможность расширить операции Крестьянского бан-

ка, если бы при помощи фискальных мер удалось поощрить крупных собственников земли к добровольной ее продаже — тогда крупная и средняя собственность были бы спасены. В противном случае, социалистические утопии становились все более привлекательными для упрощенного крестьянского мышления.

На счет последнего у Запада впервые появились серьезные опасения. Впервые в первые месяцы 1916 г. западные эксперты по России начинают приходить к выводу, что разруха и поражения войны не могут пройти бесследно для русского общества. Грозят воистину великие потрясения — и одной из жертв этих потрясений будет Запад. Палеолог доверяет в феврале 1916 г. дневнику следующую запись: «Русский исполин опасно болен. Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и распада. Один из самых тревожных симптомов — это тот глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Не существует никакой связи между этими двумя группами — их как бы разделяют столетия».²⁰⁰ Реформируя капитализм, Запад сумел создать достаточно обширный средний класс, который придал обществу необходимую стабильность. Ускоренная же поляризация в России размывала все, что поддерживало общественный статус кво. Дворянская Россия не нашла дороги к России крестьянской. Запад волновал раскол среди русских — он ставил под угрозу Западный фронт.

Там внимательно следили за процессом бывшего военного министра Сухомлинова. Нет сомнения, что Сухомлинов никогда не был предателем — вне зависимости от того, были или нет у него прогерманские симпатии. Суд над ним и обвинение в измене — прелюдия к квазиюстиции последующих русских и советских процессов XX в. Его вина — как и вина миллионов русских — заключается в преступно-беспечном расчете на «авось», в трагическом умолчании, в пассивности по отношению к грузу проблем, к решению которых необходимо приступить немед-

ленно — по мере их возникновения. Сухомлинов разделял пороки своего общества, он отражал популярные воззрения. Постоянное осмеяние немецкой тяжеловесности привело к подлинно преступной русской легковесности. А когда возникла нужда в молниеносном исправлении прежних догм, он замер, надеясь, что проскочит опасный исторический поворот. Не вышло. Косность и беспечность стали причиной огромных потерь и народных страданий. Сухомлинов был не прав, когда говорил, что немцы готовились к войне в течение жизни целого поколения, а русские — лишь с 1909 год (год его назначения военным министром). Немцы тоже не рассчитывали на многолетнюю войну — они даже не создали первоначальных запасов на случай морской блокады. Но они грудью встретили сонм проблем, и их кризисное реагирование оказалось на уровне возникших нужд, чего нельзя сказать о России. Русский генералитет и командование по-своему отреагировали на недостаток военного и исторического предвидения. Следуя неистребимой русской привычке, Сухомлинов изыскивал «Козлов отпущения», указывая на неправомерно большое потребление запасов фронтами, где оружие и снаряды исчезали в невиданных количествах. Что ж, возможно, является правдой то, что на некоторых участках безответственные командиры (и малообразованные русские солдаты), теряя чувство ответственности, относились без должного внимания и расчета к использованию техники и боеприпасов. По крайней мере, очевидцы свидетельствуют, что с талей битв русские (в отличие от немцев) оружие не собирали. Лишь год-полтора спустя, встав перед проблемой нехватки оружия, командиры стали выдавать премии за нахождение боеготовой винтовки. Сухомлинов — в этом его вина перед Россией — не сумел гибко отреагировать, видя, что уже в первые месяцы войны запасы страны катастрофически тают. Он предпочел быть милым двору и обществу, преступно закрыв глаза на неизбежный крах поезда впереди. В его случае судить нужно было не

«немецкого шпiona», а российскую безалаберность и постыдную бесхозяйственность. Вина Запада заключается в том, что он поздно понял эту прискорбную русскую особенность и не сумел принести хладнокровный западный анализ в пик русской бравады, стала дороже обошедшейся и России и Западу.

Германская стратегия на 1916 год

Уверенность Центральных держав в том, что грядущий год не может не принести им победы, сказалась в том, что они уже начали обустривать зону своего влияния и консолидировать силы германизма. Так, в январе 1916 г. в Чехии единственным официальным языком был объявлен немецкий язык. На улицах Праги за чешскую речь стали взимать штрафы. Несмотря на германские победы на Востоке, стратегию на новый год определял генерал Фалькенгайн, западная ориентация которого была хорошо известна. Двумя главными элементами германского стратегического планирования на 1916 г. были *неограниченная подводная война и концентрация на французской оборонительной системе в одной точке*. Такой точкой был избран Верден. Немцам было ясно, что французы будут отчаянно сражаться за эту крепость с ее разветвленными фортами, но этого и хотел начальник германского генерального штаба Фалькенгайн — *обескровить противника* боевыми действиями постоянного напряжения: «Если мы сумеем открыть глаза французского народа на тот факт, что в военном смысле им не на что надеяться, тогда мы достигнем критической точки, и лучший меч Англии будет выбит из ее рук». Фалькенгайн говорил кайзеру, что «вооруженные силы Франции истекут кровью в любом случае — сохранит она Верден или нет».²⁰¹ Фалькенгайн полагался на особенности французской психологии и на мощь германской артиллерии. Стратегия истребительной битвы поражает и ныне. Как пишет английский историк

Алистер Хорн, «никогда еще в истории ни один командующий или стратег не предлагал уничтожить противника посредством кровопускания до смерти. Эта идея могла возникнуть только из самого характера Великой войны, в которой, полностью очерстев, лидеры смотрели на человеческие жизни, как на некие частицы».²⁰²

Фалькенгайн мог планировать такое сосредоточение на узком участке Западного фронта потому, что не видел у потерпевшей серию поражений России воли и возможности угрожать Германии с Востока. «Даже если мы не можем надеяться на полномасштабную революцию, мы все же можем рассчитывать на то, что внутренние катаклизмы России заставят ее через относительно краткое время сложить оружие». На второй день, после того как Фалькенгайн написал эти слова Вильгельму Второму, Александр Гельфанд получил миллион рублей на проведение пропаганды внутри России. Эти деньги были выплачены после того, как германский посол в Дании убедил германских руководителей, что Россию можно штурмовать от Запада только посредством революции.

Русский император

Император Николай Второй имел немало превосходных черт; и его обаяние подкрепляется множеством исторических свидетельств.

Западные послы были очарованы императором Николаем, но это не мешало им сомневаться в решающем для правителя качестве — в его воле. Скажем, посол Палеолог буквально поет гимн таким качествам императора, как простота, мягкость, отзывчивость, удивительная память. Вместе с тем, он отмечает его неуверенность в своих силах, причиной чего являлся постоянный поиск опоры вовне, в тех, кто сильнее его. В эпоху колоссального кризиса своей страны император оказался не на высоте самодержавного правления. Впрочем, его задача,

как правителя, была столь грандиозна, что приходится сомневаться в том, смог ли кто-либо вообще самодержавно управлять столь огромной страной. Справедливы сомнения Палеолога, сравнивающего Николая Второго с его предшественниками на троне: «По сравнению с современной империей, в которой насчитывается не менее ста восьмидесяти миллионов населения, распределенного на двадцати двух миллионах квадратных километров, что представляла собой Россия Ивана Грозного и Петра Великого, Екатерины II, даже Николая I? Чтобы руководить государством, которое стало таким громадным, чтобы повелевать всеми двигателями и колесами этой исполинской системы, чтобы объединить и употребить в дело элементы настолько сложные, разнообразные и противоположные, необходим был, по крайней мере, гений Наполеона. Каковы бы ни были внутренние достоинства самодержавного царизма, оно — географический анахронизм».²⁰³

Нам интересны эти мысли, прежде всего, в следующем ракурсе: у лидеров Запада не возникало особого желания исследовать недостатки самодержавного правления на Руси до мирового конфликта, когда русские слабости стали и западными слабостями. Аналитики Запада теперь искали реальную оценку — ошибка в ней могла обернуться национальной катастрофой для стран Запада.

Палеолог записывает в дневнике 13 января 1916 г. свое суждение о главном уязвимом месте царского правления в России: «Следуя своим принципам и своему строю, царизм вынужден был быть безгрешным, никогда не ошибающимся и совершенным. Никакое другое правительство не нуждалось в такой степени в интеллигентности, честности, мудрости, даже порядке, предвидении, таланте; однако дело в том, что вне царского строя, т.е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой

организации общественной воли. Поэтому, если при этом строе случается ошибка, то ее замечают слишком поздно, и некому ее исправить».²⁰⁴

Отрадно было бы слышать такое суждение в спокойном 1913 г., а не в грозном 1916, когда смена правительства была воистину чревата. Скажем, американский народ в ходе мировых войн никогда, даже если нарушались все прецеденты (четыре президентских срока Франклина Рузвельта), не менял «лошадей на переправе». Русский характер не отличался терпением. Западные мудрецы в данном случае не только перестали останавливать нетерпеливых, но побуждали их к действию. Что же каяться позже? Было ли провидение у несчастного монарха?

Шанс на сепаратный мир

Главная союзница Германии — Австро-Венгрия — смотрела в будущее значительно менее оптимистически и не разделяла пренебрежительного отношения германского командования к потенциалу русской армии. В Вене признавали, что, несмотря на страшные поражения, боевая мощь России еще способна проявить себя. Генерал Конрад предупредил премьера Тису 4 января, что «невозможно даже ставить перед собой вопрос о полном крушении российской военной машины».²⁰⁵ К тому же Россия продолжает сохранять тесные связи со своими западными союзниками. «А Англия не может потерпеть поражения; мир следует заключить в очень скором времени, либо мы будем фатально ослаблены, если не сокрушены». В это время Британия, единственная среди великих воюющих держав, содержала добровольческую армию. Ее численность достигла внушительных размеров — 2,7 млн. человек. Но требования войны крушили даже британские традиции. 5 января премьер-министр Асквит внес в палату общин билль об обязательной воинской повинности.

Стране требовались миллионы молодых людей, и англичане не изменили традиционному чувству долга. С новым годом Центральные державы открыли новый фронт — на этот раз против Черногории. 8 января 50-тысячные австро-боснийские войска обрушились на малую союзницу Сербии. Столица страны — Чегинье — пала 11 января, и через неделю Черногория сдалась. Остатки ее армии присоединились к сербам на острове Корфу. А рядом терпели неудачу войска Франции и Британской империи.

В эти дни неудача западных союзников на Галлипольском полуострове закрепила изоляцию России. «На Дарданеллах потасли все надежды на установление продолжительных контактов с Россией, — писал У. Черчилль. — Железная дорога длиною в 1 200 миль должна была быть построена в направлении Мурманска; можно было пользоваться дорогой до Владивостока, протяженностью в 4000 миль; но тесное сотрудничество в обмене людьми и военными материалами, огромный экспорт южнорусской пшеницы, расширение жизненно важной торговли, которые были возможны лишь с открытием пути в Черное море, были отныне навсегда запретны для нас».²⁰⁶ В последнем предвоенном году русский экспорт через европейские и южные пути России составлял 1421 млн. рублей. 95 процентов его составляло продовольствие. К июлю 1915 года экспорт (за год) упал до 190 млн. рублей.²⁰⁷ Импорт упал соответственно с 1374 млн. рублей в 1913 году до 404 млн. рублей. (Напомним, что в 1913 году 47,4% всего русского импорта поступало из Германии, 12,5% приходилось на Британию, 5,8% на США, 4,1% на Францию. Нет сомнений в том, что обрыв связей с Германией был очень болезненным для России).

Верден

В восемнадцатом веке гениальный французский военный инженер Вобан создав Верден для защиты Па-

рижа от противника с Востока. В 1792 году Верден был взят прусской армией после двухдневного сражения. В 1870 году крепость продержалась шесть недель. В сентябре 1914 года Жоффр был готов сдать Верден в соответствии со своего общим стратегическим планом. На протяжении 1915 г. германские войска стояли всего в пятнадцати километрах от Вердена. Главный замысел немцев на 1916 г. — обескровить французскую армию при Вердене — начал реализовываться 21-го февраля. Немцы предприняли яростное наступление на крепость, основываясь на той посылке, что французы бросят под Верден все возможные резервы. 850 германских орудий начали артиллерийскую подготовку на сравнительно небольшом фронте в двенадцать километров, и длилась эта канонада девять часов. Немцы выделили 168 самолетов для постоянного слежения за полем боя. Против фортов Дуамон и Во, защищаемых полумиллионом французов, немцы бросили миллион своих солдат. В первый день наступления они применили газы, во второй — новинку, девятью шесть огнеметов. Через четыре дня немцы взяли форт Дуамон. Кайзер Вильгельм лично вручил награды победителям. Но назначенный обороной Вердена генерал Петэн издал свой знаменитый приказ: «Они не пройдут». Ожесточение битвы стало невиданным. Треть миллиона немцев полегла за небольшой, изуродованный артиллерией клочок земли. Месяцы боев поставили вопрос: кто первым проявит слабость. Безупречная в теории логика Фалькенгайна споткнулась об отчаянную решимость французов. Через месяц боев немцы решили совершить промежуточную оценку ситуации. И хотя потери немцев были устрашающими, верховное главнокомандование решило продолжить операцию, рассчитанную на обескровление французской армии. Присутствовавший наследный принц Гогенцоллерн предпочел сделать оптимистический вывод, что «перспективы значительной моральной и материальной победы остаются». Очевидцы говорят о сценах ада, но

Фалькенгайн следовал избранному методу. Деревня Во переходила из рук в руки тринадцать раз и все же осталась во французских руках. Защитникам форта Во генерал Жоффр объявил в ежедневном приказе: «О вас всегда будут говорить — они преградили путь на Верден». Раненым в этих боях попал в немецкий плен капитан де Голль. (После нескольких неудачных попыток побега он был помещен в тюрьму, где учил французскому языку молодого русского офицера Михаила Тухачевского). Немцы бросили в бой баварцев во главе с генералом фон Кнесселем, взявшим на русском фронте крепость Перемышль. Но французы посылали в Верден ежедневно 6 тысяч грузовиков с боеприпасами и 90 тысяч подкреплений еженедельно, и крепость держалась.²⁰⁸ Замысел Фалькенгайна стал терять свою убедительность. Несколько французских рот дезертировало, но общая решимость защитников Вердена поколеблена не была. Ужас битвы был неописуемым: «Мы вышли из места столь ужасного, что ни один лунатик не может представить этого ужаса».²⁰⁹ Испытывая давление под Верденом, генерал Жоффр прислал Алексееву телеграмму: «Я прошу русскую армию начать наступление».²¹⁰ Русские войска в марте предприняли наступление близ озера Нароч (к востоку от Вильнюса и к югу от Двинска) силами восемнадцати дивизий — 350 тысяч Второй русской армии. Это был тот случай, когда русская армия имела перевес над германской в артиллерии в тысячу снарядов на орудие.²¹¹ Войска пошли через болота, когда неожиданно наступила оттепель. Тысячи русских солдат оказались обмороженными. Не самые талантливые русские генералы участвовали в боях — таково мнение Алексеева и иностранных наблюдателей.²¹² Десятая германская армия Эйхгорна отбила наступление. Потери русской армии были огромными.²¹³ Но свой союзнический долг русская армия выполнила — насторожившиеся немцы приостановили атаки на Верден более чем на неделю.

К концу марта 1916 г. французы потеряли под Верде-

ном 89 тысяч человек, а немцы — 82 тысячи. Кайзер продолжал демонстрировать решимость: «В 1870 году судьба войны была решена в Париже. На этот раз это произойдет в Вердене». Последняя и отчаянная попытка немцев захватить Верден была предпринята 22 июня 1916 г. Снова вслед за мощной артподготовкой последовало применение газа — на этот раз фосгена. Тридцатитысячный авангард немцев действовал с отчаянием обреченных. Он уничтожил противостоящую французскую дивизию и взял форт Тиамон, расположенный всего лишь в трех километрах к северу от Вердена. (Среди атакующих немцев был лейтенант Паулюс, которому через двадцать шесть лет предстоит капитулировать в Сталинграде).

Между Верденом и германской армией оставался лишь один форт — Сувиль. 24 июня премьер-министр Франции Аристид Бриан прибыл в ставку британского генерала Хейга с мольбой ускорить наступление на Сомме. Между тем форт Сувиль устоял, и становилось все более очевидно, что наступательный порыв германской армии заглох. Хейг отдал приказ своей артиллерии нанести удар на фронте в двадцать километров. 23 июня — уже как агония — немцы предприняли самый последний штурм форта Сувиль: артподготовка и газы, а затем двухнедельная попытка преодолеть непреодолимое. Немцы, собственно, сделали невозможное — тридцать из них преодолели Сувиль и вышли к внутренним стенам форта. Впереди маячили разбитые артиллерией стены собора Вердена. Но броситься к цели многомесячных усилий было уже некому. Эпоха Вердена окончилась, не дав немцам искомого результата.

Чтобы еще раз попытаться ослабить давление немцев на Верден, русские начали силами двадцати шести дивизий наступление у Молодечно, имевшее переменный успех. Место Иванова в командовании фронтом занял генерал Брусилов, а подчиненной ему была группа талантливых генералов — Каледин, Сахаров, Щербачев и Лешицкий. Прошедшее пятимесячное затишье

было благотворно для русской армии, наведшей в своих рядах определенный порядок. Наконец-то оканчивается дефицит стрелкового оружия. Генерал Нокс пишет в апреле 1916 г.: «Русское военное положение улучшилось так, как того не смог бы предсказать ни один иностранный наблюдатель в дни отступлений прошлого года».²¹⁴ Только из Соединенных Штатов прибыло более миллиона винтовок; их массовое производство для России наладили японцы и итальянцы. В русской армии число снарядов увеличилось с 80 000 в 1914 г. до 20 млн в 1916 г., 1100 пулеметов в 1914 г. и 11 000 в 1916-м. В начале войны Россия производила 1237 полевых орудий в год, а в 1916 г. — 5 тысяч.²¹⁵ Заново вооруженные русские армии начали думать об активизации своих действий.

В начале 1916 г. военный престиж России находился на нижней точке. Немцы, наоборот, были преисполнены самоуверенности. «Мы сделали огромные шаги в направлении полного крушения России, — пишет Людендорф в это время. — Германский солдат полностью убедился в своем неоспоримом превосходстве над русскими».²¹⁶ Менее склонный к агрессивному самонадеянию Гинденбург отмечает все же фактор неизвестности: «Есть нечто неудовлетворительное в отношении окончательных результатов операций прошлого года. Русский медведь, нет сомнения, кровоточит от ран, но он избежал смертельных объятий. ...Сможет ли он восстановить жизненные силы и осложнить ситуацию для нас снова?».²¹⁷ И союзники, и противники смотрели на Россию, как на огромное неизвестное в своих планах. Невозможно было определить, будет ли Россия продолжать свое отступление; либо она восстанет от неудач и явит миру новую силу.

Представители западных союзников полагали, что Россия восстановит численный состав своей армии, улучшит проблему военного снабжения, но ей трудно будет возродить свое волевое начало.²¹⁸ На заседании Военного совета, состоявшемся под председательством

даря в ставку в середине апреля 1916 г., возобладало мнение, что переход в наступление таит лишь новые несчастья России. Однако это мнение не разделял новый командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А.А.Брусилов: «По моему мнению, мы не только можем, но обязаны предпринять наступление, и я лично убежден, что у нас есть шансы на успех».²¹⁹

Россия: смена правительства

Между тем Россия решительно меняла свое лицо. Огромная волна населения потянулась из деревень в города. Рабочий класс Петрограда увеличивался за каждый год войны на одну пятую, Москвы — на одну десятую. В обрабатывающую промышленность России пришли 200 тысяч человек.²²⁰ Это был новый, едва укоренившийся пролетариат. В то же время обезлюдевшая деревня ждала пахаря. Политические партии так или иначе отражали новое недовольство населения огромной страны. Их лозунги и слова ложились на серьезное народное недовольство. В критическое время — апрель-сентябрь 1915 г. — в России бастовали 400 тысяч рабочих, что стоило стране более миллиона рабочих дней.²²¹

Идеи смены правительства вызрели в России с устрашающими поражениями 1915 г. Лидер партии октябристов А. И. Гучков говорит вождю кадетов П. Н. Миллюкову о необходимости контроля над государственными делами до того, «пока в дело не вмешаются неконтролируемые силы».²²² Впервые думские деятели начинают открыто претендовать на управление страной; впервые с такой отчетливостью образованные люди России начинают выражать ту мысль, что «тирания царизма привела страну на край пропасти».²²³ Страной, по выражению Миллюкова, «должны управлять люди, которых страна знает и уважает».²²⁴

Престарелого (87 лет) председателя совета мини-

стров И. Л. Горемыкина ~~русские политики~~ и западные дипломаты характеризовали как примерного скептика. Он не преувеличивал ни сил России, ни степени изнурения Центральных держав, ни вероятных плодов победы. Запад он устраивал тем, что не создавал препятствий курсу Сазонова на сближение с Антантой. Подписанная царем отставка Горемыкина (февраль 1916 г.) официально объяснялась его возрастом, тем, что он не мог уже успешно защищать политику правительства в Думе, где 30—40-летние депутаты соревновались в критике правительства. Запад мог только сожалеть об уходе политической фигуры, способствовавшей сближению Петрограда с Парижем и Лондоном.

Как первый сигнал об опасности русского сепаратизма, была воспринята отставка военного министра Поливанова (1 апреля 1916 г.). Опасения Запада были тем большими, что, по мнению западных союзников, он привел, насколько это было возможно, военное ведомство в порядок, пресек злоупотребления (процветавшие при Сухомлинове), проявил несомненное стратегическое чутье, признанное даже критичным генералом Алексеевым. Не является ли уход Поливанова признаком ослабления партии Запада в России? Замена Поливанова бесцветным генералом Шуваевым была воспринята как грозный знак.

На должности двух уходящих министров — председателя Горемыкина и министра внутренних дел Маклакова — государем был назначен Б. В. Штюмер — член государственного совета, церемониймейстер двора и бывший ярославский губернатор. Кто выдвинул на политическую арену воюющей России малоизвестного чиновника, кто протезировал Штюмера? Императрица пишет в январе 1916 г. Николаю Второму: «Его голова полна свежих идей, и он очень ценит Григория... Штюмер — честный и превосходный... Это будет начало славной страницы твоего правления и русской истории... Пусть Штюмер прибудет в

штаб-квартиру, поговори с ним».²²⁵ В середине месяца дарь принял решение. В результате к власти пришел человек с незначительным опытом, отсутствием видимых талантов и сомнительной честностью. Критически настроенные наблюдатели высказывались еще определеннее: ключевой пост в российском правительстве заняла себялюбивая и пустая личность и это в тот час, когда страна начала всерьез ощущать фактор отрыва от ее экономической жизни десяти миллионов человек, одевших шинели.

Для Запада это была фигура малоизвестная, и союзные дипломаты устремились к Сазонову с расспросами о личности нового премьера. Сведения, которые они получили, обескураживали.

Вот что писал в Париж посол Палеолог: «Штюмеру 67 лет. Как личность, он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха. В то же время с хитрецей и умеет лстить».²²⁶ Бывший премьер В.Н.Коковцов назвал его «бесталанным и пустым человеком».²²⁷ Британский посол Бьюкенен тоже достаточно прямолинеен: «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию».²²⁸

На американского посла Френсиса премьер-министр Штюмер произвел также негативное впечатление. «Его внешность столь же немецкая, как и его имя. Его ум работает медленно, у него темперамент флегматика. Он произвел на меня впечатление скучного человека».²²⁹ (Однажды Френсис невольно стал свидетелем сцены, когда Штюмер, думая, что он в одиночестве, с удовлетворением подкручивал перед зеркалом усы «а ля Вильгельм Второй»). Френсис противопоставил Штюмеру министра иностранных дел Сазонова, которого он

считал столь же alertным, насколько флегматичным был Штюрмер. Френсису imponировало, как быстро схватывает суть дела Сазонов, и он постоянно отмечал его хороший английский язык.

Немецкие корни происхождения Штюрмера были известны — он был внучатым племянником барона Штюрмера, служившего комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове Святой Елены. Западные посольства быстро пришли к заключению, что его назначение — дело рук политиков, которые группируются вокруг императрицы. От Штюрмера, сошлись во мнении западные политики, можно ожидать неприятных сюрпризов.

По меньшей мере, можно было констатировать, что царь пожертвовал одним из верных своих слуг, доказавшим лояльность союзникам; если уходит лояльные прозападные деятели — то кто же приходит им на смену? Едва ли нужно специально подчеркивать, что на протяжении всех лет войны Запад страшила победа в России прогерманской партии.

Посла Франции особенно огорчило назначение управляющим канцелярией премьера Манасевича-Мануйлова, которого он знал еще с 1900 г., когда тот работал в Париже в качестве агента охранного отделения. Палеолог называя Мануйлова «странной смесью Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Робера Макэра и Видока... Я видел перед собой олицетворение всей мерзости охранного отделения». Палеолог все же старался подавить в себе предубеждение — он зондировал довольно широкие круги общества. 15 февраля 1916 г. французский посол беседовал с великой княгиней Марией Павловной, которая и не пыталась скрыть своей подавленности: императрица сумасшедшая, а государь слеп; ни он; ни она не хотят видеть, куда их влекут. Грозит ли это Западу? «Государь останется верен Антанте. Но я боюсь, что на нас надвигаются серьезные осложнения. И это естественно отзовется на нашей боевой энергии. Другими словами, Россия, не

откачиваясь от своей подписи, не исполнит; однако, всех своих обязательств перед союзниками. Если она поступит так, то на какие же выгоды от этой войны она может рассчитывать? Условия мира будут зависеть от результатов войны. Если русская армия не будет напрягаться до конца с величайшей энергией, то прахом пойдут все громадные жертвы, которые в течение двадцати месяцев приносит русский народ. Не видать тогда России Константинополя; она, кроме того, утратит и Польшу, и другие земли».²³⁰

Пока вклад России в общую борьбу был полновесным, потенциально спорные вопросы уходили на второй план. Но стоило восточному союзнику ослабить свой напор, как вперед вышли маскируемые прежде проблемы. Французский посол не зря в беседе с княгиней Марией Павловной упомянул Польшу — она становилась проблемой во взаимоотношениях Запада и России. Понимая, что Германия и после войны будет для нее «вечной проблемой», Франция полагала, что возрожденная Польша будет безусловно антигерманским элементом европейской политической картины. А Франция нуждалась именно в таком элементе. Координационный польский комитет находился в Швейцарии, но наибольшую поддержку он получал от Парижа. Соответственно и французское посольство в Петрограде было на острие того давления, которое Запад оказывал на Россию в польском вопросе. (Разумеется, западные державы должны были действовать деликатно. Во-первых, в русском обществе еще достаточно живо помнили о польских восстаниях 1830 и 1863 гг. Во-вторых, обращение к польскому вопросу могло вызвать к жизни память о русско-германском соглашении). Сазонов предупреждал посла Палестолога: «Будьте осторожны. Польша — скользкая почва для французского посла».²³¹ Чрезмерным благоволением к Варшаве Запад мог потерять Россию.

Но и среди самих русских не было единой позиции в данном вопросе. Царь был настроен в польском воп-

росе достаточно либерально — он не являлся противником предоставления Польше широкой автономии. Ради сохранения ее под скипетром Романовых, он готов был идти на существенные уступки. Эту позицию разделял Сазонов, хотя и ощущал, что особой общественной поддержки такая линия не имеет. И практически все западные послы разделяли ту точку зрения, что автономия Польши более реальна как результат выполнения царем своего обещания, чем как итог законодательства Думы, подверженной патриотическим веяниям публики.

Устраивала Запад и восточная политика царя. Император Николай явственно не желал чрезмерного увеличения территории Армении (он был за включение в состав империи Эрзерума и Трапезунда — стратегически важных для Кавказа — но не больше, и был против предоставления Армении конституции. Нужно сказать, что русская армия продолжала развивать успех на кавказском фронте, продвигаясь в глубину Малой Азии и вдоль черноморского побережья. Результатом успехов русских войск было то, что Англия в марте 1916 г. согласилась на расширение русской сферы влияния в Персии, изменяя договоренность 1907 г. о демаркации зон влияния. Именно в эти дни тридцатипятилетний полковник Мустафа Кемаль — один из виновников галлиполийского унижения западных союзников — получил на Кавказском фронте генеральское звание и титул паши.

Дипломатические маневры Германии

Властителей Германии весной 1916 г. подгонял страх перед возможным русским наступлением. Именно поэтому они с таким вниманием восприняли инициативу японского дипломата Усиды. Тот рисовал радужные картины перед зачарованным германским коллегой Люциусом: мировое соотношение сил будет поколеблено, если Германия, Россия и Япония найдут взаимопонимание — их

блок будет непобедим. Чтобы избежать перенапряжения войны на два фронта, кайзер, Бетман-Гольвег и Ягов после информации Люциуса согласились пожертвовать германскими владениями на Тихом океане, «если только Япония проделает необходимую работу в Петербурге и обеспечит без промедления мир с Россией». В Берлине возродились радужные надежды. Наследник Тирпица на посту военно-морского министра адмирал фон Капелле был полностью согласен с территориальными уступками на Тихом океане, «если они обеспечат нам мир с Россией... Это огромный шанс».

В предложении Германии от 8 мая Японии обещались германские острова и протекторат над Китаем (всем Китаем, за исключением русской зоны влияния). Условия, предъявляемые России, были следующими: Россия теряет Польшу, Литву и Курляндию на Западе; Курдистан, Луристан и Хуристан отходят к Турции. Россия отказывается от всякого влияния на Балканах и от режима капитуляций в Турции. Но Россия при этом сохраняет часть турецкой Армении, завоеванную ею, северную часть Персии, Восточный Туркестан, Джунгарию, Внешнюю Монголию, Северную Маньчжурию и прилегающие китайские провинции. Она получает право прохода кораблей через Босфор и Дарданеллы. Япония обязывалась заключить оборонительный договор с Германией против Британии и Франции в конце войны или ко времени истечения срока англо-японского договора. Согласно германскому проекту, если в будущем Германия «будет атакована» Британией, она должна была получить помощь России и Японии. Если Германия подвергнется нападению Франции, Россия останется нейтральной. (Был очевиден общий стратегический замысел немцев: отбросить Россию от западной границы и с Балкан, предоставив ей значительные возможности в Азии.)

Но Япония тоже взвесила все шансы. Только сейчас становится ясно, что схема не удалась во многом потому, что Россия уже заключила сепаратное согла-

шение с Японией (дав ей дополнительные возможности в Азии). Почти одновременно и Британия уступила Японии в Китае. Подсчитав за и против, усомнившись в готовности России пойти на смену фронта, японское правительство дезавуировало инициативы Усиды.

Америка

В 1914—1915 гг. слово «Запад» для русских означало, прежде всего, Францию и Британию. В 1916 г. на мировую арену, благодаря энергичной политике президента Вильсона, выходит Америка. Ей в этом в немалой степени способствовала сама Германия. В январе начальник военно-морского штаба Германии адмирал Хольцендорф выразил уверенность в том, что его субмарины могут вывести из войны Британию еще до окончания текущего года. Новый главнокомандующий германским флотом адмирал Шпеер утверждал, что германский флот готов встретиться с британским и уверен в победоносном исходе большого военно-морского сражения. Но все германские адмиралы утверждали, что главным препятствием краха Британии является неофициальная поддержка Америки. И не они одни. Газеты пестрели карикатурами, на которых президент Вильсон одной рукой запускал голубя мира, а другой отправлял военную помощь Антанте. В день рождения кайзера — 27 января 1916 г. — на статую Фридриха Второго водрузили американский флаг с черным крестом. Немецкие газеты комментировали: «Фридрих Великий первым признал независимость молодой республики после того, как она добилась свободы от ига Англии после жестокой кровавой борьбы. Наследник Фридриха — Вильгельм II — ощущает на себе благодарность Америки в виде лицемерных фраз и военной помощи своему смертельному противнику».²³² Отныне Запад — как противостоящее Германии население Западной

Европы и Северной Америки — органически включает в себя Соединенные Штаты, которые не только постепенно входят в коалицию Россия — Запад, но и начинают предпринимать усилия, чтобы возглавить эту коалицию. Впервые на первый план дипломатической колонии в Петербурге начинают выходить американцы. Начало процесса выдвижения Америки на российскую дипломатическую и политическую сцену связано с прибытием в Петроград нового американского посла — Дэвида Френсиса. О причине выбора Вильсоном именно Френсиса, деятеля демократической партии из чрезвычайно далекого от связей с Россией города Сент-Луис, достоверно ничего не было известно. Можно предположить, что президент, заботясь об укреплении экономических связей с Россией, избрал в качестве посла человека с большими опытом и большими связями в среде американского бизнеса. Сам Френсис абсолютно не ожидал дипломатической карьеры. Но представительство Америки в великой стране ему льстило; он оставил семью в Америке и прибыл в Петроград с секретарем и негром-слугой. Френсису было в 1916 г. шестьдесят-пять лет. Он приступил к своим дипломатическим обязанностям 28 апреля 1916 г. Резиденцией был избран дом на Фуриштатской — неподалеку от Таврического дворца и от Смольного института, где творилась русская история времен революции. Представлявший американский Средний Запад Френсис не был похож на рафинированных западноевропейских дипломатов. Менее всего напоминал классического дипломата — избегал больших приемов, любил узкий круг друзей за карточным столом, предпочитая сигары, хорошее виски. Жизнь немногочисленного американского посольства отличалась от гораздо более бурной активности англичан и французов. Френсис не установил особенно дружественных отношений с другими посольствами. Те, в свою очередь, воспринимали причуды янки за провинциализм. Посол Бьюкенен почти не упоминает Френсиса в своих мемуарах, а француз Нуланс отметил только то, что

Френсис «плохо говорит по-французски и не продемонстрировал знакомства с дипломатическим этикетом, как и с основами международного права».²³³ Но по мере военного ожесточения Америка, ее значимость и роль приняли далеко не провинциальный характер. Напротив, Америка двигалась в центр мировой сцены. Деятель демократической партии, бывший губернатор штата Миннесота был убежденным сторонником идеи, что война открыла Соединенным Штатам путь к мировому лидерству. (Примечательно, что даже в американской глянцевке вывели идеи оптимального использования геополитических позиций и преимуществ Соединенных Штатов). После полуторавекового изоляционизма Америка при президенте Вильсоне устремилась в мировую политику, и насущной реальностью для нее стал конфликт между русско-западноевропейской группировкой и блоком Центральных держав. Выход на мировую арену стал означать для США сближение с Англией, Францией и Россией. Война приближалась к своему апогею, усталость и ослабление обеих коалиций стали ощутимыми. На этом фоне новая мощь и энергия Америки выглядели более чем эффектно. Вильсон ставил перед своими дипломатами задачу не упустить исторический шанс для создания нового мирового порядка. Одним из элементов этой грандиозной стратегии было формирование новых, гораздо более тесных отношений с Россией. Френсис подошел к своей дипломатической миссии в России с безусловной верой природного американца, что энергия и свобода от предубеждений не могут не привести к успеху. Цель его миссии была двоякая. *Первое* — следовало укрепить потрясенную годами войны Россию, гарантировать ее, подвергающуюся давлению извне и изнутри, от коллапса. *Второе* — следовало на внутренней российской арене потеснить лидеров Антанты, уже неспособных (с американской точки зрения), вследствие опустошений войны, к овладению контрольными экономическими позициями в России (в частности, не имеющих ресурсов для

оснащения техникой и оружием армии величайшей страны антигерманской коалиции).

~~Вызывают интерес~~ личные впечатления представителя Запада, увидевшего Россию глазами «свежего» человека. Посол Френсис отметил, что ко времени его прибытия Россия жила только войной. Население огромной империи — от министра двора до последнего чиновника — находилось под страшным прессом сложившихся обстоятельств — комбинации изоляции и мобилизации. Рекруты проходили военную подготовку прямо под окнами американского посольства. Психологически ситуация была, так сказать, «здоровой» — повсюду царила ненависть к Германии (подобно тому как в Германии ощущалась всеобщая ненависть к Англии). Городское население, особенно купцы, убеждало всех, что Германия на протяжении столетий обогащалась за счет России. Чтобы распахнуть праведный дух мщения, все вспоминали о торговом договоре, навязанном Германией России в трудное время войны с Японией, словно Россия была не в силах от него отказаться или пренебрегла более привлекательными альтернативами. Индоктринация общества, базирующаяся на убеждении, что в бедах страны виноваты иностранцы, достигла такого уровня, что, начиная с императора и кончая последним мелким купцом, — все были полны решимости не позволить никакой державе занять в России такие же доминирующие экономические позиции, какие занимала Германия накануне 1914 г.

Укрепить американские позиции

Наблюдая свежим взглядом за экономическим состоянием России, американский посол пришел к выводу, что обрыв связей с Германией дорого стоил России. Своему политическому наставнику, ближайшему советнику президента — полковнику Хаузу — Френсис писал о

жизненной значимости для России связей с Германией. Но полагал, что обрыв этих связей будет благотворным: Россия диверсифицирует свои связи с зарубежными партнерами и разовьет собственный потенциал. Верил он также и в грядущую либерализацию политической системы России: «Воздействие этой войны на Россию, чрезвычайно дорогостоящее ввиду пролитой крови и затраченных материальных богатств, будет в высшей степени благотворным в плане либерализации взглядов ее народа». ²³⁴ Такой прогноз сбудется при одном условии — если Россия опять не попадет в кабалу к монополисту, который ограничит российские возможности. Следует предотвратить посяательства Британии на занятие позиций монополиста на русском рынке. В этом отношении у Френсиса были тяжелые предчувствия еще до приезда в Россию, а по прибытии в Петроград он укрепился в худших своих предположениях. Теперь ему было абсолютно ясно, почему Лондон готов бросить все свои ресурсы на борьбу с Берлином: помимо прочих, одной из главных арен торговой деятельности англичан будет после войны «оторванная» от Германии Россия. Он пишет в Вашингтон о решимости англичан: «Англия желает, чтобы все внешние сношения России коммерческого или финансового характера проходили через Лондон». ²³⁵ Скорость, с которой британский капитал занимал новую нишу, была внушительна. Френсис был поражен степенью уже достигнутого успеха англичан. Прискорбным фактом является то, что он уже сомневается, можно ли говорить об «экономической независимости» России. Американский посол сообщает в Вашингтон о внешне незаметных чертах нового союза России и Запада: нет сомнения (писал Френсис), что целью западных союзников является обеспечение себе привилегированного места в послевоенном экономическом развитии России. Посол записывает жалобы русских чиновников на укрепившееся буквально в течение нескольких месяцев новое засилие.

Трудно избежать впечатления, что Френсиса меньше

волновала судьба России, но его искренне беспокоило будущее многомиллиардного рынка, уплывающего из американских рук. Говоря об исключительной важности текущего периода, посол предлагал президенту Вильсону мобилизовать все доступные американцам рычаги. Одним из этих рычагов, пишет Френсис президенту, является зависимость Британии от американских займов. А наиболее эффективным путем предотвращения вхождения России в британскую зону влияния является ужесточение предоставления Лондону кредитов.

Одновременно посол Френсис стремился выяснить геостратегические планы России. Во время первой аудиенции у императора Николая (состоявшейся 5 мая 1916 г.) Френсис уведомил Николая, что, хотя Соединенным Штатам поручена охрана интересов Германии и Австро-Венгрии в России, все его симпатии на стороне Антанты, и эту точку зрения разделяет его руководство в Америке. Так обозначилась возможность того, что два растущих гиганта XX века — Америка и Россия — окажутся в одном военном союзе. Посол был очарован приемом царя и особенно царицы, манеры которой — начиная с «американского» крепкого рукопожатия — произвели на него большое впечатление. Возможно, безудержный оптимизм первых посланий Френсиса продиктован непоколебленной пока верой в то, что логика конфликта ведет Америку к главенствующим позициям и на Западе и на Востоке, в России. Но уже первые практические шаги посла Френсиса несколько охладили его пыл. 1 мая 1916 г. состоялась аудиенция посла у министра иностранных дел Сазонова. На протяжении полутора часов Френсис с американским напором пытался навязать довольно экстравагантное по своим масштабам американо-русское экономическое соглашение. Реализация его сразу ставила Соединенные Штаты в особое положение в русской экономике. Френсис был настолько непреклонен в стремлении сразу же взять быка за рога, что заявил,

ни более ни менее, что стремление заключить такое соглашение было решающим фактором его согласия занять пост посла. Без решительного поворота России к Америке в его миссии нет смысла.

Сазонов (на удивившем посла хорошем английском языке) ответил, что заключение всеобъемлющего соглашения было возможно во время кризисной военной кампании лета 1915 г. Однако с тех пор ситуация изменилась. Фронт стабилизировался, лица посуровели, теперь Россия не пойдет на дарование Америке исключительных прав. Теперь Сазонов, следуя за порывом национального самоутверждения, не желал, чтобы одна из союзных стран получила заведомо особые привилегии и заняла главенствующее положение в ослабленной войной России. Он предложил Френсису создать согласованную единую программу расширения связей с переживающей тяжелые времена Россией совместно с другими западными союзниками. Необходим более широкий подход, реформа всех экономических связей. Заключение широкого экономического соглашения не только между ведущими боевые действия союзниками, но также между ними и нейтралами, создало бы предпосылки для создания новой экономической системы не только на время войны, но, что бесконечно более важно, и на последующий мирный период.

Русская дипломатия защищается

Очевидно, что Сазонов пытался прикрыть Россию в момент ее слабости. Его главным козырем была жизненная важность Восточного фронта. Он пытался использовать стратегическую важность России, сохраняющей гигантский Восточный фронт, для выработки долговременной программы такого послевоенного сотрудничества, которое оградило бы интересы России и не дало бы ни одной из мировых держав (такowymi

могли быть Британия, США, Германия) доминирующих позиций в определении внутреннего развития России. Обратим внимание на этот защитный маневр русской дипломатии. Даже если бы война окончилась в начале 1916 г., экономическое расстройство России уже делало ее уязвимой перед выходом на ее рынок и в ее экономику стран Запада. (Семидесяти лет изоляции тогда предположить не мог никто).

Посол Френсис пытался свежим взглядом оценить потенциал России. И то, что он узнал о военных усилиях России, произвело на него большое впечатление. 25 июля 1916 г. он сообщает государственному секретарю Лансингу о невероятной численности мобилизованных в России — 18 миллионов 600 тысяч человек. Представляет ли государственный секретарь, какую силу явила бы собой эта армия, будь она хорошо вооружена и организована? Посол высоко ставил и боевые качества этого воинского полководья. Те солдаты, которых Френсис видел в Петрограде, произвели на него очень благоприятное впечатление. Своей выправкой и внешним видом они впечатляли даже профессиональных скептиков. Представляет интерес ход мысли Френсиса, пытающегося заглянуть за пределы мирового конфликта. «Что будет, когда Россия победит, а эта гигантская организованная сила останется «без дела?»²³⁶

Отказ Сазонова от заключения двустороннего торгового договора в высшей степени разочаровал американского посла. Френсис не скупится на сильные слова в своей первой каблограмме, направленной государственному секретарю США. Основная идея этого послания из 500 слов — неудача обсуждения двустороннего американо-русского экономического соглашения. Но Френсис никоим образом не ставил точку. Посол исходил из того, что у России не будет выхода, а у Америки, соперников в России: они ослабеют в ходе мировой схватки. Френсис определенно надеялся на лучшие времена и решил повторить свои предложения позже.

Активизация дипломатии

Тупик на фронтах мировой войны вел к мобилизации на дипломатическом фронте. Союзники стали замечать некое чувство обреченности своих русских коллег. Встречаясь с влиятельными японскими деятелями, великий князь Георгий Михайлович и представитель МИД Козаков выражали мысли, которые показывают нам, каким видели мир владельцы России в 1916 г.: «Чем бы ни закончилась эта война, Европа долгое время будет разделена на два лагеря: в один будут входить германские государства, в другой — остальные великие державы Европы».²³⁷ Мы видим, что вера в «окончательную победу» явно ослабевает.

5 мая 1916 г. в Петроград с целью союзнической координации прибыли министр юстиции Франции Вивиани и заместитель министра военного снабжения — известный социалист Альбер Тома. Официальной целью было установление более тесных отношений между французским и русским правительствами. Конкретные же задачи делегации были следующие: 1) определить объем военных ресурсов России и обсудить возможности Запада в их развитии и рациональном использовании; 2) изучить возможности посылки 400 тысяч русских войск во Францию; 3) повлиять на Сазонова, с тем чтобы русский генеральный штаб удовлетворил пожелания Румынии; 4) постараться получить русские гарантии относительно автономии Польши.

Сведения, которыми располагало французское правительство, говорили о колоссальных непроизводительных тратах. Два года назад этот вопрос не волновал французских министров, но теперь немцы были под Парижем, и речь шла о выживании Франции. Альбер Тома выговаривал русскому премьеру Штюрмеру и министру иностранных дел Сазонову: «Ваши заводы работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Необходимо милита-

ризовать рабочих». В ответ Штюрмер мог сказать лишь то, что в этом случае «вся Дума поднялась бы против нас». «Так рассуждали; — пишет посол Палеолог, — летом 1916 г. самый яркий представитель европейского социализма и представитель русского самодержавия».²³⁸

Прежние гладкие, доверительные, добрые отношения уходят в прошлое. Война не оправдала ничьих надежд; разочарование повсеместно; русские и французские офицеры уже не смотрели друг на друга с восторгом. Своими встречами в ставке французы были довольны не вполне. Начальник генерального штаба генерал Алексеев встретил Вивиани холодно. Подтекстом же было то, что в самые суровые месяцы 1915 г. французы не сделали аналогичного тому, что русские сделали в августе 1914-го — не бросились вперед всеми наличными силами.

Посол Палеолог объяснил холодность русского генерала тем, что Алексеев — якобы ярый реакционер, убежденный сторонник монархического начала, и у него трудности в общении с республиканцами. Как бы там ни было, но вмешательство в российские военные дела гражданского лица, а тем более социалиста, не нравилось русскому генералу. Однако обстоятельства мировой войны диктовали свои условия, и было решено, что Россия пошлет во Францию между 14 августа и 15 декабря 1916 г. 5 бригад по 10.000 человек. Это было значительно меньше ожидаемых французами 400 тысяч, но нельзя и преуменьшать значение того факта, что возникло живое связующее звено между Россией и Западом.

Холодный прием в ставке был отчасти компенсирован стремлением укрепить связи с Западом, продемонстрированные на банкете Государственной Думы 16 мая 1916 г. Лидер думской кадетской фракции В. А. Маклаков на прекрасном французском языке обрисовал картину лучезарного будущего. «В день заключения мира мы так переключим карту Европы, что опасность войны будет устранена». В Европе утвердился мир, который, сказал Маклаков, уже сейчас «называют французским». Но же-

сткая мировая хватка уже девальвировала многие слова, и французы меньше чем прежде были тронуты клятвами русских в верности Западу. Были различия и в видении грядущего. Посол Палеолог поделился сомнениями с Вивьани и Тома: «Наивно думать, что предстоящий мир будет вечным; я представляю себе, наоборот, что теперь-то и начнется эра насилия и что мы сеем семена будущих войн». Альбер Тома разделял эти сомнения: «Да, за этой войной последуют еще десятилетия войн».

Мы видим, как с приходом во главу совета министров Штюмерера и утратой веры в эффективность самодержавных структур Запад начинает почти открыто интересоваться политической альтернативой в России. До революции еще многие месяцы, но послы Запада ощутили колебание почвы под самодержавием.

Анализируя внутреннюю крепость России, посол Палеолог 7 июля 1916 г. пригласил к себе лидеров кадетской партии Милюкова и Шингарева. Оправданы ли опасения в отношении стойкости России? Кадеты несколько успокоили посла. Они видели возможность подъема внутренних волнений только в случае неожиданного крупного поражения русской армии. Ныне не тот момент. Страна переживает не падение, а подъем (начиналось могучее наступление Брусилова). В такой обстановке было легче сохранить внутреннюю стабильность. Милюков обещал, что Дума не даст Штюмеру ни малейшего предлога для репрессий. «Мы решили не отвечать ни на какие вызовы и противопоставить им терпение и благоразумие. Когда война кончится, тогда посмотрим. Но, избрав такую тактику, мы подвергаемся нападкам со стороны либеральных кругов, обвиняющих нас в нерешительности, и постепенно можем потерять связь с народными массами, верх над которыми возьмут более решительные элементы».²³⁹ Это новое явление. Теперь Западу сообщили, что «легитимная» оппозиция страшится не правых консерваторов, а левых радикалов. До сих пор Запад видел в качестве исторического пре-

пятствия сближения с Россией ее самодержавный строй. Летом 1916 г. он впервые слышит о мощи левого экстремизма. Пока это угроза умеренно-буржуазной альтернативе всерьез воспринята не была.

В Берлине определенно заметили, что союз России с Западом все меньше кажется некоторым политическим силам России оптимальной схемой. Прощупывание возможностей немцы начали проводить летом 1916 г. по двум каналам.

1. Бывший в течение пятнадцати лет личным секретарем графа Витте И. Колышко впервые вступил в контакт с немцами в июне 1915 г., когда он вместе с американцем Пассвелом прибыл из Петрограда в Стокгольм и был представлен германскому послу. (Немцы проявили тогда недоверие к этому контакту). Более серьезны немцы были в июле 1916 г., когда Колышко, теперь уже представитель русского председателя совета министров Штюрмера, прибыл в Стокгольм для бесед с представителем германского министерства иностранных дел Бокельманом, имевшим от промышленного магната Хуго Стиннеса миллионы рублей для ведения пропаганды в России, в частности, для создания на территории России типографии пацифистской направленности. (Агент Стиннеса Ферман сообщил своему боссу, что именно на эти деньги вышла в мае 1917 г. газета Горького «Новая жизнь»²⁴⁰).

Через Стиннеса Берлин сообщил Колышко требования Германии: 1) русские провинции — Курляндия и Эстония — включаются в германские балтийские провинции; 2) Литва отделяется от России и либо присоединяется к Восточной Пруссии, либо становится германским герцогством; 3) Польша становится независимым государством, и ее ориентация определяется Германией и Австро-Венгрией. Но Россия не платит репараций. Правда, ей придется навсегда отказаться от влияния на Балканах. Колышко посетил Швецию еще один раз, но летом 1917 г. он был арестован Временным правительством.

2. По другому каналу Ф.Вартбург (германский финансист) обменивался мнениями с двумя депутатами Государственной Думы. В правящих германских кругах довольно быстро узнали, что японские представители оповестили русское руководство о своих контактах с Германией. Никто не может с полной определенностью сказать, какие могли быть достигнуты результаты после проведенной рекогносцировки, но после наступления Брусилова в начале июня 1916 года германское руководство исключило для себя быстрое достижение соглашения с Россией.

Отставка Сазонова

Посещение посольств политическими оппозиционерами не прошло незамеченным для царского правительства. Можно допустить, что западные послы допустили демонстративность намеренно. У них вызвала активный протест готовящаяся перемена в составе русского правительства — отставка С.Д.Сазонова. Всем была хорошо известна его приверженность делу Антанты. Этот министр был для Запада своего рода гарантом союзнической лояльности России. У Сазонова сложилась многолетняя дружба с Бьюкененом и Палеологом, он быстро наладил контакт с Френсисом. Стремясь сохранить его во главе русской дипломатии, посол Палеолог послал в ставку императора Николая телеграмму следующего содержания: «Английский посол и я очень встревожены по поводу того, какое впечатление произведет в Германии отставка русского министра иностранных дел, ибо усталость его является недостаточным поводом для объяснения его ухода. В наступающий решительный час войны все, что рискует показаться изменением политики союзников, могло бы повести за собой самые неприятные последствия».

Отставка Сазонова вызвала своего рода панику в

союзных столицах — в ней усмотрели грозный знак возможности перемены Россией политической линии. Палеолог и Бьюкенен старались успокоить Париж и Лондон, но при этом не скрывали, что в жизни России происходят существенные перемены — на политическую арену выходят новые силы. Более того, послы намекали, что уход Сазонова следует считать признаком усиления прогерманских сил. «Наши переговоры отныне не останутся тайной для некоторых германофильски настроенных лиц, которые, поддерживая связи с немецкой аристократией и финансовыми кругами и питая отвращение к либерализму и демократии, являются сторонниками примирения с Германией... Национальный подъём в России еще настолько велик, что играть в открытую для них невозможно. Но если через несколько месяцев, к началу зимы, наши военные успехи не оправдают надежд, если русская армия будет иметь больший успех, чем наша, тогда немецкая партия в Петрограде станет опасной, благодаря поддержке со стороны своих сообщников в министерстве иностранных дел».²⁴¹

Объясняя для Вашингтона происходящее в Петрограде, посол Френсис также подавал отставку Сазонова вынужденной, произведенной под давлением прогерманских сил — сторонников укрепления абсолютной монархии, группирующихся вокруг двора.

Портфель Сазонова взял председатель совета министров Б. В. Штюрмер, что вызвало у Запада опасения. Бьюкенен писал в Лондон о Штюрмере как о «германофиле в душе».²⁴² Британский посол полагал, что, не менее чем германофильство, опасность представляют его реакционные воззрения: «Будучи отъявленным реакционером, он в союзе с императрицей стремится сохранить самодержавие в неприкосновенности». Внутренние охранительные функции могут породить перемену внешней ориентации. Отныне западные послы уже не считали фантастической возможность выхода России из войны; теперь они требовали, чтобы Запад в своих политических

и стратегических расчетах не исключал эту возможность. Беря на себя смелость «политического фантазирования», они полагали, что если в России император Николай будет вынужден уйти с престола, то Россия вскоре начнет уклоняться от участия в войне.

По меньшей мере, можно было констатировать, что царь пожертвовал одним из верных своих слуг, доказавших лояльность союзникам; если уходят лояльные прозападные деятели — то кто же приходит им на смену? Едва ли нужно специально подчеркивать, что на протяжении всех лет войны Запад страшила победа в России прогерманской партии.

В посольства западных стран от их правительств поступают запросы: кто представляет опасность, кто выступает против союза с Антантой, кто толкает на путь сепаратного соглашения с Германией? Запад желал знать своего противника в России. Вывод лучших западных специалистов сводился к следующему: это дворянство балтийских провинций, группа высших лиц при дворе, реакционная часть Государственного Совета и Думы, фракция сената, часть крупных финансистов и промышленников. Их лидерами были председатель совета министров Б.Штурмер, Г.Распутин, министр иностранных дел Добровольский и назначенный министр внутренних дел А. Протопопов. Прогерманская партия оказала влияние на императрицу, а та — на императора.

Прорыв Брусилова

В дни русской Пасхи примерно сто русских солдат перешли с лучшими из намерений на ничейную полосу и были взяты в плен, что заставило генерала Брусилова издать приказ: «Все контакты с противником разрешены лишь посредством винтовки и штыка».

14 апреля 1916 г. Уинстон Черчилль, четвертый месяц сидевший в траншеях Западного фронта, писал

жене: «Я очень сомневаюсь в конечном результате. Больше чем прежде я осознаю громадность стоящей перед нами задачи, и неумность способа ведения наших дел приводит меня в отчаяние. То же самое руководство, которое зависело от общественного мнения и поддержки, гаснет, будет готово заключить скоропалительный мир... Можем ли мы преуспеть там, где немцы, со всем их умением и искусством, не могут ничего сделать под Верденом? Нашу армию нельзя сравнить с их армией, и, конечно же, их штаб прошел подготовку посредством успешных экспериментов... Мы — дети в этой игре по сравнению с ними».²⁴³

В этот же день командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов (получивший образование в элитном Пажеском корпусе) выдвинул план наступления на широком фронте с явно стратегическими целями. Следовало воспользоваться германской сосредоточенностью на Вердене. Брусилов сосредоточил подле себя плеяду талантливых офицеров, и его послужной список в мировой войне был завидно победным. Его план предполагал наступление на широком фронте. Алексеев одобрил идею, но был более скуп в вопросе о подкреплениях. Характерно, что Брусилов держал дату своего наступления в тайне даже от императрицы. На вопрос: «готовы ли Вы начать наступление?» Брусилов отвечал почти негативно, ссылаясь на трудности со снабжением. Так и не добившись ответа, императрица покинула штаб Брусилова.²⁴⁴

4 июня Брусилов начал реализацию своего плана, приведшего, по мнению американского историка Стоуна, «к самой блистательной победе в войне».²⁴⁵ Первоначально он хотел начать наступление в июле, но неудачи итальянцев (итальянский король попросил царя помочь едва держащемуся итальянскому фронту) требовали союзнической поддержки, и русская артиллерия провела невероятную по масштабам артиллерийскую подготовку двумя тысячами орудий на фронте в 300 километров — от

реки Припять до Буковины.²⁴⁶ Артиллерийская кононада создала не менее пятидесяти прорывов в оборонительных сооружениях австрийцев. По сообщению командиров австрийских частей, «огромное густое облако покрыло поле боя, что позволило русским плотными колоннами подойти к нашим траншеям».

Наступление вели все четыре армии; наибольший успех выпал на две крайние — Каледина справа и Лешицкого на левом фланге. Луцк был взят на второй день. За первую неделю боев русская армия взяла в плен более 30 тысяч солдат противника. К 12 июня Брусилов взял в плен 190 тысяч австрийских солдат, почти три тысячи генератов, двести тяжелых орудий, 645 пулеметов, двести гаубиц. Русские войска вошли в Черновцы и теперь стояли на пороге Австрии. Очередной точкой неожиданного для многих взлета Брусилова стала Коломея, при взятии которой к 29 июня в плен попали еще десять тысяч австрийцев. 8 июля русские войска взяли город Деятин, находившийся всего в неполных пятидесяти километрах от перевала Яблоница в Карпатах, открывающего путь на венгерскую равнину. В конце июля в руки Брусилова попали Броды вместе с 40 тысячами военнопленных. Общее число захваченных в плен австро-венгерских солдат достигло 350 тысяч, взяты были 400 орудий, 1300 пулеметов.

Царь Николай, ликуя, пишет царице Александре: «Наконец-то слово «победа» появилось в официальном сообщении».²⁴⁷ Даже скептик Палеолог воспрял: «Наступление генерала Брусилова начинает принимать очертания победы».²⁴⁸ Крайней точкой восстановившего славу русского оружия брусиловского прорыва стал город Станислав, взятый 7 августа 1916 г. Брусилов взял в плен не только австрийцев, но и немцев. К немалому удивлению многих, на его пути оказались две турецкие дивизии. С немецкой стороны генерал Гофман насчитал двадцать семь языков среди сошедшихся в смертельной схватке народов. Немцы прочно овладели командованием с за-

падной стороны, их упорство (Брусилов назвал их в мемуарах «львами») и подошедшие к концу российские резервы подвели к концу эту страницу истории войны. 11 сентября штаб Брусилова сообщил в ставку: «Мы близки к истощению людских ресурсов».

Конрад пришел к самому печальному для себя выводу: «Мир следует заключить в ближайшее время, либо мы будем фатально ослаблены, если не уничтожены».²⁴⁹ Конрад сразу же приостановил свою итальянскую кампанию — речь встала о спасении Австро-Венгерской монархии. Фалькенгайн, полностью связанный Верденом, битву за который он считал решающим обстоятельством войны, не сумел должным образом отреагировать на самую большую победу русских войск в войне. Видя, что у Брусилова серьезные намерения, Гинденбург и Людендорф в конце июля взяли в свои руки командование австрийским фронтом. Немцы создали совместные с австрийцами роты, к местам сражений прибывали германские войска. Сюда прибыли даже турки, что, по мнению генерала Гофмана, несомненно унизило австрийских офицеров. Прибытие немцев между тем совпало с окончанием брусиловского наступления, исчерпавшего ресурсы и растянувшего свои коммуникации.

Немцы постарались остановить развитие неблагоприятных обстоятельств. По мере прибытия на южный фланг германских войск продвижение Брусилова осложнялось все более. Северные фронты активизировались также, оказывая посильную помощь. Но гребень успехов русской армии был уже позади.

Вновь была продемонстрирована слабость российских железных дорог — быстрые подкрепления с Северных фронтов помогли бы развить брусиловский успех. Более того, оторванность авангардов его войск грозила их фатальным отрывом. На Западе англичане и французы 14 июля начали наступление на Сомме, что ослабило возможности Фалькенгайна помочь своему Восточному фронту.

Одним из результатов наступления Брусилова было окончание колебаний румынского правительства. Еще в июле румыны позволяли Центральным державам перевозки по своей территории, но продолжительный успех русских войск привел их к мысли, что они могут оказаться на стороне проигравших. 18 августа румынское правительство подписало секретное соглашение с антигерманской коалицией — ему были обещаны Трансильвания, Буковина и Банат. 27 августа Бухарест объявил войну Австрии. Немец по крови — король Фердинанд — заявил в этот день государственному совету: «Теперь я победил Гогенцоллерна в себе и отныне не боюсь никого». Действия Румынии, направившей свои войска в Трансильванию, вначале вызвали в Берлине панику (Вильгельм Второй заявил, что «война проиграна»).

Новое руководство Германии

Весь период между летом 1915 и летом 1916 гг. Гинденбург и Людендорф, пребывая в тени верховного командования, возглавляемого Фалькенгаймом, настойчиво пытались провести ту идею, что без победы на Востоке битвы на Западе лишены смысла. Россия ранена и ее следовало добить еще в 1915 г. Но понадобился комбинированный опыт бессмысленной бойни у Вердена и успеха Брусилова (поразившего немцев, не веривших в возможность подобного), прежде чем Берлин решил сменить своих военных богов.

На следующий день после вступления в войну Румынии фельдмаршал Гинденбург и Людендорф были вызваны в Берлин, и в эту же ночь глава имперского военного кабинета информировал Фалькенгайна, что кайзер ищет военного совета у новых лиц. Фалькенгайн, веривший в то, что ключи к победе лежат на Западе, был устранен. Гинденбург сменил Фалькенгайна в качестве начальника генерального штаба 28 авгу-

ста. «Спаси Бог вас и наше отечество», — были последние слова Фалькенгайна при передаче должности.²⁵⁰ Отныне, по словам Черчилля, «массивная фигура престарелого фельдмаршала занимала высший военный пост. Рядом с ним находился все замечающий, использующий все возможности, неутомимый и склонный к риску генерал Людендорф — судьба Германии находилась в его руках».²⁵¹ (Он занял специально изобретенный пост первого генерал-квартирмейстера. —А. У.) Поднимаясь за спиной Гинденбурга все выше, генерал-квартирмейстер Людендорф вскоре стал определяющим лицом новой германской политики.

Прибыв 29 августа на аудиенцию к кайзеру, оба генерала потребовали, во-первых, введения неограниченной подводной войны безотносительно к тому, как это повлияет на Соединенные Штаты; во-вторых, удвоения производства боеприпасов, утроения производства орудий и пулеметов к весне 1917 года. Гинденбург сумел сделать то, в чем не преуспели его предшественники: он фактически осуществил командование над войсками всех союзников Германии — коалиция Центральных держав стала более централизованной и эффективной. На Восточном фронте командование принял верный ему генерал Гофман. Результаты не замедлили сказаться.

Новые лидеры, как теперь и император Вильгельм, полагали, что «решение находится на Востоке более, чем когда-либо». Канцлер Бетман-Гольвег питал определенные надежды на большую податливость нового российского премьера Штюрмера — из Стокгольма приходили донесения, убеждавшие, что Россия не выдержит еще одной зимней кампании. Гинденбург и Людендорф верили в свой опыт на Восточном фронте — люди этого склада отличались меньшей дипломатической эластичностью. Они мыслили более прямолинейно и имперски, чем Бетман-Гольвег, Ягов, Циммерман или Гельферих, и стояли за жесткое выяснение взглядов с Россией.

Паника кайзера по поводу вступления в войну Бухареста оказалась напрасной. Порыв румынской армии был чрезвычайно кратковременным. Гинденбург вручил своему предшественнику Фалькенгайну планирование и общее командование армией, нацеленной на Румынию с севера. 5 сентября 1916 г. генерал Макензен нанёс удар по расположенной на Дунае румынской крепости Тутракая и взял в плен 25 тысяч румын. 15 сентября Гинденбург издал приказ: «Главной задачей армии ныне является сдерживание всех позиций на Западном, Восточном, Итальянском и Македонском фронтах с использованием всех наличных сил против Румынии». 26 сентября армия Фалькенгайна вторглась в Трансильванию — ее первой жертвой стал город Германштадт. Затем (1 октября) немцы взяли Петрошаны, одним махом лишив румын всех их завоеваний. В октябре Фалькенгайн крушил румын уже на их собственной территории. 19 октября немцы пробились сквозь заградительный вал у Добруджи и вошли в главный порт страны Констанцу. Судьба южного соседа и краткосрочного союзника России была предрешена.

На внутригерманском фронте началась реализация так называемой Промышленной программы Гинденбурга, согласно которой квалифицированных германских рабочих стали призывать в армию, а на их места прислали 700 тысяч специалистов и рабочих из Бельгии. Обращение в рабство целых народов вызвало шок даже у тех, кто уже ничему не удивлялся в этой войне. Президент Вильсон приказал своему послу Джерарду выразить протест по поводу использования бельгийцев для производства вооружений — это противоречило Гаагской конвенции о ведении боевых действий и пр.²⁵² Канцлер Бетман-Гольвег отверг упреки посла как пропаганду. Джерард указал на свой автомобиль и пообещал в течение четырех минут довести канцлера до места, где депортированные бельгийцы производят снаряды. Канцлер отказался от предложения.

Последний взлет

Итак, прежде чем погрузить Россию в пучину неимоверных испытаний, судьба как бы дала стране еще один (оказавшийся последним) исторический шанс. Военные победы первых девяти месяцев 1916 г., победа русской армии в ходе «прорыва Брусилова» и в Закавказье на время возвратили Россию в ранг великих держав. Глядя из исторического далека, видно, что эти победы по существу сделали неизбежными крах Австро-Венгрии и Турции двумя годами позже. Но этих двух лет не оказалось у России. Время определенно начало работать против связки Россия — Запад, тяготы войны подтачивали союз, росла внутренняя оппозиция.

Россия пыталась капитализировать вновь приобретенный престиж и влияние. Последним триумфом Сазонова в новых обстоятельствах было добытое им у Франции и Англии согласие на передачу турецкой части Армении России, а также блокирование французских попыток вмешаться в решение польского вопроса. Так русская дипломатия использовала победы русского оружия для возвышения своего голоса в диалоге с Западом.

Подъем продолжался недолго. Долговременный эффект перенапряжения начал давать негативные результаты. В условиях ослабления страны неизбежно подняли голову те, кто был готов спасти отечество даже за счет нарушения данного Западу слова продолжать войну до победного конца. С весны 1916 года в союзные посольства впервые с начала войны начинают проникать реальные опасения в отношении возможности заключения сепаратного мира между Россией и Германией. Одним из грозных симптомов было усиление активности польской элиты в Петрограде, никогда так и не преодолевшей в себе ревниво-озлобленное чувство к России. Во французском посольстве 23 марта 1916 г. польские графы Потоцкий и Ведепольский утверждали (ссылаясь на сведения, полученные через Стокгольм и Берлин

«Возможно, что Англия и Франция в конце концов и победят, но Россия эту войну безусловно проиграет. Константинополя она, во всяком случае, не получит и постарается помириться с Германией за счет Польши»).

Западные дипломаты делали скидку на русско-польский психологический комплекс, но аргументы поляков было уже достаточно трудно оспорить. Возможно, эти первые сомнения стали отправной точкой недоверия к самодержавию как гаранту союзнической лояльности, стартовой полосой поисков более надежного сотрудничества с деятелями думской оппозиции. Бьюкенен и Палеолог еще не нарушали союзнической лояльности русскому правительству, они еще полностью верили императору, но обстоятельства потенциальной восприимчивости части правящего класса идее примирения с Германией создавали необходимость в подстраховке, в формировании «второй линии обороны» союзнической верности России. Во многом их беспокойство подталкивало ощущение, что время Сазонова, его непоколебимой лояльности прошло. В России готовилась смена государственной власти.

Запад пытался на этом — втором году войны — лучше понять Россию, и Россия, в свою очередь, стремилась получить более реалистическую оценку Запада. В конце июня 1916 г. начальник генерального штаба Беляев на гребне успехов Брусилова в Галиции отправился на Запад для оценки западного военного потенциала, ознакомления с перспективными планами Запада и координации союзнических действий. Он старался убедить западных союзников, что воля России к победе не сломлена, что Россия полна решимости продолжать войну до победного конца. У русского генерального штаба уже иссякли иллюзии относительно скоротечных операций и быстрого достижения результатов. России и Западу предстоит продолжительная борьба. Русская армия не испытывает недостатка в солдатах, но ей крайне нужна артиллерия и снаряды. У западных собе-

седников Беляева осталось чувство, что русский великан не пал на колени после нокаутирующего удара немцев, что он готов сурово и трезво готовиться к решающим испытаниям.

По крайней мере, Запад не испытывал чувства безысходной тревоги. Россия предстала надежным союзником. Может быть, следовало спрашивать Беляева с большим пристрастием и не принимать обещания за непременную завтрашнюю реальность? Более пытливому взгляду открылось бы, что напряжение войны негативно сказалось на русском обществе. Что примерно летом 1916 г. начинают звучать публичные сомнения в целях войны, которые с восторгом были определены в час разворачивания знамен. Характерен новорожденный скепсис в отношении жалких целей титанических общенародных усилий. Вопреки соображениям лояльности и цензуры, множатся сомнения в отношении целесообразности, рациональности аннексии проливов и Константинополя.

Противники этой аннексии стали утверждать, что подобное решение проблемы Проливов не только не разрешит восточного вопроса, но осложнит его, так как в будущем ни Германия, ни Австрия, ни дунайские государства не согласятся оставить ключи от Черного моря «в когтях у русского орла». Нужно ли России антагонизировать Балканы плюс Германию? Распространилось мнение, что последующее за овладением Проливами слияние греческого патриархата с русской церковью повлечет за собой неразрешимые противоречия и затруднения для русских православных — внедрение в российский организм турецко-византийского начала ослабит сближение России с Западом, «тлетворно» скажется на развитии России. В конечном счете России было бы достаточно создания на Босфоре нейтрального, просто не препятствующего России государства. Открыто высказываемые в русском обществе эти мнения стали показателем ослабления воли правящего класса страны. Западные державы с острым интересом

воспринимали этот поворот в геополитических воззрениях русского общества. Новый подход объективно сближал Россию с Западом. Находящийся под покровительством держав Антанты, Константинополь, естественно, больше привлекал их, чем контролируемый одной Россией выход в Средиземное море.

Как спасти российский трон

С середины 1916 г. объединительным лозунгом российских «правых» противников войны с Германией стало спасение трона. Главный мотив сторонников прогерманской ориентации стал заключаться в том, что поддержка Россией демократических государств Запада приведет к посягательству страдающего населения на власть и дискредитированной армии — на царские устои. Влияние этой партии в определенной степени базировалось на разветвленных прежде промышленных и торговых связях между Россией и Германией. Благоприятствовало этим силам отсутствие убедительного для всех ответа на вопрос: за что же все же сражается Россия в этой войне? Имела последствия продемонстрированная всему миру внушительная мощь Германии. Ее невероятная военная сила породила у части русского общества чувство, что России ее не одолеть, что Россия в смертельной и бессмысленной схватке с Германией лишается своих жизненных сил.

В то же время бессильное отчаяние и гнев всегда несправедливых современников обрушились на тех, кто, хотя бы гипотетически, мог быть обвинен в происходящем. Одну из первых жертв — императрицу Александру Федоровну — обвиняли едва ли не в том, что она содействует победам Германии, и уж немкой ее называли постоянно. Справедливости этих обвинений убедительно никто не мог доказать ни тогда, ни сейчас. Разумеется, она была немкой по рождению, но только наполю-

вину — ее отец был герцог гессенский и рейнский, но мать была англичанкой, дочерью королевы Виктории. Менее всего она была немкой по воспитанию. В возрасте шести лет, после смерти матери, ее отвезли ко двору королевы Виктории, и именно английский, а не немецкий язык был языком ее детства и юности, равно как английскими были ее воспитание, обучение и образование. Даже по внешности она была скорее англичанка, равно как была англичанкой по пуританизму взглядов и многим привычкам. Если отставить бездоказательные домыслы, то не останется сомнений в том, что, приехав в Россию, она полюбила свою новую родину, с которой была связана ее семья и судьба. Что же касается Германии, то нетрудно убедиться в том, что она не любила Пруссию и династию Гегенцоллернов и укрепляла в этом чувстве своего супруга. Она лично ненавидела императора Вильгельма — об этом достаточно прочесть впечатления современников, начиная с заметок Николая. Она возлагала на Вильгельма ответственность за «эту ужасную войну, которая каждый день заставляет обливаться кровью сердце Христа». В качестве простой сестры милосердия, она вместе с дочерьми показала свою человеческую лояльность своей стране.

Против России сыграли не ее мнимая измена, а особенность и слабость ее характера, которые, возможно, были бы погашены в более уравновешенной обстановке на Западе, но находили чрезвычайный негативный резонанс в России. Речь идет о постоянном душевном беспокойстве, грусти, тоске, смене настроений, бессознательном влечении к потустороннему, подверженности суевериям. Восприятие ею Распутина как «божьего человека, святого, преследуемого фарисеями», ожидание чуда, поиски благословения — все это обращает нас не в немецкую, а в русскую среду предпетровской Руси. Слишком мало была Александра Федоровна немкой в то жестокое время, когда только методическое упорство давало выигрыш.

Пусть история будет милостива к невинной жертве, но Александра Федоровна, передав сыну гемофилию, создала нервную обстановку, в которой жертва России и болезнь сына сталкивались между собой. Неспособность к здравому суждению всегда являются первым шагом к крушению. Если бы Александра Федоровна замкнулась в семье, ее сверхженственная чувствительность касалась бы лишь семейных дел, но в ходе мировой войны она посчитала своим долгом выйти на общественную арену. Если в 1914 г. она, как и две ее дочери, работали медсестрами в смраде хирургических покоев, то с принятием императором звания главнокомандующего и с отъездом Николая Второго в Могилев царица стала заметно активнее заниматься государственными делами.

Россия теряет равновесие

В отношениях России и Запада летом 1916 г. начинает утверждаться мнение, что, чем дольше будет длиться война, тем слабее будет — несмотря на фантастическую по численности армию — участие в ней России. У западных политиков растет опасение в отношении того, что если в России произойдет революция, то она (Россия) постарается отдалить свои интересы от интересов Запада. В донесениях послов начинает развиваться мотив, которому суждено будет в дальнейшем занять главенствующее место: император пока тверд, но его новые советники уже не исключают для себя выход из коалиции с Западом. Наибольшие опасения возникают у британского посла: «Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция является неизбежной. Гражданскому населению надоела административная система, которая, вследствие своей некомпетентности и дурной организации, в столь богатой естественными ресурсами стране, как Россия, затруднила для населения добывание предметов первой необходимости;

армия также едва ли сможет забыть все то, что она претерпела по вине существующей администрации».²⁵³

Аванпостом Запада — его посольствами — начинает в августе 1916 г. овладевать сомнения в отношении надежности России как союзника. Это важный поворот в видении Запада: предполагаемая восточная сверхдержава послевоенного мира начинает терять равновесие. Причиной тому были не только физические лишения, но и утрата веры в победу, потеря смысла борьбы, превратившейся в бойню. А собственно, что должно было побуждать Россию приносить неисчислимые жертвы? Лидеры Запада требуют от своих послов зондажа волевой стойкости русских, а также побудительных мотивов, которые могли бы укрепить их боевой дух. Французский посол Палеолог в августе 1916 г. задавал русским и французским промышленникам, проживавшим в Москве, Симбирске, Воронеже, Туле, Ростове, Одессе и в Донецком бассейне вопрос: «Что является побудительным мотивом войны? Считают ли в их кругах главной целью войны завоевание Константинополя?» Резюме его социологического анализа далеко не обнадеживало; напротив, оно заставляло усомниться в эффективности наличных стимулов участия в войне.

В массе крестьян «мечта о Константинополе» всегда была (если она вообще была) неопределенной, а с течением войны эта цель стала еще более туманной, далекой и потеряла черты реальности. Всякие напоминания об освобождении Царьграда из рук неверных воспринимались в крестьянской массе как проповеди о страшном суде. В рабочей среде вопрос о Константинополе вообще не обсуждался. Здесь считали Россию и без того достаточно обширной. В широких слоях необразованного и образованного общества зрело убеждение, что царское правительство напрасно проливает народную кровь ради ненужных России завоеваний. Такое мнение не было всеобщим. Значение для России Константинополя признавала буржуазия, купцы, промышленники, инженеры,

адвокаты, часть интеллигенции — в этих кругах еще хранилось убеждение, что Босфор и Дарданеллы необходимы для вывоза хлеба из России, что опасно позволять Берлину (или любому другому владельцу проливов) иметь возможность запереть этот выход к незамерзающим морям. Но в этих кругах без всякой симпатии относились к мистическим положениям славянофилов, к их пристрастному историческому анализу. В этих кругах считали достаточной нейтрализацию проливов, охраняемую международной организацией. Мечта о присоединении Константинополя жила яркой надеждой в довольно немногочисленном лагере националистов и в среде либеральных доктринеров.

Из утраты интереса к обладанию Константинополем вытекал важный вывод: Россия оказалась вовлеченной в полномасштабную войну, требующую привлечения всех ее ресурсов, не имея подлинной, воодушевляющей народ общенациональной цели. Эта ситуация была бы, возможно, терпимой в случае скоротечности войны, но напряжение нескольких лет и потери, исчисляемые миллионами человеческих жизней, делали сомнительной моральную обоснованность жертв.

Против единства России и Запада стал действовать и другой фактор. Поляки в России занимали далеко не последнее место по влиянию. В Петрограде жил целый клан польской аристократии, самоотверженно стремящейся к независимости своей родины. Можно понять это стремление; труднее понять бескомпромиссную ненависть польских лидеров к стране, в которой они жили и которая уже пообещала обеспечить создание польского государства. Польская община в Петрограде, Москве, Киеве все больше антагонизировалась в отношении России, и это было трагедией для обоих народов. Поляки давно уже потеряли веру в русскую победу. Они, возможно, первыми строили планы, исходя из возможности поражения России. Как отмечал Палеолог, поляки, несмотря на русские победы в Галиции в 1916 году, были уверены, что

Россия не выйдет победительницей из войны и что царский режим, которому приходилось трудно, пойдет на соглашение с Германией и Австрией за счет Польши. «Под влиянием этой мысли снова разгорается старая ненависть к России; к ней примешивается насмешливое презрение к русскому колоссу, слабость которого, его беспомощность и его нравственные и физические недостатки так ярко бросаются в глаза. Не доверяя России, они считают себя ничем не обязанными по отношению к ней. Все их надежды сосредоточены теперь на Англии и Франции; они при этом безмерно расширяют свои национальные требования». Эта ненависть в конечном счете порождает взаимные чувства со стороны русских, и это иррациональное самоослепление еще послужит причиной трагедий обоих народов в двадцатом веке.

Активизация германской дипломатии

Следующая попытка отделить Россию от Запада относится к периоду, когда после 23 июля 1916 г. премьер Штурмер принял от Сазонова министерство иностранных дел. Нейтралистские элементы в России теперь ощутили свободу маневра. В то же время информанты доносили в Берлин, что внутреннее положение в России резко ухудшилось. Император Вильгельм записал: «Россию охватывает усталость, и Германия должна постараться заключить с ней сепаратный мир».²⁵⁴ В конце лета 1916 г. ответственные германские политики готовы были бы пойти на окончание войны, но они уже не знали, как этого добиться. Умеренные, такие, как канцлер Бетман-Гольвег, генерал Гренер и полковник Гофман были бы счастливы вернуться к статус-кво анте (с небольшими вариациями). Бельгию, по их мнению, следовало освободить, а Польшу вернуть России. В этих кругах согласны были даже на уступки французам в Лотарингии. Но Германией правили уже не умеренные политики. Людендорф выра-

зил мнение, что «бельгийская зависимость от Германии должна проявляться в экономической, военной и политической сфере»,²⁵⁵ что завоеванные части России должны перейти под немецкую юрисдикцию: -

Князь Бюлов, бывший германский канцлер, считал, что самой большой ошибкой Германии в ее попытках подорвать союз России с Западом была прокламация германского правительства 5 ноября 1916 г., провозглашающая создание независимой Польши. Если до этой даты то или иное соглашение о мире с царской Россией, полагал канцлер, было возможно, то после такая возможность исчезает. В свете поворота в германской политике премьер-министр России Штюрмер немедленно подвергся в Думе ожесточенным нападкам, и царь был вынужден возратить бразды правления более национально ориентированным силам. За жалкие несколько дивизий польских добровольцев Германия заплатила отчуждением той России, с которой она потенциально могла быть союзником.

В западных кругах возникло опасение, что, в случае возобладания прогерманской партии, император Николай вынужден будет отречься от престола в пользу своего сына под регентством императрицы. Впервые открыто обсуждалась возможность измены России своим союзникам. Западные послы пришли к выводу, что их первостепенной задачей является свержение Штюрмера. Они еще не представляли себе своего подлинного противника — российскую социал-демократию, хотя та именно в это время оживила свою работу (особенно крайние из них — большевики). Вождями нарастающего движения выступили три депутата Государственной Думы — Чхеидзе, Скобелев и Керенский. Ощутимой для западных послов становится деятельность двух заграничных лидеров социал-демократии — Плеханова в Париже и Ленина в Швейцарии. Западные посольства отмечают организованный характер деятельности русских социалистов, их чрезвычайную веру в свои силы.

... Что могли предпринять западные державы в условиях общественного кризиса в России? Углубленное знакомство с политическими партиями России (все более воспринимаемых как альтернатива самодержавию) отнюдь не вызывало у них радужных впечатлений. Анализ причин надвигающегося распада указывал на достаточно стойкие тенденции изоляционизма, на типичное для русской политической жизни крупномасштабное «колебание маятника», слепоту верхов, переход стоицизма низов на определенном этапе в безудержную ярость, отчуждение интеллигенции от общественной жизни, несовершенство партий, слепо следовавших за лидерами, проявлявшими хрупкость характера. (Спасение союзника начинает видаться в создании в России более привлекательного образа западных партнеров, готовых оказать тонущему товарищу помощь. В ноябре 1916 г. под главенством председателя Государственной Думы создается англо-русское общество).

Почему Запад терпел, а Россия — нет

Один из британских участников войны — Филип Гибс — так определил причины стойкости западных войск: «Лояльность к своей стороне, дисциплина с угрозой смертной казни, стоящей за ней, направляющая сила старой традиции, покорность законам войны или касте правителей, вся моральная и духовная пропаганда, исходящая от пасторов, газет, генералов, штабных офицеров, стариками дома, экзальтированными женщинами, фуриями феминизма, глубокая и простая любовь к Англии и к Германии, мужская гордость, страх показаться трусом — тысяча сложных мыслей и чувств удерживали людей по обе стороны фронта от обрыва опутавшей их сети судьбы, от восстания против взаимной непрекращающейся бойни».²⁵⁶ В России просматривались другие черты.

Дж. Хенбери-Уильямс, находившийся при ставке царя на протяжении нескольких лет, рассуждает в том же духе: «Русские, привлекательные и вызывающие симпатию во многих отношениях, природою созданы нестабильными. У них самое короткое расстояние между экзальтацией и глубокой депрессией... Гостеприимство, доброту, симпатию вы найдете здесь повсюду, но, что особенно поражает меня, это глубокое желание угодить вам, оказать вам любезность — и все из-за стремления достичь внутренней стабильности».²⁵⁷ Англичанин ищет (и быстро находит) парадоксы, но что он мог посоветовать для хладнокровного восприятия миллионных потерь в войне? Для стабилизации положения в стране абсолютно необходимо было прекратить бессмысленную войну — продолжать дренаж крови нации уже было противоположно инстинкту самосохранения. Но как раз это условие никак не могло быть принято Западом.

В западных столицах утверждается мнение о неспособности политических сил в России к внутренним компромиссам. Лидеры партий в интересах борьбы слишком легко переходили грань разумного критицизма в отношении правительственных структур и без излишней скрупулезности обращались к тому, что должно было быть запретной на период войны темой — сомнения в подлинности патриотизма своих политических противников. При этом ярость обличений, по существу, скрывала преступную беспечность. Палеолог в своих донесениях клеймит инерцию и нерадивость чиновников — он начинает «понимать» посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого.

Будем честными, очень многие в русском обществе, осознавая отставание от Запада, ждали революционных бурь. Речь не идет о профессиональных революционерах. Даже стопроцентные либералы, такие как С.Булгаков, полагали, что необходимо отторжение изживших себя форм организации политики и даже капиталистического хозяйства, замена их более эффективными формами, при-

ближающими Россию к западному уровню производительности труда, развития науки и технологии.

Оптимизм американцев

Чувствуя уязвимость своего положения, нуждаясь в кредитах и военных поставках, русское правительство лавировало, стараясь сохранить свободу рук на максимально возможное время. Несмотря на военную и экономическую уязвимость страны, даже лучший друг Запада Сазонов в свое время отказал и англичанам и американцам в заключении двустороннего соглашения под тем предлогом, что нужды России столь велики (а давление военных потребностей столь остро), что любые двусторонние соглашения заведомо неудовлетворительны. Необходимо многосторонняя программа помощи Запада России. Тактика Сазонова дала определенные результаты. Запад согласился рассмотреть нужды России на многосторонней основе. В Париже летом 1916 г. была созвана конференция, на которой Запад постарался выработать экономическую программу для России. Старые союзники России постарались извлечь пользу из традиционных связей и частично преуспели в этом.

Союзники еще верили в Россию — они готовы были сражаться за место под ее солнцем. Определенная ирония истории есть в том, что накануне величайших испытаний русской истории перед страной встал вопрос о том, кто будет привилегированным партнером России на Западе, кто будет избранным союзником великой евразийской страны в послевоенном мире. Основные конкуренты были готовы к жесткой борьбе. Британия целенаправленно и энергично стремилась занять в России позицию главного экспортёра промышленных товаров и главного кредитора. Два главных столпа послевоенного мира, считали в Лондоне, должны были скрепить союз «хозяев земли и воды».

Со своей стороны, новый гигант — Соединенные Штаты — в лице посла Френсиса приложили, начиная с лета 1916 г., чрезвычайные усилия, убеждая российское правительство в опасности односторонней зависимости от Британии и аргументируя выгоды преимущественных связей с Соединенными Штатами.

На фоне все более скептических Бьюкенена и Палеолога американский посол демонстрировал природную веру янки в преодолимость всех препятствий. Дело было, разумеется, не в разности темпераментов: Англичане и французы видели, что победа для них будет малоотличима от поражения — столько ресурсов брошено на мировую схватку. Американцы же чувствовали себя свежими, крепнущими, выходящими к финальным битвам в ореоле беспрецедентного могущества. В этой ситуации Лондон видел, что у него не оставалось сил на замещение Германии в русской экономической жизни. Американцам же русский масштаб деятельности был истинно привлекателен. Д. Френсис был исключительно высокого мнения о потенциале России. «Ресурсы страны, владеющей одной шестой поверхности земной суши и населенной почти двумястами миллионами людей, имеющими здравый смысл и добрые инстинкты, фактически неиссякаемы».²⁵⁸

Задачей Френсиса было исключить экономическое доминирование любой отдельно взятой развитой страны (подразумевалась Германия или Британия), сделать так, чтобы ни та, ни другая не получили превалирующих позиций в гигантской России. Посол беседовал с ведущими деятелями императорского кабинета об общих перспективах с иными, чем старые члены Антанты, позиций. Он предупреждал царских министров об опасности односторонней зависимости России и предлагал опереться на Америку, улучшить систему связи между двумя гигантами, Россией и Америкой, в прямом смысле — посол предлагал провести прямое кабельное сообщение. Это предложение встретило самую благоприятную реакцию русских министров.

Интерес представляют беседы Френсиса с министром финансов Барком, которому было указано на опасность британского доминирования в России. Отказываясь делать далекоидущие выводы, Барк, в основном, согласился: влияние Британии в финансово-экономической сфере российской жизни проявит себя в момент определения условий мира. Россия жизненно заинтересована в избежании монопольной зависимости от одной из мировых держав. Конструктивная позиция Америки приветствуется — проложение кабеля могло бы облегчить контакты между двумя странами. Русская сторона готова была оплатить половину стоимости его прокладки. Со своей стороны, американское правительство должно поощрять банки и компании Америки в обращении к России, предпринять усилия, чтобы блокировать британское давление.

Видя сепаратные устремления своих союзников, самый старый западный друг России — Франция — приняла действия со своей стороны. В Россию были вложены огромные суммы французских народных займов, и понятна была надежда на трансконтинентальное сотрудничество с Россией. Париж высоко ставил Россию в будущей мировой иерархии. «Внимание всего мира будет обращено на Россию. И европейские и американские газеты восхищаются великолепием этой империи, не использованными еще ею богатствами и огромными возможностями. После окончания войны возникнет огромная конкуренция за торговлю с Россией. Американские предприятия уже смотрят заинтересованными глазами на минеральные ресурсы, огромную водную мощь и возможности железнодорожного строительства. Среди возвращающихся домой американцев нет ни одного, кто не планировал бы возвратиться в Россию: Нет на земле страны, сравнимой с нею».²⁵⁹

Изучив резолюции Парижской конференции 1916 г., американский посол Френсис пришел к выводу, что они таят в себе опасность новой гегемонии для ослаб-

ленной войной русской экономики. Он развил чисто американскую энергию, предупреждая двор, чиновников и деловой мир об опасности: выиграв войну, потерять завоеванный такими жертвами мир. Возможно, не без учета позиции Френсиса ни Государственная Дума, ни совет министров России в конечном счете не утвердили парижских резолюций.

Предлагая русскому правительству альтернативу, Френсис одновременно советовал своему правительству избегать впечатления о бесшабашной вседозволенности, которая в Англии (в наибольшей степени); а также во Франции и в России способствует формированию убеждения, что разрушительная для них война оказывается выгодной Америке, что делает ее объективно заинтересованной в максимально долгом ведении военных действий. Излишнее давление американцев в этом контексте могло быть истолковано как желание Нового Света использовать самоубийственную глупость старого.

Маневры русской дипломатии

Прежняя схема — Россия — Запад Европы — начинает по ходу войны уложиться за счет «включения» в Запад Соединенных Штатов, а затем, в свете дипломатической активизации, Японии. С течением времени растущий азиатский колосс не менее успешно, чем Америка, начинает пользоваться стесненным положением российского государства. Колебания и зигзаги царской дипломатии объяснить несложно: ослабевшая страна пыталась за счет расширения своих связей избежать создания «смертельно необратимых» связей с одним из партнеров.

Россия пыталась спастись от зависимости от западных союзников посредством тайной договоренности с Японией. Сазонов и Мотоно подписывают 3 июля

1916 г. секретный договор, который готовился в тайне — о нем не знали даже многие министры. Россия стремилась избежать односторонней зависимости и диверсифицировала свои связи. Японское правительство откровенно заявила, что готово предоставить значительно большую помощь, если Россия сочтет возможным компенсировать ее усилия. Царь спросил о характере компенсации. Японское правительство желало получить северную половину Сахалина. Николай отказался обсуждать этот вопрос — он не может уступить ни пяди русской территории. В конце концов Россия еще не потерпела поражения в войне.

Японцы оценили договор как свой успех — посол Мотоно за этот договор получил титул виконта и стал министром иностранных дел. Договор вызвал в Японии волну банкетов. Россия же поставила свою подпись молча. Договор был направлен, прежде всего, на согласование контроля над Китаем. «Обе высокие договаривающиеся стороны признают, что их жизненные интересы требуют предотвращения овладения контролем над Китаем любой третьей державы, питающей враждебные намерения в отношении России или Японии... В случае, если третья держава объявит войну одной из договаривающихся сторон, другая сторона по первому же требованию своего союзника должна прийти на помощь». Япония стремилась исторгнуть из Китая не только немцев, но и англичан, французов, американцев, а Россия соглашалась на условия, которые виделись ей оптимальными в сложившейся ситуации. Для России возникало как бы страховочное азиатское направление приложения русской энергии — в том случае, если дела на Западе пойдут совсем худо.

Это был подстраховочный договор царского правительства — последний крупный акт, подготовленный Сазоновым с целью избежать сверхзависимости от Британии. Частично это касалось и Соединенных Штатов, по мере того как они начинали овладевать экономичес-

кими позициями в России. Петроград с согласия Японии теперь мог укрепить свою стратегическую континентальную мощь, как бы «окапываясь» в Евразии, получая китайскую зону влияния и противостоя державам, чья мощь так отчетливо проявилась на морях. По мнению посла Френсиса, «Япония использовала неспособность России защитить свою восточную границу и продиктовала русско-японский договор, подписание которого я, к сожалению, не смог предотвратить; но я немедленно выразил свое неодобрение русскому правительству».²⁶⁰

Американцев в этой ситуации больше беспокоила возможность азиатского возвышения Японии, чем России (в которой Америка видела скорее силу, сдерживающую японскую экспансию). «Если Япония овладеет контролем над Китаем, — писал американский посол Френсис, — она сможет мобилизовать и обучить армию, которая сможет превзойти даже современную армию России, и тогда в мире действительно появится «желтая опасность»».²⁶¹

Британия — главный контрпартнер России в азиатских проблемах — была обеспокоена выбором Россией в качестве партнера державы, с которой она прежде воевала и у которой был договор с Британией. В связи с японской инициативой в октябре 1916 г. посол Бьюкенен посетил императорскую ставку в Могилеве (в первый и последний раз). Официальной целью было вручение императору британского ордена. Неофициальной — желание выяснить характер нового соотношения сил в Азии. «Париж стоит обедни, почему бы не отдать Японии Северный Сахалин?»²⁶² Бьюкенен должен был исходить из уже сложившейся ситуации: Япония уже снабжала русскую армию значительным объемом оружия и амуниции (действуя в этом своего рода конкурентом западных поставщиков). Царь постарался успокоить англичанина, но определенное смещение сил в Азии стало очевидным.

Ослабление основ союза

После наступления Брусилова численность ощутивших свою уязвимость австро-германских войск была увеличена с 1300 до 1800 батальонов. «Это увеличение на 530 батальонов, — пишет Черчилль, — в то время как численность германских войск на Западном фронте составляла 1300 батальонов, показало мощь российских операций в эти месяцы».²⁶³ Понеся урон, коалиция Центральных держав под водительством Германии — во второй раз за период войны — сумела восстановить свою силу. Как и после Львова и Марны, Германия начала работать на пределе своих огромных возможностей. Она сумела подготовить к 1917 г. исключительные по мощи силы.

Время начало работать против связки Россия-Запад; тяготы войны подточили союз; крепла внутренняя оппозиция. На Восточном фронте не полностью искорененная нехватка боеприпасов исключала новые масштабные действия. Нокс записал в дневник 5 ноября 1916 г.: «Без аэропланов и гораздо более мощных орудий, снарядов к ним, а также умения все это использовать, посылать русскую пехоту против германских оборонительных линий представляет собой бойню, бессмысленную бойню».²⁶⁴

Дело было уже не только в отсутствии аэропланов. Во время аудиенции у императора в ноябре 1916 г. Бьюкенен взял на себя смелость указать царю на серьезность внутреннего положения, на рост германского влияния, на антибританскую кампанию в России. Посол утверждал, что «германофилы в России работают в пользу мира, благоприятного для Германии, и пытаются убедить общество, что Россия ничего не выиграет от продолжения войны».²⁶⁵ Император ответил, что тот, кто заводит такие речи, поступает преступно. Он не столь драматично оценивал текущую ситуацию, он обещал не поддаваться влиянию прогерманских сил. На-

чинать с немцами переговоры тогда, когда русские области находятся еще в руках врагов — измена. Царь напомнил об обещании не заключать мира, пока последний неприятельский воин не покинет русской земли. Царь был настроен весьма враждебно в отношении Германии. «Он сказал, — пишет Бьюкенен, — что ничто не заставит его щадить Германию, когда придет время для мирных переговоров».²⁶⁶

Запад пришел к выводу, что русский император находится в своего рода самоослеплении, не замечая пришедших в движение оппозиционных сил. Палеолог называет Парижу в качестве главы прогерманской партии премьера Штюверма. Палеолога взволновали три гравюры, выставленные в кабинете Штюверма: венский, парижский и берлинский конгрессы XIX века. Хозяин указал на соседствующее место, которое он оставил для изображения будущего московского дипломатического конгресса. Палеолог: «Но разве это будет конгресс? Разве мы не условились принудить Германию согласиться на наши условия?... Мы заинтересованы в урегулировании общих условий мира между союзниками, чтобы заставить наших врагов принять их целиком. Часть работы уже сделана: мы пришли к соглашению по вопросам о Константинополе, проливах, Малой Азии, Трансильвании, Адриатическом побережье и пр. Остальное будет сделано в свое время. Но прежде всего нужно добиться победы».²⁶⁷

Испытывая беспокойство того же рода, британский посол попытался укрепить решимость России как союзника Запада новыми территориальными приращениями — он без обиняков пытался стимулировать своего союзника возможностью «выпрямления русских границ за счет Германии». Такие аргументы действовали уже все более слабо. Николай ответил, что как ни плохи нынешние русские границы, ему придется довольствоваться ими. Немцы должны быть изгнаны из Польши, но русское наступление далее на запад стоило бы слиш-

ком больших потерь. Целью царя было создание объединенной Польши под протекторатом России как буферного государства между Германией и Россией, но он не питал надежд на включение в Польшу ее западных земель, таких как Познань. Помимо прочего, это навеки ожесточило бы Германию.

На Западе стали приходить к выводу, что территориальные посулы теряют свою привлекательность для России. Лондон и Париж уже меньше думают об укреплении наступательной мощи русской армии — здесь начинают молиться, чтобы эта армия просто устояла. Разведка доложила западным правительствам о резком ослаблении русского тыла. Во время встречи с царем Бьюкенен сообщил Николаю сведения, полученные им от британских консулов: «Крестьянство, всегда считавшее императора непогрешимым, начало терять эту веру: самодержавие теряет почву вследствие непредусмотрительности своих министров».²⁶⁸

Прорыв Брусилова до определенной степени вернул престиж русского оружия, но общая перспектива стала видеться безотрадной. Несмотря на несомненный успех России в 1916 г., западные союзники к концу года уже безо всякого оптимизма смотрели на ее будущее как военного союзника. Если Западный фронт выступил со всеми современными достижениями военной технологии, то на огромном фронте от Риги до Карпат отсутствовала тяжелая артиллерия и авиация. В случае же поражения Румынии (а в октябре такая возможность обозначилась явственно), уязвимым станет весь южный фланг России — вплоть до Одессы.

Но более всего Запад к концу 1916 года волнует уже не положение на фронтах, а внутренняя устойчивость восточного колосса. Уезжающий из России посол Японии Мотоно спросил 11 октября 1916 г. посла Палеолога, что того тревожит в России, и услышал в ответ, что смертельную угрозу для Запада представляет подъем социальных сил, видящих ситуацию подходящей для

смены политической элиты, для низвержения царя и установления нового политического строя. Есть еще преграды на пути взрыва, но они уже колеблются. «Либеральные партии Думы пока отложили свои требования. Но события могут развиваться помимо их воли. Военного поражения, голода, дворцового переворота — вот чего я особенно боюсь. Если произойдет одно из этих трех событий, последует неминуемая катастрофа».²⁶⁹

Посол Бюкенен не успокаивал своих руководителей розовыми по тону депешами. 18 октября он, отмечавший твердость России в первые годы войны, начинает корректировку своей оценки: «Никогда еще со времени начала войны я не чувствовал себя столь подавленным сложившимся здесь положением, особенно имея в виду будущее англо-русских отношений. Германское влияние сделало огромные успехи с тех пор, как Сазонов оставил министерство иностранных дел. Немцы, которые прежде заявляли, что мы заставляли Россию нести все тяготы войны, теперь переменили тактику и изображают Великобританию с ее морскими силами и новой армией как будущую главную мировую силу, желающую продолжать войну для удовлетворения своего собственного непомерного честолюбия. Это Великобритания, — неустанно повторяют они, — принуждает Россию продолжать войну и запрещает ей принять благоприятные условия мира, которые готова предложить Германия, и потому именно Великобритания ответственна за лишения и страдания русского народа... Потери, понесенные Россией, столь колоссальны, что вся страна охвачена печалью. В недавних безуспешных атаках у Ковеля и в других местах принесено в жертву без всякой пользы так много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выиграет от продолжения войны».²⁷⁰

Рок надвигающихся событий был ощутим в русском обществе. В октябре 1916 г. Морис Палесолог видит на лицах представителей высшего света вуаль меланхолии.

Нужно быть слепым, пишет он в дневнике 4 октября, чтобы не видеть зловещих предзнаменований. Румыны с великим трудом оказывают сопротивление на Карпатах, в случае их конечного ослабления возможно крушение всего южного фланга Восточного фронта. Над Россией уже поднялись темные тучи. Затянувшаяся война, неуверенность в победе, экономические затруднения, отсутствие чувства подлинной цели в войне резко осложнили внутреннюю ситуацию в России.

Канун краха

Следует отметить, что война вызвала небывалое напряжение российской экономики. Военные расходы России составили в 1914 г. 1655 млн. руб., в 1915 г. — 8818 млн. руб., в 1916 г. — 14573 млн. руб., а за восемь первых месяцев 1917 г. они равнялись 13603 млн. руб. Общая сумма военных расходов России между началом войны и 1 сентября 1917 г. составила 38650 млн. руб.²⁷¹ Чтобы покрыть эти расходы, Россия между августом 1914 г. и сентябрем 1917 г. взяла займы на сумму 23908 млн. рублей, из которых 11408 млн. рублей составили внутренние займы, 4429 млн. — облигации и 8070 млн. — внешние займы. Займы, как мы видим, составили 61,9 процента всех фондов, мобилизованных для ведения войны, но только 20,9 % были получены от зарубежных кредиторов.²⁷²

Прислушаемся к мнению признанного авторитета в области экономики — М. Т. Флоринского: «Различие в процессе, приведшем к крушению Центральных держав, и процессе, сокрушившем Россию, поразительно. Россия испытывала муки не в виду истощения ее ресурсов, а из-за неспособности полностью использовать их. Но если объем ее продовольственных запасов не был полностью истощен, как это имело место в Германии и Австро-Венгрии, остается все же справедливым

утверждение, что ее промышленность была безнадежно неадекватна поставленной задаче и что нехватка промышленных товаров вместе с недостаточной эффективностью железных дорог привела к страданиям городского населения во второй половине войны».²⁷³

Наступает канун краха союза России с Западом. В недобрых предчувствиях западные дипломаты анализируют состояние русского общества и его вождей. В ресторане «Донон» экс-премьер Коковцов говорит Палеологу: «Мы движемся к революции». Сидящий рядом Путилов не согласен: «Вовсе нет. Мы движемся к анархии. Между ними большое различие. Революционеры пытаются что-то перестроить; анархисты думают только о разрушении».²⁷⁴ Палеолога более всего интересует ход мыслей царя. У конфидантов царя складывается представление, что он контролирует положение. В его речах ничего не изменилось, он по-прежнему выражает волю к борьбе и уверенность в победе, но те, кто видел его осенью 1916 г., отмечают печальные черты. В его действиях, в выражении лица, в фигуре, во всех отражениях внутренней жизни проступили признаки уныния, апатии, покорности.

Западные правительства запрашивают: кто представляет опасность, кто способен обратить Россию на путь сепаратного соглашения с Германией? Накал мировой борьбы достигает пика, и Запад желает знать своего противника в России. Вывод лучших специалистов: это дворянство балтийских провинций, группа высших лиц при дворе, реакционная партия Государственного Совета и Думы, фракции сената, часть крупных финансистов и промышленников. Их лидерами являются Штюермер, Распутин, Добровольский и новый министр внутренних дел Протопопов. Прогерманская партия оказывает влияние на императрицу, а та — на императора. В случае возобладания прогерманской партии император Николай вынужден будет отречься от престола в пользу своего сына под регентством им-

ператрицы. Впервые открыто обсуждается возможность измены России своим союзникам.

Западные послы приходят к выводу, что их задачей является свержение Штюрмера. Они еще не представляют себе своего подлинного противника — российскую социал-демократию. А именно в это время оживили свою работу социал-демократы, особенно крайние среди них — большевики. Вождями нарастающего движения выступили три депутата Государственной Думы — Чхеидзе, Скобелев и Керенский. Ощутимой для западных послов становится деятельность заграничных лидеров социал-демократии — Плеханова в Париже и Ленина в Швейцарии. Отмечается организованный характер деятельности русских социалистов, их чрезвычайная вера в свои силы. «Что в особенности, — пишет Палеолог, — поражает меня в петроградском триумвирате — это практический характер их деятельности. Разочарования 1905 г. принесли плоды. Они не ищут больше соглашения с «кадетами», потому что они буржуа и никогда не поймут пролетариата; нет больше иллюзий на счет немедленного содействия со стороны крестьянских масс. Поэтому ограничиваются тем, что обещают им раздел земли. Прежде всего организуют «вооруженную революцию». Путем тесного контакта между рабочими и солдатами будет установлена «революционная диктатура». Победа будет одержана благодаря единению фабрик и казармы. Керенский — душа этой работы».²⁷⁵

Русские офицеры, которые всегда бравировали перед Западом огромной массой и природной стойкостью русской армии, к концу 1916 г. также стали подавать признаки усталости. Утомление, уныние и раздражение росли с каждым днем. 17 октября 1916 г. адъютант великого князя Михаила (брата императора) барон Врангель поделился с французским военными атташе впечатлениями, вынесенными из Галиции: «Русский фронт обложен от одного конца до другого. Не рассчитывайте больше ни на какое наступление с нашей стороны. К тому же мы бессильны

против немцев, мы их никогда не победим». На Западе признавали исключительные качества германской армии, но такая степень отчаяния была там неведома. Русская откровенная усталость заставляла Запад усомниться в союзнике. Зима 1916—1917 гг. начиналась при самых мрачных предзнаменованиях.

Общество усиленно искало «козла отпущения» русских бед и с легкостью его нашло. Распутин, который в иных условиях никогда бы не вышел на главные подмостки русской истории (и который в текущий момент более других способствовал крушению морального авторитета царствующего дома) высказывал разносившиеся по городу суждения: «Слишком много мертвых, раненых, вдов, слишком много разорения, слишком много слез... Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и скажи себе, что каждый из них оставляет за собой пять, шесть, десять человек, которые плачут. Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре... А те, которые возвращаются с войны, в какой состоянии, Господи Боже!.. Искалеченные, однорукие, слепые!.. Это ужасно! В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе». Даже рациональный ум западных представителей ставил Распутина главным источником бед и сокрушителем союзнической лояльности.

Следует признать, что правительство, при всей посредственности его лидеров, сознавало критический характер сложившегося положения. Посол Палеолог слышал самую пессимистическую оценку внутреннего положения в России от начальника канцелярии премьерера Штюрмера Мануйлова. «В тылу полное разложение. Тыловые части ровно ничего не делают или во всяком случае недостаточно заняты. Вы знаете, что зима — самое неудобное время для военного обучения. Но в этом году это обучение проходило в особенно сокращенном и упрощенном виде из-за недостатка ружей, пулеметов, орудий, а главное — из-за недостат-

ка в офицерах. Кроме того, солдаты очень скверно помещены в казармах. Их набивают как сельдей в бочку. В Преображенских казармах, рассчитанных на 1200 человек, помещены 4000 человек. Представьте себе их жизнь в душных и темных помещениях! Они проводят целые ночи в разговорах. Не забывайте, что среди них есть представители всех народностей империи, всех религий и сект, есть даже евреи. Это прекрасный бульон для культуры революционных бактерий. И наши анархисты, конечно, прекрасно это понимают.²⁷⁶ Слыша вместо обычной бравады этот вопль о грядущем несчастье, Палеолог сделал вывод, что падение русского режима не за горами.

Бьюкенен впервые говорит, что крен к нейтрализму в России серьезен и страна охвачена глубоким сомнением. Самым важным британский посол считал падение морального духа армии. Он пишет в Лондон: «Если здесь произойдут волнения, то, как мне передают, армия откажется сражаться». Кто вызовет взрыв? По мнению, посла «волнения будут вызваны скорее экономическими, чем политическими причинами, и начнут их не рабочие на фабриках, но толпы, стоящие на морозе в очередях у продовольственных лавок».²⁷⁷

Анализ причин этого скоротечного распада указывал на изоляционизм, типичное для русской политической жизни непомерное «колебание маятника», слепоту верхов, переход стоицизма низов на определенном этапе в безудержную ярость, отчуждение интеллигенции от общественной жизни, несовершенство партий, некритично следовавших за лидерами, проявившими хрупкость характера. Спасение союзника начинает видаться в создании в России на массовом уровне более привлекательного образа западных союзников — посол Бьюкенен развивает необычайную активность, пытаясь создать в обществе дружественные чувства к Британии. В ноябре 1916 г. под главенством председателя Государственной Думы создается англо-русское общество.

К концу 1916 г. западные посты установили настолько тесные связи с представителями различных политических партий, что их (в частности, посла Палеолога) всерьез спрашивали, не работают ли они тайно в пользу революции. Углубленное знакомство Запада с политическими партиями России (альтернативой самодержавию) создало на Западе образ неспособной к широким внутренним политическим компромиссам России. Лидеры партий в интересах политической борьбы переходили грань разумного критицизма в отношении правительственных структур. Они касались запретной на период войны темы — сомнений в подлинности патриотизма своих политических противников. В ноябре 1916 г. лидер конституционных демократов Милюков со всей силой своего таланта в Государственной думе (вопрошая, «Что это — глупость или измена?») публично заклеймил председателя совета министров Штюрмера как изменника. Успех у общества вознес политика — профессора — до небес популярности, но способствовал ли он здоровой оптимизации государственного механизма?

Кризис царизма

Опорой Штюрмера оставалась императрица Александра Федоровна. Западные послы, видя это, переносят огонь критики на державную властительницу, с необычайной легкостью обращаясь с основами государственного строения России. Бьюкенен пишет: «Ее Величеством, к несчастью, владела мысль, что ее призвание заключается в спасении России. Она полагала — и в принципе, как показали последующие события, не без основания — что самодержавие есть единственный режим, который может обеспечить единство империи. Она знала, что император слаб и потому внушала ему твердость. Она неоднократно повторяла, что он должен быть самодержцем не только по имени, но и на деле.

Желая помочь и хоть отчасти облегчить ему бремя двойной роли самодержца и верховного главнокомандующего, она приняла активное участие в управлении страной и, защищая политику «напролом», была искренне убеждена, что действует в интересах России.²⁷⁸

В трагическом свете возникает фигура последнего императора. Именно в эти дни Палеолог вспоминает, что говорили о Юлии Цезаре: «У него есть все пороки, но ни одного недостатка». Можно сказать, что у Николая Второго не было пороков, но у него был наихудший для самодержавного монарха недостаток: фактическое отсутствие характера лидера. Бьюкенен считал, что природой вещей предопределено так — слабый всегда уступит сильному; в данном случае, император поднял под влияние более сильной характером императрицы. Та, разумеется, существовала не в вакууме. Относительно небольшая клика авантюристов оказывала влияние на царицу, используя ее практически в качестве бессознательного средства для реализации своих требований.

Огромный корабль не мог потонуть сразу. На капитанском мостике еще видели спасительные маршруты. Один из них предполагал перемену лиц в высшем государственном эшелоне. Ощущая серьезность кризиса, режим пытался выйти из него за счет перемен в правительстве. В десять часов вечера 23 ноября 1916 г. один из осведомителей посла Палеолога передал записку: «Г.Штюмер ушел в отставку и заменен на посту председателя совета министров г. Треповым». Новость восхитила посла. Свое удовлетворение Палеолог обосновывал несколькими «аксиомами»: Трепов — непримиримый противник Германии; он человек деятельный, энергичный, умный и методичный; у него большой практический опыт. Пытаясь скрепить респондующиеся межсоюзнические связи, Палеолог вручил Трепову орден Почетного легиона.

Но золото уже на глазах теряло цену. Наступала пора всеобщей инфляции. Наедине с французским

послом, накануне речи в Думе премьер Трепов говорил: «Для России наступил решительный момент. Если мы будем продолжать идти тем же аллюром, немецкая партия возьмет верх. А тогда катастрофа, революция, позор». Французы предпочли поверить в действенность производимых персональных перемещений. Союзных послов удовлетворила замена на посту начальника генерального штаба генерала Алексеева генералом Гурко. Между тем в данном случае лихой боевой генерал заменил столь нужного России аналитика.

Англичане оказались не столь легковверными. В отличие от Палеолога, Бюкенен не ожидал ничего особенного от смены Штюмерера Треповым, оказавшимся, к тому же неприемлемым для Государственной Думы. Встреченный криками и свистом, он трижды оставлял трибуну, прежде чем получил возможность говорить. Его программа: 1) война до конца — Россия не отступит ни перед какой жертвой; 2) цель — овладение Константинополем и проливами, оказание помощи Румынии; 3) Польша будет восстановлена в своих этнических границах и образует автономное государство; 4) обеспечение сотрудничества с Думой до благополучного конца войны.

Выдержка Трепова произвела определенное впечатление на Бюкенена. «Политическая декларация была очень удовлетворительна, и Трепов подчеркивал как необходимость продолжения войны до победного конца, так и борьбы с германцами и на поле сражений, и внутри страны. Однако Дума продолжала держаться враждебно, и даже заявление о соглашении относительно Константинополя, которое уполномочили его сделать союзные правительства, было встречено совершенно равнодушно. Дума и общество были до такой степени захвачены внутренним кризисом, что не могли думать ни о чем другом».²⁷⁹

Тем временем патриотически настроенные офицеры организовали убийство человека, олицетворявшего для четы Романовых безбрежную Россию. С точки зре-

ния Бьюкенена, убийство Распутина, хотя и вызванное патриотическими мотивами, было фатальной ошибкой. Оно заставило, по его словам, императрицу решиться быть более твердой, чем когда-либо, и оно было опасным примером, так как побудило народ приняться за осуществление своих идей на деле. Оно сделало более затруднительным для императора вступить на путь уступок, даже если бы он решился на них, так как в этом случае он дал бы возможность подозревать, что он уступил, опасаясь за свою жизнь.

Тем временем в Лондоне приходит к власти правительство Дэвида Ллойд Джорджа, знаменуя собой смену поколений в британской политической элите. Уход Асквита и Грея насторожил русское общество. Ведь именно эти политики продемонстрировали лояльность в отношении России в критическом августе 1914 г. Бьюкенен фиксирует негативные комментарии в русской прессе и обществе. Почти двадцать пять лет внешней политикой Англии управлял сэр Эдуард Грей. Он был сторонником британо-русской дружбы и сближения, он хотел прекратить вековую вражду и разделить мир между державами, самой природой предназначенными главенствовать на суше и море. Россия помнила этого деятеля и скорбела по его уходу. Теперь вставал вопрос о преемнике. Ллойд Джордж был известен своей эффективностью и реализмом. Не потребует ли этот реализм более жесткого обращения с неэффективной Россией?

Обладая лучшей среди союзников службой добычи и анализа информации, англичане лучше прочих иностранцев (включая немцев) знали ситуацию в России. В конце 1916 г. британская дипломатическая и разведывательная служба приходят к неутешительному для себя выводу о кризисе власти в России. Британский посол Бьюкенен осмелился говорить царю Николаю в декабре 1916 г. то, чего он никогда бы не осмелился сказать раньше: «Лишь один курс открыт для Вас, а именно: разрушить барьеры, которые разделяют Вас от Вашего народа, и восстановить

его доверие». Император Николай, еще живя в мире собственных представлений, постарался перефразировать вопрос в благоприятном для себя ракурсе: «Должен ли я вернуть доверие своего народа, или народ обязан восстановить мое доверие к нему?»²⁸⁰

Царственное высокомерие еще не отпускало Николая. Но Бьюкенена уже менее всего интересовал политэс в минуту, когда существование России, связанное с существованием его страны, подошло к критической черте. Он выразился прямее тех министров и советников, чьим прямым долгом было оградить императора и спасти династию. «Вы подошли, сэр, к развилке дорог, и Вам нужно сейчас избрать один из двух путей. Один ведет Вас к победе и доблестному миру. Второй ведет к революции и несчастью».²⁸¹

Французская сторона тоже стала подходить к оценке России, как союзника, с вопросительным знаком. Старейший западный союзник стал исчерпывать запас своего доверия. Палеолог записал в дневнике 25 января 1917 г.: «Адмирал Нилов, генерал-адъютант императора, имел мужество открыть самодержцу всю опасность положения; он дошел до того, что умолял удалить императрицу как единственное еще средство спасти империю и династию. Николай II, обожающий свою жену и рыцарски благородный, отверг эту идею с резким негодованием. — Императрица — иностранка; у нее нет никого, кроме меня, кто мог бы защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину».²⁸²

Монарх, который не сумел обеспечить готовность своей страны, бросив ее против лучшей армии мира, который потерял связь со своим народом, одновременно не найдя ответственных помощников, способных эту связь сохранить, подошел к последней черте. После убийства Распутина Николай бросается в Царское село, манкируя военным совещанием, на котором он был особенно нужен ввиду отсутствия заболевшего (и находившегося в Крыму) Алексеева. Генерал Гурко молился

о пассивности немцев — Россия была на несколько дней буквально обезглавлена.²⁸³

В конце 1916 г. в России, в ее верхах, уже не спрашивали, случится ли революция. Спрашивали: когда она случится. Двоюродный брат Николая великий князь Александр Михайлович увещевал: «Так долго продолжаться не может».²⁸⁴

Итоги года

1916 г. прошел под знаком двух событий: на Западном фронте — битвы за Верден (где французы потеряли 650 тысяч человек), на Восточном фронте — наступления Брусилова, где потери были не меньше. К концу года на Западном фронте 127 германским дивизиям противостояли 169 дивизий союзников (106 дивизий — французы, 56 дивизий — англичане, 6 дивизий — бельгийцы, одна русская дивизия). На Восточном фронте у русской армии теперь было 16 тысяч пулеметов — ровно столько, сколько было у немецкой армии на Западном фронте. Важным достижением России было завершение строительства железной дороги Петроград — Мурманск. В конце года под ружьем у России были более девяти миллионов человек, у Германии — семь миллионов, Австрии — пять миллионов. В войне теперь участвовали одиннадцать европейских наций (последней к Антанте присоединилась Португалия). На стороне России были Франция, Британия, Италия, Сербия, Бельгия, Румыния, Португалия и Япония. Британия вела за собой доминионы — Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, а также Индию и Вест-Индию. Им противостояли Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и Болгария. Чехи, поляки и словаки ожидали шанса на самоопределение.

Значительная перемена произошла в Лондоне. Смертельно утомленный войной Герберт Асквит был сменен

6 декабря на посту премьер-министра Дэвидом Ллойд Джорджем. За океаном президент 7 ноября 1916 г. Вудро Вильсон был переизбран президентом и через неполные две недели обратился к воюющим странам с предложением найти выход из военного тупика. Ответом было глухое молчание.

Но и Германия подошла к пределу своих сил. После слепого и бесполезного упорства при Вердене, после британского наступления на Сомме, после прорыва Брусилова даже кайзеру стало ясно, что достижение победы проблематично. Требовался некий новый ход. Вильгельм Второй увидел его в предоставлении автономии полякам. Министру иностранных дел Ягову он пишет: «Давайте создадим Великое герцогство Польское с своей польской армией под командованием наших офицеров. Мы сможем использовать эту армию».²⁸⁵ 5 ноября было провозглашено Польское королевство со столицей в Варшаве. Этот шаг имел немалые последствия — он ликвидировал последние возможности германо-русской договоренности. Бетман-Голвег ощущал это лучше других: в Стокгольме уже велись секретные переговоры между германским промышленником Хуго Стиннесом и вице-председателем Думы А.Д.Протопоповым. Царь, возможно, был готов на многое, но не на создание из русской Польши государства под германским протекторатом.

В конце года в Европе активно обсуждали неожиданную смерть престарелого императора Франца-Иосифа. Первой новостью для его наследника — императора Карла — было сообщение о переходе 23 ноября генерала Макензена через Дунай, чему способствовал понтонный мост, сооруженный австрийскими инженерами. Через два дня румынское правительство в панике покинуло Бухарест и переместилось ближе к русским войскам — в Яссы. 6 декабря Макензен въехал в Бухарест на белой лошади, а кайзер открыл шампанское. Теперь в руках немцев были пять столиц оккупированных стран:

Брюссель, Варшава, Белград, Четиные и Бухарест. Спро-ектированная Фалькенгайном операция дала Германии одну из житниц Европы.

Стараясь использовать благоприятный момент, кан-цлер Бетман-Гольвег выступил 12 декабря в рейхстаге с предложением начать переговоры о мире в одной из нейтральных столиц. Ответом французов было наступ-ление в районе многострадального Вердена. Президент Вильсон предложил каждой из союзных сторон сфор-мулировать свои мирные предложения. Фраза из по-слания Вильсона о том, что США «обладают слишком большой гордостью, чтобы воевать», покорила мно-гих в воюющих странах. Царь Николай отверг предло-жение Вильсона в очередном приказе по армии 25 де-кабря. Ллойд Джордж ответил, что «склонен положиться скорее на непоколебленную армию, чем на поколеб-ленную веру».²⁸⁶ 30 декабря страны Антанты офици-ально отвергли предложение Бетман — Гольвега как «пустое и неоткровенное». На следующий день генерал Людендорф потребовал начала неограниченной под-водной войны. Кайзер поделился с ближайшим окру-жением, что «теперь побережье Фландрии определенно будет нашим». В конце года немцы начали бомбить Лондон не с цеппелинов, а с аэропланов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФЕВРАЛЬ И СОЮЗНИКИ

На протяжении столетий массы населения России выносили войны, болезни и материальные лишения с твердостью, которая лишь очень редко сменялась силовым противостоянием с царями и их правительствами. Снова и снова в полстолетия перед Великой Войной крестьянский фатализм хоронил все надежды русских радикалов, которые ошибочно полагали, что крестьянство должно восстать, а не выносить условия своей жизни. Крестьянский фатализм казался безграничным.

У. Брюс Линкольн, 1986.

Я не против чувств пацифистов, я против их глупости.

Президент Вильсон, 1917.

Я обязан доложить, что в настоящий момент Российская империя управляется лунатиками.

М. Палеолог, 1917 .

В январе 1917 г. внутренний кризис в России приблизился к апогею. Премьер Трепов, не сумев сместить фаворита императорской четы министра внутренних дел Протопопова, ушел в отставку, и правительство возглавил немолодой и консервативный князь Голицын. В Думе Керенский, ощущая себя гласом народным, возвысил голос против тех «поверхностных мыслителей, которые призывают к сдержанности только для того, чтобы отсидеться на теплых местечках».²⁸⁷ Депутат Шульгин писал великому князю Николаю Михайловичу (пожалуй, самому умному среди Романовых), что «в слова теперь никто не верит».²⁸⁸ Ситуация обострилась настолько, что за

столом у Бьюкенена аристократы обсуждали вопрос, будет ли убита императорская чета в ходе грядущих потрясений. Легкость мыслей русских с трудом воспринималась основательным британцем, и он потребовал серьезного анализа складывающейся ситуации. Аргументы тех, кто видел впереди крах, были достаточно убедительны — их подтверждали дипломатические и разведывательные источники западных посольств.

В Берлине бросают жребий

Кайзер Вильгельм решил окончательно определить свою позицию в отношении неограниченной подводной войны. В течение января 1917 г. германские подводные лодки потопили 51 британское судно, 63 прочих корабля стран-противников и 66 нейтральных судов (это составляло примерно триста тысяч тонн — треть приходилась на британские корабли). Этого было много для ущерба, но недостаточно для перелома в крушении промышленных центров Антанты. На Коронном совете 9 января 1917 г. начальник военно-морского штаба фон Хольцендорф заверил кайзера и присутствующих, что неограниченная подводная война приведет к капитуляции Британии через шесть месяцев. Кайзер спросил адмирала, какой будет реакция Соединенных Штатов Америки. «Я даю Вашему Величеству слово офицера, что ни один американец не высадится на континенте».²⁸⁹ Эти слова произвели впечатление. Гинденбург поддержал адмирала — в противном случае противник одолеет Германию в области промышленного производства. Бетман-Гольвег (традиционно уже) предупредил, что неограниченная подводная война вовлечет в конфликт Соединенные Штаты. Но, имея против себя руководство армии и флота, он снял возражения.

9 января 1917 г. обергофмаршал двора Фрайхер фон Рейшах увидел в замке Плесс одиноко сидевшего Бет-

ман-Гольвега. «Я вошел в комнату и увидел его абсолютно разбитым. На мой смятенный вопрос: потерпели ли Вы поражение? он ответил: «Нет, но наступает конец Германии. В течение часа я выступал против подводной войны, которая вовлечет в войну Соединенные Штаты. Это будет слишком много для нас. Когда я кончил, адмирал фон Хольцендорф вскочил на ноги и сказал: «Я даю гарантию, как морской офицер, что ни один американец не высадится на континенте». «Вы должны уйти в отставку», — прокомментировал Рейшах. «Я не хочу сеять раздор, — возразил канцлер, — именно в тот момент, когда Германия играет своей последней картой».²⁹⁰ Рейшах пишет, что с этого момента он потерял веру в победу.

Теперь Вильгельм Второй отбросил сомнения. Приказ подводному флоту повелевал «выступить со всей энергией» против любых кораблей, идущих в воды союзников, начиная с 1 февраля 1917 г. Командующий подводным флотом коммодор Бауэр объяснил командирам подводных лодок, что их действия «заставят Англию заключить мир и тем самым решат исход всей войны».²⁹¹

Австрийцы были менее самоуверенны. В Вене глухо звучали речи о необходимости начать мирные переговоры, пока удача не отвернулась от Центральных держав. Граф Чернин предложил 12 января австрийскому кабинету министров начать поиски мира. Его подстегивала декларация союзников в Риме, провозгласившая одной из целей войны освобождение народов, находящихся под пятой Габсбургов — поляков, чехов, словаков, словенцев, хорватов, сербов, румын. А 21 января президент Вильсон в ежегодном Послании нации пожелал создания «объединенной Польши» с выходом к Балтийскому морю. Царь Николай полностью и публично поддержал эту идею. В свете происходящего граф Чернин и его единомышленники вынуждены были спешить.

В Берлине с надеждой и страхом ждали дату 1 февраля — переход к тотальной войне под водой таил неве-

домое. Недавно назначенный министр иностранных дел доктор Альфред фон Циммерман частично разделял опасения Бетман-Гольвега о возможной реакции Америки. На худой конец следовало обезопасить себя обострением мексиканского фактора в американской политике. 19 января 1917 г. он подготовил строго секретную телеграмму германскому послу в Мексике, где говорилось, что «с щедрой германской финансовой помощью» Мексика сможет возвратить себе территории, потерянные ею семьдесят лет назад — Техас, Аризону, Нью-Мексико. Германия и Мексика «будут вести войну вместе и вместе заключат мир». Через несколько дней посол Германии в Вашингтоне граф Бернсторф запросил 50 тыс. долл. для подкупа отдельных членов конгресса

Отвечая на вопросы американского посла в Берлине относительно возросших масштабов неконтролируемых атак германских подводных лодок, Циммерман благодушно изрек: «Все будет в порядке. Америка ничего не собирается предпринимать, ибо президент Вильсон стоит за мир и ни за что более. Все будет продолжаться как прежде».²⁹² Более сотни германских субмарин вышли на битву в океан, и еще сорок ждали своего часа в доках (пятьдесят одна германская подводная лодка была потоплена за два с половиной года войны). Полученная командирами немецких лодок свобода топить все корабли без разбора дала результаты довольно быстро. Но также быстро росла решимость американцев противостоять морскому разбою. 5 марта президент Вильсон объявил о вооруженном нейтралитете своей страны.

Немцы не смогли предусмотреть искусства британских дешифровальщиков. Те сумели прочесть вольные суждения Циммермана о судьбе американских южных штатов, о фактическом предложении Мексике военного союза и передали текст в Вашингтон. Вильсон использовал шанс. 13 февраля он объявил конгрессу, что прерывает дипломатические отношения с Германией. Пока он не просил об объявлении войны, но подошел

к последней черте. 1 марта телеграмма Циммермана была опубликована в американской прессе и вызвала подозрение в грубой подделке. Однако через два дня Циммерман признал свое авторство, и шок американцев подорвал основы их нейтралитета.

Для немцев начало февраля было роковым не только ввиду подводного наступления. 3 февраля германская армия на Западном фронте отступила на искусно подготовленную новую оборонительную позицию — «линию Гинденбурга», экономя (за счет выпрямления линии фронта) тринадцать дивизий. Немцев радовали сообщения о значительном военном ослаблении России, о настоящей антивоенной кампании, развернутой в тылу у русской армии. Генерал Гофман записал в дневнике 16 февраля: «Из глубины России приходят очень ободряющие новости. Кажется, она не сможет продержаться дольше, чем до осени».²⁹³

Англичане берут на себя инициативу

Военный атташе при русской армии полковник Нокс послал в Лондон обстоятельную оценку потерь и возможностей России. В войне убито уже более миллиона русских солдат. Еще два миллиона находятся в плену. Полмиллиона раненых заполняют госпитали. Полтора миллиона либо в долгосрочном отпуске, либо освобождены от несения воинской службы. Миллион солдат дезертировал. «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд».²⁹⁴ Русский кризис привел даже рассудительного британского посла в состояние крайнего возбуждения. Посмотрев в феврале лермонтовский «Маскарад» в трактовке Мейерхольда, аристократически сдержанный Бьюкенен был шокирован «богатством и экстравагантностью, идущими в России рядом с потрясенной и обнищавшей страной», где

русский суд, высшее общество и правительство являются собой не что иное, как «фальшивый маскарад».²⁹⁵ Он попросил короля Георга позволить ему обратиться к Николаю от лица британского монарха. «Мы обязаны сделать это ради императора, который всегда был лояльным другом и союзником; мы обязаны сделать это для России, которая принесла такие жертвы в общем деле; мы обязаны, наконец, сделать это ради самих себя, столь непосредственно заинтересованных в том, чтобы предотвратить грядущую катастрофу».²⁹⁶

Бьюкенен взялся за дело немедленно — прежде всего, нужно было знать мнение основных действующих лиц. Посол пригласил к себе председателя Думы Родзянко: какие уступки царя могли бы удовлетворить русский парламент? Родзянко довольствовался малым: русский парламент настаивает на участии в процессе создания правительства, на назначении председателем совета министров человека, который пользовался бы доверием не только императора, но и народа. Бьюкенен бросился к императору — Запад постарался осуществить последнюю попытку сохранить лояльного союзника. 12 января 1917 г. в сопровождении камергера двора посол прибыл в Царское село. Из окна он увидел императора, быстро шагающего по снегу — так Николай всегда поступал в промежутках между аудиенциями. Вопреки обыкновению, царь не протягивал табакерку и не старался продемонстрировать дружественность. Он стоял посреди комнаты, подчеркивая официальный характер встречи. То был сигнал не касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла.

Встреча началась сожалениями по поводу смерти русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа, много сделавшего для укрепления англо-русской дружбы. Обсуждая его замену, царь упомянул о Сазонове (о его назначении было объявлено несколькими неделями спустя). Отметил значимость союзной конференции, которой предстояло состояться в Петрограде: надеялся, что это будет после-

• дня конференция перед окончанием войны. Именно в этом месте Бьюкенен обрел необходимую смелость, усомнившись в такой перспективе: политическое положение в России не позволяет ожидать от петроградской конференции слишком многого. Царь спросил Бьюкенена о причинах его пессимизма. Тот ответил, что, если даже конференции удастся установить более тесное сотрудничество между союзными правительствами, отсутствует гарантия того, что нынешнее русское правительство останется у власти или что решения конференции будут соблюдаться его преемниками. Чтобы выстоять в страшной борьбе, России необходима солидарность всех классов. «Мы признали в Англии необходимость внутренней солидарности, и именно ради обеспечения сотрудничества рабочих классов Ллойд Джордж включил представителей труда в свой военный кабинет. В России дело обстоит совсем иначе, и я боюсь, что Его Величество не видит важности создания единого фронта перед лицом врага не только как коллектива союзников, но и индивидуально, как нации».²⁹⁷

Бьюкенен имел смелость указать императору, что между ним и его народом выросла стена, что если Россия все еще едина как нация, то она едина в оппозиции нынешней политике императора. Народ, объединившийся вокруг государя в начале войны, увидел сотни и тысячи жизней, принесенных в жертву из-за недостатка винтовок и военного снаряжения. Именно катастрофическая неэффективность администрации породила жестокий продовольственный кризис, политизировавший протест всей страны. Раздором в русском доме воспользовался противник. Он не только стимулировал внутренний протест в России, но постарался посеять раздор между союзниками. «Их агенты работают повсюду. Они дергают за веревки и пользуются как бессознательным орудием теми, кто обычно дает советы Вашему Величеству о выборе ваших министров. Они косвенно оказывают влияние на императрицу че-

рез окружающих ее лиц, и в результате, вместо того чтобы пользоваться подобающей ей любовью, ее величество окружена недоверием и обвиняется в том, что работает в интересах Германии».²⁹⁸

Посол сказал о необходимости назначения председателем совета министров человека, который пользовался бы доверием коллег и народа. Постоянные смены министров губительны. Без обоюдного доверия Россия не выиграет войны. Главою правительства должна быть сильная личность. Царь согласился с этим. Бьюкенен немедленно назвал имя министра внутренних дел Протопопова, вызывающего едва ли не всеобщий антагонизм. Дума не может питать доверия к человеку, изменившему своей партии ради официального поста. Запад сомневается в человеке, имевшем беседу с германским агентом в Стокгольме, чья деятельность вызывает подозрения. На революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России. Император ответил, что это преувеличение и посол делает ошибку, придавая паническим слухам слишком серьезное значение.

Бьюкенен завершил так: «Ваше Величество должны помнить, что народ и армия — одно целое и что, в случае революции, на защиту династии придет лишь небольшая часть армии». Император был заметно тронут и, пожимая на прощанье руку посла, назвал его по имени. (Имевший вслед за Бьюкененом аудиенцию министр финансов Г. Барк никогда не видел царя столь нервным и взволнованным. Было ли волнение императора выражением благодарности, или им овладела жажда мести? Великий князь Сергей Михайлович заметил за обедом, что, будь Бьюкенен русским подданным, он был бы сослан в Сибирь).

К представителям Запада в России стекаются сведения о неизбежности социального взрыва. В конце января 1917 г. один из будущих членов временного правительства известил помощника английского военного атташе полковника Торнхилла, что революция про-

изойдет весной и продлится не больше двух недель. Между англичанами и французами разразился удивительный спор: означают ли гигантские очереди за продуктами в петроградские лавки смирение петроградского населения (англичане), или в этих очередях ощущается растущая ярость (французы).

Межсоюзническая конференция

Взаимоотношения России и Запада должна была зафиксировать межсоюзническая конференция, созываемая в Петрограде в конце января 1917 г. — последний крупный эпизод истории союза России и Запада при царе. На конференции Россию представляли ведущие деятели режима — министр иностранных дел Покровский, военный министр Беляев, министр путей сообщения Войновский, министр финансов Барк, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Гурко, морской министр адмирал Григорьев и др. Английской делегацией руководили министр лорд Мильнер, посол сэр Джордж Бьюкенен, лорд Ревелетон и начальник генерального штаба генерал сэр Генри Вильсон. Во французскую делегацию входили министр колоний Думерг, генерал Кастельно, посол Палеолог. Итальянская делегация — министр Шалоя, посол маркиз Карлотти и генерал граф Рудженери.

Запад уже усомнился в надежности России как союзника, не давая своим делегациям определенных инструкций, не вырабатывая основополагающего принципа для координирования усилий союзников — программы коллективных действий. На приеме в малом дворце Царского Села Николай не пожелал обсуждать главные темы военного союза с Мильнером, Думергом и Шалоя. Восток и Запад как бы замерли отчужденно перед событиями, которые круто изменили их отношения.

Работа союзнической конференции проводилась в трех комиссиях — политической, военной и технической. Генерал Гурко доложил, что Россия потеряла два миллиона убитыми и ранеными, примерно столько же пленными. К началу 1917 г. под ружьем в действующей армии находилось семь с половиной миллионов человек и два с половиной миллиона — в резерве. Наступление русской армии может начаться лишь после завершения обучения и экипировки новых дивизий. Их оснащение займет, возможно, год. Пока русская армия в состоянии удержать противника на Восточном фронте, но в наступательном плане способна лишь на второстепенные операции.

Россия могла быть полезна Западу поддержкой его послевоенных условий. Император Николай согласился с французской позицией по поводу левого берега Рейна, с заявлением Думерга о непризнании за Гогенцоллернами права говорить от имени Германии. В двенадцатом часу истории произошел обмен мнениями о будущем союза, об объединении *навсегда*. Ирония истории. Союзники стояли на грани события, принесшего почти столетнее отчуждение России и Запада.

За столом парадного обеда Палеолог сидел рядом с престарелым министром двора Фредериксом и размышлял о касте «балтийских баронов», которые, начиная с царствования Анны Иоановны, управляли Россией и, будучи лично преданными царям, имели мало общего с русскими. Все их родственники находились на военной или гражданской службе в Германии. Фредерикса интересовало будущее — союзники после войны должны оказывать друг другу помощь в случае внутренних беспорядков, в борьбе с революцией.

Значение Британии как лидера Запада было подчеркнуто местом Бьюкенена по правую руку от императора. В беседе между ними доминировали две темы: продовольственный кризис и численность русской армии. Собеседники согласились, что нехватка хлеба

поведет к забастовкам. Что касается огромных людских ресурсов России, то Бьюкенен заметил, что страна нуждается в более эффективном их использовании. Следовало по примеру Германии установить обязательную для всех граждан вспомогательную службу. Император обещал подумать над этими вопросами. Осталось ли у него время?

Со своей стороны, Россия запросила Запад о материальной помощи. В меньшей степени Англия, в большей — перенапрягшаяся Франция — не видели возможности оказания помощи в просимых русскими размерах. Палеолог оценил запросы русского генерального штаба как чрезмерные: вопрос заключался¹ не в том, чего России недостает, а в контроле над имеющимися ресурсами. Зачем посылать России пушки, пулеметы, снаряды, аэропланы (столь нужные западным союзникам), если у нее нет ни возможности доставить их на фронт, ни воли воспользоваться ими?²⁹⁹

Представители Запада впервые обсуждали стратегические вопросы с российской оппозицией. Пока еще Запад служил для этой оппозиции сдерживающим началом. Говоря с руководителями кадетской партии, министр Думерг убеждал их: «Терпение». Милюков и Маклаков вскочили, как ужаленные: «Мы истощили свое терпение». Маклаков вспомнил слова Мирабо: «Берегитесь просить отсрочки. Неучастие никогда ее не ждет». Западные министры умоляли учитывать нужды военного времени. Они интересовались мнением народа об убийстве Распутина и слышали в ответ следующее: «Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа, доводил до царя голос народа, защищал народ от придворных — и придворные убили его. Вот что повторяется во всех избах». При таком состоянии дел в России мнение специалистов было очень далеким от оптимизма.

Участникам встречи было интересно мнение генерала Кастельно, побывавшего на галицийском фронте.

Эрц-герцог Франц Фердинанд с женой в Сараево в день трагедии
28 июня 1914 г.

Арест Г. Принципа

Британские войска по пути на фронт. 1914 г.

Германские войска по пути на фронт. Август 1914 г.

Русская полевая кухня

Русские сдаются у Танненберга

Северный фронт. Русские солдаты откачивают воду из траншей

Отступление русской армии. Горящая еврейская деревня. 1915 г.

Русские солдаты получили известие об отречении Николая II

Керенский в роли Бонапарта. Май 1917 г.

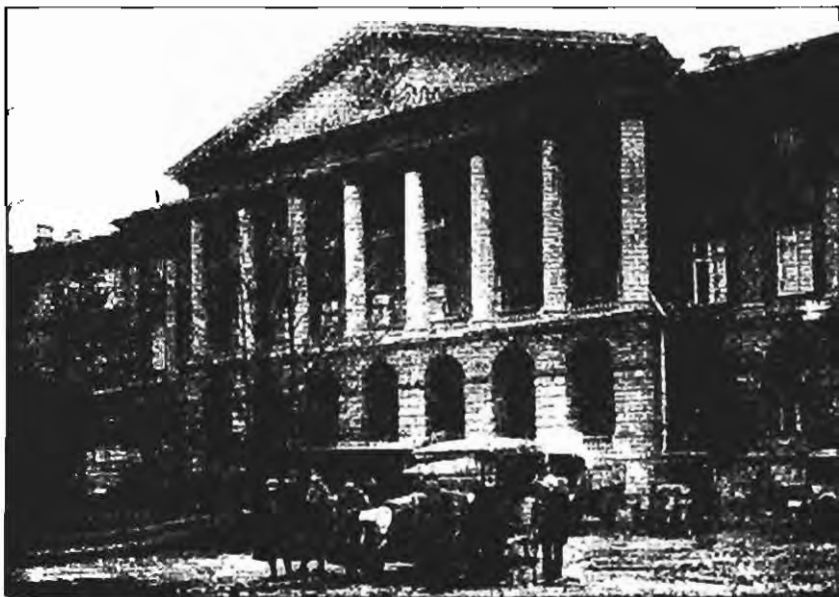
Группа солдат арестовала жандарма. Петроград, февраль 1917 г.

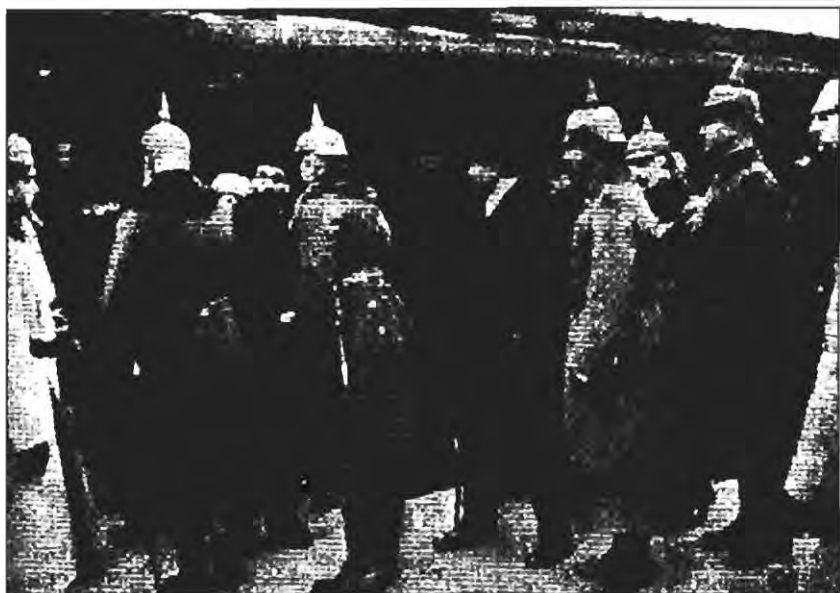

Ударницы женского «батальона смерти» в Зимнем дворце.
25 октября 1917 г.

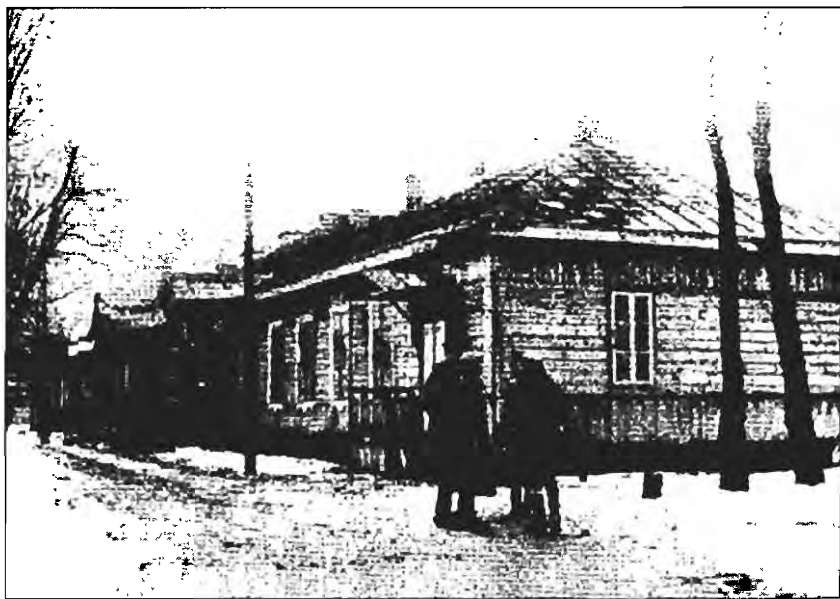
Смольный институт. Начало октября 1917 г.

Делегация большевиков прибывает в Брест-Литовск. 7 января 1918 г.

Брест-Литовск. Дом, где проходила мирная конференция

«Дух войск показался мне превосходным; люди сильны, хорошо натренированы, полны мужества, с прекрасными светлыми и кроткими глазами, но высшее командование плохо организовано, вооружение совершенно недостаточное, служба транспорта желает много лучшего. И, что, может быть, еще важнее, очевидна слабость технического обучения. В русской армии недостаточно освободились от устаревших методов; она отстала больше чем на год от западных армий; русская армия сейчас не способна провести наступление в большом масштабе».

На этой последней крупной встрече Россия и Запад обменялись мнениями о блокаде Греции, о недостаточности японской помощи, о потенциале американского вмешательства, о критическом положении Румынии, о путях координации действий союзников. Представители Запада попытались определить потребности русской армии в материальной области, они начали разработку способов их удовлетворения. Но впервые на высшем межсоюзническом уровне не было ощущения стабильности. Реальность как бы стала зыбкой, над присутствующими витало предчувствие перемен. И западные дипломаты не пытались замаскировать этого предчувствия, напротив, они желали передать в свои столицы чувство горькой реальности.

Палеолог 21 февраля 1917 г. просил Думерга передать президенту республики, что «в России назрел революционный кризис. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, а анархистский дух распространяется во всех классах, даже в армии время больше не работает в России на нас — мы должны теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы».³⁰⁰ Впечатления Думерга совпадали с мнением посла. Россия приготовилась к решительным переменам в худший для этого час — когда противник оккупировал ее территорию и когда лишь единство могло ее спасти. Легкость, с которой русские готовы были

подвергнуть свою судьбу испытанию, изумляла Запад, словно Россия была непотопляемым судном в океане мировой ярости. Палеолог записал накануне Февральской революции: «На какую ни стать точку зрения — политическую, умственную, нравственную, религиозную — русский представляет собой всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас же его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма и дикости».³⁰¹

Роковое напряжение войны

Дж. Бьюкенен предоставил в Лондон свой анализ 18 февраля 1917 г. Две ноты ощутимы: достигнутый уровень отношений удовлетворителен, но будущее малообещающе. «Англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время. Как император, так и большинство русского народа твердо поддерживают англо-русский союз. Масса народа вполне оценивает огромные услуги, которые оказала Великобритания своим флотом, армией и казной, и именно от нее они ожидают осуществления своих надежд на окончательную победу. Большинство народа, включая правительство и армию, едины в решимости вести борьбу до победного конца, но на этом национальное единство кончается. Важнейший фактор — император — плачевно слаб; единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать на его твердость — это война, тем более что императрица, которая в действительности правит Россией, держится здравых взглядов в этом вопросе. Она не является, как это часто утверждают, немкой, работающей в интересах Германии,

но она реакционерка, желающая сохранить самодержавие в неприкосновенности для своего сына; именно поэтому она побуждает императора избирать себе в министры людей, на которых она может положиться в том отношении, что они будут проводить твердую политику — при этом их способности совершенно не принимаются во внимание; в этом она действует как бессознательное других, которые действительно являются германскими агентами». ³⁰² Многим русским, искавшим причины плачевного ведения войны, не хватило именно такого хладнокровного анализа. Выросшие в политической культуре черно-белого контраста, они упорно искали измену и, разумеется, находили ее. Крайность их суждений, увы, обернулась и против России, и против них самих.

Обвинять Запад в политической слепоте довольно трудно. Бьюкенен писал в Лондон в начале 1917 г.: «Политическое недовольство может ежеминутно раздуть тлеющую искру в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны. Запасы топлива на железных дорогах сократились чрезвычайно. Торговля упала до минимума. Многие заводы, производящие вооружение, уже закрыты, и опасность прекращения снабжения как армии, так и городов не может быть исключена». И резюмировал следующим образом: «Хотя император и большинство его подданных желают продолжения войны до конца, Россия, по моему мнению, не будет в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию, если настоящее положение сохранится; с другой стороны, Россия настолько богата естественными ресурсами, что не было бы никаких оснований для беспокойства, если бы император вверил ведение дел действительно способным министрам. В нынешнем же положении будущее представляется книгой за семью печатями. Политическое и экономическое положение может нам сулить неприятные сюрпризы, тогда как финансовое положение может быть испорчено повторными выпусками бумажных денег». ³⁰³

Словно поддавшись знаменитому русскому «авось».

британский посол не считал возможным завершить анализ на трагической ноте. Он все же был западным человеком и не верил в тотальное помрачение умов. Вопреки здравому предсказанию краха, он верил в некий мистический поворот русского сознания: «Россия является страной, обладающей счастливой способностью своего рода опьянения, и моя единственная надежда состоит в том, что она выстоит *вопреки всему* при условии, что мы будем оказывать помощь».³⁰⁴ На последнее — квазиоптимистическое положение — стоит обратить внимание. Общественный климат уже инфицировал западных дипломатов сугубо русским убеждением, что «хуже быть не может». В конечном счете Запад стал своего рода жертвой этого убеждения и революцию воспринял исполненным немотивированной надежды.

Февральская революция

7 марта 1917 г. император Николай возвратился в ставку после двухмесячного отсутствия. Его многое радовало в Могилеве — отстояние от министерских запросов, повседневные почти ритуальные обязанности, устоявшийся быт и прогулки. «Мой мозг отдыхает здесь, — пишет он Александре. — Здесь нет ни министров, ни беспокоящих вопросов, заставляющих думать».³⁰⁵ Не желая беспокоить самодержца, петроградские власти не сообщили ему о состоявшихся массовых демонстрациях. Да они и на самом деле не особенно волновались — министр внутренних дел Протопопов записал в дневник: «Не произошло ничего особенного».³⁰⁶ На следующий день комендант города Хабалов пытался разогнать все более решительную толпу, а царь провел очень приятную субботу. Он поднялся к позднему завтраку, полтора часа провел с Алексеевым, слушая оценку положения на фронтах. После обеда

написать короткое письмо императрице и прошелся в близрасположенный монастырь помолиться пред иконой Пресвятой Девы-Богородицы. Проверил, на месте ли брошь, дарованная иконе Вырубовой. Совершил послеобеденную прогулку (обязательную для него во всех случаях, когда он не был болен). Вернувшись в ставку, прочитал письмо Александры, сообщавшей о беспорядках в столице. Вечером Николай посетил службу в Могилевском соборе, легкий ужин и спокойный разбор накопившихся материалов. Хабалову в двадцати словах приказал усмирить беспорядки.

Переход на сторону народа Павловского полка показал, что твердой защиты самодержавия армия уже собой не представляет. Воскресный парад превратился в мятеж. 10 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил, что черпает свою власть из народа и недовольства этого народа войной. Он объявил себя самостоятельной властью в стране, конкурируя в этом с достаточно слабой Думой. Вечером в понедельник восставшие в Петрограде уже имели броневики, в том числе английские, присланные к наступлению. 10 марта 1917 г. почти весь будущий состав Временного правительства собрался у Керенского и единодушно пришел к заключению, что революция в России *невозможна*. Но последовало то, что Черчилль назвал «патристическим восстанием против несчастий и дурного ведения войны. Поражения и провалы, нехватка продовольствия и запрещение употребления алкоголя, гибель миллионов людей на фоне неэффективности и коррупции создали отчаянное положение среди классов, которые не видели выхода, кроме как в восстании, которые не могли найти козла отпущения, кроме как в своем суверене. Милый, исполненный привязанности муж и отец, абсолютный монарх очевидным образом был лишен черт национального правителя во времена кризиса, несущего все бремя страданий, причиненных германскими армиями русскому государству. За ним — императрица,

еще более ненавидимая фигура, слушающая в своем узком кругу избранных только подругу — мадам Вырубову — и своего духовного советника, чувственного мистика Распутина».³⁰⁷

Царь интересовался будущими французскими границами; он был щедр и позволял французским союзникам все, вплоть до границы по Рейну. Благодарные французы признали право России самой «устанавливать свои западные границы». Царь не видел границ собственной власти, не ощущал, как быстро эти границы сужались до пределов его штабного вагона. Лишь утром 11 марта председатель Думы Родзянко прислал ему тревожную телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Распоряжения о транспорте, запасах и горючем находятся в полном беспорядке. Общее недовольство усиливается... Всякое промедление фатально. Молю Господа, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».³⁰⁸

Утром 12 марта 1917 г. военный атташе генерал Нокс сообщил британскому послу, что значительная часть петроградского гарнизона взбунтовалась, и тот передал эту новость российскому министру иностранных дел Покровскому. Министр ожидал ответных мер властей — назначения военного диктатора, вызова воинских частей с фронта и роспуска Думы. Тут уж западный человек наконец отказался разделить славянское благодушие. По мнению Бьюкенена, подавление движения силой уже запоздало, роспуск Думы явился бы безумием, и единственным выходом является политика уступок и примирения. Здесь русское чувство реализма взяло реванш. Правительство и не помышляло о компромиссе. Николай Второй намеревался возвратиться в столицу. Он вызвал императорский поезд. Поезд подали в полночь. Приехала мать — Мария Федоровна; мать и сын отправились в столицу вместе. В полдень поезд остановился: впереди разрушен мост. Нельзя ли объехать? Лишь тут император понял, что имеет дело с неповиновением.

Было поздно. Толпа жгла полицейские участки, а в Кронштадте революционные матросы убили сорок офицеров. Царя остановили 14 марта в Пскове, а Петроградский Совет издал приказ номер один: отныне все командиры не назначались, а избирались своими подчиненными, все оружие контролировалось избранными комитетами. Из Могилева начальник штаба русской армии генерал Алексеев запросил командующих фронтами высказаться по вопросу о монархии. Из ответов следовало, что армия не будет защищать главнокомандующего. В половине второго дня 15 марта царь Николай узнал о своей судьбе. Не вступая в дискуссию, он телеграфировал Алексееву: «Ради благополучия, спокойствия и спасения моей горячо любимой России я готов отречься от трона в пользу моего сына».³⁰⁹ Падение царя было почти молниеносным. Как это могло произойти, не вызвав немедленно бурю? Только одно объяснение выдерживает критику: это значит, что многие тысячи, если не миллионы подданных русского царя задолго до того, как монарх был вынужден покинуть трон, пришли к внутреннему заключению, что царское правление не соответствует современным, т.е. *западным* стандартам. Запад вольно или невольно оказался катализатором взрыва в России. И этот взрыв, достигнув глубины народных масс, вызвал обратное движение, которое разрушило идеальные схемы постепенного сближения России с Западом.

Произошел кризис ускоренной насильственной модернизации. Железные дороги и дизельные моторы оказались лучшим доказательством превосходства Запада. Признав это превосходство, Россия предприняла попытку прямолинейного перехода к ускоренной вестернизации. Однако слишком резкий поворот вызвал к действию второй закон Ньютона, закон инерции, колоссальной инерции народных масс. И Русь-тройка на слишком крутом повороте перевернулась.

Наступил черный час России. Еще три года назад блистательная держава, осуществляя модернизацию, ду-

мала о мировом лидерстве. Ныне, смертельно раненная, потерявшая веру в себя, она от видений неизбежного успеха отшатнулась к крутой перестройке на ходу, к замене строя чем-то неведомым, ощущаемым лишь на уровне эмоций и фантазий. Запад, как замороженный, следил за саморазрушением одной из величайших держав мира. Была ли ситуация безнадежна в военном смысле? Эксперты утверждают, что нет. Будущий военный министр Британии полагал, что «перспективы были обнадеживающими. Союзники владели преимуществом пять к двум, фабрики всего мира производили для них вооружение, боеприпасы направлялись к ним со всех сторон из-за морей и океанов. Россия, обладающая бездонной людской мощью, впервые с начала боевых действий была экипирована должным образом. Двойной ширины железная дорога к незамерзающему порту Мурманск была наконец завершена... Россия впервые имела надежный контакт со своими союзниками. Почти 200 новых батальонов были добавлены к ее силам, и на складах лежало огромное количество всех видов снарядов. Не было никаких военных причин, по которым 1917 год не мог бы принести конечную победу союзникам; он должен был дать России награду, ради которой она находилась в бесконечной агонии. Но вдруг наступила тишина. Великая Держава, с которой мы были в таком тесном товариществе, без которой все планы были бессмысленны, вдруг оказалась пораженной немотой».³¹⁰

Счастлив ли был император на троне? Ему совершенно чуждо было отношение к власти, которое Наполеон характеризовал словами: «Я люблю власть; но я люблю ее, как художник, я люблю ее, как музыкант любит свою скрипку, чтобы извлекать из нее звуки, аккорды, гармонию». В этом смысле император Николай Второй не любил власть — он воспринимал ее как долг и ношу, но вовсе не видел в ней инструмента творения истории. При всем своем русском мистицизме он был человеком западной культуры, до известной

степени англоманом. Он не давал Западу усомниться в своей лояльности, в верности своему слову (а именно по этому параметру начали сравнивать с ним его наследников западные наблюдатели.)

В марте 1917 г. Западу было неясно то, что определенно известно сейчас: император Николай не хуже других видел надвигающуюся угрозу. Но он не знал средств ее предотвращения. С его точки зрения, именно самодержавие позволило России победно пройти сквозь смертельные опасности предшествующих столетий. Народ России показал невероятную для других степень выносливости и готовности претерпеть. Да, машина государства работала с перебоями и неэффективно, но она работала. И, полагал Николай, худшее позади. Осталось лишь несколько серьезных усилий. Изменить в этот момент всю систему государственного управления царь просто не мог. Все инстинкты царя протестовали против «смены лошадей на переправе». В смятении окружающих он видел измену.

Агония царского правительства, попавшего в нравственную и интеллектуальную западню, очевидна. Но ясно и то, что Дума и социальные революционеры требовали реализации таких условий, которые отторгались его сознанием. Царь был уверен, что собственно традиционность системы управления являет собой его силу. В конце концов, полагал монарх, Россия вынесла 1914, 1915 и 1916 годы — это ли не лучшее доказательство стойкости традиционной системы? В результате царь занял жесткую позицию в отношении компромиссов с Думой, бывшей тогда еще лояльной оппозицией.

Министр иностранных дел Покровский, обращаясь к Западу за советом, спросил у Палеолога, есть ли у императора шанс спасти корону? Тот ответил: это возможно лишь в том случае, если император назначит в качестве кабинета министров временный комитет Думы, амнистирует мятежников, лично выйдет к армии и народу, с паперти Казанского собора заявит, что для

России начинается новая эра. Сегодня это возможно, но завтра будет поздно. Согласно Лукиану, «безвозвратное совершается быстро».

Демократическое правительство

Буржуазно-демократическая мартовская революция воспринималась мыслящей Россией как ускорение сближения с Западом. Казалось, что дело Петра получает новый импульс. Теперь Россия устанавливала у себя те политические нормы, которые прежде были отличительной чертой Запада. Когда Бьюкенен и Палеолог возвращались 13 марта из министерства иностранных дел, толпа на набережной узнала их и устроила овацию. Восставшие воспринимали социальный переворот как шаг России в направлении сближения с Западом, как приобщение России к подлинно парламентской демократии.

Кто возглавит новую Россию? На этот счет у Запада дурные предчувствия появились с самого начала, в чем он не расходился с проницательными русскими, скажем, с лидером кадетов Милюковым, который через три дня после начала революции увидел, что события уходят из-под контроля, что социальная революция — это не планомерная работа, что стабильность и подстраховка ушли надолго. У русской революции обнаружилась большая слабость — у нее не оказалось подлинного вождя. Старые министры (за исключением Покровского и морского министра адмирала Григоровича) были арестованы вместе с Штюрмером и митрополитом Питиримом. Как полагал, скажем, Бьюкенен, «если бы только среди членов Думы нашелся настоящий вождь, способный воспользоваться первым естественным движением восставших войск к Думе и сумел бы собрать их вокруг этого единственного легального конституционного учреждения в стране, то русская

революция получила бы счастливое продолжение. Но такого вождя не оказалось».³¹¹ Случилось худшее — образовалось двоевластие, парализовавшее работу правительства. Петроградский совет, получив поддержку войск, стал параллельной Думе властью.

С этих дней и до октября 1917 г. Россия лишилась подлинного правительства. Внешние формы главенства соблюдались, но реализация политики Временного правительства отличалась слабостью. Институты государства потеряли надежность. Самым большим сюрпризом для союзных с Россией стран явилась скорая и практически полная измена армии своему монарху, быстрая и почти тотальная измена царю со стороны военного сословия, от генералитета до солдат, от фронтовых частей до самых привилегированных гвардейцев. Революционное знамя поднял даже гарнизон Царского Села — во главе колонны шли наиболее обласканные короной войска, шли казаки свиты — великолепные всадники. За ними следовали внешне всегда надменные привилегированные части императорской гвардии. Появился полк Его Величества, своего рода священный легион, куда попадали лучшие, отобранные из представителей гвардейских частей — они специально предназначались для охраны царя и царицы. Затем прошел железнодорожный полк, которому вверялась охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкала императорская дворцовая полиция — отборные телохранители, молчаливые свидетели повседневной интимной и семейной жизни царствующего дома. Вчера они охраняли царя, а сегодня заявляли о преданности новой власти, даже названия которой они не знали. Измена армии, по мнению Палеолога, поставила умеренных депутатов Думы, желавших спасения династического режима, перед «страшным вопросом, потому что республиканская идея, пользующаяся симпатией петроградских и московских рабочих, была чужда общему духу страны».³¹²

Царь отрекся в пользу брата Михаила. Выступая в Екатерининском зале Таврического дворца, Милюков

обратился к переполненному залу по наиболее острому вопросу: «Вы спрашиваете относительно династии. Я знаю заранее, что мой ответ не удовлетворит всех вас. И все же я вам скажу. Прежний деспот, доведший Россию до края крушения, либо добровольно оставит трон, либо будет смещен. (Аплодисменты). Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. (Продолжительные взрывы возмущения, возгласы: «Да здравствует республика!» «Долой династию!») (Слабые аплодисменты, покрываемые новыми всплесками возмущения.) Наследником будет Алексей. (Крики: «Это прежняя династия!») Да, дамы и господа, это прежняя династия, которая, возможно, вам не нравится и которая мне не нравится тоже. Но кого мы любим или не любим — сейчас неважно. Мы не можем оставить нерешенным вопрос о форме правления... если мы начнем спорить сейчас по этому вопросу, вместо того чтобы принять немедленное решение, тогда Россия окажется в состоянии гражданской войны».³¹³

На совещании 16 марта Родзянко, Некрасов и (с наибольшим пылом) Керенский заявили, что выдвижение нового царя разнуздает революционные страсти и повергнет Россию в страшный хаос. Великого князя Михаила убедили отречься. Лидер октябристов Гучков предпринял последнее усилие — обращаясь к патриотизму и мужеству великого князя, предложил Михаилу принять верховную власть в качестве регента. «Эта прекрасная мысль, — пишет Палеолог, — которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства». Побыв наедине с собой несколько минут в соседней комнате, великий князь Михаил заявил, что не меняет своего решения отречься и не примет регентства. Керенский вскричал: «Вы благороднейший из людей!»³¹⁴ Гучков облегчил свою совесть последним протестом: «Господа, вы ведете Россию к гибели».³¹⁵

В последний раз обращаясь к народу и армии, Николай Романов сказал: «Эта беспримерная война

должна быть доведена до окончательной победы. Кто думает в этот момент о мире — предатель «России». Утром 22 марта 1917 г. экс-император прибыл в Царское Село, где его окружил конвой.

Двоевластие в России

О революции в России мечтали три поколения русских людей. Декабристы вззошли на эшафот; либералы, народники и марксисты готовы были отдать за нее жизнь. Эсеры и социал-демократы шли на террор и готовились в жестокой борьбе к празднику униженных и оскорбленных. Для них революция была священным пламенем, и они были готовы к любым жертвам. То, что они увидели в 1917 г., было мало похоже на их мечты. Горе и страдания обрушились на землю, лучшим людям которой хотелось ускорить историю. Вместо конституционной монархии с одиннадцатилетним монархом на троне, Совет потребовал провести равные и всеобщие выборы. Милюков пытался протестовать против этого обращения к суждению неграмотных миллионов, но уже было понятно: руль государства нескоро попадет в руки избранных и лучших. Компромисс между Государственной Думой и Советом рабочих и солдатских депутатов дал стране Временное правительство — пока Учредительное собрание не определит будущую форму государственности России и решит, быть ли России республикой или монархией.

Министром иностранных дел Временного правительства — главным связующим звеном с западными союзниками — стал кадет П. Н. Милюков, известный на Западе чтением лекций; он бегло говорил на английском, французском, немецком и польском языках. К началу революции он был в пике формы — мужественный и знающий лидер партии и блестящий оратор. Палеолог считал его «воплощением личной доброты, склонным видеть тако-

вую у окружающих». Американский посол: «Моим сознанием овладевала мысль, что передо мной подлинный лидер революции; это был глубокий мыслитель и подлинный русский патриот... Более чем кого-либо он убедил меня, что правление Романовых закончено... Эти искренние и преисполненные решимости русские создадут такую форму правления, которая будет лучше всего служить интересам их страны».³¹⁶ Его бы устами.

В круг западных союзников проникают сомнения виднейших деятелей Думы — Родзянко, Гучков, Шульгин, Маклаков и прочие вовсе не *такой* представляли себе революцию. Западные представители зафиксировали растерянность новых хозяев России. Милюков — лидер революции — поделился с Палеологом: «Мы не хотели этой революции перед лицом неприятеля, я даже не предвидел ее; она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима. Все дело в том, чтобы суметь спасти Россию, продолжая войну до конца, до победы».³¹⁷ Они надеялись руководить ею, держа в своем подчинении армию. Но этот рычаг исчез с поразившей всех быстротой. Известия об этом приостановили поток ликований на Западе. Неприятной неожиданностью было узнать, что армия свободной России перестает быть эффективным орудием бескомпромиссной мировой борьбы.

Милюков писал позднее: «Мы ожидали взрыва патриотического энтузиазма со стороны освобожденного населения, который придаст мужества в свете предстоящих жертв. Я должен признать, что память о Великой французской революции — мысли о Вальми, о Дантоне — воодушевляли нас в этой надежде».³¹⁸ Милюков объяснял на пресс-конференции 9 марта 1917 г., что революция сблизила Россию с Западом: ныне Россия представляет собой демократию и разделяет идеалы Западной Европы. Свободная Россия, в отличие от своих противников, не стремится к мировому доминированию. «Наша цель — реализация наших нацио-

нальных задач и пожеланий, а вовсе не мировое доминирование, свобода народам Австро-Венгрии и ликвидация доминирования Турции, которое покоится исключительно на силе». ³¹⁹

Один из лидеров кадетов Маклаков откровенно признался послам: «Никто из нас не предвидел огромности движения; никто из нас не ждал подобной катастрофы. Конечно, мы знали, что императорский режим подгнил, но мы не подозревали, что до такой степени. Вот почему ничего не было готово. Я говорил вчера об этом с Максимом Горьким и Чхеидзе: они до сих пор не пришли в себя от неожиданности». ³²⁰ Один лишь председатель Думы М.В. Родзянко старался успокоить западных дипломатов. Обращаясь к британскому военному атташе он сказал: «Мой дорогой Нокс, Вы должны успокоиться. Все идет правильно. Россия — большая страна, мы можем вести войну и совершать революцию одновременно». ³²¹

Палеолог отказался приносить в жизнь эйфорические ноты: «В качестве посла Франции меня больше всего заботит война. Я желаю, чтобы влияние Революции было, по возможности, ограничено и чтобы порядок был восстановлен возможно скорее. Французская армия готовится к большому наступлению, и честь обязывает русскую армию сыграть при этом свою роль». ³²² На текущем этапе у Запада были основания для надежд. 18 марта министр Милюков объявил всему миру, что Россия останется с союзниками. «Она будет сражаться на их стороне против общего врага до конца. Страна выполнит все свои прежние обязательства». ³²³ Практически не был изменен кадровый состав дипломатического ведомства и персонал посольств.

Западные политики отнюдь не только славословили гигантскую трансформацию России: они видели освобожденных демонов. В донесениях послов ошутима невольная симпатия к повергнутому российскому самодержцу. Трагический поворот его судьбы всколыхнул у его западных знакомых чувства сочувствия и симпатии. Мно-

го лет знавший царя Хенбери-Уильямс пишет с особой теплотой: «Он неизменно проявлял доброту и благорасположение, свой солнечный и мягкий характер во времена личных или иных затруднений; когда обстоятельства стали меняться к худшему, он проявлял неизменное мужество».³²⁴ Палеолог отмечает добросовестность, человечность, кротость, честь свергнутого императора. Ему вторит Бьюкенен: «Он обладал множеством талантов, которые позволяли представить его конституционным монархом — быстрый ум, образованность, методичность и трудолюбие, исключительное природное обаяние, привлекавшее столь многих». Бьюкенен делает оговорку: «Он не наследовал ни доминирующей личности своего отца, ни его характера и способности быстро принимать решения, что абсолютно необходимо самодержавному правителю».³²⁵ Впервые в донесениях Бьюкенена положительная оценка личных качеств императрицы. «По прошествии первого оцепенения она выказала удивительное достоинство и мужество. «Я теперь всего лишь сестра милосердия», — сказала она и, когда возникла опасность столкновения между восставшими войсками и дворцовой стражей, вышла вместе с одной из дочерей, умоляя офицеров избежать кровопролития».³²⁶

Министр иностранных дел Бальфур пишет Бьюкенену 16 марта 1917 г.: «Мы заключили из Вашей телеграммы, что нет никакого шанса возврата к только что павшему режиму, но что главных опасностей следует ожидать от реализации идей социализма или анархии».³²⁷ Нет ли шансов возвратить монархию? Империю, полагали в высших лондонских кругах, следует сохранить. Бальфур в личном письме писал Бьюкенену: следует убедить Николая, что «национальным несчастьем» явился бы отказ от предоставления Алексею права наследования трон».³²⁸ Бьюкенену не нужно было убеждать: «Русская идея свободы заключается в том, чтобы привнести облегчение, потребовать двойной оплаты, демонстрировать на улицах, терять время в разговорах, в принятии резолюций на

общественных митингах». ³²⁹ Запад желал сохранения монархии в России, будучи убежденным, что на значительный исторический промежуток времени монархия, ограниченная Думой, явилась бы лучшим инструментом правления Россией. Лишить Россию монархического образа правления — значило подготовить ее распад. «Монархическое правление является единственно возможным способом удержания этой огромной империи. Эта страна не готова для республиканской формы правления, и у меня есть большие сомнения, будет ли республика приемлема для большинства нации. Причина, по которой я в беседе с Милюковым выступил за сохранение за великим князем Николаем поста главнокомандующего, заключается в том, что если он добьется доверия к себе армии и сможет удержать ее в руках, то возникнет реальный шанс для великого князя стать в конечном счете императором».

Когда на Восточном фронте решалась судьба Британской империи; необходимо было сохранить единство Российской империи. Правящий класс Британии пытался спасти царя, предоставив ему политическое убежище в Англии. 19 марта 1917 г. в Петрограде были получены две телеграммы из Лондона. Король Георг посылал своему кузену и союзнику изъявления неизменной дружбы, а британское правительство предупреждало Временное правительство от насилия по отношению к царю. ³³⁰ Но предложение убежища в Британии прибыло в Могилев уже после отъезда императора в Царское Село (военный кабинет решил, что лучше иметь царя Николая в Англии, чем оставить его в руках неведомых исторических обстоятельств). Будучи расколотой, Россия потеряет значение военного союзника. Но в России все меньше были расположены позволить прежнему императору выехать за пределы страны.

Бьюкенен обратился к П. Н. Милюкову, и тот отнесся к предложению положительно — за переезд царя в Англию «вплоть до конца войны». ³³¹ Милюков пола-

гал, что отбытие царя в Англию ослабит антицаристскую кампанию в России. Преобразовать Россию в конституционную монархию представлялось оптимальным вариантом и для Милюкова и для Бьюкенена: суверен будет стержнем единства нации, а Дума, расширив свои prerogatives, послужит орудием демократии. Однако после обсуждения этой проблемы с председателем совета министров Львовым Милюков, давнишний сторонник конституционной монархии, изменил (25 марта) своим монархическим взглядам.³³²

В британском же кабинете рассуждали: если имперский Лондон будет поглощен спасением русского императора, то в Петрограде увидят в этом опасность новым силам, увидят в британском правительстве препятствие общему прогрессу России. Ни одна великая нация не допустит вмешательства во внутренние дела. Следует учитывать, что Запад вел борьбу не на жизнь, а на смерть и в конечном счете не мог проявлять больше монархических чувств, чем (конституционные) монархисты в России. Бьюкенен получил инструкцию «избегать возникновения препятствий в установлении связей с новым российским правительством... Самым важным является сохранение связей с политическими партиями, упрочение контактов с теми государственными деятелями, чей приход к власти сулит нам наибольшие выгоды».³³³ Что касается царя, то, если вопрос о его депортации все же будет решен положительно, наиболее предпочтительными странами будут Дания или Швейцария.

В России все меньше были расположены позволить прежнему императору выехать за пределы страны. И хотя Ллойд Джордж в мемуарах утверждает, что приглашение экс-императору всегда оставалось в силе, следует ради исторической истины указать, что в Англии уже не было единства. Представитель двора сделал заявление для печати: «Его Величество получает письма от представителей различных классов общества, говорящие о том, что по этому поводу жаркие дискуссии

ведутся не только в клубах, но и среди рабочих. При этом лейбористские члены парламента выступают против данного предложения». 13 апреля 1917 г. военный кабинет сообщил Бьюкенену, что высадка Николая на Британских островах может вызвать осложнения. Финал этого дипломатического эпизода подает в своих воспоминаниях А. Ф. Керенский: британский посол пришел к нему со слезами на глазах; он устно передал мнение своего правительства — приезд царя в Англию в настоящее время нежелателен. Так англичане пожертвовали первым благородным порывом, оправдывая слова Дизраэли о первенстве «интересов».

Но посол мог успокоить свою совесть. Милюков, со своей стороны, сообщил ему, что крайние политические партии противятся отъезду императора из России и приглашение английского короля может привести к аресту Николая. Британской стороне становилось небезопасным настаивать на разрешении императору выехать в Англию в условиях, когда русские рабочие стали угрожать тем, что разберут рельсы на пути следования его поезда.³³⁴ Англичане были не в силах осуществить охрану царя по пути в порт Романов. Эта обязанность лежала на Временном правительстве, которое уже не было хозяином в собственном доме. Проект резервирования варианта конституционной монархии терял смысл.

В России столкнулись, с одной стороны, либералы и демократы, представляющие благополучный средний класс, желающий укрепления буржуазной парламентской системы и лояльный в отношении западных союзников; с другой стороны — социалисты всех оттенков стремились противопоставить буржуазной демократии новую социальную переобустроенность страны на основе социальной и политической революции. Эта вторая линия не питала лояльности в отношении союзнических обязательств России и стремилась к установлению всеобщего мира. Правые и часть центра с падением царизма оказались дискредитированными и изолированными. Этот

раскол в стане воюющей России давал Германии надежду на конечное крушение восточного противника.

Запад оценивает революцию

Оказавшись перед лицом сложной русской реальности, Запад, стремясь сохранить свою стабильность, в конце концов постарался увидеть позитивное. Французы стали видеть в русской революции стремление вести войну более эффективно. Англичане надеялись на более рациональную систему правления, а американцы просто ликовали. Запад смотрел на этот процесс, прежде всего, под углом зрения укрепления боеспособности России. Он был готов признать новое правительство при условии, если оно даст обещание продолжать войну. Новая русская демократия по определению должна была быть непримиримым врагом германского милитаризма. Революции нужно придать значение отхода от принципов монархизма Германии к принципам демократии Запада. Послы готовы были простить эксцессы революции, если она делала выбор между Берлином и противостоящими ему Лондоном и Парижем. Удовлетворение западных дипломатов вызвала реакция командующего Юго-западным фронтом генерала А.И.Деникина на отречение императора Николая: «Конец немецкому засилью».³³⁵ Патриотически настроенные русские встанут на защиту общих с Западом интересов. Палеолог, Бьюкенен и Френсис желали видеть в новом выборе России гарантию от сближения с Германией сейчас и в будущем.

Наблюдатели Запада пытались уяснить, кто в реальности пришел на смену старому строю. По поводу одной из наиболее деятельных фигур первых дней революции — молодого депутата А. Ф. Керенского — французский посол написал 15 марта: «Его влияние на Совет велико. Это человек, которого мы должны попытаться привлечь на свою сторону. Поэтому я телеграфирую в Париж, чтобы

посоветовать Бриану немедленно передать через Керенского воззвание французских социалистов, обращенное к патриотизму русских социалистов». ³³⁶ Британский посол пишет, что «Керенский был единственным министром, чья личность, пусть и не во всем симпатичная, останавливала на себе внимание. Как оратор, он обладал магнетическим влиянием на аудиторию... Владея этим рычагом воздействия на массы, в отсутствии подлинного квалифицированного соперника, Керенский стал единственным человеком, способным, по нашему мнению, удержать Россию в войне». ³³⁷

Как пишет Дж. Кеннан, «интерес к России среди американской публики был сосредоточен преимущественно на симпатиях к силам, борющимся против автократии. Его проявляли две основных группы. Одна состояла из тех, кого можно назвать урожденными американскими либералами, чьи симпатии были на стороне страждущих в России борцов за свободу. Дж. Кеннан-старший, С. Клеменс У. Л. Гаррисон и др. организовали в конце 90-х XIX в. организацию «Друзья русской свободы», целью которой была помощь жертвам царизма и чьи симпатии адресовались, прежде всего, социал-революционерам». ³³⁸ Вторая группа состояла из недавних эмигрантов в Америке, преимущественно евреев. Их симпатии принадлежали социал-демократам России. Именно эти две группы решающим образом влияли на формирование американского общественного мнения. Дж. Кеннан отмечает, что русские либералы, в частности конституционные демократы, не пользовались симпатиями широкой американской общественности — разве что некоторых представителей бизнеса. «Здесь мы наблюдаем еще одно проявление любопытного закона, который делает американцев, неизменно консервативных у себя дома, сторонниками радикальных перемен повсюду за рубежом». ³³⁹

Посол США Френсис был, пожалуй, самым безоговорочным сторонником февральской революции. Он не

говорил по-русски, его контакты не были широкими, но он был достаточно осведомлен о положении русского народа, чтобы «приветствовать с ликованием низвержение царя и приход к власти временного правительства». ³⁴⁰ В отличие от Бьюкенена и Палеолога, отношения Френсиса с царем и его правительством никогда не были дружественными; смена правящих фигур не могла не радовать прежде оттесненного от источника власти американца. Он писал в государственный департамент о «самой изумительной революции в истории». ³⁴¹ Вот что писал посол о Милюкове: «По мере того как я смотрел на него и слушал его быстрые ответы на мои вопросы, моим сознанием овладела мысль, что передо мной подлинный лидер революции; это был глубокий мыслитель и подлинный русский патриот... Более чем кто-либо, он убедил меня, что правление Романовых закончено, и те, кому доверено править — искренние и преисполненные решимости русские, которые будут продолжать бесстрашно вести войну вне зависимости от жертв, крови и материальных потерь; они создадут такую форму правления, которая будет лучше всего служить интересам их страны». ³⁴²

Триумфальная оценка русской революции избавляла президента Вильсона от постоянных упреков в сотрудничестве с репрессивным царским режимом. Он полагал, что республиканская Россия станет более мощным военным противником Германии. В письме Милюкову 4 апреля 1917 г. Вильсон задним числом осудил «автократию, которая венчала вершину русской политической структуры столь долго и которая прибегала к столь ужасным методам; она не была русской ни по происхождению, ни по характеру, ни по своим целям. Теперь она отринута, и великий, благородный русский народ примкнул во всем своем естественном величии и мощи к силам, которые сражаются за свободу, справедливость и мир». ³⁴³

Определенное смятение царю в отношении к русской революции во французском посольстве. Слабо

осознавая, что он пытается сесть в уже ушедший поезд, Палеолог убеждал своих русских коллег в необходимости сохранить императорский режим, придав ему конституционную форму. Он упорно доказывал Родзянко, что царизм — «сама основа России, внутренняя и незаменимая броня русского общества; наконец, единственная связь, объединяющая все разнообразные народы империи. В своем падении он увлечет за собой все русское здание».³⁴⁴

Палеолог боялся иллюзий по поводу русской революции во Франции. Вне зависимости от того, что революция обещала России в будущем, в настоящем страна шла к дезинтеграции и распаду. С целью предостеречь свое правительство, Палеолог телеграфировал премьеру Брианну: «Беспорядок в военной промышленности и на транспорте не прекратился и даже усилился. Способно ли новое правительство осуществить необходимые реформы? Я несколько этому не верю. В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия. В любом случае, следует предвидеть ослабление национальных усилий, которые и без того анемичны и беспорядочны. И восстановительный кризис рискует быть продолжительным у расы, в такой малой степени обладающей духом методичности и предусмотрительности».³⁴⁵ С точки зрения французского посла, происходившее было прологом к еще большим катаклизмам. «Факторы, призванные играть решающую роль в конечном результате Революции (например: крестьянские массы, священники, евреи, инородцы, бедность казны, экономическая разруха и пр.), еще даже не пришли в действие. Поэтому невозможно уже теперь установить логический и положительный прогноз о будущем России. До сих пор русский народ нападал исключительно на династию и на чиновничью касту. Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят выйти на поверхность. Это — с точки зрения войны — вопросы страшные, потому что славянское воображение, далекое от

конструктивности (как воображение латинское или англосаксонское), в высшей степени анархично и разбросанно. Их решение не пройдет без глубоких потрясений. Приходится ждать, что в течение продолжительного времени усилия России будут ослаблены и ничтожны. Национальная идея далека от единства. Конфликт социальных классов тоже отражается на патриотизме. Так, например, рабочие массы, евреи, жители прибалтийских губерний видят в войне лишь бессмысленную бойню. С другой стороны, войска на фронте, и исконное русское население нисколько не отказалось от своей надежды и своей воли к победе».³⁴⁶

Бьюкенен подчеркивает, что «не принадлежит к тем, кто видит в республике панацею от прежних слабостей страны. До тех пор пока образование не пронизало российские массы, они будут не более способны обходиться без сильного правителя, чем их славянские предки, которые в девятом веке пригласили северных викингов прийти и править ими, поскольку не было в их земле порядка. Я был, скорее, сторонником благожелательной автократии, совмещенной с политикой децентрализации. Самоуправление следовало начинать внизу, а не сверху; только посредством овладения навыками управления провинциальными делами русские могли достичь уровня задачи администрирования всей страны».³⁴⁷ Опасения британского министра иностранных дел Бальфура были пророческими: «Если в этой стране будет установлена республика, армия расколется на легитимистов и республиканцев; умеренных элементов ждет раскол и беспомощность; экстремисты завладеют аппаратом власти. В конечном счете возникнет энергичное движение в пользу автократии, но к тому времени уже будет подписан позорный мир с Германией».

Талант Ллойд Джорджа сказался в следующей оценке: «Весьма различные и резко противоположные силы вызвали к жизни русскую революцию. Здесь были генералы, которые хотели только заставить царя отречься

от престола, чтобы учредить регентство и освободиться от интриг и мелочного контроля придворных кругов. Здесь были демократические лидеры Думы, которые хотели создать ответственное конституционное правительство. Здесь были нигилисты и анархисты, которые хотели вызвать всеобщее восстание против существующего порядка. Здесь были интернациональные коммунисты, которые хотели создать марксистское государство и III Интернационал. Невозможно было предвидеть, которая из этих различных сил одержит победу и завладеет рулем революции. Основная масса народа в России желала лишь хоть какой-нибудь перемены. Эти люди требовали пищи и топлива. Они мечтали о работоспособном и честном правительстве для своей страны. Они устали от войны и мечтали о мире. Они не очень задумывались над тем, которая из борющихся групп даст им освобождение. Победить должна была та группа, которая могла выделить из своей среды самых сильных вождей и организаторов».³⁴⁸

Нелишне заметить, что западных представителей удивляло бездействие духовенства, еще вчера ставившего на колени всю страну ради молитвы в честь процветания династии. Это безразличие было удивительно для иностранцев, которые отмечали, что на общественных церемониях церковь выходила всегда вперед. А в отношении ведения войны для более взвешенной оценки достаточно было проследить эволюцию взглядов социалистов за период войны: главенствовали отнюдь не идеи максимального напряжения ради победы в войне. Группа левоцентристских политиков во главе с Керенским уже в конце 1915 г. пришла к выводу, что народ «смертельно устал от войны. Приближается время, когда Россия будет вынуждена нарушить свои договорные обязательства и пойти на сепаратный мир». Во Франции, Англии и США не оценили должным образом степени усталости России, не вынесшей ведения войны индустриальными методами. Заблуждению Запада спо-

собствовало сохранение на некоторое время у власти ряда политических деятелей, которым Запад доверял.

И все же из непосредственного опыта первых недель после Февральской революции Запад сделал, по меньшей мере, два вывода. Во-первых, новому режиму не хватает власти над страной, и, прежде чем в России будет восстановлена стабильность, предстоит жестокая политическая борьба. Правые (Дума) не желали видеть в правительстве левых (Советы) — левые ждали часа, чтобы обрушиться на правых. На первых порах относительно комфортно себя чувствовали «буржуазные либералы», но их время было коротким и закончилось трагически. Процесс перехода власти шел справа налево. Во-вторых, нестабильность центральной власти предопределяла растущую неспособность России вести войну. Если даже гораздо более консолидированный царский режим практически зашел в военный тупик, то шансы его менее организованных наследников были еще меньшими. В этой ситуации следовало стремиться к двум целям: поскорее зафиксировать центральную власть, добиться от нее более решительных военных усилий. Англичане сделали такие выводы первыми, французы последовали за ними спустя некоторое время. Американцы дольше других выдавали желаемое за действительное.

Послы Запада отнюдь не были довольны внешнеполитическим манифестом Временного правительства от 20 марта 1917 г. Они отмечали отсутствие в нем заявления о решимости продолжать войну до конца, до полной победы. Германия в манифесте не была названа по имени. Ни малейшего намека на прусский милитаризм, на цели войны. Но Милюков заверил представителей западных держав, что Временное правительство будет выполнять все прежние соглашения и союзы. Собственно, этого заявления было достаточно, чтобы вопрос о дипломатическом признании встал в практическую плоскость. Союзные правительства не могли в условиях войны позволить себе долгих колебаний. Даже самые лояль-

ные приверженцы дома Романовых вынуждены были прийти к выводу о необходимости «поддержать единственное правительство, способное бороться с разрушительными тенденциями Совета рабочих и солдатских депутатов и вести войну до конца» (слова Дж. Бьюкенена).

Особенно энергично подошли к делу о признании Временного правительства американцы, чей государственный корабль в эти дни стремительно входил в воды мировой политики. Френсис телеграфировал президенту Вильсону 18 марта 1917 г.: «Признание первыми представляется целесообразным с нескольких точек зрения. Эта революция является практической реализацией выдвинутого нами принципа правления — посредством согласия управляемых. Наше признание, если оно окажется первым, возымеет огромное моральное воздействие».³⁴⁹ Временное правительство добьется того, чего царизм не смог сделать за два с половиной года — мобилизует все ресурсы России против Германии, добьется поворота события в дуэли на Восточном фронте. Дипломатическое признание посол Френсис хотел представить как рукопожатие самой старой и самой молодой либеральных республик: это «имело бы огромный моральный эффект».³⁵⁰ Патрон Френсиса — полковник Хауз — убеждал президента: «Нынешние события в России произошли благодаря Вашему влиянию».³⁵¹

На заседании кабинета министров Вильсон сказал: «Это правительство должно быть хорошим, поскольку его возглавляет профессор». Президент намекал на коллегу-историка Миллюкова. Государственный секретарь Лансинг полагал, что с превращением России в буржуазную демократию для США наступило время «идеологизировать» войну — объявить войну демократий против деспотизма в Центральной Европе. Ожидая решения о признании, Френсис осведомился о количестве войск, находящихся в Петрограде. Гучков назвал цифру 125 тысяч, но указал, что Временное правительство может рассчитывать не более чем на пятую часть этого числа. 22 марта

американское правительство признало Временное правительство. Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних отношений. По Невскому проспекту мчалась карета с возничим в ливрее — представитель великой заокеанской республики приветствовал новую республику Старого света. В ходе аудиенции в Мариинском дворце перед председателем совета министров князем Львовым и всем составом Временного правительства в полной парадной форме предстали все восемь секретарей и атташе американского посольства.

Лондон был более скептичен (лучшая в мире разведка доставляла обескураживающие сведения о русской армии), но и здесь видели необходимость признания нового правительства союзника. Накал мировой борьбы не давал альтернативы. Создавший текст признания министр финансов Э.Бонар Лоу не считал возможным признавать желаемое за действительное. Банальными цветистостями не следовало прикрывать упрямо растущей тревоги. «Мы помним, с каким горением надежды было воспринято либерально мыслящими людьми во всем мире падение Бастилии. Мы помним также, как быстро и как печально закончился этот яркий рассвет».³⁵² В отличие от прочих союзников, Лондон уже на ранней стадии испытал явные опасения.

Через два дня после американцев с признанием Временного правительства выступили британское, французское и итальянское правительства. Процедура признания была не менее торжественна, чем у американцев. Но все мысли представителей европейского Запада замыкались не на некоем будущем союзе всех демократий, а на бескомпромиссной борьбе, в ходе которой новая Россия держала экзамен на военную надежность. Бьюкенен выступил вперед: «Более чем когда-либо необходимо не упускать из вида, что победа Германии приведет к разрушению того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ. Великобритания про-

тягивает руку Временному правительству, убежденная, что оно, верное обязательствам, принятым его предшественником, сделает все возможное для доведения войны до победного конца». ³⁵³ Мы видим, что новая Россия, с ее новыми социальными идеями, далеко отстояла от стремящегося лишь к победе Запада.

Западные дипломаты имели возможность впервые воочию рассмотреть правительство, пришедшее на смену царским сановникам. Они явились в Мариинский дворец в рабочих пиджаках с портфелями под мышкой. Даже благоволящий к ним Палеолог сбивается в рассказе об этой встрече на саркастический тон: «Какой у них бессильный вид! Задача, которую они взяли на себя, явно превосходит их силы. Как бы они не изнемогли слишком рано! Только один из них, кажется, человек действия: министр юстиции Керенский. Тридцати пяти лет, стройный, среднего роста, с бритым лицом, волосы ежиком, с пепельным цветом лица, с полуопущенными веками, из-под которых сверкает острый и горячий взгляд, он тем более поражает меня, что держится в стороне, позади всех своих коллег; он, по-видимому, самая оригинальная фигура Временного правительства и должен скоро стать его главной пружиной». ³⁵⁴ Керенский с его нервическим темпераментом произвел впечатление и на американского посла.

Возможно, западные послы меньше пели бы дифирамбов Временному правительству, если бы знали о публикуемом именно в это время знаменитом приказе номер один (о выборности командиров), который как ничто другое способствовал деморализации великой русской армии.

США вступают в войну

Признание союзников укрепило позиции Временного правительства. Американское признание при-

обрело еще большее значение через 15 дней, когда Соединенные Штаты вступили в войну с Центральными державами на стороне России и ее союзников. 4 апреля 1917 г. сенат Соединенных Штатов проголосовал за вступление в войну. Уже тогда речь шла о миллионной армии в Европе, а оптимисты называли цифру три миллиона — именно столько призывников готовились на американских плацах. Вопрос заключался во времени. Пока же американская армия была небольшой, и ее боевой опыт ограничивался экспедицией в Мексику. Командир этой экспедиции генерал Джордж Першинг получил от своего родственника — сенатора — тайственную телеграмму: «Сообщи мне, в какой степени ты владеешь французским языком».³⁵⁵ Генерал не успел ответить — пришлось назначение командовать американским экспедиционным корпусом во Франции.

Вступление Америки в войну вызвало в России прилив энтузиазма. Теперь почти весь мир воевал против коалиции Центральных держав. Конечно (замечает Френсис), и в России были свои «Фомы неверующие», которые сомневались в возможности крупных военных усилий со стороны США. «Некоторые из них указывают на то, что Америка может повторить путь Японии, которая после объявления войны Центральным державам не стала спешить с развертыванием армии, но огромное большинство русских воодушевлено в высшей степени. Русские рассчитывают, что Америка сыграет важную роль в ходе войны. Получив эту поддержку, Россия, без сомнения, будет сражаться еще не менее восемнадцати месяцев».³⁵⁶

Вашингтон и Петроград начали вырабатывать особые отношения. Посол Френсис был одним из главных сторонников «перегруппирования» в коалиции. Он полагал, что февральская революция, уничтожившая царизм, одновременно нанесла удар по прежним привилегированным партнерам России, таким как Британия. Френсис полагал, что посол Бьюкенен потерял

после свержения самодержавия долю политического влияния в русской столице. В отличие от Френсиса, он не был восторженным певцом нового режима. Да и Ллойд Джордж не был столь безоговорочным сторонником новой русской демократии. В Вашингтоне задавались вопросом: какой смысл прилагать огромные усилия в Европе, если в результате произойдет простое замещение экономического влияния Германии британским влиянием? В февральской революции, полагал Френсис, таится шанс для Америки стать первым экономическим партнером огромной России, драматическим образом изменить общую мировую геополитическую ситуацию. В условиях истощения мира лишь Соединенные Штаты были способны осуществить быструю и эффективную экономическую поддержку России. «Финансовая помощь Америки России, — писал Френсис президенту Вильсону, — была бы мастерским ударом».³⁵⁷ В правящих кругах США стали разделять мнение посла о том, что за Россией, с ее просторами континентальных масштабов, будущее и с нею надо дружить. Мировая война будет для России аналогом американской войны за независимость. Обе великие страны, избавившись от диктата Лондона, как прежде Америка, так и в будущем Россия пройдут путь ускоренного экономического развития. 3 апреля 1917 г. Френсис сообщил Временному правительству о предоставляемом Америкой кредите в 325 млн. долларов.

Реакция Берлина

Сообщения о совершившейся в России революции достигли Берлина в середине марта 1917 г. и возбудили большие надежды. Хотя немцам неприятно было слышать подтверждение правительством Львова-Милюкова обязательств России в отношении Запада, в Берлине слышали слова не только Милюкова, но и

критику милликовской политики со стороны Петроградского Совета, который 27 марта осудил «милитаристскую и империалистическую внешнюю политику» в знаменитом обращении к народам мира.

Из своей «штаб-квартиры» подрывных действий против России в Копенгагене германский посол Брокдорф-Ранцау рекомендовал правительству содействовать созданию «широчайшего возможного хаоса в России», ради чего следовало поддерживать крайние элементы. «Мы должны сделать все возможное для интенсификации разногласий между умеренной и экстремистской партиями — их возобладание в высшей степени соответствовало бы нашим интересам. Следует сделать все возможное, чтобы ускорить процесс дезинтеграции в трехмесячный период — тогда наше военное вмешательство обеспечит крах Российской державы».³⁵⁸ От Брокдорфа-Ранцау к имперскому канцлеру был послан Парвус-Гельфанд с предложением осуществить транспортировку эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. Эту идею поддерживали М. Эрцбергер и барон Мальцан из министерства иностранных дел. Гельфанд полагал, что Ленин, будучи «более воинственной личностью», чем двое социалистов в правительстве Львова (Чхеидзе и Керенский), «отодвинет их в сторону и будет готов к немедленному подписанию мира».³⁵⁹ 5 апреля 1917 г. Брокдорф-Ранцау писал Циммерману: «Развитие ситуации в России, важное для нашего будущего, требует радикальных решений». Кайзер Вильгельм отнюдь не противился перемещению в Петроград радикалов. «Насколько сильно Германия была заинтересована в приезде Ленина, показывает тот факт, что германское правительство сразу же приняло его условия; оно также согласилось с тем, чтобы его сопровождали проантантовские меньшевики, более многочисленные, чем большевистская группа, чтобы на большевиков не пало подозрение как на германских агентов».³⁶⁰

31 марта В. И. Ленин согласился возвратиться в Россию в железнодорожном вагоне через Германию.

Он полагал, что по окольному пути — через Францию, Англию — в Северную Россию ехать опаснее: западные союзники могли арестовать известного противника войны. Специальный вагон перевез группу российских социал-демократов через Германию в Швецию, а оттуда на корабле через Ботнический пролив в Финляндию — и по железной дороге — в Петроград. Время прибытия — 16 апреля 1917 г. На финляндском вокзале Ленин сказал, что «недалек час, когда по призыву Карла Либкнехта немецкий народ повернет свое оружие против капиталистических эксплуататоров». Разумеется, Ленин не был германским агентом. Исторический разворот событий создал такую ситуацию, когда интересы вождей монархистской Германии и русских ультрареволюционеров совпали — на недолгое, но очень важное время. Германское правительство хотело выдвижения на политическую авансцену лидера, который сделал требование мира заглавным. Ленин же использовал этот интерес германской имперской элиты для реализации первой стадии мировой революции. Странствующей стороной стала Россия — объект интриги первых и социального эксперимента вторых.

В германском военном и политическом руководстве все больший вес получает идея сепаратного мира с ослабленной революцией Россией, где значительная часть эсеров и меньшевиков, не соглашаясь с Лениным по внутривнутриполитическим вопросам, тем не менее делала вывод, что дальнейшее ведение войны Россией невозможно. Этот растущий блок готов был начать давление на Запад с целью заключения общего мира. Не видя иной альтернативы борьбе на истощение, Германия всячески поддерживала такие настроения. Второй — после ленинской — группе русских эмигрантов, выезжающих из Швейцарии в Россию (250 человек), германские дипломаты дали обещание мира без аннексий и контрибуций — условие эсеров и меньшевиков.³⁶¹

Немцы сделали ставку не только на революционеров.

Они использовали и более близкие политические силы. Посредником продолжал служить уже упоминавшийся государственный советник Иосиф Колышко, который был женат на немке, жил с начала войны в Стокгольме и печатался в либеральной прессе. Во время аудиенции у одного из лидеров рейхстага — М. Эрицбергера — 26—28 марта 1917 г. в стокгольмской квартире польского промышленника Гуревича Колышко отстаивал идею мира с Германией по причинам внутренней ориентации русского развития. В случае неподписания мира, убеждал он Эрицбергера, крайне левые сметут либералов и наступит нежелательный для Берлина хаос, альтернативой которому может быть лишь разумный мир Берлина с Временным правительством. Эрицбергер обсуждал эти условия с канцлером Бетман-Гольвегом, который агонизировал перед выбором: мягкие условия предполагаемого мира позволяли надеяться на установление хороших отношений с Россией; жесткие условия могли сделать из нее непримиримого врага. Каков верный путь?

Три темы, обсуждаемые в Стокгольме, попали в обращение Бетман-Гольвега к рейхстагу 29 марта 1917 г.: 1) Германия обещает не вмешиваться в российские внутренние дела; более того, Германия не будет стремиться восстановить царское правление; 2) Германия не будет вести войны против самого русского народа; 3) Германия не настаивает на заключении Россией мира, унижающего ее честь (это должно было привлечь русскую армию). Вскоре после этой речи, содержавшей фразу о «мире, почетном для всех сторон», Колышко начал обсуждать конкретные условия мира, среди которых для России самым важным было «избежать больших аннексий» — она согласится лишь на «некоторые исправления границ». Эрицбергер докладывал, что Колышко возражает против уступки Германии всей Литвы, Курляндии и Польши, соглашаясь лишь на некоторые изменения границ. Колышко отбыл в Петроград и встретился снова с Эрицбергером в Стокгольме 20 апре-

ля 1917 г. (Колышко отказывался вести переговоры с иными — помимо Эрцбергера — представителями Германии, в частности, со Стиннесом, который неоднократно навещал его и предлагал 15 миллионов рейхсмарок для создания газет с пацифистским уклоном).³⁶²

В перерыве между первой и второй встречей Эрцбергера с Колышко Ленин и его коллеги пересекли Германию. 20 апреля Колышко признал, что в России идет отчаянная борьба между верной Западу партией войны (им оказали ощутимую поддержку основатель русской социал-демократии Плеханов, социалисты из западных стран и британское правительство) и сторонниками заключения мира. Партия мира едва ли победит, если Германия не определит более четко свои позиции в отношении мирного соглашения. Первый параграф согласованного документа предлагал «восстановление русской границы от 1 августа 1914 г. с некоторыми исправлениями». В Польше предполагалось проведение плебисцита. Россия отказывалась от прав капитуляций в Турции. Германия обещала помочь в решении вопроса о Проливах и границах Армении. Обе стороны отказывались от материальных претензий. Между Россией и Германией заключался мирный договор. Бетман-Гольвег одобрил достигнутое соглашение. Но присоединится ли к нему официальный Петроград?

19 апреля 1917 г. генерал Людендорф пришел к выводу, что ослабление России позволяет уже не опасаться наступления с ее стороны. Его штаб выпустил брошюру «Будущее Германии», в которой помещалась красочная карта России с обозначениями мест проживания «нерусского населения», объяснялись возможности колонизации России. Уголь, железная руда и нефть России сделают Германию самодостаточной экономической величиной. На совещании в Кройцнахе 20 апреля 1917 г. император Вильгельм призывая не расслабляться: «Если ожидаемая дезинтеграция России не даст искомым результатов, их следует достичь с помощью

оружия». ³⁶³ Немцы спешили — в Германии весной 1917 г. предельно урезали хлебный рацион рабочих, что вызвало забастовки. ³⁶⁴

На Восточном фронте германское командование расширило распространение листовок (одобренных Людендорфом 29 апреля 1917 г.) о том, что русские солдаты являются жертвами британских поджигателей войны. Германия в этих листовках сообщала о своей готовности вести переговоры не с Петербургом, который стал «жертвой британских интересов», а с любыми русскими военачальниками. Она не намерена восстанавливать в России правление царя и «готова в любое время заключить с Россией почетный мир». Обещала помочь России везде за пределами Европы, а также — «финансовая помощь в реконструкции России и отказ от военных репараций».

Единство российского военного сословия впервые оказалось под вопросом. По крайней мере, два военных русских представителя 7 мая заявили немцам, что, если те откажутся от аннексий, «русские не будут чувствовать себя связанными обязательствами по отношению к Антанте и заключат сепаратный мир». ³⁶⁵ Русских не интересовал вопрос, кто виновен в развязывании войны; они жаждали скорейшего достижения мира — так докладывали германские офицеры с фронтов. Представители разных политических взглядов — от монархистов до приближенных Керенского (не говоря уже о крайних среди социал-демократов) — видели в высвобождении от обязательств по отношению к Западу единственный способ спасения России.

Разумеется, сделать первый шаг было сложно. Готовившийся к встрече с немцами деятель Петроградского Совета Ю.М.Стеклов не явился на намеченную встречу. Но возможности и условия мира с Германией обсуждались в России весьма оживленно. Секретный доклад, направленный из Петрограда в Берлин 10 мая 1917 г., говорит: «Агитация за сепаратный мир начинает преоб-

ладать. Пропаганда ведется на улицах. Война — единственная тема дискуссий. Дискуссии приобретают анти-английский характер. Защитниками Британии являются отдельные личности, в то время как обвинители Британии представляют собой организованное сообщество, действующее по плану. В любом случае характер обсуждений прогерманский». ³⁶⁶ Обычно осторожный Людендорф сделал 6 мая 1917 г. нехарактерно оптимистическое заключение: «Имея Россию увечной, а Америку неспособной осуществить помощь в обозримый период, мы делаем время нашим союзником».

Революция без Вальми

На протяжении всех восьми месяцев существования Временного правительства — от марта до октября 1917 г. — политика западных союзников являла собой сплошную цепь колебаний. Ничего подобного мы не можем обнаружить в отношениях западных стран с царской Россией. Как ни критичны были в отношении царя западные послы, они никогда не подвергали сомнению его союзническую лояльность. При всех взлетах и падениях страны в период 1914—1916 гг., они в исторической перспективе видели Россию величайшей державой, которая никогда не смирится с господством на евразийском материке Германии. С приходом к власти республиканских правителей, представлявших на пути к Октябрю широкий спектр политических сил — от октябристов до эсеров, — дипломатические представители Запада стали отмечать — далее более — и ослабление мощи России, и ее меньшую надежность как союзника. Восторги и надежды первых дней февральской революции быстро сменились сомнениями и острой критикой двоевластия Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, которое лишало Россию того организующего начала, необходимого ей более всего.

Как определил ситуацию английский историк Б. Лиддел Гарт, «умеренное Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вожжей».³⁶⁷ Тех, кто ждал республиканского взрыва энергии, повторения французского энтузиазма 1792 г., ждало жестокое разочарование. Произошло как раз обратное. Западные послы в России уже в марте отмечают ослабление ее воли и спад интереса в России к мировой войне. Участие в ней начинает противоречить исконным интересам России — единству страны, целостности ее социальной ткани, сохранению в ней цивилизующих начал. Один из самых образованных людей России, художник и историк искусства А. Н. Бенуа убеждал внимавшего ему с ужасом Палеолога 26 марта 1917 г.: «Война не может дальше продолжаться. Надо возможно скорее заключить мир. Конечно, я знаю, честь России связана ее союзами, и вы достаточно знаете меня, чтобы поверить, что я понимаю значение этого соображения. Но необходимость — закон истории: Никто не обязан исполнять невозможное».³⁶⁸ Запад усматривал, скорее, кризис организации и воли.

Западные союзники постепенно теряют надежду на Россию как на великую военную силу, сдерживающую Германию с Востока. Надежда на генерацию неких внутренних сил, при помощи которых демократия обратит энергию вовне (как Франция после Великой революции, породившая в конечном счете Наполеона), ушли быстро и навсегда. Отныне и до конца мировой войны геополитическое значение России падает необратимо. Более всего обеспокоен Лондон. Союз «земли и воды», двух титанов тверди и моря — Петрограда и Лондона — не получилось. Оставалось максимально долго продержать Германию у входа на великую русскую равнину. Бьюкенен находится во власти пессимистического прогноза: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление. Равным образом, я не держусь оп-

тимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления». ³⁶⁹ Донесения разведки подтверждают этот неутешительный вывод. Основой русской стратегии Британии становится не свободный выбор, а жесткая историческая необходимость: следует поддержать своего союзника на ногах и способствовать его внутренней консолидации, ибо распад России позволит немцам обратиться всей мощью на Запад.

Находясь в возбужденной обстановке Петрограда, наиболее оптимистически настроенный американский посол Френсис не ощущал общей апатии огромной страны, для которой вступление Америки в войну было уже неким потусторонним фактором. Но и он чувствует общий пульс времени и событий, телеграфируя в Вашингтон: «Время драгоценно. Социалистические элементы, организованные в советы (слово «советы» впервые было написано в русском произношении. — А. У.), состоящие из рабочих и солдат, выступают за отмену классов и за право солдат не подчиняться своим офицерам». ³⁷⁰ С чисто американской предприимчивостью Френсис занялся поисками средств стабилизации положения, в частности, налаживание контактов новых политических сил России с лидерами тред-юнионизма в США. Президент Американской федерации труда (АФТ) С. Гомперс обратился к лидеру меньшевиков Н. С. Чхеидзе 2 апреля: идеальную форму государства трудно создать в краткие сроки, и предпосылкой социальных реформ является консолидация политических сил. Гомперс указал своим русским коллегам, что «свобода обеспечивается решением проблем жизни и работы. Она не может быть завоевана лишь революцией. Она представляет собой результат эволюции. Даже в Соединенных Штатах Америки высшие идеалы свободы не достигнуты полностью, но у нас есть воля и возможности».

Вильсон не был, подобно Френсису, ослеплен риторикой Временного правительства, словесно обещавшего

добиться перелома на Восточном фронте, а на деле не сумевшего остановить разрушение русской армии. Вступая в войну с Германией, он был готов к повороту к худшему в ставшей плохо управляемой России. Лишь в мае 1917 г. он вздохнул с облегчением, когда после очередной реорганизации Временного правительства новые лидеры во главе с Керенским категорически отвергли идею сепаратного мира с Германией. Посла А.Бахметьева В.Вильсон встретил словами, что теперь США и Россия — партнеры в борьбе за демократию.

Окончание петровской эпохи

С каждым месяцем 1917 г. Россия и Запад приближались к концу своего двухсотлетнего союза, созданного по воле Петра Великого. Впервые за годы войны в европейских столицах начинают сомневаться в том, что поддержка России является залогом существования Запада, залогом его победы. Также впервые мы видим, что послами Антанты (Бьюкенен в меньшей степени, Палеолог — в большей) овладевает сомнение в исторической релевантности дальнейшего союза с Россией. Фактором надежды для них являются колоссальные размеры русской территории, огромная величина русской армии. Французский посол рассуждает, допуская худшее: как бы быстро ни пошло разрушение русской армии, Германия не решится немедленно обнажить русский фронт; ей нужны будут значительные силы, чтобы гарантировать свой восточный фланг. Двадцать-тридцать дивизий, которые Германия могла бы снять с Восточного фронта, недостаточны для победы Германии на Западе.

В то же время безответственные силы в России должны знать, что ждет страну в случае измены союзническому долгу — Запад откажет ей в помощи. Этим воспользуются враги России. У Германии появится возможность компенсировать возможные потери на

Западе за счет России: Курляндия, Польша, Галиция и Бессарабия. Неизбежны и «восточные» потери — о Константинополе нужно забыть, неизбежным станет общее падение престижа России на Востоке. В то же время Запад, владея морями, оккупируя германские колонии, пользуясь своим финансовым могуществом и помощью Соединенных Штатов, сможет продолжать войну так долго, сколько понадобится для победы.

Западные послы определили в качестве самой большой опасности для России — распад государства по национальному признаку. Развивается, если воспользоваться словами посла Палеолога, «самый опасный зародыш, заключающийся в революции: Финляндия, Лифляндия, Эстляндия, Польша, Литва, Украина, Грузия, Сибирь требуют для себя независимости или, по крайней мере, полной автономии». Французский дипломат анализирует порожденную буржуазной революцией стихию, которая права коллектива, протонации ставит выше индивидуальных прав и совсем ни во что не ставит историческое творение столетий — общую единую Россию. Еще раз заглянем в дневник Палеолога: «Вероятно, Россия обречена на федерализм ввиду беспределности своей территории, разнообразия населяющих ее рас, возрастающей сложности ее интересов. Но нынешнее движение гораздо более сепаратистское, чем областное, скорее сепессионистское, чем федералистское; оно стремится ни больше ни меньше к национальному распаду... Как не соблазниться неистовым глупцам из Таврического дворца разрушить в несколько недель то, что исторически создано в течение десяти веков? Французская Революция начала с объявления Республики единой и неделимой. Этому принципу были принесены в жертву тысячи голов, и французское единство было спасено. Русская Революция берет лозунгом: Россия разъединенная и раздробленная».³⁷¹ Иноземным наблюдателям хватило здравого смысла увидеть то, что упоенные революционным беспределом новые вожди видеть отказывались — исчезновение центральной влас-

ти, которая служила символом и инструментом сохранения единства страны. «Русский народ очень религиозен, но его религия есть религия символов и церемоний, и в политической жизни он также ищет церемоний. Во главе государства он должен иметь некоего владыку, на которого он мог бы смотреть с почтением, как на олицетворение своих национальных идеалов».³⁷²

Западные военные атташе, посещавшие петроградские полки и беседовавшие с фронтовыми офицерами, не желали принимать желаемое за действительное: эта армия — если не будут приняты решительные меры к недопущению социалистических агитаторов на фронт — никогда уже не будет принимать действенное участие в войне. Революция сокрушила машину управления и дезорганизовала основные административные ведомства. Удар оказался нанесенным по самому слабому месту России — ее организации.

16 апреля 1917 г. Бьюкенен делает многозначительную запись: «Социалистическая пропаганда усилилась, благодаря прибытию новых анархистов из-за границы». Бьюкенен предсказал пророчески: «Мы, вероятно, будем свидетелями ряда революций и контрреволюций, как это было около пятисот лет назад в «смутное время». Среди прибывших «анархистов» Бьюкенен выделяет Ленина.³⁷³ Прогуливаясь по Петрограду, посол несколько раз видел его выступающим с балкона особняка балерины Кшесинской. Тогда послу не могло прийти в голову, что он видит альтернативу усиливающейся анархии. Однако посол уже лишился иллюзий относительно велеречивых вождей марта:

Западные послы начали выделять лидеров в довольно пестром составе Временного правительства, они быстро произвели деление на «пессимистов» Милюкова и Гучкова и «оптимистов» во главе с Керенским. Бьюкенен назвал только Гучкова и Керенского «действительно сильными людьми». Британский посол не видел в новом русском правительстве ни одного энергичного «человека

действия», способного пойти на конфронтацию с Советом рабочих депутатов. Бьюкенен не отрицал, что военный министр Гучков был энергичным, живым и в других обстоятельствах вполне способным восстановить необходимую дисциплину в армии деятелем. Но перед необходимостью идти на непопулярные меры, выяснилось, что он не обладает необходимым динамизмом, широким видением, столь нужной харизмой и не мог повести за собой. Признанием поражения его личных усилий стал выход в отставку в знак протеста против разлагающих армию сил. Не смог претендовать на роль сильного человека и Милюков. Его настаивание на строгом соблюдении договоров и соглашений императорского правительства довольно скоро стало считаться в высших кругах Петрограда анахронизмом. Бьюкенен отметил точку крушения усилий Милюкова повести за собой правительство: «Он считает приобретение Константинополя вопросом жизненной важности для России, что ведет его к одиночеству во Временном правительстве». Запад и Милюков жили как бы в одном измерении, а революционный Петроград — в другом.

Палеолог сообщил в свое министерство иностранных дел, что «только молодой министр юстиции господин Керенский производит впечатление человека дела. Чем-то фанатичным и ясным он напоминает Сен-Жюста; он является подлинной главой Временного правительства».³⁷⁴ Французский министр Тома определил Керенского как «единственного трезвого, способного и демократического политика, способного восстановить порядок в России и возобновить ее военные усилия».³⁷⁵ Французский посол в Риме послал своему премьеру Рибо отзыв весьма позитивного характера о политической деятельности Керенского. Чтобы закрепить положительное впечатление союзников, Керенский перед дипломатами восславил Францию и французскую революцию, что заставило германского информанта сообщить в Берлин 26 апреля 1917 г.: «Керенский — истинно русский человек и ненавидит Герма-

нию». В германском министерстве иностранных дел Керенского охарактеризовали как «молодого и энергичного человека; настоящего русского по убеждениям, который желает блага своей стране и не скупится на английское золото; человек, в любом случае, желающий мир».³⁷⁶

Раскол среди русской демократии

Западным и германским дипломатам было трудно разобраться в русской политической сцене. Три лидера попеременно возглавляли ее в роковом 1917 г.; они олицетворяли три мировидения; знаменовали три цельных периода русской революции. Все трое ненавидели друг друга. Речь идет о П. Н. Милюкове, А. Ф. Керенском и В. И. Ленине. Для Ленина Милюков был классовый враг, а Керенский — мелкобуржуазная «балалайка». Для Керенского Ленин был заблуждающийся маргинал, а Милюков — неисправимый «ура-патриот», чуждый федерализму, социализму и демократизму. Для Милюкова Ленин был лишенный патриотического чувства социальный фанатик, а Керенский — талантливый болтун без царя в голове.

Возглавляемые Милюковым конституционные демократы в западных демократических установлениях, а не в патриархальном, урезанном парламентаризме Германии черпали вдохновение. Они видели начало новой эры: вступление в войну Америки делает Германию обреченной на поражение. После войны Россия будет в своих демократических реформах опираться на просвещенный опыт англосаксов и французов. Россию ждет приобщение к живительному для ее развития источнику. Уступка пораженцам — сторонникам примирения с Германией — казалась Милюкову и его последователям национальной изменой. Но при этом они не стремились ввести в русскую действительность, скажем, британский абсолютный запрет на забастовки в

военное время. Кадеты проиграли свою партию с самого начала, отбросив предшествующий режим слишком стремительно и положившись слишком — ради гарантий необратимости перемен — на гораздо менее ответственных за судьбы страны социалистов разных мастей. Им предстояло убедиться, что одновременное исчезновение царского бюрократического аппарата и деморализация армии лишает правительство двух главных властных рычагов, способных обеспечить жизненно важную долю преемственности.

Социалистические борцы за «войну до победного конца» отождествляли себя с социальными устремлениями русского народа. Это фактически выбивало всякую почву из-под политики блока с Западом. Русским народным массам воистину трудно было доказать, что «реакционные» Центральные Державы принципиально отличаются от «прогрессивного Запада». «Нет, это не пройдет», — жестко говорил А.Ф.Керенский по поводу требований Милюкова относительно Проливов. В ходе апрельского кризиса Милюков пытался совместить новую политику внутри страны со старой вовне. Готова ли была слабая русская буржуазия начать гражданскую войну в своей стране ради Босфора и Дарданелл? Даже лучшие, образованные русские начали ощущать неверность позиции, занятой Милюковым. И он проиграл свое дело, когда под угрозой социалистов включил в заявление Временного правительства двусмысленно звучащее обращение ко всем державам использовать все возможности для достижения мира. Министр разъяснял послам, что это чисто декларативное заявление. Друг и сподвижник Милюкова В.Д.Набоков взывал к прагматизму. Если Россия будет на стороне победителей, кто воспрепятствует ее требованиям? А если она будет среди проигравших — какой смысл в текущих словесных битвах? Есть даже мнение, что непримиримость в отношении Босфора была своего рода выполнением клятвы Милюкова своему павшему сыну.³⁷⁷

Но социалистам ничего уже не нужно было объяс-

нять — они увидели в действиях лидера кадетов измену их справедливой и прекрасной позиции. В результате созданная социалистами массовая демонстрация политически убила последнего подлинного друга Запада в правительстве России. Социалистические министры — реализм в сторону — Керенский и его соратники, закрыв глаза, начали опираться на химеры. Они верили, что можно гнать солдат на смерть, одновременно призывая и врагов и союзников (и Берлин, и Париж — Лондон) к социальному обновлению, немотивированному альтруизму и многому другому, никому кроме социалистов не самоочевидному. Призывы ко всем народам взять свою судьбу в свои руки (оглашенные задолго до Ленина) уже были попыткой примирить непримиримое — внутреннюю и внешнюю политику противоположного направления.

В России сталкиваются две точки зрения, два восприятия целей текущей войны. Старая известная политическая фигура, олицетворение русского либерализма — Милюков — призывает руководствоваться незыблемыми геополитическими реалиями и довести войну до победного конца, который заодно будет означать и торжество в Европе демократии. Новая политическая фигура — Керенский (товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов и министр Временного правительства) — в вопросе о целях войны вынужден больше учитывать позицию Совета. Разумеется, Запад на стороне Милюкова. Запад верит, что сходную с его взглядами позицию занимает армия и вся патриотическая Россия. При этом Запад (Палеолог) попросту стучится в открытую дверь, когда оказывает давление на Милюкова: «У вас более десяти миллионов человек под ружьем; вы пользуетесь поддержкой восьми союзников, из которых большинство пострадало гораздо больше вас, но при этом полны решимости бороться до полной победы. К вам прибывает девятый союзник, и какой?! Америка! Эта ужасная война была начата за славянское дело. Франция поспешила вам

на помощь, ни на миг не торгуясь из-за своей поддержки. Неужели вы осмелитесь первыми оставить борьбу!».³⁷⁸

Если оценивать ситуацию с внутренней точки зрения, то Временное правительство было обязано заключить перемирие с Центральными державами не далее как весной 1917 г..

В конечном счете исторический союз России с Западом, как это ни парадоксально звучит, можно было спасти, только отступив от этого союза в начале апреля 1917 г. (когда вступление в войну Америки практически лишило Германию шансов на победу). Петроград, возможно, смог бы «купить» согласие Запада, обязав немцев не выводить войска с Востока. Тогда в правительстве России оставались бы лидеры, настроенные прозападно. Их отказ от Стамбула, от Лондонского соглашения 1915 г. мог бы показать серьезность (и неизбежность) их маневрирования. Но живая артерия между Россией и Западом в этом случае перерезана не была бы.

Западников мог спасти если не мир на фронте, то отказ от активных операций. Лишенная же национальных целей бойня деморализовала самый важный элемент общества — многие миллионы солдат, вчерашних мужиков — новоиспеченных граждан России, обученных убивать. Если политики Временного правительства решились раскачивать лодку России в бушующем океане войны, то они должны были трезво оценить направление своего движения. К сожалению, лучшие сторонники союза России с Западом встали на путь самоубийства, решив, что Россия согласится одновременно признать фальшь прежних идеалов, сохранив желание за них умереть.

Уже первые слова Временного правительства были декларациями великих принципов, но никак не планом создать новую Россию — лучше царской. Провозглашалась великая демократия («самая свободная в мире страна» и прочая чепуха), но не было ни слова о том, как решить гигантские экономические, социальные,

этнические проблемы, как трансформировать общество. Столь говорливые российские политики становились немymi истуканами, когда нужно было решить хотя бы одно конкретное дело. Полным поражением Запада в России было принятие в мае 1917 г. новым Временным правительством формулы «Мир без аннексий и контрибуций на основе национального сомоопределения». Приняв этот лозунг и обещая одновременно наступление на фронте, группа Милюкова обрекла вместе с собою и дело Запада на европейском Востоке.

Милюков мог страстно утверждать в своих превосходных исторических книгах и ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа», но уже в первые дни февральской революции он признал, что начавшаяся революция уникальна и неуправляема. (Строго говоря, с этих дней и до конца своей жизни Милюков только и делал, что убеждал своих читателей и слушателей в том, что «Россия — не совсем Европа»). Разумеется, опасность «бесплодного метания между самоуверенным почвенничеством и рабской зависимостью от западных идей» грозит каждому, кому небезразлична судьба России. Но столь быстрое отрезвление — случай, воистину, уникальный. Убедительное объяснение краха либерализма в России дает англичанин Р.Чаркес: «Российский либерализм, стоявший за полную парламентскую демократию в империи, где более трех четвертей населения были неграмотны и жили на протяжении столетий в условиях ничем не сдерживаемого абсолютизма, был обречен на неминуемое поражение».³⁷⁹

Когда Керенский говорит в мемуарах о «национальном самосознании» русского народа, которое якобы предало себя накануне финального боя, он находится в плену собственных представлений. Разумеется, Запад, торопя и Милюкова и Керенского, поступал неразумно. Посол Палеолог стал впоследствии академиком — его книги талантливы, но трудно не сделать вывод, что он проиграл главную битву своей жизни, не сориентировался в рус-

ской ситуации весны-лета 1917 г., продолжая со слепым упорством толкать шаткое русское правительство в бой, в поражение, в пропасть. Впрочем, его и Бьюкенена можно понять: Людендорф готовил последний бой на Западе, и все средства казались им хороши, лишь бы русские отвлекали максимум германских дивизий. И все же Запад должен был быть проницательнее, не становиться жертвой первого же внутреннего импульса. Лишь 20 лет спустя Ллойд Джордж признал в мемуарах, что стал жертвой поверхностного анализа. В Америке лишь спустя 40 с лишним лет Дж. Кеннан признал, что западные дипломаты и политики замкнули себя в круг военной необходимости и не смогли подняться над повседневностью, увидеть опасное для Запада состояние своего несчастливого союзника.³⁸⁰

Керенский виделся Бьюкенену единственным министром, личность которого, хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто, останавливающее внимание. В качестве оратора он обладал гипнотической силой, завораживающей аудиторию, стремящейся внушить слушателям патриотический пыл. Однако строй его мыслей отличался от прежних патриотических построений. Защищая продолжение войны до конца, он, в пику Милюкову, отвергал всякую мысль о грядущих завоеваниях. Прежние «отцы отечества», такие как Милюков с Гучковым, говорили о Приобретении Константинополя как об основной цели России в войне — заведомо обреченное занятие. Война лишалась даже отдаленного умозрительного смысла для миллионов солдат и офицеров. Керенский искал новый смысл: «Свободная Россия в свободной Европе» и т.п.). Британский посол пришел к заключению, что Керенский, при всех его особенностях и слабостях, более адекватно отражает настроения и нужды России. Он желал «сделать войну общенациональным усилием, как в Англии и Франции».³⁸¹ Его главным достоинством казалось то, что он «единственный человек, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне».

Палеолог признавал, что Керенский обладает магнетическими свойствами и красноречив, и довольно быстро попал под его обаяние. «Его речи, даже самые импровизированные, замечательны богатством языка, движением идей, ритмом фраз, широтой периодов, лиризмом метафор, блестящим бряцанием слов. И какое разнообразие тона! Какая гибкость позы и выражения. Он поочередно надменен и прост, льстив и запальчив, повелителен и ласков, сердечен и саркастичен, насмешлив и вдохновенен, ясен и мрачен, тривиален и торжественен. Он играет на всех струнах; его виртуозность располагает всеми силами и всеми ухищрениями».³⁸² Это была оценка оратора. Но как политик Керенский представлял собой для Палеолога новую формацию русских лидеров, главная нелестная характеристика которых заключалась в меньшей надежности.

В условиях социального брожения в России это качество приобретало главенствующее значение. 9 апреля 1917 г. Бьюкенен сообщает в Лондон о том, что «социалистическая пропаганда в армии продолжается, и, хотя я не упускаю случая указать министрам на губительные последствия такого рода разрушения дисциплины, они, по-видимому, бессильны предотвратить его. Взаимоотношения офицеров и солдат в высшей степени неудовлетворительны, немалое число солдат самовольно уходит домой. Их побуждают к этому слухи о близком разделе земли и желание обеспечить свою долю в грабеже. Я не хочу быть пессимистом, но, если положение не улучшится, как только германцы решат предпринять наступление, последует серьезное несчастье».³⁸³ Бьюкенен, всегда тяготевший к геополитике, теперь, после блестящих царских зал столкнувшийся с правдой о русском народе, обращается к сравнительной психологии. Теперь он видит трудности коалиционного сближения в разном видении традиционных гражданских ценностей. «По представлению русских свобода состоит в том, чтобы требовать двойной заработной

платы, демонстрировать на улицах и проводить время в болтовне и голосовании резолюций на публичных митингах. Министры работают на износ и имеют наилучшие намерения. Но хотя мне все время повторяют, что их положение упрочивается, я не вижу никаких подтверждающих это признаков. Совет продолжает действовать так, как если бы он был правительством, и он уже пытался заставить министров обратиться к союзным правительствам по вопросу о мире».³⁸⁴

3 мая 1917 г. Милюков огласил основные военные цели России, новой республиканской России, сделав при этом ссылку на стратегический курс американского президента: «Опираясь на принцип свободы наций, выдвинутый президентом Вильсоном, равно как и державами Антанты, главной задачей союзников следует сделать ликвидацию турецкого господства угнетенными нациями, начиная с армян, которые после победы должны получить опеку России и радикальную реорганизацию Австро-Венгрии. Одним из естественных последствий этой трансформации должно быть объединение сербских территорий; другим — создание чехословацкого государства — оплота на пути германских планов завоевания негерманских земель. Венгрия и германская Австрия должны заключаться в пределах своих этнографических границ для возвращения итальянцев Италии, румын — Румынии, а украинских провинций — Украине. Все эти идеи полностью совпадают с идеями президента Вильсона. Такое же совпадение взглядов наблюдается и в отношении намерений овладеть Проливами».³⁸⁵

Предел русских усилий

Но существует предел, далее которого посуровевший Запад уже не мог оказывать давление на зыбкую русскую политическую сцену. Вожди Запада уже весной 1917 г. пришли к заключению, что организация коллек-

тивного выступления западных союзников против нового русского руководства, а также угрозы приостановить доставку военных материалов с целью предотвратить распространение разрушительной социалистической пропаганды, может лишь послужить на руку тем радикалам, которые, стремясь к достижению своих социальных целей, убеждают русское население, что у России, если она заботится о своем самосохранении, нет иного выхода, как заключение сепаратного мира с Германией. Остается ставить на Временное правительство, далекое от стабильности, переживающее собственную политическую эволюцию.

В ответ на замечание Бьюкенена 7 мая 1917 года о том, что Милюков дал союзникам понять, что он решительно настаивает на приобретении Константинополя, Керенский ответил, что Милюков не владеет правом решающего голоса по данному вопросу. Такое различие в базовых посылах способно было смутить кого угодно. Одно становилось все более определенным: звезда министра юстиции А.Ф.Керенского всходила на политическом горизонте России, а он был далек от союзнической надежности П.Н.-Милюкова, который заметно терял почву, что не радовало знавших его западных дипломатов.

Официальные и неофициальные агенты Запада констатировали яркость Керенского и типичное русское стремление к необычному, стремление положить перед политическими противниками некий эквивалент политического туза, покрывающего собой все иные политические карты. Его все больше влекла идея решить проблему войны и мира неким новым, радикальным образом. Указывая на необходимость нестандартного решения, он заявил британскому послу Бьюкенену на необходимость внимательного анализа расклада сил в Берлине: России уже не нужен Константинополь — о нем теперь мечтают лишь генералы. Что же нужно России в первую очередь? Огромная русская нация

более всего жаждет мира. И этот мир можно заключить, если найти подход к оппозиционерам. Он постарается найти ключ к внутреннему раскладу сил в Германии. Подход Керенского буквально ошеломил британского посла. Бьюкенен в тот же день (8 апреля) детально изложил мнение влиятельного русского министра Бальфуру. Фантазии русских министров требовали внимания. Воспринять их спокойно Запад явно не мог.

В единственной фигуре, способной примирить два полюса русской политики — Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство, — авторитетном в обеих средах Керенском все больше начинают видеть будущего лидера. Бьюкенен подробно излагает своему правительству взгляды Керенского на текущую войну: «Участие в войне двух великих демократий (России и Америки. — А. У.) может, в конце концов, заставить союзников изменить свое представление об условиях мира». Закрывая глаза на последствия, фактически роя себе политическую могилу, Керенский начинает говорить об «идеальном мире, который обеспечил бы право самоопределения для каждой нации». Бьюкенен пытается найти общую с Керенским почву, определяя принципы, которым должна, по его мнению, сочувствовать русская демократия. Британская дипломатия готова пересмотреть вопрос о Константинополе, по которому Керенский и Милюков держатся противоположных взглядов. Молодой лидер России питал надежду на то, что русские социалисты окажут влияние на германских социал-демократов. Как признак реализма в мышлении Керенского, посол отмечает согласие с тем, что, если надежды окажутся ложными, «нам придется воевать до тех пор, пока Германия не уступит воле Европы».

Керенский и его коллеги чувствовали себя русскими западниками — совместная победа обещала благотворно сказаться на последующем внутреннем развитии России. Разумеется, они считали себя патриотами; тяготы настоящего они оправдывали благоприятными

возможностями будущего. Это будущее они тоже видели в союзе с демократическим и прогрессивным Западом. Их разваливающий Россию курс представлялся им соответствующим глубинным русским устремлениям. Не сумев связать внутренние факторы с внешними, нужды раненой России в мирном покое с перспективами сложного выхода из Антанты, эти последние (очень специфические) западники обрекли себя и в Октябре предоставили историческую арену политическим силам, которые могли смотреться антипатриотическими во всем, кроме главного: они прекратили поток русской крови на Восточном фронте, выразив тем самым сострадание к русскому человеку, которого западники призывали отдать жизнь за цели, ценность которых для себя он так и не увидел.

Полученные в Лондоне и Париже послания с изложением взглядов Керенского и других неортодоксальных мыслителей вызвали там состояние, близкое к панике. Россия все же сдерживала половину дивизий коалиции Центральных держав. Ее сепаратные инициативы могли дорого стоить, ее особый подход к Берлину мог обернуться поражением Запада. Испытывая определенное смятение, англичане и французы обратились к Вашингтону. Если западные союзники не будут держать единый дипломатический фронт, русские социалисты получают шанс. Вильсон, новая моральная сила на мировой арене, должен был убедить молодую русскую демократию в том, что ее идеи общемирового блага имеют шанс на реализацию лишь в случае нанесения поражения оплоту авторитаризма в мире — германскому кайзеру.

Противостояние Керенского с Милюковым в середине мая 1917 г. подходит к концу. Революционное колесо сделало поворот от традиционных геополитических ценностей до патриотически-социалистических. Даже внешне стало заметно, что оптимизм и воля к борьбе у Милюкова подорваны. Приехавший в Петроград румынский премьер Братиано предупреждал за-

надных дипломатов: «Скоро мы потеряем Милюкова. Затем придет очередь Гучкова, князя Львова, Шингарева. Русская революция погрузится в анархию».³⁸⁶

Предсказания сбились почти немедленно. 14 мая военный министр Гучков подал в отставку, мотивируя ее бессилием изменить условия, угрожающие свободе, безопасности и самому существованию России. Попросили освобождения от командования генералы Гурко и Брусилов. Через день в отставку подал Милюков. Он надеялся, что из правительства уйдут вместе с ним все кадеты, но ошибся в очередной раз. Его уход знаменовал крах русского либерализма — именно на этом этапе исчезли реальные препятствия на пути политического экстремизма. Наиболее близкие в тот период к русскому правительству американцы постарались удержать либеральных политиков от ухода с политической арены в решающий момент. Посол Френсис настойчиво отговаривал военного министра Гучкова от намерения подать в отставку, но тщетно. Не более стоворчивым был и Милюков.

Отставка Милюкова с поста министра иностранных дел сопровождалась его заявлением, что новая внешняя политика России, формируемая русскими социалистами, является результатом сугубо теоретических спекуляций, к сожалению, поддерживаемых меньшинством социалистических партий на Западе. Проведение этой новой политики несет с собой опасности для Антанты. Фактически между строк значилось, что у Запада не должно быть иллюзий ¹ Россия предаст своих союзников. Керенский был слишком заострен на социальные материи.

Министром иностранных дел вместо Милюкова стал Терещенко, потомок старинного казачьего рода в возрасте тридцати одного года. Его семья была известна богатством и благотворительностью. Обедая с Френсисом в американском посольстве, он указал на репродукцию картины Репина «Ответ запорожцев турецкому султану». — «Один из них был моим предком». Потомок запорожцев говорил на английском, французском, немецком и

польском языках. Терещенко заявляет, что оккупация Константинополя была бы чистым проигрышем, так как потребовала бы содержания в дальних краях и во враждебной обстановке большого гарнизона. Новый глава внешнеполитического ведомства России считает, что Константинополь следует сделать вольным городом. Такой поворот непредсказуемых русских, много лет желавших получить Константинополь, а теперь увидевших в нем обузу, вызвал на Западе двоякую реакцию. С одной стороны, сожаление — Западу нечего более предложить России, и едва ли русские будут с большой охотой подниматься в атаку, если исчезла даже призрачная цель. С другой стороны — если России не нужен Константинополь, то пусть она заявит об этом возможно определеннее.

Терещенко предостерег союзников от иллюзий: Временное правительство во многих отношениях столь же националистично, как и императорское правительство. Но для России представляют первостепенный интерес не Стамбул, а другие провинции Османской империи, такие как Внутренняя Армения и Курдистан. Соглашения с союзниками относительно раздела турецких владений должны быть изменены — их целью должно быть предотвращение проникновения туда в будущем Германии. Молодой министр (потративший на русскую революцию миллионы рублей собственных средств), если отбросить округлые фразы, бредил наяву. Миллионы русских граждан, вводимых в политическую жизнь, интересовались восточными турецкими провинциями не больше, чем западными. Они не желали умирать за Карс и Ардаган так же, как и за Стамбул. Терещенко уходил в сферу миражей, где уже потерял свое политическое влияние более последовательный Миллюков.

Американский подход

Государственный секретарь США Лансинг первым в американском руководстве оценил степень угрозы со

стороны усилий русских социалистов: в социал-демократической среде Германии наблюдалось некое ответное движение, которое с легкостью могло быть воспринято как многообещающий шанс прекратить бойню. Анализируя выход левых на стратегический простор, Дж. Кеннан-старший, американский специалист по России (отец будущего посла США в СССР), пришел к выводу, что Россия неудержимо движется к коллапсу.³⁸⁷ Ситуация не терпела отлагательства, и Вильсон весной 1917 г. выдвигает идею образования на востоке евразийского континента противовеса и англо-французам и японцам в виде поддерживаемой американцами России. Президент предостерегает русских от веры в способность германцев трансформировать свой автократический строй в либеральный, в желание изменить враждебное отношение к России на дружественное. В качестве рычага воздействия на Россию в Вашингтоне стало видеться более активное привлечение новых политических сил России к международным контактам. Лансинг предложил послать в Россию делегацию американских политических экспертов — они объяснят историческое совпадение интересов двух великих стран. Вильсон хотел, чтобы в нее вошли люди широких взглядов, испытывающие энтузиазм в отношении перемен, происходящих в России. Главой делегации Вильсон назначил бывшего государственного секретаря Элиу Рута, любимца Уолл-стрита, адвоката крупных монополий страны.³⁸⁸ Выбор Э. Рута, которому тогда уже исполнилось семьдесят три года, можно объяснить лишь упорным желанием президента Вильсона противопоставить русскому социализму американский здравый смысл (как он его понимал), а не взгляды неких благодушных братьев по классу. Следует обратиться к трезвому реализму, а не дорогим сердцу русских социальным утопиям. Архиреакционного Рута должны были уравновесить умеренный социалист и представитель профсоюзов. В миссию вошли генерал Хью Скотт, адмирал Гленнон, будущий посол в Китае И. Крейн, вице-президент американской федера-

нии труда С. Бертон, бывший кандидат от социалистической партии в президенты Ч. Рассел. Перед миссией была поставлена задача: «Найти наилучшие способы и средства эффективного сотрудничества между двумя правительствами в деле ведения войны».³⁸⁹

Не зная языка, не будучи знакомыми с проблемами обескровленной России, эти прозелиты твердо усвоили главную задачу — укрепление русского фронта. Миссия проследовала через Владивосток в бывшем царском вагоне и прибыли 13 июня 1917 г. в Петроград. Временное правительство распорядилось разместить ее в Зимнем дворце. На протяжении шести недель американцы обозревали и анализировали события в обеих столицах, на русском фронте, на Черноморском флоте. Превалирующим чувством Рута было легкое презрение к петроградским экспериментаторам: «Мы нашли здесь обучающийся свободе класс детей в сто семьдесят миллионов человек, и они нуждаются в игрушках из детского сада; они искренние, добрые, хорошие люди, но они в смятении и захвачены событиями».³⁹⁰

Э. Рут уведомил Временное правительство о готовности Вашингтона расширять дела с Петроградом при условии интенсификации военных усилий. Объем кредитов будет зависеть от масштаба наступательных военных операций. Плата за военно-политическое сотрудничество была определена в 325 млн. долларов под низкие проценты.³⁹¹

Крупная сумма, если посмотреть, с чего начинали западные союзники Америки, и, разумеется, малая жертва на фоне массовых потерь русской армии в условиях неготовности американских войск. Если бы Восточный фронт рухнул, генералу Першингу, командующему американскими войсками на Западном фронте, стало бы не до охоты. Рут определял «средства исцеления» России с прекрасной американской прямоотой и наивностью: «Чрезвычайно необходима посылка сюда немедленно максимально возможного числа документальных кинофильмов, демонстрирующих приготвление Америки к войне, стро-

ительство линкоров, марши войск, производство боеприпасов на заводах и прочее, убедительно свидетельствующих о том, что Америка не стоит сложа руки. Бедные парни здесь полагают, что, кроме России, никто на самом деле не воюет». Было решено совместно с англичанами, французами и итальянцами модернизировать транспортную систему необъятной России. Комиссия американских железнодорожных инженеров прибыла во Владивосток в июне 1917 г. Американский Красный крест организовал филиалы в России. Американцы расширили связи с Россией: госдепартамент через посольство, военное министерство через военное представительство, министерство торговли увеличило торговую миссию. Действовал Комитет общественной информации. Министерство финансов активизировало межсоюзнические финансовые организации. Активизировалась ИМКА — Ассоциация молодых христиан. Американцы занялись нейтрализацией германской пропаганды на Россию, выделив для этих целей пять с половиной миллионов долларов. Руководителем идеологического наступления был назначен бывший редактор газеты «Чикаго трибюн» Э. Сиссон.

Трудно не согласиться с Дж. Кеннаном, что «план Рута по укреплению морали армии отражал слабое понимание глубины деморализации, которая охватила русские вооруженные силы».³⁹² Американцы предпочитали жить в мире своих понятий и представлений, надеясь, что реальность каким-то образом начнет соответствовать их понятиям и стереотипам. Президент Вильсон в личной беседе потребовал западных союзников потесниться в России. «Постарайтесь продемонстрировать бескорыстную дружественность».³⁹³ Не способствовало ли энергичное американское самоутверждение и слепая вера в то, что мир неизбежно должен приспособиться к американским идеалам и установлениям, конечному краху Временного правительства?

Любое правительство, которое, начиная с лета

1917 г., призывало к новым военным усилиям, рыло себе политическую могилу. У русских закрепилось чувство, что их союзники не понимают степени их усталости от войны. После одной из пламенных речей американцев министр Временного правительства обратился к русскому помощнику, сотрудничавшему с миссией Рута: «Молодой человек, не будете ли вы столь любезны рассказать этим американцам, что мы устали от этой войны. Объясните им, что мы изнемогаем от этой долгой и кровавой борьбы».³⁹⁴

Запад теряет Россию

Испытывая реальные опасения за судьбу Восточного фронта, 9 апреля англичане и канадцы предприняли наступление у Вими. На третий день они захватили деревню Монши-ле-Пре. Но жестокие потери заставили генерала Хейга 15 апреля остановить наступление. Пулемет снова оказался сильнее атакующих колонн. На следующий день неслыханную самоотверженность проявили французы во время наступления генерала Нивелля. На реке Эн французская армия впервые применила свои танки, хотя и без особого успеха. В течение первого же дня наступления из 128 танков немцы подбили 32.³⁹⁵ Объект наступления — форты вокруг Арраса — остались под немецким контролем. Все это не вдохновляло. 10 мая 1917 г. Уинстон Черчилль, указав, что американские войска не придут в Европу в массовом числе ранее 1918 г., обратился к палате общин: «Мы не должны растрачивать остающиеся армии Франции и Британии, прежде чем американская мощь станет ощутимой на полях сражений».³⁹⁶ Все это заставляло еще более горячо ожидать американцев и стремиться сплотить русскую армию.

Тем с большим интересом англичане и французы восприняли попытку австрийских и болгарских диплома-

тов 12 апреля 1917 г. в Швейцарии начать обсуждение возможностей окончания войны. Но представители Центральных держав сразу увидели, что относиться к ним, как к равным, англо-французы не намерены. Австрийцев обескуражила новая жесткость западных союзников, стимулированная появлением США в ряда антигерманской коалиции. Центральным державам оставалось восхищаться воздушными подвигами барона Рихтгофена, сбившего 12 апреля свой восьмидесятый самолет.

В стремлении укрепить русский фронт европейский Запад старался не отстать от американцев. Для воздействия на Петроградский совет Франция прислала трех депутатов социалистов — Мутэ (адвокат), Кашена и Лафона (преподаватели философии). Англичане с той же целью присылают лейбористов О'Грейди (краснодеревщика) и Торка (слесаря). Задача всех их — укрепить решимость России продолжать войну, расположить к себе Совет, убедить его, что судьба русской революции неразрывно связана с судьбой войны. (Использование западными странами социалистических депутатов было своего рода парадоксом. Двадцать пять лет социалистические партии не переставали нападать на франко-русский союз. Ныне же депутаты-социалисты из Франции и лейбористы из Англии защищали этот союз от своих коллег в России).

Основоположник марксизма в России Плеханов, вернувшийся из Парижа, появился в Таврическом дворце перед Советом вместе с западными собратьями-социалистами. Однако единение и солидарность казались полными лишь до момента, когда речь зашла о главном — о войне. Плеханов назвал себя социалистом-патриотом: у него так же мало охоты покориться тирании Гогенцоллернов, как и деспотизму Романовых. Но аргументы в пользу войны — династической прежде, народной, «святой» — ныне — в России уже не действовали. Зал реагировал на слова основателя российского научного социализма глубоким молчанием.

Потеря позиций Запада начинает ощущаться в России буквально во всем. Дело Петра Великого впервые за двести лет подверглось общенациональному сомнению. Враждебность к Западу (прямо или косвенно принесшего России столько горя) начинает ощущаться во всем. Характерна обращенная к председателю совета министров князю Львову просьба командующего Юго-Западным фронтом Брусилова о созыве Учредительного собрания именно в Москве — исконно русской столице. (Петроград, по мнению Брусилова, по своему чиновничьему и космополитическому характеру был чужд устремлениям русского народа. Герой победного русского наступления давал понять, что петербургский период русской истории окончен).

Палеолог призывает снять розовые очки. В России нет Дантона, и някого здесь не воодушевит призыв «Отечество в опасности». ³⁹⁷ Впереди ужасная демагогия черни и солдатчины, ведущая к разрыву внутринациональных связей вплоть до полного развала России. Учредительное собрание и даже военный переворот не способны предотвратить этот распад. Бьюкенен видел в его оценке галльскую страсть к контрасту. Нельзя исключать того, что Керенский способен создать в России правительство, достойное доверия Запада. Палеолог впервые открыто пишет министру иностранных дел Рибо, что опора на русских социалистов может привести к уходу таких деятелей Временного правительства, как князь Львов, Гучков, Мияюков, Шингарев. Перед Россией станет выбор: уйти в изоляцию или переориентироваться на Центральные державы. Прибывший в Россию министр-социалист Альбер Тома считал оценку Палеолога неадекватной. Париж обязан сделать выбор между его (Тома) верой в могущество революционных сил и неверием в них Палеолога. Возникло два объяснения происходящего в России.

Палеолог: 1) Анархия распространяется по всей России, и следует ожидать паралича государственной ма-

шины. Неразрешимые противоречия между Временным правительством и Советом создают обоюдное бессилие и фатальный кризис власти в стране. Революционная демократия, даже если она захватит власть, не способна восстановить порядок, ни при каких условиях она не может организовать ее для борьбы. 2) Франции не следует представлять России новый кредит. 3) Договоры по восточным вопросам нуждаются в пересмотре. 4) В текущих условиях центр усилий французской (и общесоюзной) дипломатии нужно перенести на выведение из войны Турции.

Тома: 1) Положение в России трудное, но небезнадежное. 2) Чтобы достичь стабилизации, следует предоставить России финансовый кредит. 3) Не следует компрометировать лояльность российских союзников — момент для дипломатических комбинаций на Востоке еще не наступил. 4) Планы в отношении Турции следует осуществить в согласии с Россией, а не против нее.

Сэр Джордж Бьюкенен сообщил Френсису об обещании Константинополя России. Наряду с этим известием поступающие в американскую столицу сообщения вовсе не способствовали росту симпатий к русской революции: Петроградский совет блокирует законодательческую деятельность Временного правительства. Впервые проявляя импульсивность, посол Френсис начинает писать о германском влиянии на радикалов русской революции. Россия лишилась «главной побудительной силы русских наступательных операций — обещания овладеть контролем над Дарданеллами и войти во владение Константинополем».³⁹⁸ Государственный секретарь Лансинг: русские левые с германской подачи начинают зондировать идеи сепаратного мира.

Заметно взволнованный сообщениями Френсиса и комментариями Лансинга, президент Вильсон 22 мая 1917 г. обратился к Временному правительству. «Правящие классы Германии слишком поздно начали провозглашать свою приверженность либерализму и необ-

ходимости выдвижения справедливых целей. Они выступают со своими декларациями только для того, чтобы сохранить власть, которую они возымели над Германией, чтобы защищать нечестным образом захваченные позиции повсюду от Берлина до Багдада. Сменяющие друг друга германские правительства прибегают к интригам, угрожающим спокойствию и свободе мира. На пути этих интриг должна быть поставлена преграда».³⁹⁹

В этот критический период (май-июнь 1917 г.) председатель совета министров Львов и военный министр Керенский убеждают американского посла, что у России достаточно солдат, но ей нужны амуниция, военные материалы и кредиты; главная насущная задача — одеть и накормить грозящую самороспуском русскую армию. По рекомендации посла Френсиса, Америка предоставила России кредит в 100 млн. долларов. Френсис начинает уделять внимание Финляндии, опасаясь, что ее симпатии к Германии послужат детонатором выхода России из войны. (Финляндия отказалась воевать с Германией, она договорилась платить России ежегодно 20 миллионов рублей с тем, чтобы ее жители не призывались на русскую военную службу). Американский посол полагал, что Финляндия повернулась в опасном направлении и требуются усилия для предотвращения ее перехода в лагерь Центральных держав. Но стрелка весов истории заколебалась в самой России. Френсис писал в эти дни: «Тяжесть поражения России обрушится на нашу страну».⁴⁰⁰

Кризис западничества в России

Повлиять на русскую сцену западные послы были бессильны; они укрепились в мысли, что альтернативы возвышению Керенского нет. Он, писал Бьюкенен в Лондон, «единственный человек, который может гальванизи-

ровать армию и вдохнуть в нее жизнь. Русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет. Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах олицетворял Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не означает ничего, помимо его собственной деревни». ⁴⁰¹ И Бьюкенен и Тома, начиная с мая 1917 г., должны были считаться с тем фактом, что социализм стал господствующей в России силой. Их волновала реакция министров-социалистов на тайные союзнические соглашения. Если правительство сообщит о них русским солдатам, то те, не разделяя выдвинутые царем и Западом цели войны, откажутся идти на жертвы. Тогда на Восточном фронте будет заключен сепаратный мир, а Запад примет на себя всю мощь концентрированного удара немцев.

Фактически с этого момента западные державы начинают списывать со счетов Россию как великую державу. Ей предрекались уже лишь голод и распад. Тонкий слой цементирующего Россию класса стал жертвой социальной ненависти. (Через год, 5 июня 1918 г., в газете «Л'Ор» Марсель Кашен вспоминал о мнении своего посла: «Вы создаете себе иллюзию, полагая, что этот славянский народ оправится. Нет! Он с этого момента осужден на разложение. В военном отношении от него нечего ждать. Никакие усилия не могут его спасти. Он идет к гибели: он следует своему историческому предназначению, его ждет анархия. И это на долгие годы»).

Летом 1917 г. более оптимистически настроенный Френсис сблизился с молодым министром иностранных дел Терещенко, который выражал Западу безусловную лояльность: его задачей будет сохранение «скрепленных кровью» связей с союзниками. Не может быть и речи о сепаратном мире. Россия сохранит и укрепит свою армию. Но далее тропинка вела в другую сторону — не было речи о Константинополе, о геостратегических целях России. Терещенко предпочитал не распространяться о будущем положении России в мире и

не строил грандиозных схем. Выстоять, сохранить дружественность союзников — такими были его скромные задачи.

Но даже записной оптимист Керенский стал применять аргументы из разряда последних. В Одессе 30 мая 1917 г. он говорил: «Если русская армия не восстановит своего мужества и смелости, позор поражения падет на нас, и весь мир будет презирать нас, презирать идеи социализма, ради которых мы осуществили революцию».⁴⁰² Тревога слышна в словах Керенского, но он еще не видит тех опасностей, которые стали различимы даже из посольских окон — в крупнейшей военноморской базе — Кронштадте — 210 депутатов местного Совета рабочих и солдатских депутатов (против 40) выразили недоверие Временному правительству. Тревожно звучат сообщения американского генерального консула в Москве: «Солдаты грабят страну, устремившуюся к анархии и гражданской войне, а армия, как боевая сила, перестала существовать. Ситуация в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают. Быстро распространяется пьянство. В Москве никто не осмеливается держать дома ничего ценного. Грабежи являются обычным явлением. Мы должны быть готовы к худшему».⁴⁰³ С точки зрения военных и морских атташе западных посольств, возможность восстановить дисциплину в русской армии практически исчезла.

Большевизм

Россия начинает распадаться. 4 мая Петроградский совет очень небольшим большинством призвал поддержать Временное правительство — это был фактически последний акт солидарности новых властей. К этому времени в стране было уже не менее двух миллионов дезертиров.

А в столице входил в пик театральный сезон; русский балет блистал как никогда. В «Асторию» пригласили бармена из нью-йоркской «Уолдорф-Астории». Шляпин покорял всех в опере.⁴⁰⁴ Но все это уже лишь блестящая и ускользающая поверхность российской жизни. В политике вперед выступает новая сила. Перед Западом впервые с такой отчетливостью встает задача оценить явление, получившее название *большевизм*. По его поводу резки в своих оценках и французы и англичане. Мнение Палеолога о лидере большевиков — Ленине: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианским мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать».⁴⁰⁵ У представителей Запада не было иллюзий в отношении большевизма с самого начала. Но немало политиков в Париже, Лондоне и Вашингтоне считало, что послы, после многолетнего пребывания в сени русского престола, потеряли объективность и адекватность в оценке новых событий и явлений. Париж отзывает Палеолога.

Лондон предпочел выждать. Бьюкенен в конце мая 1917 г. встретился с главными среди министров-социалистов — Церетели, Черновым и Скобелевым, задавая им лишь один вопрос: может ли Временное правительство рассчитывать на поддержку Совета в деле продолжения войны? Церетели после некоторых колебаний ответил утвердительно. Совет желает демократизации, а не деморализации армии. Русским социал-демократам было труднее объяснить, как можно добиться демократизации армии (вплоть до выборности командиров!), не рискуя при этом деморализацией армии. При этом социалисты не были едины в своих воззрениях. Крайние левые среди них — большевики — отрицали необходимость продолжения военных усилий. В начале лета 1917 г. Бьюкенен говорил о большевиках следующее: «Для большевика не

существует ни родины, ни патриотизма, и Россия является лишь пешкой в той игре, которую играет Ленин. Для осуществления его мечты о мировой революции война, которую Россия ведет против Германии, должна превратиться в гражданскую войну внутри страны; такова конечная цель его политики».⁴⁰⁶ После попытки большевиков в июле 1917 г. захватить политическую инициативу, прозападные силы в России — в последний раз — консолидировались. Но будущее уже ничего не обещало той патриотической России, которая, поставив неверные цели и пойдя на грандиозные жертвы, лишилась доверия огромной части страны.

Бьюкенен вскрывает главную проблему: «Русская демократия желает знать, за что она борется, в противном случае — она потребует сепаратного мира». Эта дилемма ставила министра иностранных дел Бальфура в тупик. Существовали цели, не достигнув которых Британия не была согласна сложить оружие. Прежде всего, это касалось демонтажа германского флота, захвата африканских колоний Германии и овладения турецкими территориями в Месопотамии. Очевидны были цели, не достигнув которых, ни при каких обстоятельствах не остановится Франция — возвращение Эльзаса и Лотарингии. Определенные цели поставила перед собой и Италия. Если принаравливаясь к русским, то следовало создавать новую шкалу ценностей, уже далеко не единую для всех союзников. В этих условиях Антанта теряла стабильное основание. Одно лишь открытие межсоюзнических дебатов перед лицом огромного могущества немцев грозило катастрофой; они могли подорвать политическое могущество западных правительств, предоставив их судьбе, уже разделенной императором Николаем.

Со своей стороны, генерал Гофман, «отвечавший» за Восточный фронт перед Гинденбургом и Людендорфом, с некоторым недоумением записал в дневнике 12 мая: «Мы дали русским много хороших советов, рекомендовали им вести себя здраво и заключить мир,

но они пока еще не спешат сделать это».⁴⁰⁷ И хотя уже целые русские дивизии переходили в плен (например, 120-ая), но основа вооруженных сил России еще держалась. Насколько долго хватит ее выдержки — этого не знал никто. 27 мая 1917 г. батальонный командир сказал полковнику Ноксу, что «все в тылу пошло прахом, водители автомобилей разбежались, за ними ремонтные бригады и так далее. Его люди абсолютно без сапог и страдают от болезней».⁴⁰⁸

Фактически Временное правительство потеряло под собой почву уже в июле 1917 г., когда, провозгласив своими целями «демократический мир» и «демократизированную армию», бросило эту армию в наступление. Призрак 1792 г., героика Вальми, где французские революционеры разбили регулярную австро-прусскую армию, витал над ними. Согласно учебникам, новая революционная армия должна была обрести новый дух и победить косного реакционного врага. В жесткой русской реальности «революционная военная доблесть» стала наименее привлекательным понятием, и Временное правительство зря искало Бонапарта. Талантливый адвокат Керенский был им менее всех, что было впоследствии так жестоко и убедительно доказано.

А позиция Германии была подходящей для определенного урегулирования — истощенные немцы искали мира на одном из двух своих гигантских фронтов. Вместо этого доморощенные русские социалисты, потеряв всякую ориентацию во внутренней обстановке, бросили русские дивизии в наступление, под пулеметы более организованной социальной силы.

Германия оценивает шансы

После апрельского ликования западных союзников по поводу вступления в войну Америки наступило майское отрезвление. Союзники подсчитали морские

потери и ужаснулись. За апрель 1917 г. они потеряли 373 корабля общим водоизмещением почти 900 тысяч тонн — самые высокие потери за время войны. Стало также ясно, что американцы в массовом количестве смогут высадиться в Европе только примерно через год.

Но и немцы чувствовали себя двусмысленно. С одной стороны, резкое ослабление России давало им шанс на Западном фронте. С другой стороны, гонка за временем требовала небывалого хладнокровия и концентрации сил. Германский историк Ф. Фишер так оценивает новое состояние германского планирования в войне: «С русской революцией и американским вступлением в войну идея национального самоопределения приходит в мир с востока и запада; теперь Германия должна была изыскать новые формы доминирования, отличающиеся от аннексий и экономической эксплуатации безотносительно к национальным устремлениям. Именно в этом историкомировом плане мы должны видеть переход политики от неприкрытой аннексии в Бельгии, Литве и Курляндии к более эластичным методам «ассоциации», посредством которой Германия стремилась превратить новый принцип самоопределения в инструмент косвенного достижения целей своего доминирования».⁴⁰⁹

Выразителем германских идей в отношении России стал начальник штаба Восточного фронта генерал-майор Гофман. 31 мая 1917 г. он пишет: «Необходима формула, согласно которой Германия отвергает аннексии, в то время как Россия подчиняется принципу свободы малых наций, освобождая земли, оккупированные ныне нами, от своего политического влияния, передавая Германии задачу регулирования, их политическую будущность».⁴¹⁰ В реализации этой концепции немцы рассчитывали на своих «остзейских родственников». Остзейские немцы столетия честно служили своей большой родине — России. Но в ходе первой мировой войны часть остзейцев, представлявших аристократов-землевладельцев и образованную городскую буржуазию Прибалтики, оказались в со-

вершенно особых условиях. В условиях германской оккупации остзейцы пережили «революцию полярности», критическим пиком которой было крушение монархии в России.

Составляя всего лишь семь процентов населения прибалтийских губерний, остзейцы, благодаря своему финансовому положению и преимуществам образования, играли значительную роль в прибалтийских губерниях. В мае 1917 г. переселившиеся еще в прежние времена в Германию балтийские немцы основали «Германо-Балтийское общество». 18 сентября 1917 г. «Рыцари и землевладельцы Курляндии» создали парламент, в котором немцы составляли большинство. Он официально попросил «защиты Его Величества и могущественного Германского Рейха. Мы с доверием вручаем наши судьбы в руки Его Величества и назначенной им германской военной администрации». 6 ноября 1917 г. депутация Рыцарей оккупированной части Ливонии вручила Гинденбургу и Людендорфу петицию с просьбой о включении Ливонии и Эстонии под защиту прусской короны или назначенного императором вице-короля. 30 декабря 1917 г. Чрезвычайный Сейм Ливонии принял резолюцию об отделении от России.

Задача немцев в Литве была сложнее — здесь тяготы немецкой оккупации породили значительное антигерманское движение. Немцы должны были найти влиятельных союзников среди литовцев. В ноябре 1915 г. германское министерство иностранных дел сумело при помощи германо-литовца Степутаты заключить соглашение с издателем газеты «За Литву» (издававшейся в Лозанне) Габрисом. Именно эта связь позволила к апрелю 1916 г. создать «Лигу нерусских народов». 2 мая 1917 г. Людендорф издал приказ о необходимости всеми силами привлечь литовцев на сторону Германии. Задача немцев была осложнена удовлетворением основной массы литовцев решением Временного правительства предоставить права автономии в составе феде-

рализованной России. Сложилось любопытное соотношение сил: консервативное сельское духовенство и владельцы небольших участков земли были привлечены германскими обещаниями, в то время как городская интеллигенция и рабочие искали союза с демократической Россией.

Созданному в июле 1917 г. комитету по созыву общелитовской конфедерации немецкие военные власти заявили, что «независимая Литва должна находиться в союзе с Германией на основе военного соглашения, таможенного союза и совместного владения стратегическими железными дорогами».⁴¹¹ Немцы выставили литовцам жесткие условия: либо они выбирают в качестве покровителя Германию, и тогда Литва, связанная союзом с Германией, будет объединена полностью, либо она будет поделена между Германией и Россией, причем германская часть будет попросту аннексирована и включена в состав Рейха. Литовцы предпочли пока не давать однозначный ответ и попросили немцев об увеличении возможностей их внутреннего самоуправления. 22 сентября 1917 г. был создан Литовский национальный совет (Тариба). Командующий германскими войсками на Восточном фронте принц Леопольд Баварский в специальной прокламации признал «Национальный совет находящимся под контролем германской администрации».⁴¹² 11 декабря 1917 г. Тариба провозгласила «независимое литовское государство, связанное союзом с германским рейхом». Так был создан зачаток движения, приведшего к историческому разрыву Литвы с Россией.

Нужно особо отметить, что Запад категорически отказывался от всяких контактов с подобными органами, так как твердо держался принципа единой и неделимой России. И прибалтийские инициативы Антанта оценивала трезво: Германия осуществляла здесь высший контроль, она использовала раскол России в целях борьбы с нею и с Западом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«О, народы Европы не знают, как дороги они нам. И я полагаю, что мы (я имею в виду, конечно, не нас, а русских будущего) все в конечном счете поймем, каждый из нас, что стать настоящим русским будет означать именно следующее: стремиться принести примирение в противоречия Европы, показать выход печалям Европы в нашем собственном духе, универсально гуманном и все объединяющем; найти место в ней с братской любовью для всех наших братьев и в конечном счете возможно высказать слова братской гармонии для всех...».

Ф. М. Достоевский, речь при открытии памятника Пушкину (Дневник писателя за 1877 год, с. 597–599).

Каждый, кто хоть немного знаком с русским характером, не был удивлен, что «свобода» была интерпретирована русскими, как свобода говорить без конца и ничего не делать

А. Нокс, 1921.

В целях национального выживания британское адмиралтейство создало после страшного апреля 1917 г. систему конвоев. По распоряжению премьер-министра Ллойда Джорджа кораблям было приказано плавать группами и всегда с полным военно-морским сопровождением. Группы до пятидесяти судов стали эскортировать крейсером, шестью эсминцами, одиннадцатью вооруженными траулерами и двумя торпедными катерами плюс воздушная разведка на предмет обнаружения герман-

ских подводных лодок. Только после введения этой системы 24-мая 1917 г. тоннаж отправляемых немцами на дно кораблей начал уменьшаться. В результате в критический период — между маем 1917 и ноябрем 1918 г. — когда миллион сто тысяч американцев в униформе переправились через Атлантику, союзники потеряли только 637 кораблей. Увы, Россия не дождалась этой помощи.

Русская армия

Русская армия — крупнейшая в мире в это время — становилась все более пестрым образованием. В ней появились особые женские части. Некоторые подразделения строились по национальному признаку. Здесь были представители многих религий, были представлены все классы, едва ли не все возрасты. Политические предпочтения армии и флота, политизированных революционным накалом, были не менее разнообразны. Кронштадская военно-морская база и латвийская дивизия были оплотом большевиков. Другие национальные части, моряки-черноморцы и личный состав артиллерии были от большевиков значительно дальше. Части, противостоящие австро-венграм, отличались более устойчивыми морально-психологическими качествами, чем те, кто видел перед собой немцев.

Офицерский корпус не был един. За годы войны в него влилось много разночинцев — здесь политика также проложила свои невидимые барьеры. Генеральский состав не мог оправиться от крушения монархии. Высшие офицеры, особенно высшие, ощущали себя находящимися в опасности в свете тех социальных чувств, которые охватили младших офицеров-разночинцев и революционных солдат. И все же важно отметить, что основная армейская масса безропотно и пассивно воспринимала свой рок. Фаталистически восприняла она

приказ номер один, скомкавший ее дисциплину, и не менее знаменитый приказ № 8 военного министра Керенского — «Декларация прав солдата», в котором Россия дала своим воинам все права участия в политической деятельности (в том числе антивоенной!).

Армия быстро разделилась. Одна ее часть фактически требовала забыть об оккупированных противником двенадцати губерниях. Другая, уменьшающаяся, не готова была пойти на такой шаг ни при каких обстоятельствах. Но в целом все ощущали шаткость возможностей договориться с противником в условиях потери большой российской территории. При всем этом фатализм стоящих перед германскими пулеметами воинов ощущался все более, а сопротивление революционным агитаторам слабело. Попыток восстановить дисциплину было немало. В начале революционных дней военный министр Гучков поручил комиссии во главе с генералом Поливановым выработать новые уставные правила. Затем самый талантливый русский стратег генерал Алексеев потребовал восстановить «безусловное подчинение командирам» — для этого он созвал 2 мая 1917 г. совещание в ставке фронтовых командиров. Керенский старался подкупить офицеров словесами: «Защитить данное нам нашими предками, то, что мы обязаны передать нашим потомкам — это элементарная, первостепенная обязанность, которую никто не может отменить».⁴¹³

Реальность оказалась жестче революционных песнопений. В апреле невыносимо почувствовал себя в кресле командующего петроградским округом боевой генерал Л. А. Корнилов и попросил направить его на фронт: «Мое положение нетерпимо... Я не владею контролем. Я был счастлив на фронте, командуя прекрасными армейскими корпусами! А здесь, в Петрограде, в этом котле анархии, у меня есть лишь тень власти».⁴¹⁴ Корнилов сделал свои выводы о будущем России, как и лидер крупнейшей буржуазной партии октябристов военный министр Гучков, протестовавший по поводу

«условий, в которых реализуется государственная власть». Милюкова возмутила отставка — «дезертирство» Гучкова как знак банкротства русской буржуазии правого фланга. Генерал Алексеев считал, что дело заключалось в природном пессимизме лидера октябристов.⁴¹⁵ Просто проницательному Гучкову открылась бездна, перед которой встала Россия, осуществив революцию в ходе страшной войны. Отныне судьба революции и отечества была вручена почти неестественному союзу либеральных интеллигентов и социалистов всех оттенков.

Союзники следят за Петроградом

Новые боевые союзники — американцы — стремились не терять присутствия духа и постараться увидеть новые возможности в жутком русском раздоре. Э. Рут в отчете о поездке в Россию в мае-июне 1917 г. призвал направить значительные суммы на борьбу с поражением в рядах русской армии. Даже если русская армия и не начнет свое долгожданное наступление, «положительные стороны такого финансирования для Соединенных Штатов и их союзников будут столь велики, что оправдают возможные траты».⁴¹⁶ Вильсон не особенно нервничал из-за традиционной русской переменчивости. И только возможность созыва петроградским Советом (его главой уже стал Троцкий) международной конференции о целях ведущейся войны поколебала спокойствие президента. Вильсону пришлось бы тогда «спуститься с небес», покинуть позицию стоящего над спором и начать жалкий торг с союзниками по поводу их территориальных и прочих притязаний — он мог быстро потерять мантию неофициального вождя коалиции.

Э. Хауз настаивал: «апостол свободы» обязан выдвинуть привлекательную идейную доктрину, которая консолидировала бы расшатанные элементы в России. Среди ливня и грозы, обращаясь к спрятавшимся под

зонтами вашингтонцам, президент Вильсон 14 июня 1917 г. впервые дал относительно полное трактование мирового конфликта: «Война началась военными властителями Германии, которые доминировали над Австро-Венгрией». Он обвинил военную клику Германии в продолжении войны, когда стало ясно, что относительно быстрое военное решение невозможно. «Военные властители, под игом которых Германия истекает кровью, ясно видят тот рубеж, который судьба начертала им. Если они отступят хотя бы на дюйм, их влияние как за границей, так и внутри страны рассыплется на части, словно картонный домик».⁴¹⁷ Главная надежда немцев — заключить мир немедленно, пока их армии находятся на территории соседних стран Европы. Ради этого они используют пацифистские и либеральные силы в европейских странах. Но горе легковерным. «Стоит немцам добиться своего, и сторонники немецкого мира, ныне выступающие их орудием, будут раздавлены весом создаваемой великой военной империи; революционеры России будут отрезаны от каналов сотрудничества с Западной Европой, лишены возможности получить ее помощь, контрреволюция будет ускорена и поддержана, Германия потеряет собственный шанс на освобождение, а Европа начнет вооружаться для следующей, окончательной схватки».

Британский посол в Швеции сэр Эвме Хоуард 14 апреля 1917 г. предостерег свое правительство от недооценки европейского социализма. Он сообщил правительству о русском социалисте Ленине, который на пути из Швейцарии в Россию совещался в Стокгольме со своими коллегами-радикалами из европейских стран и пообещал возвратиться в Стокгольм во главе русской делегации для мирных переговоров. Если западные державы отвергнут его требования о всеобщем мире, российская социал-демократия встанет на путь сепаратных контактов с немцами. Хоуард предупреждал: «Ленин является хорошим организатором и самым опас-

ным человеком, в Петрограде его поддерживают значительные силы. Он настроен антибритански, у него связи с индийскими революционерами. Необходимо сделать все возможное, чтобы проконтролировать его деятельность в России». ⁴¹⁸

Британское правительство пришло к выводу, что чрезвычайную опасность начинают приобретать требования Петроградского Совета о пересмотре основных целей войны. Именно в таком — зловещем ракурсе — увидел дело премьер-министр Д. Ллойд Джордж: «Любая фальшь, которую начнут пропагандировать немцы, будет воспринята с готовностью». ⁴¹⁹ Следует найти убежденных борцов против Германии, которые при этом не были бы чужды социалистическим идеалам. В конечном счете бороться с социализмом в России был отправлен член кабинета министров — лейборист Гендерсон. С точки зрения Гендерсона, русские социалисты были неоднородны и мало напоминали тех социалистов, которые вместе с Мильераном вооружали Францию; тех социал-демократов Германии, которые голосовали за военные кредиты.

2 июня 1917 г. Гендерсон в Петрограде сразу же попал в обстановку международной социал-демократической дискуссии. Русскую сторону возглавлял министр иностранных дел Терещенко, французскую — принявший на себя обязанности посла (после отъезда Палеолога) прежний министр военного снабжения Альбер Тома, с бельгийской — министр-социалист Вандервельде. Тома убеждал Временное правительство проявить твердость на внутреннем фронте. Французы где-то в июне начинают относиться к Временному правительству с плохо скрытым презрением. Похоже, что они уже были готовы сражаться с немцами без России. Их все более раздражала русская пацифистская пропаганда, беспомощность русских войск, секретные контакты с австрийским императором Карлом.

Министр юстиции А. Ф. Керенский на встрече с

британским военным представителем генералом Пулом предупредил: «Мы не уподобляемся Милюкову, когда он настаивает на получении Константинополя. Мы выступаем за интернационализацию Проливов, за самоуправление Польши, Финляндии и Армении — последняя, как обособленная часть Кавказа».⁴²⁰ Определение военных целей не столь уж существенно: кто может сказать, какой будет ситуация в конце войны? Он всегда был против империалистических целей войны, но, если альтернативой мировой войне будет гражданская война, он, Керенский, выберет первую.⁴²¹ Керенский определил «две опасности, угрожающие русской революции — последователи Милюкова и последователи Ленина». Милюков предлагал справиться с коммунистами обращением к провинции, радикальными перестановками в кабинете. Керенский считал, что в правительстве должны остаться Некрасов, Терещенко и Коновалов. (Далеко не все тогда знали, что названные политики были членами масонской ложи, в которой Керенский был секретарем). Одетый в простую солдатскую косоворотку, бриджи и простые солдатские сапоги, Керенский чувствовал себя избранником судьбы — это замечал всякий, кто видел его достаточно близко. Популярность его в эти краткие месяцы была велика. Английская медсестра на русском фронте свидетельствует: «Когда Керенский закончил, солдаты понесли его на своих плечах до автомобиля. Они целовали его, его униформу, его автомобиль, землю, по которой он шел. Многие, стоя на коленях, молились; другие плакали. Некоторых обуял восторг, другие пели патриотические песни».⁴²² Именно в это время его увидела Марина Цветаева, призвавшая в своей поэме дерзнуть на диктатуру.

Став военным министром, Керенский собрал вокруг себя близких по духу офицеров среднего звена — адъютантов — капитана Дементьева и лейтенанта Винера. Главой кабинета военного министра стал его родственник полковник Барановский. От Гучкова он перенял полковника Якубовича и полковника князя

Туманова. Петроградский военный округ возглавил генерал Половцев. В военном министерстве был создан политический отдел, возглавляемый эсером Станкевичем. Штат комиссаров Временного правительства заполнили, в основном, эсеры и меньшевики. 19 мая 1917 г. Керенский объявил, что не будет отныне принимать прошений об отставке высших военных офицеров, а все дезертиры, которые не вернутся в свои части, будут наказаны. Лишь офицеры будут назначать офицеров; в бою командир мог наказывать нерадивых и т. п.

Наступает апофеоз внутрироссийского влияния Керенского. Тома передает свои впечатления, впечатления знающего в риторике толк французского политика о стиле тридцатилетнего русского лидера: «Его речь соткана из коротких, отрывистых фраз, бьющих из единого потока и едва связанных между собой. Речь эта представляет собой призыв к сентиментальным струнам души. Все его сердце в этом порыве. Он вкладывает в речь всю наивную силу своих мыслей, всю собственную сентиментальность. Это позволяет ему приобщиться к сентиментальности других, пробраться в тайный угол души, где страх и ужас смерти, которые есть у каждого. Это позволяет ему утверждать себя во главе дивизии в день наступления, убеждать идущих на смерть людей. Жертва, которую он, как революционер, принес, позволяет ему говорить подобным образом... В его красноречии есть шарм и грация... Он излучал веру в Россию и Революцию, справедливый мир и успешное наступление».⁴²³

Керенский прибыл в Каменец-Подольск по приглашению командующего Юго-Западным фронтом и назначил верховным главнокомандующим вместо генерала Алексеева генерала Брусилова, слава о прошлогоднем наступлении которого еще находила отклик. Керенский находил его несколько оппортунистически настроенным и определенно тщеславным, но, в отличие от стратега Алексеева, тот не тянулся в политику. Наиболее тяжелое впечатление на него произвел адми-

рал Колчак, с которым они проспорили весь путь от Одессы до Севастополя.

Керенский был оратором, но не был стратегом, не был организатором и не был реалистом. Прямо в лицо он комментировал речь Ленина: «Гражданин Ленин забыл, что такое марксизм. Его трудно назвать социалистом, потому что социалистическое учение нигде не рекомендует решать экономические вопросы вооруженным путем, посредством ареста людей — так поступают только азиатские деспоты... Вы, большевики, даете детские рецепты — «арестовать, убить, разрушить». Кто вы: социалисты или тюремщики из старого режима?»⁴²⁴

В Царском Селе Керенский впервые близко увидел царскую чету и сразу признал, что социалистические карикатуры имели мало общего с оригиналом. «Рядом с приятным, несколько неловким гвардейским полковником очень обычного вида — за исключением удивительных голубых глаз — стояла прирожденная императрица, гордая и нестигаемая, полная сознания своего права на правление». Керенскому пришлось в голову, что они — «жертвы системы царизма».⁴²⁵

Мирные предложения

Гофман в дневниковой записи от 1 июня оценивает текущую войну как «очень странную». Местами продолжались кровавые бескомпромиссные бои, а на соседних участках фронт фактически развалился.⁴²⁶ Находясь под страшным прессом военных лишений, австрийский император Карл начал упрекать кайзера Вильгельма в нежелании — настаивая на восточных аннексиях — заключать мирный договор с Россией. Кайзер ответил союзнику: «Я сомневаюсь в том, что Керенский склонен вступить в переговоры с нами. Его поведение и донесения нашей разведки показывают его сервильность в отношении Антанты».⁴²⁷ Но император Карл и его министр иностран-

ных дел граф Чернин продолжали верить в возможность договориться с Керенским. Некая беседа между голландским журналистом и высокопоставленным русским чиновником убеждала в мирной настроенности, по крайней мере, части российской элиты.

Обстоятельства подстегивали Вену. На собравшемся в конце мая 1917 г. впервые с начала войны австрийском парламенте польские депутаты выдвинули идею независимости Польши. А сербы, хорваты и словенцы создали т. н. «Югославский парламентский клуб». Чувствуя, куда дует ветер, император Карл пообещал создать после окончания войны более национально ориентированную конституцию. Избежать развала государства можно было, лишь остановив военную бойню. И Вена видела шанс. Особенно воодушевляло австрийцев заявление Керенского о том, что он не поддерживает итальянские и сербские цели раздела Австро-Венгрии: «Русское правительство готово начать дружественные беседы с австро-венгерским правительством при условии, что необходимые предложения поступят немедленно».⁴²⁸ Чернин был в восторге и уведомил Берлин, что намеревается войти в контакт с Керенским. Голландский посредник сообщил, что русские предлагают заключить мир на основе возвращения к статус кво. В неопубликованных документах Керенского есть запись: «11 июля. Попытка заключить сепаратный мир со мной». Только сорок лет спустя А. Ф. Керенский рассказал об этом эпизоде.⁴²⁹ Но он уже был описан финским посредником — другом Керенского (и его доктором) Рунебергом. Последние слова Керенского были такими: «В нынешнем положении Россия не может выдвигать мирные предложения; Ллойд Джордж — единственный, кто может предпринять мирную инициативу. В любом случае, вы должны обратиться, прежде всего, к нему».

5 апреля 1917 г. начальник германского генерального штаба Гинденбург пришел к выводу, что существуют возможности начать мирные переговоры.⁴³⁰ Надежды

возлагались на неограниченную подводную морскую войну, создающую перелом в войне — Британия, Франция и Россия слишком зависели от поставок морским путем. А германские подводные лодки сделали ареной борьбы все океаны. 14 мая немцы впервые вывели на боевые позиции свои танки. Имея козыри, следовало искать мира хотя бы на одном из двух своих гигантских фронтов. 15 мая 1917 г. Бетман-Гольвег предложил России заключить мир. Канцлер сказал, что его целью является достижение договоренности, которая исключала бы «любую идею насилия», когда ни одна сторона «не ощущала бы озлобления».⁴³¹

Через две недели правительство России отвергло германское предложение о перемирии. Керенский не особенно размышлял над немецкими предложениями. Это в последующих книгах он скажет, что *некритическая верность* не является достоинством, что «заключи он мирный договор, мы были бы сейчас в Москве».⁴³² Как член кабинета, он стоял за союзническую верность и доказывал это демонстративно. Идеи сепаратного мира с Россией в 1917 г. окончательно потеряли под собой почву в июле с началом последнего с русской стороны наступления Брусилова.

Першинг

Первые американские солдаты начали прибывать в Британию 18 мая 1917 г. Это были медики, готовившие создание госпиталя. Но уже 26 мая более тысячи американских солдат высадились во Франции. 28 мая командующий американским экспедиционным корпусом генерал Першинг разместился со штабом в Ливерпуле. Во время океанского перехода он разработал планы перемещения во Францию миллионной армии. По всем Соединенным Штатам началась регистрация мужчин в возрасте между 21 и 30 годами. Королю Георгу Пятому Першинг пообещал

шал бросить на весы войны всю американскую мощь. В Париже прием его был настолько восторженным, что, по мнению газет, если бы он решил предложить себя в качестве короля Франции, то имел все шансы. Американский друг объяснил Першингу: «Французы дошли до предела».⁴³³ Беседуя с Петэном, Першинг выразился с американской прямоотой: «Я надеюсь, что еще не поздно». Першинг оказался эффективным организатором. 26 июня 1917 года в Сен-Назере высадились 14 тысяч американских солдат. Колонна американцев прошла по Парижу и направилась к могиле Лафайета, который, согласно завещанию, был похоронен в земле, привезенной из Америки. Американский офицер объявил: «Лафайет, мы пришли». Першинг установил прямые связи между портовыми складами своей прибывающей армии и выдвинутыми вперед депо, заказал французам производство 5 тысяч самолетов и восьми с половиной тысяч грузовиков. Но прибытие своей армии он ожидал только в 1918 г.

На Западном фронте Хейг внес ноту оптимизма: «Мощь и выдержка немецкого народа напряжены до такого предела, что мы можем достичь решающей точки уже в текущем году».⁴³⁴ Англичане копали тоннель под германские траншеи в течение почти полугода и 7 июня взорвали подведенные под немцев девятнадцать мин. Десять тысяч германских солдат были погребены заживо. Будущий премьер, а тогда двадцатилетний рядовой Антони Иден вспоминает крики немцев глубоко в земле. Но оставшиеся в живых немцы просто перешли на заранее подготовленные позиции, и стратегического значения упорный труд англичан не имел.

Сомнения и надежды Германии

10 июня министерство иностранных дел Германии узнало от своих военных, что они планируют четвертую зимнюю кампанию. Представитель генерального штаба

полковник Бауэр говорил об огромном материальном превосходстве противника — в вооружениях оно определялось соотношением один к четырем. Было решено интенсифицировать подрывные усилия, направленные против России, фактор воздушного устрашения. Немцы подняли в воздух 23 новых бомбардировщика. Эффективность бомбардировочной авиации была доказана. 13 июня они послали на Лондон четырнадцать бомбардировщиков на высоте четырех тысяч метров. Более сотни бомб было сброшено на мирные кварталы. Ничего подобного, писали газеты, не было 900 лет. Однако главным результатом налета стала отчетливая германофобия англичан. Из огромного города стали в массовом порядке выселять детей. Но решимость англичан была неколебима. Военные хозяева Германии применили горчичный газ. Пятьдесят тысяч снарядов с газом погубили две тысячи англичан. В последующие три недели немцы выпустили миллион (!) снарядов с газом, но это не помогло им пробиться сквозь окопы англичан.

Подводная война не поставила Британию на колени. Надежды немцев на морское удушение противника не могли быть бесконечными — трех месяцев ожиданий оказалось достаточно. 10 июля 1917 г. ответственный за работу германской экономики Вальтер Ратенау произнес перед Гинденбургом и Людендорфом слова отрезвления: германские адмиралы самообольщаются, при помощи конвоев и кораблестроительных усилий западные союзники выходят из тяжелого положения. Главный аргумент: верфи Америки способны построить флот любого тоннажа.

Во Франции решимость была на пределе. Оголяя фронт, не менее 30 тысяч военнослужащих покинули свои траншеи и отправились в тыл. 1 июня 1917 года взбунтовавшийся полк объявил о создании антивоенного правительства. Хаос продолжался неделю, а затем военный трибунал под председательством Петэна жестоко осудил 23 тысячи военнослужащих. В английском городе

иде в начале июня 1917 г. собрался съезд лейбористской партии, который в первой же своей резолюции поздравил русский народ с революцией. Присутствовавший философ Бертран Рассел восславил пацифистов за то, что «своим отказом идти на военную службу они показали возможность для отдельного индивидуума противостоять всей силе государства. Это огромное открытие, увеличивающее достоинство человека».⁴³⁵

Наступление Керенского

28 июня 1917 г. возвратившийся из Петрограда журналист Майкл Фарбмен делился своими впечатлениями в британской прессе: «Происходит усиление влияния социалистов-экстремистов, провоцирующих недоверие к союзникам». Вдоль окон британского посольства прошла патриотическая демонстрация. Во главе ее шел Милюков; он поднялся на автомобиль и произнес речь. С балкона посольства прозвучали слова солидарности. Но, как пишет в воспоминаниях ⁴³⁶ британский посол, «на одних речах построить продолжительное наступление было невозможно».⁴³⁷

Отражая внутреннюю природу русского сознания, Керенский даже в мемуарах (десять лет спустя) утверждает, что «возобновление активных операций русской армии спустя два месяца после охватившего ее паралича было продиктовано как абсолютная необходимость внутренним развитием событий в России».⁴³⁸ Где этот диктат? Керенский (как и Горбачев семь десятилетий спустя) так и не смог разобраться в потоке событий, сокрушивших его. И не обнаружил внутренней честности признать историческую вину. Не общая ли это русская болезнь? Когда Керенский говорит в мемуарах о «национальном самосознании» русского народа, которое якобы ожидало финального боя, он находится в плену собственных представлений.⁴³⁹

Доморощенные русские социалисты, потеряв всякую ориентацию во внутренней обстановке, бросили русские дивизии в наступление под пулеметы более организованной социальной силы. 1 июля Брусилов начал свое долгожданное наступление на фронте шириной 80 километров, и велось оно силой 31 дивизии при поддержке 1328 орудий. Главный удар был нанесен на юго-западном фронте и должен был быть поддержан на других фронтах. Цель — столица Галиции — Львов. 8 июля 1917 г. генерал Корнилов сумел пересечь Днестр и взять Галич и Калуж, рассекая австрийский фронт. Многие предвещало успех: 10 тысяч военнопленных в первый же день, активность чехословацких частей, сражавшихся на русской стороне против своих же неохотно воюющих соотечественников. Впереди дорога шла к карпатским перевалам, за которыми находилась венгерская граница — старый, ставший таким знакомым с 1914 г. путь. Почти в зоне досягаемости Корнилова оказались галицийские нефтяные месторождения. Австрийцы сумели собрать силы для контрнаступления только 23 июля и, бросив все резервы, прикрыли нефтяные скважины.

Мобилизуя последние национальные силы, русское командование согласилось с идеей создания женских воинских частей. Мария Бочкарева возглавила первый батальон, названный «Женским батальоном смерти». Но такие новшества не могли переломить общей тенденции. Революционный хаос уже порастил части русской армии. Смятением России воспользовались немцы. И результаты не замедлили сказаться. Гофман записывает в дневник 17 июля: «Взят Калуж, и это только первые итоги подхода германских подкреплений — теперь нам нечего бояться». 19 июля подошедшие германские части пробили в русском фронте двадцатикилометровую брешь и взяли город Злочов. 26-го на захваченные территории приехал кайзер, гордый еще одним доказательством превосходства своих войск.

Как отмечает Гофман, «он был, конечно, в прекрасном настроении». ⁴⁴⁰

Русская армия не смогла отразить германского контрнаступления; паника росла, и русским пришлось оставить Тернополь и Станислав. 19 июля Керенский возвратился с фронта и потребовал установления полного правительственного контроля над армией. Петербургский Совет выдвинул условия предоставления таких полномочий: немедленное провозглашение республики и наделение крестьян землей. После прочтения телеграммы о том, что немцы прорвали русский фронт, председатель правительства Львов предложил свой пост более молодому и энергичному Керенскому, сохранившему при этом и пост военного министра.

В качестве реакции на попытку Терещенко и Церетели договориться с украинской Радой в июле 1917 г. из правительства вышли кадеты — они не могли спокойно наблюдать за тем, как распадается великая страна. Фактически в России прекратило существование коалиционное правительство. Фронт исчезал на глазах; офицеров, стремившихся остановить бегство, убивали. Британское и бельгийское подразделения броневиков умоляли бегущих русских остановиться. 28 июля австрийская армия вышла на прежнюю государственную границу у Гусятина.

Русское отступление продолжалось. 3 августа были потеряны Черновцы. И лишь фронт генерала Алексеева — к югу от припятских болот — выстоял и даже осуществил 8 августа контрнаступление, заставив австрийцев опять униженно просить помощи немцев. Ничейная земля между позициями противников была завалена горой трупов, и русская сторона попросила австрийцев о перемирии, чтобы похоронить павших. Но австрийский генерал отказал в этом, видя в погибших воинах «наилучшее препятствие для будущего наступления». ⁴⁴¹ В жесткой русской реальности «революционная военная доблесть» стала наименее привлекательным понятием, и Временное

правительство зря искало Бонапарта. Талантливый адвокат Керенский был им менее всех, что так жестоко и убедительно показало будущее.

Разумеется, Запад, торопя и Милюкова и Керенского, поступал неразумно. Французы сделали посла Палеолога академиком, признавая талантливость его книг, но он проиграл главную битву своей жизни, когда не сориентировался в русской ситуации весной — летом 1917 г., продолжая со слепым упорством толкать шаткое русское правительство в бой, в поражение, в пропасть. Его и Бьюкенена можно понять: Людендорф готовил решающее наступление на Западе, и все средства казались им хорошими, лишь бы русские отвлекали максимум германских дивизий. И все же Запад должен был быть проницательнее, не быть жертвой первого же внутреннего импульса. Лишь спустя сорок с лишним лет Дж. Кеннан признал, что западные дипломаты и политики замкнули себя в круг военной необходимости и не смогли подняться над повседневностью, увидеть поразительное и опасное для Запада состояние его несчастливого союзника.⁴⁴²

Керенский с коллегами были русскими западниками — совместная с Западом победа обещала благотворно сказаться на последующем внутреннем развитии России. Тяготы настоящего они заведомо извиняли благоприятными возможностями будущего, которое они видели в союзе с Западом, демократическим и прогрессивным. Глубоко ошибочный, разваливающий Россию курс представлялся им единственно верным и соответствующим глубинным русским устремлениям.

Неудачное наступление деморализовало даже наиболее стойких. В Петрограде воцарился политический хаос. 16 июля большевики и прочие левые подняли восстание с требованием немедленно прекратить войну. Шесть тысяч моряков Кронштадта присоединились к ним. В течение трех дней они поставили правительственную машину на дыбы. Дело на этот раз решили кадеты военных учи-

лиц, которые выступили на стороне правительства и нанесли удар по большевикам, в частности, по редакции газеты «Правда». Троцкий попал под суд, а Ленин вынужден был скрываться в Разливе.

- А Керенский начинает ощущать вкус великой власти. Он пересаживает со своей гражданской женой в Зимний дворец, в покои императора Александра Третьего. Приспущенный или поднятый красный флаг показывал, на месте ли новый владелец царских покоев. Он путешествует в царском поезде, восседает за огромным пиршественным столом русских царей. А поза! Рука в перчатке прекрасной кожи за обшлагом, вторая за спиной. Именно в это время Репин делает известный портрет. Поза не скрыла от великого мастера печали честолюбца, далекого от мира с самим собой. Его пресловутый оптимизм превратился в безответственность, скорость его решений обернулась нежеланием погрузиться в проблему, природное красноречие пересекло грань сугубой сентиментальности. И он не видел главного: партия большевиков и после июльского разгрома функционировала; Керенский ожидал удара справа, закрывая глаза на левый фланг, где Ленин из Разлива собирал костяк партии, готовясь к решительному выступлению.

16 июля 1917 г. Керенский созвал совещание командующих фронтами в могилевской ставке. Недовольство военных возглавил тогда командующий Западным фронтом генерал Деникин: «Я слышал о том, что большевизм разрушил армию. Я отрицаю это. Большевики — это черви, которые паразитируют на ранах армии. Армию разрушили другие, те, кто провел военное законодательство, разрушительное для армии, те, кто не понимает образа жизни и условий, в которых существует армия... Власть была отменена, офицеры унижены. Офицеров, включая главнокомандующего, изгнали, как слуг. Военный министр однажды заметил, что может разогнать верховное командование в течение 24 часов. Обращаясь к солдатам, военный министр сказал: «При

царях вас гнали в бой кнутами и пулеметами. Командиры вели вас на бойню». Ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, но дайте нам возможность вести наши войска под старыми знаменами, освященными победами, чьи ленты целовали тысячи воинов, давая клятву верности отечеству... Это вы опустили наши славные знамена в грязь, и вы должны поднять их, если у вас есть совесть». ⁴⁴³

После фиаско июльского наступления спасти себя министры-социалисты могли, лишь призвав к власти генерала Корнилова. В своем первом же приказе Корнилов проклял предателей, покинувших свои позиции. Он потребовал восстановления смертной казни для солдат в тылу, чистки офицерского корпуса, восстановления исключительного права офицеров производить повышения и понижения, интеграции комиссаров в офицерский корпус, запрета митингов, игры в карты и большевистской литературы. Корнилов принял назначение со словами, что отвечает только перед своей совестью и народом в целом. Большинство офицеров пришло к недвусмысленному выводу, что, пока существует корень зла — советы, русская армия не поднимется.

Но когда полковник Нокс со статистическими данными в руках доказывал одному из ближайших сподвижников Керенского, что катастрофа неминуема, то услышав в ответ: «Ваш пессимизм основан на чистых цифрах, вы не принимаете во внимание удивительный русский дух». ⁴⁴⁴

Послы Запада рекомендовали Временному правительству быть твердым. Френсис предлагал Терещенко расправиться с Лениным и Троцким, чтобы остановить деморализацию русской армии. Френсис видел шанс в назначении генерала Корнилова главнокомандующим — его престиж жесткого командира из народа давал надежду на восстановление дисциплины в войсках, в уменьшении числа социалистов (девять министров из пятнадцати) в правительстве. Он верил в молодого российского премье-

ра. «Ему всего 34 года, и, если хвалы не вскружат ему голову, он обещает стать удивительным человеком». Но тут же посол осторожно добавил: в России нельзя предугадать утром того, что будет в полдень.

Консервативное большинство в британском кабинете категорически отказывалось произвести изменение в русской политике Лондона. Решающее выяснение отношений произошло на заседании правительства 30 июля 1917 года. Вывод был неутешителен: «Социалисты (русские) предпочитают, скорее, вести классовую войну, чем национальную».⁴⁴⁵ В условиях напряжения всех сил нации и трудностей страны такую переориентацию следовало предотвратить. Основная группа английских министров увидела в курсе на освобождение России от союзнических обязательств осквернение уже принесенных жертв.

Германия: новый канцлер

По поручению британского правительства известный производитель вооружений сэр Бэзил Захароф в июле 1917 года предложил в Швейцарии полтора миллиона фунтов стерлингов золотом военному министру Турции Энверу-паше за подписание сепаратного мира. Турецкий министр некоторое время колебался. Возможно, на него в конечном счете повлияли события в Берлине. Созванный на внеочередную сессию германский рейхстаг 19 июля проголосовал за очередные военные кредиты. Германскому правительству поручалось выработать предложения мира «по общему согласованию и обеспечивающие постоянное примирение. *Насильственные* территориальные приобретения не согласуются с таким миром».⁴⁴⁶ Эта так называемая «Мирная резолюция» прошла 212 голосами против 126.

Послание Бетман-Гольвега германскому генеральному штабу говорит о глубоком разочаровании: нера-

зумно обрывать последнюю возможность достижения компромисса с Британией. Канцлер выступил против бомбардировок Лондона. «Ни одно английское правительство, если оно попытается договориться с Германией, не продержится и дня». Правящие Германией Гинденбург и Людендорф были разочарованы в оказавшемся слабым правительстве. Это определило судьбу Теобальда Бётман-Гольвега. Новым канцлером Германии стал прусский чиновник доктор Георг Михаэлис, выступивший против своеволия депутатов: «Я не думаю, что германский рейхстаг годится для того, чтобы решать вопросы войны и мира по собственной инициативе».⁴⁴⁷ Кайзер впервые за двадцать лет принял представителей практически всех германских партий (за исключением независимых социалистов) и в бескомпромиссной речи огласил свои планы «второй пунической войны» против Британии, в которой вся Европа под германским водительством уничтожит всевластие предательского Альбиона. «Когда вперед выходит моя гвардия, для демократии не остается места».⁴⁴⁸

В июле 1917 г. Михаэлис обсуждал возможности дезинтеграции Российской империи. Литва должна стать «независимым герцогством» во главе с германским герцогом. Получает развитие идея отрыва от России Украины. Контакты с украинскими националистами установлены, и их успешное развитие зависит от обещания им Восточной Галиции. Неуютнее всех чувствовали себя австро-венгры: две крупнейшие державы — Соединенные Штаты и Россия — официально поддерживали принципы национального самоопределения.

На совещании в Кройцнахе 9 августа 1914 г. германская официальная позиция в отношении России включила в себя отрыв от России Украины на юге и Ливонии, Эстонии и Финляндии на северо-востоке. Генеральный штаб выразил пожелание использовать сепаратистское движение на Украине, чтобы «спокойно и дружески повернуть ее к нам». Военные и поли-

тические лидеры Германии согласовали схему расширенной Миттельойропы вокруг четырехугольника Германия — Австро-Венгрия — Болгария и Турция, простирающегося от Северного моря до моря Красного.

Но новый министр иностранных дел Кюльман был далек от веры военных в возможность поставить Британию, Америку и всех прочих на колени. Предпочтительнее был компромисс с Лондоном на основе трех уступок: 1) сохранение Франции как великой державы; 2) сохранение бельгийской независимости; 3) гарантии того, что Германия не укрепитя на бельгийском побережье. Кюльман понимал значение Бельгии для британской политики последних четырехсот лет, направленной на предотвращение господства одной державы в Европе. Он склонялся к тому, чтобы заключить мир с Западом и обратить германскую энергию на другие направления.

Британские сомнения

Хейг полагал, что немцы находятся на пределе человеческих возможностей, и делал вывод, что требуется фронтовая активизация. Его поддержал южноафриканский генерал Сметс: наступать — моральная обязанность англичан. Хейг уверял, что совершит на Ипре в 1917 г. то, что ему не удалось на Сомме годом ранее, благодаря двухмиллионной армии. Он не очень представлял себе, почему эта грозная сила должна ждать удара противника, отбивая его газовые атаки. Наступление Хейга началось 31 июля 1917 г. трехтысячепушечной артподготовкой. То была прелюдия к броску девяти британских и шести французских дивизий на двадцатикилометровом участке. Два дня боев дали больше, чем любая из прежних битв на Западном фронте — 7 километров до деревни Пашендель. В плен были взяты 5 тысяч немцев. 6 августа 3-тысячный русский отряд в качестве символа союзнической солидарности

высадился в Шотландии для участия в боях на Западном фронте. Жестокый дождь ослабил британский порыв, а немцам дал возможность перегруппироваться.

И все же в Лондоне дело вовсе не виделось безнадежным. Позитивным фактором был выход на боевые позиции Соединенных Штатов. Да, Россия принесла большие жертвы, она истощена. Но она способна решить «пассивную» задачу — сохранить гигантский фронт, отвлекающий много германских дивизий. Лидер социалистов Гендерсон знал, как флюидна обстановка в Петрограде. Отвернуться от «бедной России с ее рождающейся демократией» значило бы, помимо прочего, подвергнуть серьезной опасности будущее самой Британии.⁴⁴⁹ Антагонизированный военный кабинет послал министра-лейбориста в отставку.

Стратег и скептик, премьер-министр Ллойд Джордж уже сомневался в наличии у России сил и возможностей восстановить фронт. Летние месяцы 1917 г. давали скептицизму все более весомые подтверждения. Нужно ли в условиях растущего бессилия Керенского делать на него ставку? И шире — что произойдет, если русский фронт рухнет, а американские войска все еще будут тренироваться в своих лагерях за океаном? Можно ли позволить себе риск потерять все сразу? Опасения британского премьера были столь серьезны, что, пожалуй, в первый раз Ллойд Джордж задумывается над возможностью заключения сепаратного мира на Западе.⁴⁵⁰ Наступление Хейга захлебнулось. Англичане потеряли шестьдесят тысяч солдат за три недели боев. Премьер наметил контуры возможной сделки: возвращение немцам их африканских колоний в обмен на уход германских войск из Бельгии. На Восточном фронте, если русский колосс падает неудержимо, пусть будет, что будет. В беседе с одним из секретарей короля Георга Пятого 14 августа Ллойд Джордж дал нелестную оценку своим ведущим полководцам. Премьер был сторонником ухода от лобового удара по Германии и при-

зывает искать *слабые* места противостоящей коалиции. Следовало помочь итальянцам, выйти к Австрии и заставить ее подписать мир.

Бьюкенен после ухода Гучкова, Милюкова, Львова теряет веру в союзнические способности России: «Для нас пришло время сказать откровенно русскому правительству, что мы ожидаем сосредоточения всей энергии русских на реорганизации армии, на восстановлении дисциплины на фронте и в тылу». За завтраком с Керенским 11 августа 1917 г. Бьюкенен потребовал включения Петрограда в прифронтовую полосу, чтобы на основе законов военного времени восстановить в нем дисциплину. Лишь только тогда Британия будет поставлять российской армии артиллерийские орудия. Керенский вспылил: «Если вы намерены торговаться насчет артиллерии и не хотите помогать России, то вам лучше сказать об этом сразу». Бьюкенен: «Мы не собираемся посылать на фронт артиллерию, если ее могут захватить германцы».⁴⁵¹

По мнению Бьюкенена, Временное правительство, отказавшись расправиться с большевиками, упустило свой шанс в июле. Августовский состав правительства не внушал ему доверия. Такие блестящие люди, как Плеханов, не вошли в него, будучи, прежде всего, патриотами, а потом уже социалистами. Осведомленные люди вроде Гучкова придерживались мрачных взглядов на будущее: если война продлится до зимы, армия распадется сама собой. Нынешнее правительство безнадежно — у него нет шансов спасти страну. Социалисты ведут Россию к гибели. У России нет средств финансировать военные заказы, это должны взять на себя англичане и американцы, «если мы желаем, чтобы Россия выдержала зимнюю кампанию».⁴⁵² Бьюкенен начал приходить к мнению, что решить задачу мог бы лишь генерал Корнилов. В августе 1917 г. британский премьер тоже начал терять веру в эсеровское правительство России.

Керенский продолжал цепляться за своего самого

могущественного британского союзника. Внутри страны Керенский стремился показать, что не упускает шансов выработки условий мира, а вовне убеждал союзников, что речь идет вовсе не о сепаратизме России. Но в Лондоне, как и в Париже, уже решили, что, если русское революционное руководство попытается заочно заново определить военные цели союзников, против него следует выступить единым фронтом. В августе 1917 г. в качестве британского секретного агента в Россию прибывает писатель Соммерсет Моэм. «Моей задачей являлось вступить в контакт с партиями, враждебными правительству, с тем чтобы выработать схему того, как удержать Россию в войне и предотвратить приход к власти большевиков, поддерживаемых Центральными державами».⁴⁵³

Нокс в Лондоне обрисовал кабинету министров картину угасающей России. «Огромные массы солдат не желают воевать; в промышленности дело приближается к анархии; виды на урожай катастрофические. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, огромное большинство страны поддержит его». Русские еще не созрели для демократии. «Им нужно приказывать, что следует делать». Движение Корнилова нужно поддержать.⁴⁵⁴ Но, похоже, этот совет уже запоздал. Керенский с яростью выступил против Корнилова, словно ослепнув на *левый* глаз.

Крах России

Буря готовилась с нескольких сторон. Лидер эсеров Чернов отказался посетить фронт, пока Временное правительство не примет законы, увеличивающие права и полномочия огромной крестьянской массы России. Невиданные доселе люди возглавили страну. Заместителем коменданта Петрограда Половцева становится рядовой Козьмин. Петроградский Совет сражается за Декларацию о правах солдата.

В начале сентября 1917 г. немцы нанесли на Восточном фронте два чувствительных удара. Во-первых, после массовой бомбардировки они взяли Ригу. Во-вторых, они продвинулись вперед в Румынии. На фоне медленного десанта американцев в Европу это произвело впечатление решающего крена военной судьбы. Восточная жертва Германии слабела на глазах — четырех месяцев революции было достаточно, чтобы полностью разрушить финансы русского государства. Крестьяне прекратили платить налоги, рабочие и служащие требовали увеличения заработной платы, государственная казна затрещала по всем швам. Министр финансов А. И. Шингарев отметил уменьшение «уплаты налогов в стране с 65 до 80%».⁴⁵⁵ Если в марте 1915 г. Государственный Банк России выпустил 160 млн. бумажных рублей, то к сентябрю 1917 г. было выпущено более 2 млрд рублей.

Началась агония армии. Оценка генерала Драгомирова: «Преобладающим в армии является стремление к миру. Любой, кто пообещает мир, получит в свои руки армию». Керенский, словно в трансе, полагался на свое ораторское искусство, но трезвому взору была видна безнадежная усталость армейских частей, в которых исчезала всякая дисциплина. Работа эмиссаров Керенского среди войск была парализована антивоенной пропагандой агитаторов — большевиков. Керенский уже не осмеливался призывать войска сражаться ради победы — он призывал выстоять ради заключения благоприятного мира. На фронте произошла потеря тяжелой артиллерии и пулеметов, ощущалось истощение военных запасов, положение приблизилось к отметке безнадежности. Застыв в страхе, Запад стремился не предпринимать ничего, что могло бы выглядеть как союзническое подталкивание ради империалистических целей.

Значительно позже Терещенко рассказал американскому послу Френсису, что 1 августа 1917 г. он получил весьма привлекательные мирные предложения от немцев и ознакомил с ними лишь премьера Керенского.

Если бы Россия заключила мир в августе — лишь четыре месяца спустя после вступления Америки в войну — Центральные державы получили бы большой шанс преодолеть сопротивление союзников на Западе. В августе 1917 г. мирные предложения поступили со стороны римского папы. В Петрограде и в Лондоне, двух важнейших столицах коалиции, напряженно ожидали реакции Соединенных Штатов. Посол Временного правительства в Вашингтоне Б.Бахметьев предупредил, что России с самой большой серьезностью относятся к возможности прекращения кровопролития.

Америка разочаровывается в русской революции

Полковник Хауз подсказал президенту Вильсону: «Следует сделать заявление, которое не только обличало бы автократическую Германию, но укрепило бы позиции русских либералов в их стремлении превратить свою страну в могучую республику».⁴⁵⁶ И далее: «Более важно в настоящее время превратить Россию в жизнеспособную республику, чем поставить Германию на колени. Если внутренний раздор достигнет в России точки, когда Германия сможет вмешаться, тогда Германия окажется в состоянии доминировать в России и политически и экономически». Это привело бы к выходу монолитного блока Евразии, возглавляемого Германией, за пределы зоны влияния США, превратило бы его в непобедимую мировую силу. Если же Россия выйдет из своего кризиса окрепшей республикой, Германии не миновать своей скорбной участи, сколько бы ни длилась война.

Если пойти по линии, предложенной папой Бенедиктом, то Германия получит передышку, необходимую ей для возобновления марша к господству в Европе. В Германии «власть принадлежит не немецкому народу, а его лишенным сострадания хозяевам. Не наше

дело определять, как этот великий народ попал под контроль этих сил, но наше дело — обеспечить, чтобы история остального мира не зависела более от них». Если Америке есть дело до процессов внутри Германии, то и в отношении России следует поступать подобным же образом — провозгласить своим долгом воздействие на основные процессы русского развития.

В ответе госсекретаря Лансинг фактически обвинил римского папу в покровительстве австрийской и германской монархий. Выступая за мирное решение в условиях боевых действий Центральных держав на чужой территории, Ватикан содействует планам наиболее реакционных сил Европы. «Интриги в России, стокгольмская конференция социалистов, пропаганда в нашей стране и в странах-нейтралах говорят о наличии у Центральных держав единого плана — поисков мира на том этапе, когда они одерживают победы в наземных сражениях, и тогда, когда они добиваются успехов в подводной войне».⁴⁵⁷ Стабильный мир с германской автократией невозможен. Германский империализм нацелен на Америку, на Россию, на весь мир.

Лансинг после бесед с возвратившимся из России Руттом сделал в августе 1917 г. вывод, что шансы Временного правительства удержаться у власти невелики.⁴⁵⁸ Пресса еще продолжала ликовать по поводу триумфа демократии в России, но Вильсон и Лансинг уже сделали для себя суровые выводы. Русская революция — как и французская столетие назад — неизбежно пройдет весь цикл от умеренности к террору и затем обратно к реакции. Лансинг не верил в саму возможность «обуздать события»; он убеждал президента, что «общее ухудшение состояния дел в России будет происходить до тех пор, пока вперед не выйдет некая доминирующая личность».⁴⁵⁹

Вильсон теперь полагал, что успех русской революции зависит от способности Америки противостоять искушениям заключить мир с Германией на основе ком-

промисса. Пока Германия не побеждена, никакой военный союз с Западом не защитит Россию от «интриг, тайного проникновения и открытой контрреволюции германского правительства». Ситуация в России требует оказания помощи силам, которые выступают за продолжение войны. Президент и Хауз твердо решили «не играть» с идеями расчленения Германии, не грозить Германии тяжелыми экономическими репрессиями. Американской дипломатии следует двигаться к достижению собственных целей в Европе, а не в русле антантовской ненависти к Германии. Вашингтон должен думать о своем месте в послевоенной Европе, а не увлекаться изобличением врага. Эти предпосылки породили дипломатическую ноту Вильсона от 27 августа 1917 г., в которой более отчетливо, чем прежде, применялся прием «отделения» правящих классов Германии, виновных в войне, от населения страны, ставшего их жертвой.

Мертвый ход

Начиная с августа 1914 г. Британия пыталась заменить в России Германию в качестве экономического партнера, поставщика технических специалистов и кредитов. В августе 1917 г. Британия как бы расписывается в своей неудаче. Британские промышленники стали закрывать свои предприятия в России и покидать страну, оказавшуюся неуправляемой. Франция? 10 августа французский генеральный консул Бертран предупредил Кэ д'Орсэ о надвигающемся противостоянии сторон. Премьер Рибо собственноручно, в строжайшем секрете, написал заменившему Тома послу Нулансу, что «все союзники чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы Керенский и Корнилов сумели организовать энергичное правительство».⁴⁶⁰

В свете реально обозначившейся угрозы военного поражения перед послами Запада встала задача подго-

товить свои правительства к реальности военно-политического паралича России. Более всего беспокоило Бьюкенена то обстоятельство, что Керенский и его коллеги в правительстве лишат армию боевой силы из опасения, что она может быть использована против революции. «Это была бы главная и фатальная ошибка», ⁴⁶¹ — писал Бьюкенен. На наступившем в конце августа 1917 г. поворотном рубеже русской истории Запад как бы замер, не зная, какую политику избрать в русском вопросе.

Аналитическая мысль Запада зашла в тупик. Главы правительств обратились к своим экспертам, но и те испытывали едва ли не раздвоение личности. Согласно оценке Нокса, основная масса русских войск уже не могла сражаться. Промышленность расстроена, и рабочий класс требует уступок со стороны работодателей и правительства. Русский экономический организм потерял привлекательность для Запада. В этом роковом августе Керенский пытался объяснить Нулансу, что ключ к пониманию русского характера следует искать у Льва Толстого во «Власти тьмы»: «Только коснувшись крайних глубин испытаний, мы приближаемся к лучшим часам своей истории». Керенский пытался объяснить, что большевизм был еще одной «силой тьмы», которая в конечном счете пройдет. Русские люди нуждаются в руководстве, которое только национально признанное правительство может обеспечить. ⁴⁶²

Формирование позиции Запада во многом зависело от того, на что пойдет — в условиях хаоса на железных дорогах и отказа крестьян сдавать зерно — Керенский. Когда стало ясно, что Керенский в очередной раз не готов к жестким мерам, к восстановлению дисциплины, Запад начал списывать его со счетов. Согласно сентябрьской оценке британского кабинета, Керенский, скорее, готов начать переговоры о сепаратном мире с Германией, чем пойти на разрыв с радикальной частью русского общества. В этой ситуации намерения

генерала Корнилова восстановить власть в стране, наметившему программу жестких мер, начали приобретать в западных столицах значительную привлекательность.

Френсис встречал Корнилова, когда тот был командующим петроградским военным округом. Генерал объяснял послу по-английски, что ему не нравится пребывание в столице. На Френсиса Корнилов, выходец из казацкой среды, произвел благоприятное впечатление: он порастил американского посла владением семнадцатью языками — мог обратиться к каждой национальной дивизии на ее собственном языке. Он был фаворитом военных — в течение нескольких лет он вырос с поста командира бригады до должности главнокомандующего самой большой в мире армии. Зондаж мнений армейских чинов свидетельствовал о популярности Корнилова в армии, где ценили его волю, цельность характера, патриотизм. Став главнокомандующим, он расстрелял примерно сто дезертиров, выставив трупы на обочинах дорог с надписями: «Я был расстрелян, потому что бежал от врага и стал предателем Родины». Правда и то, что далеко не все среди военных коллег Корнилова восхищались им. Брусилов сказал, что у Корнилова «мозги овцы». Савинков подает Корнилова политической невинностью. Но все же никто не мог опровергнуть наличие у Корнилова практического ума, примечательного мужества и качеств лидера. Он, как и Алексеев, верил, что люди способны проявить замечательное мужество, если ими руководят способные офицеры. Корнилов в конце июля верил только в военный контроль над российской промышленностью и железными дорогами, запрет советов и репрессии против большевиков. Его вера в революционное чудо Керенского иссякла.

Корнилов въехал в Общероссийское совещание по обороне 25 августа 1917 г. в Москве окруженным туркменской стражей и отправился прежде всего к святым мощам в Успенском соборе Кремля, где всегда молился

император Николай. Он указал на угрожающий армии голод и призвал к мобилизации всех сил нации. По-слам понравилась следующая его метафора: к больному вызваны два специалиста, и вот мы слышим их спор и видим, что оба они не имеют ни опыта, ни твердых убеждений, ни четкого анализа. Генерал предложил руководствоваться здравым смыслом и патриотизмом. Залогом успешного изменения системы власти он видел в осуществлении давления на Керенского со стороны союзников.⁴⁶³ 27 августа 1917 г. Корнилов обратился к России: «Русские люди, наша великая страна умирает! Все, в ком бьется русское сердце, кто верит в Бога, в святые — молитесь богу за дарование великого чуда, чуда спасения нашей родной страны... в ваших руках жизнь вашей родной земли».⁴⁶⁴

Бьюкенен пришел к выводу, что Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский, чье переутомление было ощутимо. Он уже сыграл свою историческую роль. Керенский еще играл «в Наполеона» (во время совещания возле него всегда стояли два адъютанта), но уже не исключал возможности краха. Он признался британскому послу в своей боязни, что Россия не сможет удержаться до конца. Керенский перестал доверять Корнилову и имел глупость послать Марию Бочкареву узнать, нет ли у Корнилова планов военного переворота. Мужественная женщина-воин по простоте душевной рассказала о поручении Керенского Родзянко и самому Корнилову, на что последний отреагировал так: «Этот идиот не видит, что его дни сочтены... Завтра Ленин будет иметь его голову».⁴⁶⁵ Присутствующие видели, что оба лидера вступили в бескомпромиссную борьбу, стараясь заручиться поддержкой союзников.

Бьюкенен: «Все мои симпатии на стороне Корнилова. Он руководствуется исключительно патриотическими мотивами. Что же касается Керенского, то у него «две души: одна — душа главы правительства и патриота, а другая — социалиста и идеалиста. Пока он нахо-

дится под влиянием первой — он издает приказы о строгих мерах и говорит об установлении железной дисциплины, но как только он начинает прислушиваться к внушениям второй, его охватывает паралич, и он допускает, чтобы его приказы оставались мертвой буквой». ⁴⁶⁶ Среди британских военных генерал Батлер рекомендует поставить на Корнилова, поскольку «Керенский — оппортунист, и на него нельзя положиться». Глава британской разведки в России Сэмюэл Гор именно в этот момент определил Керенского как «демагога». Лорд Роберт Сесиль высказал точку зрения, что «этот лидер» никогда не найдет в себе внутренних сил, необходимых для превращения своего режима в диктуемую обстановкой военную диктатуру.

Военный кабинет выразил ту точку зрения, что «генерал Корнилов представляет собой все, что является здоровым и порождает в России надежду». Бьюкенену было рекомендовано стимулировать попытки Временного правительства найти общую почву с Корниловым «ради интересов союзников и демократии вообще». ⁴⁶⁷ Более того, Британия и Франция на закрытой союзнической конференции потребовали поддержки энергичного русского главнокомандующего, предпринявшего попытку восстановления русской мощи.

Генерал Корнилов был смелым военачальником, но в деле военных переворотов он особого умения не показал. Отправленные на Петроград части были деморализованы. Вследствие медленности продвижения частей Корнилова, правительство имело время организовать гарнизон, привести солдат и матросов из Кронштадта, вооружить тысячи рабочих и арестовать многих сторонников Корнилова. «Мятеж» Корнилова оказался неподготовленной акцией. Русские люди не откликнулись на призыв Корнилова. Представители буржуазии, октябристы и кадеты спрятались по домам. Милюков пытался поддержать генерала, но был дезавуирован собственной партией. Все обличители больше-

виков стали немymi. Железнодорожники расщепили посланные в столицу войска, и они стали легкой добычей агитаторов. К середине дня 30 августа стало ясно, что дело Корнилова обречено. Бьюкенен: «Выступление Корнилова с самого начала было отмечено почти детской неспособностью его организаторов».

Если англичане и французы готовы были приветствовать приход русского Бонапарта, то американские дипломаты еще не списали со счетов Керенского. В конечном счете по требованию американского посла Бьюкенен, как дуайен дипломатического корпуса, созвал совещание дипломатов воюющих против Германии стран (одиннадцать стран), на котором — следуя логике происходящего — было решено поддержать Временное правительство против Корнилова. Укрепившийся Керенский назначил главнокомандующим генерала Духонина. Военным министром стал 34-летний Верховский. Керенский остался теперь единственным контрагентом Запада в России.

Основа государственной организации — политическая власть — начала ослабевать в России. Западные посольства сходятся в том, что положение в России ухудшается с каждым месяцем. На фронте происходили мятежи и братания, в тылу — забастовки, грабежи и голод. Стране угрожало германское вторжение, революция и гражданская война. Ее сила и место в решении судеб Европы открыто подвергаются сомнениям. Ось Россия-Запад начинает крушиться. Впервые с начала войны английские и французские лидеры обсуждают стратегию войны так, как если бы Россия не была удостоена права участия в высшем совете.

В сентябре 1917 г. в Петрограде по британской инициативе было созвано совещание, на котором французский, итальянский, американский и британский послы пришли к мнению, что ожидать кризиса сложу руки нельзя. В совместной ноте западных правительств подчеркивалась необходимость реорганизовать военные

и экономические силы России посредством решительных мероприятий по поддержанию внутреннего порядка, повышению производительности промышленности, улучшению работы транспорта и восстановлению строгой дисциплины в армии. Посол США не получил санкции своего правительства, и к Керенскому послы Великобритании, Франции и Италии отправились 9 октября втроем. Рядом с Керенским напротив послов сидели Коновалов (заместитель председателя совета министров) и Терещенко — министр иностранных дел. Бьюкенен посоветовал Керенскому устранить большевиков, «и вы войдете в историю не только как главная фигура революции, но как спаситель своей страны».⁴⁶⁸

Керенский отвечал послам по-русски, а Терещенко переводил на французский язык: «Настоящая война является войной народов, а не правительств, и русский народ знает, что он понес несказанные жертвы. Царский режим оставил страну в плачевном состоянии дезорганизации, и было бы лучше, если бы союзники в свое время выказывали меньше уважения к чувствам царского правительства и чаще призывали бы его к ответу за его грехи. Кроме того, они были плохо осведомлены и после революции колебались, продолжать ли им доставку военного снаряжения России. Между союзниками должно существовать полнейшее единение, их интересы одинаковы, и отпадение одного из них будет фатально для всех. Необходимо постоянство в политике; несмотря на все свои затруднения, Россия решила продолжать войну до конца».⁴⁶⁹ В заключение Керенский напомнил послам, что — «Россия все еще великая держава».

Последний месяц в коалиции

Относительно последнего у западных союзников были уже свои сомнения. Россия теряла единую волю, организацию и способность действовать. Началась самая

трагическая для России в XX в. эпоха. Ее ждал распад, гражданская война, внутреннее ослабление, потеря внешнего влияния. Терещенко, обращаясь к союзникам, «надеялся», что Франция не забудет жертвы в 300 тыс. человек, которую Россия принесла в августе и сентябре 1914 г., чтобы спасти Париж. Он надеялся, что Италия будет с благодарностью помнить, что давление на ее фронте было облегчено великим наступлением Брусилова. Со своей стороны, Россия не забудет помощи британского флота. Встреча с послами убедила Керенского в необходимости напрямую связаться с Ллойд Джорджем — уэльсский радикал и русский социалист-народник найдут общий язык. 1 октября Керенский попросил писателя-агента Сомерсета Моэма передать британскому премьеру строго конфиденциальную просьбу заменить посла Бьюкенена. Но смысл тайного послания составляла чрезвычайно откровенная оценка состояния русских дел. В последний раз Керенский предложил Ллойд Джорджу заключить мир с немцами «без аннексий и контрибуций... Если этого не будет сделано, тогда, с наступлением холодной погоды, я не смогу удержать армию в траншеях. Я не вижу, как мы могли бы продолжить войну. Разумеется, я не говорю этого людям. Я всегда говорю, что мы должны продолжать борьбу при любых условиях — но это продолжение невозможно, если у меня не будет что сказать моей армии».⁴⁷⁰ Российский эсминiec доставил Моэма в Осло, но к премьеру он попал только 18 ноября.

А Керенский в ставке вместе с генералом Духониным и военным министром Верховским разработали план сокращения состава армии за счет роспуска частей, пораженных большевизмом. Намечалось создание секретных сил для борьбы с подрывными элементами, обсуждались возможности формирования армии, состоящей целиком из добровольцев. Ситуация в армии была настолько тяжелой, что Верховский пришел к нерадостному заключению, что России придется скоро просить о перемирии (после успеха немцев, захватив-

ших эстонские острова 6 октября 1917 г., они были в 350 километрах от Петрограда).

Штаб военно-морского флота России запросил о помощи британский флот. В ответ посол Бьюкенен советовал главе Временного правительства расправиться с большевизмом, «и тогда он войдет в историю не только как ведущая фигура революции, но и как спаситель своей страны».⁴⁷¹ Керенский сказал, что расправится с большевизмом только тогда, когда будет спровоцирован. Керенский был зол на англичан. Король Георг Пятый принял в Букингемском дворце генерала Гурко — политического противника Керенского. (У англичан не было выбора — дело шло к заключению Россией сепаратного мира). Теперь король приглашал в Англию Николая Романова. Керенский воспринял происходящее как оскорбление и пригрозил послать телеграмму с выражениями симпатии к ирландским сепаратистам Шин Фейн. Терещенко пытался успокоить Бьюкенена словами, что Керенский, видимо, шутит.⁴⁷²

19 октября 1917 г. Верховский оповестил кабинет министров, что «в свете нынешних взглядов на вопрос о мире, катастрофа неизбежна». Выступая перед центральным комитетом партии кадетов он признал: «При нынешних обстоятельствах продолжение борьбы невозможно, и всякая попытка продлить войну только приблизит общую катастрофу». Перед подкомитетами по обороне и иностранным делам он изложил детали: не хватает продовольствия для трех миллионов солдат, в то время как лишь полное обеспечение питанием и жильем могло предотвратить бегство солдат из траншей. Угасает всякий энтузиазм тех, кто надеялся на удивительную регенерацию армии свободной России. Министр Кишкин, по профессии психиатр, мрачно заключает: «Пассивность и нерешительность стали симптомами умственной болезни нашего правительства... Наш премьер-министр виновен в общей разочаровывающей ситуации».⁴⁷³ Дисциплину можно обеспечить

лишь выделением из армии 150 тысяч офицеров в качестве сил внутренней безопасности. Власть всех комитетов ограничить. Патриотическую пропаганду усилить.

Министр иностранных дел Терещенко пытался внести ноту оптимизма: армия уже переживала страшные времена зимой 1916 г. Американские инженеры делают чудеса на железных дорогах. Верховский пояснил, что он не требует немедленного сепаратного мира для России, но правительству следует назвать дату начала общих мирных переговоров. Союзники либо примут предложение, либо освободят Россию от ее обязательств. В любом случае, России нужна сильная личная власть.⁴⁷⁴

На следующий день Керенский послал Верховского в двухнедельный отпуск, назначив на пост военного министра генерал-квартирмейстера Маниковского. Союзным послам премьер сказал, что Верховский планировал захват власти.

Позже Керенский расскажет, что 20 октября Россия получила через шведское посольство от австрийцев предложение сепаратного мира, что означало отход от Германии Турции и Болгарии. Император Карл искал в 1917 г. возможности остановить губительную для него войну, но попытки сепаратного мира сдерживало присутствие на австрийской территории германских войск и воинственность венгерской аристократии.⁴⁷⁵

Америка укрепляется в Европе

В 1917 г. американцы экспортировали только в европейскую часть России товаров на 400 млн. дол. (рост с 25 млн. в 1913 г.). Экспорт включал в себя военные материалы, значительный объем сельскохозяйственного оборудования, автомобили, локомотивы, хлопок, промышленное оборудование. Америка методически укрепляла в Европе инфраструктуру своего подлинного вторжения на континент. 6 сентября 1917 г. генерал Першинг перенес

штаб экспедиционного корпуса из Парижа в Шомон, ближе к линии фронта. Президент Пуанкаре навещал американцев, но пока молодые янки не произвели на французского президента особого впечатления. Пройдет совсем немного времени, и союзники начнут ощущать могучую силу Америки.

Клемансо, который вскоре возглавит французское правительство, писал о Совете рабочих и солдатских депутатов с характерным для него отвращением к нюансам: «Банда мошенников, оплачиваемых тайными службами Германии, банда германских евреев с более или менее ощутимой русской прослойкой, повторяющая то, что ей было сказано в Берлине».⁴⁷⁶ Лондон не позволял себе столь экстравагантных выражений, но и отсюда Ллойд Джордж в сентябре впервые шлет Керенскому ноту жесткого содержания: если дисциплина в русской армии не будет восстановлена, помощь союзников будет решительно сокращена.

Только что под Пашендейлем безрезультатно были положены в боях триста тысяч человек. В условиях явной крепости Германии и малярии России Ллойд Джордж и Клемансо, похоже, приходят к выводу, что судьбы войны могут быть решены таким образом: Германия за счет отступления на Западе получит исключительные возможности на Востоке — оставляя свои франко-бельгийские приобретения, Берлин может увеличить зону оккупации в России. Разумеется, вопрос не ставился так грубо, но общий смысл дипломатической деятельности Лондона и Парижа приобретает подобный оттенок.

Для воздействия на своего восточного союзника и вызрела идея союзнической конференции в Париже с целью «рассмотрения мер, которые могли бы быть приняты для помощи России и предотвращения ее дезинтеграции».⁴⁷⁷ Встречая новую жесткость Лондона и Парижа, Временное правительство попыталось опереться на Вашингтон. Пока не поздно, следует поддержать противостоящее большевикам Временное правительство.

Американские дипломаты дорожили отстоянием от коллективной стратегии Антанты. Вильсон полагал, что Америке следовало показать силу и решимость, чтобы прекратить «разброд в России». На конференции его представлял Хауз. Речь он будет вести не о попытках нахождения мира, а об интенсификации союзнических военных усилий.⁴⁷⁸ Складывается впечатление, что Западом овладевает такая логика: чем больше Россия отступает, тем больше резон в жестких западных требованиях. Русские торопятся, тем лучше для Запада — это оправдывает его посуровевшую позицию.

Размышления немцев

Некоторая нерасторопность немцев объяснялась в немалой степени неожиданными для них внутренними трудностями. Вождь восставших на линейном корабле «Принц-регент Луитпольд» в Вильгельмсхафене моряк Альбин Кобис повел четыреста матросов в город под лозунгами прекратить кровопролитие. Военный суд приговорил Кобиса к смерти. В письме родителям Кобис проклинал «германское милитаристское государство».⁴⁷⁹

26 сентября 1917 г. Людендорф признал напряжение, создаваемое наступлением Хейга: «Еще один день тяжелых боев, несущих нам потери. Мы можем перенести потерю территории, но не ослабление нашего духа».⁴⁸⁰ 12 октября британские войска подошли к Пашендейлю. Наступление обошлось англичанам и австралийцам в 250 тысяч человек (годом ранее на Сомме были потеряны 420 тысяч). Оборона немецкой стороны осложнялась постоянной задачей немцев оказывать помощь австрийцам на итальянском фронте. Они потеряли убитыми и ранеными во Фландрии больше англичан — 400 тысяч человек. Начальник штаба германской армии признал: «Это было величайшее мученичество мировой войны».

Надежды немцев были связаны с Россией, где 2 октября Балтийский флот отказался подчиняться Временному правительству, что позволило немцам высадиться на два острова в Рижском заливе. Русские тральщики попросту отказались минировать подходы. Следовало ковать железо пока горячо. 7 октября 1917 г. министр иностранных дел Кюльман в Крайцнахе изложил взгляды, прежде защищаемые Яговым и Циммерманом: в будущем следует исключить появление «агрессивной России». Но если вести себя близоруко и в ходе текущей войны отнять у России Польшу, Литву и Курляндию, то вероятность противоречий резко увеличится — Россия не простит такого унижения. Гинденбург согласился с возможностью возникновения в будущем новых войн с Россией, но объяснил их причины по-иному: «Расовая ненависть является причиной антагонизма между Россией и нами».⁴⁸¹

Канцлер Михаэлис развивал ту тему, что «нашей целью должно быть господство в Центральной Европе, совмещенное, если это возможно, с дружбой с Россией». Эта линия рассуждений не получила поддержки Гинденбурга и Людендорфа, которые представляли будущее в виде нескольких войн в Европе и потому желали максимально ослабить поверженных в данной войне противников. Предполагалось отделение от России приграничных территорий (речь шла, прежде всего, о Польше, Литве, Курляндии), но пока не собственное расчленение страны.

Тем временем тридцатилетний австрийский император Карл задумывается над созданием в стране федеральной системы, предусматривая создание автономного чешского государства. Это немедленно вызвало противодействие венгров. А в чешском городе Простейев полиция убила 23 рабочих, воспламененных требованиями независимости.

Положение Центральных держав все же было таким, что кайзер Вильгельм мог перемещаться по об-

широкому центральноевропейскому пространству. Германия, несмотря ни на что, казалась стабильной. При Пашендейле германская оборона выстояла, на Балтике десант на русские острова удался.⁴⁸² Из Стамбула кайзер обратил внимание мира на забастовку миллиона российских железнодорожников, парализовавшую все военные усилия страны.

Борьба в октябре 1917 г. шла во всем огромном мире. В Африке Леттов-Форбек не только отбил наступление на германские владения, но и вторгся в португальскую Восточную Африку. В Северном море два германских крейсера — «Бремзе» и «Бруммер» — навели ужас на союзные суда. Немецкие подводные лодки продолжали топить без разбора все союзные плавающие мишени. Под Парижем военный суд приговорил к расстрелу танцовщицу Мату Хари; цепелины снова бомбили в октябре Лондон; немецкие бомбардировщики впервые применили над Лондоном зажигательные бомбы; в битве при Капоретто итальянцы не выдержали газовой атаки.

Россия накануне

21 октября 1917 г. Керенский объявил, что Россия будет представлена на межсоюзнической конференции, и выдвинул список конкретных условий мира. Французы узнали, что будущее Эльзаса и Лотарингии должно решаться *посредством плебисцита*. Бельгия получит компенсацию за счет международного фонда. Англичане узнали, что Германии предлагается *сохранить за собой все колонии*. Американцам предложили *нейтрализацию Панамского канала*, а англичанам — *нейтрализацию Суэцкого канала*, равно как и черноморских проливов. Все нации после окончания войны получают равные экономические возможности. Тайная дипломатия отменялась. Мирные переговоры будут вестись делегатами, избранными парламентами своих стран.

Всплеск «открытой дипломатии» правительства Керенского произвел на Запад тягостное впечатление — русские социалисты зашли слишком далеко. Даже в случае победы Германии Запад не мог ожидать худших условий. Пацифистский радикализм Временного правительства поставил вопрос: а следует ли Западу, вообще, обсуждать будущее с представителем Керенского. Запад прибег к простому способу: он усомнился в прерогативах правительства, которое само себя назвало Временным. Имеют ли делегаты этого правительства легитимное право представлять свою нацию? Министр иностранных дел Бальфур сказал послу Набокову: «Не следует создавать прецедент для ведения переговоров, когда исключительные прерогативы получают фактически частные лица. Такой способ ведения дел мог бы иметь нежелательные последствия».⁴⁸³

Нокс буквально с ужасом докладывал в Лондон о растущем воздействии на главу Временного правительства американца Раймонда Робинса, возглавившего миссию Красного Креста. Робинс утверждал, что Запад должен заставить Временное правительство распределить землю между крестьянами — это единственный способ выбить почву из-под Ленина, перехватить лозунг «Мир, земля, хлеб» и восстановить боевую мощь русской армии. Нокс был категорически против поддерживаемых американцем реформ, считая, что они могут вызвать цепную реакцию: «Распределите землю в России сегодня, и через два года вы будете делать то же самое в Англии».⁴⁸⁴

Но и Робинс достаточно быстро расстался с иллюзиями и в октябре покинул лагерь сторонников Временного правительства: «Я не верю в Керенского и его правительство. Оно некомпетентно, неэффективно и потеряло всякую ценность». Стабилизировать его уже невозможно. Единственной надеждой России, по мнению Робинса, является военная диктатура: «Этот народ должен иметь над собой кнут».⁴⁸⁵ Лишь Френсис еще

не оставил идеи опоры на Временное правительство. В России нет ему альтернативы. Если петроградский Совет попытается взять власть в свои руки — тем лучше. Достаточно будет нескольких дней, чтобы он рухнул под тяжестью управления огромной страной, и его сменят более ответственные и компетентные люди, готовые продолжать войну против Германии.⁴⁸⁶

11 октября 1917 г. Керенский выступил с последним призывом к Западу поддержать его правительство до начала работы Учредительного собрания: «Волны анархии сотрясают страну; давление внешнего врага нарастает; контрреволюционные элементы поднимают голову, надеясь на то, что продолжительный правительственный кризис, совмещенный с усталостью, охватившей всю нацию, позволит им убить свободу русского народа».⁴⁸⁷ Керенский уже не скрывал своего разочарования Западом. Впервые посол Бьюкенен четко определил своего противника в России: «Большевизм является источником всех зол, от которых страдает Россия, и если бы он (Керенский) вырвал его с корнем, то вошел бы в историю страны не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны».⁴⁸⁸ Керенский заявил, что может прибегнуть к насилию «только в том случае, если большевики сами вызовут необходимость вмешательства правительства, пойдя на вооруженное восстание».⁴⁸⁹ Тем самым Керенский подписал себе приговор.

Крах русской армии

Осенью 1917 г. наступает крах великой русской армии. В начале 1916 г. она насчитывала в своем составе 12 миллионов человек. Накануне февральской революции число мобилизованных достигло 16 миллионов человек (и готовился призыв еще 3-х миллионов). Из этих 16 миллионов 2 миллиона человек были взяты в

плен, а 2 миллиона погибли на поле брани или от болезней, что довело численность русской армии к концу 1917 г. до 12 миллионов человек. Это была самая крупная армия мира, но ее распад был уже неукротим.

Вернувшийся из России некто Рекули сообщил маршалу Фошу, что русские достигли предела своих сил. Фош спросил: «Стало быть, от них нечего более ожидать?» — Рекули: «Абсолютно».⁴⁹⁰ Видя ослабление России как покровительницы славянских народов, Франция создает на своей территории чешскую армию. 16 октября русский военный министр Верховский убеждал Нокса, что «мы восстановим русскую армию и доведем ее до такого состояния, что к весне она уже сможет сражаться!»⁴⁹¹ Скептический англичанин записал в дневнике: «Совершенно очевидно, что нет ни малейшей надежды на то, что русская армия будет снова участвовать в боевых действиях».⁴⁹² Последнее, что могли сделать англичане — это воздействовать на активное еврейское меньшинство страны. 24 октября 1917 г. сотрудник Форин оффиса писал министру иностранных дел Бальфуру: «Информация из всех источников говорит об очень важной роли, которую евреи сейчас играют в русской политической ситуации. Почти каждый еврей в России является сионистом, и их можно убедить, что успех сионистских устремлений зависит от их поддержки союзников и от вытеснения турок из Палестины; мы должны заручиться поддержкой этого наиболее влиятельного элемента».⁴⁹³ Ведущий английский историк периода — Мартин Гилберт — полагает, что, именно желая найти общий язык с влиятельными политиками-евреями в России, была опубликована 2 ноября 1917 года так называемая «Декларация Бальфура» — письмо Бальфура лорду Ротшильду, выражающее поддержку Британией «создания национального очага еврейского народа» в Палестине. «Финальные дискуссии по поводу декларации касались того, как она может послужить сбору патриотических сил в России».⁴⁹⁴ Было решено, что трое ведущих сионистов, включая Владимира Жабо-

тинского, отбудут в Петербург, чтобы привлечь русских евреев к делу союзников. Уже упоминавшийся нами выше лорд Хардиндж (столько сделавший для сближения России и Британии) говорил Бальфуру довольно уверенно: «При умелом использовании евреев в России мы сможем восстановить ситуацию в России к весне».

3 ноября подал в отставку военный министр Верховский. Прежде он придерживался той точки зрения, что для удержания войск в окопах им нужно сказать, за что они воюют — т.е. все союзники по антигерманской коалиции должны выдвинуть условия мира. Логично было предположить, что немцы эти условия не примут, и тогда на них следовало возложить ответственность за продолжение войны. Тогда у войны появлялась хотя бы умозрительная цель. Но нервы Верховского не выдержали нескольких недель русской политики. Видя распад фронта, он потребовал немедленного заключения Россией мира и назначения диктатора для восстановления порядка. Требования Верховского на несколько дней вызвали панику Запада. Гасить эмоции был назначен министр иностранных дел Терещенко. В ноябре 1917 г. он на конференции в Париже должен был изложить официальную оценку ситуации в России. Предполагалось, что в поездке на Запад его будет сопровождать Бьюкенен. Однако события в Петрограде властно вмешались в эти планы.

Октябрьское восстание

Левые получили исторический шанс. В отличие от Корнилова, они действовали в центре — в обеих столицах — и рассчитывали на быстротечные операции. Допуская классическую ошибку — «позволить выпустить пар из котла», — Временное правительство позволило нанести удар. В основные западные посольства пришли в качестве охраны кадеты военных училищ. Посол Бьюкенен сказал

во время завтрака министрам Терещенко, Коновалову и Третьякову, что не понимает странного попустительства правительства, позволяющего экстремистам типа Троцкого побуждать массы к насилию. Почему не издан приказ об его аресте? Коновалов в ответ мог сказать только то, что русская революция прошла через несколько фаз развития и теперь подошла к последней. Еще до отбытия в Англию посол увидит большие перемены.

Они не заставили себя ждать. Накануне восстания американский посол Френсис и министр иностранных дел Терещенко стояли у окна, глядя на марширующих солдат. «Я ожидаю сегодня вечером большевистского выступления», — сказал министр. «Если вы можете его подавить, пусть оно начнется», — ответил Френсис. — «Я думаю, что мы сможем его подавить», — задумчиво сказал Терещенко. «Оно начнется вне зависимости от того, можем мы совладать с ним или нет — но я устал от неопределенности положения».⁴⁹⁵

4 ноября Временное правительство приказало полторасоттысячному гарнизону Петрограда закрыть собой брешь, образовавшуюся в результате массовых братаний на Северо-Западном фронте. Военно-революционный комитет большевиков приказал не выступать. На следующий день Керенский приказал войскам, стоявшим за городом, выступить на усмирение, но те отказались выполнять приказ. По улицам продефилировал тысячный женский батальон — это была единственная часть, которую мог проинспектировать премьер. Накануне выступления большевиков Френсис специально подъезжал к новобранцам, отдавая им военные почести. Он хотел дать знать, что Америка и ее посол — на стороне находящегося под ударом бунтовщиков Временного правительства.

Вечером 6 ноября Исполком Петроградского Совета принял решение захватить главные пункты города и арестовать министров Временного правительства. Терещенко отказался от идеи выезда на Запад. Утром следующего дня послы союзных держав узнали, что практически весь

город, включая Государственный банк, вокзалы и почтамт, находится в руках большевиков. Войска петроградского гарнизона под руководством большевиков окружили Зимний дворец, где заседало Временное правительство.

Советнику американского посольства Уайтхаузу русский офицер заявил, что Керенский нуждается в автомобиле (украшенном американским флагом) для выезда на фронт. Приведенный к Керенскому Уайтхауз указал на примерно тридцать автомобилей, стоящих перед Зимним дворцом — резиденцией Керенского. Но премьер русского правительства объяснил, что автомобили выведены из строя и гарнизон Петрограда уже не подчиняется ему. Покидая Петроград на автомобиле с американским флагом, он выразил американскому послу Френсису убеждение, что «вся эта афера (так он определил Октябрьскую революцию. — А.У.) будет ликвидирована в течение пяти дней».⁴⁹⁶

В десять вечера 7 ноября 1917 г. крейсер «Аврора» произвел сигнальный залп по Зимнему дворцу. В половине одиннадцатого вечера в номере гостиницы «Европейская» один из руководителей американского Красного креста записал в дневник: «Великий день для России и мира. Война: гражданская война и коммуна. Что за время. О наш Вседержитель! Помоги Америке и России и всем свободным народам мира».⁴⁹⁷ Дочь британского посла записала в дневнике: «Петроград, может быть, и можно на короткое время подчинить такому правлению, но то, что вся Россия будет управляться такими людьми — в это поверить невозможно».⁴⁹⁸ В два часа ночи 8 ноября верные большевикам войска взяли Зимний дворец. Министров Временного правительства препроводили в Петропавловскую крепость. Далеко не общеизвестно, что британское посольство помогло освободить защищавших дворец женщин. Впервые французский посол Нуланс приехал в британское посольство с целью обсудить возможности размещения в Петрограде союзных войск.⁴⁹⁹

Большевики образовали совместное с левыми эсерами правительство, которое возглавил В. И. Ленин и в котором комиссаром иностранных дел стал Л. Д. Троцкий. Двух декретов — о мире и о земле — оказалось достаточно для привлечения на свою сторону политически активных масс. Возможно, большевики победили именно потому, что в своем страстном желании создать новый мир они без колебаний обратились к старым и испытанным орудиям русской истории; к жесткому командованию и насилию.

По словам Черчилля, внезапно «отчаяние и предательство узурпировали власть в тот самый момент, когда задача достижения победы над противником была уже решена. С победой в руках она (Россия) рухнула на землю, съеденная заживо, как Герод давних времен, червями... Ни к одной из наций судьба не была так неблагоприятна, как к России. Ее корабль пошел ко дну, уже видя перед собой порт. Она вынесла шторм, когда на чашу весов было брошено все. Все жертвы были принесены, все усилия предприняты. Отчаяние и измена предательски захватили командный мостик в тот самый момент, когда дело уже было сделано. Долгие отступления окончились; недостаток вооружения прекратился; оружие двинулось на фронт... Стало глупой модой рисовать царский режим как слепую, коррумпированную, некомпетентную тиранию. Но обзор тридцати месяцев ее борьбы с Германией и Австрией требует исправления этого легковесного представления, требует подчеркнуть доминирующие факты. Мы должны измерять мощь Русской империи по битвам, в которых она выстояла, по несчастьям, которые она пережила, по неистощимым силам, которые она породила, и по восстановлению сил, которое она оказалась в состоянии осуществить».⁵⁰⁰ И все же...

Немцы и Запад некоторое время ждали действий Керенского — ведь его правительство предвидело, даже и приветствовало кризис. Трагическая роль Керенского

нигде не проявилась с такой силой, как в эти дни. Керенскому не удалось мобилизовать силы против большевистского Петрограда. Вплоть до 11 ноября лояльные Временному правительству части старались дойти до столицы, но были остановлены и деморализованы. Казачьи части были остановлены перед Петроградом теми петроградскими рабочими, которых Керенский вооружил в ходе борьбы с Корниловым. По мнению деятелей Временного правительства, звонивших в американское посольство (в частности, Скобелева и Чайковского), с приходом большевиков Россия исчезла с лица земли как великая держава.⁵⁰¹

Посол Д.Френсис не испытывал сомнений в том, что Ленин является германским агентом, получающим германские деньги. Бьюкенен не упрощал дело; для него Ленин был идейным борцом и ради достижения цели — мировой социальной революции — был готов использовать любые возможности: готов был брать английские, американские или французские деньги.

Объявившийся в Стокгольме личный секретарь Керенского 21 ноября 1917 г. убеждал американского посла, что большевики продержатся у власти от силы четыре недели; он просил Америку «не проявлять нетерпения... не становиться на ту или иную сторону в текущем конфликте, а ожидать формирования более стабильного правительства».⁵⁰² Посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Бахметьев представил госдепартаменту 27 ноября документ, якобы созданный «подпольным Временным правительством» в Петрограде: «Любое впечатление о том, что союзники оставляют русский народ в его нынешнем критическом положении, может вызвать у нации чувство, что Россия действиями союзников освобождается от ответственности».⁵⁰³

Френсис не только сохранил весь состав посольства, но призвал коллег к активизации деятельности. Зашедший утром 9 ноября в британское посольство Авксентьев ожидал антибольшевистских выступлений в

столице и подхода войск из Пскова. Бьюкенен не разделял его уверенности, а его мнение в тот момент ценилось высоко на Даунинг-стрит. (Министр иностранных дел Британии Бальфур прислал Бьюкенену телеграмму: «Я высоко ценю ваше намерение остаться на своем посту и хочу еще раз заверить вас в симпатии правительства его величества и в его полном доверии к вашим мнениям и суждениям»).

Новая роль России

Россия проснулась от многовекового сна феодализма, и искать общий язык с ней становилось все тяжелее. Огромная страна вступила в фазу внутреннего борения. Для Запада этот процесс брожения был опасен в двух отношениях: Россия могла высвободить дивизии немцев для Западного фронта и привлечь к себе класс угнетенных и скептиков погружившейся в войну Западной цивилизации. Правительство Ленина обратилось к социалистическому движению, к рабочему классу Англии, Франции и Германии с призывом заключить мир без аннексий, без насильственных завоеваний, без контрибуций и с соблюдением принципа самоопределения.

В истории русского народа периодически прослеживается одна явственная и прискорбная черта — стремление в час рокового выбора предоставляться воле событий. Так было в 1606 г., так было в 1917, в 1991 г. Министры Временного правительства принимали законы, не понимая главного — нет уже государственной машины, способной осуществить эти законы.

8 ноября 1917 г. комиссар иностранных дел Троцкий прислал послам союзных держав ноту: «Обращая ваше внимание на текст предложения нашего правительства о перемирии и демократическом мире без аннексий и контрибуций, основанного на правах народов распоряжаться собой, я прошу Вас, господин по-

сол, рассматривать вышеупомянутый документ в качестве формального предложения о перемирии на всех фронтах и безотлагательном начале переговоров о мире. передаваемом одновременно всем воюющим нациям и их правительствам». Когда Троцкий говорил, что его задачей является «выпустить революционные прокламации народам мира и закрыть лавку», он не преувеличивал. Ленин и Троцкий поставили перед собой двойную задачу: создание революционного государства в России и расширение революционного движения в мире. пользуясь *недипломатическими* каналами.

Телеграф донес до столиц обеих коалиций предложение второго Всероссийского съезда Советов «всем воюющим народам и их правительствам» начать переговоры о немедленном и всеобщем мире. Советское правительство официально и публично отказалось от секретно оговоренных предшествующими правительствами претензий России на чужие территории. Западные послы игнорировали обращение: советское правительство «основано посредством силы и не признано русским народом». Английские, французские и итальянские представители при русской ставке выразили протест по поводу одностороннего предложения о перемирии, нарушающего договоренность 1914 г. Лорд Роберт Сесиль заявил представителю агентства «Ассошиэйтед Пресс», что «если эта акция будет одобрена и ратифицирована русской нацией, то поставит ее вне границ цивилизованной Европы».⁵⁰⁴ Запад исходил из иллюзии, что большинство русского народа еще жаждет сдержать слово и добиться победы.

Какими видели отношения с Западом большевики? Л. Д. Троцкий писал 30 октября 1917 г.: «По окончании этой войны я вижу Европу воссозданной не дипломатами, а пролетариатом; Федеративная республика Европа — Соединенные Штаты Европы — вот что должно быть создано. Экономическая эволюция требует отмены национальных границ. Если Европа останется разделен-

ной на национальные группы, тогда империализм снова начнет свою работу. Только Федеративная республика Европы может дать миру мир». ⁵⁰⁵ Наивность Ленина и Троцкого заключалась в вере в силу германской социал-демократии как интернационалистской социальной организации (а не части германского патриотического фронта); предлагая Шейдеману (основная фракция социал-демократов в рейхстаге) и Каутскому (независимая социал-демократическая партия Германии) начать мирные переговоры, Ленин обнаружил переоценку интернационализма германской социал-демократии, неверное понимание ее патриотизма, столь отличное от большевистского. Германский посол в Швеции Люциус «предупредил» Воровского от попыток «осуществлять эксперименты во внутригерманских делах». Воровский слабо сопротивлялся — германская позиция может привести лишь к падению большевиков. Берлину следует учитывать, что большевики обязаны вести переговоры в условиях демократического контроля.

Не подлежит сомнению, что большевики ожидали от перехода к новому политико-экономическому строю обещанных теорией благоприятных экономических последствий, рывка в экономическом развитии. Но они не были слепы и не обольщались надеждой на скоростную индустриализацию одними лишь русскими силами. Они уповали на революцию в гиганте европейской экономики — Германии. Социалистическая Германия поможет социалистической России. Как и всякая надуманная схема, эта прошла путь от экзальтированного ожидания до мрачного разочарования, а затем выбора пути строительства социализма в одной стране (осуществленного уже Сталиным). Но пока июльская программа 1917 г. рисовала будущее в радужных тонах.

Важно подчеркнуть следующее: Россия после ноября 1917 г. стала страной, где государственный аппарат осуществлял плотный контроль над связями страны с другими государствами; внешняя торговля осуществля-

лась лишь под государственным наблюдением. Число западных фирм, работавших в России, было резко сокращено. Большевики сместили все понятия в системе отношений России с Западом. Текущее состояние дел в Европе они видели временным; они ждали решающего выяснения отношений в ходе социального взрыва. Победу над Германией они не видели в качестве общей с Западом цели — следовательно, объем *общего с Западом* резко уменьшился. Марксизм Ленина относился к международной дипломатии с нескрываемым презрением, как к делу временному, выполняющему пустые задачи накануне судного дня пролетарской революции. Россия пойдет вперед, ведомая передовой теоретической мыслью германской социал-демократии — следует лишь продержаться до социального переворота в Германии. Но соратники могли обниматься в Циммервальде, однако займут ли германские социал-демократы позицию «поражения своей страны» — на этот счет большевики питали иллюзии.

Октябрьская революция, по мнению Дж. Кеннана, «оживила традиционное русское чувство идеологической исключительности, дала новую опору архаическим отношениям подозрения и враждебности к иностранным государствам и их представителям, дала новое основание для дипломатической методологии, основанной на наиболее глубоком чувстве взаимного антагонизма».⁵⁰⁶

Причины крушения

Френсис объяснял причины крушения Временного правительства так: «Огромная масса солдат русской армии была темными крестьянами, которые не имели представления о том, за что они сражаются. Они воевали уже давно; они несли огромные потери; их предали некоторые из их военачальников, а их семьи терпели лишения. Ленин и Троцкий вместе с многочисленными сторонни-

ками обещали им мир и землю. Они стремились к миру! Получить землю, на которой они трудились, было мечтой многих поколений. В этих условиях заставить этих вышедших из крестьян солдат сражаться и в то же время создавать демократическое правление в стране, где на протяжении столетий царствовал деспотизм, было задачей для лидера, имеющего стальные нервы Кромвеля и глубинную мудрость Линкольна. Керенский не был таким человеком. Он был преимущественно оратором. Он был русским патриотом, заботящимся о благосостоянии своей страны. Но он был слаб и в течение короткого времени своего правления дважды фатально ошибся; первый раз — когда после попытки совершения переворота в июле не сумел уничтожить Ленина и Троцкого. Второй раз — когда во время борьбы с Корниловым он не сумел найти общий язык с генералом, а обратился за помощью к Совету рабочих и солдатских депутатов, раздав оружие и боеприпасы рабочим Петрограда».⁵⁰⁷

Трагедией Временного правительства была неспособность отождествить себя с движением за мир в России — оно предпочло расколу с Западом свою политическую смерть. Керенский, как многие в русской политической истории XX века, был человеком слова, а не дела. Он не использовал имевшиеся у него возможности. Незвестное в России слово — компромисс — должно было означать сближение партий в час опасности, но октябристы, кадеты и умеренные социалисты предпочли гибель выработке единой политической платформы. Все они оказались не в состоянии сделать наиболее ценное Западом — создать дисциплинированную армию. Почти все представители этих политических партий полагали, что такая армия неизбежно восстановит монархию.

В исторически короткий период правления Временного правительства противоречия между внешней и внутренней политикой Петрограда достигли экстремальной формы. Падение династии быстро привело к незрелой «безграничной» демократии, ведшей дело к анар-

хии. Все группы населения и национальности страны почти внезапно потребовали своих прав. Это ударило по единству страны, нанеся ему непоправимый ущерб. Но — парадокс — именно в этот момент отчаянной борьбы с врагом Россия более всего нуждалась в единстве — без него она проигрывала в войне.

Социальное и культурное развитие страны оказалось недостаточным для участия в такой гигантской аванюре, как первая мировая война. Поражение правительства Керенского — последнего русского правительства, верившего в союз России с Западом — означало наступление новой эпохи как для России, так и для Запада. Двойное давление — германского пресса и внутреннего социального недовольства — сокрушило государство Петра, основной идеей которого было введение России в Европу. Та Россия, которая видела себя частью европейского мира, частью цивилизации Запада, опустилась в историческое небытие. Большевики жили в другом социальном измерении; для них Европа была сколь привлекательна (местоположение крупнейших социал-демократических партий), так и ненавистна (как оплот властвующей над миром буржуазии).

Германский историк Ф. Фишер: «Большевики проявляли нервозность в отношении перспектив встретить в одиночестве Центральные державы и получить от них условия, которые окажутся столь унижительными, что подставят под удар их политически еще не укрепившиеся позиции. Немедленно после захвата власти они послали немцам через Стамбул документ, в котором говорилось, что, если германские условия окажутся слишком суровыми, они будут сметены с русской сцены буржуазной реакцией, которая постарается восстановить фронт против Германии с японской помощью».⁵⁰⁸

Когда правительства Антанты отказались признать советское правительство, Троцкий вначале постарался оказать давление на англичан и французов. Он попросту угрожал: если союзники не прислушаются, Россия заклю-

чит сепаратный мир с немцами. 21 ноября посол Палеолог получил ноту, информирующую его, что правительство Ленина объявило перемирие на всех фронтах и намерено — в случае отсутствия поддержки — вступить в контакт с немцами. 27 ноября Бьюкенен сообщал в Лондон: «Каждый день, в течение которого мы удерживаем Россию в войне вопреки ее воле, ожесточает ее народ против нас». Не получив ответа от союзников, Троцкий напрямую телеграфировал германскому военному командованию предложение заключить перемирие для последующего «заключения демократического мира без аннексий и контрибуций». В Петрограде опубликовали тайные договоры между Россией и союзными странами, заключенные между 1914 и 1917 гг. «Правительство рабочих и крестьян отказывается от секретной дипломатии с ее интригами, секретными шифрами и ложью».

25 ноября в Будапеште состоялась стотысячная манифестация за принятие большевистских предложений. Да и в западных странах не было единомыслия. Газета «Дейли телеграф» опубликовала письмо бывшего министра иностранных дел лорда Лэнсдауна: «Мы не собираемся проигрывать эту войну, но ее продолжение будет означать превращение современной цивилизации в руины». Если начать переговоры немедленно, можно добиться «продолжительного и почетного мира». Лэнсдауна ждал едва ли не общественный ostracism, но дочери он сообщил, что письма с фронта поддерживают его.

Реакция Запада

Италия терпела поражение за поражением: ее войска отошли почти до Венеции, и англо-французам пришлось послать на итальянский фронт восемь дивизий. Напряжение войны привело к власти во Франции 76-летнего Жоржа Клемансо, ставшего фактическим диктатором страны. На союзнической конференции

17 ноября англичане коснулись вопроса переговоров о перемирии, но Клемансо ответил без экивоков: «Итак, вы хотите, чтобы я поблагодарил людей, которые украли мой кошелек?»⁵⁰⁹

Заметим, что в своем «Декрете о мире» Ленин даже не упоминает о Соединенных Штатах, обращаясь только к Англии, Франции и Германии, к «трем сильнейшим государствам, принимающим участие в текущей войне». Вожди большевистской революции имели западноевропейский опыт. Ленин никогда не был в Америке. Видимо, он представлял ее реалии неким продолжением английской действительности, с которой он был знаком по лондонской эмиграции. Из вождей русской революции только Л. Троцкий имел американский опыт. Живя на 162-й улице Манхэттена («рабочий район Нью-Йорка», по его словам), он был полностью вовлечен в то, что назвал своей профессией — «деятельность революционного социалиста».

Вначале приход к власти коалиции большевиков и левых эсеров не вызвал особых эмоций в западных столицах. Отклик на военный переворот был значительно слабее, чем на мартовскую революцию. К тому же, в отличие от марта, в столице и стране не видно было той колоссальной смены вывесок и реальных внутренних перемен, как это было весной. Доминирующая реакция в западных столицах: аберрация истории не продлится долго, это эпизод, исторический курьез. Реалисты в Лондоне, Париже и Вашингтоне полагали, что Керенский, возможно, и не вернется к власти, но жизнь выдвинет некую сильную личность, которая подхватит лежащую в пыли корону и продолжит войну.

Быстрее многих оценили значимость событий в Петрограде американские военные. Першинг из своего французского далека констатировал необратимость случившегося и предсказал расширение революционной волны. Уже на этой, ранней стадии он информировал военного министра Бейкера о «вероятности того, что лишь Великоб-

ритания и мы будем продолжать войну, не получая материальной помощи от других стран».⁵¹⁰ Восприятие Западом новой политической системы в России могло передать лишь черчиллевское красноречие: «Явление, видом отличное от любых, когда-либо обитавших на земле, стояло на месте, где находился прежде союзник. Мы видели государство без нации, армию без страны, религию без бога». К чести западных послов следует сказать, что они почти сразу оценили сильные стороны большевиков, в частности, выдающиеся качества их вождей. В донесениях западных послов большевики характеризовались как компактная группа решительных людей, знающих чего они хотят и как достигнуть своих целей. Бьюкенен: «На их стороне превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, наличие которого у них вначале не предполагали. Как ни велико мое отвращение к их террористическим методам и как ни оплакиваю я разрушения и нищету, в которую они ввергли мою страну, я охотно соглашусь с тем, что и Ленин и Троцкий — необыкновенные люди. Предшествующие министры, в руки которых Россия отдала свою судьбу, оказались слабыми и неспособными, а теперь, в силу какого-то жестокого поворота судьбы, единственные два действительно сильных человека, созданных Россией в течение войны, оказались предназначенными для довершения ее разорения».⁵¹¹

После октябрьского переворота Д. Френсис обратился к народу России: «Возможно, вы устали от войны и желаете мира, но какой мир вы можете получить из рук империалистического по форме правительства, являющегося величайшим врагом демократии. Своей внутренней враждой вы распыляете свою силу, ослабляете свой дух и теряете свою энергию». Первой реакцией президента на Октябрь было выступление в Буффало 12 ноября 1917 г. «Меня изумляет то, насколько плохо могут быть информированы некоторые группы в России, полагающие, что планируемые в интересах народа реформы могут быть

осуществлены при наличии Германии, достаточно могущественной, чтобы остановить эти начинания посредством интриг или применения силы».⁵¹² В непосредственном окружении Вильсона споры (в отличие от старого Запада) не вращались вокруг дилеммы — покидать или нет Россию. Новый свет не согласен был принимать худший вариант как неизбежный. В Вашингтоне выделились два направления, предлагавшие два способа того, как возвратить Советскую республику в лагерь антигерманской коалиции. *Первый* выдвинул полковник Хауз: союзникам следует изменить, «либерализовать» свои военные цели, сделать их более приемлемыми для новой России. Хауз, вообще, считал, что одной из главных задач американской политики (да и идеологии) является привлечение на свою сторону укрепляющих свое влияние европейских левых. Такое виделось возможным лишь на основе даваемого Вашингтоном твердого обещания, что после поражения Германии и либерализации германской политической системы будут созданы необходимые предпосылки для общемировой демократизации международных отношений. Вильсон и Хауз на этом этапе верили, что таким образом можно будет идейно подорвать Германию изнутри и одновременно консолидировать союзников.

Отметим, что в своем первом выступлении с оценкой большевистского правительства в России (12 ноября 1917 г.) президент Вильсон, обращаясь к членам Американской федерации труда, заявил, что солидарен с европейскими пацифистами, что его сердце солидарно с ними и что разница лишь в голове, которая у него мудрее, чем у прямолинейных пацифистов европейского Востока. Он не отвергает с порога вопрос о заключении сепаратного мира с Германией. «Я тоже хочу мира, но я знаю, как добиться его, а они не знают».

Второй подход предлагал государственный секретарь Лансинг. Ему представлялось крайне опасным «на ходу» изменять цели войны — это могло в опасной степени

укрепить позиции либеральных и левых партий в странах Антанты, нарушить сложившееся равновесие, что в конечном счете сыграло бы на руку силам социального подъема в Европе. Поэтому Лансинг полагал, что следует не «заигрывать» с большевиками, а укреплять сражающиеся с ними в России силы. В целом, госдепартамент (в отличие от Хауза с его исследовательской службой) с первого же дня сделал резкое отличие между февральской и октябрьской революциями. В результате последней, утверждали профессиональные дипломаты, помимо Германии, у США появился еще один враг — Россия, Лансинг не видел способа превратить Ленина в Керенского. Он называл Советское правительство не иначе как «классовым деспотизмом»; ни на одном этапе не верил в объединение союзнических и русских левых сил, в инкорпорирование советской власти в глобально-либеральную схему Вильсона.

На данном этапе Вильсон выступил за подход Хауза, тем самым превращая свою дипломатическую службу в своего рода оппозицию.

Послы союзных стран по-разному реагировали на предложение Троцкого заключить трехмесячное перемирие для выработки мира. Френсис послал его в Вашингтон, не удостоив ни малейшими комментариями. Бьюкенен же сопроводил заявление Троцкого требованием незамедлительного ответа в палате общин, в котором говорилось бы о согласии обсуждать условия мира с «легально образованным правительством» России, но не с тем, которое «нарушило обещания, данные одним из своих предшественников в заявлении от 5 сентября 1914 г».⁵¹³

Троцкий отметил, что реакция Британии на установление Советской власти наиболее враждебна. Британская буржуазия готова продолжать войну. Франции война угрожает «дегенерацией и смертью». Реакцию блока Центральных держав Троцкий назвал «двусмысленной». На американской позиции Троцкий остано-

вился подробнее: Соединенные Штаты вступили в войну спустя три года после ее начала под влиянием трезвых расчетов американской фондовой биржи: «Америка не может смириться с победой одной коалиции над другой. Америка заинтересована в ослаблении обеих коалиций и консолидации гегемонии американского капитала. Американская военная промышленность заинтересована в войне. За годы войны американский экспорт увеличился более чем вдвое и достиг цифр, недостижимых для других капиталистических стран».⁵¹⁴

Ленин полагал, что публикация договоров нанесет лидерам воюющих стран невосстановимый моральный урон и совместно с советскими предложениями о мире без аннексий потрясет западные общества. Это было большое заблуждение. Начатая 23 ноября публикация тайных договоров Антанты произвела меньшее впечатление, чем на то рассчитывали большевики. В Америке «Нью-Йорк Таймс» опубликовала важнейшие тексты 25 ноября 1917 г., а в Англии — «Манчестер гардиан» поместила их с некоторым опозданием — 13 декабря. В правящих кругах западных стран примерно знали об имевших место договоренностях, а те, кто имел интерес к внешней политике, могли догадаться о примерных условиях мира Антанты.

Сознавая силу большевиков, раздавших оружие рабочим и нашедшим дополнительную опору в окраинных националистах, послы Запада проявили единство в мнении, что правительство, обещающее открыто сепаратный мир, не может быть признано. Некоторые из них (в частности, Дж.Бьюкенен) держались мнения, что с большевиками, не признавая их, следует все же установить рабочий контакт. Эта линия получила поддержку в Лондоне. Панику на Западе вызывали неоригинальные социальные схемы Ленина. Здесь, прежде всего, боялись, что, борясь за власть, большевики обратятся к крайнему средству — призовут немцев. Из этого следовало — не нужно антагонизировать большевиков до такой степени, когда у

них не останется выбора, кроме обращения за помощью к Вильгельму Второму.

Большевистский призыв к миру, обращенный к беим воюющим группировкам, находил отклик у страдающих от мировой войны низших классов, разуверившейся в ура-патриотической фразеологии европейских правительств. Влияние большевистских взглядов на войну на Западе ощущалось не на государственном уровне, а в среде индустриальных рабочих и убежденных пацифистов. В определенном смысле престиж Ленина конкурировал с престижем президента Вильсона. Так или иначе, но советская политика по-своему апеллировала к той части Европы, которая буквально боготворила решимость Вильсона предотвратить войны в будущем. Но если Вильсон, вовлекая свою страну в европейскую войну, делал ее интегральной частью Запада, то Ленин стремился сделать Россию частью Запада за счет включения русского пролетариата в общий классовый взрыв Европы. Путь Ленина в Европу лежал через солидарность германских, французских и британских социалистов. Оставалось ожидать, резонны ли эти надежды.

Представитель американской военной миссии на русском фронте подполковник Керт послал протест новому главнокомандующему русской армии Каменеву: «Поскольку республика Соединенных Штатов ведет в союзе с Россией войну, причиной которой является противостояние демократии и автократии, мое правительство категорически протестует против любого сепаратного перемирия, которое могло бы быть заключено Россией». Такие послания, возможно, говорили о чувстве долга и о морали западных офицеров, но они никак не влияли на процесс распада русской армии. Целые подразделения покидали свои боевые позиции — значительные сектора Восточного фронта оказались обнаженными.

Возможно, первым среди представителей Запада, готовым к контактам с Советским правительством, оказался глава американской военной миссии генерал Джадсон

«После 27 ноября мне стало ясно, что большевики удержат власть и, что бы мы ни думали о них, они способны решить многие вопросы, в жизненно важной степени влияющие на исход войны... Нужно делать возможное из имеющегося... Почему мы должны играть на руку немцам и следовать политике сознательного невмешательства, отстраненности и враждебности».⁵¹⁵ Учитывая особую позицию Вильсона и специфическую отстраненность посла Френсиса от союзнических советов, эта позиция приобрела к концу 1917 г. доминирующее значение в американском подходе к России.

В ответ на последовавшее 19 ноября предложение большевиков о перемирии руководители воюющих стран выразились с той или иной степенью резкого отрицания. Премьер Клемансо ответил перед палатой депутатов: «Война, ничего кроме войны».⁵¹⁶ Его, ставшего премьером за десять дней до захвата большевиками власти в Петрограде, волновали не последствия претворения большевиками лозунга мира, а сравнительно отдаленные стратегические перспективы. Для него самым важным обстоятельством было то, что Германия «будет отныне в состоянии создать огромную империю на востоке».⁵¹⁷ Клемансо был абсолютно уверен, что Ленин и его партия являются в прямом и буквальном смысле платными агентами Германии: «Эта банда находится на немецком содержании, и мы не можем признать их в качестве правительства. Большинство из них не носит собственных настоящих имен. Они являются преимущественно евреями германского происхождения, изменившими свои фамилии с немецких на русские. Министр иностранных дел называет себя Троцким, но его настоящее имя Бронштейн».⁵¹⁸

Ллойд Джордж не желал терять время на эмоции — он считал дни до массового прихода американцев. Наиболее оптимистический расчет предполагал приход 525 тысяч человек к маю 1918 г. Он пишет Хаузу: «Будет лучше, если я изложу факты прямо вам в лицо, поскольку суще-

ствует опасность того, что начнете подготовку своей армии не спеша и вам будет все равно, подготовите вы свои войска к 1918 или 1919 г. Я хочу, чтобы вы ощутили жизненно важную разницу между этими датами». ⁵¹⁹ Мнение американского посла было выражено в его донесениях: «У меня есть сильное подозрение, что Ленин и Троцкий действуют в интересах Германии; верно или нет это мнение, но их успех неизбежно усиливает Германию. Мне не нужно объяснять вам, что будет означать для нас овладение России Германией».

Реакция Германии

Тем, что происходило в России после Октября 1917 г., немцы были поражены не меньше, чем остальной мир. Наблюдатели докладывали в Берлин об организации в России новых административных образований. Немецкие военнопленные создали собственные органы и систему выживания, включающие в себя окружающие лагеря деревни. Немецкий наблюдатель Циле: «Россия более чем Америка является страной неограниченных возможностей». ⁵²⁰

Германское имперское руководство мало интересовалось социальным аспектом программы новых русских вождей — оно всячески стремилось использовать происшедшее для вывода России из войны. Советник германского посольства в Швеции Ризлер отмечает в письме канцлеру Гертлингу 12 ноября 1917 г., что Троцкий, будучи посажен англичанами в тюрьму, «питает неукротимую ненависть к англичанам». ⁵²¹ На последовавшее из Петрограда «Обращение ко всем», содержавшее предложение заключить общий мир без аннексий и контрибуций, правительство Германии откликнулось первым. Такая поспешность объясняется тем, что в Берлине не очень верили в долгосрочность пребывания Ленина у власти (министру Кюльману на этот счет прислали пол-

ные скептицизма донесения из Стокгольма).⁵²² В конце ноября 1917 г. с представителями большевиков беседовал депутат германского рейхстага Эрицбергер. Посол в Стокгольме Люциус передал содержание его бесед в Берлин, препроводив текст замечанием, что большевики чрезвычайно (при всем своем знаменитом ультрареализме) наивны в политике и слишком уверены в весьма сомнительном: что в Германии зреет непреодолимая тяга к миру, что между правящим классом и угнетаемыми в Германии зреет взрыв.

В Австрии делали вид, что разделяют триумф на Восточном фронте, но на самом деле в Вене уже думали только о выживании. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин писал канцлеру Гертлингу 10 ноября 1917 г.: «Революция в Петрограде, которая отдала власть в руки Ленина и его сторонников, пришла быстрее, чем мы ожидали. Если сторонники Ленина преуспеют в провозглашении обещанного перемирия, тогда мы одержим полную победу на русском секторе фронта, поскольку в случае победы русская армия, учитывая ее нынешнее состояние, ринется в глубину русских земель, чтобы быть на месте, когда начнется передел земельных владений. Перемирие уничтожит эту армию, и в обозримом будущем возродить ее на фронте не удастся. Поскольку программа максималистов (большевиков. — А. У.) включает в себя уступку праву на самоопределение нерусским народам России, вопрос о будущем Польши, Курляндии, Ливонии и Финляндии должен быть решен в ходе мирных переговоров. Нашей задачей будет сделать так, чтобы желание отделения от России было этими нациями выражено. Я не могу даже перечислить те возможности, как военные, так и политические, которые появятся у нас, а особенно у Германии, если мы сможем сейчас покончить с русскими. Порвав с державами Запада, Россия будет вынуждена в экономической области попасть в зависимость от Центральных держав, которые получают возможность проникновения и реорганизации русской экономи-

ческой жизни».⁵²³ 17 ноября 1917 г. граф Чернин написал другу: «Мир нужен для нашего собственного спасения, и мы не можем добиться мира до тех пор, пока немцы нацелены на Париж — но они не могут устремиться на Париж до тех пор, пока их руки не будут развязаны на Восточном фронте».⁵²⁴

Характер германской реакции на русскую революцию известен в деталях. Когда Людендорф 27 ноября 1917 г. дал согласие на переговоры, у него уже вызрел план нейтрализации России и последующего решающего удара на Западе. Время — март 1918 г. Он уже начал переброску дивизий с Восточного фронта на Западный. Теперь следовало как можно быстрее заключить мир с Россией — детали можно было оставить для будущего выяснения отношений. Склонялся к такому варианту и канцлер Гертлинг. Надеждами в отношении России он поделился с рейхстагом 29 ноября: «Мы возвратимся к добрососедским отношениям, особенно в экономической области... Что же касается земель, прежде принадлежавших царскому скипетру — Польши, Курляндии, Литвы — то мы будем уважать право этих народов на самоопределение». Кайзер в своем воображении шел еще дальше: «Мы должны найти в отношениях с Россией определенную форму союза». Его министр иностранных дел Кюльман не считал нужным спешить и забегать так далеко — Германия достаточно сильна, чтобы ждать.

Кюльман понимал, что революционному правительству будет трудно, вопреки всем традициям и договоренностям, нарушать союзнические соглашения на виду у всего мира и перед глазами собственного народа, идя на подписание сепаратного мира. Германской дипломатии следовало быть осторожней, чтобы на этом этапе не ослабить излишне правящую в России группировку. 4 ноября 1917 г. конференция высших лиц рейха выдвинула планы германизации Курляндии посредством заселения ее немцами и введения немецкого языка как официального. Литва должна была быть «введена в

германство» посредством передачи ей Вильно и заселения германских колонистов. Гофман считал ошибкой стимулировать дружбу литовцев и поляков: «Литовцы должны быть нашими союзниками в борьбе против поляков», и Гинденбург поддержал своего генерала: «Для управления этими элементами необходима политика по принципу «разделяй и властвуй».

29 ноября канцлер Гертлинг принял принцип права на самоопределение в качестве основы для мирных переговоров. Германское министерство иностранных дел начало разработку планов создания буферных государств между Германией и Россией. 3 декабря 1917 г. министр иностранных дел Кюльман объяснил германскую стратегию: «Россия оказалась самым слабым звеном в цепи наших противников. Перед нами стояла задача постепенно ослабить ее и, когда это окажется возможным, изъять из цепи. Это было целью подрывной деятельности, которую мы вели за линией русского фронта — прежде всего, стимулирование сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Только тогда, когда большевики начали получать от нас через различные каналы и под различным видом постоянный поток денежных средств, они оказались в состоянии создать свой собственный орган — «Правду», проводить энергичную пропаганду и расширить значительно свою прежде узкую базу партии. Теперь большевики пришли к власти... Возникшее напряжение в отношениях с Антантой обеспечит зависимость России от Германии. Отринутая своими союзниками, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем помочь России различными способами; прежде всего, в восстановлении ее железных дорог, в предоставлении ей значительного займа, в котором Россия нуждается для поддержания своей государственной машины. Этот заем может покрываться предоставлением зерна, сырьевых материалов и пр. Помощь на такой основе обеспечит сближение двух стран. Австро-Венгрия смотрит на это

сближение с подозрением. Именно этим объясняется чрезмерная готовность графа Чернина заключить соглашение с Россией, чтобы предотвратить нашу интимность в отношениях с Россией, нежелательную для дунайской монархии. У нас нет необходимости вступать в соревнование за благосклонность России. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно ожидать; мы находимся в гораздо лучшем, чем Австро-Венгрия, положении для предложения России того, в чем она нуждается для реконструкции своего государства».⁵²⁵

Кайзер выразил полное одобрение программы сближения с Россией, о чем генеральный штаб известил 4 декабря 1917 г. Кюльмана. Немцы в конце декабря 1917 г. убеждали большевиков, что Антанта преследует сугубо эгоистические цели и только Германия — хотя бы в силу своего географического положения — способна помочь России восстановить экономику быстро и эффективно. Немцы видели ленинское ожидание революции в Германии, но твердо полагали, что в данном случае «желание является отцом мысли».⁵²⁶

В Стокгольме один из наиболее активных большевиков — Радек — сообщил немцам, что знает о данном в декабре 1917 г. Берлином обещании литовской делегации. Характерно, что обещание было дано не министерством иностранных дел, а германским генералом, который зачитал делегации телеграмму от Гинденбурга с согласием на литовскую самостоятельность, предусматривающую единую с Германией армию и единую сеть железных дорог. При этом мера эта не выглядела популярной. По германским сведениям, жители прибалтийских провинций в большинстве своем желали оставаться в России, и 9 % немцев, живших здесь, не могли изменить общего мнения.⁵²⁷ Наиболее проникательные среди немцев считали, что в интересах Германии заключить честный мир — в противном случае, «Россия будет вынуждена провести новую мобилизацию, и в течение тридцати лет здесь разразится новая война».⁵²⁸

Запад: помочь России

Англичане начали новую страницу своей военной истории наступлением под Камбре. Колонна танков (324 машины) легко преодолела три периметра ограждений из колючей проволоки. По впечатлениям очевидца, это было «гротескное и устрашающее зрелище». В Англии раздался звон колоколов. Но, как размышляет первый авторитет по танкам генерал-майор Фуллер, никто не мог себе представить, что командиры поведут танки в узкие улочки старинного Камбре. Немцы же обнаружили, что нужно всего лишь подготовить связку гранат и метнуть ее под днище скованного в маневре танка. На время депеша петроградских комиссаров отошла в сторону, но, как только немцы остановили армаду танков и снег выпал неожиданно рано на Западном фронте, русская реальность нависла с прежней неотвратимостью.

В эти дня Запад получил предложение Японии «помочь» в разрешении русской проблемы и даже в восстановлении Восточного фронта. Японцы выразили готовность послать войска в Сибирь с целью защиты союзных интересов от посягательств Германии и большевиков. Более того, Токио предложил свои услуги по восстановлению Восточного фронта, прося Запад о выполнении трех основных условий: 1) интервенция будет осуществляться исключительно японскими силами; 2) западные союзники признают преобладающие интересы Японии в Китае; 3) Япония получит исключительные права на эксплуатацию природных богатств Восточной Сибири.

Военная ситуация, характеризуемая крахом Восточного фронта, не позволяла Западу быть излишне разборчивым. Все же Британия, Франция и США могли различить возникающую будущую опасность. Более других податливой к японским предложениям оказалась Франция, у которой желание избежать поражения и возвратить Эльзас-Лотарингию довлело над всеми прочими соображениями. Когда немцы были в ста кило-

метрах от Парижа, французскому правительству было легко отдать далекую Маньчжурию или Восточную Сибирь. Помимо прочего, миллионы вкладчиков в русские займы были шокированы отказом большевиков возвращать долги и надеялись, что любое другое правительство (будь оно хоть прояпонское) окажется более скрупулезным в отношении долгов.

Но даже эти соображения не могли полностью закрыть горизонт для французского правительства. Клемансо не менее Ллойд Джорджа понимал, что оккупация Сибири японцами нанесет непоправимый удар исторической тенденции связей России с Западом, укрепит позиции тех, кто видит в лице Запада исторического недоброжелателя России. Она будет брошена в объятия антизападных сил, окажется в коалиции восставшего Востока против мировой гегемонии Запада. Но зрелые мысли Клемансо были лишь проблесками — они тонули в море страха, охватившего французов зимой 1917—1918 гг. Трепеща за непосредственное будущее, французская политическая элита была готова принять японские предложения.

Иначе смотрела на дело Британия. Даже поражение Франции не означало для нее окончания войны, в которую включилась сверхмогучая Америка и еще полмира. Лондон был отделен от Европы проливом и флотом. В то же время у англичан были значительные интересы в Китае. Преобладание Японии на Дальнем Востоке делало уязвимыми Гонконг, Австралию и Индию. Одно обстоятельство заставляло Ллойд Джорджа отнестись к японскому предложению серьезно: он опасался германо-турецкого похода в Индию. В этом случае Япония, согласно договоренности, обязалась послать в Индию свои войска. Ллойд Джордж и на этот счет не питал иллюзий. Еще неизвестно, что было бы опаснее для британского господства в Индии: наступление немцев и турок или появление на восточных границах Индостана «чемпионов Азии» — японцев. Паназиатская пропаганда японцев уже была

ошутимой в Индии — японцы уже оказывали помощь индийским националистам. Не избежало критически мыслящих англичан и подозрение в отношении того, что Япония может показать худшую сторону своей «гибкости» и счесть выгодным для себя заключение соглашения с Германией за счет России, отныне эксплуатируемой совместно. Антирусские предложения Японии встречались в Лондоне скептически, но здесь не отвергли полностью идеи использования японцев вместо русских против немцев.

Запад должен был учитывать и то, что в Сибири находились 200 тысяч военнопленных немцев. Не нужно было фантазии, чтобы представить себе этих немцев, обученных передовым методам ведения войны, выступающих на стороне большевиков. Большевики могли с легкостью вооружить этих немцев с военных складов во Владивостоке, на Урале и в Туркестане.

Неопределенное будущее, в котором Гинденбург и Людендорф неосомненно постараются сокрушить Запад, делало японское вмешательство меньшим из зол. В результате Лондон и Париж в январе 1918 г. согласились с японским предложением, оговорив его лишь поддержкой Соединенных Штатов. Игнорирование США в вопросе получения Японией новой мировой роли невозможно. Правительство Вильсона играло собственную партию в русском вопросе. Вашингтон послал в Россию т. н. Комиссию Стивенса для укрепления ее самого слабого места — транспорта. Американские специалисты-железнодорожники укрепляли единство огромного русского пространства, улучшая работу железнодорожных магистралей. Обозначилось и японское желание в конечном счете овладеть ключевыми позициями в России. Японцы начали препятствовать работе Стивенса. Но и американцы распознали своих противников — они «заблокировали» идею предоставления Японии права двигаться по России вперед вплоть до создания нового Восточного фронта.

Секретные договоры и вопрос о признании

Среди документов, опубликованных большевиками, наиболее сенсационным был проект русско-германского договора в Бьорке (1905), англо-русское соглашение 1907 г. о Персии, соглашение Сайкс-Пико о разделе Турции (1915). Публикации советским правительством тайных договоров сделали более сложным для Запада изображать себя жертвами империализма Германии. Война стала видаться как схватка за преобладание в Европе и в колониальных регионах. Оказывается, еще до их выхода в мировую политику мир уже был поделен. О некоторых тайных договорах своих союзников президент Вильсон узнал из публикаций народного комиссариата иностранных дел. Резидент английской разведки в Вашингтоне Уайзмен сообщил, что на президента особое впечатление произвел Лондонский договор Антанты с Италией. Мораль дипломатии Антанты предстала в далеком от официальной благопристойности виде.

Полковник Хауз указал, что публикация подчеркнула неспособность старой империалистической Европы выдвинуть привлекательные цели войны, необходимые для мобилизации сил. Лишь Америка способна очертить привлекательные горизонты, обозначить в качестве цели *предотвращение войн в будущем*. Хватит пустого бряцания оружием. Сверхусилия народов можно вызвать лишь победой в войне идей. Все это произвело на Вильсона большое впечатление. Он принял решение перехватить инициативу и дать новое направление психологической войне, закрепляя за США положение не только военного, но идейного лидера. Президент постарался одним ударом достичь нескольких целей. Во-первых, хотя бы частично нейтрализовать эффект советских публикаций. Во-вторых, показать Англии и Франции, что теперь именно США

определяют характер войны. В-третьих, заручиться поддержкой малых стран. В-четвертых, создать новую идейную среду, способствующую интенсификации массовых военных усилий. В-пятых, осуществить создание предпосылок по стимулированию возврата России в ее прежнюю коалицию. Для этого следовало во всем объеме показать те угрозы, которые несет с собой германское доминирование: несовместимость общественных свобод и пруссачества. В-шестых, актуальной задачей становился раскол германского общества. Нужно было посеять недовольство населения в целом (и германских социалистов прежде всего) военными целями кайзера, вызвать разложение в стане противника. Разумеется, сказались и личные амбиции Вильсона — ведь теперь на него пала задача определить, за что идет громадная мировая схватка.

Президент поручил Хаузу мобилизовать свой «мозговой центр» — проанализировать проблемы, которые выйдут на первый план будущей мирной конференции. Вильсон хотел, чтобы западные союзники ощутили особенность политики Америки — не Соединенные Штаты присоединяются к прежним договорам Антанты, а союзники ищут общую с новым мощным членом коалиции платформу. Представитель Вильсона в России Э.Сиссон торопил президента — время приобретало критическое значение. Задуманный документ должен быть лаконичен и состоять «почти из плакатных параграфов». Еще до его написания обсуждался вопрос о переводе и засылке миллионов его копий в Германию и Россию.

Между тем положение посольств, не признавших правительство большевиков, становилось все более двусмысленным. Бьюкенен не хотел, чтобы новые власти испытывали иллюзии в отношении признания, и 4 декабря положил конец неопределенности, публично объявив об инструкциях Лондона воздерживаться от любого шага, который мог быть истолкован как при-

знание правительства Ленина. Предложение советского правительства о перемирии союзными посольствами не комментировалось. Отчуждение посольств, естественно, не способствовало благожелательному восприятию Россией и союзниками друг друга. Курс западных столиц стал определяться «издалека», без привычного знания конкретной обстановки.

Но некоторые контакты так или иначе осуществлялись. 7 декабря Троцкий сказал переводчику британского посольства — капитану Смит, что после февральской революции послу Бьюкенену давали плохие советы и он плохо был ориентирован в политической ситуации, особенно относительно Керенского. (Бьюкенен, узнав мнение наркома, согласился с ним — да, он недооценил силы большевистского движения. Он всегда оценивал это явление достаточно просто, полагая, что действиями большевиков руководят переодетые германские офицеры генерального штаба).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БРЕСТСКИЙ МИР

Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его.... Решительное погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества.

Н. Бердяев, 1918.

Запад предупреждает

Вовсе не отсутствие лояльности выбило Россию из союза с Западом. Пролитая кровь тому порука. Основные причины краха России — изоляция от индустриального мира, крушение транспортной системы, уменьшение численности промышленных рабочих, увеличение стоимости продукции из-за роста цен на первичное сырье, прекращение конвертируемости рубля, ухудшение жизни в городах. Запад не осознал глубины той пропасти, в которую угодила Россия. Постепенно он начал терять союзников и *внутри* страны.

Слабым местом большинства антибольшевистских политических группировок, лишавших их привлекательности в глазах Запада, было то, что после октябрьского переворота они в той или иной степени смирились с мыслью, что Россия не может далее продолжать войну. То есть, отличаясь от большевиков по своим социальным идеалам и представлениям, они практически становились неотличимыми от большевиков по главному вопросу, интересовавшему Запад: следует ли ради союзнической

верности пренебречь даже инстинктом самосохранения? И если да, то как восстановить Восточный фронт? Лидеры этих группировок приходили в союзнические посольства и возмущались коварством большевиков по вопросу о захвате власти. Однако по вопросу о войне они излагали близкие к большевистским идеи, в результате чего их ожидало, в лучшем случае, возмущенное молчание западных союзников.

Представители Запада объясняли своим русским собеседникам, что после всех своих жертв Запад не может согласиться на «преждевременный мир». Учитывая тотальный характер развернувшегося конфликта, Россия может купить себе мир лишь на условиях, губительных для всех и для нее в первую очередь. Ради самосохранения, а не ради союзников, в ее собственных интересах следует приложить максимальные усилия, чтобы сохранить фронт, пока Британия и Франция с американской помощью не разобьют Германию, освобождая и Россию от смертельной угрозы.

Нужно сказать, что и западные союзники России не чуждались тайных дипломатических контактов. Англичане вели переговоры о сепаратном мире с Австрией и с Турцией. С согласия Ллойда Джорджа генерал Сметс 18 декабря 1917 г. встретился в предместье Женевы с бывшим австрийским послом в Лондоне графом Менсдорфом, предлагая в обмен на сепаратный мир сохранение Австро-Венгерской империи. Секретарь Ллойда Джорджа Филип Керр встретился в Берне с турецким дипломатом доктором Гумбертом Пароди, прощупывая возможности турецкого сепаратизма. Но германское влияние на обе державы было столь велико, что ни Австро-Венгрия, ни Османская империя не осмелились сделать решающий шаг. Британский дипломат сэр Хорэс Рамболд, беседовавший со Сметсом и Керром в Швейцарии, отметил этот страх и одновременные надежды поделить Европу и весь мир: «Переговоры с турками находятся под воздействием конференции в Брест-Литовске, которая преисполнила

турок экстравагантными надеждами на будущее их империи. Они надеются сохранить не только Месопотамию, Палестину и прочее с помощью немцев, но ожидают получения части Кавказа и союза с такими государствами, как Грузия. Они верят в возможности туранизма в Центральной Азии». ⁵²⁹

Не преуспев в тайных переговорах, премьер Ллойд Джордж гордо заявил 14 декабря 1917 г., что «не существует промежуточной дистанции между победой и поражением». И Франция объявила, что отказывается от дипломатии как от инструмента достижения мира. 15 декабря Троцкий заявил бывшим союзным правительствам, что, если они не согласятся вести переговоры о мире, большевики приступят к переговорам с социалистическими партиями всех стран. Но вначале большевикам нужно было объясниться с германским империализмом.

Предложение перемирия

Нетрудно понять чувства германского командования при виде распада России. Предшествующая смертельная борьба исключала рыцарственность. Генерал Гофман пишет в мемуарах: «Русский колосс в течение 100 лет оказывал слишком тяжелое давление на Германию, и мы с чувством известного облегчения наблюдали за тем, как под влиянием революции и хозяйственной разрухи рушится бывшая мощь России». ⁵³⁰ Гофман считал самым благоразумным для Германии «иметь в тылу мирную Россию, из которой мы могли бы получать продовольствие и сырье, не предпринимать наступления на Западном фронте, а выжидать наступления Антанты. Однако у нас не было предпосылок для реализации такой тактики. Для того чтобы держаться на Западе выжидательной тактики, получая все необходимое с Востока, нужно было иметь в России необходимые для этого условия». ⁵³¹

Для реализации этих условий Гофман предлагал

занять линию Смоленск-Петербург, образовать в Петербурге правительство, которое назначило бы при наследнике-цесаревиче желательного Германии регента. Россию следовало держать в орбите германского влияния, ее раздел осуществлять осторожно. К примеру, «идея отторжения от России всего Прибалтийского края неправильна. Великодержавная Россия, а таковой русское государство останется и в будущем, «никогда не примирится с отнятием у нее Риги и Ревеля — этих ключей к ее столице Петербургу». Регентом Гофман наметил великого князя Павла, с которым германский командующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя великого князя — полковника Дурова.

В ночь на 20 ноября 1917 г. случилось то, чего так опасались на Западе. Большевистское правительство послало Верховному главнокомандующему — генералу Духонину — радиотелеграмму с приказом предложить германскому командованию перемирие. Поздно вечером 21 ноября союзные посольства в Петрограде получили от наркома иностранных дел Троцкого ноту с предложением заключить перемирие с Германией и начать переговоры о мире. Бьюкенен советовал оставить ее без ответа. В палате общин он рекомендовал заявить, что правительство будет обсуждать условия мира с законно образованным русским правительством, но не с теми, кто нарушает обязательства, взятые 5 сентября 1914 г.

25 ноября 1917 г. союзные военные представители в Ставке выразили официальный протест Духонину: нарушение союзнических обязательств может иметь самые серьезные последствия. По оценке Бьюкенена, «скрытая угроза, содержавшаяся в этих словах, была истолкована в том смысле, что мы намерены предложить Японии напасть на Россию. Это был неудачный шаг, причинивший нам немало вреда. Троцкий по этому поводу выпустил страстное обращение к солдатам, крестьянам и рабочим, направленное против нашего вмешательства в русские дела. Он говорил им, что наше империалистическое пра-

вительство пытается загнать их кнутом обратно в окопы и превратить в пушечное мясо». ⁵³² Троцкий напомнил, что его правительство желает не сепаратного, а всеобщего мира. Если России придется заключить сепаратный мир, то вина падет на союзные правительства.

26 ноября новый главнокомандующий русской армии Крыленко обратился к германской стороне с запросом: согласно ли германское верховное командование на перемирие? Немцам не просто было приспособиться к новой реальности на их Восточном фронте. Характер и степень стабильности нового русского правительства были для правящего Германией класса тайной за семью печатями. Генерал Людендорф вызвал командующего Восточным фронтом генерала Гофмана и спросил, можно ли иметь дело с этими людьми. «Я, — пишет в мемуарах Гофман, — ответил утвердительно, так как Людендорфу необходимы были войска, и перемирие высвободило бы наши части с Восточного фронта. Я много думал, не лучше ли было бы германскому правительству и верховному главнокомандованию отклонить переговоры с большевистской властью. Дав большевикам возможность прекратить войну и этим удовлетворить охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть». ⁵³³

Перед Берлином стояла альтернатива: военным путем прорвать ослабевший фронт или в ходе мирных переговоров избавиться от России как от противника. Первый путь требовал задействования значительных войск — просторы России огромны. А судьба Германии решалась на Западе — там требовались дивизии, размещенные на Востоке. Немцы руководствовались фактором времени и экономии сил — они высказались за переговоры.

Людендорф предупредил министерство иностранных дел, что условием мирных переговоров должно быть признание Россией ассоциации Польши с Центральными державами, оставление русскими Финляндии, Эстонии, Ливонии, Молдавии, Восточной Гали-

ции и Армении. Предполагалась реорганизация русской системы коммуникаций с германской помощью, финансовая поддержка русской реконструкции, установление тесных экономических отношений, расширение торгового товарооборота, поставки Россией на льготных условиях зерна, масла и пр. Если русские представители выразят опасение в отношении японской интервенции, Германия предоставит России необходимые гарантии. В дальнейшем Германия заключит с Россией формальный союз.⁵³⁴

От переговоров Гинденбург и Людендорф ждали максимально быстрых решений. Все их мысли были уже на Западе. Несколько иначе думали австрийцы. Напряжение в двуединой монархии было таково, что каждый жесткий шаг грозил усугубить внутреннюю неустроенность. Чернин: «Удовлетворить Россию как можно скорее, а затем убедить Антанту в невозможности сокрушить нас и заключить мир, даже если придется от чего-то отказаться... Брест-Литовск дает шанс выйти из войны с меньшими потерями».⁵³⁵

Переговоры

Над Восточным фронтом воцарилась тишина. 1 декабря большевики овладели ставкой верховного главнокомандования в Могилеве. Последний из главнокомандующих — генерал Духонин — был убит революционными матросами. Людендорф 27 ноября 1917 г. назвал дату начала официальных переговоров — 2 декабря. Обстановка в Петрограде — да и в стране в целом — не располагала к академическим размышлениям. Правительственную делегацию формировал нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий. Во второй половине дня 2 декабря 1917 г. на участке фронта близ Двинска три человека: лейтенант киевских гусар, военный хирург и солдат-волонтер — пересекли «ничейную землю». Горнист дал сигнал, замахали белыми

флагами, и маленькая русская делегация пересекла германскую линию. Немцы завязали им глаза и повели их в дивизионный штаб. Через сутки они были уже на обратном пути в Петроград: переговоры могут начаться через неделю в штаб-квартире командующего германскими войсками на Восточном фронте генерала Гофмана в Брест-Литовске.

Предварительные переговоры о перемирии вели генерал Гофман и представитель министерства иностранных дел Розенберг. Кайзер поручил государственному секретарю по иностранным делам Кюльману не просто подписать мир, а постараться установить с Россией отношения долговременного характера. «Несмотря ни на что, достичь соглашения с русскими. Сейчас, как и после русско-японской войны, это сделать легче». Ради быстрого дипломатического решения поручалось использовать как кнут, так и пряник. Показать русским, что оно рассчитывает на долговременное сотрудничество. «В более отдаленном будущем император надеется установить с русскими тесные торговые отношения». Замаячили призраки континентального союза против Запада. Эти идеи поддерживались гражданскими и военными аналитиками Германии, которые вырабатывали конкретные условия соглашения.

3 декабря 1917 г. Кюльман отправил кайзеру свои соображения: «Россия видится нам слабейшим звеном в цепи противника. Задачей является ее медленное ослабление и, по возможности, вывод из строя противостоящей коалиции. Это было целью той подрывной активности, которую мы осуществляли в России за линией фронта — в первую очередь, помощь сепаратистским тенденциям и большевикам. Заключение сепаратного мира будет означать достижение нашей военной цели — достижение разрыва между Россией и союзниками. Оставленная своими союзниками, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки». Немцы абсолютно серьезно рассуждали о грядущем «союзе двух стран».

Это пряник, больше ощущался кнут. При непосредственном наущении немцев в период между просьбой России о перемирии и началом мирных переговоров недавно созданные национальные советы в Курляндии, Литве, Польше, части Эстонии и Ливонии выступили с декларациями о национальном самоутверждении. Задачей Кюльмана было защитить эти «подлинные выражения народного мнения». Объясняя лидерам рейхстага правительственную позицию, министр иностранных дел Кюльман 20 декабря 1917 г. утверждал, что главной целью является дезинтеграция «старой России». «Германия должна признать отделение Финляндии, Украины, Кавказа и Сибири, как только это сделает русское правительство». Множество слабых отделившихся государств, пояснял Кюльман, будет нуждаться в германском покровительстве

Кюльман возглавил германскую делегацию. Австрийцы послали Чернина, болгары — министра юстиции, турки — главного визиря и министра иностранных дел. Во главе советской делегации стоял Адольф Иоффе. Военный эксперт делегации подполковник Фокке считал его «неприятным и относящимся к людям презрительно».⁵³⁶ Всем бросались в глаза его длинные волосы, нестриженная борода, поношенная шляпа и огромное черное пальто. Двумя «львами» делегации были Лев Каменев и Лев Карахан. Первый еще не отошел от противостояния с Лениным в Октябре, второй (по словам Фокке) «был типичным армянином, почти карикатурой на «восточный тип», переходящий от сонной инерции к бурному движению в считанные секунды» Женщины в революционной делегации представляла Анастасия Биценко — молчаливая женщина крестьянского происхождения, проводшая в Сибири семнадцать лет после убийства царского генерала. Казалось, делится впечатлениями Чернин, «что она ищет очередную жертву».⁵³⁷

Необычными членами делегации были представитель Балтийского флота Федор Олич — настоящий морс-

кой волк — и призванный из рабочих в солдаты Павел Обухов. По дороге на Варшавский вокзал Иоффе и Каменев вспомнили: «Мы забыли русское крестьянство! Среди нас никто не представляет миллионы сельских тружеников». В этот момент на вокзале появилась фигура в типичном крестьянском зипуне. Некого Романа Сташкова убедили, что он более всего нужен в Бресте, на переговорах с врагом.⁵³⁸ Большевики придали Иоффе лучшего своего историка М.Н. Покровского и бывшего царского генерала А. Самойло. К комиссии были прикомандированы несколько офицеров генерального штаба и адмирал Альтфатер. Генерал Гофман довольно долго беседовал с ним о былой мощи императорской русской армии. Как могла самая большая в мире армия потерять свою боеспособность? Солдатские массы, отвечал Альтфатер, оказались исключительно восприимчивыми к большевистским идеям. Не обольщайтесь, сказал адмирал, то же самое произойдет и с германской армией. В ответ Гофман расхохотался.

Вожди в Смольном желали видеть *всеобщее* — а не лишь на русском фронте — перемирие. Немцы настаивали на том, что перемирие не должно длиться более 28 дней: в течение этого времени Гофман обещал не продвигать войска вперед. На всех фронтах Германия перемирия установить не может, так как западные державы отказываются участвовать в переговорах.⁵³⁹ Генерал Гофман предложил прекратить боевые действия на время переговоров, а Иоффе предложил шестимесячное перемирие и эвакуацию захваченных на Балтике островов. «Собравшиеся 20 декабря в Брест-Литовске неуклюжие апостолы новой веры и элегантные защитники старого порядка приготовились к прямому столкновению большевизма с Западом».⁵⁴⁰ Штаб генерала Гофмана издавал для пленных газету «Русский вестник», которая на первых порах отзывалась о большевиках с трогательной симпатией. «Что за странные создания, эти большевики, — пишет в дневнике министр Чернин после первого совместного ужина —

Они говорят о свободе и примирении народов всего мира, о мире и единстве, и вместе с тем это самые жестокие тираны в истории. Они просто уничтожают буржуазию, и их аргументами являются пулеметы и виселицы». ⁵⁴¹ Возглавляемую Иоффе делегацию фельдмаршал Леопольд Баварский принимал как своих «гостей». Банкет 20 декабря описывает английский историк Уилер-Беннет: «Картина была богата контрастами. Во главе стола располагалась бородатая нестигаемая фигура принца Баварского, по правую от него сторону сидел Иоффе, еврей, недавно выпущенный из сибирской тюрьмы. За ним сидел граф Чернин, грансиньор и дипломат старой школы, рыцарь Золотого Руна, воспитанный в традициях Кауница и Меттерниха, которому Иоффе, человек с маленькими глазами и мягким голосом поведал: «Я надеюсь, мы сумеем поднять революцию в вашей стране тоже». ⁵⁴² Этим вечером Чернин лаконично записал в своем дневнике: «Едва ли нам понадобится помощь от доброго Иоффе для осуществления революции среди нас. Народ сам сделает все нужное, если Антанта будет настаивать на своих условиях». ⁵⁴³

Гофман пишет о лояльности большевиков западным союзникам: «Русские придавали большое значение привязке к Восточному фронту германских войск, размещенных здесь, и предотвращению их транспортировки на запад... Еще перед началом брест-литовских переговоров нами был получен приказ о переводе на запад основной части нашей восточной армии. Поэтому мне не составило труда согласиться с условием русских». ⁵⁴⁴ Это положение было включено в соглашение о перемирии от 25 декабря 1917 г.: «Договаривающиеся стороны обещают не предпринимать переводы войск до 14 января 1918 г. на фронте между Черным морем и Балтийским морем, если такие переводы не были уже начаты к моменту подписания перемирия». ⁵⁴⁵

Кюльман начал 22 декабря 1917 г. трехдневные переговоры слалкими речами: «Наши переговоры начи-

наются в преддверии праздника, который на протяжении многих столетий обещал мир на земле и благоволение в человецех». ⁵⁴⁶ Перед Германией распростерлась жертва, и немцы были близки к цели, которой они три года добивались огнем и мечом, газами и огнеметами. Переговоры представляли собой необычное зрелище. Вспоминает один из членов русской делегации: «Собранные вместе поспешно, составленные из элементов, ни в коем случае не единодушных в своих тактических взглядах и — хуже всего — не имеющих возможности прийти к взаимопониманию между собой, не имея опыта в искусстве дипломатического обмана там, где многое значило каждое слово, большевистская делегация выступила против опытного противника, который предусмотрел все свои действия заранее. Не зря перед немцами и союзными с ними дипломатами лежали отпечатанные инструкции, ремарки, меморандумы, в то время как перед нами лежали лишь чистые листы белой бумаги с аккуратной синей оберткой, приготовленные самими же немцами». ⁵⁴⁷

На первом же заседании Иоффе выступил с обращением ко всем воюющим державам: прекратить войну и заключить общий мир. Иоффе представил русские условия мирного соглашения. ⁵⁴⁸ Шесть его пунктов исходили из отрицания аннексий и контрибуций. Он требовал права свободно распространять революционную литературу. После неловкого молчания Гофман запросил русскую делегацию, уполномочена ли она своими союзниками делать такие предложения? Иоффе должен был признать, что от стран Антанты русская делегация таких полномочий не получила. Немцы потребовали от русской делегации держаться в рамках собственных полномочий. Требование русской делегации о беспрепятственном провозе литературы и листовок в Германию Гофман отклонил, но охотно согласился на провоз подобной литературы во Францию и Англию.

Генералу Гофману были даны две главные инструк-

ции: 1) «категорически требовать от России эвакуации Ливонии, Эстонии и Финляндии»; 2) если Запад предложит всеобщие переговоры о мире, соглашаться на них лишь при отсутствии ограничений на подводную войну. Второе условие было обязательным для Гинденбурга — он хотел свободы маневра против Запада на максимально широком фронте. Германские дипломаты присоединились к лозунгу мира без аннексий и контрибуций. Таким образом они хотели расшатать мораль Запада. Но немцам, сидевшим за столом переговоров в Брест-Литовске, была удивительна убежденность русских в том, что аннексий можно избежать и на Восточном фронте. Гофман вынес впечатление, что в их рядах царит счастливая убежденность в возможности восстановления предвоенных границ, в том, что немецкие войска, восприняв идеи абстрактной справедливости, добровольно отступят к границам 1914 г.

Гофман полагал, что нельзя позволить русским возвратиться в Петроград с иллюзиями относительно готовности Германии повиноваться прекрасному порыву. Они могут внушить эти фантазии своему правительству и широким народным массам. Когда же выяснится, что германская позиция истолкована неверно, это вызовет нежелательный психологический шок, который перерастет в решимость сопротивляться немцам. Следует заранее объяснить русским фантастичность их надежд.

27 декабря немцы представили свои условия. Советская делегация выглядела так, словно она «получила удар по голове». ⁵⁴⁹ Фокке увидел главу советской делегации «пораженным, истощенным и сокрушенным». Покровский рыдал: «Как можно говорить о мире без аннексий, если Германия отторгает от России восемнадцать губерний». ⁵⁵⁰ По свидетельству Гофмана, Иоффе был потрясен германскими условиями и разразился протестами. Каменев впал в ярость. Возникает вопрос: какова была степень реализма лидеров большевистской России, если они не предполагали подобных требований от Германии?

28 декабря советская делегация подписала формальное перемирие и отбыла в Петроград на двенадцатидневный перерыв⁵⁵¹ — Гофман хотел, чтобы Иоффе обрисовал ситуацию Ленину и Троцкому. Людендорф ликовал: «Если в Брест-Литовске все пойдет гладко, мы можем ожидать успешного наступления на Западе весной».⁵⁵²

30 декабря 1917 г., по возвращении Иоффе из Бреста, Троцкий обратился к прежним союзникам, снова приглашая их к переговорам. Он объявил, что «сепаратное перемирие не означает сепаратного мира, но оно означает угрозу сепаратного мира».⁵⁵³ Троцкий параллельно угрожал: самоопределения ждет не только Эльзас и Галиция, но и Ирландия, Египет, Индия.⁵⁵⁴ Ленин решил отложить подписание мира настолько, насколько это возможно. Но Ленин нуждался в мире, и в Брест он послал лучшего из наличных талантов — Троцкого.

Предвкушения немцев

Встречая Рождество 1917 г., император Вильгельм Второй заявил, что события уходящего года неопровержимо доказали ту истину, что Бог на стороне Германии. Англичане могли сказать то же самое, празднуя Рождество в только что оккупированных Вифлиеме и Иерусалиме. И только Россия не могла разделить такой уверенности. Большевики испытывали страшное напряжение, осознавая, что подписание мира с немцами может стоить им правления в стране. А вдали уже маячил грозный знак гражданской войны.

Выработка условий Брест-Литовского мира была для германских дипломатов захватывающей задачей. Кюльман поставил перед собой задачу прибегнуть к тактике косвенных аннексий, используя принцип права на национальное самоопределение. «Мой план состоял в том, чтобы втянуть Троцкого в академическую дискуссию о праве на национальное самоопределение и приложении

этого принципа на практике. чтобы получить посредством применения этого принципа все территориальные уступки, в которых мы абсолютно нуждались».⁵⁵⁵ «Союз немецких производителей стали и железа» потребовал, чтобы немцам была гарантирована свобода экономической деятельности в России. Их особенно интересовала железная руда и марганец, для того чтобы в будущей войне с англосаксами получить независимую базу производства оружия. «Россия должна быть превращена в поставщика сырьевых материалов, зависимого от Германии». Было выдвинуто требование разорвать соглашения России с Америкой, Англией и Францией, осуществить «свободную миграцию рабочей силы из русских промышленных районов».⁵⁵⁶

Пробным камнем грядущих переговоров была Украина. Германия следила за тем, как реализовывалось решение наркома иностранных дел Троцкого и наркома внутренних дел Церетели предоставить Украине право самоопределения. Хотя первый «Универсал» решительно провозгласил единство Украины и Великороссии, автономия Рады предоставила немцам новые возможности. 24 декабря 1917 г. украинская Рада провозгласила свою независимость. Через два дня Берлин пригласил представителей Рады в Брест-Литовск.

Одновременно немцы проявили «полное непонимание» миссионерского пыла большевиков. Делегация во главе с Г. Зиновьевым, задачей которого было осуществление социальной революции в Центральной Европе, была остановлена первым же немецким часовым. Тонны подрывной литературы были по немецкому требованию сожжены. Германским независимым социалистам было запрещено посещать невиданное новое государство — Советскую Россию. В то же время Россия впервые за два с половиной года приоткрылась для Германии — появилась возможность провести линию сообщения между Петроградом и Берлином. Германские коммерческие агенты стали нащупывать почву возвращения в Россию.

Англичане считали серьезным просчетом прямолинейную дискредитацию правительства, которое все-таки выступало от лица одной из крупнейших стран мира. «Постоянные глупые атаки на большевиков в британской прессе — что Ленин является германским агентом и т. п. — сбили с толку население в Англии и привели в бешенство большевиков здесь. Получилось все по-детски. Французы ведут себя еще хуже, но янки играют более тонко. В любом случае у нас (пишет англичанин из Петрограда. — А. У.) сложилось впечатление капитуляции в пользу Германии, что ощутимо бьет по нашему престижу... Нашим интересам соответствует избегать, настолько долго, насколько это возможно, открытого разрыва с этой сумасшедшей системой».⁵⁵⁷ Заведомая враждебность может дорого стоить. Долг России Британии составил к началу 1918 г. 600 млн. фунтов стерлингов.

Лондон запрашивал свою агентуру, в чем немцы будут заинтересованы, получив доступ в Россию, и что британская военная миссия может скупить с целью ограничения экономических возможностей Германии. Генерал Пул рекомендовал сконцентрироваться на резине, металлах, хлопке, нефти и химикатах — действовать как можно скорее, ввиду дипломатических переговоров России с Германией, и учитывая исключительную активность американцев. «Если повести дело умело, то Россия благоприятно воспримет приток британского капитала».

Англичане полагали, что в случае обрыва мирных переговоров германские войска смогут быстро оккупировать и Петроград и Москву, но у них не хватит сил распространить влияние на колоссальные русские просторы. Более вероятна попытка немцев мирными средствами проникнуть в Россию. План экспертов заключался в том, чтобы разместить примерно 15 млн. фунтов стерлингов в восьми-десяти ведущих русских банках — рычаг эффективного воздействия на общую экономическую ситуацию в чрезвычайно ослабленной стране. К этой операции следует привлечь лучшие финансовые умы, имеющие опыт общения с русскими банками.

Все это говорит о том, что в Лондоне и в Париже пока еще не воспринимали Октябрьскую революцию как устойчивый акт русской истории. Майор Бантинг убеждал, что специально созданный в одной из русских столиц британский комитет «должен контролировать использование в России огромных сумм, предоставленных Англией и представляющих собой долги военных лет». Важно получить концессии, внедриться в русскую промышленность, овладеть русским рынком. Бантинг предупреждал, что нереально требовать от России скрупулезной и пунктуальной выплаты долгов — их у России нет. Чтобы вести кампанию против возвращающихся немцев, с его точки зрения, достаточно было бы 40 млн. фунтов стерлингов. Учитывая геополитическую значимость такого приза, как Россия, это была не столь уж большая сумма.

Брест-литовская конференция

Первыми на переговоры в середине января 1918 г. в Брест явились самозванные представители Украины, которые, ссылаясь на декларацию советского правительства о праве народов на самоопределение, хотели заключить с Германией свой собственный мир. Их прибытие Кюльман и его заместитель Гофман стремились использовать в случае неговорчивости петроградской делегации.⁵⁵⁸ Украинская делегация столовались вместе с германской и всячески давала понять, что с ней договориться будет проще. Немцы, не намеренные воссоздавать независимую Польшу, с легкостью обещали украинской раде присоединение к Украине Холмищины.

Вовсе не так рады были прибытию украинской делегации австрийские представители. Свидетельствует Гофман: «Молодые представители киевской центральной рады были глубоко несимпатичны графу Чернину» (главе австро-венгерской делегации). Австро-Венгрия боялась «ин-

фекции» сепаратизма и раскола в собственных рядах. Если бы она согласилась на присоединение Холмщины к Украине, то рискнула бы навлечь смертельную ненависть со стороны австрийских поляков, а если бы согласилась на определенную степень автономии украинских земель в составе Австро-Венгрии, то тем самым поставила бы вопрос о праве прочих народов на самоопределение в своем многонациональном государстве.

Позже Троцкий вспоминал, что пребывание в Бресте было для него равнозначно «визиту в камеру пыток».⁵⁵⁹ Накануне пересечения границы он говорил провожающим, что «не для того мы свержали свою буржуазию, чтобы склонить голову перед иностранными империалистами и их правительствами». Но он знал, что у правительства большевиков нет средств отразить германское наступление. Первым требованием прибывшего в Брест Троцкого было перенесение переговоров в Стокгольм — в столице нейтральной Швеции наличие у России западных союзников ощущалось бы больше, а возможности революционной пропаганды в обоих воюющих лагерях увеличивались.

Немецкая сторона недооценила Троцкого. В течение нескольких недель шел словесный бой между ним и Кюльманом, и немецкий чиновник, вначале не видевший угрозы в русском эксцентрике, вынужден был все чаще оставлять поле словесной битвы. «Выглядевший внешне, как Мефистофель, равно блестящий как полемист, оратор, историк, дипломат, революционный тактик и военачальник, Троцкий был для большевиков находкой. Уступая только Ленину в способности обращать неблагоприятные обстоятельства в преимущества, он был первым в обращении сердец»⁵⁶⁰, — пишет американский историк. А другой специалист более краток: «Дьявольски интеллигентный. Дьявольски презрительный, он был одновременно и архангелом Михаилом, и Люцифером революции».⁵⁶¹ Наряду с речами, предназначенными явно не для германских официальных лиц.

Троцкий выпускал по радио обращения «всем, всем, всем», и, поскольку мир следил за брестской эпопеей, идеи русской революции распространялись самым эффективным образом.

Гофман вспоминает, как «по приказу Троцкого его зять Каменев произнес речь, от которой у всех сидевших за столом офицеров кровь ударила в голову. Русские могли бы выступать с такой речью лишь в том случае, если бы германская армия была разбита, а русские войска победоносно вступили на германскую территорию».⁵⁶² Русская делегация потребовала подтверждения «деклараций об отделении». Кюльман отверг всякую идею о проведении на отторгаемых территориях референдумов. Обе стороны — германская и русская — пытались использовать в собственных целях принцип права наций на самоопределение. Германская сторона старалась, используя этот принцип, отторгнуть от России Прибалтику и Украину. Русская сторона была уверена, что, следуя этому принципу (не по видимости, а в реальности), Германия не получит шансов даже в Прибалтике. Различное трактование одного и того же принципа привело к тупику в переговорах. Кюльман, в поисках выхода из тупика, предложил провести выборы в Прибалтике (в условиях, разумеется, германской оккупации). Троцкий парировал это предложение указанием, что насилие препятствует свободному волеизъявлению.

Кульминацией германской политики раскола России было подписание в Брест-Литовске сепаратного мирного договора между Германией и Украиной. Начальник политического департамента германского генерального штаба генерал Бертерверфер полагал, что потеря Украины будет решающим ударом по России: она будет отделена от Черного моря и Проливов, отделена от балканских народов, лишена лучшей климатической зоны.⁵⁶³ Вожди рейха ликовали: Польша замыкалась Украиной в германской зоне влияния — мост между германизированными Прибалтикой и Украиной

делает ее стратегически неуязвимой. По вопросу об Украине Троцкий заявил, что делегаты Центральной Рады не уполномочены вести самостоятельные переговоры от имени Украины, так как еще не установлена граница между Советской Россией и Украиной.

Большевики игнорировали «самостийников», и их позиция, по сведениям немцев, все более соответствовала складывающейся на Украине действительности. Центральная Рада и временное украинское правительство бежали, а большевики возобладали на Украине. В Брест-Литовске появились новые украинцы (Медведев и Шахрай), уполномоченные вести мирные переговоры не от имени Центральной Рады, а от лица образованного в Харькове большевистского правительства Украины. Троцкий заявил представителю Рады Любинскому, что власть Центральной Рады распространяется лишь на его комнату в Брест-Литовске.

Время шло, красноречие Троцкого было признано всем миром, а формальное определение отношений России и Германии откладывалось в будущее. Генерал Гофман заявил, что германская сторона не намерена вступать в длительные дискуссии. Некоторые истины для нее уже самоочевидны. Так вопрос об окраинных областях России германская сторона считает решенным — представители этих областей высказываются за отделение от Советской России, и немцы склонны поддержать их намерения. Троцкий немедленно заговорил об аннексиях, и никто не смог оспорить убедительности его слов. Мир слушал и видел, какой видится Берлину справедливость. Начавшаяся как беспроигрышная для немцев, дипломатическая партия стала оборачиваться их пропагандистским поражением. Возмущенные тем, что дипломаты готовы заболтать их победу, генералы из командования германских войск потребовали, чтобы «результаты мирных переговоров соответствовали жертвам и достижениям германской нации и ее армии, чтобы результаты переговоров увеличивали нашу материальную силу».⁵⁶⁴

Генерал Гофман произвел на свет 18 января 1918 то, что стало известно в истории как «козырная карта удара кулаком». Он расстелил перед русской делегацией карту с обозначенной на ней линией, за которую большевистское правительство должно было отвести свои войска, если оно не желало возобновления боевых действий с Германией. Троцкий спросил, какими принципами руководствовался Гофман при составлении этой карты. Гофман решил, что с него хватит демагогии. «Обозначенная линия проведена в соответствии с военными соображениями».⁵⁶⁵ Троцкий подытожил: «Позиция противостоящей стороны прояснилась, и ее можно суммировать следующим образом. Германия и Австро-Венгрия отрывают от территории России область величиной в 150 000 квадратных километров». Людендорф приказал добиться максимально быстрого результата. Кайзер Вильгельм, прочитав очередное воззвание Троцкого, содержавшее призыв к солдатам убивать своих офицеров, если те ведут их на бойню, потребовал предъявления русской делегации ультиматума. Немцы прекратили дебаты и потребовали дать ответ в течение трех дней. Троцкий запросил отсрочки в 10 дней для отъезда делегации в Петроград с целью консультации с Лениным и совнаркомом. Даже самоуверенные немцы понимали, что их условия могут заставить даже слабое большевистское правительство возобновить военные действия.

Запад и сепаратный мир

Накануне переговоров в Брест-Литовске премьер-министр Ллойд Джордж заявил в палате общин: «Лишь сама Россия будет нести ответственность в отношении условий, выдвинутых немцами в отношении ее территорий».⁵⁶⁶ Британский министр иностранных дел Бальфур предложил союзным послам довести до сведения русских, что, согласно решениям Парижской конференции, союз-

ные правительства готовы на межгосударственном уровне рассмотреть вопросы о целях войны, о возможных условиях справедливого и прочного мира. Однако Россия будет приглашена на совет союзников только после появления устойчивого правительства, признанного своим народом. Бьюкенен выступил перед журналистами с общей оценкой союзнического отношения к России: «Мы питаем симпатию к русскому народу, истощенному тяжкими жертвами войны и общей дезорганизацией, являющейся неизбежным следствием всякого великого политического подъема, каким представляется ваша революция. Мы не питаем к нему никакой вражды; равным образом, нет ни слова правды в слухах, будто мы намерены прибегнуть к мерам принуждения и наказания в случае, если Россия заключит сепаратный мир. Но Совет народных комиссаров, открывая переговоры с неприятелем, не посоветовался предварительно с союзниками и нарушил соглашения от 23 августа — 5 сентября 1914 года, о чем мы имеем право сожалеть».⁵⁶⁷

Союзные правительства выложили перед большевистским правительством свой последний козырь: до сих пор ни один германский государственный деятель не сказал ни единого слова о том, что идеалы русской демократии хотя бы в какой-то мере признаются германским императором и его правительством. Могут ли представители нового русского правительства представить себе, что император Вильгельм, узнав об исчезновении русской армии как боевой силы, согласится подписать демократический и прочный мир, желаемый русским народом? В это невозможно поверить. Мир, к которому стремится кайзер, есть германский империалистический мир. Союзники готовы оказать России военную помощь. Резонно ли ожидать более обещающих предложений?

Запад знал, что условия немцев будут суровыми, и надеялся на спонтанное противодействие жертвы. Со своей стороны, большевики попытались задействовать те небольшие резервы, которыми они владели. Троц-

кий вступил в контакт с англичанином Брюсом Локартом и американцем Робинсом, желая знать, какую помощь могут предоставить Британия и Америка в случае, если немцы выдвинут неприемлемые условия и ринутся к Петрограду и Москве.

Бьюкенен, как и (ставший генералом) Нокс, полагали, что положение России с военной точки зрения безнадежно. Правильный путь для Лондона состоит в том, чтобы вернуть России ее слово и сказать ее народу о понимании степени его истощения и дезорганизации. Бьюкенен и Нокс посоветовали своему правительству предоставить России право самой сделать выбор — либо подписать мир, предложенный Германией, либо продолжить борьбу вместе с союзниками, решившими сражаться до конца. «Моим единственным стремлением и целью всегда было удержать Россию в войне, — писал Бьюкенен, — но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле. Побудить Россию сделать еще одно усилие может лишь сознание того, что она совершенно свободна действовать по собственному желанию, без всякого давления со стороны союзников».⁵⁶⁸

В настоящий момент требовать от России выполнения ею своего союзнического долга означает играть на руку Германии. Каждый день удержания России в войне, вопреки ее собственной воле, будет только ожесточать ее народ. Если же освободить Россию от обязательств, то ее национальное чувство — в свете неизбежно жестоких условий мира — обратится против Германии. Поспешность может ослабить позиции Британии и Запада. В конечном счете самое худшее, что может случиться — это русско-германский союз после войны; вот он-то, определенно, будет направлен, прежде всего, против Великобритании. В Лондоне страшились уже не насущной угрозы, а того тектонического геополитического смещения, который мог вызвать союз двух крупнейших государств Евразии. Вопреки признанному

хладнокровию бриттов, фатализму французов и нерас-
траченной энергии американцев, западная ветвь Ан-
танты буквально агонизировала. Лондон и Париж, с
одной стороны, отказывались искать общий язык с
красным Петроградом, а с другой — смертельно боя-
лись оставлять формирование внешней политики но-
вой России на самотек.

Второе сдерживало первое. Играла свою роль и
критическая значимость момента. На этой стадии ми-
ровой войны Британия и Франция не могли слишком
много внимания уделять определению возможностей
сокрушения большевистского режима. Немецкие диви-
зии держали под прицелом Париж. Запад стоял на краю
гибели — вопрос спасения был абсолютно приорите-
тным. Задача восстановления той или иной формы го-
сударственности в России отступила на второй план.
Нужно было использовать наличное. Лучшее, что мог
сделать старый Запад в собственных же интересах —
это поддержать Россию в боеспособном положении,
чтобы отвлечь возможный максимум германских сил.
Лорд Бальфур прямо сказал кабинету министров: «Наши
интересы диктуют предотвратить, настолько это воз-
можно, уход России в германский лагерь».⁵⁶⁹ Были и
более горькие суждения. 19 декабря 1917 г. генерал Пул
писал в Лондон: «Если бы я был художником, я бы
послал вам картину будущего — германский посол си-
дит за столом с Лениным по правую руку и Троцким по
левую, вкушая все плоды России. На заднем плане
клерк из нашего посольства собирает косточки».⁵⁷⁰

В Париже галльская экспансивность брала верх над
соображениями осторожности. Следует действовать, а
не ждать покорно судьбы, диктуемой Людендорфом.
21 декабря французы предложили англичанам разде-
лить сферы влияния в Южной России. Франция будет
ответственна за Румынию и Украину, а Британия — за
более близкий к британской Персии Кавказ и Дон. Но
только среди французов стали выходить вперед горячие

головы. Специально посланный в Россию британский майор Бантинг писал в Лондон 29 декабря 1917 г.: «Необходимо создать здесь, ценой любых усилий, совершенно новую и мощную организацию, чтобы не терять связей с Россией в условиях, когда в руках немцев находится большинство козырных карт. Создание новой организации потребует не менее шести месяцев. Большие возможности обещает сибирская торговля. Сибирь удалена от Германии, и возможности развернуться здесь огромны».⁵⁷¹ Уже на подходе к Брест-Литовску мы слышим новый язык, видим новый подход, базирующийся на том, что промедление в России смерти подобно, что нужно опередить здесь немцев.

В эти переломные недели американцы действовали с основательностью и энергией людей, переделывающих мир. Как и в ряде прочих межсоюзнических вопросов Вильсон здесь пошел своим путем. Создается впечатление, что американцы ощутили свой шанс в России. Они полагались на свою энергию и действовали с предприимчивостью неофитов. Отчасти они были удовлетворены растерянностью старых столиц Европы (как уже говорилось, из опубликованных тайных договоров они узнали, что в мире победившей Антанты не было места новой мощной Америке). Если планировавшийся Антантой мир рухнул, то и слава богу. В отличие от ставших «неконтактными» англичан и французов, посол Френсис поручил своим людям установить связи с Троцким. Его поддерживал генеральный консул в Москве М. Саммерс, уверенный в необходимости американского присутствия на флюидной русской сцене. Следует «оказать моральную поддержку лучшим элементам России, которые в конечном счете неизбежно одержат верх; американские организации в России должны быть укреплены».⁵⁷² Такие американские представители в России, как генерал У. Джадсон, полагали, что европейский Запад потерял моральные и материальные рычаги воздействия на Россию и только президент

Вильсон еще обладает моральным авторитетом, необходимым для воздействия на массы русского народа.

Этот «вызов» президент Вильсон принимал. Он отвечал его историческому видению, да и эмоциональным потребностям. История, столкнув между собой две европейские группировки, давала ему положение арбитра и лидера, а он старался соответствовать исторической задаче. И если Ллойд Джордж и Клемансо замкнулись в глухих проклятиях советскому режиму, то Вудро Вильсон старался смотреть на происходящее в стане русского союзника с более широких позиций. Он утверждал, что «ни в коей мере не потерял веры в результат происходящих в России процессов».⁵⁷³ Президент находился на пути создания полномасштабной идейной программы Америки в текущем мировом кризисе — знаменитых «14 пунктов».

Минимизация потерь

Теперь немцы имели возможность перевести до 100 своих дивизий с Восточного фронта на Запад, что вызвало паническое состояние в западных столицах. Перед Западом стояли задачи, требовавшие немедленного решения: блокирование последствия выхода из войны Румынии. Напомним, что Румыния долго торговалась, прежде чем вступила в войну на стороне Антанты. Теперь, в условиях выхода России из войны, она оставалась на востоке тет-а-тет с австро-немцами. Это не обещало ей ничего хорошего. Британскому военному кабинету было доложено, что в ноябре (в отличие от марта 1917 г.) далеко не все русские части покорно подчинились новой власти в Петрограде. На Юге России генерал А.Каледин начал формировать воинские части, противостоящие большевистскому режиму. В Лондоне задавали вопросы о том, кто такой Каледин, каковы масштабы его движения, имеет ли оно будущее? Британский кабинет достаточно отчет-

диво осознавал щекотливость вопроса, Прямая помощь инсургентам грозила немедленно оборвать официальные связи, необратимо подтолкнуть большевиков в объятия немцев. Дело грозило решительным отчуждением России от Запада.⁵⁷⁴

Но если прямое вмешательство Британии опасно, то не может ли функцию организатора противодействия русским пацифистам взять на себя третья сторона? Пусть румыны, нуждающиеся в помощи (они оказались одни перед лицом австро-германской угрозы), найдут общий язык с Калединым. Если же румынская армия отступит в пределы России, то и в этом случае предварительная договоренность с Калединым облегчит ее участь. Представитель Британии в Бухаресте сообщал, что румынам скорее всего понадобится «с боями пробиваться в Россию для объединения своих сил с казаками; им придется, возможно, в конечном счете влиться в британские войска, расположенные в Месопотамии».⁵⁷⁵

Ллойд Джордж и Бальфур не хотели принимать роковых решений до тех пор, пока Запад в целом не определит более отчетливо свою позицию в отношении России. Первый случай для выработки общего подхода представился в конце ноября 1917 г. на союзнической конференции в Париже с участием в ней (впервые), наряду с европейским Западом, американцев. Парижская конференция должна была, во-первых, определить, какой будет новая западная стратегия в отношении России, и, во-вторых, способны ли американцы одним махом оседлать мировую дипломатию. В Лондоне и Париже были готовы положить на чашу весов почти все для того, чтобы, спасаясь от германской гегемонии, не попасть в структуру, возглавляемую американцами. На конференции министр иностранных дел Бальфур задал французским, американским и итальянским коллегам принципиальный вопрос: может ли Запад позволить себе милость в отношении России — освободить ее от обязательства не заключать сепаратный мир? В концепции Бьюкенена-Бальфура до-

минировал следующий резон: сохранение дипломатических связей с Россией должно укрепить ее решимость сопротивляться в случае крайних германских требований. Возникла надежда, что сразу же увянет тезис большевистской пропаганды о желании Запада обескровить Россию, уже надорвавшую свои силы. Рано или поздно России придется уйти из зажигательного мира лозунгов в суровый мир реальности, где ей противостоят дивизии кайзера.

Французская делегация выразила симпатию только в отношении последнего тезиса. Клемансо и его окружению совершенно не нравилась идея Бьюкенена о фактическом разрешении России подписать сепаратный мир с немцами; они категорически отрицали возможность освобождения России от обязательства воевать до победного конца. «Тигра» встал на дыбы. «Если все небесные силы и господин Маклаков (посол Временного правительства во Франции. — А. У.) попросят возвратить России ее обещание, я буду против».⁵⁷⁶ По словам французского министра иностранных дел Пишона, если позволить России заключить сепаратный мир, Россия просто станет протекторатом Германии. Разрешение на сепаратный мир означало легитимацию Советской России и поддержку силам социального подъема в западных странах. Большевики получили бы на Западе искомую респектабельность, а заняв нужные им позиции в западных обществах, они начнут рвать социальную ткань западной цивилизации.

Итальянский министр Соннино был еще более категоричен. Если России будет дана возможность заключения сепаратного мира, «каким будет эффект этого на Румынию, на сербов и на Италию?». Англия легко раздавать разрешения — «она не имеет врагов внутри страны, но другое дело Италия, и, возможно, завтра это будет суровой проблемой для Франции. Как только мы предоставим России право сепаратного мира, определенные партии в других странах будут стараться полу-

чить такое же право». ⁵⁷⁷ Главенствующая идея французов и итальянцев — подождать, пока в России появится более стабильное, более понимающее нужды Запада правительство. С данным договориться практически невозможно. Англичане сочли благоразумным не раскачивать лодку западного единства.

Америка видит новые возможности

Вильсон дал Хаузу задачу модернизировать политику Запада. Американские представители должны отстоять от дрязг старой дипломатии, подняться выше узкого кругозора Лондона, Парижа и Рима. Дискуссии в Париже депрессивно действовали на посланца президента. Велика ли мудрость маневрирования в болоте русской политики, если она сводится к тому, чтобы ждать нового, более стабильного русского правительства. Сколько ждать? Что делать в процессе ожидания? А если новое русское правительство будет лояльно проантантовское — какой прок от этого Америке? В отличие от своих союзников, американцы опасались пока занимать однозначную жесткую в отношении большевиков позицию. В Вашингтоне боялись, что Париж и Лондон своим категорическим неприятием нового правительства в Петрограде лишат большевиков выбора, кроме компромисса с немцами. Хауз указал Вильсону на опасность «бросить Россию в лапы Германии». Существовало еще одно обстоятельство: американцы на последнем этапе существования правительства Керенского были к нему ближе других. 18 ноября президенту передали мнение Керенского: Германия не примет предложения Советского правительства, поскольку Берлину выгоднее просто распространить свой контроль над западной частью России посредством военного наступления, а не в результате подписания мирного договора.

Дж. Кеннан охарактеризовал отношение В. Вильсона к России следующим образом: «Вильсон никогда не пи-

тал никакого интереса к России, у него не было знания русских дел. Он никогда не был в России. Нет никаких сведений о том, что темная и полная насилия история этой страны когда-либо занимала его внимание. Но как и многие другие американцы, он чувствовал отвращение и антипатию в отношении царской автократии — насколько он ее знал, и симпатию к революционному движению в России. Как раз по этой причине быстрое перерождение русской революции в новую форму авторитаризма, воодушевляемого яростной изначальной враждебностью к западному либерализму, было явлением, к которому он был слабо подготовлен интеллектуально, как и многие его соотечественники».⁵⁷⁸

Могла ли Вильсону понравиться западная концепция, заключавшаяся в отказе Советскому правительству в законности и в ожидании прихода в Петрограде к власти более ответственного правительства? А если жесткость Запада сразу бросит большевиков в объятия немцев? Как не понять уязвимости примитивного отрицания новых русских идей? Слепой негативизм в данном случае мог привести только к провалу. Нельзя было с порога порицать все то, что открылось миру с практикой открытой дипломатии. Западу следовало видеть главное: Ленин предложил мир народам, а он, Запад, в ответ просто ждет того, кто сместит Ленина. Хорошая битва умов. Пожалуй, никогда Вильсон не был столь низкого мнения о европейских министрах. Президент на следующий день после начала переговоров в Брест-Литовске признал (в послании «О положении страны»), что цели войны неясны. С одной стороны, это было дезавуирование прежних антантовских договоренностей. С другой — это была попытка нейтрализовать эффект первых действий советской дипломатии.

В особом курсе Вильсона был свой резон. В конце 1917 г. американцы увидели возможность потеснить Лондон и Париж в мировой политике. Они шли своим курсом в коалиционной стратегии, они заняли особую пози-

цию в русском вопросе. Когда большевики публиковали тайные договоры царской России с Лондоном и Парижем, в Вашингтоне стало ясно, что в желаемом их западными союзниками мире будущего особого места Америке не предназначалось. Можно было любить или ненавидеть большевиков, но их выход на международную арену давал новый старт мировой политике, и, согласное начать тур мировой дипломатии заново, вильсоновское руководство надеялось укрепить свои позиции в Европе.

Первые же мысли Бьюкенена после Октябрьской революции были направлены не на предотвращение русско-германского сепаратного сговора (опасность которого лежала на поверхности); а на непредсказуемые последствия сближения двух полюсов антигерманской коалиции — России и Америки. Бьюкенен пишет в Лондон не о взглядах новых властителей России, не о том, на какие деньги ведется их пропаганда, а совсем на другую тему — об особенностях американского курса в отношении России. Бьюкенен напоминает Ллойд Джорджу, что американский посол Френсис категорически отказывается от выработки общей политики Запада в отношении правительства Керенского. Не вызывало сомнения, что он ждал случая, когда из всего Запада Россия выберет партнером не империалистов Лондона и Парижа, а носителей новых идей из заокеанской республики. 18 ноября 1917 г. Бьюкенен пишет Бальфуру, что «американцы играют в собственную игру и стремятся сделать Россию американской резервацией, из которой англичане должны быть удалены, и как можно подальше». ⁵⁷⁹

Несмотря на предсказываемую временность большевистской власти, посол Временного правительства Б. Бахметьев настаивал на том, чтобы союзные правительства ответили на инициативу Петрограда. «Америка должна взять инициативу в свои руки, именно от нее зависит судьба войны... Главное, — писал он, — это чтобы союзники лишили большевиков возможности именно на Запад возложить ответственность за незаключение в теку-

ший момент демократического мира». Вильсон в беседе с английским послом отметил 3 января 1918 г., что «Декрет о мире» в Италии несомненно, а в Англии и во Франции вероятно оказывает свое воздействие. В Соединенных Штатах ведется активная агитация. Пока еще рано делать окончательные выводы об ее эффективности, но очевидно, что, если ничего не делать для ее нейтрализации, влияние ее будет постоянно возрастать».⁵⁸⁰

Вильсон вынужден был преодолевать сопротивление тех из своего окружения, кто опасался идти отличным от Лондона и Парижа курсом. Влиятельные голоса из госдепартамента высказались против ярко выраженного сепаратного курса. Президент В. Вильсон на этом этапе рассуждал о долгосрочной исторической перспективе: «Россия, подобно Франции в прошлом, без сомнения, пройдет период испытаний, но ее великий народ займет достойное место в мире».⁵⁸¹ Вильсон некоторое время характеризовал большевизм как «крайнюю форму демократического антиимпериалистического идеализма». Вильсон, в отличие от Ллойда Джорджа и Клемансо, вовсе не потерял надежды воздействовать на необычные политические силы, захватившие власть в Петрограде. Основным аргументом, при помощи которого Вильсон хотел воздействовать на большевистско-левоэсеровское правительство — было указание на фактор смертельной военной угрозы для новой демократической России со стороны Центральных держав.

В возникающем идейном споре России и Запада президент Вильсон взял на себя роль своего рода посредника. С одной стороны, Вашингтон не последовал за планами участия в русском расколе. С другой стороны, американское правительство стало убеждать Петроград, что тот, отказываясь понять позицию Запада, действует во вред себе. В пику утверждениям советского правительства о том, что между двумя лагерями, ведущими мировую войну, нет особой разницы, Вильсон выдвинул тезис, что нет разницы между мирными предложениями прави-

тельств Ленина и предложениями кайзеровской Германии. Оба они примерно фиксируют статус-кво, а это в условиях борьбы немцев на чужих территориях объективно санкционирует аннексии.

На этом пути «двойного подхода» президент Вильсон сделал важный поворот. Он, по существу, отмежевался от прежней антантовской дипломатии, он выразил несогласие с тайными договорами, опубликованными большевиками. Цели Америки в этой войне гораздо больше соответствует стандартам справедливости. Главная ее цель — не территориальные изменения, не сокрушение соперника, не укрепление союзников, не обретение мировых контрольных позиций, а гарантирование условий для реализации в мире демократической формы правления. Именно это американское отличие от союзников, именно эту американскую приверженность идеалам демократии президент Вильсон хотел донести до бушующего моря русской революции.

Итак, в русской политике Америки наметились две линии. В самой России американские дипломаты руководили пропагандистской кампанией в пользу дружбы в Америкой, которая поможет России, а в Вашингтоне уже обсуждали возможность (12 декабря 1917 г.) содействия сепаратистам в борьбе против центра, если этот центр все же откажется быть партнером. В качестве альтернативы центру Вашингтон на этом этапе видел (как и англо-французы) лишь активного на Дону генерала-Каледина. Но у американцев, в отличие от англо-французов, в это время не было тесных контактов с небольшевистскими силами в России, не было ни связей, ни опыта, ни системы коммуникаций.

Берлин на перепутье

В свете крушения России Людендорф сделал вывод, что стратегическое положение Германии «ныне

лучше, чем когда-либо». Никогда за период войны он не был столь оптимистичен: у Германии в возникающей ситуации не было даже нужды в помощи Австро-Венгрии. Фельдмаршал Гинденбург, предвкушая полнокровные наступательные операции, заявил в январе 1918 г., что целью Германии является «разбить западные державы и таким образом обеспечить себе политические и экономические позиции в мире, в которых мы нуждаемся».⁵⁸² Надежды вождей Германии обратились к грядущему наступлению: «Наступление является наиболее эффективной формой ведения войны. Лишь оно может принести решающие результаты. Военная история доказывает это на каждой странице... Отсрочка на руку лишь врагу, поскольку они ожидают подкреплений».⁵⁸³

1918 г. диктовал Германии выбор между двумя видами стратегии. *Первый* требовал перенести тяжесть имперской мощи на Восток, ассимилировать полученные от России приращения и ее саму, а на Западе занять оборонительную позицию. В духе этой стратегии в Петроград 29 декабря 1917 г. прибыли германские экономическая и военно-морская миссии во главе с графом Мирбахом и контр-адмиралом Кейзерлингом. В апреле Мирбах прибыл в Москву уже в качестве полномочного посла Германии. Согласно *второй* стратегии, активность на Востоке следовало приостановить и бросить все силы на сокрушение французского бастиона Запада, не преодолев который Германия не могла претендовать на мировую роль. Берлин вооружился *второй* стратегией.

В октябре 1917 г. генерал-полковник Ветзель, начальник оперативного отдела генерального штаба, представил доклад, который послужил основой принятого на совещании высшего военного руководства в Монсе 11 ноября 1917 г. решения — начать весной следующего года наступление во Франции. 7 января 1918 г. канцлер Гертлинг писал Гинденбургу: «Если с Божьей благодетельной помощью предполагаемое новое наступление под Его Превосходительства испытанным руководством

и с героизмом и решимостью наших солдат приведет к решительному успеху, на который мы надеемся, мы окажемся в положении, позволяющем нам выставить западным странам такие условия мира, которые необходимы для нашей безопасности, обеспечения наших экономических интересов и укрепления наших международных позиций после войны». ⁵⁸⁴

Кайзер Вильгельм начертал 7 января: «Победа немцев над Россией была предпосылкой революции, которая сама по себе явилась предпосылкой появления Ленина, который явил собой предпосылку Бреста! То же самое случится и с Западом! Вначале победа на Западе и коллапс Антанты, затем мы выставим условия, которые они будут вынуждены принять! И эти условия будут сформулированы в соответствии с нашими интересами». Кайзер желал изъятия у Британии Гибралтара, Мальты и Египта. Поражения Запада в узловых центрах — во Франции и в Египте — заставят его рухнуть. Позже Гинденбург признается, что у него были сомнения, но о них мир узнал лишь спустя годы. ⁵⁸⁵

Ведущий германский военный историк Г. Дельбрюк в конце 1917 г. пришел к выводу, что сильнейшей объединительной «скобой» союза России и Запада являлось убеждение, что с Германией невозможно договориться, что она никогда не ограничится небольшими результатами. «Мы должны посмотреть правде в глаза, мы имеем перед собой союз всего мира против нас — и мы не должны скрывать от себя, что для ослабления этой мировой коалиции мы должны подорвать тот их объединительный мотив, который покоится на утверждении, что Германия стремится к мировой гегемонии». ⁵⁸⁶

Геополитическое отчуждение России

К концу 1917 г. союз России с Западом был уже практически невозможен не только в свете социальной

революции в России. Запад, Россия, равно как и Центральные державы претерпели внутреннюю поляризацию, делавшую международные союзы зависимыми от нового расклада сил в воюющих странах. Чиновник американского государственного департамента Филипп выделил три лагеря в воюющих странах: «*Империалистические круги*, стоящие за продолжение противоборства между государствами, выступают за возвеличение собственной страны безотносительно к благосостоянию других государств. Они враждебны всем попыткам создать такую международную организацию, как Лига Наций. Фон Тирпиц, Гертлинг, Радиславов, Соннино и Тераучи являются типичными империалистами.

Либералы-националисты настаивают на том, что каждая нация имеет право считаться конечной величиной. Они поэтому надеются установить наднациональную власть над народами. Президент Вильсон, полковник Хауз, Артур Гендерсон, Альбер Тома и Шейдеман являются ведущими либералами мира.

Социальные революционеры являются открытыми интернационалистами. Они не беспокоятся об этой войне — их внимание обращено на классовую войну, которая за ней следует. Их видение будущего содержит мир, в котором национальные линии стираются и где правит международный пролетариат. Типичными социальными революционерами являются Ленин, Троцкий, группа Аванти в Италии, группа Спартак в Германии, Индустриальные рабочие мира в Соединенных Штатах».⁵⁸⁷

Важно отметить, что Запад еще держался за единство России. Нигде: ни в декларациях Вильсона, ни в заявлениях Ллойда Джорджа и Клемансо — не было слов о признании независимости Финляндии, балтийских государств, Украины, закавказских новообразований. Запад долго придерживался принципа, что все эти вопросы являются внутренним делом России. И если кайзеровская Германия не скрывала планов расчленения России, то Запад оставался защитником ее единства. Никогда и ни-

где Запад не требовал от Временного правительства и от большевиков в первый год их правления обещания независимости одной из частей России.

В декабре 1917 г. ведущие дипломаты Временного правительства — Б. Бахметьев (посол в Вашингтоне), В. Маклаков (посол в Париже) и старые царские дипломаты — созвали т. н. Конференцию послов, задачей которых стала защита русских интересов на Западе. В январе 1918 г. Б. Бахметьев заверил госсекретаря Лансинга в «единстве взглядов различных русских фракций — от умеренных консерваторов до национальных социалистов — в отношении международного положения России. «Был создан «священный союз», имеющий прямые связи «со всеми центрами Национального движения в России».⁵⁸⁸ Создатели союза России с Западом — бывшие министры иностранных дел А. И. Извольский, С. Д. Сазонов и М. В. Гирс — верили, что со скорым падением большевиков Россия снова встанет на путь союза с Западом. Б. И. Бахметьеву удалось привести в Париж первого премьера Временного правительства князя Г. Е. Львова. Князь Львов стал председателем русской Конференции, а влиятельный среди кадетов Маклаков преуспел в приглашении в Париж Н. А. Чайковского из «северо-западного» правительства России (представлявшего лояльных Западу социал-демократов). Конференция приобрела определенную представительность, в ней мирно, руководимые патриотизмом, заседали представители старой — царской России и новой — послефевральской. Бахметьев и его коллеги приложили немало усилий, чтобы убедить Запад в презентабельности парижского собрания.

Послы Временного правительства на конференции в Париже заявили, что являются единственными легальными представителями России за границей. Возможно, их попытка увенчалась бы определенным успехом, но борющиеся против большевиков на северо-западе, на юге и на востоке силы были слишком разобщены, и это лишило

парижское совещание необходимого авторитета; никто не мог хотя бы приблизительно указать, какие силы внутри России они представляют.

Оставалось два больших вопроса: хватит ли этим политическим объединениям сил там, в России, на полях сражений свергнуть большевиков (1) и какая политическая сила окончательно воцарится в России после окончания социального эксперимента (2). Русские вожди могли утверждать, что интересы России в любом случае будут защищаться со всем тщанием, но для Запада это звучало уже неубедительно.

Альтернатива большевизму

Западноевропейцы видели шаткость своих позиций — ожидать пришествия в Петроград очередной правительственной смены уже не казалось верхом мудрости. Время и обстоятельства диктовали необходимость выбора во внутрирусской борьбе, и, пожалуй, первыми этот выбор сделали англичане. Если Запад не может скоординировать единую политическую линию, если Ленин готов подписать самый жестокий мир с немцами, если в Петрограде идет консолидация новой власти — тогда пассивное ожидание теряет смысл, следует подумать об альтернативе. По возвращении из Парижа Бальфур пришел к нелегкому выводу, что пассивное ожидание на руку лишь немцам. Западу; в свете бескомпромиссности позиции большевиков, следует заняться помощью их противникам. Прежде всего, следует оказать через румын помощь Каледину. «Это не будет являться прямым вмешательством во внутренние русские дела (как это было бы в случае прямого обращения к генералу Калёдину со стороны западных союзников), в то же время это позволит определить подлинную силу генерала Каледина и его намерения».⁵⁸⁹

Из некоторых лондонских кабинетов Каледин ви-

делся едва ли не русским Наполеоном, возвращающим Западу его восточного союзника. Глава британской разведки заявил, что помощь в 10 млн. фунтов стерлингов способна создать вокруг Каледина армию в 2 миллиона человек. Шеф британской разведки предлагал: «Каледин должен быть поддержан как глава самой большой, оставшейся лояльной по отношению к союзникам организации в России. Либо он, либо румынский король должны обратиться к Соединенным Штатам с просьбой о посылке двух дивизий в Россию, номинально для помощи в борьбе против немцев, а на самом деле для создания сборного пункта лояльных прежнему правительству элементов. Решительный человек даже с относительно небольшой армией может сделать очень многое».⁵⁹⁰ Еще в конце ноября 1917 г. в выступлениях членов военного кабинета присутствовала надежда, что угроза немецкого кованого сапога возродит русский патриотизм. Но уже 3 декабря 1917 г. военный кабинет принимает решение «поддержать любую разумную организацию в России, которая активно противостоит движению максималистов». Лондон ставит задачу создания блока сил, ориентированного на Запад и способного предотвратить подписание Россией сепаратного мира.

Вовсе не таким было представление о нем у западных дипломатов в Петрограде и Москве, находившихся ближе к исторической сцене. Бьюкенен встретился со сподвижниками Каледина и определил их как авантюристов. Посол говорил, что ставка на brave генерала (но наивного политика) грозит превратить Россию в германскую колонию. В конечном счете послу Бьюкенену было поручено связаться с Калединым непосредственно. «Если ситуация даст какие-нибудь надежды, последует помощь союзников. Ваша миссия должна держаться в строжайшем секрете, и вы не должны давать обязывающих обещаний до предоставления доклада».⁵⁹¹ Англичане, как бы вытесненные из русской столицы, показали себя на этом этапе все же достаточно осведомленными и осмотрительными

в том, что касалось такого взрывоопасного явления, как русский сепаратизм. Британская дипломатия и разведка на довольно ранней стадии предупредили правительство об опасности открытой поддержки сепаратистских тенденций. И если уж искать в России альтернативу, то не в лице Каледина; он — не та сила, на которую должна ставить Британия. Легковесности не должно было быть места. В конце концов, Британия потратит три года, чтобы заместить в России Германию, и ей было нелегко расставаться с идеей прочного русско-британского союза. Россия изменилась, но ее геополитические интересы, в любом случае, диктуют ей поиски противовеса Германии. При этом Ллойд Джордж всегда приветствовал нестандартный подход к сложной проблеме. Да, большевики фактически сломали старую русскую армию. Да, они не готовят ни наступательных, ни оборонительных мероприятий в отношении немцев. При желании их можно называть предателями. Но вот жесткий факт: большевики вовсе не призывают германские войска. Их, при всем желании, трудно определить как германских агентов; так как они, по меньшей мере, не находят с немцами общего языка в Брест-Литовске. Более того, они начали жесточайшую пропагандистскую войну против прусского милитаризма — а это именно то, что нужно. Большевики сломали фронт, противостоящий германской армии, но они стараются взять эту армию идейным измором.

До сих пор на всех трех стадиях — царизм, временное правительство, советская власть — англичане поддерживали единство России; иной подход даже не возникал. И только в декабре 1917 г. Лондон как бы прощается с вековым конкурентом — союзником, страной, с которой он воевал в Крыму, враждовал в Персии, на Дальнем Востоке и с которой он крушил Наполеона и Вильгельма Второго. Лондон впервые в течение веков начинает изучать перспективу развала великой страны и выражает желание участвовать в этом расколе. Активным проводником этой политики становится в конечном счете и

посол Бьюкенен. Россию начинают рвать на части. Запад обосновывает свою позицию требованиями мировой войны, социальной угрозой большевизма, геополитическими соображениями.

Стенограмма заседания военного кабинета 3 декабря 1917 г. говорит о необходимости содействия формированию т.н. «южного блока», включающего в себя Кавказ, казачьи земли и Украину, которые могли бы создать «стабильное» правительство. Здесь, базируясь на старой армии, можно было бы создать новое государственное образование, независимое от большевистских столиц. Более того, имея нефть, уголь и хлеб, этот блок, полагали англичане, мог бы впоследствии контролировать и всю остальную Россию. Посол Бьюкенен получил соответствующие указания «Вы должны обеспечить казаков и украинцев всеми необходимыми фондами; действуйте способами, которые посчитаете целесообразными».⁵⁹²

Ллойд Джордж не был бы гениальным политиком, если бы доверялся умозрительным схемам. Будущее не дано знать никому, а настоящее достаточно печально: британская армия не имеет резервов, воля Франции к борьбе на исходе. Италия зализывает раны после жестокого поражения у Капоретто. Сомнения хороши как условие работы духа, но пока ничто не позволяло предполагать, что большевизм уйдет с политической арены как эфир истории. А если не исключено, что большевизм в России надолго, то именно из этого факта и следовало исходить. Какова цена донесениям из Петрограда, говорящим, что Ленин и Троцкий — платные агенты Германии? Прimitивных оценок следовало избегать. Обстоятельства сегодняшнего дня не должны скрывать перспективы, в которой Россия всегда будет одним из самых значительных факторов. Ллойд Джордж достаточно твердо заявил окружению, что, прежде чем помогать различным врагам большевизма, необходимо оценить сам большевизм, его способности, вероятность эволюции и определить, стоит ли борьба возможных дивидендов.

Ллойд Джордж начинает сомневаться в правильности курса на демонтаж Австро-Венгрии. 5 января 1918 г. он публично декларирует, что развал Дунайской империи не является военной целью союзников. Он еще верил в возможность отсоединения Габсбургов от Гогенцоллернов. В этом взгляды британского премьера радикально отличались от воззрений американского президента.

Американцы

Японцы начали высадку войск во Владивостоке. Представляющий жесткую линию государственный секретарь Лансинг заметил довольно благодушно: «Экономическая ситуация (в России) дает им (японцам) определенные преимущества, но это обстоятельство не может не наложить на них некоторые политические и военные обязательства».⁵⁹³

Представителей другой, более дружественной России линии сразу же начали одолевать сомнения в отношении здравости предоставления японцам карт-бланша во Владивостоке. Они напоминали, что Америка вступила в войну с золотыми словами об отсутствии интереса к территориальным приращениям и репарациям. Если Америка пойдет на поводу у союзников, то те живо обозначат зоны своих преференций в России, сделают из нее новый Китай, а Соединенным Штатам, в очередной раз оттесненными, придется опять, как и в Китае, придумывать новую доктрину «открытых дверей». Из Вашингтона было достаточно хорошо видно, что не военная конъюнктура определяет действия японцев, не экстренное желание восстановить Восточный фронт, не желание поддержать Запад в критический час.

Президент Вильсон после первоначального молчания не поддержал Лансинга. Он в данном случае не посчитал разумным помогать японцам и западноевропейцам делить Россию на зоны влияния. Его не устра-

ивал сам подход: одно дело найти и поддержать русского генерала, который из патриотических побуждений поведет русских солдат в старые окопы, а другое — опереться на империалистическую державу, озабоченную созданием зоны влияния в максимальном объеме.

2 января 1918 г. Хауз записал в дневнике, что Соединенным Штатам следует искать сближения с большевиками и постараться «распространять нашу финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям».⁵⁹⁴ Посол Френсис телеграфировал в тот же день, что начинают выявляться каналы воздействия на большевиков, предотвращения подписания сепаратного мира с Германией. Дело в том, что глава организации американского «Красного креста» в России Р. Робинс сумел наладить связи с большевиками из высшего руководства, и, по его сведениям, комиссар внешних дел Троцкий склоняется к тому, чтобы прервать русско-германские мирные переговоры. Робинс, не колеблясь, заявил Троцкому, что в случае разрыва с немцами Россия не останется в одиночестве — посол Френсис будет немедленно рекомендовать своему правительству осуществить быструю и эффективную помощь России. Контакты Робинса увеличили веру американцев, что русская ситуация может быть контролируема.

Отвечая на брошенный Октябрьской революцией вызов, Вильсон в начале 1918 г. готовил заглавную речь своей мировой дипломатии — об условиях предстоящего мира. По словам одного из наиболее известных исследователей «вильсонизма» Ч. Сеймура, «главной причиной выдвижения мирной программы США являлось положение в России».⁵⁹⁵ Вильсон начал интеллектуальный бой за умы современников. Никогда прежде в американской истории — да и не только в американской — не планировалось пропагандистской операции такого масштаба. Даже обычно хладнокровный Вильсон был явно увлечен ее размахом. Всю первую неделю 1918 г. Вильсон обсуждает вопрос, что должно быть

сказано в его мирной программе в России. Ей и Брест-Литовскому миру он посвятил почти половину программной речи. Президент отталкивался от постулата, что этот мир непрочен. В Брест-Литовске напротив советской делегации сидят «военные лидеры, у которых нет иной мысли, кроме как удержать захваченное». ⁵⁹⁶

В этой, получившей большую огласку речи о «четырнадцати пунктах» — американской «хартии мира» — президент выступил умелым идейным вождем своей страны. В первом из четырнадцати пунктов содержалось осуждение тайной дипломатии. Это был удар как по коварным планам Центральных держав, так и по тайным договоренностям союзников. Вильсон не только не стал хулить петроградские публикации, но напротив, похвалил высокие стандарты в международных отношениях, методы открытой дипломатии, продемонстрированные Советской Россией. Желание России вести открытые переговоры отражает, мол, «подлинный дух современной демократии». Американская демократия постарается соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией. Вильсон осудил тайную дипломатию, скрытые от народов договоры, манипулирование судьбами народов.

При этом он назвал подлинными мастерами тайной дипломатии не смиренных овечек из лагеря Антанты, а злых волков в Берлине и Вене. «В среде противостоящих Центральным державам стран нет смятения, — утверждал президент. — Здесь нет неясности принципов, туманности деталей. Секретность обсуждений, отсутствие бесстрашной прямоты, неспособность определенно объявить о целях войны присуща Германии и ее союзникам. Но слышен голос, призывающий к определению принципов и целей, и этот голос, как мне кажется, является самым волнующим и убедительным среди голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа. Этот народ находится в прострации и почти беззащитен перед мрачной мощью Германии, от

которой до сих пор никто не видел сочувствия или жалости. Мощь русского народа, по-видимому, сокрушена. Но дух его не покорен. Русские не подчиняются ни в принципах, ни в реальных действиях. Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества»⁵⁹⁷

Президент хотел изменить характер дипломатии так, чтобы отношения между блоками и внутри их определялись фактором вступления в войну США. При выработке новых соглашений и противникам, и союзникам Америки придется учитывать привнесенные ею в мировую политику новые моральные критерии, а кому они покажутся малоубедительными, придется учесть то обстоятельство, что половина промышленного производства мира приходится на США.

Второй пункт был направлен против морской гегемонии Британии — он требовал свободы морей. Для США, строивших военный флот, равный британскому, это (прежде немыслимое) требование равенства покоилось на уже реализованных предпосылках. В океанские просторы уже вышли сверхдредноуты под звездно-полосатым флагом — материальная опора этого пункта программы Вильсона. Предвоенный мир в этом отношении ушел в прошлое.

В *третьем* пункте Вильсон призывал к «снятию» экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений между всеми нациями».⁵⁹⁸ Монополия всегда очень нравилась тому, кто ею обладал. Для самой мощной экономики мира не страшно было открывать свой рынок более слабым конкурентам, в то же время открывая для себя рынки конкурентов. Полагаясь на свою развитую экономику, США могли рассчитывать на мировое экономическое лидерство.

Четвертый пункт провозглашал необходимость ра-

зоружения. Окруженным океанами Штатам нечего было бояться Канады и Мексики. Кроме того, привлекательно звучащий лозунг требовал разоружения, прежде всего, тех, кто мог соперничать, если не в экономике, то в военной силе с США — главных европейских государств, начиная с Германии, Франции и Англии. *Пятый* пункт призывал к «свободному, открытому и абсолютно беспристрастному урегулированию всех колониальных притязаний».⁵⁹⁹ Нужно помнить о мире 1917 года, в котором страны Антанты стремились к дележу германских и турецких владений. США не желали служить гарантом этого передела. Они желали получить доступ к ресурсам колоний, наводнить колониальные рынки своими конкурентоспособными товарами.

К *шестому* пункту у нас особое внимание. Речь шла о России. Американинский президент должен был проявить особую деликатность в этом вопросе. Ведь от состояния дел на Восточном фронте, от позиции России зависела судьба Запада. Президент так определил свою позицию: «Эвакуация иностранных войск со всей русской территории — таково решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит получение ею возможности независимого определения своего собственного политического развития, проведения национальной политики; обеспечение приглашения ее в сообщество свободных наций на условиях гарантии независимого выбора своих политических институтов».⁶⁰⁰ Как видим, Вильсон обещал России освобождение всех ее земель и приглашение в будущую всемирную организацию. «Обращение, которому Россия подвергнется со стороны своих сестер-наций в грядущие месяцы, будет убедительным испытанием их доброй воли, их понимания ее нужд». Можно предположить, что у Вильсона, когда он писал свои «четырнадцать пунктов», было представление, что русские могут не возвратиться в Брест-Литовск, где их ожидают устрашающие условия мира. Весь язык шестого пункта гово-

рит, собственно, об этой надежде. Президент призвал — реалистично это было или нет — к выводу германских войск из оккупационных территорий единой и неделимой России. Но тысячи копий документа, написанного президентом — профессиональным историком, не произвели ни малейшего впечатления на германских солдат, оккупировавших западную часть России.

В остальных пунктах Вильсон пообещал народам Австро-Венгрии «самые свободные возможности автономного развития».⁶⁰¹ Менее щедр был президент, рассматривая вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Он выразился вовсе не так, как того хотели в Париже, где считали обе провинции частью французской родины: «Несправедливость, содеянная в отношении Франции Пруссией в 1871 г., должна быть исправлена».⁶⁰² Такой лаконизм едва ли обрадовал французского премьер-министра Клемансо. А ведь, главным образом, именно французы сдерживали Западный фронт.

Вильсон, в отличие от большинства американцев, любил число тринадцать и именно тринадцатым пунктом хотел завершить свой проект фактического пересмотра системы международных отношений. Но ради этого пересмотра он добавил *четырнадцатый* пункт, который, в определенном смысле, стал самым главным — предложение о создании всемирной организации государств: «Должна быть создана ассоциация наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности как для великих, так и малых стран».⁶⁰³ Вильсон надеялся превратить такую организацию в механизм распространения американских идей, влияния (и даже американской конституции — как прототипа) на огромные регионы мира.

«14 пунктов» были вкладом в развитие системы международных отношений,⁶⁰⁴ важной вехой в отношениях Запада и России на этапе крутого русского поворота в сторону от буржуазной европейской цивилизации. На данном этапе американская сторона менее

прочих западных государств приняла идею взаимного отчуждения, что в Петрограде оценили. В меняющемся европейском раскладе сил Соединенные Штаты сделали шаг навстречу Красной России, пообещав восстановление всех русских земель и доброжелательное принятие России в семью наций. Это было важное событие в системе отношений Россия — Запад. Полковник Хауз считал часть речи президента, посвященную России, самой талантливой. Он полагал, что президент, не отступая от своих принципов, все же дает России шанс избежать отчуждения.

Американцы очень надеялись на эффект этой речи. Р.Робинс считал, что теперь Ленин не подпишет мира с немцами. И действительно, Ленин приветствовал речь как «большой шаг в направлении достижения мира». Для Ленина «14 пунктов» были началом прорыва блокады — стены враждебности со стороны Запада. Советское правительство пошло навстречу пожеланию президента Вильсона о распространении «14 пунктов» в России. «Известия» напечатали их полностью, а в виде листовок они были расклеены на домах, отправлены на фронт и в тыл. Казалось, что в стене, отделявшей Россию от Запада, появилась брешь. Э.Сиссон, представитель Комитета по общественной информации и лично президента, выслушал громкие комплименты Ленина в адрес речи Вильсона, но отметил финальное замечание: «Все это очень хорошо, но почему нет формального признания и когда оно последует?»⁶⁰⁵

Особенно привлекательно с русской стороны смотрелась речь Вильсона на фоне позиции Клемансо и Ллойд Джорджа. Британский премьер в эти дни сказал: «Если нынешние власти России предпримут действия без согласования со своими союзниками, у нас не будет средств, чтобы предотвратить катастрофу, которая наверняка обрушится на их страну».⁶⁰⁶ Англичане как бы предупреждали, что при определенном повороте событий Германии будет позволено делать все, что она

пожелает на Востоке, если она переместит туда с Запада центр своих военных усилий.

Итак, в результате активизации американской дипломатии Запад перестал быть холодно-враждебным по отношению к России монолитом. Америка показала свою дружелюбность, а Британия — готовность отомстить за измену. По мере развития событий в начале 1918 г. это различие позиций Вашингтона и Лондона-Парижа начинает еще более увеличиваться. Британский кабинет позитивно решил вопрос о посылке помощи атаману Каледину.

Нет сомнений, что Вильсон понимал смелость своего шага. Он предвидел оппозицию не только со стороны противника — Центральных держав, но и со стороны ближайших союзников. Западные союзники без труда увидели в этой программе моменты, которые были направлены против их мировых позиций, и поэтому, аплодируя прилюдно, Ллойд Джордж и Клемансо не разделяли эти восторги приватно. Утопия, и утопия преднамеренная, скрывающая собственные мотивы и цели Америки в мире, — таким был вердикт западноевропейских «щеников».⁶⁰⁷

Новая политическая система в России

Американский посол как дуайен дипломатического корпуса предложил всем дипломатам отправиться на открытие Учредительного собрания (4 января 1918 г.), но большинство дипломатов отклонили эту идею. Впоследствии некоторые из них (в частности, итальянский посол Торетти) признавали, что поступили необдуманно. На выборах в Учредительное собрание большевики собрали примерно четверть голосов. Но вдвое больше избирателей проголосовали за социал-революционеров. Присутствие дипломатического корпуса возможно осложнило бы во-

инственному меньшинству задачу роспуска избранного Россией парламента. Разумеется, возможностей Запада в этом случае преувеличивать не стоит. И все же, присутствие западных представителей может быть осложнило задачу матроса Железняка.

Требование большевиков признать их власть сразу же антагонизировало большинство Учредительного собрания. Первый шаг к расколу России и гражданской войне был сделан. Именно в эти дни посол Френсис писал, что «не знает, какой будет судьба страны, в которой 80 процентов населения необразованны и склонны следовать ложному учению большевизма. Невежественные люди полагают, что они могут поделить всю собственность и жить при этом в безделье, если не в роскоши». 5 января 1918 г., день разгона Учредительного собрания, явился важным рубиконом для взаимоотношений Запада и России. Советское правительство заявило британскому правительству, что намерено назначить своего представителя в Лондоне. Было ясно, что если английское правительство откажет советскому правительству, то английское представительство в России будет поставлено под вопрос. Посол Бьюкенен указал своему министерству иностранных дел на важное, решающее значение выбора: военный кабинет должен либо прийти к деловому соглашению с большевиками, либо совершенно с ними порвать. Следовало помнить, что полный разрыв предоставил бы немцам большую свободу действий в России и лишил бы англичан возможности использовать в русской столице влияние своего посольства.

Но ситуация, когда Троцкий выехал в Брест-Литовск, толкала англичан к разрыву, и 6 января 1918 г., в последний день своего пребывания в Петрограде, посол Бьюкенен испытывал грусть. «Почему, — писал он, — Россия захватывает всякого, кто ее знает, и это непреодолимое мистическое очарование так велико, что даже тогда, когда ее своенравные дети превратили свою столицу в ад, нам грустно ее покидать?»⁶⁰⁸ 17 января Бьюкенен прибыл

вместе с руководителями военной миссии Великобритании в Лондон. В первых же беседах с министром иностранных дел Бальфуром и другими членами правительства Бьюкенен высказался против полного разрыва с большевиками, аргументируя свою позицию тем, что полный выход Британии «из игры» дал бы немцам в России желательную для них свободу действий.

Революционеры типа Ленина и Троцкого — крупные политики, но их действия направлены на разрушительные цели: низвержение старых империалистических правительств, и они никогда не пойдут на сотрудничество с Западом, в котором они видят олицетворение империализма. Философ Бертран Рассел был другого мнения. 13 января он пишет в частном письме: «Над миром царит проклятие. Ленин и Троцкий — единственные светлые пятна».⁶⁰⁹

8 января 1918 года русская делегация во главе с Троцким возвратилась в Брест-Литовск. Она более жестко, чем прежде, отказалась принять германские условия: признавать условия *такого* мира было для большевиков не менее опасно, чем возобновить военные действия. Германская сторона достаточно хорошо была осведомлена о внутренних сложностях коалиционного правительства большевиков. Они меньше ожидали сверхэнергичную пропагандистскую атаку Троцкого, обратившегося через головы дипломатов и правительств к народам Центральной и Западной Европы.

Наступил критический период для связей России с Западом. Западных союзников Россия покинула сама — теперь Центральная Европа грозила загнать ее в Приуралье. Несмотря на всю риторику, большевиков все же не покинул реализм: они неизбежно пришли к выводу, что ожидания мировой революции *несколько* завышены. Оставалось выбирать между выжиданием мировой революции из резко усеченного северо-восточного угла Европы и попыткой защитить основной массив российской территории. 21 января 1918 г. Ленин и десять

его соратников проголосовали за подписание мира, а сорок восемь членов Центрального комитета РКП(б) — за возобновление военного сопротивления немцам; Брест-Литовский мир был для них абсолютно неприемлем. На поверхность всплыла удивительная формулировка Троцкого: «ни мира, ни войны». С нею комиссар иностранных дел и прибыл к месту ведения переговоров с Центральными державами.

Здесь тоже назревали драматические события. Германия еще держалась, но Австро-Венгрия начала высказывать признаки слабости. Хлеба в ней осталось всего лишь на два месяца, и лишь «решение украинского вопроса» могло спасти двуединую монархию от краха. Министр иностранных дел Чернин возвратился из Вены в Брест-Литовск 28 января 1918 г. с решимостью договориться с Украиной сепаратно и как можно скорее. На следующий же день Киев был взят Красной гвардией, а в Брест-Литовск прибыли представители Красного Харькова. Бегство Рады лишало ее представителей даже видимости легитимности. Но Кюльман и Чернин вовсе не собирались сбрасывать свою украинскую карту. Еще 5 января они решили заключить мир с Радой, а 9 февраля, сразу же после возобновления переговоров, Центральные державы заключили мир с уже дискредитированными представителями Украинской Рады. «Особенностью этого мира, — пишет германский историк Ф. Фишер, — было то, что он был совершенно сознательно заключен с правительством, которое на момент подписания не обладало никакой властью в собственной стране. В результате все многочисленные преимущества, которыми немцы владели лишь на бумаге, могли быть реализованы лишь в случае завоевания страны и восстановления в Киеве правительства, с которым они подписали договор».⁶¹⁶

10 февраля 1918 г. Троцкий заявил следующее: «Мы отказываемся подписывать эти жесткие условия мира, но Россия воевать более не будет». Он не намерен подписывать никакого мира, но Россия выходит из

состояния войны, распускает свою армию по домам и объявляет о своем решении всем народам и государствам. В напряженной тишине послышался восхищенный комментарий генерала Гофмана: «Неслыханно!»⁶¹¹ По впечатлениям Фокке, декларация Троцкого «была ударом молнии с ясного неба».⁶¹²

Переговоры были оборваны в четвертый раз. Советская делегация покинула Брест-Литовск и вернулась в Петроград. Пораженные немцы ждали. Первоначальная реакция немцев была изумление и ступор, но уже вскоре они поняли, что в их руки пала грандиозная удача. По прошествии означенных трех дней они заявили, что начинают наступление против Петрограда и Москвы. Троцкий ответил, что тем самым они нарушают условия перемирия, требующие двенадцатидневного предварительного уведомления о возобновлении военных действий. Перемирие на Востоке оканчивалось 17 февраля 1918 г. и не восстанавливалось в том случае, если русская делегация не возвращалась в Брест-Литовск. Германская военная машина, взвалив вину на петроградское правительство, выступила во всеоружии на Восточном фронте. Немцы начали продвижение своих войск со словами: «Вы уже нарушили условия перемирия отказом подписать мирный договор».⁶¹³

Лондон

В отличие от полного ожиданий Вильсона, премьеры Ллойд Джордж и Клемансо скептически относились к возможности превращения «14 пунктов» в мост сближения между Россией и Западом. В начале февраля 1918 г. контролировавшийся англо-французами Высший военный совет заявил, что инициатива Вильсона не вызвала такого ответа вражеской стороны, который позволял бы надеяться на мирные переговоры. Американское руководство посчитало категорическое суждение союзников

преждевременным. Едва сдерживая чувства, Вильсон писал по этому поводу Лансингу: «Я опасаясь любого политического жеста, исходящего от руководства объединенных союзнических сил в Париже. Ни одно из них не кажется мне имеющим черты мудрости».⁶¹⁴ Президент Вильсон имел в своем запасе рычаги, действие которых немедленно ощутилось союзниками. Он сумел перевести свою очевидную ярость на язык таких дипломатических действий, которые сразу же взбудоражили их. А именно, видя их непредрасположенность слушать советы из Вашингтона, он заговорил о возможности сепаратных контактов с Берлином и Веной.

Все надежды западных союзников теперь были связаны с двенадцатью американскими дивизиями, которые в Вашингтон пообещал разместить на Западном фронте в 1918 г., с приходом в европейские воды американских линейных кораблей, с бумом в американской кораблестроительной индустрии. Англичане уже готовы были призвать своих квалифицированных рабочих, замещая их рабочие места женщинами. Налог на прибыль был увеличен с 40% до 80%. При всем осознании грандиозного потенциала Америки имперский Лондон еще не привык к тому, чтобы его заслоняли на мировой арене. Америка еще не была всемогуща, ее вклад в военные усилия еще не был решающим, обсуждение мирового порядка было слишком важно для Британской империи, чтобы на Даунинг-стрит добровольно выразили почтительное согласие. Премьер-министр Ллойд Джордж не хотел смотреться примерным учеником американского класса и твердо верил в ресурсы Британской империи. Поневоле выглядящий как конкурент американской внешнеполитической программы английский внешнеполитический манифест, зачитанный Ллойд Джорджем, значительно отличался от «14 пунктов».

Здесь был иной пафос, проистекавший из иной постановки задачи. Британия вступила в войну, чтобы предотвратить попадание всей Европы в зону влияния

кайзера. И не нужно затемнять вопроса. Германия виновата, Германия заплатит, союзники заполнят оставшийся после краха Германии вакуум в Европе и в мире в целом. Такие — конкретные, а не рассчитанные на некую наднациональную справедливость — цели выдвинула дипломатия европейского запада.

Столкнулись две линии мировой политики. Империалистический гегемон XIX в. с трудом расставался со своим положением. Англия готова была дать бой заокеанскому претенденту. Вильсон замахивался на мировое переустройство, но в мире существовали огромные самостоятельные державы, не нуждавшиеся в поучениях и отвергавшие их. Лондон и Париж полагали, что Вильсон выходит за пределы своих полномочий и берется за чужие проблемы. Антанта в этом заочном и негласном споре не осталась без аргументов. 10 января, выступая в Эдинбурге, министр иностранных дел Британии Бальфур признал тяготы войны. Но ее ужасы — «ничто по сравнению с германским миром».⁶¹⁵

Курс на дезинтеграцию России

Ответом Германии на «14 пунктов» Вильсона явилось письмо фельдмаршала Гинденбурга кайзеру от 7 января 1918 г.: «Для обеспечения необходимого нам мирового политического и экономического положения мы должны разбить западные державы».⁶¹⁶ Именно в эти дни Германия окончательно делает ставку на дезинтеграцию России. Из Вены германский представитель Г. фон Ведель сообщает 10 февраля 1918 г.: «В отношении России существуют две возможности. Либо имперская Россия откатится назад, либо она распадется. В первом случае, она будет нашим врагом, ибо постарается восстановить свою власть над незамерзающими портами Курляндии и оказать влияние на Балканах. Империалистическая Россия может стать другом

Германии, если мы не похитим у нее побережье, но она никогда не станет другом Миттельойропы. Поэтому мы должны поставить все на вторую карту, на дезинтеграцию России, что помогло бы нам отбросить ее с берегов Балтики. Если Украина, балтийские провинции, Финляндия и другие действительно отпадут от России навсегда (что не кажется мне очень реальным, особенно в отношении Украины), тогда от России останется собственно Великая Сибирь. Если Россия возродится, нашим потомком, вероятно, придется сражаться во второй Пунической войне против второй англо-русской коалиции; таким образом, чем дальше на восток мы сейчас ее отбросим — тем лучше для нас». ⁶¹⁷

9 февраля 1918 г. генерал Гофман потребовал от русского правительства передать Германии побережье как Балтийского, так и Черного морей, Эстонию, Ливонию и Украину. 17 февраля генерал Гофман записал в своем дневнике: «Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет — в противном случае этнскоты загонят бичами всех вместе — украинцев, финнов, прибалтов в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник». ⁶¹⁸ Восьмой армейский корпус германской армии получил приказ наступать на Таллин. Кайзер Вильгельм указал: «Эстония и Финляндия должны быть оккупированы. Большевики и англичане должны быть быстро отброшены. Нужно установить линию Нарва — Псков — Дюнабург!». ⁶¹⁹

13 февраля германские военные и политики обсуждали судьбу России на конференции в Хомбурге. Кюльман и Гинденбург сошлись во мнении, что Россия уже распалась на три части. Украина и Финляндия заключили мир с Германией, а военные действия вела лишь Великобритания. Людендорф выступал за немедленный марш на Петербург, чтобы принудить новое русское правительство заключить мир на германских условиях. Кюльман, напротив, опасался, что взятие Петербурга возбудит русское национальное чувство. Следует ду-

мать о будущем германо-русских отношений. Русские никогда не простят немцам того, что их отбросили от Балтики.

Кайзер солидаризировался с военными: если сохранить России ее силу и оставить ее в покое, англичане непременно организуют ее в противника, постоянно направленного против Германии. Следует максимально ослабить Россию, а поход против нее подать как «полицейскую операцию», организованную в интересах человечества. Вожди Германии требовали *легализации* телеграмм о помощи (т.е. подписания их некими государственно-выглядящими структурами) со стороны тех областей, которые германское командование намеревалось оккупировать и провозгласить независимыми. Гинденбург определил временной лимит: «Просьбы о помощи должны поступить до 18 февраля». Людендорф зачитал подготовленную «телеграмму из Риги». Необходимы такие же «просьбы» со стороны Украины и Финляндии.

Ленин делает невозможное

«Они не могут продолжать свою агрессию, не показав миру свои зубы людоеда», — писала «Правда». ⁶²⁰ Людендорф: «Если мы будем бездействовать, то вся обстановка изменится не в нашу пользу... Мы можем нанести большевизму смертельный удар, улучшив тем самым свое внутреннее положение и укрепив отношения с лучшими элементами в России». ⁶²¹ В полдень 18 апреля истек срок перемирия немцев с Российской республикой, и снова было возобновлено состояние войны. «Вся Россия, — пишет генерал Гофман, — это груда червей». ⁶²² Гофман обрушил на пустые окопы противостоящей стороны пятьдесят три дивизии, направляясь к Пскову, Ревелю и Петрограду на севере и на Украине на юге. «Положение «Ни мира ни войны» означает войну», — заметил специальный посланник

президента Вильсона.⁶²³ Гофман определил эту операцию, как «экскурсию по железной дороге и в автомобилях». Дело, однако, обстояло не настолько гладко — особенно на Украине; немцам и австрийцам пришлось «для оказания помощи» мобилизовать до тридцати дивизий, которым противостояла находящаяся в процессе создания Красная Гвардия и чехословацкий легион.

Только что организованные сателлиты-союзники немцев быстро ощутили тяжелую руку Берлина, его истинные намерения, видимые, скажем, из утверждения военного министра Пруссии фон Штейна: «Участие в эксплуатации украинских железных дорог даст Германии решающее влияние над экономическим организмом Украины и обеспечит ей доступ к ресурсам этой страны». 19 февраля германские представители вручили украинским националистам два основных «счета за помощь»: доминирование в тяжелой промышленности региона и контроль над зерновыми запасами. Детализированный план финансовых и экономических требований к Украине был создан планировщиками рейха к 5 марта 1918 г.

В эти дни Ленин говорит Троцкому: «Это не вопрос о Двинске — речь идет о судьбе революции. Промедление невозможно. Мы должны немедленно поставить свою подпись. Этот зверь прыгает быстро». 20 февраля немцы вошли в Минск. «Русская армия разложилась еще больше, чем я себе представлял, — записал Гофман. — В них уже нет боевого духа. Вчера один лейтенант с шестью солдатами захватил шесть сотен козак». Гофман 22 февраля: «Самая комичная война из всех, которые я видел: малая группа пехотинцев с пулеметом и пушкой на переднем вагоне следует от станции к станции, берет в плен очередную группу большевиков и следует далее. По крайней мере, в этом есть очарование новизны».⁶²⁴

К последней неделе февраля германские войска захватили Житомир и Гомель, дошли в Прибалтике до Дерпта, Ревеля (где большевики утопили одиннадцать под-

водных лодок, чтобы они не достались немцам). Передовые части немцев дошли до Нарвы и только здесь встретили настоящее сопротивление. Воевавший полтора года вместе с немцами финский батальон высадился в Финляндии и начал движение как против белых, так и против красных. 27 февраля пала старая ставка царя — Могилев, а немецкие самолеты впервые бомбили Петроград.

Ленин потребовал заключения мира на любых условиях, в противном случае он уходит в отставку. Недели героической позы окончились — наступило время суровых решений. С одной стороны, Троцкий отправил официальное предложение о мире немцам. С другой — он спрашивал британского дипломата Ф. Линдли, смогут ли Британия и Франция оказать военную помощь, если немцы не ответят и война продолжится. Ответа не последовало ни от Антанты, ни от Америки, и Россия пошла своим путем. В Петрограде Ленин использовал весь свой политический вес ради подписания договора с Германией — ради грядущей мировой революции, ради сохранения, пусть и усеченной, ее базы — Советской России. И он, используя даже угрозу выхода из правительства, добился того, что в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года большинство в Центральном исполнительном комитете (116 против 85) проголосовало за подписание Брестского мира (В большевистском ЦК соотношение сил было еще более хрупким: 7 — за и 6 — против). Центральный Комитет большевиков принял суровые немецкие условия мира 9 марта 1918 года. На закрытой партийной конференции Ленин охарактеризовал подписанный мир как временную передышку. А пока следовало эвакуировать столицу из обращенного к Западу Петрограда в защищенную ширью русской земли Москву. Теперь Ленин нуждался в пушках, пулеметах и снарядах; теперь он был (по его выражению) «оборонцем, потому что я стою за подготовку армии даже в самом далеком тылу, где ослабевшая армия, демобилизовавшая себя, должна быть восстановлена». Происходил поворот, пределов и масштабов

которого в то время еще никто не знал. Восстанавливалась русская армия, хотя никто не мог представить, что следующие три года она будет вовлечена в братоубийственный гражданский конфликт. Теперь намеки на создание фронта по Уралу обретали реальный смысл. Троцкий говорит Робинсу запавшие тому в память слова: «Исторический кризис не будет разрешен лишь одной войной или одним мирным договором... Мы не оканчиваем нашу борьбу».

Но все это пока были лишь слова. Реальностью была выдача немцам трети территории европейской России. Англичанам осталось только иронизировать: «Практическим результатом русских усилий добиться мира «без аннексий» стала величайшая после крушения Римской империи аннексия в Европе». Локарт пытался еще доказывать, что немцам дорого обойдется оккупация,⁶²⁵ но в Лондоне в свете дипломатического успеха Германии на Востоке стали лихорадочно искать альтернативу. Уже имелся в наличии «японский вариант». Теперь Лондон не выдвигал претензий. Пусть японцы двинутся навстречу немцам в Европу. Россия как самостоятельная величина была списана со счетов истории. Был ли у России более трагический час? Иноземцы с Запада и Востока шли навстречу друг другу, смыкаясь над ее пространством.

Если англичане и французы отреагировали на ратификацию мирного договора однозначно, то американцы попытались еще побороться. После подписания мира американский посол 16 марта 1918 г. выступил с заявлением. Если Россия будет ревностно выполнять условия Брест-Литовского мира, «у нее похитят огромные части ее богатой территории, а сама она в конечном счете станет германской провинцией». Но «я не покину Россию до тех пор, пока меня не принудят это сделать. Мое правительство и американский народ слишком серьезно заинтересованы в благополучии русского народа, чтобы оставить эту страну и ее народ на милость Германии. Америка

искренне заинтересована в России и в свободе русского народа. Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить подлинные интересы русских, сохранить и защитить целостность этой великой страны».⁶²⁶

Призыв Френсиса сохранить целостность России вызвал ярость немцев. Через 4 дня после его оглашения германский министр иностранных дел Кюльман потребовал от большевистского правительства высылки американского посла из России. Однако правительство Ленина предпочло не реагировать и не довело до американского посольства германскую угрозу. Резонно предположить, что Ленин не исключал возможности того, что при определенных обстоятельствах ему понадобится альтернатива следованию условиям Брестского мира. Нужно было думать о том, что ему придется делать, если немцы все же двинутся на Петроград и Москву. Кюльману было сказано, что в обращении Френсиса не содержится ничего принципиально нового по сравнению с идеями послания президента Вильсона Съезду Советов.

Кюльман и Чернин подписывали мир с Румынией в Бухаресте, а Троцкий ушел с поста комиссара иностранных дел. Турки требовали Карс и Ардаган, потерянные в 1878 г. Немцы успели войти в Киев и находились в ста с лишним километрах от российской столицы. Ленин отдал приказ взорвать при подходе немцев мосты и дороги, ведущие в Петроград, все боеприпасы увозить в глубины страны. Весь день 2 марта их части продвигались все дальше и дальше на Восток. Наконец прибыли российские представители. 3 марта мир был подписан относительно второстепенными фигурами и с германской, и с русской стороны. Советскую Россию представлял Григорий Сокольников — будущий комиссар финансов и посол СССР в Великобритании. Мир вступил в силу в пять часов пятьдесят минут вечера 3 марта.⁶²⁷ Россия потеряла к этому часу 2 миллиона квадратных километров территории — Белоруссию, Украину, Прибалтику, Бессарабию,

Польшу и Финляндию, в которых до начала войны жила треть ее населения (более 62 миллионов человек), где располагалась треть пахотных земель, девять десятых угля. Она потеряла 9 тыс. заводов, 80 % площадей сахарной свеклы, 73 % запасов железной руды. Россия обязалась демобилизовать Черноморский флот. На Балтике ей был оставлен лишь один военный порт — Кронштадт. Большевики согласились возвратить 630 тысяч военнопленных.

На этом этапе германская революция была для Ленина «неизмеримо важнее нашей».⁶²⁸ Указывая на вину главы правительства за «легкость» обращения со страной, не следует отказывать В. И. Ленину в широте кругозора и в реализме. Возможно, если бы Россия, которую он возглавил, была могучей военной силой, а Запад стоял на грани краха, он не подписывал бы унижительный («похабный» — его словами) договор, а послал бы войска против германских претендентов на общеевропейскую гегемонию. И уж во всяком случае он отказался бы подписывать Брест-Литовский мир. Но все было наоборот. Россия потеряла силу и волю продолжать борьбу в прежнем масштабе, а Запад, ожидая американцев, надеясь преодолеть противника в будущей схватке, имел возможность сделать Брест-Литовский документ простой бумажкой.

Ленин верил в то, что «наши естественные ресурсы, наша людская сила и превосходный импульс, который наша революция дала творческим силам народа являются надежным материалом для строительства могущественной и обильной России». Для строительства этой новой России ее жители должны многое воспринять у немцев — так же, как они сделали это во времена Петра Великого. «Да, учиться у немцев! Вот чего требует Российская Советская Социалистическая Республика для того, чтобы перестать быть слабой и бессильной и чтобы стать могущественной и обильной на все времена».⁶²⁹

И на Чрезвычайном седьмом съезде РКП(б): «Учи-

тес дисциплине у немцев, если мы, как народ, не обречены жить в вечном рабстве... У нас будет лишь один лозунг. Учитесь в необходимой степени искусству войны и приведите в порядок железные дороги. Мы должны организовать порядок».⁶³⁰ 12 марта столица страны была перенесена в Москву. 6 марта большевики назвали свою партию коммунистической.

Напомним, что третий — *коммунистический* — Интернационал как орудие воздействия на Европу (и фактор отчуждения Запада) был создан только после поражения Центральных держав. В определенном смысле свой грех перед Россией Ленин частично снял зимой 1918—1919 гг., когда он восстановил, воссоединил страну. А через два года, убедившись, что Центральная и Западная Европа не пойдут по пути рискованного социального эксперимента, он изменил и внутреннюю большевистскую политику, встав на путь подъема собственной страны. Этот человек удивительным образом сочетал фанатическую веру в учение с беспримерным реализмом в конкретной политике.

Германия ликует

Ликование в Германии по поводу вывода из борьбы огромного восточного противника было безмерным. У кайзера были основания открыть (во второй раз после взятия Бухареста) шампанское. Он объявил Брест-Литовский мир «одним из величайших триумфов мировой истории, значение которого в полной мере оценят лишь наши внуки».⁶³¹ Через три дня он сообщил собравшемуся в Хомбурге Военному совету, что существует всемирный заговор против Германии, участниками которого являются большевики, поддерживаемые президентом Вильсоном, «международное еврейство» и Великая Восточная Ложа фримасонов. Как справедливо заметил историк М. Гилберт, кайзеру не пришлось в

голову отметить, что за Германию в рядах ее армии уже погибли десять тысяч евреев и многие тысячи фрима-сонов. И он словно забыл, что еще два месяца назад деньги шли из германских секретных фондов.⁶³²

Печатный орган германских протестантов «Альгемайне свангелиш-лютерише Кирхенцайтунг» увидела в этом мире триумф германского меча: «Волки хотели избежать наказания, после того как пролили германскую кровь, сокрушили германское процветание и нанесли ей тяжелые раны. Но Божья воля оказалась иной. Он заставил хозяев России испытать из кубка сумасшествия, сделав их грабителями собственного народа, который в конечном счете запросил германской помощи. И из этого самого кубка отхлебнули русские участники переговоров, которые дурачили весь мир и в конечном счете посчитали мастерским ходом прекращение переговоров. Это был Божий час. Германские армии рванулись вперед, от одного города к другому, от области к области, приветствуемые везде как освободители. И Россия, которая вначале не хотела платить репараций, была вынуждена в конечном счете заплатить несметную дань: 800 локомотивов, 8 тысяч железнодорожных вагонов с богатствами самого разного сорта — Бог видит, что мы нуждались в нем; 2600 пушек, 5 тысяч пулеметов, 2 миллиона артиллерийских снарядов, ружья, самолеты, грузовики и бесчисленное множество другого. Англия и Франция предоставили припасы, но получила их Германия. Что бы ни случилось с пограничными освобожденными странами, Россия никогда не получит их обратно. — защиту и помощь они найдут в Германии».⁶³³

Украина, Польша, Литва, Курляндия, Ливония и Эстония виделись германским руководством частью Миттл-Европы, руководимой Германией. «Германия как главенствующая сила в Восточно-Центральной Европе рассматривала отделение от России этих стран, а также Финляндии и позднее Грузии как средство отбросить Россию назад и распространить германскую сферу влия-

ния на восток». ⁶³⁴ Но немцы не остановились на этом. Россию следовало раздробить еще более. Кайзер выступил с планом еще более масштабным: после Польши, балтийских провинций и Кавказа следовало поделить Россию на четыре независимых государства: Украина, Юго-Восточная лига (территория между Украиной и Каспийским морем), Центральная Россия и Сибирь. ⁶³⁵

С неослабеваемым давлением добивалась Германия в Брест-Литовске максимальных территориальных приращений — возможно, эта жадность ее и погубила. Для охраны завоеванных территорий требовалось не менее миллиона солдат, тех самых солдат, которые могли решить судьбу Германии на Западе. Наступление Людендорфа в 1918 г. могло быть более внушительным. Но Германия не желала ограничивать себя на Востоке — это и стало критическим обстоятельством.

В Германии рейхстаг обсуждал Брест-Литовский мир 22 марта 1918 г. Многие полагали, что военные проявили боязливость — они предпочли бы получить для Германии гарантированный хинтерланд до побережья Тихого океана. Но ни правые, ни центр, ни левые не голосовали против договора (исключение составили немногочисленные «независимые социалисты»).

Экономические условия Брест-Литовского мира не предполагали (как того желали немцы) простого восстановления торгового договора 1904 г., но фактически даже выходили за пределы этого соглашения, едва ли сделавшего Германию экономическим опекуном России.

Реакция Запада

Россия пала, но ее старые друзья на Западе еще стояли. Германия захлебнулась своей добычей: чтобы контролировать несказанно богатые завоевания, Германия вынуждена была держать на Востоке десятки дивизий, которые более всего сейчас нужны были на Запад-

ном фронте. И был, по крайней мере, один позитивный элемент в унижительном для России договоре: Запад увидел в Брест-Литовске свою возможную горькую судьбу и удвоил усилия. (Именно в это время ушедший на покой министр иностранных дел Британии Эдуард Грей написал о «приводящем его в депрессию явлении... Находясь на покое и посреди природы, трудно ненавидеть кого-либо; но и при этом я не вижу, как быть в мире с людьми, правящими Германией».⁶³⁶

Фактически Запад отверг Брест-Литовский договор, как навязанный силой. Так от лица Запада заявил французский министр иностранных дел Пишон. Мир при этом увидел в рукоплещущих Брестскому миру германских социал-демократах тех, кем они и были — шовинистов, а отнюдь не интернационалистов. Подорванными оказались иллюзии тех, кто в солидарности трудящихся видел «скалу», твердое основание мировой истории.

Президент Вильсон, размышляя над Брестским миром, потерял всякую надежду на внутреннюю демократическую оппозицию в Германии. Америка поняла, что силе может противостоять только сила. Началась подлинная американская мобилизация военных усилий. Американский президент выразил уверенность, что русский народ отвергнет договор и вернется в коалицию с Западом. «Русские представители были искренними и честными. Они не могут подчиниться предложениям, предполагающим завоевание и доминирование». Никто на Западе так не отзывался о Брест-Литовске, как президент Соединенных Штатов.

В той критической обстановке многомиллионная людская масса, находившаяся в окопах по обе стороны фронта, как бы получила два способа выживания. В Петрограде Ленин предлагал немедленный мир, в Вашингтоне Вильсон предлагал новые принципы завершения кровопролития мирным путем. Запад раскололся: англичане и французы видели мир на основе победы;

американцев финальная победа интересовала меньше, чем грядущий новый мир. И никто не мог сказать, чей выбор притягательнее. Скажем, моряки австро-венгерского флота в заливе Каттаро подняли 1 февраля восстание под красным флагом. В то же время их гимном была «Марсельеза», а не «Интернационал», и они, видимо, были ближе к «14 пунктам» Вильсона, чем к радикальным идеям Ленина. Восстание, к которому присоединились даже моряки германских подводных лодок, было подавлено тремя австрийскими линкорами, пришедшими из австрийского порта Пола. 5 февраля восстали жители городка Роанн на французской Луаре.

Развал России

Даже германские историки признают, что после февральской революции 1918 г. Финляндия «не собиралась абсолютно порывать с Россией и провозглашать себя полностью суверенным государством».⁶³⁷ Идея провозглашения независимости начинает вызревать в июле и окончательно побеждает после Октябрьской революции. Лишь 6 декабря 1917 г. финский парламент провозгласил независимость Финляндии, и Ленин на встрече с президентом Свинхувудом 4 января 1918 г. признал независимость Финляндии от России. Давление Германии было более чем ощутимым. 26 ноября 1917 г. представители финского правительства заявили Людендорфу в Кройцнахе, что их целью является создание государства, тесно связанного с Германией: «Финляндия образует самое северное звено в цепи государств, образующих в Европе вал против Востока».⁶³⁸ Но немцы еще колебались — они боялись спровоцировать сплочение русских, ввиду угрозы единству их государства. Только 30 января 1918 г. министерство иностранных дел Германии дало окончательное согласие на

перевод добровольческого финского батальона, сражавшегося в составе германской армии против русских в Курляндии, на финскую территорию.

Независимость Финляндии после России первыми признали Швеция, Франция и Германия. Во время брест-литовских переговоров Германия настаивала как на выводе с финской территории размещенных там русских войск, так и на признании Россией независимости Финляндии. Как и в случае с Украиной, германская армия выступила здесь на стороне правительства, под властью которого находилась лишь незначительная часть территории страны. Как и на Украине, германское правительство потребовало заключения мирного и торгового договора. Дополнительный секретный договор 7 марта 1918 г. предполагал введение Финляндии в сферу экономического и политического влияния Германии. Финляндии запрещалось заключать союзные договоры без согласия Берлина. Финляндия открывала себя германскому капиталу — германские товары отныне ввозились в Финляндию беспошлинно. Как и Польша, Финляндия становилась объектом открытой эксплуатации германского капитала.

Согласно секретному договору, Германия получала военную базу в Финляндии и свою телеграфную станцию. Немцы признали притязания Финляндии на Карелию, что соответствовало ее цели отрезать Россию полностью от незамерзающего Баренцева моря и отбросить ее к допетровским границам. Представители буржуазного финского правительства предлагали Гинденбургу занять Петроград ударом германских войск со стороны Финляндии, что должно было довершить историческое крушение России. Финский представитель Ялмари Кастрен предложил трон Финляндии прусскому принцу, предложил заключить союз в качестве северо-восточного краеугольного основания германской Миттельеюропы. Это полностью совпадало с идеями, выраженными кайзером Вильгельмом в марте 1918 г.:

**«Обязанностью Германии является играть роль поли-
смена на Украине, в Ливонии, Эстонии, Литве и Фин-
ляндии».**⁶³⁹

Вооруженные силы под руководством фон дер Голь-ца (15 тысяч человек) пересекли границу Финляндии в конце марта 1918 г., сразу включившись в боевые операции на стороне командующего национальными силами Маннергейма. Красная Гвардия потерпела в Финляндии поражение в середине мая. Финский парламент 9 октября 1918 г. избрал родственника кайзера — принца Фридриха Карла Гессенского — королем Финляндии. Финская армия строилась немецкими специалистами и на немецкий манер. Людендорф заявил о «безграничной важности для нас Украины и Финляндии, краеугольных камней на Востоке, с их бесчисленными богатствами».

Запад готовится к худшему

Два крупнейших политика Британии в XX веке — Ллойд Джордж и Черчилль — с немалым трепетом смотрели в будущее в начале весны 1918 года. Выстоять можно было лишь посредством крайних усилий. В основу войны нужно было положить программу достижения индустриального превосходства над Германией. 5 марта Черчилль заверил премьера, что во исполнение тринадцатимесячной программы Британия произведет к апрелю 1919 г. 4 тысячи танков. Ранее 1919 г. два самых гибких ума Запада не мыслили себе ничего хорошего. На лучшее можно было надеяться лишь в случае экстренной мобилизации американцев. Глобальную значимость получили взгляды человека, который еще семь лет назад был известен только академическому миру Соединенных Штатов. На мировую арену выходил президент Вудро Вильсон.

В первой половине февраля 1918 г. первые амери-

канские пушки стреляли по германским позициям и первое подразделение американцев вошло в траншеи немцев. Итак, спустя сорок два месяца после начала войны Америка стала физически воюющей державой и первый американец получил французский «Военный крест». Его имя было Дуглас Макартур. Западные газеты восторженно писали о том, что вскоре небо потемнеет от туч американских самолетов. Першинг этого вынести не смог и публично напомнил, что в небе Франции нет ни одного американского самолета.

11 февраля 1918 г. Вильсон перед объединенным заседанием конгресса разобрал ответные германские и австро-венгерские предложения об условиях начала мирных переговоров. Вильсон видел в германо-австрийских предложениях сны наяву той аристократии, которая уже теряла в Европе позиции. Прежде всего, президента не устраивала «узость», келейность предлагаемых центральными державами переговоров. Он не хотел повторения Венского конгресса. Не мир монархов, а мировое переустройство интересовало Вильсона. «К прошлому нет возврата, — провозглашал президент. — Мы боремся за создание нового международного порядка, основанного на широких и универсальных принципах права и справедливости, а не за жалкий мир кусочков и заплат».⁶⁴⁰ Президент не желал превращать окончание войны в простое перераспределение сил и территорий между европейскими соперниками. Фактически он хотел выбить из рук Европы ключи к мировой истории.

Пока еще подспудно, но дальше — больше, стала формироваться европейская оппозиция его дипломатии. На востоке Советская Россия встала на путь социального переустройства общества. И союз даже с самым либеральным капитализмом был немислим в то время для ЦК РКП(б). На Западе союзники в Лондоне и Париже не хотели такой победы над Германией, которая означала бы их общую сдачу на милость «данайцам,

дары приносящим», — американцам. Пока еще Вудро Вильсон утешался приветственными резолюциями социалистических и лейбористских партий Антанты, одобрявших его «широкий» подход к проблемам войны и мира. Но глухое молчание на Даунинг-стрит и в Матиньоне позволяло догадываться, о чем думают подлинные лидеры Англии и Франции.

10 февраля 1918 г. советское правительство заявило об аннулировании всех долгов царского правительства. Многомиллиардные займы французов, англичан и американцев были ликвидированы одним росчерком пера. Какой будет реакция Запада? В американском посольстве, начиная с февраля 1918 г., ежедневно начинают собираться представители США, Британии, Франции, Италии и Японии. Главное обстоятельство стало заключаться в том, что немцы приближались к Петрограду. Встал вопрос о целесообразности пребывания в городе, грозящем попасть в оккупацию. В конце февраля Френсис уведомил своих коллег, что не намеревается покидать Россию, но в свете реальной германской угрозы он переедет в Вологду — на 350 миль восточнее Петрограда. Если же немцы продолжат свое движение и Вологда окажется под прицелом, тогда американское посольство переместится в Вятку — еще на 600 миль восточнее. Дальнейшая точка — Пермь, затем Иркутск. Чита и, если понадобится, — Владивосток, на рейде которого стоит американский броненосец «Бруклин».

Мнения союзников раскололись. По мере того как ситуация в России все больше склонялась к гражданской войне, Бьюкенен начал выступать за обрыв дипломатических связей. Это мнение было поддержано европейскими союзниками Британии. Начался исход представителей европейских стран из России: англичане, французы, итальянцы, бельгийцы, сербы, португальцы и греки двинулись из России через Финляндию на Запад. Лишь англичане сумели пройти сквозь Гельсингфорс курсом на Швецию. остальные посольства

были остановлены Красной Гвардией, и им пришлось вернуться назад. В глубину русской территории вместе с американцами отправились лишь японцы и китайцы. В конечном счете французы, итальянцы, сербы и бельгийцы прибыли в Вологду. Здесь персонал посольства размещался вначале в вагонах, а затем в губернском городе были найдены дома для дипломатов.

23 февраля 1918 г. американский посол Френсис писал своему сыну о целях своего пребывания в России: «Я намереваюсь оставаться в России так долго, насколько это возможно... Сепаратный мир явится тяжелым ударом по союзникам, но, если какая-либо часть России откажется признать право большевистского правительства заключать такой мир, я постараюсь установить контакт с нею и помочь восстанию. Если никто не восстанет, я проследую во Владивосток и постараюсь оттуда предотвратить попадание военных боеприпасов в руки немцев, а если в России за это время будет организована какая-либо сила для борьбы с Германией, я окажу ей поддержку и буду рекомендовать правительству помочь ей. Я не собираюсь возвращаться в Америку».⁶⁴¹

Заполнение вакуума

Первой иностранной державой, принявшей решение вмешаться в гражданскую войну в России, была Япония, которая 30 декабря 1917 г. послала свои войска во Владивосток. Следом за японцами выступили англичане. Два батальона английских пехотинцев пришли из экваториального Гонконга в заполярный Мурманск. Еще через шесть недель англичане с помощью французов оккупировали Архангельск. Затем сюда же последовали американцы. Наступила очередь Юга. Английские воинские части, базировавшиеся в греческом порту Солоники и на персидском плацдарме, захватили железную дорогу, ведущую в Батуми и Баку. Суда Британии бло-

кировали порты советской России на Черном и Балтийском морях.

Официальное объяснение действий стран Запада заключалось в следующем: во-первых, нужно восстановить Восточный фронт; во-вторых, союзник, который предал в решающий момент, заключив сепаратный мир, должен понести наказание. В России находятся огромные запасы амуниции, и они не должны попасть к немцам на решающей стадии войны. Нет сомнения, что при этом Япония (она фактически и не прятала своих планов) готова была аннексировать значительную часть русской территории. Американцев страшило быстрое укрепление соперника — Японии — на континенте. Но к разделу России на зоны влияния в начале 1918 г. еще не были готовы даже старые партнеры по Антанте. Стоило нетерпеливым японцам двинуться по Великой Транссибирской магистрали, как в Лондоне ощутили нежелательность оборота, который принимали события. Отдать японцам Сибирь и при этом потерять всю Россию, от чьего сопротивления зависел Западный фронт, — этого британский премьер не хотел. Он поручил Локарту отбыть в Петроград и быть связующим звеном между Лондоном и русской столицей. Посылая Локарта в Россию, Ллойд Джордж хотел получить в его лице не менее надежное связующее звено с русским руководством, чем был Робинс для американцев. Чтобы придать миссии Локарта вес, англичане не особенно скрывали, что недовольны продвижением японцев в Сибири. Японцев специально известили о выезде Локарта в Петроград для контактов с Лениным и Троцким, чтобы дать им ясно понять, что Британия никогда не согласится с ситуацией, когда Германия будет владеть европейской территорией России, а Япония — азиатской.

Япония попыталась поторговаться с Британией и предложила совместные мероприятия «где-нибудь во Владивостоке». Стремление Японии разорвать Россию

на зоны влияния, «чтобы выделить лучшие элементы населения», вызвало в Лондоне неподдельную тревогу. Японцы были уже на марше, а Великая транссибирская магистраль вела их в необъятные русские просторы. Посол Британии в Японии сэр Конингхем Грин постарался прощупать планы императорского правительства у министра иностранных дел Мотоно. Но японский министр переадресовал вопросы: а каковы планы Британии в отношении России? Лондон поручил послу сказать, что у Британии нет политических целей на юге России, хотя потребности ведения войны могут привести к образованию автономного грузинского государства. Лондон обещал консультироваться с Токио, если на Даунинг-стрит возникнут новые идеи в отношении России. Взамен Ллойд Джордж просил японцев координировать свои действия на Дальнем Востоке с ним ради осуществления «общих интересов». ⁶⁴²

Британский посол отмечал, что в Лондоне, видимо, еще не осознали, какую силу обрела Япония в то время, когда европейские державы душили друг друга. С Японией уже нельзя обращаться, как с младшим партнером. Если она решит пойти вперед в Сибирь, дружественный голос из Лондона ее не остановит. «У нас нет средств остановить их», — вот строка из донесения посла. Если Британия не желает в грядущие решающие месяцы приобрести дополнительные военные осложнения, пусть она не касается поведения японцев на востоке России. Кое-кто в Лондоне уже начал поговаривать о Сибири, как о «японской колонии к концу текущей войны». ⁶⁴³ Могла ли Британия согласиться на захват Японией Сибири? Япония гарантирует уничтожение большевиков на занятых ею территориях — этот аргумент настойчиво отстаивал сэр Джордж Бьюкенен, прибывший в Лондон со свежими впечатлениями от русской революции. Бьюкенен не верил в ценность сохранения связи с большевиками, противостоя в этом отношении своему шефу — Бальфуру. ⁶⁴⁴

Но союз с японцами в России имел и могущественных противников. Бывший вице-король Индии лорд Керзон полагал, что сотрудничество с японцами «в огромной степени увеличит престиж азиатов в их противостоянии европейцам и впоследствии скажется на отношении индусов к англичанам». К тому же Сибирь — слишком большой приз как сам по себе, так и как подступ к прочим районам России.

И все же приверженцы японского плана оккупации Сибири на определенное время возобладали. Пусть японцы продвинулись по великой транссибирской магистрали до казачьих земель Предуралья. Трудно переоценить значимость этого решения британского кабинета. Россия становилась для Запада не только не союзником, но и не нейтралом. Она фактически теряла права субъекта мирового права. Отношения Запада и России менялись качественно. Запад не только рвал с Россией, но и шел на оккупацию ее восточной части руками своих японских союзников. Сэр Уильям Уайзмен сообщил о решении британского кабинета полковнику Хаузу, добавив от себя, что, с его точки зрения, в американских интересах направить японскую энергию в безлюдную Сибирь. Решение Британии поддержать Японию вызвало в Вашингтоне шок. Американцы вовсе не желали континентального закрепления их тихоокеанского соперника. Президент Вильсон видел во всем этом откровенный дележ русского наследства. Англичане избрали своей зоной Южную Россию, а японцы — Сибирь. Президент Вильсон прямо сказал государственному секретарю Лансингу, что «в этой схеме нет ничего умного и ничего практичного».⁶⁴⁵

В пику всем европейским и азиатским хищникам президент Вильсон решил осуществить дипломатическое наступление, обращаясь к центральному русскому правительству, какой бы ни была его политическая ориентация. Вильсон нашел поддержку некоторых экспертов. Так, советник Лансинга Б. Майлз критически

оценил прежнюю практику игнорирования правительства Ленина. «Все наблюдатели, возвращавшиеся из России, кажутся убежденными в том, что политика непризнания производит негативный эффект; она бросает большевиков в объятия немцев».⁶⁴⁶

Агония России

В руках большевиков, сообщал германский посол Мирбах 30 апреля 1918 года, Москва — священный для России город, резиденция церковных иерархов и символ прежней царской мощи — подверглась сокрушительному уничтожению всякого вкуса и стиля; ее невозможно узнать. Кажется, что город населен одним пролетариатом; на улицах не встретишь хорошо одетых людей, буржуазия сметена с лица земли, как и духовенство. По фантастическим ценам в магазинах продают пыльные осколки прежней роскоши. Главной характеристикой возникающей картины является всеобщее нежелание работать.⁶⁴⁷ Фабрики остановились, и не ведутся работы на полях. Россия, казалось, приготовилась к еще худшей катастрофе. Отчаяние старых правящих классов безгранично. Посол пишет в донесении: «Вопль о возможности организованных условий жизни достигает низших слоев народа, и чувство собственного бессилия заставляет их надеяться на спасение со стороны Германии». В этом месте кайзер Вильгельм написал на полях: «Со стороны Англии и Америки, либо со стороны нас (через посредничество русских генералов)».⁶⁴⁸

Москва была очень необычной столицей — помимо евразийского облика, она стала сценой столкновения главных мировых сил. Эти силы сражались между собой, но их главным призом была огромная, распростертая ниц страна, испытывавшая нечеловеческое напряжение и огромное унижение.

На Западе видели, что Германия движется вперед в России, захватывает ее плодородные части, размещает там свои гарнизоны, пользуясь тем, что русская армия фактически исчезла. С каждым днем увеличивалось вероятие того, что, получив все необходимое на Востоке, кайзеровская армия оборотится всею тевтонской силой на Запад, где измождение четвертого года войны уже давало себя знать. В этой обстановке Лондон не мог вручить ключи от своей судьбы кому бы то ни было, и уж конечно не японцам. Ожидать, что японская армия, перевалив через Урал, восстановит Восточный фронт, было уже немыслимо.

Ллойд Джордж решил взять дело в свои руки и действовать с позиций здравого смысла. Прерывая многословные обсуждения, премьер как бы постулировал новую основу своей русской политики: «С моей точки зрения, Россия является ценным союзником против Германии».⁶⁴⁹ Роберт Сесил предупредил, что установление формальных отношений с большевиками может иметь серьезный социальный резонанс во Франции и Италии. Необязательно, ответил премьер-министр. Для него спасти линию фронта в Северной Франции было значительно важнее всех жарких речей французских и итальянских социалистов.

Локарт получил новые полномочия для связей с петроградским правительством. Его задачей стало убедить большевиков, что Запад не собирается вмешиваться во внутренние русские дела. Формальное дипломатическое признание не следует из-за боязни отчуждения определенных дипломатических сил в России, сохранивших еще лояльность к западным союзникам. Пока двусторонние отношения будут носить «полуофициальный характер, подобный тому, каким он был у Британии в это время с Финляндией и Украиной. Важно осознать, что у двух держав есть общий интерес — избежать удар общего противника. Если требуется идеологическая подоплека, то Россию и Британию должна

объединить одна благозвучная фраза: «Обе страны жа-
лают сокрушить милитаризм в Центральной Европе». Со-
трудничество не только возможно и желательно, но и
его наличие ставит обе страны перед смертельной угро-
зой. Является необходимой предпосылкой избежания
угрозы национальному существованию для обеих стран.
Всё остальное второстепенно в свете возможной грядущей
катастрофы и на Востоке и на Западе.

Британское правительство как бы разворачивает па-
руса. Министр иностранных дел Британии Бальфу
сообщил Троцкому, что правительство его величества
готово предоставить большевикам помощь в борьбе с
немцами, но оно желает знать, что Советское прави-
тельство делает само в целях самообороны, кроме крас-
норечивой пропаганды? Англичане, находясь в крити-
ческих обстоятельствах, использовали и японский
фактор. Лондону будет нелегко остановить японцев,
настроенных на решительные действия, оно «полагает,
что национальные интересы японцев требуют предотв-
ратить германское проникновение на берега Тихого
океана. Мы пока не можем считать их мнение ошибоч-
ным».⁶⁵⁰ Локарт развернул бурную активность, навод-
няя Лондон телеграммами, главный смысл которых был
в том, что наступление японцев — это шаг, направлен-
ный на предотвращение движения немцев к Тихому
океану. В России все воспримут карт-бланш, даваемый
Западом японцам, как способ ликвидировать больше-
вистское правительство и подвергнуть разделу русскую
территорию.

Робинс полагал, что Соединенные Штаты должны
воспользоваться развернувшимися на Третьем Всерос-
сийском съезде Советов дебатами по поводу мира с
Германией и предложить американскую помощь в слу-
чае, если мир будет отвергнут. Робинс четко фиксиро-
вал отсутствие единства среди руководящих большеви-
ков. 5 марта 1918 г. Троцкий призвал к себе Робинса и
задал восхитивший американца вопрос: «Хотите ли вы

предотвратить ратификацию Брестского договора?» Если России будет гарантировано получение экономической и военной помощи, договор будет отвергнут, а Восточный фронт будет восстановлен хотя бы по Уральскому хребту. Робинс пожелал письменно зафиксировать такую постановку вопроса. Троцкий оказался не готов идти так далеко. Но он все же составил список вопросов, которые можно было воспринять как пробный камень в отношении возможных действий Соединенных Штатов в случае русско-германского кризиса. Главными были следующие вопросы: какой будет позиция Америки, если Япония, тайно или явно сговорившись с Германией, захватит Владивосток?

Американское правительство в конечном счете стало оказывать сдерживающее воздействие на Японию. Прочитируем американского политолога: «Не требует большого воображения увидеть, что, в случае овладения Германией контролем над экономической жизнью России в Европе, а возможно, и в Западной Сибири, в то время как Япония овладеет контролем над остальной Сибирью, результатом будет возникновение угрозы всем демократически управляемым нациям мира. Сомкнув руки над распростертой в прострации Россией, две великие милитаристские державы овладеют контролем над ресурсами и судьбой около семисот миллионов людей. Конечно, союз Германии и Японии с Россией, управляемой реакционной монархией, будет еще более огромным и опасным; но если даже Россия не станет более управляемой реакционными монархистами и сохранит либеральное правительство, в ее экономической жизни на западе будет доминировать Германия, а на востоке — Япония... Возникнут две великие лиги наций — лига демократических стран против более сильной лиги более агрессивных милитаристских наций».⁶⁵¹ Что могли бы сделать американцы для предотвращения захвата японцами русского Дальнего Востока?

Ллойд Джордж не любил профессионалов и больше доверял свежему впечатлению любителей. Он ненавидел громоздкую бюрократию и хотел вести дела через личных доверенных. Локарт, уже получивший известность как специалист по России, стал занимать такую позицию личного посланца премьера. Главной идеей Ллойд Джорджа было сыграть на страхе русского перед атакующей Германией, найти точки соприкосновения двух стран, чья судьба прямо или косвенно зависела от Берлина. Тактика британского лидера, казалось, начала оправдываться. Первые контакты обнадежили Локарта. Троцкий согласился приостановить большевистскую агитацию в Британии в обмен на прекращение английской помощи контрреволюционным антибольшевистским силам. Локарт писал своему высокому патрону, что прихода немецких частей больше всего ждут в России как раз оппозиционные по отношению к большевикам силы. Они способны способствовать этому приходу. И для них характерен страшный (с точки зрения Британии) фатализм: если гибнет Россия, пропади пропадом весь мир. Лондон не должен ставить на изможденных войной офицеров. Многолетние усилия Британии закрепиться в России должны дать результат сейчас или никогда. Было бы неразумно бросить дело, в которое вложено столько усилий, не капитализировать многолетнюю скрупулезную работу: «Я не могу скрыть ощущения того, что, если мы упустим эту возможность, мы отдадим Германии приз, который компенсирует все ее потери на Западе».⁶⁵² Британия должна сохранять хладнокровие, нельзя сделать результатом войны союз Германии и России.

В Форин-оффисе идеи Локарта получили поддержку. Во-первых, здесь были еще сильны старые русофилы. Во-вторых, сказался негативный опыт общения с сепаратистами, раскалывающими Россию. Чиновник Форин-оффиса Р. Грехэм, размышляя над письмом Локарта, сделал такое заключение о самом большом сепаратистском дви-

жении: «Украинская рада, безусловно, не та площадка, на которую нужно ставить». ⁶⁵³ В посланиях Локарта Лондон увидел страну, экономика которой рухнула, политическая система которой находилась в переходном бессилии. Британский историк пишет, что в донесениях Локарта этого периода содержалось «не что иное, как схема британского охвата всей русской экономики — гигантское расширение зоны влияния британского империализма, в то время как лежащая в прострации Россия могла быть низведена — или поднята — до статуса британской колонии». ⁶⁵⁴ Наконец-то появилось настоящее дело. Чиновники министерства иностранных дел разрабатывали механизм скупки ведущих русских банков. Была ли это преждевременная активность, должны были показать следующие события. Не все зависело от кабинетных клерков, хотя теперь, под влиянием целенаправленного патронажа премьер-министра они работали не покладая рук.

Теперь сэр Уильям Уайзмен обсуждал в Вашингтоне с полковником Хаузом не периферийные проблемы Дальнего Востока, а перспективы снятия психологических и прочих преград на пути установления контактов с новым русским правительством. ⁶⁵⁵ Хауз пошел по этому пути значительно дальше: он твердо указал, что Вильсон считает время приспевшим для официального признания большевистского режима. При жесткой решимости военной машины Гинденбурга это оказало бы позитивное воздействие на «либеральные круги в Германии и Австрии» и ликвидировало бы представления о том, что Запад в России поддерживает лишь реакционеров.

Судьба Украины

Германское наступление на Украине продолжалось. Германские дивизии продвинулись восточнее и севернее Киева и Харькова — вплоть до крупного же-

железнодорожного узла, которым в то время являлся Белгород, и до железнодорожной линии, связывавшей Москву с Воронежем и Ростовом.⁶⁵⁶ Взятие Ростова означало обрыв связей Центральной России с Кавказом. Германские войска вошли в Крым и тем самым предотвратили попытку Рады ввести полуостров под свою юрисдикцию. Россия оказалась отрезанной от Черного моря, равно как и от Кавказа. Украинские националисты требовали от Германии создания Украины, включающей в себя Херсон, Крым и многое другое. Москва ограничивалась лишь протестами в отношении оккупации этих мест — она видела в этой оккупации открытое нарушение Брест-Литовского мира. Но теперь границы дружественной Германии Украины, управляемой номинально Радой, определялись в Берлине. Здесь пришли к выводу, что в это государство-сателлит входят девять областей Волыни, Подолии, Херсон, Таврида (за исключением Крыма), Киев, Полтава, Чернигов, Екатеринослав и Харьков. Гинденбург и Людендорф придавали особое значение укреплению германских позиций в Таганроге — Ростове-на Дону и Кубани, как плацдарму для захвата Кавказа.

Австро-Венгрия колебалась, помогать ли Германии в оккупации Украины — она не хотела антагонизировать поляков. Только после того, как Рада официально уступила (будущей прогерманской) Польше город Хелм, Вена выслала на Украину относительно небольшие воинские части. Главной целью австрийцев была Одесса.

Уже через две недели после подписания Брест-Литовского мира прусский военный министр фон Штейн писал Кюльману, что крепкие связи с Германией должны быть использованы для предотвращения создания таможенного союза между Украиной и Центральной Россией. Следует «отрезать Украину от Центра, привязать к Германии ту часть старой России, которая экономически более значительна и важна в деле снабжения Германии сырьевыми материалами». За Украиной

при германской помощи должны быть закреплены следующие территории: «Не только значительная часть черноземного пояса, но и важные железорудные залежи Кривого Рога, угольные месторождения Донецкого бассейна и табачные плантации Кубани». ⁶⁵⁷ Генерал Гренер должен был довести эти требования до «малюток в министерских детских колясках», как генерал называл министров Рады. ⁶⁵⁸ Но немцев ждали немалые разочарования. Социалисты под руководством Петлюры выставили костюмированную армию в составе нескольких тысяч, которая не представляла собой значительной боевой силы. Хаос нарастал. Обещанные националистами продовольственные припасы не попадали вовремя в германские вагоны. Посланный для расследования ситуации на месте британский офицер Колин Росс докладывал в Форин-оффис, что так называемое украинское правительство не представляет собой ничего иного, как клуб политических авантюристов, занятых прибыльным бизнесом и держащихся на германских штыках. Рада поставила перед собой задачу, ни более, не менее как «мирное проникновение германских сил» в управление страны. Конкретно это заключалось в прибытии фельдмаршала фон Эйхгорна для управления киевской армейской группой и генерала Гренера для организации упорядоченного железнодорожного сообщения с Рейхом. Прибыл и «посол» Мумм фон Шварценштейн, имевший опыт экономических сделок с Востоком. Был создан специальный «экономический отдел», координировавший германское проникновение в экономику региона. Под прикрытием военного щита в восемнадцать дивизий (более трех тысяч человек вместе с австрийцами) Германия начала экономическую эксплуатацию Южной России. Банк Макса Варбурга в Гамбурге подготовил план полного привязывания украинского рынка к германскому. Гельферих писал в конце февраля 1918 г., что Южная Россия будет для Германии более важным рынком, чем Северная Россия, которая

«оказалась экономически ослабленной из-за потери производящего зерно региона и в будущем станет относительно маловажной по сравнению с Украиной, как потребитель германских товаров».⁶³⁹ Согласно Гельфериху и его единомышленникам, следовало изолировать Украину от северной части страны посредством контроля над ее жизненными дорогами. Украинские железные дороги предназначалось инкорпорировать в центрально-европейскую сеть дорог, поставить под контроль германских производителей угля и стали. Объектом особого вождения немцев стал Кривой Рог с его месторождениями железной руды. С Радой были согласованы планы эксплуатации этих природных богатств.

С подписанием 25 апреля германо-украинского договора, по которому сбор урожая на Украине должен был проводиться под надзором германской комиссии, Рада потеряла свое значение для Германии. 28 апреля Рада была окружена германскими войсками и сдалась на милость преобладающей стороны. На следующий день, снова под германским наблюдением, произошло провозглашение Скоропадского гетманом Украины. Гетман в течение двух дней согласовал список своих министров с немцами. Все предприятия, владельцами которых были прежде представители Антанты, становились германской собственностью. Началась работа по переводу южных железнодорожных путей на немецкую колею и включение их в систему Миттельойропы. В конце апреля Гренер нашел подходящую фигуру в лице генерала Скоропадского, бывшего офицера царской гвардии — он должен был обеспечить обязательную трудовую повинность украинских крестьян на полях. Украинский хлеб должен был спасти Германию, намеренную после России сокрушить Запад. Как пишет германский источник Ф.Фишер, «Германия сделала целью своей политики то, что прежде было требованием лишь отдельных индивидуумов: оторвать Украину от Великороссии и от любой другой третьей страны с

тем, чтобы привязать ее экономическую систему к Германии». ⁶⁶⁰ Пропаганда националистов на украинское село концентрировалась на том, что теперь Украина прямо и непосредственно связана с Европой. Это пропаганда немедленно потеряла притягательность, как только украинские крестьяне осознали, что германские представители Европы рассматривают их как источник продовольственного снабжения Миттель Европы.

Кайзер Вильгельм поставил задачу создания украинской армии под германским командованием. Солідные землевладельцы типа Скоропадского должны были помочь в этом деле более эффективно, чем потерявшая престиж Рада. Кайзер наметил пути полной интеграции Украины в германскую зону влияния.

И все же почти миллион германских солдат должен был оставаться на Востоке, в России — немцев губила их собственная жадность. В решающие дни мартовского наступления 1918 г. германские дивизии, исполнявшие полицейские функции на Украине, возможно решились бы кампанию на Западе.

Американцы в новой России

Среди американцев, находившихся в России, обозначились два подхода. Робинс убеждал, что Троцкий серьезен, что он отдал Мурманскому Совету приказ оборонять город от немцев и принимать любую помощь от западных союзников. Вторую линию олицетворял посол Френсис. С его точки зрения, Троцкий пытался играть на противоречиях союзников и ставил перед собой цель при помощи Америки заблокировать японские инициативы на Дальнем Востоке. Но обе линии, если можно так сказать, сближала одна фраза из обращения Троцкого к американцам: «Ни мое правительство, ни русский народ не будут возражать против контроля со стороны американцев над всеми грузами,

направляемыми из Владивостока в Центральную Россию и против фактического американского контроля над работой Сибирской железной дороги».⁶⁶¹

Это был почти исторический шанс. Америке фактически позволяли контролировать главную транспортную артерию России — оставшийся у нее единственный путь выхода из блокады. О том, что в Вашингтоне осознали обозначившуюся уникальную возможность, говорит, по крайней мере, то, с каким тщанием готовил президент Вильсон послание Всероссийскому Съезду Советов. На фоне звучавших последние месяцы проклятий Запада в адрес изменившего союзника, после всех предостережений невиданным социальным экспериментаторам, документ, созданный Вильсоном в середине марта 1918 г., буквально проникнут сочувствием к попавшему в беду государству. В нем выражалась «искренняя симпатия народов Соединенных Штатов к русскому народу в момент, когда германская мощь направлена на то, чтобы прервать и обратить вспять борьбу за свободу и заменить желаниями Германии цели народов России».

Появлялось убеждение, что Америка, осознавая уязвимость России, преградит путь любому вмешательству в русские дела. «Я заверяю через этот съезд народ России, что использую любую возможность обеспечить России снова полный суверенитет и независимость в ее собственных делах, полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного мира... Сердце народов Соединенных Штатов бьется вместе с сердцем народа России в его стремлении навечно освободиться от автократического правительства и стать хозяином своей собственной жизни».⁶⁶² По мнению полковника Хауза, это был «один из наиболее тщательно и умно написанных» документов президента.⁶⁶³

Возможно, Ленин ждал большего — конкретного предложения о военной помощи против немцев. Советское правительство готово было при определенных

условиях стать военным союзником США. Фактом является, что В.И. Ленин 5 марта 1918 г. запросил американское руководство, готово ли оно оказать помощь Советской России, в случае возобновления войны с Германией, а также в случае, если Япония, сама или по договоренности с Германией, попытается захватить Владивосток и Военно-Сибирскую железную дорогу. При этом В. И. Ленин оговаривал: «Все эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предложением, что внутренняя и внешняя политика Советского правительства будет как и раньше направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское правительство сохранит свою полную независимость от всех несоциалистических правительств».⁶⁶⁴

Ленин запросил у американского правительства содействия в расширении сети железных дорог и водных путей — как часть процесса взаимного улучшения отношений, развития экономического сотрудничества и сближения. Контакт с президентом Вильсоном Ленин постарался наладить через посредничество руководителя службы американского Красного Креста — Р.Робинса. На Вильсона послание Ленина произвело сильное впечатление. Госсекретарю Лансингу Вильсон охарактеризовал это впечатление так: «Предложения затрагивают чувствительные струны более сильным образом, чем я ожидал от автора. Различия наши лишь в конкретных деталях».⁶⁶⁵ Наступил короткий период, когда даже скептики поверили в возможность сближения двух стран.

5 марта 1918 г. американское правительство уведомило Японию, что не может одобрить ведения ею военных действий в России. Выступая как единственный друг покинутой Богом страны, президент Вильсон изъявлял симпатию к этой стране и ее революции, «несмотря на все несчастья и превратности фортуны, которые в текущее время обрушились на нее».⁶⁶⁶ Но время надежд длилось недолго. Робинс позже высказывал мне-

ние, что Ленину нужно было продлить время работы Съезда Советов. В ночь голосования о ратификации Брестского мира Ленин сделал драматическую паузу, чтобы узнать, не пришли ли известия о возможной помощи из внешнего мира. Сдерживая Японию, Вильсон все же не сделал конкретных предложений о помощи собственно России. И Робинс всегда утверждал, что «была упущена возможность неизмеримых исторических пропорций».

Трудно судить об утерянных в его начале возможностях Ленину, даже если он ждал от Вильсона предложения о помощи, все же строил свою политику на изоляции от эксплуататорских классов капиталистического Запада (рядом радикализации рабочих масс центральных и западных стран), а Вильсон, разумеется, не испытывал к российскому социальному эксперименту личных симпатий. Не закрывая глаза на очевидную противоположность взглядов, отметим все же факт, что в дни обсуждения Брестского мира вся международная ситуация была в своего рода «подвешенном состоянии», мир был флюидным, большие повороты были возможны. В условиях, когда немцы наступали с запада, японцы готовились к аннексии Сибири, англичане и французы направлялись на север и юг растерзанной страны, любое правительство, в том числе и правительство Ленина, оценило бы дружественную помощь, откуда бы она ни пришла. Возможно, Америка и Россия упустили свой первый шанс в текущем столетии. Как пишет американский историк Д. Гарднер: «В любом случае, если бы последовало предложение помощи, Ленин не смог бы его утратить. И если даже прибытие американского предложения ничего не изменило бы в этот вечер — или в следующее десятилетие — изменились бы советские отношения с Западом».⁶⁶⁷ Обе стороны: и Россия и Запад — проявили своего рода фатализм, который дорого обошелся им обоим.

Как у русских, так и западных наблюдателей скла-

давалось впечатление, что торжествующая Германия готова на все. То было время, когда германский офицер среди бела дня застрелил двух русских солдат в петроградском «Гранд-отеле» за то, что те «были грубы с ним». В русские города прибывают германские представители. Они становятся еще одним щитом, заслоняющим Россию от Запада.

В Вологде посол Френсис обустроился и вел обычную посольскую работу с 4 марта 1918 г., принимая местных чиновников и стремясь оценить складывающуюся в России ситуацию. Советское правительство послало для связей с посольством своего представителя Вознесенского, чьей задачей было определить политическую линию союзников. В совершенно смятенном мире того времени атмосфера была полна самого разного сорта слухами. Важнейшие из сведений, передаваемых из Вологды американцами: Мурманский совет благожелательно относится к союзникам, а Архангельский, напротив, резко отрицательно. Американский посол именно в эти дни теряет веру в возможности США влиять на большевистское правительство России. Френсис начал докладывать, что большевистское правительство, переселившееся из Петрограда в Москву, все более входит в зону влияния Германии. Впервые глава американских дипломатов в России встает на сторону силовых решений. Он посылает в Вашингтон рекомендацию: базируясь на Харбине, совместно с японцами и китайцами захватить Транссибирскую магистраль, а в случае дальнейшего продвижения немцев создать линию обороны за Уральским хребтом. В этом случае здесь понадобится сформировать «временное правительство» России, которое возьмет на себя задачу отражения германского вторжения.

Но полковник Хауз отверг эти схемы. Их презумпцией был союз с Японией. Продвижение японских контингентов в глубину Сибири сделает Америку младшим партнером в сомнительном предприятии. В то же

время жажда контроля над необитаемыми просторами Сибири подвергнет риску дискредитации репутацию Вильсона. Разменять лидерскую позицию таким недостойным образом было бы просто глупостью. Хауз писал Вильсону: «Вся структура, которую Вы так осматрительно создавали, может быть разрушена в течение одной ночи. И наше положение будет не лучше, чем у немцев».⁶⁶⁸

А англичане? Локарт пытался сохранять надежду до последнего: оккупация огромных русских просторов требует многочисленных гарнизонов, Германия подавится своей жадностью, немцы будут вынуждены «содержать на Востоке не меньше, а больше войск». Пассивное сопротивление хорошо знакомо русским. О нем знает Европа по наполеоновской эпопее в России. Это сопротивление свяжет немцев. В данном случае так же, как Локарт, думал Троцкий, который накануне вероятного военного поражения и оккупации вынашивал идею организации в уральском и волжских регионах массового движения сопротивления.

Мартовское наступление немцев

Перевод германских сил с Востока на Запад обеспечил удвоение германской полевой артиллерии — с 2 тыс. единиц до 4 тысяч. Март 1918 г. на Западе начался активизацией войны в воздухе. Австрийские самолеты бомбили прекрасные итальянские города, а новые немецкие бомбардировщики «Гигант» обрушили смертоносный груз на Лондон, Париж и Неаполь. В воздухе работала не только бомбардировочная авиация. Радиоволны несли активный пропагандистский заряд. Немецкое коротковолновое радио передало отчет о допросе пленных американцев. «Это крепкие молодые люди без особого желания сражаться. Они полагают, что все происходящее инициировано нью-йоркскими финан-

системами. Они ненавидят англичан, но испытывают по отношению к ним и своего рода уважение. С французами они в хороших отношениях. У них нет ни малейшего представления о том, как должны проводиться военные операции, кажутся недалекими и фаталистически настроенными по сравнению с привыкшими к боевым действиям французами. Они были рады избежать дальнейших боев».⁶⁶⁹

11 марта германские войска оккупировали Одессу. Даже Наполеон, пишет М. Гилберт, не владел контролем от Балтийского до Черного моря. В Николаеве немцы захватили российский линейный корабль и не тронутые, готовые к любому строительству доки. Гогенцоллернам предоставилась лестная миссия поисков правителей новых владений. Кайзер решил не делать Латвию германским герцогством — было решено превратить Курляндию, некогда принадлежавшую тевтонскому ордену, в германский протекторат. Но все приятности зависели от того, сумеет ли Людендорф быстро и эффективно перебросить войска с Восточного фронта на Западный и нанести решающий удар до того, как Америка в военном смысле станет своего рода заменой России. Контур своей судьбы Запад увидел в начале марта, когда германская штаб-квартира сочла момент подходящим и нанесла первый удар.

8 марта 1918 г. германская артиллерия приступила к решающим операциям. Все прежние наступательные операции в условиях траншейной войны вели западные союзники — Сомма, Пашендейль, Камбре и не имели решающего успеха. Могут ли добиться его немцы? Между Ипром и Сен-Кантенем встала завеса мощного артиллерийского огня — немцы начали с горчичного газа и фосгена. Но свое подлинное наступление немцы оставили «на потом». 19 марта 1918 г. они обрушились на участок английского фронта у Сен-Кантена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Мы обращаемся с большевистским правительством так, словно оно не является правительством. При старом режиме мы бы не высадились в Мурманске и Владивостоке без разрешения царя. Мы действуем как во времена французской революции — захватывая Тулон и прилегающие места одно за другим.

Д. Ллойд Джордж, 1918

В Россию легче войти, чем выйти из нее.

В. Вильсон, 1918

Кошмар войны на два фронта для Берлина окончился и появился план выиграть войну. На Восточном фронте немцы собрали обильную «жатву» в виде огромного числа артиллерийских орудий, снарядов, пулеметов, патронов. Еще более усовершенствованная за годы войны германская система железных дорог позволяла концентрировать войска на избранном направлении. Через неделю после ратификации Советской Россией Брестского мира немцы пошли на решительный приступ Запада, чтобы успеть до боевого крещения американской армии. Время речало все. Это понимали и в западных столицах — впервые премьер Ллойд Джордж говорит не о наступательных операциях, а о стратегической обороне: дожидаться американцев, полностью военизировать экономику, мобилизовать общество и ждать, когда ослабнут силы у этого титана — Германии.

Германскому командованию удалось дезориентировать западных союзников, имитируя удар на южном участке Западного фронта. Немцы собирались нанести удар севернее — между французским участком фронта

и английским экспедиционным корпусом, сокрушить французский фронт на реке Эна, а британский на реке Сомме и совершить бросок к Парижу. Ранним утром в день весеннего равноденствия — 21 марта 1918 г. фронт заревел шестью тысячами тяжелых орудий — артподготовка немцев длилась жестокие пять часов. Британский генерал Гоуг «проснулся в своей комнате в Несле от звука канонады — такого устойчивого и ровного, что придавало ему характер всесокрушающей и буйной силы».⁶⁷⁰ Западных союзников ожидали два миллиона снарядов с газовой начинкой. В небе 326 германских истребителей встретили 261 самолет союзников.

На пути немецкой пехоты лежали сокрушенные артиллерийским огнем остатки деревень и отдельные острова сопротивления пятой армии Хейга, имевшей некомплект личного состава до 50 % — 6 тысяч солдат в дивизиях вместо положенных 12 тысяч. В первый же день немцы прошли семь километров, захватив в плен 20 тыс. англичан. Англичане пытались контратаковать — вперед на верную смерть пошли двадцать танков, уничтоженных почти мгновенно. С небес упали тридцать союзных самолетов. 23 марта три особых крупнокалиберных орудия начали обстрел Парижа с расстояния чуть более ста километров гигантскими снарядами, летевшими к цели примерно четыре минуты. Двадцать снарядов убили 256 парижан. Легко возбудимый кайзер после всего этого возвратился в Берлин со словами: «Битва выиграна, англичане полностью разбиты».⁶⁷¹

Пришедшие на помощь пять французских дивизий были смяты и отброшены. Ллойд Джордж в этот день попросил своего посла в Вашингтоне лорда Ридинга объяснить президенту Вильсону, что при нынешнем состоянии дел с резервами, «мы не можем поддерживать наши дивизии живой силой... и не сможем поддерживать наших союзников, когда очередь дойдет до них... Вы должны призвать президента отбросить все вопросы

интерпретации прежних соглашений и послать пехотные части настолько быстро, насколько это возможно. Ситуация, без сомнения, критическая, и, если Америка замешкается, она может опоздать».⁶⁷²

Посол Ридинг, без промедления принятый Вильсоном, просил передать американские войска во Франции в состав французских и британских соединений, не откладывая участия в боях до формирования боеспособных частей под собственным командованием. «Президент секунду молчал. Затем он ответил, что, согласно конституции, у него есть полномочия принимать необходимые решения, и он полон решимости отдать нужные приказы. Вопрос был исчерпан».⁶⁷³ В эти несколько минут, возможно, решилась мировая история.

Германские войска 24 марта перешли Сомму, вбивая клин между французским и британским секторами, сумели это сделать, захватив Бапом и Нуайон, взяв 45 тысяч военнопленных. Произошел спор между Хейгом, остро нуждавшимся в помощи, и Петэнном, боявшимся за свои позиции в Шампани. Даже хладнокровные британцы готовились к худшему — в Лондоне обсуждали возможность отхода к Ла-Маншу. Надежда в эти часы заключалась в предположении, что «резервы у бошей не бездонные». Но судьба строптива. Один британский генерал, чья дивизия превратилась в батальон, едва живой, неожиданно сказал, «мы победили», имея в виду даже не мужество своих солдат, а трудности немцев с подкреплениями и новую черту боев: наступающие немцы — в случае контратак против них — стали сдаваться. Готовая победить армия в плен не идет.

Благословением для союзников была достигнутая накануне сплоченность, при которой генералиссимус Фош осуществлял общую координацию. На совещании в Дулансе 26 марта одна французская армия была перемещена от Сан-Миэля к Амьену, где Фош приказал «защищать каждый сантиметр территории». Немцы

27 марта были в семидесяти километрах от Парижа. Союзники возвращали в бой даже раненых. Но их контратака 30 марта 1918 г. показала, что германские силы не беспредельны. Сражаясь не на жизнь, а на смерть на Западе, Германия содержала в Восточной Европе сорок дивизий — полтора миллиона человек.⁶⁷⁴ Если бы эти силы были введены в бой в марте-апреле 1918 г., исход войны мог быть другим.

И все же немецкая военная машина была всего в восемнадцати километрах от Амьена, взяв в плен 90 тысяч человек и 1300 орудий. До Парижа оставалось шестьдесят километров. В авангарде наступающих армий стояли войска, снятые с восточного фронта. Расширение клина между французами и англичанами грозило крахом всего фронта. Приказ Фоша звучал как заклинание: «Не потерять ни метра!» Но немцам так и не удалось коснуться нервного узла оборонительной линии союзников — их поразительная энергия показала признаки утомления. Лорд Биркенхед: «После двухнедельной битвы фронт все еще стоял, и последний порыв Людендорфа увял. Амьен был спасен, равно как и Париж; спасены были порты Ла-Манша; спасена была Франция; спасена была Англия».⁶⁷⁵ В порты Франции начали прибывать по 120 тысяч американских солдат ежемесячно. И хотя немцы перевели еще восемь дивизий с востока на запад, соотношение сил стало необратимо меняться в пользу западных союзников. Британская медсестра внезапно увидела колонну солдат. «Необычная раскованность, вид смелой энергии заставляли смотреть на них с интересом. Они выглядели выше обычных людей; их высокие статные фигуры являли собой заметный контраст с обычными солдатами... Ритм, такое достоинство, такое безмятежное выражение самоуважения. Это были американцы».⁶⁷⁶

9 апреля Людендорф бросил четырнадцать немецких дивизий (после четырехчасовой артподготовки) на фронт шириной пятнадцать километров. 11 апреля ге-

нерал Хейг издал свой знаменитый приказ: «У нас нет другого пути, кроме как сражаться. Каждую позицию нужно защищать до последнего человека: иного выхода нет. *Прислонившись спиной к стене и веря в справедливость нашего дела, каждый из нас должен сражаться до конца*». ⁶⁷⁷

Россия: на самом дне пропасти

Тяжела была доля России — с каждым днем историческое пространство России уменьшалось. Это был, возможно, самый тяжелый период в русской истории. В Брест-Литовске Россия лишилась Польши, Балтийских провинций, Финляндии. 28 января 1918 г. Украинская Рада объявила о своей независимости. В апреле и мае декларации независимости последовали от Грузии, Азербайджана и Армении. Все эти территории так или иначе находились под опекой Германии. Канцлер Гертлинг утверждал, что Германия реализует на Востоке принцип самоопределения наций, что Германия «установила хорошие отношения с этими народами (живущими на западе и юге России. — А.У.) и с остальной Россией», настаивая на оборонительном характере германских операций в России, которые якобы следуют за «призывами о помощи», звучащими на Украине, в Ливонии и Эстонии, делая германское военное вмешательство «морально неизбежным».

В последующие месяцы 1918 г. под вопрос было поставлено само историческое бытие России. На месте величайшей державы мира лежало лоскутное одеяло государств, краев и автономий, теряющих связи между собой. Центральная власть распространялась, по существу, лишь на две столицы. Треть европейской части страны оккупировали немцы — Прибалтика, Белоруссия, Украина. На Волге правил комитет Учредительного собрания, в Средней Азии — панисламский союз, на

Северном Кавказе — атаман Каледин, в Сибири — региональные правительства. Великая страна пала ниц. Падение не могло быть более грубым, унижительным, мучительным. Великий внутренний раздор принес и величайшее насилие. Сто семьдесят миллионов жителей России вступили в полосу гражданской войны, включающей в себя все зверства, до которых способен пасть человек. Россия уже не смотрела на Европу. Та сама пришла к ней серыми дивизиями кайзера, дымными крейсерами Антанты. Запад самостоятельно решал проблему своего противоборства с Германией, а Россия превращалась в объект этого противоборства. Впервые со времен Золотой Орды Россия перестала участвовать в международных делах. Страна погрузилась во мрак. Да, были беды и прежде. Поляки владели Москвой, и Наполеон владел древней столицей. Но впервые со смутного времени внешнее поражение наложилось на неукротимый внутренний хаос, и впервые за пятьсот лет у русского государства не было союзников. Окружающие страны возделенно смотрели на русское наследство.

А социалисты смотрели на происходящее в другой плоскости. В марте 1918 г. В. И. Ленин назвал государство, главой правительства которого он являлся, лишь передовым отрядом мирового революционного пролетариата, существующим сепаратно «лишь ограниченный, возможно, очень короткий период. Нашим спасением от возникших трудностей является революция во всей Европе». Однако случилось так, что западные коммунистические партии стали не авангардом, а арьергардом русского коммунизма. Теоретически большевики не беспокоились о границах государства как «временного наследия прошлого». Член французской военной миссии Антонелли разъяснял Западу, что для большевиков «неважно, например, отдана Литва Германии или нет. Что действительно важно, так это будет ли литовский пролетариат участвовать в борьбе против

литовского капитализма». ⁶⁷⁸ Ленин твердо стоял на этой точке зрения — как сказал он в письме американским рабочим от 20 августа 1918 г., «тот не социалист, кто не пожертвует своим отечеством ради триумфа социальной революции».

Прозападные по своей учености, большевики оказались самыми большими изоляционистами, обусловив связи с Центральной и Западной Европой немислимым — победой там братской социал-демократии. Поскольку политические миражи рано или поздно рассеиваются, фантом мирового восстания стал уходить за горизонт, а на первый план вышла главная функция каждого организма — забота о самосохранении. Постепенно порыв разжигателей мировой революции отодвигается конкретными задачами выживания. Вперед с неизбежностью жизненного потока стала выходить та российская «самобытность», о которой не мечтали даже славянофилы. Россия действительно обернулась на Запад, словами А.Блока, «своею азиатской рожей». Западная модель развития была отвергнута установлением небывалой формы правления, связи с Западом надолго были опóрочены публикацией секретных договоров, отказом платить заграничные долги, созданием революционного Третьего Интернационала.

Психологически это был отрыв от петровской парадигмы. Можно согласиться с Т. фон Лауэ, что «большевистская революция представляла собой, по крайней мере частично — прорыв в глубинных амбициях русского эго. Несогласные с простым отрывом от старой зависимости, большевики сразу же универсализировали свой успех, объявив себя авангардом социалистической мировой революции. Настаивая на прогрессе, осуществленном с созданием советских политических институтов, они пока еще признавали отсталость России. Но со временем осторожность была отброшена, и утверждение своего превосходства становилось все более настойчивым, пока при Сталине Советский Союз

не был провозглашен высшей моделью общества».⁶⁷⁹ Петровская прозападная ориентация царского образца уступила место жесткому антизападному курсу. Старое противоречие послепетровского периода русской истории между внешней политикой (прозападной прежде) и внутренней (периодически менее дружественной Западу) практически исчезло.

Мнение о свободе рук у большевиков едва ли справедливо. Уже на самой ранней стадии они ощутили, что при всем желании расстаться с царистским прошлым, Россия живет в исторических обстоятельствах, складывавшихся столетиями, что вокруг революционного Петрограда не политический вакуум, а подверженная колоссальной инерции совокупность обстоятельств. Европоцентризм не мог уйти как чуждый дым на русском пепелище. Система образования, содержимое библиотек — да само российское мировосприятие не позволяло сделать обрыв животворных связей мгновенным. Да и следовало ли их так целеустремленно обрывать? Не помощь братьям по классу, а собственное выживание объективно стало главным пунктом повестки дня Советской России уже в 1918 г. Ленину и его соратникам пришлось столкнуться, прежде всего, с проблемой национального выживания, имевшей лишь косвенное отношение к марксистской догме. Исторический опыт России, ее многовековая направленность развития не могла быть изменена никаким декретом. Стало ясно, что никакая нация, даже в революционной фазе своего развития, не может осуществить полный обрыв связей с прошлым, проигнорировать мудрость всех государственных деятелей прошлого. Главная задача оставалась прежней: выйти из круга отсталости, войти в круг мировых лидеров. Хотя цели новых вождей России были универсальными, они сразу же оказались в положении, когда обстоятельства продиктовали им необходимость безотлагательных действий в национальных рамках. Даже с точки зрения мировой революции сле-

довало сохранить плацдарм этой революции. И уже в Брест-Литовске им приходилось решать задачи не только интернациональные, но и сугубо национальные.

Советское правительство, имея на руках не так много карт, пыталось использовать по-своему бывших западных союзников. Троцкий начал довольно тонкую игру относительно возможности посылки на прежний русский Восточный фронт войск антигерманской коалиции. Он был даже не против приглашения сюда японцев, но такой поворот дел следовало обставить должным дипломатическим образом. В качестве обязательного условия Запад должен будет в какой-то форме признать московское правительство. Лишь тогда можно будет приступить к составлению военно-мобилизационного расписания — когда, где и сколько воинских частей японцев можно будет разместить в Европе, перевоза их через Урал. Москва при этом явно пыталась использовать страх Запада перед грядущими ударами Людендорфа.

Запад после Бреста

2 апреля 1918 г. генерал Першинг передал американские войска малыми частями в состав французских и британских соединений. Обескураживала недостаточная скорость подготовки американских войск и, прежде всего, осознание факта, что Германия тоже понимает, что это ее последний шанс и готова предпринять крайние усилия. Как писал Черчилль Ллойд Джорджу, «немцы пойдут в этой борьбе до конца, они будут биться за конечное решение все лето, и их ресурсы в настоящее время больше наших».⁶⁸⁰

Ощущая смертельную опасность, нависшую над Францией в марте-апреле 1918 г., генерал Лавернь, сменивший на посту главы французской миссии Нисселя, начал в осторожной форме давать наркомвоену Троцкому благожелательные «советы». Как вспоминает

Троцкий. «по его словам, французское правительство считается теперь с фактом заключения Брестского мира и хочет лишь оказать нам вполне бескорыстную поддержку при строительстве армии. Он предлагал предоставить в мое распоряжение офицеров многочисленной французской миссии, возвращавшейся из Румынии. Два из них, полковник и капитан, поселились напротив здания военного комиссариата, чтобы быть всегда у меня под рукой».⁶⁸¹

Англичанин Локарт в мартовские дни 1918 г. видел свою миссию в создании впечатления о наличии жизни у падающего русского гиганта — ведь одно его шевеление могло заставить немцев насторожиться, лишило бы их ощущения свободы рук на Востоке. Он пишет в Лондон задиристые телеграммы: «Вы не можете ожидать от большевиков теплых слов в отношении британских капиталистов. Они и без того еще удивительно вежливы с нами».⁶⁸² Но в Лондоне больше слушали уже не Локарта, а своего бывшего военного представителя в России генерала Нокса, который советовал перестать заниматься самоутешением и флиртовать с большевиками — такая политика и безнравственна и ошибочна. Снова в узком кругу, определяющем британскую политику, обозначились два подхода, противостоящие друг другу. Если для Локарта начало процесса создания Красной Армии было знаком надежды, то для Нокса обещание Троцкого сформировать в кратчайший срок полумиллионную армию было знаком беды. Эту новую армию он видел стоящей только на противоположной стороне. И мнение Нокса возобладало в Лондоне.

На протяжении бурных месяцев 1918 г. Бьюкенен, все более перемещаясь на позиции противодействия русскому коммунизму и поддержки вооруженной интервенции в России, убеждая правительство, что русский вопрос является самоценным и будет доминирующим фактором международного положения, пока не будет найдено какой-либо формы его решения. Без

этого решения не может быть устойчивого мира в Европе, даже если Центральные державы и их противники выяснят свои отношения. Опасности существуют и при активной, и при пассивной позиции Запада. С одной стороны, если предоставить России ее участи, то в один роковой для Британской империи день Германия может получить в свое распоряжение огромную людскую силу России и ее беспредельные богатства ископаемых. С другой стороны, оказать России помощь и позволить большевикам упрочить свое положение — означает предоставить их агентам возможность распространять разрушительные коммунистические доктрины в Европе и Азии.

Бьюкенен не одобрял идеи массовой военной экспедиции, так сказать, «завоевания России». Он выступал за укрепление собственно белых добровольческих частей, за посылку небольших отрядов добровольцев, которые следует сформировать, обратившись с призывом к британским и колониальным частям. Прямо-таки «горсть» британских войск, вооруженная танками и аэропланами, без особого труда окажет решающую помощь белому генералу Юденичу в овладении Петроградом. Сравнительно небольшой отряд англичан, по мнению Бьюкенена, мог бы контролировать штаб Деникина и не позволил бы ему обратиться к губительной антикрестьянской политике. Участие в русской гражданской войне могло обойтись Британии недешево, но дело стоило того. Речь шла о судьбе величайшей страны, о балансе сил в будущем мире. «Если цель этого предприятия будет достигнута, то потраченные средства окажутся помещенными в хорошее дело. Мы могли бы спасти важные британские интересы в России».⁶⁸³

Черчилль в секретном послании военному кабинету от 7 апреля предлагал уговорить Россию возвратиться в строй воюющих держав, послав в Россию видного представителя союзников (скажем, экс-президента США,

Т. Рузвельта) с предложением помощи в восстановлении Восточного фронта. Предложив сохранить «плоды революции», можно восстановить пугающую немцев войну на два фронта. «Давайте не забывать, что Ленин и Троцкий сражаются с веревками вокруг шеи. Альтернативой пребывания власти для них является лишь могила. Дадим им шанс консолидировать их власть, немного защитим их от мести контрреволюции, и они не отвергнут такую помощь».⁶⁸⁴

За океаном

Робинс по телеграфу передал в качестве высшего символа надежды предложение Троцкого принять западных военных специалистов для помощи в создании новой русской армии. Роль Нокса (исключавшего сотрудничество с Советами) при Робинсе исполнял посол Френсис, отказывавшийся верить в немыслимый союз. Он видел в новой русской армии четко и ясно выраженную угрозу социальному строю Запада. Но Френсис был не «абсолютным Ноксом» и не исключал для себя сотрудничества с Советской Россией полностью, поручая военному атташе начать переговоры с центральным русским правительством. В любом случае, размышляя переехавший в Вологду Френсис, новая русская армия будет единственным для России инструментом самозащиты от немцев. (У посла были и более потаенные мысли: «Моим подлинным и строго тайным намерением является так организовать эту армию, чтобы ее можно было изъять из-под большевистского контроля, использовать ее против немцев и даже против ее создателей»).

Радовали ли японские планы Троцкого американцев? Президент Вильсон сказал британскому послу Риддингу, что предложения Троцкого подают поиски русскими новой ориентации в несколько новом свете. Но

не следует обольщаться — большевики в поисках собственного спасения могут быстро переменить фронт и тем самым завлечь Запад в западню. Президент не был уверен, что японские генералы будут рады видеть рядом американских коллег. Постепенно теряя свой энтузиазм и посол Френсис, он все больше отзывался о Робинсе (персоне грата для большевиков) с раздражением. Все эти «приглашения к интервенции» — блеф: маневры большевиков направлены лишь на консолидацию их власти, большевики просто раскалывают фронт союзников. Грядущие битвы на Западном фронте и растущее неверие Френсиса в увертюры советского правительства повлияли на президента. Он начинает задумываться о фрагментаризации России, просит Лансинга изучить возможность создания самоуправляемого «ядра», вокруг которого объединилась бы основная часть Сибири.

Вильсон старался использовать полную ориентированность экономической машины европейского Запада на войну. Совместить помощь, альтруизм и распространение влияния могла лишь экономика Америки. Президент поручил энергичному бизнесмену Г. Гуверу оказать пострадавшим от экономической разрухи районам России материальную помощь. Главная задача: способствовать возникновению «структурно оформленного правительства, не зависящего от Германии». Побочная задача — не позволить нетерпеливым союзникам воспользоваться возникшим в России политическим и экономическим вакуумом.

Хауз считал, что миссия Г. Гувера позволит Америке вторгнуться в самый центр русских событий; желательное приглашение комиссии большевистским правительством, но, если такового не последует, миссия двинется вперед под охраной американских войск. А когда Гувер со своими людьми внедрится в Россию, президенту не удастся уйти от ответственности и он вынужден будет предоставлять миссии всю запрашиваемую ею военную помощь. То был один из поворотных моментов во

взаимоотношениях России и Запада. Теперь Россию «открывали» миру, даже если она того не желала. Если Россия не идет на Запад, то Запад приходит к России. Гувер не был пешкой в этой игре — он понимал, что происходит, и боялся, что «господа Ленин и Троцкий могут воспринять миссию как троянского коня союзников». Американская миссия в России, сопровождаемая американскими войсками, может быть дурным примером. Завтра такие же миссии пришлют англичане и японцы.

Президент-кальвинист не верил в искренность западных восстановителей «Восточного фронта» и, отличаясь безупречным реализмом, стремился предотвратить доминирование в России как западных (англо-французов), так и восточных (Япония) претендентов на доминирование. Если бы Россия попала под чужеродную опеку, то главный замысел Вильсона — создание Лиги Наций — будет безнадежно искажен. Россия слишком велика. Владея контролем над нею, Германия, Британия или Япония — любой претендент на исключительное положение в мире — становились глобально неуязвимыми. Изменение путем создания Лиги Наций всей системы международных отношений ставит задачу предотвращения колонизации крупнейшей континентальной страны. Весной 1918 г. американский президент встал на ту точку зрения, что, даже не признавая дипломатически, Россию нужно поддерживать, закрыв пока глаза на правящую в ней идеологию. Важно не бросить ее в объятия немцам, важно не допустить в Россию очередного благодетеля-злодея. А после окончания мировой войны с русским вопросом можно будет разобраться спокойнее, учитывая общее ослабление союзников и нужду России в помощи.

К концу апреля 1918 г. послу Френсису стало ясно, что «советское правительство не выступит против Германии, не имея союзнической поддержки. В то же время советское правительство согласится не противо-

действовать интервенции союзников, когда убедится в ее неизбежности. Разумеется, есть вероятность того, что советское правительство будет вынуждено реагировать на союзническое вмешательство и запросит совета немцев; мы должны пренебречь этим риском — Россия проходит сквозь оргию, от которой она однажды пробудится, но чем дальше будет длиться этот кошмар, тем более прочные позиции получит Германия».⁶⁸⁶

После последней поездки в Петроград в мае 1918 г. Френсис пишет о тягостном впечатлении от покинутого города, некогда «великой столицы всей России и самого веселого города Европы». Он посылает в государственный департамент анализ американских усилий: «Пришло время для союзнической интервенции. Я надеялся, что советское правительство само запросит о помощи, и действовал в соответствующем направлении. Во-первых, я оставался в России в то время, когда другие союзные миссии покинули страну. Во-вторых, развивал деловые отношения с большевиками. В-третьих, выступал против одностороннего японского вмешательства. В-четвертых, предложил союзническую помощь для создания новой русской армии. В-пятых, добился посылки специалистов железнодорожного дела. В-шестых, поощрил торговые контакты между Америкой и русскими купцами. Но все оказалось напрасным. Германский посол Мирбах занял позицию, более близкую советскому правительству, чем у любого из представителей противоположной коалиции. Теперь едва ли следует ожидать советского приглашения, теперь следует действовать по собственной инициативе».

Мы видим, что в период осени 1917 г. — начала весны 1918 г. линия Антанты и Америки в русском вопросе значительно расходятся между собой. Но поздней весной 1918 г. начинается их сближение. Объединили их два самых актуальных фактора: немецкое давление на Западном фронте и потеря иллюзий в отношении большевиков. Планы европейского Запада в отношении России под-

толкнули японцы. Британский посол в Токио сэр Конингхем Грин 15 мая 1918 г. сообщил, что у Японии возникает ощущение шанса, который бывает раз в тысячу лет. Японцы непременно двинутся на русский Дальний Восток, дойдут до Иркутска и закрепятся на новых территориях. Оглядываясь на Вашингтон, можно упустить исторические возможности. Оставалось узнать, как поладят японцы и чехи, столкнувшись на одной колее. Чехи не противились контактам с японцами — пусть союзники лишь признают независимость их страны. У Японии тоже не было возражений. Вопрос о перемещении по самой длинной из русских железных дорог теперь решался в Лондоне и Токио.

Drang nach Westen und Osten

Между 24 и 29 апреля немцы на Западном фронте предприняли отчаянные усилия сокрушить франко-британскую оборону. Состоялось первое сражение между танковыми колоннами; сконцентрированная на узком участке германская артиллерия нанесла страшные разрушения. Иллюзий о быстротечности боевых действий не было уже ни у кого: англичане, американцы и французы готовились к боям в 1919 г. Специалист по танкам — британский подполковник Фуллер — подготовил «План 1919», предусматривавший создание 5 тысяч танков к 1919 г.

На высшем военном совете союзников в Аббевиле 1 мая 1918 г. Клемансо, Ллойд Джордж и Фош стимулировали Першинга ускорить подготовку американской армии. В словах Ллойд Джорджа прозвучали угрожающие ноты: «Если мы проиграем решающую битву войны, то нам флот понадобится для того, чтобы перевезти домой оставшееся от британской и американской армий... Если Франция и Великобритания уступят в войне, их поражение будет почетным, поскольку они

сражались до последнего человека — и это в то время, когда Соединенные Штаты выставили солдат не больше, чем маленькая Бельгия».⁶⁸⁷

Находясь в тупике на Западе, немцы 7 мая вынудили румын в Бухаресте подписать мир с Центральными державами. Болгария получила часть побережья Черного моря — Добруджу, а в качестве компенсации Румынии предложили российскую Бессарабию. Серия последовательных ударов была нанесена в Карелии, на Украине, в Крыму, на Дону, на Кубани, на Кавказе. 5 апреля германские войска заняли Харьков. 13 апреля они вошли в Хельсинки, 24-го в Симферополь, 30-го — в Севастополь. Генералу Гренеру было поручено создание военной администрации на Украине. 12 мая два императора — Вильгельм Второй и Карл Австрийский — подписали соглашение о совместной экономической эксплуатации Украины. Немцы контролировали две наиболее развитые провинции России — Украину и Прибалтику. 27 мая они стимулировали провозглашение грузинской независимости. На Кавказе Турция оккупировала Карс и начала движение в глубину армянских земель. Турецкие части дошли до Каспийского моря.

Решая главную проблему — что делать с Центральной Россией? — немцы действовали по максимуму, стремясь превратить ее целиком в зону германского контроля, базируя максималистские планы на том, что Брестский договор предполагал экономическое сближение Германии и России. Дополнительные соглашения на этот счет вырабатывались под председательством министра иностранных дел Кюльмана.⁶⁸⁸

Лидеры тяжелой промышленности Германии Тиссен, Стайнес, Кирддорф, Геренберг и другие встретились в Штаньхофе с директором крупновских заводов Брюком, чтобы «рассмотреть ведение дел с Россией, Украиной, Балканами и так называемыми приграничными государствами». Стратегическая ситуация после окончания войны (которая для фатерлянда едва ли будет триумфальной)

потребуется от Германии потесниться на мировых рынках, и компенсировать свои потери она сможет лишь «овладением континентального рынка» России и оторванных от нее территорий. Необходима минимальная развитость местной промышленности, максимальная потребность в импорте и главенствующие позиции Германии. 16 мая 1918 г. участники совещания предложили две меры перекрытия путей в Россию англичанам и американцам: во-первых, предоставить России кредиты в пределах двух миллиардов германских марок — инвестировать такой капитал, да еще собранный с помощью общенациональных займов, можно было, лишь «гарантировав длительное германское преобладание на Востоке»; во-вторых, поставить под германский контроль транспортные пути России — это предполагало «постоянную военную оккупацию Германией и ее союзниками европейских путей к северу от России». Речь шла о контроле над Мурманском, Рижским заливом, островами Финляндии и подступами к Петрограду.

В ходе майского наступления на Западном фронте генерал Людендорф нашел время запросить посла Мирбаха о внутренней политической ситуации в России. Людендорф считал необходимым приложить все силы, чтобы нейтрализовать антигерманские элементы в русской столице. С прочным восточным тылом он надеялся добиться благоприятного для Германии решения на Западе.

13 мая 1918 г. первый посол кайзеровской Германии в Советской России граф Мирбах суммировал первые российские впечатления: «Реализация наших интересов требует продолжения поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте. Следует продолжить снабжение большевиков минимумом важнейших товаров, чтобы поддержать их пребывание у власти. Несмотря на все их декреты, с ними в настоящее время можно иметь дело, они сейчас более расположены к экономическому сотрудничеству, и должны быть пред-

приняты меры в направлении будущего экономического проникновения». ⁶⁸⁹

Германия организует Восток

15 мая 1918 г. правительство Ленина предложило германскому посольству начать обсуждение обширной программы экономического сотрудничества в России. Посол продолжительно беседовал с Лениным, оптимизм которого поразил Мирбаха. Ленин исходил из того, что только большевики имеют в своих руках организованную силу. (Напротив этого сообщения посла кайзер Вильгельм написал под вопросительным знаком: «А японцы, китайцы, англичане!? Против него выступит вся армия казаков!»). ⁶⁹⁰ Но Берлин, развивал свою мысль Ленин, поступает неразумно — по мере того как все новые русские территории оккупируются немцами, растет оппозиция против него не только справа, но и слева. Ленин выразил надежду, что сумеет добиться мирного соглашения с Хельсинки и Киевом, на что кайзер (на полях донесения Мирбаха) заметил: «Он не сможет реализовать эти пожелания, как и те, что были выражены в Бресте. У него нет ни правительства, ни персонала исполнительной власти». ⁶⁹¹

18 мая 1918 г. министр иностранных дел Кюльман наставлял посла в Москве: «Расходуйте больше денег, поскольку в наших интересах, чтобы большевики выстояли. Фонды Ризлера в Вашем распоряжении. Если нужно больше средств, телеграфируйте». Германский министр иностранных дел анализировал расстановку сил в России: «Левые эсеры, если оказать на них давление, пойдут вслед за большевиками, эти две партии — единственные, кто поддерживает брестский мир; кадеты — явно антигерманская партия; монархисты будут стремиться к пересмотру Брестского мира. У нас нет никакого интереса поддерживать монархические идеи,

которые могут воссоединить Россию; в наших интересах поддерживать крайне левые партии». ⁶⁹² Мирбах отвечает в начале июня, что, ввиду активного соперничества в России стран Антанты, ему требуется три миллиона марок в месяц. В Берлине 11 июня 1918 г. был создан фонд в сорок миллионов марок.

1 июня экономический советник доктор Брюн предложил генеральному штабу германской армии создать синдикат с целью экономического проникновения в Россию. 4 июня Экономическое управление рейха предложило частным компаниям собрать по 50 млн. марок, еще 1,9 млрд. марок предполагалось получить за счет общенационального займа и прямых субсидий правительства. При синдикате были два дочерних отделения — одно для Центральной России, другое для Украины. В Москве создавался «экономический штаб», обязанностью которого являлась координация экономической деятельности Германии в России. Создание синдиката производилось с удивительной для военного времени скоростью. Его директором стал имперский советник баварской короны фон Риппель. На пике своего всемогущества на Востоке историческая судьба поставила Германию перед дилеммой: довести Россию до положения германского сателлита или постараться приблизить ее на основе хотя бы формального равенства.

Первая возможность представлялась реальной. Брест-Литовск расколол коалицию большевиков с левыми эсерами, расколол саму большевистскую партию, подтолкнул антибольшевистскую оппозицию к консолидации и обращению к Антанте. Теперь уже не только монархисты и либералы, но и меньшевики, правые и левые эсеры готовы были к борьбе с большевистским режимом. Запад использовал последнее обстоятельство; последовала высадка западных вооруженных сил сначала в Мурманске и Архангельске, а затем во Владивостоке и Баку. Локарт, Садуль и Сиссон стали распределителями антибольшевистской помощи.

6 мая 1918 г. разведка немцев доложила, что с помощью союзников оппозиционные большевикам силы готовят восстание. Новое правительство возглавят Чернов, генерал Кривошеин и Савенко. Новые войска, численностью от 30 до 50 тысяч, выступят против немцев в Финляндии и Эстонии. Советник германского посольства в Москве Ризлер пишет 4 июня 1918 г.: «Ситуация быстро приближается к финалу. Голод встает на повестку дня, и его обволакивает террор. Давление, оказываемое большевиками, огромно. Людей тихо убивают сотнями. Все это, само по себе, не так уж и плохо, но нет уже более сомнений в том, что физические средства, при помощи которых большевики поддерживают свою власть, подходят к концу. Истощаются запасы бензина для автомобилей, и даже латвийские солдаты, сидящие в этих автомобилях, не являются более абсолютно надежными — не говоря уже о крестьянах и рабочих. Большевики находятся в чрезвычайно нервном состоянии, они, возможно, чувствуют приближение своего конца; все крысы первыми бегут с тонущего корабля. Никто не может сказать, как они встретят свой конец, их агония может продолжаться несколько недель. Возможно, они постараются бежать через Нижний Новгород или Екатеринбург. Возможно, они готовы потонуть в своей собственной крови или, чего нельзя исключить, попросят нас отсюда, чтобы избавиться от Брестского мира, — «передышки», как они его называют — и вместе с ним со своим компромиссом с типичным империализмом, спасая таким образом свое революционное сознание в момент собственной гибели».⁶⁹³

В глубинах германской дипломатии готовился план внедрения в ряды кадетов. 21 июня лидер кадетов П.Н.Милюков встречается с главой германской разведки на Украине майором Хассе, стремясь выработать приемлемые немцам способы реинтеграции России, помочь генералу Краснову, не исключить для себя ре-визии некоторых положений Брест-Литовска. Ризлер

пишет, что «идея независимой Украины — фантазия, в то время как жизненная сила объединенного русского духа огромна».⁶⁹⁴ Миллюков соглашался на польский суверенитет, на некоторую автономию Украины, но главная его идея заключалась в следующем: если Германия желает иметь дружественную Россию, она должна помочь ей восстановить свои прежние пределы.⁶⁹⁵ Немцы приняли во внимание взгляды лидера крупнейшей буржуазной партии России. Тщательно отработанные планы в отношении европейского Востока были подписаны в Берлине в конце августа 1918 г. заместившим Кюльмана адмиралом фон Гинце.

Последние битвы на Западе

27 мая Людендорф снова ринулся на Париж. Четыре тысячи орудий ранним утром стали «расчищать» тридцатикилометровую полосу фронта. На пути наступления немцев исчезли четыре французские дивизии. Между Суассоном и Реймсом немецкая военная машина разбила еще четыре французские и четыре британские дивизии. Городок Эн был занят немцами после четырех часов наступления — им удалось вбить клин между англичанами и французами. Кайзер Вильгельм выехал на «позицию Калифорния» — наблюдательный пункт близ Кроанна, где Наполеон в 1814 г. наблюдал одну из своих последних побед.

29 мая немцы вошли в Суассон. К концу третьего дня наступления они взяли в плен 50 тыс. французских солдат, 650 орудий, 2 тыс. пулеметов. Велико было напряжение тех, кто справедливо полагал, что, возможно, сейчас решается судьба войны.⁶⁹⁶ 1 июня 1918 г. германская армия подошла на расстояние менее семидесяти километров от Парижа (ближе к французской столице, чем в апреле). Верховный совет западных союзников собрался в Версале, речь зашла об эвакуации

Парижа. В городе началась паника. Ситуация за столом союзных переговоров повторилась: французы и англичане наседали на Першинга, пытаясь ускорить процесс вливания американских солдат в ряды французской и английской армий. Союзники просили у Першинга 250 тысяч солдат в июне и столько же в июле, но американский генерал поведал, что в Штатах имеется всего четверть миллиона обученных солдат, только они и придут во Францию в июне и июле. Реакция Клемансо: «Это великое разочарование».⁶⁹⁷

С фронта в Салониках на помощь Парижу были сняты 20 тыс. солдат. На шестой день наступления германская армия приблизилась к пределу своих сил — сказалась оторванность войск от баз снабжения и общая усталость ударных частей. 3 июня германские войска пересекли Марну, используя шесть гигантских складных лестниц. Ширина каждой лестницы позволяла проползти двум солдатам. Высадившись на западном берегу Марны, немцы немедленно установили пулеметные гнезда. Париж был в пределах немецкой досягаемости. 4 июня 1918 г. премьер-министр Клемансо опроверг слухи об уходе: «Я буду сражаться перед Парижем, я буду сражаться в Париже, я буду сражаться за Парижем».⁶⁹⁸ Даже природное хладнокровие англичан начало изменять им. Секретарь британского военного кабинета сэр Морис Хэнки записал в тот же день в дневнике: «Мне не нравится происходящее. Немцы сражаются лучше, чем союзники, и я не могу исключить возможности поражения».⁶⁹⁹

На Востоке

3 июня германские войска высадились в Потти, на черноморском побережье Кавказа. В тот же день герцог Вюртембергский согласился на корону Литвы. Но не вся германская аристократия бросилась собирать гербы и регалии. Наследник престола Баварии принц Рупрехт

оказывал давление на германского канцлера графа Гертинга с целью начать переговоры с западными странами в момент, когда фортуна к ним явно не благоволит.

Испытывая холод близкого поражения, противоположная сторона — Антанта — также постаралась использовать фактор национализма. Используя последние политические возможности, Британия, Франция и Италия объявили о своей поддержке создания независимых польского, чешского и югославского государств.

9 июня 1918 г. Людендорф пишет канцлеру рейха, что оставшиеся на Востоке войска будут еще достаточно сильны, но, «если обстановка на Востоке ухудшится, их мощи будет недостаточно». Следует укрепить прогерманские силы. «Если Грузия станет нашей выдвинутой вперед базой, появится надежда на умиротворение всей кавказской территории и у нас появится возможность вывоза оттуда сырьевых материалов, в которых мы так сильно нуждаемся». Баку не следует отдавать туркам, нужно воспользоваться ситуацией в Армении и других частях Кавказа. Людендорф полагал, что следует обратиться к северокавказским казакам и вооружить их. «От советского правительства не следует ждать ничего хорошего, хотя существует оно по нашей милости... Опасная для нас обстановка будет сохраняться до тех пор, пока советское правительство не признает нас безо всяких оговорок Высшей Державой и не начнет действовать, исходя из страха перед Германией и беспокойства за свое существование. С этим правительством следует обращаться с силой и безжалостно».⁷⁰⁰ Людендорф стоял за установление контактов с монархическими группами.

Две философии

В июне 1918 г. Германия владела беспрецедентным «европейским состоянием» на Востоке. Взгляд на карту исполнял немцев гордости. 12 июня германские

войска вошли в Тбилиси. На банкете для военных вождей страны в честь тридцатилетия своего правления кайзер заявил, что «война представила собой битву двух мировых философий. Либо прусско-германо-тевтонская мировая философия — справедливость, свобода, честь, мораль — возобладает в славе, либо англосаксонская философия заставит всех поклоняться золотому тельцу. В этой борьбе одна из них должна уступить место другой. Мы сражаемся за победу германской философии».

3 июня французский дешифровщик Жорж Панвен прочитал сверхсекретный германский радиосигнал, сообщаящий детали операции, намеченной на 7 июня между Мондидье и Компьеном. За десять минут до назначенного срока французская артиллерия осуществила массированный барраж переднего края изготовившегося противника. И все же ответная германская артподготовка оказалась устрашающей. 750 тысяч снарядов окутали французские окопы горчичным газом, фосгеном и дифенилхлорарсином, приведя в состояние небоеспособности 4 тысячи французских солдат. Утром 8 июня германская пехота отчаянно ринулась вперед. Клемансо наблюдал бой, стоя рядом с Першингом, и спросил у генерала его мнение. «Что же, сейчас это впечатляет, но мы наверняка победим в конце». Тронутый премьер взял генерала за руку. «Вы действительно думаете так? Я рад, что вы это сказали».

10 июня немцы были в семи километрах от Компьена. Но лучшие умы с обеих сторон думали уже не о текущих событиях, а о кампаниях следующего года. Людендорф приказал увеличить производство самолетов до трехсот в месяц между июлем 1918 и апрелем 1919 гг. Черчилль координировал союзное производство вооружений на период до весны 1919 г. До 12 июня немцы спорадически наступали, но в этот день Людендорф отдал приказ остановиться: танковые контратаки были слишком дорогостоящими для немецкого

авангарда. Давал о себе знать и горчичный газ, впервые использованный французами в массовом объеме.

Колонизация

В Москве германская политика стала претерпевать важные изменения. Посол Мирбах пришел к выводу, что далее поддерживать большевиков нет никакого смысла. Как выразился он в письме министру иностранных дел 25 июня, «мы, безусловно, стоим у постели безнадежно больного человека». Большевизм скоро падет в результате своей дезинтеграции. В час падения большевиков германские войска должны быть готовы захватить обе столицы и приступить к формированию новой власти. Альтернативой могли бы быть монархисты, но они потеряли ориентацию и заботятся лишь о возвращении своих привилегий. Ядром будущего правительства должны стать умеренные октябристы и кадеты с привлечением видных фигур из бизнеса и финансов. Этот блок мог бы быть укреплен привлечением сибиряков. Препятствием Германии является карта, созданная в Брест-Литовске — с отторжением от России Украины, «ампутация» Эстонии, отвержение Латвии.

Пока рассматривались последствия возможного краха большевиков, следовало максимально использовать оккупацию богатейших частей России. 14 июня 1918 г. глава отдела торговли германского МИДа фон дем Бусше-Хаденхойзег обозначил цели германской политики на Украине: «Репрессировать все прорусское, уничтожить федералистские тенденции», сохранять контроль и над большевиками и над Скоропадским, как можно дольше сохранить состояние распада России — единственного средства предотвращения возрождения России. Непосредственные цели: «Контроль над русской транспортной системой, индустрией и экономикой в целом должен находиться в наших руках. Мы

обязаны преуспеть в сохранении контроля над Востоком. Именно здесь мы вернем проценты с наших военных займов». ⁷⁰¹

Германия уже делила добычу. Австрия получила Мариуполь, а Германия — Николаев, Херсон, Севастополь, Таганрог, Ростов и Новороссийск. Созданное немцами в Киеве т. н. «Экономическое Управление» отвечало за главные функции «независимой Украины» — таможенную, тарифы, займы, внешнюю торговлю. Гетман Скоропадский подписал с Германией соглашение, отдававшее ей рычаги власти. Союз с Украиной стал краеугольным камнем политики Германии в отношении России.

Захват немцами Крыма вызвал протесты как Москвы (которая никак не могла считать Крым частью союзной с Германией Украины), так и Турции, имевшей свои виды на Крым. Гинденбург и Людендорф посчитали нецелесообразным пользоваться при оккупации Крыма украинской и турецкой помощью, не желая делиться полуостровом. Кюльман не исключал возможности передать Крым в будущем сателлиту — Украине, но только в качестве «награды за хорошее поведение».

В меморандуме фон дем Бусше императору от 26 апреля задачей Германии назывался контроль над территорией между Турцией и Ираном. Следовало привлечь на свою сторону грузин, татар и горные народы Северного Кавказа. Главным союзником становилось грузинское государство — оно «должно быть взято под максимально плотную опеку в экономическом и политическом смысле». Речь пошла о создании германо-турецкой Транскавказской компании для эксплуатации кавказских недр. Западноевропейские предприятия переходили к Германии. Турок следовало переориентировать в сторону Тегерана и Багдада — таково было мнение всемогущего Людендорфа.

Прогерманские представители Грузии уведомили

фон Лоссова 15 мая 1918 г.: «При определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, при контроле со стороны германского вице-короля».⁷⁰² Кюльман и император Вильгельм считали, что Грузия должна быть «германской точкой опоры» на Кавказе. 22 мая 1918 г. Грузия провозгласила свою независимость и обратилась к Германии с просьбой об опеке. Для официального признания разрыва России с Грузией от большевистского правительства Кюльман на совещании в Берлине 4 июня 1918 г. потребовал установления контроля над Кавказом безотносительно к позиции России. Кайзер подчеркнул, что «Грузия должна быть включена в рейх в той или иной форме».

Лоссов рекомендовал также признать независимость Северо-Кавказского государства, с представителем которого — Гайдаром Бамматовым — он начал переговоры. Ни при каких обстоятельствах, считал Лоссов, нельзя позволить Северному Кавказу воссоединиться с Россией. Но Северный Кавказ можно было оторвать от России (считали Лоссов и Бамматов) только посредством тесного межгосударственного союза с Германией, «единства управления на высшем уровне, внешней политики, единой валюты, таможенного пространства, армии и флота». Здесь, писал Лоссов, «возникает возможность, которая может не повториться еще целые столетия». Чтобы ею воспользоваться, следовало послать две германские дивизии в Новороссийск и Туапсе.

В апреле, мае, июне 1918 г. в Берлин прибывали делегации сепаратистов: калмыцкий принц Тундутов, вице-президент военного совета русских мусульман Осман Токубет, грузинские и армянские представители, крымский граф Тадичев.⁷⁰³ Людендорф не видел смысла возиться с амбициями мелких политиков — сле-

довало править железной рукой. В Крым (германская колония «Крым-Таврида») должны были съехаться колонисты с берегов Волги, с Волыни, Бессарабии, Кавказа и даже Сибири. Людендорф нуждался в пополнении армии и настаивал на предоставлении германского гражданства германским колонистам, разбросанным по России. Но Кюльман считал, что германские колонисты будут лучше служить германскому делу «будучи рассредоточенными по России, действуя повсюду как политический и экономический фактор в нашу пользу».

Гинденбург поддержал Людендорфа, увлеченного созданием антиславянского блока на юго-востоке и одобрил посылку им денег и оружия атаману Краснову, в ставке которого находился и генерал Алексеев. «Федерация Юго-Востока» казалась ему полностью служащей германским интересам. Австрийский представитель Арц писал в июне 1918 г.: «Немцы преследуют вполне определенные экономические цели на Украине. Они хотят держать в своих руках самую надежную дорогу в Месопотамию, Аравию, Баку и Персию. С этой целью они будут оккупировать земли под своим контролем как протекторат, колонию или иное образование. Главные интересы Германии ведут ее в Индию через Украину и Крым». Одесса рассматривалась отправной точкой авиационного пути из Европы в Индию, на Кавказ, в Египет, Константинополь.

Меморандум германского министерства иностранных дел: «До войны мы приложили огромные силы, преодолевая сопротивление России, чтобы создать транскавказскую дорогу в Персию, и израсходовали миллионы на создание прогерманского Кавказского государства, дающего нам мост к Центральной Азии».⁷⁰⁴ В критическое лето 1918 г. немцы удвоили усилия по укреплению своего влияния в Грузии. «Независимая» Грузия должна была гарантировать Германии батумский порт и ввести германское право во всех торговых центрах. Предоставить Германии осуществлять управ-

ление всеми железными дорогами, свободный от налогов транзит. Когда Турция привлекла на свою сторону Азербайджан, грузины запросили Берлин стать гарантом в споре с Турцией (апрель 1918 г.). Железная дорога Батуми-Баку нужна была Берлину; он опирался на шестьдесят тысяч немцев, живших неподалеку от Тбилиси.

Часть германских генералов полагала, что если бы в мае-июне 1918 г. Германия навязала России новое правительство, заключила с этим правительством союз и приступила к оборонительной тактике на Западном фронте, то она не только не потерпела бы поражения в войне, но обрела бы гегемонию в Европе. С новой силой столкнулись две линии: за и против союза с Россией. Новый военный атташе Германии в Москве майор Шуберт выступал против большевиков: для создания временного правительства достаточно разместить в Москве два батальона германских войск. Гофман считал идеи Шуберта слишком оптимистичными, но и с его точки зрения наличных войск для наступления на Москву германскому командованию хватило бы — он подчеркнул, что у Ленина еще нет своей армии. Однако в генеральном штабе генерал Людендорф пренебрег возможностью заключения союза с навязанным России правительством и отказался от выжидательной тактики на Западном фронте. Людендорф избрал «западный вариант» — он решил добиться развязки путем еще одного (на этот раз последнего) решительного наступления на Западном фронте.

Чехословацкий корпус

Довольно неожиданно к лету 1918 г. в России появился инструмент, который мог служить и средством привязки страны к Западу, и средством частичного западного контроля над Россией. Этим инстру-

ментом явился чехословацкий корпус, состоявший из славян — чехов и словаков, не пожелавших сражаться против славянской России и перешедших на ее сторону для борьбы с австро-венграми. После заключения мира между Россией и Центральными державами корпусу чехословацких добровольцев было позволено переместиться на Запад — через Великую транссибирскую магистраль и два океана — во Францию. На этом пути к чехам и словакам стали примыкать и русские сторонники продолжения борьбы с немцами. Эшелоны с чехами растянулись на сотни километров по Транссибирской магистрали. В этой удивительной одиссее на Западный фронт чехи застряли на русских полустанках. Сто тысяч дисциплинированных солдат явились значительной силой в безумном русском раздоре.

Чехи и словаки твердо стояли на стороне Британии и Франции. Президент Вильсон в «14 пунктах» обещал создание Чехословакии; он стал едва ли не главнокомандующим армии, готовой в боях обрести независимое государство чехов и словаков. Запад увидел эффективный военный и политический инструмент, который можно было использовать в русской драме. На столе у президента Вильсона в июне 1918 г. оказалась телеграмма посла в Китае Райниша: было бы огромной ошибкой позволить чехословацким войскам уйти из России, где, получив минимальную поддержку, «они могут овладеть контролем над всей Сибирью. Если бы их не было в Сибири, их нужно было бы послать туда из самого дальнего далека».⁷⁰⁵ Идея использовать чехословаков в июне 1918 г. медленно, но верно захватила президента. Теперь он требовал от Лансинга более конкретного плана использования чехословаков в России — «ведь они двоюродные братья русских».⁷⁰⁶

Вариант с использованием чехословацких войск решал для США проблему их соперничества с тихоокеанским союзником. Разумеется, Вильсон не хотел отдавать на откуп Японии самый большой приз Евразии.

Если чехи укрепятся на русском Дальнем Востоке, то они убьют для Америки двух зайцев — будут контролировать Россию и сдерживать Японию. Если же в дальнейшем американские войска высадятся на русском Дальнем Востоке, то произойдет решающий перелом в мировом соотношении сил — произойдет закрепление американцев на евразийском континенте с двух сторон: на западе это сделает миллионная армия Першинга, на востоке — американский контингент в Приморье. Всего лишь четыре года назад США были региональной силой в своем полушарии. Сейчас им давался шанс завладеть ключевыми позициями во всем Восточном полушарии.

Англичане шли своим путем. 24 июня 1918 г. Ллойд Джордж беседовал с А.Ф.Керенским. Премьер был скептиком, но проигравший в огромной игре русский политик произвел на него впечатление. Свидетельством перемены видения Ллойд Джорджем русской ситуации стало решение тоже опереться на чехов. Он оповестил французов о своей просьбе к чехам (столь ожидаемым в северо-восточной Франции) не покидать пока России. Пусть чехословацкие части «формируют ядро возможной контрреволюции в Сибири».⁷⁰⁷ И почему бы не предложить Троцкому взять на службу чехословацкий легион, а заодно и ограниченные контингенты английских и французских сил? Если Москва действительно боится германского нашествия, то вот средства защиты. Шла мировая война, и в ней кто-то должен был победить. Выбор между победой и поражением был важнее нюансов моральности контактов с большевиками. Богом посланные чехи должны решить союзническую задачу в России. Они останутся в Сибири, чтобы, с одной стороны, блокировать большевизм, а с другой, «чтобы потеснить японцев как часть союзных интервенционистских сил в России».⁷⁰⁸ Англичане выдвинули 21 июня 1918 г. благовидный предлог устами министра иностранных дел Бальфура: «Большевики, которые предали румынскую армию, очевидным об-

разом сейчас настроились на уничтожение чешской армии. Положение чехов требует немедленных союзных действий, диктуемых крайней экстренностью ситуации». ⁷⁰⁹

Россия теряет значимость

Падение судеб России в глазах Запада, как в малой капле, отражает изменение тона дружественного прежде Локарта. Примерно в июне 1918 г. и он теряет надежду на восстановление каких-либо нитей между Россией и Западом. Жестокие слова: «Единственная помощь, которую мы можем получить от России, — это та помощь, которую мы выйдем из нее силой при помощи наших собственных войск». Для англичан в начале лета 1918 г. переговоры с Россией потеряли привлекательность. Настало время ультиматумов. ⁷¹⁰ Вчерашний адвокат договоренности с большевиками стал летом 1918 г. апологетом интервенции: «Союзная интервенция будет иметь своим результатом контрреволюцию, имеющую большие шансы на успех. Определенные партии готовы поддержать нас в том случае, если мы будем действовать быстро. Если же мы не выступим немедленно, они неизбежно обратятся к Германии». ⁷¹¹

Лорд Роберт Сесил напомнил, что если ожидать американцев в России, то немцы вскоре появятся на границах Британской Индии. Встревоженный кабинет поручил лорду Мильнеру изучить возможность восстановления Восточного фронта. Что же произвели лучшие военные умы Британии? «Будучи даже вытесненными из Франции, Бельгии и Италии, Центральные Державы не будут разбиты. Если Россия не восстановит свой потенциал как военная сила на Востоке, ничто не сможет предотвратить полное поглощение ее ресурсов Центральными Державами в качестве основания мирового доминирования Германии». ⁷¹²

Анализ британских экспертов был показан 21 июня 1918 г. полковнику Хаузу, и тот сообщил об этом «паническом», как он выразился, документе президенту Вильсону. Хауз сопровождал его важным умозаключением: «Я полагаю, что-то должно быть сделано с Россией — в противном случае она станет жертвой Германии. Сейчас это вопрос скорее дней, чем месяцев». Следует поторопиться с посылкой в Россию Гувера с миссией помощи. Хауз еще верил, что успех американской экономической помощи «поставит русскую ситуацию под наш контроль». ⁷¹³

Все лица обратились к президенту Вильсону, который в условиях июньского наступления Людендорфа на Западном фронте мог быть либо спасителем, либо губителем Запада. Но Вильсон, выступая пока «непорочным ангелом мира» в достигшей своего апогея империалистической войне, предпочел на данном этапе не раскрывать карт своей русской политики. Он, по преимуществу, хранил молчание. Но не молчали молодые и горячие его помощники, в частности, Уильям Буллит (которому шестнадцать лет спустя предстояло быть первым американским послом в СССР). Вторжение в русские дела казалось ему шагом в политическую трясину, где принципиально невозможно найти верной дороги. 24 июня 1918 г. Буллит написал своему патрону Хаузу: «Я испытываю дурные предчувствия, потому что мы готовы совершить одну из самых трагических ошибок в истории человечества. В пользу интервенции выступают русские «идеалисты-либералы», лично заинтересованные инвесторы, которые желали выхода американской экономики из Западного полушария. Единственными, кто в России наживется на этой аванюре, будут земельные собственники, банкиры и торговцы». ⁷¹⁴ Эти люди «в Россию пойдут ради защиты своих интересов. А при этом возникает вопрос: сколько понадобится лет и американских жизней, чтобы восстановить демократию в России?»

В минуты сомнений гордиев узел развязал бравый

американский адмирал Найт в телеграмме президенту 28 июня 1918 г. Пока мы рассуждаем о судьбах чехов, писал Найт, организованные большевиками австро-германские военнопленные начинают выбивать их из опорных пунктов транссибирской железной дороги. В госдепартаменте отреагировали утверждением, что эта телеграмма послана самим Богом. «Это именно то, в чем мы нуждаемся, — возбужденно говорил госсекретарь Лансинг; — теперь давайте сконцентрируем на этом вопросе все наши силы».⁷¹⁵ Чехов следует снабдить американскими винтовками и амуницией. Они сумеют защитить любой американский широкомасштабный план для России. Американская миссия начнет движение по транссибирской магистрали так далеко, как то позволят обстоятельства. «Конечный пункт ее продвижения будет определен приемом, оказанным ей русскими».

Жребий был брошен. Америка вступила в общий лагерь Запада, избравший своим курсом в России интервенцию. 6 июля 1918 г. президент прочел в Белом доме своим советникам написанный от руки меморандум, в котором содержались основные параметры и правила интервенции в Россию: «Я надеюсь достичь прогресса, действуя двояко — представляя экономическую помощь и оказывая содействие чехословакам».⁷¹⁶ Контингент интервентов ограничивался четырнадцатью тысячами: половина из них американцы, половина — японцы (президент как бы сразу блокировал японскую угрозу (по крайней мере, он так думал)).

Решение было объявлено высшим военным чинам в лицо. Вильсон стоял перед ними, «как школьный учитель» (отметил скептический П. Марч). «Почему вы качаете головой, генерал? — обратился Вильсон к Марчу. — Вы полагаете, что японцы не ограничатся 7000 человек и сумеют сделать территориальные приращения? — Именно так, — отвечал Марч».⁷¹⁷ Военная оппозиция была преодолена, и машина интервенции за-

работала. В середине июля 1918 г. президент Вильсон указал, что в отношениях с Россией приоритет должен быть отдан не комиссии Гувера, как это предполагалось ранее, не созданию сети двусторонних экономических и прочих отношений, а задаче формирования нового Восточного фронта против немцев.

С американской деловитостью инструкции были посланы во Владивосток адмиралу Найту в полдень того же дня. К высадке войск следует приступить немедленно, не терпит отлагательства и оказание материальной помощи чехам. Всех сопротивляющихся американскому вторжению адмирал Найт назвал «германо-большевиками». Новый лидер Запада — Соединенные Штаты — вторгались в пределы России неожиданными, не будучи приглашенными ее правительством. Вне всякого сомнения, эти события оставили свой шрам на двусторонних отношениях.⁷¹⁸

На Дальнем Востоке американцы постарались по мере возможности отложить ссору с Японией. Полковник Хауз встретился с послом графом Исии и обещал ему в ходе общей операции «оказать содействие в расширении японской сферы влияния». Даже этот, продиктованный тактическими соображениями, намек буквально воспламенил обычно хладнокровного японца. В Токио шаг американцев также расценили как своего рода карт-бланш в России. В предложениях для вмешательства японцы недостатка не испытывали. Почему Россия запрещает японцам селиться в Сибири, позволяя это корейцам и другим азиатам? Дискриминация Японии нетерпима. Исии поделился этими соображениями с советником президента, и Хауз выразил понимание японской проблемы в России.

4 июля 1918 г. посол Френсис обратился к русскому народу по случаю национального американского праздника: «Мы никогда не согласимся на то, чтобы Россия превратилась в германскую провинцию; мы не будем безучастно наблюдать, как немцы эксплуатируют рус-

ский народ, как они будут стремиться обратить к своей выгоде огромные ресурсы России». ⁷¹⁹ Когда это заявление достигло Берлина, германское министерство иностранных дел потребовало депортации Френсиса.

Для судеб России важными были две правительственные конференции немцев между их четвертым наступлением на Западе, приостановленным 14 июня 1918 г., и последним, пятым, которое началось 15 июля. На конференции в Спа под председательством кайзера, трех прежних глав кабинета министров и канцлера уверенность в конечной победе была всеобщей. Цели на Востоке достигнуты, польская проблема решена, Россия изолирована и экономически «открыта».

Точку зрения скептиков выразил 24 июня министр иностранных дел Рихард фон Кюльман полному составу рейхстага: не следует ожидать «какого-либо определенного окончания войны посредством чисто военного решения». ⁷²⁰ Националистически настроенные депутаты потребовали его головы и получили ее. Новым канцлером стал адмирал Пауль фон Гинце.

Шестое июля

Участвующие в правительственной коалиции совместно с большевиками левые эсеры летом 1918 г. стали приходить к пониманию опасности дальнейшего сближения с немцами. Следовало решить задачу ликвидации Ленина и германского посла в России. Убийство Ленина означало бы уход с политической арены самого большого приверженца мира с Германией. Убийство германского посла обязано было вызвать репрессии Берлина. В этом случае России пришлось бы возвратиться в строй Антанты. 6 июля 1918 г. в Москве был убит посол Мирбах, а 29 июля в Киеве эсеры застрелили германского фельдмаршала фон Эйхгорна. Большевики расценили действия эсеров как мятеж и подавили

его военной силой. С тех пор большевики в России никогда не входили в политические коалиции. Западные послы читали заявление теперь уже однопартийного большевистского правительства: «Двое негодяев, агенты русско-англо-французского империализма, подделали подпись Дзержинского, проникли к германскому послу графу Мирбаху при помощи фальшивых документов и, бросив бомбу, убили графа Мирбаха». Ленин посетил германское посольство с выражением соболезнования.

Германское правительство приступило к обсуждению возможностей пересмотра своей политики в России. Был ли смысл в том, чтобы иметь дело с шатким правительством? Берлин видел трудности большевиков и ждал их падения буквально с часу на час. Такая ситуация не благоприятствовала долговременному сотрудничеству. Не лучше ли передоверить решение «русской задачи» военным? К этой точке зрения склонялись кайзер Вильгельм, его наследник принц Генрих, генерал Людендорф и новый министр иностранных дел Гельферих. Бросить против большевизма германские дивизии и поставить у власти в России прогерманских монархистов. К такому же выводу вели правящую верхушку Германии представители белой эмиграции, прибалтийские немцы, представители казачьих формирований на Юге России: германский кайзер не должен пятнать себя сотрудничеством с убийцами царя. Чиновники и генералы начали опасаться воздействия красной пропаганды на германский рабочий класс и армию. Более и важнее всего: у Германии появился шанс осуществиться если не союз, то мир Центральной Европы с Западом, используя в качестве предлога необходимость противостоять разлагающему социальному влиянию России. Люди вокруг Людендорфа считали в июле 1918 г., что последнему наступлению Германии на Западе должна предшествовать попытка нащупать шанс примирения с Антантой и американцами. Но Запад держался жестко, и это было решающим обстоятель-

ством. Теперь точно предстояла битва на Западе, и в этой обстановке русский тыл следовало не ожесточить, а замирить.

Смирив гордость, немцы после убийства Мирбаха назначили нового посла — Гельфериха, яростного сторонника диктата в отношении большевиков. 1 августа он требовал: достаточно небольшого удара, чтобы прозрачный большевистский режим рассыпался на части: «Продолжать ожидать для нас нет никакой возможности. Все, что необходимо, мы можем получить, участвуя в свержении большевистского режима. Следующий русский строй и общественное мнение будут настроено против нас из-за того, что станут рассматривать нас как друзей и защитников большевиков». На полях этого донесения кайзер начертал: «Совершенно верно! Я говорил это Кюльману еще месяц назад». ⁷²¹

Не желая прекращать процесса улучшения отношений с Германией, Ленин все же начал испытывать опасения в отношении этой пока еще победоносной повсюду державы. Через несколько дней после покушения на Мирбаха нарком иностранных дел Чичерин прислал с пометкой «срочно» письмо послу Френсису как дуайену дипломатического корпуса: посольства стран Антанты будут в Москве в большей безопасности, чем в Вологде. «Мы надеемся, что высокочтимый американский посол оценит это предложение в дружественном духе. Для выяснения деталей в Вологду посылается товарищ Радек». Френсис ответил, что «мы не боимся русского народа, с которым мы всегда были в дружеских отношениях... Наши опасения связаны с силами Центральных держав, с которыми мы находимся в состоянии войны и которые, по моему мнению, скорее могут захватить Москву, чем Вологду». ⁷²²

К. Радек потребовал переезда посольств в Москву. Френсис, выступая как дуайен дипломатического корпуса, отказался их выполнить. В конечном счете было принято решение о выставлении Красной гвардией

патрулей для защиты посольств. Чичерин заверял, что Москва безопасна.⁷²³ Бывшие союзные дипломаты оказались как бы между двух огней. И непослушание большевикам, и добровольный переезд в Москву грозили превратить их в заложников в случае начала союзной интервенции в России. Сомнения разрешил капитан британской армии Макграт, прибывший в Вологду из Архангельска 17 июля 1918 г. с планами оккупировать Архангельск. Английское командование опасалось, что с продвижением союзников к Архангельску советское правительство захватит вологодских дипломатов как заложников и предложило им переместиться из Вологды в Архангельск. Было решено двигаться к Архангельску. В качестве прикрытия переезда последовала довольно многословная переписка Френсиса с Чичериным: «Союзники никогда не признавали Брест-Литовского мира, и этот мир становится все более тяжелым для русского народа. Недалеко то время, когда этот народ выступит против Германии и изгонит захватчиков из русских пределов».⁷²⁴

Америка приходит в Россию

Посылая американские войска в Россию, президент Вильсон верил в то, что массы русского народа встретят американские батальоны как спасителей и друзей. Прибытие американских войск, полагал президент, «вызовет такую мощную и дружественную реакцию среди населения, что выступающие за союзников власти, опираясь на спонтанное демократическое движение, возобладают повсюду в Сибири и в Северной России».⁷²⁵ Вильсон одновременно с исключительной подозрительностью следил за аналогичными действиями конкурентов. Он писал своему послу в Токио Моррису, что если японское правительство не ограничит свой экспедиционный корпус условленными семью ты-

сячами человек, то встретит противодействие американской стороны. Токио на этом (довольно коротком) этапе не желал раздражать могущественную Америку и подчеркивал согласие ограничить свои силы.

С этого времени Вильсон стал игнорировать советы своих «более либеральных» друзей, призывавших, исходя из военной целесообразности, признать советское правительство. Президент сближается с госсекретарем, более внимательно, чем прежде, читает донесения своего посла из России. 30 июля 1918 г. посол Френсис так оценивал ситуацию: «Русский народ оказался разделенным: одни верят в монархию, другие — в социалистическую республику. Их национальная гордость, кажется, сейчас просыпается, и они настолько недовольны большевистским правлением, что готовы пойти на союз с Германией, если мы не вмешаемся. Американская морская пехота уже высадилась в Мурманске, и я надеюсь, что американские войска направляются к Архангельску. Россия — огромная страна с безграничными ресурсами; ее населяют двести миллионов человек, которые необразованны, но преданно любят свою страну. Я несколько раз выступал с заявлениями, стараясь поднять русских против Германии, но число воспринявших этот призыв лиц очень ограничено». Френсис полагал, что «к американцам в России относятся лучше, чем к другим иностранцам. Здесь ощутимо предубеждение относительно других союзных правительств. Русские считают, что Англия, Франция и Япония намерены подчинить себе ресурсы и людскую мощь России, а большевики делают все возможное, чтобы усилить эти подозрения. Наши цели пока не рассматриваются как эгоистичные». Интервенция все же сыграла свою роль, и в конце августа (19-го) Френсис докладывает в Вашингтон, что Ленин и Троцкий все чаще «называют американское правительство империалистическим и капиталистическим. Большевистские ораторы, поступая таким образом, находят тысячи слушателей, которые верят им».

Американцы еще верили, что русские, возможно, «выкарабкаются» из постигшего их несчастья. Европейские союзники США не разделяли подобных надежд. Летом 1918 г. англичане и французы практически потеряли веру в способность русских к самоуправлению. Со своей стороны, многие русские (необязательно большевики) стали все более подозрительно относиться к намерениям западноевропейцев, прежде всего, англичан. Скажем, экс-министр иностранных дел Терещенко, направлявшийся к Колчаку в Омск, «как и большинство русских, полон подозрений в отношении намерений Британии. Но американскую политику поддерживает полностью. Русские считают американского посла своим лучшим другом среди дипломатического корпуса».⁷⁷ Сказалось подозрительное отношение американцев к японцам (а англичане с ними дружили), легкость поворота англичан от России после Брест-Литовска, в отличие от американцев, столь дружественных в «14 пунктах».

Посол Ридинг не желал быть свидетелем перехвата британского влияния в Европе американцами и японцами. Его правительство не поймет, почему в акции не участвуют *все* союзники, почему предприятие не принимает характер всеобщего. Иронией истории было то, что англичан учили правилам нового международного поведения не кто иной, как американцы — авторы доктрины «открытых дверей», принципиальные противники раздела мировых регионов на зоны влияния.

Маневры англичан

Великобритании никто еще не диктовал правил поведения в мире. Если американцы претендуют на особое положение, они должны знать, что и британская дипломатия не будет пассивной. Лондон воспринимал крах России серьезно — чувствовалась паника в рядах британских министров. Когда коммунизм в России рух-

нет, в гигантский вакуум войдут Соединенные Штаты, ассистируемые Японией. Плоды победы над Германией станут горькими. История сделает неверный поворот. Британия бросила все свои ресурсы, чтобы сокрушить гегемонию Германии в Европе, а получит в качестве итога мирового конфликта гегемонию Америки на двух континентах. Ситуацию нельзя оставлять на самотек, следует вторгнуться в российскую бездну. 10 июля 1918 г. батальон британских войск отбыл из Гонконга во Владивосток. Активизировалась британская разведка. Локарт получил разрешение израсходовать миллион рублей в целях расширения британской пропаганды.⁷²⁸ Готовилась присылка в Москву дипломатов с особыми полномочиями.

Ллойд Джордж размышлял о способности Вудро Вильсона отличить «военное воздействие» от «военной интервенции». Одной рукой Вильсон посылал свои войска в Россию, а другой требовал от союзников невмешательства. Посрамленными оказались и пуритане и иезуиты. Но какие бы аргументы ни выдвигал, находясь в плену собственных представлений, Вильсон — теперь он уже не имел морального права остановить англичан и французов, пожелай они отправиться в Россию. Яблоко было надкушено.

Американцы приложили немалые усилия, чтобы объяснить свое «грехопадение». Они намерены играть особую роль в послевоенной России, они готовы идти на жертвы, они предоставили свои ресурсы и руководствуются идеалами. Но то, что звучало хорошо по одну сторону Атлантического океана, звучало плохо по другую. Как раз чрезмерной активности и конечного американского доминирования в России и боялся европейский Запад. Ллойд Джордж и Бальфур пришли к мнению, что американцы заинтересованы в слабом правительстве в России, нуждающемся в зарубежной помощи. Никким образом нельзя позволить им монополизировать связи Запада с Россией, следует торпеди-

ровать американские сепаратные схемы в России предложением о формировании межсоюзнической комиссии по России.

В конце июля 1918 г. министр иностранных дел Бальфур обратился к американцам с предложением позволить японцам (буквально рвущимся на континент) увеличить свой контингент в России. Ллойд Джордж назначил сэра Чарльза Элиота британским верховным комиссаром в Сибири. Самостоятельные действия англичан вывели президента из себя. США не намерены обсуждать, кто и с какими функциями должен быть послан в Россию; они не намерены вырабатывать совместные финансовые акции; они не в ответе за империалистические грехи Антанты: они строят свое и лучшее будущее. На предложение о союзной координации действий он ответил 23 августа 1918 г.: «У нас нет намерения сотрудничать в политических действиях, необходимых или желательных в Восточной Европе».⁷²⁹ Возможно, Вильсон полагал, что старые западные союзники уже дискредитированы в России и никакие их усилия не подправят имиджа союзников, думающих лишь о собственных интересах. Президент верил, что американцы будут восприняты пострадавшим населением благожелательно.

Англичане полагали, что подобная американская вера — чистейшей воды идеализм. У Запада не должно быть иллюзий. *Россия уже насытилась контактами с Западом. Регион, к сближению с которым она стремилась несколько столетий, проявил по отношению к ней невиданное по эффективности насилие. В огне мировой войны западный гуманизм потерял свое лицо, а энергия и хватка Запада свелась к эффективности убивать.* При этом русским все труднее становилось ощущать отличие американцев от прочих представителей Запада. Опыт войны вызвал в России невиданное по отношению ко всем иностранцам ожесточение. И трудно сейчас убедить кого бы то ни было, что эта ксенофобия не была естественной реакцией ожесточившегося народа.

Последние мечты Германии

11 июля 1918 г. Людендорф и его окружение подвели черту под последним планом победного наступления на Западном фронте. Мешал массовый грипп; но генералы пришли к выводу, что откладывать дело далее невозможно. Назначенный срок — полночь 14 июля. Огромное наступление нельзя было скрыть от многих глаз, и несколько эльзасцев предупредили французов — их артиллерия открыла огонь по скоплению изготовившихся немцев за полчаса до германского выступления. Это ненамного ослабило страшную силу германского удара, опрокинувшего на противостоящие окопы 35 тонн динамита и почти 20 тыс. снарядов с газом. Но настоящие траншеи, как убедились немцы, не были тронуты немецкой артподготовкой. Когда немцы дошли до подлинных траншей, они были уже утомлены, дезорганизованы, неспособны идти вперед без новых координирующих усилий и пополнений.

Кайзер наблюдал за битвой с наблюдательного поста в Мениль Лепинуаз, в двадцати километрах к северо-востоку от Реймса. В течение двух дней немцы верили в успех. 17 июля немцы достигли Нантей-Пурси. Но на следующий день Фош начал контрнаступление артподготовкой 2 тысяч пушек на 35-километровом фронте. Двигавшиеся на острие наступающих колонн двести танков возвратили потерянное на «своем» берегу Марны. Немцы сражались, мобилизуя все ресурсы личного мужества и технической выучки. Очевидец «наткнулся на мертвого немецкого пулеметчика, сидящего за своим пулеметом, рука на спусковом крючке. Он наклонился, отверстие от пули во лбу и рана от штыка на горле. Пулемет имел прекрасное поле обзора, и много американцев полегло здесь».⁷³⁰

К вечеру 18 июля германская угроза Парижу миновала. Французы шаг за шагом отбирали потерянное за четыре предшествующих месяца, англичане делали то

же во Фландрии. И в самом Берлине начали уже терять веру в еще одно победоносное наступление. Германии следовало отойти от ставки на прорыв Западного фронта и подготовиться к оборонительным усилиям, консолидировать имеющиеся немалые резервы. Ведь «Крепость Германия» летом 1918 г. стояла на грандиозном пространстве от Северного до Черного моря, от Грузии до Бельгии.

Миттельойропа в форме экономического установления, нацеленная на совмещение эффективности таможенного союза, лишенного институционализированной суперструктуры, была целью Германии в войне вплоть до лета 1918 г.⁷³¹ После немецких завоеваний 1918 г. значительная часть российских земель силою германского оружия вошла в Миттельойропу. В свете этой угрозы большевики встали перед возможностью угодить в мусорную корзину истории. Отсюда надвигалась смертельная опасность, и начал действовать инстинкт самосохранения. Большевики готовы были обратиться даже к немцам. В то самое время, когда Гельферих предложил своему правительству поручить дело нескольким надежным германским дивизиям, новый комиссар иностранных дел Чичерин предложил германскому посольству (1 августа 1918 г.) совместную советско-германскую экспедицию с целью освобождения двух регионов на противоположных краях необъятной России — мурманской железнодорожной магистрали и Донской области. Гельферих передал предложение Ленина в Берлин с комментарием: большевиков следует водить за нос возможностью сотрудничества, а подготовленные германские войска использовать для их свержения.⁷³²

Гельферих представил план из трех частей: 1) дистанцироваться от большевиков переводением своего посольства из Москвы в один из городов неподалеку от германской армии; 2) Брестский мир должен быть пересмотрен в том отношении, что Украина должна быть

восстановлена как часть России — это требование всех внутренних политических групп в России; 3) Германия должна оказать конкретную «эффективную» экономическую помощь» антибольшевистским силам, что восстановит престиж и влияние Германии в России.

Гинденбург и Людендорф после некоторых размышлений отвергли идею совместной советско-германской экспедиции на Север и Юг России, соглашаясь на военную операцию в Восточной Карелии — это привело бы к германской оккупации Петрограда. (Останавливала задача обеспечить питание двухмиллионного города). Людендорф при этом никак не хотел воспользоваться поддержкой белых против красных. Он именно в белых видел реальную угрозу будущему Германии и приказал командованию Восточного фронта сконцентрировать значительные силы против формируемых на юге России белых частей генерала Алексеева. Большевикам он «позволял» воевать с Алексеевым на Царицынском фронте, не приближаясь к железнодорожной линии Воронеж-Ростов, используемой германской армией. Идеальным, считал Людендорф, было бы взаимное ослабление белых и красных. Могущий дуэт, управлявший Германией, отверг план Гельфериха, исходя из «знакомых» соображений. Троцкий был для Гинденбурга и Людендорфа неведомой силой, а Алексеев — очень хорошо известной, эффективной и враждебной силой, с которой они три года сражались на Восточном фронте.

На конференции в Спа 2 июля 1918 г. Германия еще ощущала свое всемогущество, и Людендорф выдвинул программу не только активной обороны, но и экспансии на Востоке. Борьба белых и красных будет решена в ходе германского наступления. Цель: поддержка донских и кубанских казаков, инкорпорирование расширенных Эстонии и Ливонии в рейх, заселение их германскими поселенцами, превращение Таллинна в базу германских подводных лодок. Подвешенность воп-

роса о независимости Украины сделает Москву стоворчивее. «Хороший солдатский материал» из Грузии укрепит Западный фронт Германии. Император Вильгельм считал Тифлис центром германского влияния на Кавказе. 6 августа 1918 г. (пик военных усилий немцев на Западе) Людендорф телеграфирует канцлеру Гинце, что может дать для наступления на Севере России группировку в шесть-семь дивизий, добавить к ним несколько дивизий на Юге России и с двух сторон нанести удар по русской столице.

В среде германской элиты не было единства относительно того, *как, каким образом* обеспечить ослабление России и превращение ее в прочный тыл Германской империи. Позиция Гельфериха значительно отличалась от линии Людендорфа. Но еще больше с линией Людендорфа стала разниться политика нового главы германского внешнеполитического ведомства — Гинце. Советское правительство, находясь не только в изоляции, но и в кольце фронтов, призвало Берлин к установлению более тесных отношений вплоть до формального союза. Эта решимость подействовала на одного из участников двусторонних переговоров — Густава Штреземана, превратившегося в поборника советско-германского союза.⁷³³ Он беседовал с Милюковым в Киеве, с Иоффе и Красиным в Москве, убедившими его, что русский большевизм — *просто плохая копия германской экономики военного времени*. Если дать Москве передышку, то большевики могут оказаться лучшими союзниками Германии. С июля 1918 г. Штреземан становится сторонником соглашения с большевиками и определяет курс нового министра иностранных дел Гинце.

Иоффе и Красин убедили Штреземана, что безостановочное наступление германских войск, выход их к Дону и Кубани ожесточает русское население больше, чем вся антигерманская пропаганда царя. Штреземан, усматривая в союзе с Советской Россией единственный

шанс на спасение Германии, докладывал в Берлин, что союз с единственной благожелательной к Германии российской партией (к тому же правящей) и расширение программы, обозначенной в Брест-Литовске, «предоставит экономические ресурсы России в наше распоряжение в такой степени, что сделает нас неуязвимыми. Если наши враги ощутят эти плоды нашего сотрудничества с Россией, они оставят надежду победить нас экономически так же, как они отчаялись победить нас на поле боя».⁷³⁴ Мир с огромной Россией, концентрация сил на Западном фронте — вот стратегия победы для Германии.

Стояла середина июля 1918 г. Западный фронт гремел орудийной канонадой. Представлявший совнарком Литвин пообещал восстановить связь между Северной Россией, Кубанью и Кавказом по линии Белгород — Ростов — Владикавказ, передать немцам долю полученного с юга зерна. Для советского правительства это было спасением — приостановка германского наступления и поток продовольствия с Юга. Советский представитель 8 августа 1918 г. пытался убедить немцев, что их благожелательность в критический для выживания России момент переломит неприязнь русского населения и подготовит почву для действительного союза с Германией.

В германском руководстве сложилось два лагеря. Людендорф и Гельферих считали, что наиболее удобными союзниками Германии являются белые — они верили в возможность реорганизации России по удобной для Германии модели Гинце и Штреземан полагали, что новые социальные силы в России приведут к более желаемым результатам. Они были более скептически и не верили в абсолютный контроль над огромной страной: максимум возможного — продление периода слабости России.

Адмирал Гинце отказывался подвергать сомнению ценность Брест-Литовска, который дал Германии такие

возможности на Востоке, не одобрил подрывные действия против партнера по Брест-Литовскому мирному договору. «У нас нет оснований желать быстрого конца большевизма. Большевики не вызывают симпатии и олицетворяют собой зло, но это не помешало нам подписать с ними мирный договор в Брест-Литовске, а после этого последовательно отнять у них значительные населенные территории. Мы добились от них всего, чего могли, и наше стремление к победе требует, чтобы мы следовали этой практике до тех пор, пока они находятся у власти. История убеждает, что привносить в политику эмоции — опасная роскошь. В нашем положении было бы безответственно позволить себе такую роскошь... Чего мы желаем на Востоке? Военного паралича России. Большевики обеспечивают его лучше и более тщательно, чем любая другая русская партия без единой марки или единого человека в качестве помощи с нашей стороны. Давайте удовлетворимся бессилием России».⁷³⁵

Людендорф и Гельферих не смогли опровергнуть его аргументов: Красная Гвардия поддерживала правительство Ленина, а русская деревня была удовлетворена «Декретом о земле». Будет ли другое русское правительство придерживаться договоренности с Германией? На кого могла положиться Германия в своей русской политике? Полностью только на монархистов, готовых на все ради восстановления династии и реставрации самодержавия. Но они не могли претендовать на массовую поддержку — они вовлекли страну в губительную войну, и их патриотический кредит подорван в среде русского народа. И потом — если в России будет создано правительство, пользующееся поддержкой всей страны, то меньше всего это правительство будет нуждаться в помощи Германии. Стоит ли желать победы противнику большевиков Алексею, который открыто поддерживается Западом и стремится к восстановлению Восточного фронта? Если навязать России новое и

непопулярное правительство, то для этого потребуется гораздо больше войск, чем мог предоставить Людендорф в момент критического напряжения сил Германии.

Германия должна воспрепятствовать приходу к власти в России оппозиционных сил, ориентирующихся на Запад. Важнейшим для Гинце обстоятельством было то, что «социал-революционеры, кадеты, октябристы, казаки, жандармы, чиновники и монархисты написали на своих знаменах «Война против Германии, отказ от Брест-Литовского мира». Казацкую республику Алексева на Дону следовало не поддерживать, а свергнуть: «Алексеев является оплотом Антанты. Ведя войну с ним, мы воюем с Антантой. И меня не беспокоит то обстоятельство, что большевики сражаются с ним тоже». Политика Гинце в критической обстановке отчуждения России и Запада сводилась к следующему: «Использовать большевиков до тех пор, пока они приносят пользу. Если они падут, мы должны спокойно исследовать хаос, который, возможно, последует, и ждать того момента, когда мы сможем восстановить порядок без особых жертв. Если после прихода другой политической партии к власти хаоса не последует, мы должны выступить с лозунгом защиты порядка и защиты слабых от наших противников».⁷³⁶

Важно, что «большевики являются единственной русской партией, которая вступила в конфликт с Антантой. Наша обязанность — разжигать этот конфликт. Большевики — единственные в России защитники Брестского мира. Сотрудничество с другими партиями возможно только при условии модификации Брестского мира; прежде всего, Украина должна быть восстановлена в составе Великороссии... реставрация России в предвоенных границах. Готовы ли мы отдать плоды четырехлетних битв только ради того, чтобы избавиться от дурной репутации сообщников большевиков? Но мы не сотрудничаем с ними, мы используем их. Это хоро-

ная политика». Линия Гинце победила в фатальном августе последнего года мировой войны. Людендорф отдал приказ войскам, находившимся вблизи Петрограда не крушить большевиков, а в случае необходимости помочь им. Он начал подготовку посылки германских войск в район Мурманска, чтобы сдерживать англичан. Кайзер пришел к выводу, что правительству Ленина следует помочь финансовым образом. Только Гельферих не согласился с данной логикой — он запросил отставки и возвратился в Берлин.⁷³⁷

Германская дипломатия прилагает значительные усилия для того, чтобы привязать Россию к колеснице Германии, какой бы ни была ее судьба. Гинце желал видеть серию дополнительных договоров, которые укрепляли бы экономические и политические позиции Германии в России. Стремление большевиков расширить контакты достаточно понятно — они были изолированы, и их ждал голод в городах. Ленин хотел получить часть урожая с Украины. Германская сторона при начале переговоров руководствовалась необходимостью противостоять Антанте и Америке, начавшим высадку своих войск в северных русских портах. Для России счастливым обстоятельством было то, что немцы в своем самоослеплении не удовлетворились гегемонией на Востоке и жаждали повторить свой успех на Западе.

Военный финал

Через три дня ожесточеннейших боев, в которые Людендорф бросил все наличные силы, ситуация изменилась весьма радикально. Канцлер Георг фон Гертлинг: «18 июля даже самые большие оптимисты среди нас знали, что все потеряно. Мировая история была сыграна в три дня».⁷³⁸ 22 июля кайзер впал в депрессию: «Я — потерпевший поражение военный вождь». 26 июля германская армия начала отступление из тех мест, которые

недавно завоевала такой кровью. Далекие от триумфальных мысли воцарились в головах германских вождей. Надежда на крушение Запада стала исчезать окончательно. Но Восток, Россия должны остаться под немецким влиянием при любом повороте судьбы Германии на Западе. Критическое ослабление России стало условием господства Германии на Востоке.

В Берлине 27 августа были подписаны дополнительные договоры с Советской Россией. По существу, это была договоренность о том, что большевистское правительство будет сражаться против Антанты на севере европейской части России. Германии передавался контроль над остатками Черноморского флота и портовым оборудованием на Черном море. Было условлено, что если Баку будет возвращен России, то треть добычи нефти пойдет Германии. Договоры имели политические и экономические статьи, а также секретные дополнения. Ливония и Эстония переставали быть русскими. Провозглашалась независимость Грузии, и Россия обязывалась выплатить немцам шесть миллиардов рублей золотом. Германии была обещана треть бакинской нефти. Германия обещала в статье четвертой договора не продвигаться за границы, обозначенные в Брест-Литовске, эвакуировать территории, оккупированные ею за пределами новой демаркационной линии (прежде всего, Белоруссию и области, прилегающие к Черному морю).

Согласно секретным статьям, советское правительство обещало вытеснить с территории страны войска Запада с помощью германских и финских войск. Используя очевидное желание Москвы избежать полной изоляции, Германия навязала все, что она могла бы продиктовать даже в случае прямой оккупации России. Экономические статьи давали Германии абсолютное преобладание в России. Иоффе и Красин жаловались, что Германия «рассекает Россию на две части и при этом желает, чтобы она функционировала как единое

целое». Экономические статьи могли вызвать «полный паралич русской экономической жизни». Требование контрибуции в шесть миллиардов марок было «абсолютно чудовищным». Большевики предупредили Германию, что подобный договор «поднимет всех русских против нее». И если большевики падут, «объединенная и единая Великая Россия, которая снова будет включать Украину, снова восстанет против Германии».

Германская сторона немедленно ратифицировала их, объясняя такую поспешность тем, что, «если мы отложим принятие этих договоров, возникнет опасность того, что нынешнее русское правительство падет». Но император Вильгельм уже не воспринимал угроз: «Мир с Россией может поддерживаться лишь страхом перед нами. Славяне всегда будут ненавидеть нас и всегда будут оставаться нашими врагами! Они уважают только тех, кто наносит им удары! Вспомните Японию! Так же будет и с нами! Антанта, при глупости моей дипломатии, может делать все, что ей заблагорассудится с Россией — она втащила ее в войну; но наше преобладание в зоне германских интересов необходимо для того, чтобы отрезать Россию подальше от наших восточных границ раз и навсегда». Людендорф и его окружение думали о будущем как о подготовке к новой войне. Они хотели расчленить Россию и укрепить сепаратистские силы на ее границах: «Необходимо укрепить, насколько это возможно, силы сопротивления живущих на границах народов, поскольку война с восстановившим свои силы русским колоссом начнется рано или поздно».⁷³⁹

Ошибка русской политики Германии заключалась в том, что она не сумела найти подхода, который был бы привлекательным для России, ее патриотов, ее экономически влиятельного класса, даже для ее монархистов. За эту ошибку Германия заплатила в XX в. страшную цену дважды. Она так и не сумела стать настоящей альтернативой Западу, она не смогла предложить такую

альтернативу России даже после Брест-Литовского договора. Более того, миром в Брест-Литовске и Берлине Германия практически гарантировала крах германской альтернативы Западу в попытках России приобщиться к источникам технического прогресса и социального обновления.

Самоослепление Германии

Комиссия рейхстага, работавшая уже после поражения кайзеровской Германии, сделала вывод: «Вплоть до 15 июля 1918 г. германское политическое и военное командование, если и не считало победу на Западе обеспеченной, то пат, ничейное положение рассматривало как гарантированное». Планы на послевоенные годы говорят об ослеплении Германии. Даже на второй день после «черного» дня — 8 августа 1918 г., когда лидеры Германии пришли к выводу, что победить Антанту они уже никак не могут, на имперской конференции было решено, что «нефтяные поля Месопотамии должны в любом случае быть в сфере влияния Германии», поскольку румынские месторождения недостаточны для германской промышленности. Эта историческая слепота погубила Германию и в известном смысле спасла Россию, поскольку проявилась в тот самый момент, когда Германия приступила к германизации восточного пространства — в августе 1918 г. Германия пришла к выводу, что наступило время Германии организовывать новую Европу на базе германского господства в ее центре.

Под прямым давлением Людендорфа эстонская Национальная Ассамблея в Ревеле 9 апреля, а Ливонская — 10 апреля 1918 г., объявили о своей сецессии. 12 апреля Объединенный совет Курляндии, Ливонии и Эстонии обратился к германскому императору с просьбой взять их «под постоянную германскую опе-

ку». Предполагался династический союз с Гогенцоллернами. На севере вассальными государствами становились Швеция и Финляндия. Швеция должна была стать надежным поставщиком железной руды. В Германскую империю должны были войти Курляндия, Ливония, Эстония, Литва, значительная часть Польши. На Юго-Востоке Австро-Венгрия должна была опираться на Германию как на краеугольный камень своей мировой политики. В «Большую Германию» входила Украина, Крым и Грузия. Украина и Кавказ обязаны были стопроцентно обеспечить экономическую и военную неуязвимость Германии: Нефть Галиции и Кавказа, сельскохозяйственная продукция Украины делали Германию в Европе и мире всемогущей. В сферу германского влияния входили Румыния и Болгария. Но самым же большим призом Германии в войне становилась ее гегемония в России. Господство над Россией опрокидывало вес Запада. Судьба Запада в такой комбинации выглядела незавидной. Именно понимание этого заставило Британию, Францию и Америку напрячь все силы. Это понимание в конечном счете спасло и Россию.

Соперники в интервенции

Вашингтон довольно быстро заполнил свою дальневосточную квоту — 7,5 тысяч солдат. Англичане, французы и итальянцы выставили меньше позволенного, но японцы в сравнительно короткое время в десять раз превзошли свою квоту: они явно вознамерились укрепиться в Сибири. Каждый город и более или менее приметный поселок к востоку от Байкала оказался под контролем японских войск. В гавани Владивостока стоял японский флот. Военные корабли японцев двинулись по рекам Дальнего Востока и Сибири.

В Вашингтоне стали задумываться над будущим си-

бирской части Евразии. 2 ноября 1918 г. государственный секретарь Лансинг заявил виконту Исии, что Япония зашла слишком далеко и что американское правительство желает соблюдения соглашения о квотах. 15 сентября 1919 г. военный министр Бейкер сообщил военному комитету палаты представителей, что в Сибири находится 8477 американцев, 1429 англичан, 1400 итальянцев, 1076 французов и 60 тысяч японцев.⁷⁴⁰

Со своей стороны, англичане не желали быть под крылом у американского орла. В начале августа 1918 г. британские агенты начали осуществлять материальную помощь прозападным социалистам, захватившим власть в Архангельске. Английский экспедиционный корпус генерала Ф. Пула начал свои действия на русской земле с приказа снять все красные флаги. Британский генерал грубо начал восстанавливать «ансьен режим». Пул начал движение на Вологду, но ощутил русские масштабы — 600 километров до ближайшего с Архангельском (по размерам) города. Стратегически англичане руководствовались грандиозной идеей — сомкнуться в районе Северного Урала с чехословаками и обеспечить контроль над двумя единственными незамерзающими портами России, расположенными на разных краях Земли — Мурманском и Владивостоком. В качестве ближайшей цели Пул наметил овладение железнодорожной линией Архангельск-Вятка, в конце которой он надеялся увидеть долгожданных чехов.

Посол Френсис сразу же отметил слабые стороны подготовки британских солдат и дефекты стратегии их командиров. «Британские солдаты долгое время были колонизаторами, и они не знают, как относиться с уважением к чувствам социалистов».⁷⁴¹ У Френсиса не было сомнений, что на данном этапе следует поддерживать весь спектр противостоящих Ленину сил. Не следовало терять чувства перспективы. Россия слаба, но, объединившись под лозунгом социальной революции, она может быстро умножить свои силы и при

определенном повороте событий стать главной угрозой Западу. «Руководящим импульсом большевиков является классовая ненависть, и они с презрением смотрят на святость семьи, равно как на неприкасаемость личности и ее собственности. Успех большевиков в России представляет собой угрозу всем упорядоченно созданным правительствам, не исключая наше, угрозу самим основаниям общественного устройства».

Пока Вильсон в Вашингтоне и Френсис в Вологде думали об оптимальном пути развития России, уравновешенные бритты выделили для себя «северный треугольник» между Архангельском, Вологдой и Вяткой и определили его в качестве сферы своего влияния в России. Стратегическая ценность этого треугольника была очевидна. Архангельск открывал доступ морской торговле; Вологда занимала стратегически важное положение на полпути к Петрограду и Москве; Вятка являлась превосходным плацдармом для выхода к индустриальному Уралу и Великой транссибирской магистрали.

Президент Вильсон во внутреннем кругу обвинял англичан в обращении к примитивной силовой политике. Его возмутило предложение англичан ввести в своем треугольнике собственную валюту. Стоило президенту ответить положительно, и политика раздела России на сферы влияния стала бы базовым принципом — она опрокинула бы все прочие подходы. Вильсон отказался даже обсуждать это предложение. Поздно. Американцы могли не одобрять действий англичан, но воспрепятствовать им уже не могли. В Лондоне уже печатали рубли, которыми британские солдаты стали расплачиваться с местным населением. (Блестящие имитаторы — японцы — немедленно начали печатать иены для своей оккупационной зоны).

Посол Френсис оценил британские планы следующим образом: «Поведение британских военных и гражданских представителей в Архангельске и Мурманске

указывает на желание закрепить за собой исключительные привилегии в этих портах. Каждый их шаг говорит о желании получить твердый плацдарм». ⁷⁴² Они стремятся действовать быстро и обойти нерасторопных союзников. Американские представители разного уровня докладывали послу, что «англичане спешат заключить с русскими соглашения исключительного характера, дающие им преимущества». Хватка профессиональных колонизаторов рождала у союзников чувство протеста. Даже связанные с англичанами общей военной судьбой французские офицеры говорили, что не желают сражаться за британские интересы в России.

Президент Вильсон жестко дрался за свои идеи. Полгода назад существовала опасность, что Восточная Европа и Россия станут зоной германского доминирования — это сделало бы Берлин непобедимым и, потенциально, столицей мира. Но Западный фронт выдержал мартовское и июньское наступления Людендорфа. Теперь американским планам препятствовало то, что в случае победы над Центральными Державами европейский Запад становился хозяином Восточной Европы. На мирной конференции англо-французы скажут Америке спасибо, отдадут Японии Восточную Сибирь и установят свой мир, в котором Америка будет отброшена в Западное полушарие. Не для этого ввел Вильсон американцев в мировую войну; он приложил усилия, чтобы воспрепятствовать Британии и Франции реализовать планы гегемонии в Евразии. Если итогом мирового конфликта будет вытеснение из силового центра мира Америки, пусть русские выбирают большевизм и, объединенные, вытесняют со своей земли тех, кто уже приступил к переделу зон влияния. Военный министр Бейкер рассуждал в унисон: «Если русским нравится большевизм — не наше дело убеждать всех, что только десять процентов русского населения являются большевиками, что в свете этого мы должны помочь остальным девяноста процентам». ⁷⁴³

Тем временем американские войска, закрепившись

во Владивостоке, начали прибывать и в Архангельск. 5 сентября 1918 г. американский посол Френсис устроил смотр высадившихся американских батальонов. Стараюсь найти более здравую и эффективную линию поведения, американское руководство в сентябре 1918 г. встало перед вопросом: нужно ли санкционировать публикацию переписки между генеральным штабом Германии и большевиками, известную в историографии как «документы-Сиссона». Помощники давали Вильсону противоречивые советы. Лансинг утверждал, что с помощью этих материалов следует доказать, что Ленин и Троцкий — платные агенты немцев. Главный советник президента — полковник Хауз — на этом этапе (сентябрь 1918 г.) не одобрял публикации сомнительных документов. Вильсон (уже после публикации «документов Сиссона») в частной беседе согласился с Хаузом; он сожалел, что публикация указанных материалов явилась фактическим объявлением войны Советскому правительству.⁷⁴⁴ Но Хауз постарался облегчить совесть президента: России так или иначе придется быть разделенной. Очень важен дальнейший ход рассуждений Хауза: остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут *четыре* России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны (запись полковника Хауза в дневнике от 19 сентября 1918 г.).

Для Вильсона дело было, собственно, уже не в России. Осевой идеей его мировой политики было создание мирового сообщества государств — Лиги Наций как альтернативы сепаратным группировкам. Только в свободном от тарифных барьеров либеральном мире огромная мощь Америки (в то время на нее приходилось едва ли не сорок процентов мирового промышленного производства) могла обеспечить ей безусловное лидерство. Если же устроить из Евразии новую Африку и поделить ее между всеми желающими, эта модель поведения немедленно будет перенесена в

Лигу Наций. Стоило ли менять возможность возглавить мировое сообщество на жалкий территориальный де-леж, совместно с японцами и англичанами, пустынных территорий в забытых богом концах Земли?

Финал войны

7 августа 1918 г. полковник Мерц фон Квирнхайм нашел генерала Людендорфа «в совершенно инертном состоянии духа. Горе нам, если союзники обнаружат наше падение. Мы потерпим поражение в войне, если не сможем собраться с духом». 8 августа кайзер сказал Людендорфу: «Мы достигли пределов своих возможностей. Войну следует заканчивать». 9 августа Людендорф, фактический диктатор Германии, сказал: «Мы более не можем победить в этой войне, но мы должны оделать так, чтобы не потерпеть поражения».⁷⁴⁵ 11 августа Гинденбург и Людендорф обратились к начальнику штаба военно-морского флота адмиралу Шееру со словами, что только активизация действий подводного флота Германии может позволить ей выиграть войну. Отныне не следует более возлагать надежды на наступательные действия армии, а сдерживать неприятеля мерами стратегической обороны. На совещании германского Коронного совета кайзер рекомендовал немедленно приступить к мирным переговорам и нашел в данном случае единомышленника в лице австрийского императора Карла. Австрия способна продержаться только до декабря. 15 августа принц Рупрехт Баварский написал новому германскому канцлеру — Макс Баденскому — из Фландрии: «Наше военное положение ухудшается так быстро, что я более не могу рассчитывать на то, что мы продержимся до зимы; катастрофа, возможно, наступит раньше».⁷⁴⁶

Западные же вожди настолько не верили в свою удачу, что уносились мыслями в 1919 и даже 1920 гг. Ллойд Джордж в меморандуме доминионам от 16 августа 1918 г

предлагал отложить решающее наступление на Западном фронте до 1920 г. Его министр вооружений Черчилль требовал 100 тысяч солдат для подготовки танковых корпусов к июню 1919 г. Планы на 1919 г. разрабатывал наконец-то созданный единый Межсоюзный совет по вооружениям. Во французском городе Шатору строился гигантский танковый завод. Американцы планировали в 1919 г. оснащать свою растущую армию. Черчилль вспоминал цитату из Метерлинка о том, что «богом пчел является будущее», несколько ее переиначивая: «В министерстве вооружений мы являемся пчелами ада и складываем в наши улья орудия убийства».

Но тень мрачной реальности уже упала на Германию. Западный фронт антигерманской коалиции постоянно укреплялся американской армией (во Франции находилась уже тридцать одна американская дивизия), а бездонные ресурсы США все больше ставились на службу союзников. Соотношение сил неотвратимо менялось в пользу антигерманской коалиции.

Только 2 сентября 1918 г. император Вильгельм признал поражение: «Битва проиграна. Наши войска отступают без остановки, начиная с 18 июля. Фактом является, что мы истощены. Наши армии просто больше ничего не могут сделать».⁷⁴⁷ Каким же виделся выход? Согласно докладу представителя генерального штаба А. Нимана, задачей становилось «создание экономического пространства, включающего в себя нейтралов; блокирование с Японией; компромисс с Британией; создание «колониального пояса» в Африке, включающего в себя Конго и Нигерию; окончательное урегулирование вопроса об ассоциированных территориях на востоке и западе». Британию следовало убедить, что «мы определяем условия нашего будущего не в водных просторах, а на суше, формируя Германию как мировую континентальную державу». Для России это означало, что Германия в мировой политике решила опираться на ее абсорбцию, на полный отрыв ее от

Запада «Нашими целями должны быть экономическая эксплуатация Украины, Кавказа, Великороссии, Туркестана». Именно туда должна быть брошена энергия Миттельойропы. Ниман 3 августа 1918 г. был назначен связным офицером между ставкой Гинденбурга-Людендорфа и императором Вильгельмом.

Спасение в эти августовские дни стало видаться в том, что «на Востоке мир лежит снова открытым для нас. Оккупированные территории Румынии и огромные части бывшей России открыты для извлечения ресурсов». Мир в Европе можно восстановить на основе закрепления статус-кво везде «за исключением нашего востока». Вице-канцлер Ф. фон Пайер указал: «Мы не позволим никому вторгаться в договоры, заключенные между нами и Украиной, Россией и Румынией. Мы добились мира на востоке и будем продолжать сохранять его, нравится он нашим западным противникам или нет». Ощущая холод поражения на Западе, будущий канцлер Г. Штресеман писал в эти дни: «Наша политика нацелена на то, чтобы сохранить все, что мы получили на Востоке, поскольку сомнительно, чтобы мы преуспели в реализации наших целей на Западе. Хороня свои надежды на Западе, мы должны сохранить наши позиции на Востоке. Возможно, в будущем Германия должна будет целиком обернуться на Восток».⁷⁴⁸ Но восточные планы Германии все больше ставились под сомнение западной интервенцией. 16 августа американские войска высадились во Владивостоке, а 17 августа англичане вошли в Баку. Генерал Гофман записал в дневнике уже 22 августа 1918 г.: «Если Антанта восстановит монархию в России, то она окажется закрытой для нас».⁷⁴⁹

Финал войны

17 августа 1918 г. генералиссимус Фош написал премьер-министру Клемансо, что может обеспечить

победу в 1919 г. 21 августа генерал Хейг заявил, что победы можно добиться в текущем 1918 г. Старавшийся достичь тайно согласия на переговоры сэр Хорэс Рамболд сообщал из Швейцарии, что «немцы готовы отдать многое, чтобы заключить мир, но они еще не в том психологическом состоянии, чтобы принять все наши условия».⁷⁵⁰ В самом конце августа Людендорф решил эвакуировать Фландрию, отойти к заранее подготовленной «линии Гинденбурга» и отныне на Западе придерживаться строго оборонительной стратегии.

30 августа вожди Запада получили сигнал от австрийского канцлера графа Буриана, что Австрия готова начать переговоры. Фронт Центральных держав начал поддаваться, что придало западным союзникам силы. 30 августа французы отбросили немцев за реку Эн. 2 сентября канадские войска нанесли удар по «линии Гинденбурга» в районе Дрокур-Кеана и пробили ее. Осмелевший Фош приказал активизировать боевые действия на всем протяжении Западного фронта. А Людендорф в этот же день издал приказ эвакуировать выступ Сан-Миэль. На протяжении августа западные союзники взяли в плен 150 тыс. германских солдат, они захватили 2 тыс. пушек и 13 тыс. пулеметов. Для Запада началась война быстрых перемещений войск — то, от чего они за четыре года отвыкли.

14 сентября 1918 г. австрийцы запросили западных союзников о «конфиденциальном и ни к чему не обязывающем обмене мнениями». США, Британия и Франция по очереди отвергли это предложение. В боях возникает новое понятие — Югославия. «По мере того как в Македонии 15 сентября продолжались бои, новой чертой войны стало появление Югославской дивизии — искреннее выражение решимости южных славян — словенцев, хорватов, сербов, боснийцев, черногорцев и македонцев объединиться территориально, когда австрийцев выбьют из Лайбаха, Аграма, Белграда, Сараево, Четинье и Скопье. Перейдя прежнюю греко-сербскую

границу, солдаты этой дивизии немедленно бросили все дела и начали обнимать друг друга». ⁷⁵¹

25 сентября австралийская и новозеландская кавалерия пересекла реку Иордан и вошла в Амман, перерезав тем самым железную дорогу Берлин-Багдад. Но более важное союзное наступление началось незадолго до полуночи этого дня: тридцать семь французских и американских дивизий начали наступление вдоль реки Маас и Аргоннского леса. Звучали 4 тысячи орудий, союзники использовали газы и взяли в плен 10 тысяч немцев. ⁷⁵² 28 сентября Хейт начал британское наступление против ипрского выступа. В воздухе были пятьсот самолетов. Пашендель — яблоко такого раздора год назад — на этот раз довольно быстро был взят бельгийскими войсками.

Вести о начале конца пришли с юга. Болгарские союзники 28 сентября начали переговоры с англичанами и французами в Салониках. В Греции германские и болгарские войска отступили, обнажив «мягкое подбрюшье коалиции» — Австро-Венгрию. 30 сентября бои на болгарском фронте прекратились. Гинденбург и Людендорф, обобщив сведения о положении на фронтах, пришли к выводу, что время работает против Германии и не остается ничего другого, как обратиться к противнику с просьбой о перемирии. Мемуары Гинденбурга: «Чем хуже были вести с далекого Востока, тем быстрее таяли наши ресурсы. Кто заполнит брешь, если Болгария выйдет из строя? Мы могли бы еще многое сделать, но у нас уже не было возможностей сформировать новый фронт. Поражение в Сирии вызвало неизбежное разложение среди наших лояльных турецких союзников, которые снова оказались под ударом в Европе. Как поступят Румыния и могущественные фрагменты прежней России? Все эти мысли овладели мной и заставляли искать выход. Никто не скажет, что я занялся этим слишком рано. Мой первый генерал — квартирмейстер, уже приняв решение, пришел

ко мне во второй половине дня 28 сентября: Людендорфом владели те же мысли. Я увидел по его лицу, с чем он пришел».⁷⁵³

29 сентября дуэт Гинденбург и Людендорф, два года правивший Германией, отправился к кайзеру с определенным выводом: война далее продолжаться не может. «Германия не может сражаться со всем миром». Но даже когда 29 сентября 1918 г., после выхода из войны Болгарии, Гинденбург и Людендорф потребовали от императора заключить перемирие, они вовсе не имели в виду сдавать германские позиции на европейском Востоке — они еще надеялись компенсировать потери на Западе приобретениями в России. В качестве уступки осмелевшей оппозиции кайзер Вильгельм 30 сентября 1918 г. «даровал» своему народу парламентское правление. Он поручил министру иностранных дел Гинце собрать совещание руководителей основных политических партий, определить кандидатуру нового канцлера и сформировать новое правительство. При этом так называемая «революция сверху» — превращение германской империи в республику, приход к власти правительства Эберта — вовсе не изменила германского намерения полностью пожать плоды Брест-Литовска. Вчерашние мировые геополитики в Германии хором заговорили о значении Германии как фактора стабильности в Европе.

В ставке Гинденбурга обратились именно к президенту Вильсону с просьбой о заключении мира на основе его «14 пунктов». Предполагалось созвать мирную конференцию в американской столице. Ставка гарантировала сохранение военного статус-кво на фронтах империи лишь на двое суток вперед. Решающими были слова, сказанные фельдмаршалом Гинденбургом: «Армия не может ждать более сорока восьми часов». У кайзера не было выхода. 2 октября канцлером Германии стал племянник императора Вильгельма Второго князь Макс Баденский. Он согласился возглавить государственное руководство только

после того, как кайзер пообещал выполнить два условия. *Первое*: только рейхстаг получал право начинать и заканчивать войну; *второе*: кайзер отказывается от командования армией и флотом.

Канцлер Макс Баденский «надеялся, что сумею заглушить пессимизм и возродить уверенность. Я был твердо уверен, что, несмотря на ослабление наших сил, мы сможем защищать границы отечества в течение многих месяцев».⁷⁵⁴ Но для надежд было мало времени. Вечером 2 октября 1918 г. ему вручили письмо, подписанное Людендорфом и Гинденбургом: коллапс салоникского фронта «ослабил необходимые для Западного фронта резервы», невозможно воспользоваться «очень большими потерями противника за предшествующие дни»; всё это делает заключение перемирия необходимым «для того чтобы избежать дальнейших ненужных жертв германского народа и его союзников... Каждый день стоит жизни тысяч смелых солдатских жизней».⁷⁵⁵

Канцлер 3 октября предупредил Гинденбурга, что слишком быстрое заключение перемирия могло бы означать потерю Эльзаса и Лотарингии, а также населенных преимущественно поляками районов Восточной Пруссии. Людендорф ответил, что потеря Эльзаса и Лотарингии приемлема, а утрата части Восточной Пруссии — нет. Английский историк Уиллер-Беннет комментирует: «Становилось все более очевидно, что канцлер читал «четырнадцать пунктов», а верховное военное командование — нет».⁷⁵⁶ Получив представление о ходе мыслей военных, Макс Баденский пригласил в правительство социал-демократов. Один из них, будущий душитель спартаковцев Филипп Шейдеман, оценил обстановку таким образом: «Лучше конец террора, чем террор без конца». 4 октября принц Макс Баденский послал в Вашингтон ноту следующего содержания: «Германское правительство просит президента Соединенных Штатов Америки взять в свои руки дело восстановления мира, ознакомить все воюющие государства с

этим нашим обращением и пригласить их послать своих полномочных представителей для переговоров».⁷⁵⁷

Запад на пороге победы

Президент Вильсон, видя ежедневное ослабление германского фронта, 8 октября 1918 г. отверг германское мирное предложение. Первое условие перемирия — освобождение оккупированных территорий на Западе. Война не закончится до тех пор, пока немецкие войска не уйдут из Франции, Бельгии. 13 октября премьер Ллойд Джордж выразил свои опасения относительно того, что немцы воспользуются перемирием, перегруппируют свои силы и восстановят их. «Не лучше ли нанести немцам поражение и дать немецкому народу возможность почувствовать подлинный вкус войны, что не менее важно с точки зрения мира на земле и лучше, чем их сдача в настоящий момент, когда германские армии находятся на чужой территории». В таком же духе писал 14 октября британский дипломат сэр Хорэс Рамболд из Швейцарии: «Было бы тысячекратно обидно, если бы мы прекратили битву до того, как разобьем их полностью на Западном фронте. Мы обязаны загнать их в их звериную страну, ибо это единственная возможность показать их населению, что на самом деле представляет собой война».⁷⁵⁸

Французы 14 октября официально признали Чехословацкий национальный совет во главе с Томашем Масариком правительством будущей Чехословакии. В Вене ощутили угрозу своим владениям, и император Карл пообещал свободу федерального политического устройства шести главным национальностям Австро-Венгерской империи: чехам, словакам, полякам, хорватам, словенцам, сербам и румынам. Историк Элизабет Вискеманн назвала это обещание «голосом из могилы». Президент Вильсон не любил, когда его обходят в

реализации его «собственного политическом кредо и через четыре дня потребовал придания этим национальностям не права федерального устройства, а выполнения права полного национального самоопределения. Теперь он говорил, что США связаны обязательством обеспечения этим национальностям права на самоопределение.

Немцы начали ощущать уходящую из-под ног почву. Гросс-адмирал Тирпиц 17 октября потребовал от Макса Баденского обеспечить «решительные подкрепления» на Западном фронте и «безжалостное проведение подводной войны». Каждый немец должен понять, что, если он не будет сражаться из последних сил, «мы попадем в положение наемных рабов наших врагов». Людендорф призвал готовиться к битвам весны 1919 г. Военный министр генерал Шойх пообещал к этому времени подготовить 600 тыс. новых солдат, но он настаивал на сохранении притока критически важной для Германии румынской нефти, без которой германская военная машина остановится через шесть недель.

Главным было понимание необходимости начать мирные переговоры до перехода войны на германскую землю и пока у Германии огромные владения на европейском Востоке. 18 октября германские войска покинули территорию Болгарии. Более тысячи германских советников начали уходить из Месопотамии. Адмирал Шеер приказал всем германским подводным лодкам возвратиться на базы. Кайзер объявил общую амнистию политическим заключенным. Ленин воскликнул: «А три месяца назад над нами смеялись, когда мы предсказывали революцию в Германии».

Финал войны

Каждый месяц на европейский материк прибывали 300 тысяч американских солдат. Вашингтон превра-

тился в центр обсуждения проблем, связанных с общим европейским переустройством. Получив сообщение о том, что Германия прекратила подводную войну, Вильсон предложил Клемансо и Ллойд Джорджу 23 октября приготовить их условия перемирия. Обсуждению этих условий была посвящена встреча Фоша, Хейга, Петэна и Першинга 25 октября в Санлисе. Все настаивали на сдаче немцами артиллерии, железнодорожного состава и подводных лодок.

Лучший стратег Германии генерал Людендорф подал прошение об отставке. «Доведя Германию до предела истощения ресурсов, он предоставил гражданскому руководству, чье влияние он систематически ослаблял, тяжелую задачу спасения того, что можно еще было вынести из руин».⁷⁵⁹ Его наследник — генерал Гренер — достаточно ясно ощущал, что Германия лишилась возможности вести войну. Тем временем Турция прислала своих представителей на остров Мудрос в Эгейском море для выработки условий перемирия (26 октября). На следующий день император Карл прислал телеграмму императору Вильгельму: «Мой народ не может и не желает более продолжать войну. Я принял решение начать поиски возможностей подписания сепаратного мира и немедленного перемирия».⁷⁶⁰

28 октября Австро-Венгрия запросила перемирия. Образованный тремя месяцами ранее Национальный совет Чехословакии взял на себя функции правительства. Союз Австрии с Венгрией распался. Император Карл отдал флот южным славянам, а Дунайскую флотилию венграм. Австрийская делегация прибыла на виллу Джустини близ Падуи для ведения переговоров о перемирии. На линкоре «Агамемнон» турецкие представители подписали условия продиктованного им британским адмиралом перемирия. На германском фронте Першинг предлагал продолжать военные действия, пока противник не сдастся на милость победителя. Но Ллойд Джордж и Клемансо были уверены, что легких условий мира немцы не получают.

Грозной опасностью для Запада стало решение вождей германского флота вовлечь британский флот в последний бой. Адмирал Шеер убеждал германских моряков: «Битва чести для флота — даже если это будет битва до смертного конца — посеет семена, которые возродят германский флот в будущем». Но немецкие моряки видели перед собой живой пример русского флота — пропаганда левых социал-демократов пользовалась на флоте значительной популярностью. Моряки огромных линкоров пели хором: «Мы не выйдем в море, война для нас закончилась». Приказ выйти в море был повторен пять раз, и пять раз немецкие моряки (немыслимое!) отказались подчиниться приказу. Тирпиц горестно писал: «Немецкий народ не понимает моря. В час, когда их позвала судьба, они не использовали свой флот... Смогут ли наши внуки заново взяться за эту задачу — спрятано в тумане будущего».⁷⁶¹

Пользуясь поддержкой Гинденбурга, кайзер отказался отречься от трона. Представителю канцлера уединившийся в бельгийском курортном местечке кайзер сказал: «Я отказываюсь отречься от трона, как от просьбы, исходящей от нескольких сот евреев и тысячи рабочих. Скажите это своим хозяевам в Берлине».⁷⁶² Но канцлер уже информировал президента США, что германское правительство ожидает от него условий перемирия. Может быть, последним камнем послужило то, что переведенные с Восточного фронта войска подняли мятеж, отказавшись идти в бой. Средства, потраченные на поддержку активных пацифистов на Востоке, ударили бумерангом по их дарителям.

Россия и революция в Германии

Осенью 1918 г. на территории урезанной после Бреста России находилось примерно 100 тысяч иннос-

транных солдат — 70 тысяч из них составлял контингент чехословаков. Половину остальных представляли собой воинские подразделения англичан. Начало октября 1918 г. — волнующий период для большевистского правительства России. 6 октября на съезде в Готе немецкие социал-демократы — спартаковцы — потребовали установить в Германии советскую власть. Волнения в Германии нарастают, а вместе с ними и надежды русских революционеров на радикальный переворот в мировой конфигурации. Людендорф говорит своему штабу о «глубокой зараженности германской армии спартаковско-социалистическими идеями». Лидеры прообраза германской компартии — организации «Спартак» — Карл Либкнехт и Роза Люксембург требовали немедленного заключения мира и перехода от монархии к республике.

Губернатор Киля попытался подавить восстание германских военных моряков силой, но пожар погасить было уже невозможно. Генералу Гофману можно было вспомнить предостережение русского адмирала Альфатера, по поводу пророчеств которого он так весело смеялся в Бресте. 4 ноября к 3 тысячам восставших матросов присоединились 20 тысяч солдат гарнизона Киля и многие тысячи моряков. Через два дня восстание охватило Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен. Ленин 6 ноября: «Германия охвачена пламенем, и Австрия выходит из-под контроля!» Лидер германских социалистов Фридрих Эберт предложил, чтобы кайзер, находящийся в Спа, «отрекся сегодня или, в крайнем случае, завтра».

На определенный период В.И. Ленин безоговорочно поверил в неизбежность германской революции; о чем очень ярко говорят написанные в октябре-ноябре письма, адресованные Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому. Поражение в войне вызовет социальный взрыв и обеспечит приход к власти в германских городах советов, распространение революции на всю Европу и взаимо-

помощь новых республик. 3 ноября 1918 г. Ленин объявил на массовом митинге в Москве, что Россия готова поддержать восставших австрийских революционеров. Ленин считал, что России следует предложить Германии пшеницу и военную помощь, несмотря на то что Россия сама находилась в глубокой нужде. Большевики перестали быть пораженцами, выдвинув идею создания трехмиллионной армии.

Создание такой армии не было простым делом. Германская революция лежала где-то впереди в исторической дымке. Германия не была единой. Одна ее часть быстро революционизировалась, а другая готовилась к долгой и мощной осаде, в которой одним из главных козырей Берлина будет владение огромными территориями в Восточной Европе. В Пскове кайзеровские офицеры создавали из русских военнопленных и бывших царских офицеров вооруженные части, направленные против социального строя коммунистов-ленинцев. На Черном море немцы взяли под свое командование линейный корабль «Воля» и четыре эсминца. Но эти военные успехи немцев обесценивались социальным обвалом дома, в самой Германии. В Берлине большинство депутатов-социалистов потребовало отречения императора. Не получив поддержки большинства, они вышли из рейхстага и призвали трудящихся страны ко всеобщей стачке. В Баварии была провозглашена советская республика. Кельн был захвачен революционными матросами, и над городом взвился красный флаг, как и над десятью другими крупными немецкими городами. Когда кайзер спросил генерала Гренера, согласится ли армия подавить выступление революционных сил, тот ответил отрицательно. Утром 9 ноября пришла телеграмма из Берлина. Пост канцлера взял в свои руки лидер социалистов Фридрих Эберт. Социалист Шейдеман провозгласил социалистическую республику, а Карл Либкнехт провозгласил германскую советскую республику.

За три дня до начала германской революции дипломатические отношения Германии с Россией были приостановлены. Германское правительство предложило Москве отозвать своих дипломатических представителей — оно боялось большевистской пропаганды. Посол Иоффе покинул Берлин 6 ноября 1918 г. — как раз в тот день, когда сообщения о восстании кильских моряков докатились до германской столицы. Германские газеты писали о необходимости борьбы с «социализмус азиатикус». Москва обратилась к пролетарскому Берлину 11 ноября 1918 г.: «Шейдемань вместе с эрицбергерами продадут вас капитализму. Во время перемирия они найдут общий язык с британскими и французскими капиталистами, которые заставят вас сложить оружие. Вы должны использовать это оружие для того, чтобы создать правительство во главе с Либкнехтом».⁷⁶³ На второй день после начала ноябрьской германской революции Советская Россия послала в Германию пятьдесят вагонов с зерном и другим продовольствием — и это в условиях голода в самой России.

Советское правительство предлагало немцам: «Если вы желаете хлеба, вы должны быстро отогнать англичан. Германские Советы должны немедленно послать радиogramмы и оповестить своих эмиссаров среди германских солдат на Украине».⁷⁶⁴ Достаточно ясно, что большевики не только хотели пожара мировой революции, но и преследовали оборонительные цели — они боялись быстрого появления (после вероятного ухода немцев) войск Антанты. К. Радек 15 ноября 1918 г. обозначил в качестве цели совместную борьбу красных и немцев против белых в Польше, Литве, Латвии и на Украине. На чью сторону встанут германские войска? На переговорах с немцами в Яссах в ноябре 1918 г. белые генералы отнеслись к германским войскам фактически как к союзникам в борьбе с красными — они хотели, чтобы немцы держали свои позиции вплоть до замены их белыми частями. Так

немцы в момент их полного поражения и революции оказались охаживаемыми с обеих сторон русского гражданского конфликта.

Москва просила Берлин продать ей германские суда, стоящие на рейде Таллина. Находясь в критической ситуации, немцы не осмелились на такой поворот фронта. Из министерства иностранных дел высокопоставленный чиновник Хаазе писал в Москву: «Учтите все же нашу тяжелую ситуацию. Мы не можем поднять вооруженные силы на активные действия. Вопросы о минах и судах на Балтике сейчас решены быть не могут».

Компъен

7 ноября 1918 г. германская делегация во главе с лидером Партии центра Эрцбергером пересекла линию Западного фронта. В Компьенском лесу 9 ноября немецких представителей привели в штабной вагон генералиссимуса Фоша. Эрцбергер пытался сыграть на опасности завладения большевизмом всей Центральной Европы, на что Фош ответил: «Вы страдаете болезнью потерпевшего поражение. Я не боюсь этого. Западная Европа найдет средства защитить себя от опасности». Вечером 10 ноября Берлин принял условия западных союзников. Германия обязалась освободить немедленно Бельгию, Францию, Люксембург и Эльзас с Лотарингией. Германская армия обязалась сдать 5 тысяч тяжелых орудий, 25 тысяч пулеметов, 1700 самолетов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовиков.

Соглашение о перемирии было подписано в пять минут шестого утра 11 ноября 1918 г. Генерал Першинг был огорчен. «Я боюсь того, что Германия так и не узнает, что ее сокрушили. Если бы нам дали еще одну неделю, мы бы научили их». А теперь готовы были

условия для рождения легенды о предателях, подписавших перемирие. Генерал фон Айнем, командир третьей германской армии, обратился к своим войскам: «Непобежденными, вы окончили войну на территории противника».⁷⁶⁵ Легенда начала свою жизнь.

Русские живут исключительно впечатлениями момента. То, что вчера чувствовали и думали, для них более не существует. Их настоящее настроение порой уничтожает в них самое воспоминание об их прежних взглядах... В России чаша весов не колеблется — она сразу получает решительное движение. Все разом разрешится, все образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание. Для большинства русских верхом счастья является постоянная смена декораций.

М. Палеолог, 1922

Для России первая мировая война была испытанием, к которому страна не была готова. Видя перед собой опыт быстрых, основанных на мобильных перемещениях войск, балканских войн, русская дипломатия и генералитет полагали, что боевые действия продлятся недели, от силы несколько месяцев. Многолетняя война была губительной для огромной неорганизованной страны с плохими коммуникациями, с недостаточно развитой индустрией, с малограмотной массой основного населения. Противник 1914 года всегда учитывал многонациональность России и всегда старался использовать это обстоятельство.⁷⁶⁶ В результате войны Россия потеряла Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Бессарабию, составлявших в совокупности 15,4% ее населения. Потеря 817 тысяч квадратных километров территории и 28 млн. подданных означала также потерю десяти процентов всех железнодорожных путей, трети всех промышленных предприятий, использующих одну шестую часть всех промышленных рабочих, производивших одну пятую всех промышленных товаров.⁷⁶⁷

Главный факт исторического развития России заключается в том, что в начале шестнадцатого века регион-сосед — Западная Европа — начал цивилизационно выходить вперед, колонизуя весь мир, главенствуя в освоении науки, создавая особую личность и уникальные формы общественного развития. У России (как и у всего остального мира) на первый план стала выдвигаться задача аккомодации к неожиданному подъему Запада. В петровский период страна проделала значительный путь. После Великого посольства (1698) и до великой мобилизации (1914) Россия не только смогла сохранить независимость, но и во многих отношениях приблизиться к западным стандартам. В глазах мира — как и в собственных — она встала на прочные цивилизационные основы, родственные западным.

Была ли у России историческая возможность быстрее пройти расстояние, на которое она отставала от Запада по большому цивилизационному счету? Возможно, в допетровской Руси Новгород с его торговыми связями с внешним миром мог послужить университетом приобщения к западным ценностям и установлениям. Но Иван Грозный уничтожил этот русский город с поразительной жестокостью. Возможно, введение Александром Вторым законодательства западного типа могло дать более весомые плоды. Петр Великий и Екатерина Вторая делали могучие шаги вперед, а Анна Иоановна и Николай Первый в своей косности замедляли национальный прогресс. Сказалось отсутствие идущей на Западе прямо от Рима традиции. Местный суд погряз в местных делах, а справедливость — великая справедливость — испытывала воздействие сконцентрированных на себе писателей и горячий, неудержимо безумной в своем максимализме революционной молодежи. Зрелый «хладный» ум так никогда и не завладел страной, где горячее сердце всего ценилось больше. То, что сердце так часто ошибается, исторически не было принято в расчет. Возможно, не хватало

(как жестоко не хватает и сейчас) подлинно гражданской истории. Так получилось исторически, что законом на Руси была либо воля самодержца, либо мнение общины, но не некие общие принципы, воспринятые как всеобщие и абсолютно обязательные.

Раннее влияние Византии быстро погасло на русских просторах, а опыт общения с Западом, начиная с Петра, носил характер перенятия технических приемов, но не пересмотра исторических основ русского существования (что, строго говоря, было и невозможно для огромного народа, не связанного печатно выраженным общественным мнением, находящегося, вследствие транспортной проблемы, вне постоянных взаимных контактов). Закон в России никогда не стоял над властителем, что доблестно доказала русская история от Рюрика до Горбачева. Толкование закона никогда не ценилось. Если на Западе это были парламентарии и судьи, то на Руси — чиновники и партийные комитеты, где личность чиновника, а не трактование закона имела значение для народа-просителя.

Все перемены в России всегда происходили сверху. Народ предоставлял материал и выплескивал эмоции. Великий раскол, реформы Петра, освобождение крестьян, отречение последнего Романова замыслились и выполнялись в верхнем эшелоне общества. Ничего подобного на Реформацию, когда верующий сам лично должен был определить отношение с Богом и властью, в России не было. Отсутствовал и опыт передачи представительских функций народа трактователям религиозных и общественных дел — священникам и юристам. Трудно даже себе представить великую Россию, выдвигающую из своей Среды (а не в двух столицах) служителей церкви и адвокатов, представляющий на некоем конституционном конгрессе волю народа. Во-первых, народ с трудом формулировал эту волю; во-вторых, он больше доверял московскому царю, чем ближайшему чиновнику. Церковь, в отличие от Запада, не взяла на

себя важных светских функций. Чиновники, руководимые произволом (а не законом), вызывали лишь отторжение. Этим определялось, пожалуй, самое большое различие между Востоком и Западом; определялось оно отсутствием в России всякого механизма реализации народной воли.

И Россия с созданием Думы (1905) только лишь начала долгий путь парламентской самоорганизации, для прохождения которого Западу понадобились многие столетия — ограничение власти монарха, оформление абстрактных форм главенства закона (конституция, декларация прав граждан), формирование политических групп вокруг идейных программ (а не вокруг личностей, как это стало привычным и в Думе, и в среде революционеров), предоставление обществу права инициативы и сопутствующей ей ответственности.

В экономической сфере Россия к 1914 году становилась мощной промышленной державой. Ее сельское хозяйство, хотя и отсталое по методам производства, сделало несколько шагов вперед и укрепило экспортные позиции России. В культурной области между Россией и Западом не было разрыва на высшем уровне — русские классики были общеевропейскими классиками. Россия могла с гордостью сопоставить себя в любой сфере творческого духа — ее мыслители, ученые и представители творческих профессий были авангардом и славой Европы. Но когда фокус смещается с элиты на общую массу населения, здесь Россия не выдерживает сравнения с ведущими странами Запада. Однако, вместо обращения энергии на сокращение разрыва между образованными кругами и необразованной массой населения, правительство выбрало защиту сословных и прочих привилегий.

Возможно, самые серьезные последствия имело отчуждение интеллигенции как от народа, так и от правительственной бюрократии. Гордыня духа дала предсказанные в Библии результаты. Судьи дел людских,

хранители духа и ревнители чистоты помыслов не были готовы к черной работе и, менее того, к компромиссу со служивой частью общества своей страны. Как пишет английский историк Х.Сетон-Уотсон, «отчуждение интеллигенции от всего социального и политического режима было еще более важным фактом, чем распространение буржуазных ценностей, и русское политическое сознание было все еще отличным от западного... Долгая борьба на Западе за свободу выбора религиозной веры, из которой вывели требования свободы и права на собственное суждение в политике, а также более продолжительная борьба между классами общества, каждый из которых не был достаточно силен, чтобы доминировать над другими, не имела места в России».⁷⁶⁸

Отнюдь не благотворной для России оказалась идея осуществить «демократический рай» через чистилище временной диктатуры. Основная масса русских революционеров — от Пестеля до Ленина — придерживалась именно такой линии. И противостояли им не ревнители народной мудрости (в виде сохранения имеющегося опыта организованного управления), а абсолютные противники государства — анархисты. Пока Запад решал задачу нахождения оптимальной формы правления между президентской республикой и парламентским правлением, лучшие люди России бились между двумя лобными местами — диктатор или анархия, оба из которых означали лишь массовые репрессии. Идеал свободного общества, позволяющего меньшинству сохранять свои оппозиционные взгляды, но запрещающего большинству делать насилие орудием своей политической воли, никогда не был популярен в России. Русскому в девятнадцатом и двадцатом веке было скучно слушать о представительной демократии и механизме ее сохранения. Более волнующими для него были призывы революционных вождей добиться благосостояния за счет радикального изменения политического курса

(направление, в котором предполагалось пойти заново, не было самым существенным обстоятельством)

Первая мировая война стала великим экзаменом для России на зрелость.

Напряжение войны имело губительные последствия для ориентированного на Запад общества, созданного Петром и непосредственно связанного — идейно, материально, морально — с Западной Европой. Изоляция и агония войны подорвала силы тонкого слоя европейски ориентированного правящего класса; она вывела на арену истории массы, для которых Запад в позитивном плане был пустым звуком, а в непосредственном опыте ассоциировался с безжалостно эффективной, германской военной машиной, с пулеметом, косившим русских и нивелировавшим храбрость, жертвенность, патриотизм. Общественный механизм показал свою незрелость.

Хотелось бы, чтобы все, о чем говорится в этой книге, стало уроком для будущего. Фундаментальный, столетиями взлелеянный страх перед внешней уязвимостью был доведен первой мировой войной до стадии морального террора. Сколь ни велика и обильна была Россия человеческими и прочими ресурсами, количество не перешло в качество. Россия стала жертвой превосходной германской организации, технологии, науки. Порожденное массовое чувство уязвимости и создало ту почву, на которой в течение нескольких месяцев процвел большевизм, обещавший социальный прогресс в условиях новой безопасности, построенной на основе самой передовой западной теории.

Союзники России не сделали ей ничего более того, что соответствовало их представлениям о собственном благе. Не они стали причиной ее несчастий. Россия так и не смогла найти ту дорогу, которая привела бы ее к созданию условий для ускоренного развития. Дело Петра потерпело поражение в 1917 году. Были ли для этого предпосылки? Отрицать наличие некоторых из них бес-

смысленно. Русская военная мощь не сравнялась с лучшими армиями своего времени — прежде всего, с главным врагом — германской армией, что и было продемонстрировано в 1914–1917 годах. Русские полководцы одерживали победы в боях против австрийцев и турок, но на германской линии фронта результат всех кровавых усилий был обескураживающим. Тыл некоторое время работал не только жертвенно, но и слаженно. Однако по мере растущего напряжения сказались незрелость общественного устройства и несформированность жителей как граждан, равных «прометеевскому человеку» Запада. Это и предвосхитило фатальную слабость России в час ее исторического испытания.

В результате первой мировой войны произошла базовая трансформация российского сознания, и Россия ринулась прочь от единения с западными соседями — в поисках особого пути, особой судьбы, изоляции от жестокой эффективности Запада. Так был избран путь на семьдесят лет. Россия подошла к концу двадцатого столетия, перенесла немыслимые испытания, но так и не выработав систему противостояния ошибочному курсу своих правителей, мирной корректировки этого курса. В невиданном самоотречении Россия, ее граждане предпочитали пройти весь путь до конца и лишь потом извлекать уроки. Ни одна западная нация не позволяла себе такой роскоши.

Опыт семидесятилетней изоляции, как и жестоко-наивный слом советского наследия показали, что модернизация в условиях сознательно поддерживаемой фактической автаркии может принести нашей стране — даже при невиданной жертвенности — лишь половинчатый успех. Мы повторяем худшие образцы устаревшей технологии в условиях подавления предприимчивости и гения народа, делая узко понимаемую национальную гордость препятствием для нашего развития. Как и тысячу лет назад актуальны слова: «Велика и обильна земля наша, но порядка в ней нет...». Сказать их требуется

немалое мужество. Те страны, которым в своей истории удалось преодолеть наивный этноцентризм, сумели ныне возглавить мировое развитие. Те же, где возобладало близорукое мнимое самоуважение, оказались в хвосте развития и ныне жестоко платят за свою безумную гордыню.

Различие между Россией и Западом, помимо прочего, и в том, что в нашей стране само правительство видит в законах лишь сочетание слов, а не то, из чего они черпают легитимную силу, и, защищая закон, наши правители убеждены, что они просто обязаны применить силу. Сила применялась, и много раз, но никогда ради зафиксированного для всей нации принципа. Такое отношение к законам самого государства, естественно, открывало и открывает дорогу профессиональным нарушителям этих законов — революционерам. И пока наш народ не определит верховенство закона над любым соблазнительным способом его нарушения, Россия никогда не войдет в орбиту лидирующих наций.

И социализм и бег от него были восприняты огромной людской массой в России как весьма многообещающее предприятие. Детская наивность отражала в любом случае внутреннюю веру в то, что «хуже не будет». Много раз становилось хуже, но и тогда находились козлы отпущения, а вовсе не общий методичный план решения социальных и экономических проблем. Так мы потеряли двадцатый век в деле приобщения к западному рационализму, который, строго говоря, ни хорош и ни плох, но дает инструмент изменения курса не после очередных похорон очередного вождя (буквальных или политических), а в ходе корректировки общественного развития при сохранении жертвенных результатов труда поколений предшественников.

Европейская революция 1989—1991 годов дала миру снова объединенную Германию и разъединенную Россию, отодвинутую на тысячу километров к востоку. Современникам остается утешаться мыслями, подоб-

ными следующему изречению С.М.Соловьева, характеризующему положение России после поражений на западе в конце XVI века: «Уход русской нации на отдаленный северо-восток был важным обстоятельством, потому что позволил русскому государству становиться сильнее вдалеке от западного влияния. Мы видим, что те славянские нации, которые преждевременно вошли в контакт с Западом, сильным своей цивилизацией и своим римским наследием, пришли в упадок, потеряли свою независимость и некоторые из них даже свои национальные признаки».⁷⁶⁹

Не найдено оптимальное сочетание огромных собственных ресурсов и способа естественного восприятия опыта наиболее развитых стран, такого восприятия, которое гарантировало бы от опасной зависимости любой из них. Первые князья Киевской Руси, как и Петр Великий впоследствии, сумели найти в себе мужество, а в народе отклик. Приобщение к современной технической цивилизации лежит на одной чаше весов, а безумная гордыня изоляционизма — на другой. Мы генетически наследуем стоицизм народа, жертвенность которого общепризнанна. Наши предки ценой неимоверных жертв сохранили нам драгоценную свободу выбора. Этот выбор зависит сейчас только от нас.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ¹ Craig G. Germany 1866–1945. N.Y., 1978, p. 339.
- ² Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1917 гг. Серия III. М., 1931–1938, т. VI, часть 1, с. 247–248.
- ³ Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва, 1991, с. 273.
- ⁴ Craig G. Germany 1866–1945. N.Y., 1978, p. 340.
- ⁵ Meinecke F. Ausgewählter Briefwechsel. Stuttgart, 1962, S.47.
- ⁶ Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 127.
- ⁷ Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 86.
- ⁸ Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 103.
- ⁹ Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975, p. 170.
- ¹⁰ Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 110.
- ¹¹ Маниковский А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну. Том I. Москва, 1930, с. 153–155.
- ¹² Lincoln B.L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 61.
- ¹³ Charques R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958, p. 211.
- ¹⁴ Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia, 1855–1914. London., 1952, p. 363.
- ¹⁵ Коленковский А. Маневренный период войны 1914 г. М., 1940, с. 64.
- ¹⁶ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1925, с. 63–54.
- ¹⁷ Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 122.
- ¹⁸ Knox A. With the Russian Army, 1914–1917, London, 1921, vol. I, p. 46.
- ¹⁹ Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 45.
- ²⁰ Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 78.
- ²¹ Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 237.
- ²² Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 261.
- ²³ Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 143.
- ²⁴ Меликов В.А. Стратегическое развертывание. Т.1, М., 1938, с. 300–301.
- ²⁵ Ironside E. Tannenberg: The First Thirty Days in Eastern Prussia. Edinbourg, 1925, p. 25.

- ²⁶ Lincoln B.L. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p.63.
- ²⁷ Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. I, p.216–217.
- ²⁸ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте, с. 103.
- ²⁹ Gurko V. *War and Revolution in Russia, 1914–1917*. N.Y., 1919, p. 59–70.
- ³⁰ Кнох А. *With the Russian Army*, p. 205.
- ³¹ Herausgeg von M. Schwarte. *Der Grosse Krieg 1914–1918*. Berlin, 1923, S. 289.
- ³² Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926, с.155.
- ³³ Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. М., 1923, с.22.
- ³⁴ Hindenburg P. *Out of my Life*. N.Y., 1923, p.57
- ³⁵ Ludendorff E. *My War Memoirs, 1914–1918*. Vol.I, London, 1919 p.41–42.
- ³⁶ Hindenburg P. *Out of my Life*. N.Y., 1923, p. 84.
- ³⁷ Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 48.
- ³⁸ Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1932, p. 193.
- ³⁹ Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917*. London, 1975, p. 63.
- ⁴⁰ Hoffmann M. *War Diaries and other papers*. London, vol. I, 1929, p. 62.
- ⁴¹ Gurko V. *War and Revolution in Russia, 1914–1917*. N.Y., 1919, p. 13.
- ⁴² Зайончковский А.М. *Мировая война 1914–1918*. Москва, 1938, том 1, с. 138–140.
- ⁴³ Богданович П.Н. Вторжение в восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос Айрес, 1964, с. 59–60.
- ⁴⁴ Hindenburg P. *Out of my Life*. N.Y., 1923, p. 95.
- ⁴⁵ Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1932, p. 207.
- ⁴⁶ Hindenburg P. *Out of my Life*. N.Y., 1923, p. 96.
- ⁴⁷ Богданович П.Н. Вторжение в восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос Айрес, 1964, с.158.
- ⁴⁸ Кнох А. *With the Russian Army, 1914–1917*. London, 1924, p. 142
- ⁴⁹ Военно-исторический сборник, 1920, N 3, с. 88.
- ⁵⁰ *Regimental History, 41st (v. Boyen) Infantry Regiment*. P. 23
- ⁵¹ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском

- фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926, с.339.
- 52 Богданович П.Н. Вторжение в восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос Айрес, 1964, с.238.
 - 53 Иссерсон Г. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). М., 1926, с.115.
 - 54 Hindenburg P. Out of my Life. N.Y., 1923, p.102.
 - 55 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 218.
 - 56 Ironside E. Tannenberg: The First Thirty Days in Eastern Prussia. Edinbourg, 1925, p. 245.
 - 57 Lincoln B.L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 79.
 - 58 Conrad von Hotzendorf. Aus meiner Dienstzeit. Band IV, Vien, 1921, S. 507-508.
 - 59 Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. London, 1924, vol I, p. 49.
 - 60 Conrad von Hotzendorf. Aus meiner Dienstzeit. Band IV, Vien, 1921, S. 551-553.
 - 61 Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964, с. 72.
 - 62 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с.443.
 - 63 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с.449.
 - 64 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 72.
 - 65 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 73.
 - 66 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 83.
 - 67 Lincoln B. The Romanovs: Autocrats of All Russia. N.Y., 1981, p.732.
 - 68 Lincoln B.L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 89.
 - 69 Palmer A. Who's Who in Modern History. London, 1980, p. 234.
 - 70 Hindenburg P. Out of my Life. London, 1922, p. 118-119.
 - 71 Hindenburg P. Out of my Life. London, 1922, p. 123.
 - 72 Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. London, 1924, vol I, p. 204.
 - 73 Wheeler-Bennett J. Hindenburg, The Wooden Titan. London, 1936, p. 44.
 - 74 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Tom I, p. 207-208.
 - 75 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 262.
 - 76 Knox A. With the Russian Army 1914-1917. Vol. I, London, 1921, p.244
 - 77 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 263.

- ⁷⁸ Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 104.
- ⁷⁹ Der Weltkrieg, Band VI, Berlin, 1925, S. 93.
- ⁸⁰ Moltke H. von. Betrachtungen und Erinnerungen. Hamburg, 1919, S. 11.
- ⁸¹ Groener W. Lebenserinnerungen. Göttingen, 1957, S.145.
- ⁸² Toynebee A.J. Nationality and the War. L., 1919, p.275.
- ⁸³ Meinecke F. Strassburg, Freiburg, Berlin 1901–1919; Erinnerungen Stuttgart, 1949, S. 198.
- ⁸⁴ Цит. по: Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p.103.
- ⁸⁵ Fischer F. War of Illusions, p.526.
- ⁸⁶ Stern F. Bethmann-Golweg und der Krieg: Die Grenzen der Verantwortung. Tübingen, 1968, S.27.
- ⁸⁷ Hilfgruber A. Deutschlands Rolle In der Forgeschichte der Erster Weltkrieg. Dusseldorf, 1970, S.35.
- ⁸⁸ Цит. по: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p.103.
- ⁸⁹ Цит. по: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p.104.
- ⁹⁰ Kruck W. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1894–1944. Wiesbaden, 1954, S. 71–77.
- ⁹¹ Basler W. Die Beziehungen zwischen der Regierung Bethmann-Hollweg und dem Monopolkapital in den Ersten Monaten des Weltkriegs. B., 1967, S.61.
- ⁹² Steymann D. Die Erben Bismarks. Parteien und Verbände in der Spatphase des Wilhelminischen Deutschlands, 1897–1918. Köln, 1970, S.449.
- ⁹³ Tirpitz A. Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926, S.69.
- ⁹⁴ Fischer F. Germany's Aims, p.133.
- ⁹⁵ Tirpitz A. von. Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926, S. 58.
- ⁹⁶ Der Weltkrieg, Band VI, Berlin, 1925, S. 95–96.
- ⁹⁷ A.Volkman. Die Annexionfrage des Weltkriege In «Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des deutschen Reichtages 1919–30». Series 4 Abt.II, Band 12. Berlin 1929, 8.36.
- ⁹⁸ Kohn H. The Mind of Germany. The Education of a Nation N.Y.,1960, p.313.
- ⁹⁹ Turner L. Origins of the First World War, London, 1978, p. 109.
- ¹⁰⁰ Nolde B. Russia in the Economic War. New Haven, 1928, p.41
- ¹⁰¹ См.: Charques R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958, p.216.
- ¹⁰² Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва, 1991, с. 283–4.

- 103 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с. 192
- 104 Falkenhayn E. von. The German General Staff and Its Decisions, 1914-1916. N.Y., 1920, p. 20-21.
- 105 Fisher F. Op. cit. p. 125.
- 106 Rohrbach P. Um des Teufels Handschrift. Hamburg, 1953, S. 18.
- 107 «The Edinbourg Review», July 1916, p. 27.
- 108 Nolde B. Russia in an Economic War. New Haven. 1928, p. 12.
- 109 Sweet P. Op. cit., p. 229.
- 110 Цит. по: Kohn S., Meyendorff. The Cost of War to Russia. New Haven, 1932, p. 157.
- 111 Там же, с. 159.
- 112 Там же, с. 210.
- 113 Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801-1917. N.Y., 1966, p. 381.
- 114 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 108.
- 115 Wallace D. Russia. London, 1912, p. 728.
- 116 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, Vol. I, p. 218.
- 117 Knox A. With the Russian Army 1914-1917. Vol. I, London, 1921, p. 219.
- 118 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Tom I, p. 231-232.
- 119 Lincoln B. L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 90.
- 120 Гиппиус З. Синяя книга: петербургский дневник, 1914-1918 гг. Белград, 1929, с. 14.
- 121 Knox A. With the Russian Army 1914-1917. Vol. I, London, 1921, p. 256
- 122 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 133.
- 123 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 132.
- 124 См.: Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801-1917. N.Y., 1966, p. 381-2.
- 125 Paleologue M. La Russie de Tsars pendant la Grande Guerre. Paris, 1921, том II, p. 11-12.
- 126 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1931, p. 291.
- 127 Hindenburg . Out of my Life. London, 1924, p. 137.
- 128 Hindenburg . Out of my Life. London, 1924, p. 137-138.
- 129 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 137-138.
- 130 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 138-129.
- 131 Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914-1917 гг.) Горлицкая операция. Москва, 1941, с. 13.

- 132 Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. London, 1921; vol. I, p. 282.
- 133 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 127.
- 134 Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975, p. 174–175.
- 135 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 167.
- 136 Блинов И.А. (ред.) Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем, «Красный архив», III, 1923, с. 63–65.
- 137 Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975, p. 217.
- 138 Lidell Hart B. The Real War. Boston, 1931, p. 177.
- 139 Lidell Hart B. The Real War. Boston, 1931, p. 175.
- 140 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 144.
- 141 Lidell Hart B. The Real War. Boston, 1931, p. 179.
- 142 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1931, p. 319.
- 143 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года.) «Архив русской революции», XVII, 1926, с.5–136.
- 144 Wildman A. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt, March–April 1917. Princeton, 1980, p. 92–94.
- 145 Pares B. The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence. N.Y., 1961, p.342.
- 146 Гиппиус Зинаида. Синяя книга: петербургский дневник, 1914–1918 гг. Белград, 1929, с. 30.
- 147 Кнох А. With the Russian Army, 1914–1917. London, 1921, vol. I, p. 309.
- 148 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года.) «Архив русской революции», XVII, 1926, с.37.
- 149 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 147.
- 150 Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924, с.112.
- 151 Falkenhayn E. General Headquarters 1914–1916 and Its Critical Decisions. London, 1919, p.104.
- 152 Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 гг. Москва, 1924, с.184.
- 153 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года.) «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 52.
- 154 Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975, p. 187.

- 155 Цит. по: Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1931, p. 329.
- 156 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 194.
- 157 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 176.
- 158 Paleologue M. *An Ambassador's Memoirs.* N.Y., 1925, p. 269–270.
- 159 Lidell Hart B. *The Real War.* Boston, 1931, p. 198.
- 160 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 216.
- 161 Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1926, с. 87.
- 162 Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительства, 1878–1917 гг. Серия 111. М., 1931–1938, т. X, с. 85, 169, 610.
- 163 МОВЭИ, т. VIII, часть 2, с. 343
- 164 Holzle E. *Deutschland und die Wegscheide des ersten Weltkrieg.* Wiesbaden, 1954, S. 272.
- 165 Tirpitz A. *Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg.* Hamburg, 1926, S. 69.
- 166 Tirpitz A. *von. Erinnerungen.* Berlin, 1927, S. 499.
- 167 Meyer K. *Theodor Schiemann als Publicist.* Frankfurt, 1956, S. 73.
- 168 Fisher F. *Op. cit.*, p. 280
- 169 Meyer K. *Theodor Schiemann als Publicist.* Frankfurt, 1956, S. 73.
- 170 Fischer F. *Germany's Aims in the First World War.* 1967, p. 278.
- 171 Toynbee A. *Nationality and the War.* L., 1919, p. 304.
- 172 Там же, с. 318–319.
- 173 Яхонтов А. Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года.) «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 55–60.
- 174 *Letters of the Tsar to the Tsaritsa*, p. 114; Lincoln B. Указ. соч., с. 160.
- 175 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923, vol. I, p. 238.
- 176 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N.Y., 1986, p. 161.
- 177 Брусиков А. А. Мои воспоминания. М., 1961, с. 180.
- 178 *Letters of the Tsar to the Tsaritsa*, p. 74.
- 179 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923, vol. I, p. 250.
- 180 Бубнов А. В царской ставке: воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955, с. 179–181.
- 181 Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925, таблица 9.
- 182 Лемке М. 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920, с. 142–149.

- 183 Gurko B. War and Revolution in Russia, 1914-1917. N.Y., 1919, p. 10-11.
- 184 Knox A. Op. cit., vol. I, p. 331.
- 185 Letters of the Tsar to the Tsaritsa, p. 315.
- 186 Knox A. Op. cit., v.I, p. 352.
- 187 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 177.
- 188 Цит. по: F.Fischer. Op.cit., p.198.
- 189 Там же, с. 202-203.
- 190 Fisher F. Germany's Aims in the First World War. 1967, p.152.
- 191 Fisher F. Germany's Aims in the First World War. 1967, p.152.
- 192 Graf van Hutten - Czapaki B. Sechzig Jahre Politik und Gesellschaft, S.11, S.145.
- 193 Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine. Munchen, 1936, S. 132
- 194 Fischer F. Op.cit., p.141.
- 195 Fischer F. Op. cit., p. 142.
- 196 Zeman A. Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. L., 1963, p.2.
- 197 Fischer F. Op. cit., p. 212.
- 198 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1931, p. 350.
- 199 Цит. по: Lidell Hart B. The Real War. Boston, 1931, p. 200.
- 200 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 63.
- 201 Falkenhayn B. The General Staff and its Critical Decisions. London, 1926, p.145-148.
- 202 Horne A. The Price of Glory, Verdun 1916. London, 1962, p. 36.
- 203 Палеолог М. Цит. пр. с. 196.
- 204 Палеолог М. Цит. пр. с. 22.
- 205 Conrad. Aus meiner Dienstzeit, Wien, 1922, S.368
- 206 Churchill W. The World Crisis, 1915. L., 1923, p.510.
- 207 Nolde B. Russia in an Economic War. New Haven. 1928, p.124-6.
- 208 Horne A. The Price of Glory, Verdun 1916. London, 1962, p. 147.
- 209 Liddel Hart B. The Real War, 1914-1918. Boston, 1930, p. 224.
- 210 Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1915 г. Сборник документов. Москва, 1950, с. 56-57.
- 211 Lincoln B. Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p.185.
- 212 Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. London, 1921, v. II, p. 410.
- 213 Denikin A. B. The Russian Turmoil. London, 1922, p. 19-21.
- 214 Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. London, 1921, v. II, p. 422.

- 215 Маниковский А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну. Том 1. Москва, 1930, с. 267–298.
- 216 Ludendorff E. My War Memoirs, 1914–1918. London, 1919, p. 171.
- 217 Hindenburg P. Out of My Life. N.Y., 1920, p. 149.
- 218 Lincoln B. Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 238.
- 219 Брусилов А.А. Мои воспоминания. Москва, 1963, с. 210.
- 220 Лейберов И.П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и февральской революции. Москва, 1979, с. 466.
- 221 Lincoln B. Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 189.
- 222 Милуков П.Н. Воспоминания, 1859–1917, т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 208.
- 223 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Paris, 1921, том II, p. 43.
- 224 Cherniavsky M. Prologue to Revolution: The Notes of A. N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. Englewood Cliffs, 1967, p. 16.
- 225 Letters of the Tsaritsa to the Tsar, p. 251–259.
- 226 Палеолог М. Цит. пр. с. 36.
- 227 Lincoln B. Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986, p. 211.
- 228 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, vol. II, p. 19.
- 229 Francis G. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 231
- 230 Палеолог М. Цит. пр. с. 49.
- 231 Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, с. 274
- 232 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 227.
- 233 Marye G. Nearing the End in Imperial Russia. Philadelphia, 1929, p. 461.
- 234 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 201
- 235 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 203.
- 236 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 210.
- 237 МОВЭИ, т. X, стр. 259.
- 238 Палеолог М. Цит. пр. с. 121.
- 239 Палеолог М. Цит. пр. с. 140
- 240 Zeman Z. Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. L., 1958, p. 92.
- 241 Палеолог М. Цит. пр. с. 142
- 242 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, Vol. II, p. 19.

- 243 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 238.
- 244 Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940, с. 56.
- 245 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 235.
- 246 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 247.
- 247 Letters of the Tsar to the Tsarina, p. 191-193.
- 248 Paleologue M. *La Russie des tsars*, tom II, p. 284.
- 249 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 243.
- 250 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918*. N.Y., 1986, p. 251.
- 251 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 368.
- 252 Gerard J. *My Four Years in Germany*. London, 1917, p. 293
- 253 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 19.
- 254 Fischer F. *Op. cit.* p. 244.
- 255 Knesbeck G. von dem. *Die Wahrheit über den Propagandafeldzug und Deutschlands Zusammenbruch*. Munich, 1927, S. 158.
- 256 Gibbs Ph. *Realities of War*. London, 1920, p. 47
- 257 Hanbury-Williams, Sir John. *Emperor Nicholas as I knew him*. London, 1922, p. 397.
- 258 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 28.
- 259 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 24.
- 260 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 31.
- 261 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 32.
- 262 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 23.
- 263 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 369.
- 264 Кнох А. *With the Russian Army 1914-1917*. V.2, London, 1920, p. 114
- 265 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 25.
- 266 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 159.
- 267 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с. 202.
- 268 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 27.
- 269 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с. 246.
- 270 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 28.
- 271 *Russian Public Finances during the War*. New Haven, 1928, p. 215-220.
- 272 *Russian Public Finances during the War*. New Haven, 1928, p. 322-326.

- 273 Florinsky M. T. *The End of the Russian Empire*. New Haven, p. 1931, p. 49.
- 274 Paleologue M. *La Russie des tsars*, tom III, p. 24.
- 275 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с.210.
- 276 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с.132–133.
- 277 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 31.
- 278 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 31.
- 279 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 34.
- 280 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 46.
- 281 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 49.
- 282 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с.307.
- 283 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 309.
- 284 Alexander, Grand Duke of Russia. *Once a Grand Duke*. N.Y., 1932, p. 283–284.
- 285 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 295.
- 286 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 303.
- 287 Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917*. London, 1977, p.137.
- 288 Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917*, Seattle, 1981, p. 183.
- 289 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 306.
- 290 Gooch G. *Recent Revelations of European Diplomacy*. London, 1928, p. 16–17.
- 291 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 306.
- 292 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 308.
- 293 Hoffmann M. *War Diaries and other papers*. Vol.2, London, 1929, p. 203.
- 294 Knox A. *With the Russian Army 1914–1917*. Vol.2. London, 1921, p.174.
- 295 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 320.
- 296 Buchanan G. *My Mission in Russia and other Diplomatic Memoirs*. London, 1923, Vol. 2, p. 42.
- 297 Buchanan G. *My Mission in Russia and other Diplomatic Memoirs*. London, 1923, Vol. 2, p. 46.
- 298 Ibid., p. 47.
- 299 Палеолог М. *Царская Россия накануне революции*. М., 1923, с.320.

- 300 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.325–326.
- 301 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.330.
- 302 Buchanan G. Op. cit., Vol. II, p. 55.
- 303 Buchanan G. Op. cit., p. Vol. II, p. 59.
- 304 Buchanan G. Op. cit., p. Vol. II, p.61.
- 305 Letters of the Tsar to the Tsarina, p. 315
- 306 Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Ленинград, 1927, с. 74.
- 307 Churchill W. The Unknown War. N.Y., 1931, p.375.
- 308 Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917, Seattle, 1981, p. 275.
- 309 Щеголев П.Е. (ред). Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы. Ленинград, 1927, с. 205.
- 310 Churchill W. The Unknown War. N.Y., 1931, p.374–375.
- 311 Buchanan G. Op. cit., Vol. II, p.63.
- 312 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.344.
- 313 Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca, 1996, p. 246.
- 314 Kerensky A. The Catastrophe. N.Y., 1927, p. 70.
- 315 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.364–366.
- 316 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 252
- 317 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.367.
- 318 Миллюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921, т.1, с. 42.
- 319 Станкевич В.Б. Воспоминания 1914–1917. Берлин, 1920, с. 92–93.
- 320 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с.422.
- 321 Knox A. With the Russian Army 1914–1917. Vol.2. London, 1921, p. 211
- 322 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, tom III, Paris, 1921, p. 249
- 323 Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca, 1996, p. 251.
- 324 Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II As I Knew Him. London, 1922, p. 9.
- 325 Buchanan G. Op. cit., Vol. II, p. 77.
- 326 Buchanan G. Op. cit., Vol. II, p. 76.
- 327 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. N.Y., 1984, p. 130.

- 328 там же.
- 329 Цит по: Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N.Y., 1986, p. 368.
- 330 Summers A. and Mongold T. *The File on the Tsar.* N.Y., 1976, p. 244–246; Nicolson H. *King George the Fifth.* N.Y., 1953, p. 299.
- 331 Lloyd George D. *War Memoirs*, V.1, p. 971–972.
- 332 Buchanan G. *Op. cit.*, Vol. II, p. 103.
- 333 Lloyd Gardner C. *Safe for Democracy. The Anglo-American Responce to Revolution, 1913–1923.* N.Y., 1984, p. 132.
- 334 Buchanan G. *Op. cit.*, Vol. II, p. 106.
- 335 Деникин А. И. Очерки русской смуты. (Цит по: «Октябрь», 1990, № 10, с. 80),
- 336 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*, tom III, Paris, 1921, p. 271
- 337 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923, p. 109.
- 338 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917–1920. Russia Leaves the War.* Princeton, 1956, p. 12–13.
- 339 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917–1920. Russia Leaves the War.* Princeton, 1956, p. 13 (note).
- 340 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917–1920. Russia Leaves the War.* Princeton, 1956, p. 19.
- 341 Francis D. *Russia from the American Embassy.* N.Y., 1921, p. 244
- 342 Francis D. *Op. cit.*, p. 88.
- 343 *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1917, Supplement I, The World War (1931)*, p. 200.
- 344 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*, tom III, Paris, 1921, p. 252
- 345 Палеолог М. *Царская Россия накануне революции.* М., 1923, с. 370.
- 346 Палеолог М. *Царская Россия накануне революции.* М., 1923, с. 388.
- 347 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923, p. 98.
- 348 Ллойд Джордж Д. *Военные мемуары.* Том 4, М., 1935, с. 111.
- 349 *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia*, vol. I. Washington, 1931, p. 6.
- 350 *FRUS, Russia, 1918*, v.I, p. 5–6.
- 351 Lloyd Gardner C. *Op. cit.*, p. 134.
- 352 Hansard, 91 H. C. *Debates*, 5th ser., cols 1472–3, 1538.
- 353 Бьюкенен Дж. *Мемуары дипломата*, с. 169.
- 354 Палеолог М. *Царская Россия накануне революции.* М., 1923, с. 394.
- 355 Gilbert M. *The First World War.* London, 1994, p. 318–319.

- 356 Francis D. Op. cit., p.100.
- 357 FRUS, 1918, Russia, v.I, p. 7.
- 358 Цит. по: Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967,, p. 366 .
- 359 Scheidemann H.. Memoiren eines Sozialdemokraten. Band I. Berlin, 1928. S.427.
- 360 Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 367.
- 361 Bettmann-Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkrieg, S. 61.
- 362 Fischer F. War Aims... p. 372.
- 363 Mayer A.J. Political origins of the New Diplomacy. New Haven, 1959, p. 316-7.
- 364 Feldman G. Army, Industry and Labour, 1914-1918. Princeton, 1966, p. 404.
- 365 Fischer F. War Aims... p. 372.
- 366 Fischer F. Op. cit. P. 383.
- 367 Liddel Hart. The Real War. London, 1930, p. 304.
- 368 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.. 1923, с.399.
- 369 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 114.
- 370 Francis D. Op. cit., p.105
- 371 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.. 1923, с. 403.
- 372 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 114.
- 373 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 116.
- 374 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 151.
- 375 Суханов, Записки, т.2, с. 288-291.
- 376 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 162-163.
- 377 Милюков П. Н. Воспоминания, том 2, с. 196-8.
- 378 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.. 1923, с. 464.
- 379 Charques R. The Twilight of Imperial Russia. London, 1958, p. 8.
- 380 Kennan G. Russia and the West. Boston, 1960, p. 17.
- 381 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 117.
- 382 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.. 1923, с. 462.
- 383 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 110-111.
- 384 Там же, с. 111.

- 385 Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1992, с.316 .
- 386 Bratianu G. Memoirs. London, 1923, p. 341
- 387 «New York Times», May 15, 1917.
- 388 См.: Williams W. American-Russian Relations: 1781-1947. N.Y., 1952, p.87.
- 389 FRUS, 1918, Russia, W., 1931 Vol. 1, p. 147-8.
- 390 FRUS, 1918, Russia, W., 1931, Vol. 1, p. 122.
- 391 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p.33.
- 392 Kennan G. Op. cit., v. I, p. 23.
- 393 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 47.
- 394 Warth R. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p.102.
- 395 Gray R. Chronicle of the First World War. Vol. 2, Oxford, 1991, p. 38.
- 396 Gilbert M. The First World War. London, 1994, p. 325.
- 397 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 430.
- 398 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 137.
- 399 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 71-73.
- 400 Francis D. Op. cit., N.Y., 1921, p. 273
- 401 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 128.
- 402 Kerensky A.F. Catastrophe. N.Y., 1927, p. 432
- 403 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112
- 404 Wheeler-Bennett J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 45.
- 405 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 462.
- 406 Buchanan G. Op. cit., p. 139.
- 407 Hoffmann M. War Diaries and other papers. Vol.2, London, 1929, p. 249
- 408 Knox A. With the Russian Army 1914-1917. Vol.2. London, 1921, p. 278
- 409 Fischer F. Op. cit., p. 444.
- 410 Там же, с. 457.
- 411 Klemas P. Werdegang des lituanischen Staates von 1915 bis zur Bildung der provisorischen Regierung in November 1918; Berlin, 1919 (Doc. N XIII).
- 412 P.Klimas: Op. cit., Doc. N XVII, XVIII.
- 413 «Русский инвалид», 5 мая 1917 г.
- 414 Рахметов В. Апрельские дни 1917 года в Петрограде («Красный Архив», 1929, № 33, с. 34-81.)

- 415 Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1, София, 1921, с. 108–109.
- 416 USA, Department of State, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918/1919, vol. I, p. 146.
- 417 Архив полковника Хауза, т. 3. М., 1939, с. 99–100.
- 418 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo – American Responce to Revolution, 1913–1923. N.Y., 1984, p. 358.
- 419 Цит. по: Lloyd Gardner C, Op, cit., p. 139.
- 420 Цит. по: Wade R. Russian Search for Peace. Stanford, 1980, p. 106–107.
- 421 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 162.
- 422 Farmborough F. Nurse at the Russian Front. London, 1977, p. 269–270.
- 423 «Journal», 12/25 mai 1917.
- 424 Kerensky A.F. The Catastrophe. N.Y., N.Y., 1927, p.216.
- 425 Kerensky A. F. Catastrophe, p. 262–267.
- 426 Hoffmann M. War diaries and other papers. London, 1929, Vol. 2, p. 316
- 427 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p.242.
- 428 Bihl W. Osterreich-Ungarn und die Friedensschlusse von Brest-Litovsk. Wien, 1970, S. 12.
- 429 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p.243.
- 430 Erzberger M. Erlebnisse im Weltkriege. Stuttgart, 1920, p.251.
- 431 Jarausch K. The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg und the Hubris of Imperial Germany. New Haven, 1973, -p. 223.
- 432 Kerensky A. F. Russia and History's Turning Point. London, 1966, p.432–433.
- 433 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 340.
- 434 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 336.
- 435 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 335.
- 436 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 337.
- 437 Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 147.
- 438 Kerensky A.F. The Catastrophe. N.Y., N.Y., 1927, p.208
- 439 Там же, с. 207.
- 440 Hoffmann M. War diaries and other papers. London, 1929, Vol. 2, p. 328
- 441 Stone N. The Eastern Front. London, 1975, p. 272.
- 442 Kennan G. Russia and the West. Boston, 1960, p. 17.
- 443 Browder R., Kerensky A.F. (eds). The Russian Provisional Government of 1917: Documents. Vol. II, Stanford 1961, p.989–1010.

- 444 Knox A. With the Russian Army 1914-1917. London, vol. II, p. 669.
- 445 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo - American Responce to Revolution, 1913-1923. N.Y., 1984, p. 370
- 446 Prince Max von Baden. Erinnerungen und Documente. Stuttgart, 1927, S. 114.
- 447 Bethmann Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkrieg. Band II, Berlin, 1921, S. 232-235.
- 448 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 348.
- 449 Graubard S. British Labour and the Russian Revolution. Cambridge, 1956, p. 26-30.
- 450 Lloyd George D. War Memoirs. L., 1935, Vol. II, p. 1130-1135.
- 451 Buchanan G. My mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. Vol.2, London, 1923, p.373
- 452 Ibid., p.380
- 453 Maugham S. The Summing Up. 1938, p. 202-205.
- 454 Knox A. With the Russian Army, vol. II, p. 676-7.
- 455 Alexinsky G. Du tsarisme au communisme. Paris, 1923, p. 50-51.
- 456 Архив полковника Хауза. М., 1940, т. 3, с. 214
- 457 FRUS, 1917, Supplement 2, v.1, p. 144-146
- 458 Lansing R. War Memoirs of Robert Lansing, Secretary of State. Indianapolis, 1935, p. 337.
- 459 Там же, с. 337.
- 460 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p.258.
- 461 Бьюкенен Дж. Цит. пр., с. 245.
- 462 Гиппиус З. Синяя книга: Петербургский дневник 1914-1918, Белград, 1929, с. 219.
- 463 Poincare R. Au service de la France. Tom 9, Paris, 1930, p.345.
- 464 Browder R., Kerensky A.F. (eds). The Russian Provisional Government of 1917: Documents. Vol: III, Stanford 1961, p. 1573.
- 465 Бочкарева, Яшка, с. 219-222.
- 466 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 254-5.
- 467 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921, Princeton, 1961, V. I, p. 11-12.
- 468 Buchanan G. My mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. Vol.2, London, 1923, p.194-196.
- 469 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 297.
- 470 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 298.
- 471 Buchanan G. Mission, vol. II, p. 194-196.
- 472 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p.308.

- 473 Sokolov B.T. *The White Nights: Pages from a Russian Doctor's Notebook*. N.Y., 1956, p. 97, 166.
- 474 Верховский А. И. *Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914–1918 г.* М., 1959, с. 124.
- 475 Chernin O. *Im Weltkrieg*. Berlin. 1919, p. 296–299.
- 476 Цит. по: Michon G. *The Franco – Russian Alliance*. London, 1969, p. 317.
- 477 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 222–3.
- 478 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 284–5.
- 479 Woodward D. *The Collapse of Power*. London., 1973, p. 12.
- 480 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 363.
- 481 Fischer F. *German Aims...* P. 435.
- 482 Hoffmann M. *War diaries and other papers*. London, 1929, Vol. 2, p. 388
- 483 Ullman R. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. Princeton, 1961, V. I, p. 15.
- 484 Williams W. *American-Russian Relations, 1781–1947*, N.Y., 1952, p. 102.
- 485 Williams W. *American-Russian Relations, 1781–1947*, N.Y., 1952, p. 103.
- 486 FRUS, Russia, 1918, v. II, p. 26–27.
- 487 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 164.
- 488 Buchanan G. *My mission to Russia and other Diplomatic Memoirs*. Vol.2, London, 1923, p.394
- 489 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 261.
- 490 Recouly A. *The Russian Revolution (lecture)*. Williamston, 1922, p. 3.
- 491 Knox A. *With the Russian Army 1914 –1917*. London, 1921, vol. 2, p. 303
- 492 Ibidem
- 493 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 373.
- 494 Ibidem
- 495 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 178.
- 496 Baker R. *Woorow Wilson, Life and Letters*, v. VII, N.Y., 1939, p. 342.
- 497 Kennan G. *Russia leaves the War*. Princeton, 1956, p. 10.
- 498 Buchanan M. *Petrograd, The City of Trouble, 1914–1918*. London, 1918, p. 214
- 499 Abraham R. *Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p.321.
- 500 Churchill W. *The World Crisis*. Vol. I, N.Y., p. 227–8.
- 501 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 184–185.

- 502 Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia, Vol. I, p. 239.
- 503 Ibid., p. 241.
- 504 Цит. по: Kennan G. Russia Leaves the War. p.94
- 505 Reed J. Ten Days that Shook the World. N.Y., 1919, p. 52.
- 506 Lederer I. (ed) Russian Foreign Policy. New Haven, 1962, p. 597.
- 507 Francis D. Op. cit., p. 193.
- 508 Fischer F. Op. cit., p. 477.
- 509 Poincare R. Au service de la France. Tom 9. Paris, 1932, p. 277-396.
- 510 Pershing J. My Experiences in the World War, v. 1. N.Y., 1931, p. 237-238.
- 511 Бьюкенен Дж. Цит. пр., с. 274.
- 512 Baker R. (ed) Woodrow Wilson, Life and Letters. N.Y., 1939, vol. VII, p. 350.
- 513 G. Buchanan. My mission to Russia and other Diplomatic Missions. Boston, 1923, v.II, p.223
- 514 Degras J. (ed). Soviet Documents on Foreign Policy. L., v.I, p.6-7
- 515 Там же, с. 108
- 516 Clemenceau G. Grandeur and Misery of Victory. London, p. 1930, p. 421
- 517 Watson D. Georges Clemenceau. Plymouth, 1974, p. 315.
- 518 Archives de Senay. Commission des Affaires etrangeres, Audition des ministres. 12 novembre 1917.
- 519 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 378.
- 520 Zeman Z. Op. cit., p. 99.
- 521 Там же, с. 82.
- 522 Zeman Z. Germany and Russian Revolution, p. 79-80.
- 523 Zeman Z. (ed). Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. London, 1958, p. 76-77.
- 524 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 378.
- 525 Zeman Z. (ed.) Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Documents from the archives of the German Foreign Ministry. London, 1958, p. 94.
- 526 Z. Zeman. (ed.) Op.cit.p. 111.
- 527 Z. Zeman. (eds). Op.cit., p. 111.
- 528 Там же, с. 115.
- 529 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 388-389.
- 530 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914-1918. Ленинград, 1929, с. 139-140.
- 531 Hoffmann M. War Diaries and other Papers. London, 1929, v.2, p. 302
- 532 Бьюкенен Дж. Воспоминания дипломатаю М., 1923, с. 279
- 533 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914-1918. Ленинград, 1929, с. 231

- 534 Там же, с. 234
- 535 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p.242.
- 536 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 5-207.
- 537 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p.245.
- 538 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 15-16.
- 539 Hoffmann M. The War of Lost Opportunities. N.Y., 1925, p.198.
- 540 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p.490.
- 541 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p.246.
- 542 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 244.
- 543 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 390.
- 544 Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. Berlin, 1929, B. 2, S. 192.
- 545 Hoffmann M. War Diaries and other Papers. London, 1929, v.2, p. 316
- 546 Kuhlman. Erinnerungen, Koln, 1948, S. 506
- 547 Мстиславский Б. Брестские переговоры — из моего дневника. Петроград, 1918, с. 1.
- 548 Bunyan J. and Fisher H. The Bolshevik Revolution, 1917-1918: Documents and Materials. Stanford, 1934, p. 477-478.
- 549 Hoffmann M. The War of Lost Opportunities. N.Y., 1925, p.209.
- 550 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 118-130.
- 551 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 68-69.
- 552 Ludendorff E. Ludendorff's Own Story, August 1914-November 1918. V.II. p.167-168.
- 553 Wheeler - Bennett J. Brest-Litowsk, the Forgotten Peace. London, 1938, p. 92.
- 554 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p.491-492.
- 555 Kuhlman. Erinnerungen, Koln, 1948, S. 523.
- 556 Fischer F. German Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 390
- 557 Lowe C. and Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1914-1922. Vol. 3, Boston, 1972, p. 664-669.
- 558 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914-1918. Ленинград, 1929, с. 237

- 559 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 87.
- 560 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, *The Forgotten Peace*, March 1918. London, 1938, p. 152.
- 561 Там же.
- 562 Hoffmann M. *War Diaries and other Papers*. London, 1929, v.2, p. 324
- 563 Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine, 1918. *Jahrbucher für Geschichte Osteuropa*, 1956, Beifuft. 2, S. 20–29.
- 564 Ludendorf E. *The General Staff and Its Problems*. N.Y., 1925, v.II, p. 524.
- 565 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 167.
- 566 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 390.
- 567 Buchanan G. *Ambassador to Moscow and other Diplomatic Missions*. London, 1923, v.2, p.414
- 568 Buchanan G. *Ambassador to Moscow and other Diplomatic Missions*. London; 1923, v.2, p.412
- 569 Lowe C. and Dockrill M. *The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1914–1922*. Vol. 3, Boston, 1972, p. 673
- 570 Ullman R. *Anglo – Soviet Relations*, V. I, p. 47–48
- 571 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 153–155.
- 572 FRUS, 1918, Russia, vol. III, p. 234–5.
- 573 Lloyd Gardner C. *Op. cit.*, p. 152.
- 574 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 157.
- 575 Ullman R. *Anglo – Soviet Relations*, V. I, p. 49–51
- 576 Lloyd George D. *War Memoirs*, v. II, p. 1543.
- 577 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 154.
- 578 G. Kennan. *Soviet-American Relations, 1917–1920*. V. I.I, Princeton, 1956, p. 48.
- 579 Бьюкенен Дж. Цит. пр. т. 2, с. 244
- 580 Baker R. *Woodro Wilson*, v. VII; p. 117
- 581 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 152.
- 582 Fischer F. *German Aims*, p.492.
- 583 Ludendorf E. *Ludendorff's Own Story, August 1914–November 1918*. V.II. p.165.
- 584 Fischer F. *Op. cit.*, p. 610.
- 585 Hindenburg P. *fon. Aus meinen Leben*. Leipzig, 1920, S. 298.
- 586 H. Delbruck. *Krieg und Politik*. Band 2, Berlin, 1918, S. 187.
- 587 Меморандум Филиппса цит. по: Mayer. *Politics and Diplomacy* p. 33–34.
- 588 FRUS, *Peace Conference*, 1919, v. I, p. 275–276.
- 589 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 152.
- 590 Lloyd Gardner C. *Op. cit.* p. 154–155.
- 591 Ullman R. *Anglo – Soviet Relations*, v. I, p. 43–44.

- 592 Lloyd Gardner C. Op. cit. p. 155.
- 593 Lansing R. The War Memoirs of Robert Lansing N.Y., 1935, p. 349.
- 594 Архив полковника Хауза, т.3, М., 1939, с. 12.
- 595 Архив полковника Хауза. М., 1944, т.3. с. 231.
- 596 Wilson W. War and Peace. Presidential Messages, Addresses, and Public Papers (1917-1924) Ed. by R. Baker and W. Dodd; v. 1, N.Y., 1970, p. 159-161.
- 597 Wilson W. War and Peace, v. 1, p. 161.
- 598 Ibid., p. 158.
- 599 Ibid., p. 159.
- 600 Ibid., p. 160.
- 601 Ibid., p. 163.
- 602 Ibid., p. 154.
- 603 Ibid., p. 165.
- 604 Williams W. Some Presidents. From Wilson to Nixon. N.Y., 1972, p. 31.
- 605 Sisson. One Hundred Red Days, p. 208-209.
- 606 Ullman R. Anglo - Soviet Relations, v. 1, p. 54.
- 607 См. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 50.
- 608 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 291.
- 609 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 395.
- 610 Ibid., p. 500.
- 611 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 237.
- 612 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 206-207.
- 613 Там же.
- 614 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914-1920, vol. 2. W., 1940, p. 327.
- 615 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 395.
- 616 Цит. по: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. 5, М., 1938, с. 42.
- 617 Fischer F. German Aims, p.496.
- 618 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 186 (Februar 17, 1918).
- 619 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 187 (Februar 22, 1918).
- 620 Цит. по: Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 237.
- 621 Ludendorf E. The General Staff and Its Problems. N.Y., 1925, v.II, p. 550.
- 622 Цит. по: Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 243-244.
- 623 Sisson E. One Hundred Red Days. New Haven, 1931, p. 326.

- 624 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 187 (Februar 22, 1918).
- 625 Lockhart R. British Agent. Garden City, 1933, p.247.
- 626 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 306
- 627 Чубарьян А.О. Брестский мир. Москва, 1964, с. 135.
- 628 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.2, Берлин, 1930, с.109.28
- 629 Ленин В.И. Главная задача насущного дня.
- 630 Ленин В.И. Политический доклад Центрального комитета
чрезвычайному седьмому съезду РКП (б), с. 102–108.
- 631 Fischer F. Op. cit., p. 507.
- 632 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 398.
- 633 Mehnert G. Evangelische Kirchenpolitik 1917–1919. Dusseldorf,
1959, S. 64.
- 634 Fischer F. Op. cit., p. 509.
- 635 Wheeler – Bennett J. Brest-Litowsk, the Forgotten Peace. L.,
1938, p.326.
- 636 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 396.
- 637 Fischer F. Op. cit., p. 510.
- 638 Schybergson F. Politische Geschichte Finlands, 1909–1914. Gotha
– Stuttgart, 1925, S. 456.
- 639 Fischer F. Op. cit., p. 514.
- 640 Baker R. Woodrow Wilson, Life and Letters, v. VII, N.Y., 1939,
p. 206.
- 641 Francis F. Russia from American Embassy. N.Y., 1923, p. 236.
- 642 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 164.
- 643 Woodward D. The British Government and Japanese Intervention
in Russia During World War I («Journal of Modern History».
December 1964, p. 663–685.)
- 644 Kettle M. The Allies and the Russian Collapse, 1917–1918.
Minneapolis, 1981, p. 218–219.
- 645 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 351.
- 646 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 165.
- 647 Кайзер написал на полях против этого абзаца: «Всеобщая
черта социалистических государств будущего».
- 648 Seman S. (ed.) Op. cit., p. 121
- 649 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 166.
- 650 Kennan G. Soviet – American Relations. Vol. 1, Russia Leaves
the War. Princeton, 1956, p. 510–511.
- 651 J. Spargo. Russia as an American Problem. N.Y., 1921, p.233.
- 652 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 168.
- 653 Ibidem
- 654 Ibid., p. 169.
- 655 Fowler W. British – American Relations, 1917–1918: The Role
of Sir William Wiseman. Princeton, 1969, p. 170–171.
- 656 Groener. Lebenserinnerungen. Gottingen, 1957, S. 395.

- 657 F.Fischer. Op. cit., p. 539
- 658 Groener. Op. cit., S. 399
- 659 F.Fischer. Op. cit., p. 537
- 660 F.Fischer. Op. cit., p. 538
- 661 FRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 394-395.
- 662 FRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 395-396.
- 663 Архив полковника Хауза. М., 1944, т. 3, с. 12
- 664 Документы внешней политики СССР, т.1, М. 1959, с. 209
- 665 FRUS, 1918, Russia, v. 2. p. 359.
- 666 FRUS, 1918, Russia, v. 2. p. 67-68.
- 667 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 175.
- 668 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 172.
- 669 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 403.
- 670 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 406.
- 671 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 407.
- 672 Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. т.5, с 263
- 673 Marquess of Reading. Rufus Isaacs, First Marquess of Reading
London, v.2, p. 117
- 674 May A. The Passing of the Habsburg Monarchy. N.Y., 1966, v.
2, p. 798.
- 675 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 410.
- 676 Brittain V. Testament of Friendship, The Story of Winifred
Holby. London, 1940, p. 329
- 677 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 414.
- 678 Antonelli A. Bolshevik Russia. N.Y., 1920, p. 178.
- 679 См. Lederer I. (ed.) Russian Foreign. Policy. New Haven, 1962.
p. 81-82.
- 680 Churchill W. The World Crisis. Vol.V, London, 1931, p. 241
- 681 Троцкий Л.Д.. Моя жизнь. Берлин, 1930, стр. 82.
- 682 Ullman R. Anglo - Soviet Relations, v. 1, p. 132- 133.
- 683 Buchanan G. Diplomatic Mission in Moscow and other places
London, v.2, 1923, p. 321
- 684 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 412.
- 685 Francis F. Russia from the American Embassy. N.Y., 1923, p
208-299.
- 686 Francis F. Russia from the American Embassy. N.Y., 1923, p. 303
- 687 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 420.
- 688 Viertel jahreshefte für Zeitgeschichte, 1955, N 1, S. 67.
- 689 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 124-5.
- 690 Там же, с. 127.
- 691 Там же, с. 127.
- 692 Там же, с. 128-9.
- 693 Там же, с. 130-131.
- 694 Там же.

- 695 Stockdale M.K. *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918*. Ithaca, 1996, p.267.
- 696 Pershing J. *My Experiences in the World War*. N.Y., v.II, p. 201
- 697 Clemenceau G. *Grandeur and Misery of Victory*. London, 1930, p. 416
- 698 Clemenceau G. *Grandeur and Misery of Victory*. London, 1930, p. 420
- 699 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 430.
- 700 Zeman Z. (ed.). *Op. cit.*, p. 134.
- 701 Fischer F. *Op. cit.*, p. 544.
- 702 Fischer F. *Op. cit.*, p. 556
- 703 Groener W. *Lebenserinnerungen*. Gottingen, 1957, S. 402
- 704 Fischer F. *Op. cit.*, p. 552.
- 705 Levin J. *Wilson and World Politics*, p. 99
- 706 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 360.
- 707 Lloyd Gardner C. *Op. cit.*, p. 182-184.
- 708 Ullman R. *Op. cit.* p. 323
- 709 Lloyd Gardner. *Op. cit.*, p. 187.
- 710 Lockhart B. *British Agent*. N.Y., 1933, p. 274
- 711 Там же, с. 276
- 712 Lloyd Gardner. *Op. cit.*, p. 185.
- 713 Архив полковника Хауза. М., 1939, т.4, с.47
- 714 Lloyd Gardner. *Op. cit.*, p. 186.
- 715 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 384
- 716 Baker R. *Woodrow Wilson. Documents and Letters*, v. VII, p. 154
- 717 March P. *The Nation at War*. N.Y., 1932, p. 126.
- 718 Kennan G. *Soviet-American Relations*. Vol. 2, *The Decision to Intervene*. N.Y., 1967, p. 404.
- 719 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 265
- 720 Kuhlmann R. *Erinnerungen*. Heidelberg, 1948, S. 572.
- 721 Fischer F. *Op. cit.*, p. 568.
- 722 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 262
- 723 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 265-6
- 724 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 264
- 725 Baker R. *Woodrow Wilson. Documents and Letters*, v. VII, p. 306
- 726 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 266
- 727 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 264
- 728 Lloyd Gardner. *Op. cit.*, p. 189.
- 729 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 378-379.
- 730 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 443.
- 731 Janssen K. *Der Wechsel in der OHL 1916. Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 1959, S. 366.
- 732 Helfferich K. *Der Weltkrieg*. Band III, Berlin, 1919, S. 216

- 733 Gatzke. *Op. cit.*, p. 77-8.
- 734 Stresemann G. *Vermachtnis*. Berlin, 1932, Band II, S. 112
- 735 Fischer F. *Op. cit.*, p. 572.
- 736 Fischer F. *Op. cit.*, p. 571.
- 737 Gatzke H. *Germany's Drive to the West*. Baltimore, S. 71.
- 738 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 444.
- 739 Ludendorf E. *My War Memories 1914-1918*. Vol. II, London, 1929, p. 273
- 740 «New York Times», September 16, 1919.
- 741 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 278
- 742 Francis F. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1923, p. 279
- 743 Bailey Th. *America Faces Russia*. Ithaca, 1950, p. 467
- 744 Fowler W. *British-American Relations 1917-1918*. London, 1954, p. 177.
- 745 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 450.
- 746 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 452.
- 747 Fischer F. *Op. cit.*, p. 625
- 748 Fischer F. *Op. cit.*, p. 634.
- 749 Hoffmann M. *War Diaries and other papers*. London, 1929, v. II, p. 302..
- 750 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 455.
- 751 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 461.
- 752 Smythe D. *Pershing: General of the Armies*. Bloomington, 1986, p. 195.
- 753 Hindenburg P. *War Memoirs*, London, 1923, p. 326
- 754 Baden, prince Max fon. *Erinnerungen und Documente*. Stuttgart, 1927, S. 339
- 755 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 471.
- 756 Wheeler-Bennett. *Hindenburg, The Wooden Titan*. London, 1936, p. 168.
- 757 Baden, prince Max fon. *Erinnerungen und Documente*. Stuttgart, 1927, S. 334
- 758 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 478.
- 759 Craig G. *Germany 1866-1945*. N.Y., 1978, p. 395.
- 760 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 485.
- 761 Tirpitz A. *My Memoirs*. Vol. II. London, 1920, p. 441
- 762 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 490.
- 763 Mayer A. *Politics and diplomacy of peacemaking*. N.Y., 1967, p. 245-6.
- 764 *Documente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Band II, S.-361.
- 765 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 503.

⁷⁶⁶ См. O.Hoetsch. Russland. Berlin, 1912, S.212

⁷⁶⁷ Yugov A. Economic Trends in Soviet Russia. L., 1930. Ch.11.

⁷⁶⁸ Seton-Watson H. The Russian Empire. Oxford, 1967, p. 730-731.

⁷⁶⁹ Соловьев С М Собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1910. Т.8, стр 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Начальный период войны.....	12
Глава вторая	
Несчастный год России	121
Глава третья	
Ожесточение войны. 1916 год	203
Глава четвертая	
Февраль и союзники	278
Глава пятая	
Октябрьская Революция	361
Глава шестая	
Брестский мир	436
Глава седьмая	
Поражение Германии	526
Эпилог	602
Библиография	611

Уткин А. И.

**ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ.
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Ответственный редактор *А. А. Жеребилов*
Технический редактор *Е. В. Михалкина*

**Издательство «Русич»:
«Книга-почтой»**

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7,
тел.: (08122) 9-15-96

Каталог высылается бесплатно

Сдано в набор 17.02.2000. Подписано в печать 15.03.2000 г.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Тираж 15000 экз. Объем 20 п. л.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Печать высокая. Заказ № 3118.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР №040432
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП Ордена
«Знак Почета» Смоленской областной типографии
им. В. И. Смирнова
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2
Тел. 3-46-05, 3-46-20, 3-01-60

Обращаясь к своему штабу, Самсонов горестно сказал: «Император верил мне. Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?» Ещё три дня назад в его руках была четверть миллиона элитных войск России. Жестоко страдая от астмы, посерев от несчастья, генерал отошел от семерых сопровождавших его офицеров и застрелился в лесу. Группа немцев нашла в чаще седовласого генерала с простреленной головой и револьвером в руке.

ISBN 5-8138-0136-7

9 785813 801365

интернет-магазин

OZON.ru

26656583